

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Jewish
Cultural Reconstruction

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

4229

Издаваемый А. Е. Ландау

Апрѣль. — Книга четвертая.

77 53 1881

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау, Площ. Больш. Театра, д. № 2—32.
1881.

Δ
KF 458 ($\frac{1581}{4-6}$)

60 + 2

**Bibliothek zur Erforschung
der Judenfrage
Frankfurt a. M.**

Р. ІЕГУДА ГАЛЕВИ.

Читано 21-го марта 1881 г. въ помѣщеніи временной синагоги въ Петербургѣ.

Мм. Гг.

На громадномъ пространствѣ, пройденномъ нашими предками въ древніе и средніе вѣка, со времени потери еврейскимъ народомъ своей политической самостоятельности, весьма мало свѣтлыхъ пунктовъ, на которыхъ глаза наблюдателя и вниманіе историка останавливаются съ душевнымъ наслажденіемъ. Во время своего скитальческаго шествія чрезъ необозримо-длинный рядъ земель, государствъ и столѣтій, народу-страннику представлялись весьма немногія гостеприимныя станціи, гдѣ онъ могъ забыть на болѣе или менѣе продолжительное время про свою вѣчно-жгучую скорбь въ качествѣ неприютнаго изгнанника или непростеннаго гостя. Но въ тѣ рѣдкіе моменты, когда евреямъ давали возможность считать свое мѣстожителство отечествомъ и его обладателей согражданами, они обыкновенно выказывали на дѣлѣ участіе въ общемъ ходѣ государственной жизни и выставляли цѣлую фалангу полезныхъ дѣятелей по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній и множество свѣтлыхъ личностей, возбуждающихъ удивленіе позднѣйшаго потомства своимъ идеальнымъ совершенствомъ и высоко-нравственною законченностью. Объ одной такой свѣтлой личности я хочу повести сегодня рѣчь, а именно объ извѣстномъ поэтѣ и мыслителѣ Р. Іегудѣ Галеви, жившемъ въ концѣ XI и первой половинѣ XII столѣтія.

Приступая къ изложенію литературной дѣятельности величайшаго еврейскаго поэта въ Испаніи, считаю нужнымъ бросить предварительно взглядъ на исторію нашихъ единовѣрцевъ въ этой странѣ:

„Willst den Dichter du verstehen,
Musst in Dichter's Lande gehen!“

Ни въ какой европейской странѣ судьбы евреевъ не были такъ сплетены и плотно связаны съ историческими судьбами родины какъ на Пиренейскомъ полуостровѣ до конца XV столѣтія. О времени поселенія евреевъ въ Испаніи уже весьма рано были распространены болѣе или менѣе легендарныя сказанія. Такъ одинъ испанскій ученый, по имени Тома (Thomas), рассказалъ королю Альфонсо Кастильскому (въ XI столѣтіи), что когда Навуходоносоръ, царь вавилонскій, пошелъ войною на Іерусалимъ, то къ нему пришли въ помощь многіе другіе сильные цари, во главѣ которыхъ стоялъ царь *Гиспанусъ*, отъ котораго Испанія получила свое названіе, вмѣстѣ съ своимъ зятемъ Пиррономъ. По завоеваніи же столицы іудейскаго царства, при раздѣленіи плѣнныхъ жителей ея между завоевателями, на долю Гиспануса и Пиррона попались жители того іерусалимскаго квартала, гдѣ проживали потомки царя Давида и благородные священники, и всѣ они были посажены на корабли и отвезены въ Андалузію и расселены по городамъ Толедо, Севильѣ и Гранадѣ. При вторичномъ же разрушеніи Іерусалима Титомъ, римляне, какъ гласитъ то же сказаніе, отправили въ Испанію 40,000 плѣнныхъ изъ колѣна Іудина и 10,000 изъ колѣна Веніамина и священническаго сословія, причемъ большинство послѣднихъ удалилось во Францію, такъ что почти всѣ испанскіе евреи происходятъ изъ царскаго дома, и во всякомъ случаѣ изъ колѣна Іудина. Такія же сказанія были распространены между испанскими арабами и евреями, а впоследствии, когда поэзія и краснорѣчіе получили между послѣдними такое широкое развитіе и достигли такой высокой степени, нѣкоторые писатели объясняли это отличіе испанскихъ евреевъ благороднымъ ихъ происхожденіемъ.

Если съ туманныхъ сказочныхъ вышинъ спустимся на твер-

дую историческую почву, то и тутъ найдемъ довольно почтенную древность еврейскаго поселенія въ Испаніи. Въ настоящее время историческая критика выяснила, что уже во II христіанскомъ столѣтіи палестинскіе евреи и христіане примѣняли къ испанскимъ евреямъ слова пророка Авдія (Обадія): «И іерусалимскіе изгнанники, которые находятся въ *Сефарадъ*, овладѣютъ городами юга». Хотя въ основу этого толкованія легло народно-этимологическое сближеніе между именемъ *Сефарадъ* съ одной стороны и греческимъ названіемъ далекаго запада (Гесперія, Гесперида) съ другой, но возможность такого толкованія во II столѣтіи уже ясно доказываетъ, что первое поселеніе евреевъ въ Испаніи не могло быть позже I столѣтія, т. е. времени разрушенія втораго іерусалимскаго храма Титомъ, и по всей вѣроятности восходитъ еще раньше, такъ что весьма ошибаются тѣ историки, которые видятъ во всѣхъ преданіяхъ о древности еврейскаго поселенія въ Испаніи одну только испанскую гордость своимъ происхожденіемъ. Отдѣльныя родословныя преданія въ извѣстныхъ испанско-еврейскихъ семействахъ о своемъ прямомъ происхожденіи отъ потомства царя Давида или древне-іерусалимскихъ сановниковъ, какъ напр. въ семействахъ Абраванеля, Альбалии, Наси, Ибнъ-Эзры и др., не могутъ, конечно, быть достовѣрно доказаны; но ихъ нельзя также и опровергать рѣшительнымъ образомъ, зная, съ какимъ изумительнымъ постоянствомъ родственные евреямъ аравитяне въ продолженіе многихъ столѣтій сохраняютъ вѣрныя генеалогическія свѣдѣнія. Если евреи вообще, по причинѣ многократныхъ переселеній и странствованій, не могли и не могутъ сравняться въ этомъ отношеніи съ арабами, то въ отдѣльныхъ случаяхъ, особенно въ Испаніи, куда часть евреевъ была переселена прямо изъ Палестины, родословныя преданія могли весьма хорошо сохраняться въ знатныхъ семействахъ. Правда, что въ іудаизмѣ, согласно воззрѣніямъ раввиновъ, всегда обращалось преимущественно вниманіе на личное достоинство человѣка и на его собственныя заслуги; но тѣмъ не менѣе и происхожденіе изъ хорошаго дома и достоуважаемаго семейства

цѣнилось высоко уже съ древнихъ временъ. Еще при существованіи второго храма, во время народныхъ празднествъ въ Іерусалимѣ, когда молодежь отправлялась за городъ гулять по виноградникамъ, между цѣснями, распѣваемыми молодыми дѣвцами, одна гласила: «О, ты, добрый молодецъ, подними глаза за твои и хорошенько посмотри—какую невѣсту себѣ избрать; не прельщайся ты красою, а смотри лучше на семейное происхожденіе».

Впрочемъ, какова бы ни была истина на счетъ прямого происхожденія испанскихъ евреевъ отъ потомковъ царя Давида и іерусалимскихъ сановниковъ, надобно отдать имъ справедливость, что убѣжденіе ихъ въ исключительномъ благородствѣ своихъ предковъ не вліяло на нихъ дурнымъ образомъ и не способствовало развитію въ нихъ спѣси и пустаго чванства, а наоборотъ, содѣйствовало стремленію ихъ стать самими также благородными и быть достойными своихъ славныхъ предковъ. Сверхъ того, различныя другія обстоятельства, преимущественно же политическое положеніе Испаніи въ разныя эпохи, содѣйствовали тому, что тамошніе евреи могли спокойно развиваться равно въ духовномъ и матеріальномъ отношеніяхъ и составить, такъ сказать, самую блестящую страницу въ исторіи своего народа по изгнаніи изъ Палестины и единственную свѣтлую картину на мрачномъ фонѣ средневѣковыхъ судьбъ Израиля. Сперва, въ эпоху римской республики и римскихъ императоровъ, когда религиозная терпимость была основнымъ принципомъ на всемъ протяженіи римскаго государства, евреи, конечно, пользовались полною гражданскою правоспособностью наравнѣ съ другими жителями Пиренейскаго полуострова. Затѣмъ въ началѣ V столѣтія, когда надъ этой страной вихремъ пронеслись разныя некультурныя племена: вандалы, свевы и алане, евреи по всей вѣроятности терпѣли отъ нихъ вмѣстѣ съ остальнымъ народонаселеніемъ, но это были скоропроходящія бѣдствія. По утверженіи тамъ господства вестъ-готовъ, принадлежавшихъ къ христіанской сектѣ арианистовъ, отличающихся вѣротерпимостью, благосостояніе еврей-

скихъ гражданъ сначала также не было нарушаемо. За все это время историческіе источники весьма скудны на извѣстія объ «изгнанникахъ Іерусалима въ Сефарадѣ» и на нихъ блистательно оправдывалось извѣстное изрѣченіе: счастливы народы, не имѣющіе истории. Только изъ послѣдовавшихъ затѣмъ, по утвержденіи въ странѣ католичества, многократныхъ воинственныхъ походовъ духовенства и стѣснительныхъ мѣропріятій противъ евреевъ и ихъ вліянія, мы узнаемъ, что такое вліяніе ихъ на своихъ христіанскихъ согражданъ, не успѣвшихъ еще проникнуться фанатизмомъ, прививавшимся имъ католическими патерами, существовало въ весьма значительной степени. Такъ изъ послѣдовавшихъ запрещеній католическаго духовенства намъ извѣстно, что тамошніе христіане часто посѣщали синагоги и другіе еврейскіе молитвенные дома для слушанія рѣчей еврейскихъ проповѣдниковъ и, какъ справедливо жаловались римско-католическіе священники, туда стекались ихъ паствы гораздо охотнѣе чѣмъ въ церкви. Точно также христіанскій народъ весьма часто обращался, вмѣсто своихъ священниковъ, къ раввинамъ для исполненія полудуховныхъ требъ, какъ напр. благословенія полевыхъ плодовъ и жатвы, а нѣкоторые изъ нихъ пошли такъ далеко, что праздновали субботу и пасху вмѣстѣ съ евреями. Пока католичество не было господствующею формою религіи въ странѣ, его духовенство не могло успѣшно бороться съ іудействомъ, не смотря даже на поддержку изъ Рима; но за то оно жестоко отомстило евреямъ за свою невольную сдержанность съ тѣхъ поръ какъ вестъ-готскій король Реккаредъ (въ концѣ VI вѣка) перемѣнилъ аріанизмъ на католичество и послѣднее стало въ Испаніи официальною и господствующею формою вѣроисповѣданія. Съ этого времени начинается на Пиренейскомъ полуостровѣ цѣлый рядъ церковныхъ соборовъ (Concilia), на которыхъ одною изъ важнѣйшихъ заботъ и однимъ изъ главнѣйшихъ стремленій было уничтоженіе еврейскаго благосостоянія и вліянія посредствомъ всевозможныхъ притѣсненій и униженій, причемъ духовенство всеми силами старалось возбуждать въ черни ненависть и презрѣніе

къ евреймъ для того, чтобъ вызвать кровавыя расправы съ ними, насильственные ихъ крещенія и т. п. Католическіе неофиты-короли, большею частью, также не оставались глухи къ призывамъ духовенства и соединяли съ церковнымъ фанатизмомъ первобытную тевтонскую грубость, такъ что имена Реккареда, Сизебута, Рецесвинта, Эрвига и Эрика вписаны кровавыми чертами въ историческихъ лѣтописяхъ испанскаго еврейства.

Такое печальное положеніе продолжалось для евреевъ до начала VIII столѣтія. Въ означенное же время на Пиренейскомъ полуостровѣ произошло такое многознаменательное событіе, которое сразу перемѣнило тамъ русло историческаго теченія и на восемь столѣтій сообщило названной странѣ совсѣмъ другую фізіономію и дало ей другое населеніе, и съ тѣмъ вмѣстѣ началась новая эра для угнетенныхъ изгнанниковъ въ Сефарадѣ. Исламъ, который со времени смерти Мухаммеда разливался подобно могучему потоку по Азіи и Африкѣ, перебросилъ также одну волну чрезъ Гибралтарскій проливъ, могущественно прихлопнувъ вѣсть-готскую пародію на культурное государство, и призвалъ къ новой жизни затоптанныхъ въ грязь католическими фанатиками. Къ счастью для евреевъ и для европейскаго человѣчества вообще, виновникъ этой перемѣны, исламъ, не былъ тѣмъ леденящимъ и мертвящимъ исламомъ, представителями котораго являются нынѣ турки, татары, персіяне и другіе вполне азіятскіе народы; знамя полумѣсяца находилось тогда въ рукахъ свѣжаго, способнаго и во многихъ отношеніяхъ весьма симпатичнаго арабскаго народа, родственнаго евреймъ по своему семитскому происхожденію. Наши хроники съ глубокою признательностію вспоминаютъ, что этотъ родственный народъ въ ту эпоху не только вывелъ нашихъ предковъ изъ матеріальнаго рабства и униженія на широкую дорогу гражданственности, но еще сильно способствовалъ ихъ умственно-нравственному подъему, такъ что оба народа въ теченіе долгаго времени вмѣстѣ стояли на высшей степеніи тогдашней культуры и служили свѣточами науки для всего человѣчества. Уча-

стіе евреевъ въ трудахъ человѣческой мысли началось, какъ извѣстно, весьма рано и іудейская колонія въ египетскомъ городѣ Александріи основала еще при существованіи второго іерусалимскаго храма особую философскую школу. Не смотря на то, что школа эта, послѣднимъ и важнѣйшимъ представителемъ которой былъ Филонъ Александрійскій, имѣла большіе успѣхи, и что ученіе ея оставило неизгладимые слѣды въ исторіи религіозной философіи вообще, нельзя, однако, сказать про нее, что она была особенно благотворна для іудаизма, и какъ по своимъ аллегорическимъ и символическимъ началамъ, такъ и по конечнымъ своимъ результатамъ, кульминировавшимъ въ гностическихъ идеяхъ и въ мистицизмѣ, доктрины александрійскихъ эллинистовъ должны были впоследствии быть перенесены къ приверженцамъ другихъ исповѣданій для того, чтобъ распространяться тамъ съ успѣхомъ и получить свое дальнѣйшее развитіе. Евреи затѣмъ участвовали въ дѣлѣ распространенія наукъ при неоднократномъ переходѣ послѣднихъ отъ грековъ къ сирійцамъ, къ персамъ и арабамъ, и особенно дѣятельное участіе принимали они при зарожденіи у послѣднихъ собственной научной литературы. Этому предмету проф. Шлейденъ, какъ извѣстно, посвятилъ недавно особую монографію, которая, впрочемъ, требуетъ дополненія и исправленія. Для нашей же цѣли достаточно будетъ указать здѣсь на нѣкоторые, сюда относящіеся факты. Новѣйшія изслѣдованія бреславльскаго раввина д-ра Іоеля положительно выяснили, что въ древнѣйшую талмудическую эпоху, а именно въ началѣ II столѣтія, раввины были хорошо знакомы со всѣми бывшими тогда въ ученomъ мѣрѣ въ ходу философскими воззрѣніями, преимущественно же съ идеями Платона и его египетскихъ послѣдователей и истолкователей, такъ-называемыхъ ново-платониковъ.

Недавно найденныя арабскія рукописи въ здѣшной Императорской публичной библиотекѣ до очевидности доказываютъ, что еврейскіе ученые въ Персіи и Вавилоніи уже въ IX вѣкѣ, одновременно съ арабами, усердно занимались изученіемъ

всѣхъ извѣстныхъ тогда свѣтскихъ наукъ, между прочимъ и философіи.

Что касается спеціально Испаніи, то въ свое время это была весьма важная заслуга покойнаго нашего ориенталиста Соломона Мунка, который указалъ на ошибочность бывшаго до него въ ходу мнѣнія, будто испанскіе ученые мусульмане были первыми учителями евреевъ въ наукахъ. Упомянутый парижскій ориенталистъ блистательно доказалъ, что такое мнѣніе справедливо только относительно Маймонида и др., но что примѣръ философа Авицеброна, считавшагося долгое время первымъ по времени и по оригинальности мыслителемъ на Пиренейскомъ полуостровѣ и оказавшійся никѣмъ инымъ какъ извѣстнымъ нашимъ поэтомъ Ибнъ-Гебиролемъ, что этотъ примѣръ, говоримъ, убѣждаетъ насъ въ томъ, что испанскіе евреи весьма успѣшно занимались науками если не раньше своихъ мусульманскихъ соотечественниковъ, то во всякомъ случаѣ одновременно съ послѣдними. Въ настоящее время мы можемъ восходить еще выше, такъ какъ нынѣ намъ извѣстны многочисленныя свидѣтельства о старшемъ современникѣ Ибнъ-Гебироля, о бывшемъ визирѣ въ Гранадѣ Самуилѣ Ибнъ-Нагдилѣ (родился въ концѣ X вѣка), что и онъ превосходилъ всѣхъ своихъ современниковъ во всѣхъ свѣтскихъ наукахъ. Успѣхи, достигнутые испанскими евреями въ наукахъ были впоследствии до того значительны, что въ продолженіе многихъ столѣтій лучшіе врачи, занимавшіе должность лейбмедиковъ при коронованныхъ особахъ, были изъ евреевъ; они же занимали научныя кафедры въ академіяхъ и университетахъ; при ихъ помощи составлялись астрономическія таблицы и переводились научныя сочиненія на европейскіе языки.

II.

До сихъ поръ я говорилъ о научныхъ занятіяхъ; обратимся теперь къ поэзіи. Поэтическія произведенія во всѣ времена и у всѣхъ народовъ предшествуютъ остальнымъ литературнымъ произведеніямъ; но это бываетъ только при первомъ выступ-

леніи даннаго народа на поприще умственнаго творчества. У народовъ же, проходившихъ уже различныя стадіи умственной жизни и подвергавшихся притомъ превратностямъ политическихъ судьбъ, все направленіе умственной дѣятельности зависитъ уже отъ хода исторіи и отъ чувства приспособленія къ обстоятельствамъ времени и мѣста, каковое чувство сохраняется лучшими людьми, составляющими какъ бы душу данной націи. Такимъ образомъ бываетъ моментъ въ жизни народа, когда все его творчество сосредоточено на созданіи религіозныхъ формъ и обрядовъ; другой моментъ, когда его умъ работаетъ надъ прочнымъ установленіемъ правовыхъ отношеній гражданъ; третій, когда всѣ его наличныя силы чутко прислушиваются къ благороднымъ ощущеніямъ окружающей среды и выражаютъ эти ощущенія въ прекрасныхъ и возвышенныхъ образахъ и формахъ, и т. п. Одинъ изъ такихъ важнѣйшихъ историческихъ моментовъ наступилъ для евреевъ послѣ вторичнаго разрушенія Іерусалима, когда они принуждены были разбросаться по всѣмъ концамъ обитаемаго міра. Въ этотъ роковой моментъ руководителямъ націи предстояла необходимость—изъ іудейства, которое было принаровлено къ сѣверо-восточному углу Средиземнаго моря и приковано къ Палестинѣ, создать такое іудейство, которое могло бы устоять противъ затрудненій, препятствій и искушеній, представляемыхъ разнообразнѣйшими обстоятельствами времени и мѣста, а также сохраняться наперекоръ всевозможнымъ и невозможнымъ притѣсненіямъ и преслѣдованіямъ, придумываемымъ людскою злобою, въ первобытной ли грубой формѣ или въ болѣе утонченномъ видѣ. Пска сооружалось гигантское зданіе талмудическаго раввинизма, пока соферы, танаи, амореи, сабуреи и гаоны толковали Моисеевы заповѣди, собирали преданія и изготовляли, по требованію обстоятельствъ, новые обряды и религіозныя формы—пока шла вся эта кипучая дѣятельность, почти не было мѣста поэзіи. Древняя еврейская лира, издававшая такіе чудесные звуки, которыми донинѣ оглашаются храмы всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, замолкла, и

возгласъ псалмопѣвца: «Какъ мы будемъ пѣть пѣсни Божіи на чужой землѣ?» наложилъ печать молчанія на еврейскія уста. Хотя за періодъ времени между роковою войною съ римлянами и возникновеніемъ испанской школы въ еврейской литературѣ появилось не мало прекрасныхъ поэтическихъ произведеній и отрывковъ, уцѣлѣвшихъ въ талмудѣ и мидрашѣ, въ молитвахъ и шутѣ, — въ общемъ и цѣломъ мы должны однако признать этотъ періодъ изъ числа неблагоприятныхъ поэтическимъ произведеніямъ, такъ какъ въ большинствѣ сохранившихся образцовъ литургическая или дидактическая цѣль совершенно заслоняетъ собственно поэтическую. Только на Пиренейскомъ полуостровѣ евреи продолжали ту цѣль произведеній настоящаго поэтическаго генія, соединяющихъ съ изящностью формы возвышенность содержанія и глубину чувствъ, которая была прервана въ Израилѣ со времени древнихъ пророковъ. Очевидно, что существуетъ какая-то особенная связь между духовнымъ состояніемъ нашего народа при бытности его на родинѣ, въ Палестинѣ и на Пиренейскомъ полуостровѣ. Дѣйствительно, при внимательномъ наблюденіи можно найти эту связь и это соотношеніе, несмотря на все различіе въ политическомъ и духовномъ состояніи народа въ обѣ эти эпохи, а именно, что оба раза нація успѣшно выполняла возложенную на нее исторію миссію. Въ Палестинѣ наши предки имѣли, правда, всѣ преимущества того состоянія, про которое пророкъ Іеремія образно говорилъ: «Отъ юности своей былъ онъ въ покоѣ, сидѣлъ на дрожжахъ своихъ, не былъ переливаемъ изъ сосуда въ сосудъ и въ плѣнъ не ходилъ; отъ того оставался въ немъ его вкусъ, и запахъ его не выдохнулся» (Іерем. 48, 11). Но этого было достаточно для выполненія только первоначальной задачи Израиля, или, лучше, для выполненія первой половины этой задачи, состоявшей въ утвержденіи іудаизма на незыблемыхъ основаніяхъ въ средѣ самихъ евреевъ. Съ измѣненіемъ же политическаго состоянія еврейскаго народа, кругъ его задачи расширялся. Изъ ограниченной сферы интересовъ національности и небольшой территоріи, ходомъ историческихъ

событій и силою обстоятельствъ народъ этотъ былъ выдвинутъ на арену всемірныхъ интересовъ, духовныхъ и матеріальныхъ, и обреченный играть видимо только страдательную роль, онъ тѣмъ не менѣе всякому внимательному наблюдателю представляется дѣятельнымъ факторомъ въ исторіи умственного развитія человѣческаго рода. Для того, чтобъ успѣшно выполнять эту свою задачу, представители іудаизма имѣютъ двойную работу. Съ одной стороны имъ необходимо заботиться о сохраненіи и дальнѣйшемъ развитіи своего собственнаго, національнаго, такъ какъ безъ него немислимо долговѣчное существованіе самой націи, а съ другой—они должны сами стремиться и направлять своихъ единоплеменниковъ къ постоянному участию въ поступательномъ движеніи человѣческой культуры и къ сильному содѣйствію въ этомъ движеніи впередъ. Только въ гармоническомъ сочетаніи обѣихъ частей названной задачи іудейство имѣетъ свой нынѣшній *raison d'être* и свою будущность, и каждый разъ, когда евреямъ удавалось рѣшить ее удовлетворительнымъ образомъ, это время отмѣчалось какъ блестящая эпоха въ исторіи нашего народа. Въ средніе вѣка, какъ я уже замѣтилъ, это было выполнено наилучшимъ образомъ въ Испаніи. При этомъ обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее явленіе. Въ означенной странѣ евреи пользовались впродолженіе долгаго времени спокойствіемъ и матеріальнымъ благосостояніемъ въ два приема: въ первые пять вѣковъ христіанства, до обращенія вестъ-готовъ въ католичество, а во второй разъ—отъ VIII до XII столѣтія, при мусульманскомъ владычествѣ до преслѣдованій африканскихъ фанатиковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Аль-Могадовъ; причемъ второй періодъ самымъ выгоднымъ образомъ отличается отъ перваго именно вслѣдствіе того, что въ послѣдній разъ передовые люди наши стали на настоящую дорогу и угадали то, что составляетъ жизненный нервъ іудейства. Отъ этихъ общихъ замѣчаній позвольте мнѣ перейти и бросить взглядъ на состояніе нашихъ единовѣрцевъ за послѣдній изъ названныхъ періодовъ.

Десятое столѣтіе справедливо считается золотымъ вѣкомъ

арабской Испаніи. Въ началѣ этого вѣка Абдуррахманъ III, потомокъ оммаядской династіи, истребленной въ Азіи основателями другой халифской династіи — Аббасидами, успѣлъ соединить подъ своимъ господствомъ разрозненныя до сихъ поръ мухаммеданскія владѣнія на всемъ Пиренейскомъ полуостровѣ и, принявъ титулъ халифа, вмѣстѣ съ тѣмъ доказалъ, что титулъ этотъ не пустой звукъ честолюбиваго властелина, но вполне заслуженное званіе. Ни до того времени, ни послѣ, испанскій престолъ не былъ окруженъ такимъ блескомъ внѣ государства и такимъ благоденствіемъ подданныхъ внутри его. Почти всѣ тогдашнія великія державы, византійскій и германскій императоры, король наваррскій, славянскіе князья и др. искали дружбы новаго халифа, и Испанія была тогда самымъ цвѣтущимъ государствомъ относительно земледѣлія, мануфактурной промышленности и коммерческихъ сношеній съ востокомъ и западомъ. Всѣмъ этимъ въ весьма значительной степени Абдуррахманъ обязанъ былъ еврейскому сановнику своему Р. Хасдаи Ибнъ-Шапруту, завѣдывавшему государственными финансами, чрезъ котораго шли также всѣ дипломатическія сношенія съ иностранными державами. Обладая обширнымъ умомъ и многостороннимъ образованіемъ, Р. Хасдаи дѣйствовалъ одинаково успѣшно на государственномъ, научномъ и филантропическомъ поприщахъ, и возбуждая удивленіе въ соотечественникахъ и иностранцахъ, онъ заслужилъ еще особенную признательность со стороны своихъ единовѣрцевъ, которымъ оказалъ незабвенныя услуги. Дѣло въ томъ, что какъ ни благосклонно относилось просвѣщенное арабское правительство къ испанскимъ евреямъ вообще, это было съ его стороны, до появленія Ибнъ-Шапрута, не болѣе какъ добровольное снисхожденіе, которое не всегда давалось и не всегда ограждало еврейское населеніе отъ произвольныхъ дѣйствій нисшей администраціи и отъ случайныхъ притѣсненій со стороны черни, искони привыкшей видѣть въ евреяхъ только подчиненныхъ, а не повелѣвающихъ. Это положеніе вещей сразу перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ бразды правленія въ испан-

скомъ халифатѣ перешли въ руки всемогущаго Р. Хасдаи, который доставлялъ спокойствіе и справедливое отношеніе со стороны правительственныхъ лицъ одинаково всѣмъ подданнымъ безъ различія вѣроисповѣданія. Будучи самъ ученымъ и участвуя въ трудахъ по ученой арабской литературѣ, Р. Хасдаи много содѣйствовалъ зарожденію самостоятельной еврейской науки и литературы въ Испаніи и въ Европѣ. Такъ относительно изученія религиозныхъ законовъ его соотечественники и всѣ европейскіе евреи вообще были до его времени въ полной зависимости отъ Вавилоніи и отъ авторитета вавилонскихъ академій; этому былъ положенъ конецъ основаніемъ въ Кордовѣ самостоятельной талмудической академіи подъ главенствомъ привезенныхъ изъ Вавилоніи плѣнниковъ Р. Моисея и сына его Р. Ханоха. Наука еврейскаго языковѣдѣнія была создана тогда африканскими выходцами Менахимомъ бенъ Сарукъ и Донашемъ, которые оба находились подъ покровительствомъ Ибнъ-Шапрута. Точно также ново-еврейская поэзія стала тогда на ноги, благодаря его же заботамъ о ней. Источникомъ всѣхъ этихъ начинаній, равно какъ и многообразныхъ сношеній, съ большими усиліями поддерживавшихся имъ съ духовными и свѣтскими представителями еврейства въ разныхъ странахъ (между прочимъ и съ хазарскимъ царемъ на берегахъ Волги; см. «Еврейск. Библіотека» Т. VII и VIII) служила безграничная любовь Хасдаи къ своему народу, которую онъ соединялъ съ истиннымъ общечеловѣческимъ просвѣщеніемъ и съ совершенною преданностію своему государству и своему отечеству. Возникновенію же еврейской поэзіи дало первый толчекъ и его дальнѣйшему развитію благопріятствовало широкое процвѣтаніе арабской поэзіи въ Испаніи во время правленія Абдурахмана III. Духъ рыцарства, поддерживаемый постоянными войнами съ христіанскими сосѣдями, значительно усиливалъ природную склонность арабовъ къ поэзіи. Любовь и ненависть, товарищество и раздоры, частныя письма и правительственные бумаги—все это облекалось въ поэтическую форму; даже вызовы на поединокъ и паспорта очень часто писались сти-

хами. Такое положеніе вещей естественнымъ образомъ должно было возбудить въ Ибнъ-Шапрутѣ желаніе пересадить на родную почву это драгоцѣнное растеніе, и ему дѣйствительно современники и потомство приписываютъ честь инициативы въ этомъ дѣлѣ, выражавшейся въ покровительствѣ поэтамъ и въ щедромъ вознагражденіи за ихъ произведенія. Первые проблемски поэзіи въ эпоху Р. Хасдаи, или, какъ выражается историкъ Ибнъ-Даудъ, первыя чириканія поэтическихъ птицъ, принадлежатъ вышеназваннымъ ученымъ Менахиму и Донашу. Благодаря тому обстоятельству, что специальность ихъ составляло изученіе древне-еврейскаго языка въ грамматическомъ и лексикальномъ отношеніяхъ, первыя ихъ стихотворенія, кромѣ прославленія своего всесильнаго мецената, имѣли своимъ предметомъ полемику по грамматическимъ и лексикографическимъ вопросамъ. Этому же предмету посвящены также стихотворенія ихъ учениковъ, защищавшихъ каждый воззрѣнія своего учителя. Что такіе, ничего общаго съ поэзіею неимѣющіе предметы могли быть темою для поэтическихъ произведеній—было тогда вполне въ порядкѣ вещей и практиковалось также гораздо позже. Тѣмъ не менѣе нельзя, конечно, и думать найти въ такихъ произведеніяхъ настоящую поэзію; они важны только въ историческомъ отношеніи, а именно тѣмъ, что стараніемъ ихъ авторовъ выражаться на чистомъ древне-еврейскомъ языкѣ, и притомъ отборными выраженіями и изящнымъ слогомъ, они расчищали дорогу послѣдующимъ, дѣйствительно талантливымъ, поэтамъ.

Первыя настоящія поэтическія произведенія появились у испанскихъ евреевъ лишь съ начала XI вѣка, въ эпоху Р. Самуила Ибнъ-Нагдилы (или Га-Нагида), который представляетъ собою рѣдкій примѣръ бѣднаго ученаго, достигшаго самаго высшаго поста въ иновѣрческомъ государствѣ, благодаря своему писательскому таланту. Для того, чтобъ имѣть понятіе о геніальныхъ способностяхъ Ибнъ-Нагдилы, достаточно будетъ сказать здѣсь, что завѣдывая внутренними и внѣшними дѣлами Гранадскаго государства въ весьма бурное время, когда при-

ходило вести частыя войны оружіемъ и постоянные дипломатическія турниры, этотъ визирь находилъ еще достаточно времени для того, чтобъ исполнять должность ректора въ талмудической академіи, толковать своимъ ученикамъ Библию, вести обширную ученую корреспонденцію со всѣми современными ему учеными, составлять религіозныя, грамматическія и поэтическія сочиненія и не оставлять безъ отвѣта ни одного изъ многочисленныхъ стихотвореній, писавшихся въ его честь. Лестное мнѣніе его современниковъ и послѣдующихъ критиковъ объ его поэтическомъ талантѣ въ послѣднее время блистательно оправдалось, благодаря тому обстоятельству, что значительная часть его стихотвореній недавно была найдена между рукописями здѣшней Императорской публичной бібліотеки. Изъ нихъ легко усмотрѣть, какой великій шагъ впередъ сдѣлала еврейская поэзія со времени Менахима и Донаша. Изъ искусственнаго римошлетства о грамматическихъ правилахъ и о значеніи корней еврейскаго языка она стала настоящимъ зеркаломъ современности, гдѣ каждое мало-мальски значительное событіе находитъ свое отраженіе, и всякое разумное желаніе — свой откликъ. Жизнь государственнаго человѣка, исполненная тревогъ и опасностей, доставляла визирю богатый матеріалъ для сочиненія подъ заглавіемъ *Бенъ-Тетилімъ* (сынъ Псалтыри или Малые Псалмы), гдѣ въ прекрасныхъ лирическихъ, подчасъ даже эпическихъ, стихотвореніяхъ воспѣвались выигранныя сраженія, претерпѣнныя пораженія, мирныя побѣды надъ политическими противниками, горестныя и радостныя событія для всей еврейской націи, или для него лично, и т. п. Долголѣтнія наблюденія опытнаго дипломата надъ жизнью и людьми дали Ибнъ-Нагдилѣ возможность составить весьма богатая собранія поэтическихъ сентенцій и гномовъ подъ заглавіемъ *Бенъ-Мишле* (Малыя Притчи) и *Бенъ-Когелетъ* (Малый Экклезиастъ). Его «Диванъ» заключалъ, кромѣ того, многія другія поэтическія произведенія, какъ священныя литургическія, такъ и обыденныя стихотворенія, на дружбу, на разлуку, на измѣну друзей, даже пѣсни для восхваленія вина и т. д.

Младшій современникъ Р. Самуила, вышеупомянутый Р. Соломонъ Ибнъ-Гебириоль (или по арабски: Ибнъ-Джабириоль), не отличался такою многосторонностью, но за то былъ глубже и интенсивнѣе какъ въ философіи, такъ и въ поэзіи. Что касается первой, то достаточно будетъ сказать здѣсь, что новѣйшіе изслѣдователи нашли въ его ученіи объ эманации корень доктрины Спинозы, съ тою разницею, что по Ибнъ-Гебириоль творческая сила не есть слѣпое орудіе, но сознательная воля Божія, такъ что его теорія не противорѣчитъ основнымъ догматамъ іудейства. Въ его ученіи о человѣческой волѣ находятъ много сходнаго съ теоріею Шоппентауера, причемъ первое превосходитъ много послѣднюю въ нравственномъ отношеніи. Точно также и поэзія его проникнута большею частью глубокими философскими идеями. Резюмируя во многихъ своихъ стихотвореніяхъ результаты всѣхъ современныхъ ему человѣческихъ познаній, Ибнъ-Гебириоль энергически стремится прорывать завѣсу, препятствующую смертнымъ созерцать въ своемъ умѣ тайны всего бытія, и разъ отчаявшись въ своей попыткѣ разрѣшить проблемы объ отношеніяхъ Создателя къ своему творенію и о сущности безконечнаго, поэтъ снова смѣло стремится въ эту пучину, и опять ограниченность человѣскихъ силъ ввергаетъ его въ уныніе и печаль. Эта внутренняя борьба, занимавшая Р. Соломона впродолженіе всей его жизни и имѣющая много общаго съ основною идеей книги Іова и Гетевскаго Фауста, далеко однако не исчерпываетъ запаса его музыки; глубокий поэтъ-мыслитель находитъ въ себѣ достаточно мужества, чтобъ предаваться и болѣе спокойному теченію мыслей и обрабатывать обыкновенную синагогальную и свѣтскую поэзію, въ которой онъ является первокласснымъ художникомъ, хотя и въ произведеніяхъ этого рода размышленія философа часто прорываются наружу. Въ изяществѣ формъ и въ пластичности стиха замѣчается у Ибнъ-Гебириоля громадный прогрессъ относительно предшественниковъ. Какъ всѣхъ идеально настроенныхъ и высоконравственныхъ людей, такъ и Ибнъ-Гебириоля не могла удовлетворять будничная обстановка повсе-

дневной жизни, и несоотвѣтствіе окружающей дѣйствительно-сти съ его идеалами глубоко огорчало его, вслѣдствіе чего лира его обыкновенно настроенія грустнаго и мрачнаго, чему много содѣйствовали также печальныя обстоятельства жизни самого поэта. Сохранились однако и образцы его ясно-веселыхъ стихотвореній, между прочимъ прелестная сатира надъ скупымъ хозяиномъ, который поставилъ своимъ гостямъ воду вмѣсто вина.

Третій значительный поэтъ еврейско-испанской школы, Моисей (по арабски: Абу-Гарунъ Муса) Ибнъ-Эзра, уступаетъ Ибнъ-Гебиролю въ поэтическомъ талантѣ и въ глубинѣ мыслей, но владѣеть языкомъ съ большою легкостью и мастерски умѣетъ приурочивать къ еврейскому стиху всѣ формы поэзіи, бывшія тогда въ ходу у арабовъ. Несчастная любовь, бывшая причиною его удаленія изъ родного города Гранады, настраивала его также элегично, и отъ большаго количества его лирическихъ произведеній на дни покаянія и прощенія грѣховъ онъ получилъ прозваніе *Га-Саллаъ* или *Га-Салханъ*. Тѣмъ не менѣе въ двухъ громадныхъ «диванахъ» онъ оставилъ также большое количество стихотвореній, совсѣмъ не отличающихся мрачнымъ характеромъ.

Всѣ упомянутыя мною лица столь важны сами по себѣ и имѣютъ такое великое значеніе въ исторіи развитія іудейства въ Испаніи и въ Европѣ, что заслуживаютъ быть разсматриваемыми каждый отдѣльно и обстоятельно, но на этотъ разъ я могъ коснуться ихъ только вскользь, для выясненія отношеній Р. Иегуды Галеви къ предшественникамъ. Изъ представленнаго краткаго очерка явствуетъ, что ново-еврейская поэзія въ Испаніи, несмотря на большіе успѣхи, достигнутые ею въ продолженіе полутора ста лѣтъ отъ Р. Хасдаи Ибнъ-Шапрута до появленія Р. Иегуды Галеви, никоимъ образомъ не могла однако считаться національною поэзію. Свѣтскій ея отдѣлъ былъ посвящаемъ или индивидуальнымъ впечатлѣніямъ и ощущеніямъ поэтовъ вслѣдствіе приключеній ихъ личныхъ и близкихъ имъ людей, или же онъ имѣлъ предметомъ обыкновенные

мотивы арабской поэзіи: дружбу, любовь, прославленіе сильныхъ міра сего и т. п. Если же брались иногда темы общаго характера, то непременно такія, которыя непосредственно затрагивали и личное чувство поэтовъ, и на сколько данный предметъ отражался на послѣднихъ субъективно. Однимъ словомъ, это было поэзія цѣликомъ, арабская по духу и по направленію, пересаженная на еврейскую почву. Что же касается литургической поэзіи, то кромѣ тѣхъ произведеній, образцы для которыхъ были даны древними *пайтанимъ* и стали стереотипными, какъ напр. *Абода*, *Селиха*, *Кероба*, *Офанъ*, *Зулатъ* и т. д., то испанскіе предшественники Р. Іегуды обрабатывали преимущественно религіозно-нравственные и философскія темы, теодицеи и космологическія доктрины, которыя носятъ универсальный характеръ и ничего специфически-національнаго не имѣютъ. Притомъ, философскія и космологическія воззрѣнія не отличаются, какъ извѣстно, постоянствомъ, а видоизмѣняются не только у людей разныхъ поколѣній, но часто и у современниковъ, и связывать ихъ съ вѣчною неизмѣнчивою поэзію во всякомъ случаѣ несообразно. Такія понятія, нынѣ кажушіяся намъ простыми и элементарными, совѣмъ были неизвѣстны въ древности, и необходимо было явиться геніальному поэту-мыслителю, который могъ возвыситься до такой идеи. Этимъ геніальнымъ мужемъ былъ Р. Іегуда Галеви, къ очерку жизни и дѣятельности котораго я и перехожу.

III.

Въ концѣ XI и началѣ XII столѣтія арабское могущество на Пиренейскомъ полуостровѣ, вслѣдствіе междоусобицъ мусульманскихъ князей, начало клониться къ упадку. Этимъ обстоятельствомъ пользовались христіанскіе жители сѣверной Испаніи, преимущественно кастильцы, чтобъ все болѣе и болѣе оттѣснить мавровъ къ югу, хотя войны, въ которыхъ отличался испанскій національный герой *Сидъ*, велись еще съ переменнымъ счастіемъ. Вслѣдствіе этой постоянной борьбы и арабскаго вліянія, въ Кастиліи въ то время началъ развиваться вкусъ къ

поэзіи, и тогда образовались разныя народно-поэтическія сказанія, вошедшія въ составъ извѣстной поэмы о Сидѣ. Отчасти изъ политическихъ видовъ и отчасти также подъ вліяніемъ мавровъ, вопреки наставленіямъ изъ Рима папы Григорія VII, приготовившаго нѣмецкому императору Каноссу и жаловавшагося на то, что «евреи владычествуютъ въ Кастиліи надъ христианами», тамъ господствовала вѣротерпимость, и король Альфонсо VI часто ввѣрялъ евреямъ, пользовавшимся полною гражданскою правоспособностью, высокія государственныя должности, преимущественно по части дипломатіи. Въ эту то пору около 1080 года, родился, вѣроятно, въ городѣ Толедо, въ южной Кастиліи, Р. Іегуда Галеви (по арабски онъ назывался Абуль-Хасаномъ Аль-Лави). Для изученія богословскихъ и свѣтскихъ наукъ, онъ въ молодости былъ отправленъ своимъ отцемъ Р. Самуиломъ (или же самъ отправился) на югъ, въ арабскую Испанію, тогдашнее средоточіе культурнаго міра. По мнѣнію нѣкоторыхъ, молодой Абуль-Хасанъ изучалъ богословіе въ славной талмудической школѣ Р. Исаака Альфаси въ Лусенѣ. Во всякомъ случаѣ извѣстно, что онъ изучалъ медицину, необходимую тогдашнюю спутницу каждаго значительнаго ученаго и отлично владѣлъ арабскимъ и кастильскимъ языками. Самые же блистательные успѣхи онъ обнаруживалъ въ древне-еврейскомъ языкѣ и весьма рано сдѣлался любимцемъ музы; стихотворенія, писанныя имъ чуть не въ 13-ти-лѣтнемъ возрастѣ, возбуждали удивленіе уже взрослыхъ и опытныхъ поэтовъ, между прочими, Р. Моисея Ибнъ-Эзры, ставшаго съ тѣхъ поръ его другомъ. Владѣя достаточными матеріальными средствами, Р. Іегуда могъ спокойно предаваться любимымъ занятіямъ литературою и науками. Кромѣ медицины, языковъ и поэзіи, онъ усердно занимался изученіемъ греческо-арабской философіи.

По окончаніи своего научнаго воспитанія, запасшись богатыми познаніями, Абуль-Хасанъ, какъ полагаютъ, возвратился на родину, въ Кастилію, и медицинская практика, на обширность которой онъ даже жаловался въ письмахъ къ друзьямъ,

не мѣшала ему все болѣе и болѣе самосовершенствоваться и духовно обогащаться. Его религіозно-философское произведение, о которомъ будетъ у меня рѣчь впереди, обнаруживаетъ его отличное знакомство со всѣми извѣстными тогда твореніями греческихъ и арабскихъ философовъ, медиковъ и естествовѣдъ, не говоря уже о превосходныхъ его познаніяхъ по всѣмъ отраслямъ еврейской науки. Сколько лѣтъ прожилъ онъ въ такомъ положеніи въ Толедо—неизвѣстно. Изъ отрывочныхъ свѣдѣній и намековъ въ стихотвореніяхъ видно, что сыновей онъ не имѣлъ и что отъ единственной дочери у него былъ внукъ. Въ акростихѣ одной элегии (Кина) на 9-й день мѣсяца *Абъ* значится *Батъ Галеви* (дочь Галеви) и весьма вѣроятно предположеніе, что это произведение дочери нашего Абуль-Хасана. Повидимому, желаніе жить въ ученомъ еврейскомъ центрѣ близко отъ дружественныхъ ученыхъ и поэтовъ, не давало ему успокоиться, и мы поэтому застаемъ его впоследствии живущимъ въ Кордовѣ, въ арабской части Испаніи. Въ 1140 году, когда нашему поэту было уже около 60 лѣтъ отъ роду, онъ высказалъ публично твердую рѣшимость привести въ исполненіе давно задуманное, можетъ быть по данному обѣту, вслѣдствіе потери имъ жены, переселеніе въ Іерусалимъ. Ни узы нѣжной любви къ дѣтямъ, ни сильная привязанность къ многочисленнымъ друзьямъ и родной землѣ, не могли поколебать въ немъ этого рѣшенія. Прощаніе со своими и съ друзьями, проѣздъ черезъ испанскіе города и вступленіе на корабль, прибытіе въ Египетъ, гдѣ поэтъ имѣлъ также много друзей и гдѣ онъ принужденъ былъ оставаться нѣкоторое время, отъѣздъ оттуда въ Палестину—все это походило на триумфальное шествіе и въ высшей степени интересовало тогдашніе учено-литературные кружки. Но съ этого момента внезапно прерывается нить нашихъ свѣдѣній, и герой исчезаетъ въ мракѣ безвѣстности, что подало народной фантазіи поводъ произвести прекрасную легенду. По ея словамъ, Р. Іегуда, при достиженіи вратъ Іерусалима, пришелъ въ неописанный восторгъ и въ этомъ восторженномъ состояніи сочинилъ и продекламировалъ

громко и съ чувствомъ извѣстную свою элегію, начинающуюся словами: «*Ціонъ гало тишали*»; но одинъ арабскій всадникъ, которому досадно было видѣть въ еврейѣ столько любви и преданности святому граду, растопталъ его копытами своей лошади. Уже давно критики замѣтили легендарный характеръ этого сказанія, ибо элегія на Сіонъ, какъ несомнѣнно явствуетъ изъ нѣкоторыхъ стиховъ, составлена на западѣ, далеко отъ Іерусалима и Палестины, и большая часть ея содержанія совсѣмъ не имѣетъ смысла предъ вратами святого града. Къ тому, арабъ не осмѣлился бы на такой варварскій поступокъ, такъ какъ Іерусалимъ съ окрестностями находился тогда во власти христіанъ-крестоносцевъ и мусульмане были тамъ сами въ загонѣ. Но народное сказаніе прекрасно характеризуетъ горячую любовь поэта къ землѣ его предковъ и наглядно рисуетъ картину его ощущеній и безгранично-нѣжной его преданности святому граду.

Вотъ все, что намъ извѣстно изъ обстоятельствъ жизни Абуль-Хасана. Какъ вся жизнь поэта была исключительно посвящена выспимъ идеямъ и духовной сторонѣ челоуѣка, не имѣя въ себѣ ничего матеріальнаго, такъ и прекратилась она, жизнь эта, неосязаемымъ для исторіи образомъ и улетучивалась словно эфиръ.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію литературныхъ произведеній Галеви. Произведенія эти раздѣляются на философскія и поэтическія, и оба эти отдѣла находятся у нашего автора въ полномъ гармоническомъ сочетаніи. По части философіи, не считая здѣсь нѣкоторыхъ стихотвореній съ философскою тенденціей, Р. Іегуда оставилъ намъ только одно религиозно-философское сочиненіе, но такое, которое стоитъ многихъ, ибо оно заключаетъ въ себѣ цѣлую энциклопедію религиозныхъ, философскихъ и нравственныхъ идей и полное руководство для всѣхъ членовъ еврейской націи на различныхъ ступеняхъ развитія. Можно смѣло сказать, что ни въ какой другой средне-вѣковой литературѣ нельзя указать на твореніе, гдѣ бы трактовалось обо всѣхъ важнѣйшихъ матеріяхъ съ такимъ соеди-

неніемъ широты и возвышенности взглядовъ, чистоты сердца и святости души, общаго человѣколюбія и національнаго патриотизма. Совокупность всѣхъ этихъ качествъ плѣняетъ насъ тѣмъ болѣе въ книгѣ, авторъ которой не похожъ на холодныхъ, расчетливыхъ метафизиковъ, но самъ служилъ превосходной иллюстраціей и живымъ воплощеніемъ преподаваемыхъ имъ идей. Сочиненіе это написано на языкѣ тогдашней учености, т. е. по-арабски, и носитъ римованное заглавіе: «*Китабъ аль-худджати вад-далили фи нурати ад-дини ад-далили*» (Книга доказательства и довода для защиты униженной вѣры, а еврейскій переводъ озаглавленъ *Сеферъ Козари* или *Ховари*, Хазарская книга). Въ этой книгѣ Абуль-Хасанъ излагаетъ основы еврейской вѣры, отвѣты на возраженія со стороны иновѣрцевъ и атеистовъ и все свое міровоззрѣніе, въ формѣ ученаго состязанія, происходившаго при дворѣ царя хазарскаго, между представителями трехъ главнѣйшихъ вѣроисповѣданій съ однимъ философомъ-атеистомъ. Для этой цѣли Р. Іегуда воспользовался дѣйствительнымъ фактомъ, весьма важнымъ для исторіи евреевъ въ нашемъ отечествѣ. Дѣло въ томъ, что въ VII или VIII столѣтіи хазарскій царь со всѣмъ царскимъ домоу, его вельможи и значительная часть хазарскаго народа (господствовавшаго на нижней Волгѣ, на Кавказѣ, въ Крыму и въ Кіевской Руси) были обращены въ іудейство. По согласному свидѣтельству хазарскихъ, арабскихъ, еврейскихъ, а по всей вѣроятности и славянскихъ источниковъ, этому обращенію хазаръ предшествовало ученое словопреніе между опытными богословами изъ евреевъ, христіанъ и мухамеданъ. Если нашимъ литературнымъ чтеніямъ суждено продолжаться и впредь, то въ одномъ изъ нихъ я буду имѣть честь изложить обстоятельно весь этотъ интересный и любопытный эпизодъ изъ исторіи русскихъ евреевъ. Теперь же я ограничусь только замѣчаніемъ, что дипломаты и путешественники съ научною или коммерческою цѣлью приносили въ Испанію извѣстія о дальнемъ цвѣтущемъ государствѣ въ нынѣшней южной Россіи; что названный мною выше Р. Хасданъ Ибнъ-

Шапрутъ получилъ отвѣтное письмо отъ современнаго ему хазарскаго царя, гдѣ тотъ вкратцѣ рассказываетъ исторію своего народа, между прочимъ и о томъ, какимъ образомъ и при какихъ обстоятельствахъ его предки приняли еврейскую вѣру; что по разрушеніи хазарскаго государства русскимъ княземъ Святославомъ [(въ 60-хъ годахъ X столѣтія), многіе жители Хазаріи удалились въ Испанію, а именно въ родной городъ нашего поэта, въ Толедо, гдѣ видѣлъ ихъ потомковъ еврейскій историкъ Авраамъ Ибнъ-Даудъ 200 лѣтъ спустя, въ 60-хъ годахъ XII вѣка. Всѣ эти обстоятельства отлично объясняютъ намъ, какимъ образомъ Р. Іегуда имѣлъ случай хорошо ознакомиться съ исторіей обращенія хазаръ въ іудейство, и почему онъ избралъ этотъ фактъ канвой для своего сочиненія. Ограниченность времени не позволяетъ мнѣ, къ сожалѣнію, входить въ подробности содержанія этого творенія и я принужденъ довольствоваться нѣкоторыми краткими указаніями, которыя могутъ служить образцами его образа мыслей по разнымъ вопросамъ.

Разницу между греческой цивилизаціей и еврейскою культурою Абуль-Хасанъ видитъ въ слѣдующемъ. Первая изъ нихъ состоитъ въ культѣ внѣшняго, изящнаго и наружнаго порядка, а вторая—въ культѣ добра, правды и внутреннихъ достоинствъ. Эллинская нравственность и социальныя отношенія основаны на расчетѣ и на любви къ порядку, которые не въ состояніи усиливать наши добрыя наклонности и хорошія чувства, а скорѣе притупляютъ послѣднія, и посему лишены устойчивости; еврейская же нравственность основана на вѣчномъ началѣ добра и справедливости въ человѣкѣ, отражающемъ въ себѣ подобіе своего Творца, первоначальнаго источника добра и правды, и сама также вѣчна и незыблема. Эллинская философія, предоставленная своимъ собственнымъ силамъ, производитъ только прекрасные цвѣты, подчасъ пустоцвѣты, а не плоды, и въ концѣ концовъ ведетъ къ отрицанію и къ гибели; іудаизмъ же, представляя элементъ прочный и устойчивый, сообщаетъ и эллинизму и его наукѣ прочность. Посему грече-

ская культура составляет для человѣчества пріятный и полезный элементъ, іудаизмъ же—необходимую стихію даже для эллинизма.

Угнетенное состояніе еврейскаго народа никоимъ образомъ не можетъ служить доказательствомъ противъ его превосходства, такъ какъ и другія вѣроисповѣданія ставятъ высоко смиренность и угнетенность. Такъ христіане превозносятъ смиренность основателя ихъ религіи и говорятъ также, что униженные въ семь мірѣ будутъ возвышены на томъ свѣтѣ, вслѣдствіе чего учатъ подставлять для удара лѣвую щеку тому, кто ударитъ тебя по правой, а мусульмане съ самодовольствомъ и благоговѣніемъ указываютъ на страданія Ансаріевъ (сподвижниковъ Мухаммедовыхъ). Правда, что страданія и преслѣдованія, которымъ подвергаются евреи въ различныхъ странахъ, не добровольныя; но если сообразить, что стоитъ имъ сказать только одно слово, чтобы покончить со всѣми преслѣдованіями, даже получить еще вознагражденіе отъ своихъ угнетателей и сдѣлаться равными съ послѣдними, а все-таки они этого слова не говорятъ и предпочитаютъ переносить всѣ невыгодныя послѣдствія отъ этого—если сообразить все это, то безпристрастные не могутъ относиться къ такимъ страданіямъ иначе, какъ съ полнымъ уваженіемъ.

Исполненіе спеціально-еврейскихъ обрядовъ тогда только имѣетъ значеніе, когда при этомъ строго соблюдаются гражданскіе и обще-человѣческіе законы, предписываемые разумомъ, какъ-то, справедливость и любовь ко всѣмъ людямъ и признательность къ Богу, такъ какъ первые служатъ только дополненіемъ и прибавленіемъ къ естественнымъ общимъ законамъ, но никакъ не могутъ ихъ замѣнять. Подобно Цицерону, но независимо отъ него, Р. Іегуда обращаетъ вниманіе на то, что безъ соціально-разумныхъ установленій и законовъ не можетъ существовать даже шайка злодѣевъ.

Еврейская религія, говоритъ далѣе у нашего автора, не предписываетъ аскетическаго воздержанія, а направляетъ человѣка на средній путь между воздержаніемъ и излишествомъ

и заботится о томъ, чтобъ каждой силѣ тѣла и души доставалась принадлежащая ей доля въ умѣренной пропорціи. Ибо то, что обращается исключительно въ пользу одной силы, отнимается у другой; такъ напр. предающійся неумѣренно своимъ вожделеніямъ ослабляетъ свою мыслительную способность и наоборотъ. Поститься много не можетъ считаться заслугой у человѣка съ ограниченными желаніями, съ малыми силами и слабого сложенія. Для такого человѣка гораздо лучше, если онъ позаботится о возстановленіи своихъ силъ посредствомъ хорошей пищи. Отсутствіе старанія увеличивать свой капиталъ, или умышленное его уменьшеніе, не должно считаться заслугой у человѣка, могущаго увеличивать свои матеріальныя средства безъ ущерба для приобрѣтенія познаній и не отрываясь отъ добрыхъ дѣлъ, особенно же, если человѣкъ этотъ имѣетъ большую семью и издерживаетъ также на благотворительныя цѣли.

Пощеніе въ назначенные для того дни не есть болѣе богоугодное дѣло и не составляетъ большей религіозной заслуги чѣмъ чистая радость и сердечное удовольствіе отъ благотворительности и отъ исполненія другихъ повелѣній Божіихъ. Если же удовольствіе заставляеть человѣка пѣть благочестивыя пѣсни и обнаруживать другіе признаки веселаго расположенія духа, то онъ этимъ также служитъ Богу и приближается къ его безконечной любви. Чтобы оцѣнить по достоинству всѣ эти мысли слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что Абуль-Хасанъ писалъ все это во время самаго яркаго процвѣтанія монашества и идеи самобичеванія въ христіанствѣ и дервишизма въ исламѣ.

Замѣчательно также безпристрастіе, съ которымъ нашъ мыслитель относится къ чужимъ религіямъ. Едва ли найдется въ средніе вѣка еще одинъ примѣръ такого, лишеннаго всякой враждебности и недоброжелательства опредѣленія религіи иновѣрцемъ, какія мы находимъ въ произведеніи Абуль-Хасана относительно христіанства и ислама. Очевидно для всякаго вникающаго въ это твореніе, что его авторъ на-

столько проникнуть началами своей собственной вѣры и такъ глубоко убѣжденъ въ ея превосходствѣ, что не имѣетъ надобности искать для нея опоры въ униженіи и искаженіи другихъ вѣръ, почему и можетъ относиться къ нимъ съ безпристрастіемъ и полнымъ достоинствомъ.

Не смотря на свою слабость, малочисленность, матеріальную и духовную разрозненность, Израиль остается единымъ въ дѣлѣ храненія чистыхъ началъ, ему довѣренныхъ, и передачи ихъ другимъ, и вотъ почему онъ является незначительнымъ по матеріи, но весьма значительнымъ по духу. Еврейскій народъ есть сердце человѣчества въ томъ отношеніи, что онъ чувствуетъ и испытываетъ всѣ болѣзненные вспышки въ организмъ другихъ народовъ; но его тревожное состояніе и возбужденность предохраняютъ его отъ сильной порчи и радикальной болѣзни. Какъ сѣмя, брошенное въ почву, переходитъ различные фазисы разложенія до полной гнили, но мало по малу привлекаетъ окружающія песчинки и перерабатываетъ почвенныя частицы въ хорошія и полезныя растенія, такъ и іудаизмъ, брошенный среди другихъ народовъ и подвергаясь различнымъ, не всегда хорошимъ и полезнымъ видоизмѣненіямъ, незамѣтнымъ образомъ привлекаетъ окружающее чело-вѣчество къ служенію идеямъ святости, добра и правды, ему впервые откровеннымъ. Результаты этого многозначительнаго факта нисколько не измѣняются отъ того обстоятельства, что означенныя идеи часто выступаютъ не какъ еврейскія, а подъ чужою фирмою. Справедливость этого глубокомысленнаго замѣчанія, по мѣрѣ успѣховъ чело-вѣчества на пути прогресса и истинной культуры, все болѣе и болѣе оправдывается, и оплодотвореніе идеями, положенными въ основаніе іудаизма, этой почвы всего цивилизованнаго міра, высказывается все ярче. Сколько стоило европейскому чело-вѣчеству усилій, борьбы и жертвъ для того, чтобъ дойти до той простой истины, что всѣ люди должны быть равны и что рабство есть противоестественное и противочеловѣческое состояніе, которое обращается во вредъ всему обществу, его узаконяющему! Между тѣмъ, это

основное начало изъ всѣхъ древнихъ законодательствъ нашло себѣ выраженіе только въ одномъ еврейскомъ. Въ то время, какъ египетское и индѣйское уложенія были основаны на кастовомъ раздѣленіи общества, приче́мъ низшія касты были порабощены высшими, а греки имѣли илотовъ, пользовавшихся минимумомъ человѣческихъ правъ, іудаизмъ признаетъ только одну противоположность — Бога и человѣка, и въ отношеніи къ первому всѣ люди равны. Одно только ученіе Моисеево провозгласило громко, что все человѣчество происходитъ отъ одного общаго праотца, созданнаго по образцу и подобію Божию, и что всѣ люди, какъ выражаются древніе раввины, только рабы Божіи, а не рабы рабовъ. Послѣ того, какъ европейскіе народы въ продолженіе многихъ столѣтій испробовали многоразличныя формы судоустройства и напрактиковались надъ разными дворянскими судами, сиротскими судами, духовными судами, шефенгерихте и т. д., они пришли, наконецъ, къ заключенію, что судъ долженъ быть одинъ, равный для всѣхъ, другими словами, они признали, что нашъ старикъ Моисей себѣ на умѣ, когда безпрестанно повторяетъ въ Пятикнижii: «Одинъ законъ и одно право вамъ. какъ коренному жителю, такъ и иностранцу», и что предъ судомъ не должно быть никакого различія между людьми. Лучшіе умы въ Европѣ начинаютъ мало по малу проникаться убѣжденіемъ въ великомъ значеніи древне-еврейскихъ воззрѣній на социальное устройство общества, на раздѣленіе имущества и накопленіе богатства, на супружеское состояніе, на международныя войны и на многіе другіе нравственные вопросы, и вообще между безпристрастными учеными преобладаетъ сознаніе, что если человѣческое общество нынѣ не созрѣло еще для приведенія въ исполненіе многихъ принциповъ чисто-іудейскаго происхожденія, то оно непременно созрѣетъ для этого въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

Впрочемъ, предметъ этотъ столь важенъ и многообъемлющъ, что никоимъ образомъ не можетъ быть разсматриваемъ вскользь и мимоходомъ. Вернемся къ Р. Іегудѣ Галеви.

Въ предыдущемъ я вкратцѣ намѣтилъ нѣкоторыя черты изъ религиозно-философскаго творенія Абуль-Хасана; перейду теперь къ другой отрасли его плодотворной дѣятельности, къ поэзіи, въ которой онъ по справедливости занимаетъ первое мѣсто во всей по-библейской эпохѣ. Какъ было уже замѣчено мною, еврейская поэзія находилась уже, при появленіи Абуль-Хасана на испанскомъ Парнасѣ, на довольно высокой степени и въ эстетическомъ, и въ техническомъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе нашъ поэтъ тотчасъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе, и съ удивленіемъ спрашивали себя его соотечественники: не воскресъ ли одинъ изъ древнихъ пѣвцовъ Сіона? Еще отрокомъ получилъ онъ посвященіе музы, и его первыя произведенія поражали старшаго поэта Р. Моисея Ибнъ-Эзра, который спрашиваетъ въ обращеніи къ молодому сопернику: «Какъ это ты, о любезный юноша, успѣлъ уже заpastись горами знанія, мыслей и понятій? Какимъ образомъ, еще такой молодой, ты уже поднялся на такія высоты? Изъ Кастиліи возсіялъ свѣтъ для озаренія всего міра» и т. д. Сначала Р. Іегуда платилъ дань своему времени и господствующему вкусу, расточалъ дарованный ему свыше талантъ на составленіе стихотворныхъ посланій въ честь многочисленныхъ друзей и почитателей, кругъ которыхъ все расширялся, и воспѣвалъ торжественные случаи въ жизни послѣднихъ, какъ напр. свадьбы, рожденіе дѣтей и т. п. Превосходство его въ этомъ жанрѣ достойно удивленія; такъ напр. приготовленное стихотвореніе въ честь друга, надѣленнаго всеми земными благами, нашъ молодой поэтъ, когда пришла страшная вѣсть объ убійствѣ этого друга въ путешествіи, сумѣлъ превратить въ самую трогательную элегію. Весьма удачно одинъ ученый сопоставилъ, по этому поводу, Абуль-Хасана съ Рубенсомъ, про котораго рассказываютъ, что однимъ штрихомъ онъ могъ превратить картину смѣющагося ребенка въ плачущаго. Не отставалъ онъ сначала отъ своихъ современниковъ и въ составленіи пѣсень въ честь вина, любви и на другія темы свѣтской поэзіи, и въ нихъ ярко обнаруживается, на сколько онъ стоялъ выше современниковъ. Онъ

никогда не впадаетъ въ тѣ чудовищныя переувеличенія и странныя сравненія, которыми такъ богаты арабская и подражательная еврейская поэзія того времени. Въмѣстѣ съ тѣмъ, въ стихотвореніяхъ этого рода нашъ поэтъ никогда не переступаетъ границу благопристойнаго, не оскорбляетъ скромнаго чувства, а всегда умѣетъ гармонически сочетать отличный вкусъ, приличіе и душевную теплоту. Сохранилось для насъ также одно прекрасное стихотвореніе, имѣющее отношеніе къ наукѣ, которою онъ занимался по профессіи. Когда онъ разъ заболѣлъ и самъ приготовилъ для себя лекарство, то въ стихотвореніи, составленномъ на этотъ случай, нашъ медикъ обращается къ Богу и говоритъ, что Ему одному извѣстно хорошо ли это лекарство или нѣтъ, будетъ оно дѣйствовать сильно или слабо, почему онъ нисколько не полагается на собственное знаніе, а всю свою надежду возлагаетъ на помощь свыше. Это, впрочемъ, проистекаетъ отъ смиренной набожности, но не отъ малаго уваженія къ наукѣ, такъ какъ вся жизнь Р. Іегуды свидѣтельствуетъ противное, а въ своемъ религіозно-философскомъ твореніи онъ пространно доказываетъ изъ Талмуда хорошія познанія древнихъ раввиновъ въ анатоміи, біологіи и астрономіи. Но еще ярче выступаетъ глубокое его уваженіе къ наукѣ въ одномъ превосходномъ стихотвореніи гдѣ, по исчисленіи всѣхъ имѣющихся у него поводовъ къ грустному настроенію, поэтъ вдругъ устраняетъ ихъ слѣдующими словами: «Что мнѣ бояться людей, имѣя столь мужественный характеръ, и что мнѣ опасаться бѣдности при существованіи научныхъ познаній, въ горахъ которыхъ я могу откапывать несмѣтныя богатства? Проголодаюсь ли я—предо мною вкуснѣйшія явства науки; почувствую ли жажду—вотъ текутъ рѣки ея мудрости; постигнетъ ли меня печаль—ея пѣсня меня тотчасъ развеселитъ; при ея мудрыхъ рѣчахъ не ощущается потребность въ развлеченіи друзей; въ ея книгахъ мои сады и виноградники и на ея устахъ моя арфа и моя лира».

IV.

Какъ бы, однако, ни были велики заслуги Р. Іегуды въ области свѣтской поэзіи, настоящіе его духовные подвиги, которыми онъ приобрѣлъ вѣчно неувыдаемую славу генія, бессмертное имя въ исторіи развитія своего народа и почетное имя между первоклассными поэтами всѣхъ временъ и народовъ, были совершены имъ на поприщѣ національно-религіозной поэзіи. Большая часть богатаго собранія произведеній Абуль-Хасана посвящена тому великому эпосу, героями котораго являются Богъ и избранный имъ народъ, и которому посвящена почти вся древне-еврейская литература. Всѣ фазисы этого великаго эпоса живо представляются нашимъ поэтомъ. Явленіе Бога патріархамъ и пророкамъ и его отечески-любвенныя отношенія къ нимъ, избраніе молодаго Израиля и освобожденіе его отъ всѣхъ враговъ, начиная съ египтянъ, отцовская заботливость о немъ и устройство его въ Палестинѣ, непокорность его волѣ Божіей и постигшее его за то жестокое наказаніе, покаяніе его на чужой сторонѣ и страстное желаніе опять возвратиться къ отцу и стараться всѣми силами загладить свои прежніе проступки—все это такъ яркъ и привлекательно рисуется нашимъ поэтомъ, и онъ въ эти изображенія влагаетъ столько свѣжей силы и живого чувства, что не смотря на общезвѣстность мотивовъ, они плѣняютъ насъ своею прелестью и представляются намъ какъ будто новыми, совсѣмъ незнакомыми картинами. Свыше 300 религіозныхъ стихотвореній его дошли до насъ (всего отъ него осталось около 1,000) и получили такое распространеніе, что украшаютъ собою богослуженіе во всѣхъ синагогахъ, отъ Китая до крайнихъ оконечностей западной Африки, отъ Сибири до Индіи, у равнинистовъ и у караймовъ.

Другой мотивъ поэзіи Галеви составляютъ безконечныя страданія народа-мученика. Я въ началѣ указалъ на благоприятное политическое состояніе евреевъ въ Испаніи; но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что это только относительно и

что даже самое лучшее положеніе евреевъ въ средніе вѣка представляло еще достаточно трагическихъ элементовъ. Если мы видимъ, что даже въ настоящее время, когда человѣческія права евреевъ признаются *de jure* законодательствомъ почти всѣхъ европейскихъ государствъ, еврейская нація часто однако остается голодною за всемірной трапезой народовъ, и на каждаго члена нашей семьи приходится немалая доля страданій за себя, за своихъ близкихъ и родныхъ и за все іудейское племя—то легко себѣ представить каково было положеніе этого племени въ то время, когда вмѣсто закона господствовали произволь и благоусмотрѣніе правительственныхъ лицъ всѣхъ инстанцій, благородныхъ рыцарей и совѣтъ неблагородной черни. Если нынѣ, при громкомъ провозглашеніи независимости государства отъ церкви и исповѣданія, при общемъ уваженіи человѣческихъ правъ и преобладаніи нравственныхъ принциповъ въ общественной жизни, къ намъ исключительно прилагается другой масштабъ гражданскихъ отношеній, и сердце наше часто наполняется горечью въ виду того, какъ самыя безнравственные люди считаютъ себя вправѣ смѣло проповѣдовать намъ мораль, какъ болѣе умѣренные считаютъ насъ необходимымъ зломъ, для котораго общіе законы не писаны, и какъ откровенные изъ нашихъ согражданъ явно вздыхаютъ по инквизиціоннымъ кострамъ и пыткамъ специально для насъ—то не трудно понять каково жилось нашимъ предкамъ въ тѣ времена, когда религія составляла важнѣйшій факторъ въ государственной жизни и фанатическое духовенство проповѣдывало на всѣхъ углахъ ненависть къ иновѣрцамъ, когда о значеніи гражданственности для общегосударственной жизни и о человѣческомъ достоинствѣ даже образованнѣйшіе люди имѣли самыя смутныя понятія. И если случайно въ извѣстной странѣ участь евреевъ была облегчена, такъ что они могли пользоваться спокойствіемъ, то у людей съ чувствомъ это спокойствіе постоянно отравлялось шаткостью положенія и неувѣренностью въ завтрашнемъ днѣ, а еще болѣе—жалкимъ состояніемъ ихъ братьевъ, проживающихъ въ другихъ странахъ. Это состояніе

вкратцѣ и весьма мѣтко охарактеризовано слѣдующими словами одного извѣстнаго ученаго: «Если существуетъ скала страданій, то Израиль достигъ высшей ея степени; если продолжительность скорби и терпѣнія, съ которыми они переносятся, облагораживаютъ, то евреи могутъ смѣло соперничать съ благороднѣйшими всѣхъ странъ; если литература считается богатою, когда она имѣетъ нѣсколько классическихъ трагедій, то какое же мѣсто слѣдуетъ отвести трагедіи, продолжающейся тысячи лѣтъ, которая составлена и представляется самими героями ея?»

Само собою разумѣется, что эта тема, часто трактуемая и прежними поэтами, не могла не затронуть за живое такого отзывчиваго поэта, какъ Р. Іегуда, и его печальные звуки проникаютъ во всякую душу и способны растрогать всякое сердце; вмѣстѣ съ возвышеннымъ слогомъ и красотой поэтическихъ формъ пѣсни эти имѣютъ еще то важное достоинство, что въ нихъ отсутствуютъ всякій шаржъ и всякая неестественность, чѣмъ часто грѣшатъ предшественники Абуль-Хасана. Такъ въ одномъ мѣстѣ поэтъ, обращаясь къ Богу, восклицаетъ:

«Ты насъ бросилъ въ изгнаніе, которое жжетъ насъ, какъ жало ехидны, и нѣтъ у насъ утѣшителя; никто изъ насъ не почитается, и потомство Якова сравнено съ терніемъ на пути. Къ кому мы можемъ обращаться за помощью въ жалкомъ угнетеніи нашемъ? Кто за насъ заступится? Смотри, вотъ сынъ рабыни (прозваніе арабовъ, потомковъ Агари, служанки Авраама и Сарры) жестоко враждуетъ противъ меня; обращаемся къ Исаву (Риму)—онъ насъ гнететъ и давитъ; зываемъ къ Богу—онъ насъ не слышитъ».

Въ другой разъ поэтъ, пользуясь стереотипнымъ уже въ древности сравненіемъ Бога и израильской общины съ любящей четой, говоритъ первому отъ имени послѣдней:

«О, другъ мой, развѣ ты совсѣмъ забылъ время, проведенное тобою близъ меня, и на вѣки передалъ меня въ руки угнетателей? Вспомни мою безграничную преданность въ время слѣдованія чрезъ горы и пустыни, чему свидѣтели

«Сеиръ, Паранъ и Синай. Тогда твоя любовь и твоя благость
 «всецѣло принадлежали мнѣ; нынѣ же все достояніе мое и
 «вся моя честь отданы другимъ. Заброшена я въ Сеиръ (Римъ),
 «затеряна въ Кедаръ (Аравіи), общипаема въ Яванъ (Греціи)
 «и угнетаема въ Мидіи. Существуетъ ли спаситель, подобный
 «тебѣ, и находится ли у кого такое твердое упованіе, какъ у
 «меня? Предоставъ же мнѣ твою помощь, какъ тебѣ принадле-
 «житъ вся моя любовь».

Или же въ такомъ родѣ:

«Ты припряталъ отъ меня твою десницу, и вотъ непріятель
 «наложилъ на меня свою тяжелую руку; развѣ ты меня со-
 «всѣмъ оставилъ, развѣ не хватаетъ у тебя силъ? Ты вѣдь
 «источникъ могущества и крѣпости, и если пожелаешь облаго-
 «дѣтельствовать, то нѣтъ тебѣ помѣхи. Зачѣмъ мною завла-
 «дѣли чужіе властители, ты вѣдь мой удѣлъ? Служащій
 «своему Творцу, какъ можетъ онъ служить тварямъ? Въ горѣ
 «и радости я шествую подъ твоимъ знаменемъ, зачѣмъ же
 «ноги мои скованы, шаги спутаны и я постоянно спотыкаюсь?
 «О, Владыко міра, ты со мною заключилъ союзъ любви, у
 «меня до сихъ поръ нѣтъ другаго желанія, какъ только дер-
 «жаться тебя крѣпко и вѣчно».

Впрочемъ, считаю нужнымъ оговориться, что не только
 мои слабыя прозаическія переложенія, какъ этихъ, такъ и
 нижеслѣдующихъ произведеній нашего поэта, но и болѣе искус-
 ный поэтический переводъ никоимъ образомъ не въ состояніи
 передать ту плѣнительную красоту, ту задушевность и тотъ
 священный жаръ, которыми дышатъ всѣ его синагогальныя
 пѣсни, изображаютъ ли онѣ высшія стремленія души къ
 познанію Бога и ко всему благородному, представляютъ ли
 горькія ощущенія грѣшнаго сердца, ищущаго покаянія,
 или же рисуютъ величіе Творца въ его твореніяхъ. Постоянно
 онъ находитъ самое удачное слово, самое мѣткое выраженіе и
 самый подходящій ключъ къ человѣческому сердцу. Самый
 же блестящій отдѣлъ составляетъ серія стихотвореній, которую
 можно назвать *палестинскою*. На склонѣ лѣтъ, въ нашемъ

поэтѣ, сохранившемъ всю силу и свѣжесть своего дарованія, произошла нѣкоторая перемѣна. Серьезныя размышленія о возвышенномъ значеніи еврейскаго вѣроученія и погруженіе въ созерцаніе великихъ принциповъ іудаизма, а можетъ быть еще какое нибудь внѣшнее обстоятельство, значительно усиливали и безъ того крѣпкую въ немъ религіозную стихію. Мало по малу онъ дошелъ до убѣжденія, что свѣтская поэзія и будничные интересы дня несомнѣстимы съ духомъ истиннаго благочестія и недостойны того священнаго языка, который служилъ органомъ для откровенія Божія и на которомъ разговаривали израильскіе патріархи, пророки и всѣ святые мужи еврейской старины, и поэтому, какъ гласитъ преданіе, онъ далъ себѣ зарокъ не заниматься болѣе свѣтскою поэзіею и не профанировать древне-еврейскаго языка. Такому же теченію мыслей Абуль-Хасанъ слѣдовалъ и относительно Палестины. Чѣмъ глубже онъ погружался въ раздумье о величій той страны, гдѣ израильскій народъ проводилъ свое блестящее прошлое и чѣмъ рѣзче это славное прошлое отличалось въ сознаніи поэта отъ современнаго ему состоянія его единовѣрцевъ, тѣмъ лучезарнѣе являлась ему земля предковъ и тѣмъ сильнѣе влекло его туда. Въ вышеупомянутомъ диалогическомъ сочиненіи Р. Іегуда влагаетъ въ уста ученаго представителя іудаизма при хазарскомъ дворѣ восторженныя рѣчи въ похвалу святой земли, что заставляетъ хазарскаго царя предложить ему вопросъ—почему же онъ не старается отправиться туда, чтобы жить тамъ? На это царскій собесѣдникъ отвѣчаетъ: «Ты, царь, совсѣмъ пристыдилъ меня; это въ самомъ дѣлѣ одинъ изъ слабыхъ пунктовъ въ религіозной жизни, гдѣ практика не соотвѣтствуетъ теоріи». Къ концу же ученаго пренія, когда царь былъ уже обращенъ въ іудейство, представляется, что у его еврейскаго ученаго дѣйствительно явилось рѣшеніе отправиться въ Палестину, и убѣдительнѣйшія просьбы царя, которому жаль было разстаться со своимъ учителемъ, не могутъ заставить послѣдняго отказаться отъ своего намѣренія. Во всемъ этомъ авторъ представилъ свое собственное отношеніе

къ настоящему вопросу и тѣ мысли и чувства, которыя завладѣли его сердцемъ и душою.

Въ высшей степени интересно прослѣдить весь циклъ стихотвореній нашего Галеви, относящійся къ его переселенію въ Палестину. Этотъ циклъ начинается тѣми произведеніями, въ которыхъ поэтъ, находясь еще на испанской родинѣ, страстно порывается въ обѣтованную землю. Въ одномъ изъ нихъ онъ выражается о Іерусалимѣ слѣдующими словами:

«Краса странъ, радость міра, столица великихъ царей, о, какъ тянетъ меня къ тебѣ съ крайняго запада! Какъ велика моя скорбь при воспоминаніи о прежнемъ твоёмъ великолѣпнѣи и о настоящемъ разрушеніи твоего храма! Гдѣ мнѣ взять орлиный полетъ для того, чтобъ я могъ насыщать моими слезами землю твою? Меня влечетъ къ тебѣ, хотя царство твое исчезло, хотя мѣсто твоего цѣлительнаго бальзама забираютъ нынѣ змѣи да скорпіоны. Твои милые камни мнѣ бы хотѣлось разцѣловать, а твой песокъ былъ-бы мнѣ слаще меду».

Въ другомъ стихотвореніи онъ восклицаетъ:

«Сердце мое льнетъ къ востоку (т. е. къ Палестинѣ), а я прикованъ къ концу запада, какъ же могутъ яства мнѣ быть пріятны? Какимъ образомъ могу я исполнить мой обѣтъ (или сердечное желаніе), пока Сіонъ во власти Эдома (Рима), а я въ арабскихъ цѣпяхъ? Всѣ блага Испаніи потеряли въ моихъ глазахъ значеніе, а дорого мнѣ лишь узрѣть мѣсто разрушеннаго храма».

Въ славной элегіи подъ названіемъ *Сіонъ* восторженность поэта, упоеніе своею сердечною печалью и страстное его влеченіе къ святому граду, высказываются во всей своей силѣ. Начальныя строфы этой элегіи гласятъ:

«О Сіонъ, ты вѣдь не забылъ твоихъ плѣнныхъ изгнанниковъ, остатка твоей паствы, прими же отъ нихъ, разсѣянныхъ на всѣ четыре стороны, горячій поклонъ! Привѣтъ тебѣ также отъ узника страсти (т. е. отъ самого поэта), который крѣпко желалъ бы проливать на твоихъ горахъ свои горячія

«слезы, словно росу Хермона! Я превращаюсь въ шакала для того, чтобъ плакать о твоёмъ бѣдствіи, но когда мнѣ рисуется будущее твое величіе, я становлюсь арфой, издающей сладкіе звуки. Меня манять своими чарами Бетель и другія мѣста нашего предка Іакова, гдѣ встрѣчали его чистые твои ангелы. О Сіонъ, какъ близка была тебѣ Божія благодать, твои врата были открыты Творцемъ противъ небесныхъ вратъ! Не нуждался ты въ свѣтѣ солнца, луны и звѣздъ, ибо Божій блескъ тебя постоянно озарялъ. О, какъ желалъ-бы я испустить послѣднее дыханіе тамъ, гдѣ парилъ духъ небесный надъ твоими избранниками! Ты, царственный градъ, небесный тронъ, зачѣмъ рабы вступали на престолы твоихъ владыкъ? Еслибы я могъ странствовать по мѣстамъ, гдѣ твои пророки удостоивались лицезрѣнія Божія! Гдѣ-бы мнѣ взять крылья чтобъ полетѣть и смѣшать обломки моего сердца съ твоими развалинами? Прильнулъ-бы я лицомъ къ почвѣ твоей и впился бы въ твои камни и землю. Съ трепетнымъ благоговѣніемъ останавливался-бы я на гробницахъ святыхъ патриарховъ въ Хевронѣ, на горахъ Аваримъ и Горъ-га-Гарѣ, гдѣ почіютъ два великихъ свѣтила (Моисей и Ааронъ). Твой воздухъ—оживляетъ душу, песокъ твоей земли лучше всякаго аромата, а въ рѣкахъ твоихъ течетъ медовая патока. Съ великимъ наслажденіемъ ходилъ-бы я, хоть нагимъ и босымъ, по развалинамъ твоего храма, по мѣстамъ, гдѣ стояли священный ковчегъ и херувимъ. Я снимаю всё мои украшенія и проклинаю время, въ которое твои святыни были осквернены на нечистой землѣ. Какъ могутъ пища и питье доставлять мнѣ удовольствіе, пока я вижу, что псы таскаютъ твоихъ львовъ? Какъ можетъ небесный свѣтъ быть пріятнымъ моимъ глазамъ, когда я вижу, что твои орлы стали добычей воронъ?» и т. д.

Мало по малу Р. Іегуда уживается совершенно съ мыслью о Іерусалимѣ эта мысль преслѣдуетъ его неотступно, воображеніе живо рисуетъ ему картину древняго богослуженія

въ храмѣ, такъ что онъ видитъ эту картину на яву и во снѣ. Въ одной пѣснѣ онъ рассказываетъ про свой сонъ:

«Господи, какъ чудно пріятно твое жилище, и какъ блаженны близкіе къ тебѣ въ своихъ видѣніяхъ! Сонъ перенесъ меня въ Божій храмъ, и я удостоился узрѣть великолѣпіе службы въ немъ: жертву всесожженія, жертву приношенія и возліянія на алтарѣ, а кругомъ столбы священнаго дыма. Погрузился я въ чудное пѣніе левитовъ, какъ они произносятъ божественные гимны... Проснулся я, все еще чувствуя обаяніе твоей близости, за что и прославляю имя твое».

Наконецъ, поэтъ уже не въ состояніи побороть постоянно преслѣдующей его мысли, и рѣшеніе покинуть все и отправиться въ Палестину вполне созрѣло. Начинается у него цѣлый рядъ смѣшанныхъ ощущеній. Съ одной стороны блаженство скорого осуществленія его идеальныхъ помысловъ, а съ другой—горечь вѣчной разлуки со всѣми дорогими его сердцу существами. Тутъ счастье отъ достиженія столь пламенно желаемой цѣли, а тамъ болѣзненные ощущенія при оставленіи навсегда родины и нѣжныхъ друзей, старающихся отклонить его рѣшеніе, а затѣмъ, впереди, жизнь въ одиночествѣ и на чужбинѣ. Всѣ эти ощущенія нарисованы Абуль-Хасаномъ такою мастерскою рукою и такими живыми красками, что онъ заставляеть читателя самого перечувствовать всѣ тревоги автора до мельчайшихъ подробностей. Одному другу, написавшему поэтическое посланіе, въ которомъ онъ разными доводами старался удерживать Р. Іегуду отъ исполненія принятаго имъ рѣшенія, послѣдній отвѣчаетъ:

«Рѣчи твои сладки, искусны выше хвалы, но въ нихъ какъ будто засѣли вооруженные въ засаду; въ каждомъ словѣ скрывается пчела, готовая уколоть, и въ твоёмъ меду спрятаны колючіе терны. Іерусалимъ, даже находясь во власти иновѣрцевъ, не теряетъ своего обаянія какъ мѣстность, гдѣ стоялъ храмъ Божій. Или согрѣшаютъ всѣ тѣ, которые обращаются туда въ своихъ молитвахъ? Не справедливо-ли поступали наши предки, скитавшіеся тамъ какъ чужіе пришлецы и покунавшіе

«тамъ гробницы для своихъ покойниковъ, хотя земля принадлежала язычникамъ? Напрасно-ли заботились они о бальзамированіи усопшихъ и отправленіи ихъ туда? Даромъ-ли воздвигали они тамъ, еще до сооруженія святого храма, алтари и приносили жертвы? Если вспоминаемъ покойниковъ, посѣщаемъ кладбища, то возможно-ли забыть мѣсто ковчега завѣта и скрижалей закона, источника вѣчной жизни? Осталось-ли намъ изъ всего нашего древняго достоянія что-либо кромѣ святынь? Имѣемъ-ли на востокѣ или на западѣ какой нибудь надежный уголокъ, чтобъ пренебрегать священными мѣстами? Нѣтъ, единственный нашъ оплотъ тамъ, гдѣ открыты врата къ небу, гдѣ горы Синай, Кармель и Бетэль, гдѣ были жилища пророковъ, обители священниковъ и престолы нашихъ царей, помазанниковъ Божіихъ. Земля эта назначена намъ и нашему потомству, хотя нынѣ она пустынна и служитъ логовищемъ дикихъ звѣрей» и т. д.

Затѣмъ, послѣ трогательныхъ прощальныхъ рѣчей, обращенныхъ къ единственной дочери, къ внуку, носившему также имя Іегуды, и къ друзьямъ, слѣдуетъ цѣлая серія прелестныхъ стихотвореній, написанныхъ во время плаванія на морѣ. Съ невыразимою грустью поэтъ оглядывается на оставленную родину, на покинутыхъ членовъ дорогой семьи и на своихъ товарищей и учениковъ, которыхъ онъ уже больше никогда не увидитъ. Яркими красками рисуется онъ свое печальное состояніе, какъ, находясь въ утлой досчатой постройкѣ, которой ежеминутно грозятъ опасности отъ бури, отъ пиратовъ и отъ морскихъ чудовищъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно одинокъ среди грубыхъ матросовъ и невѣжественной черни. Но всѣ эти печальныя размышленія разомъ исчезаютъ, когда предъ нимъ промелькнетъ мысль о томъ, что въ недалекомъ будущемъ онъ будетъ на тѣхъ мѣстахъ, къ которымъ онъ чувствуетъ neodолжимое влеченіе, что приближается то время, когда онъ испытаетъ самое высшее духовное наслажденіе. Въ одномъ изъ этихъ стихотвореній онъ восклицаетъ:

«Боже, душа моя всегда и въ покоѣ, и въ тревогѣ, благо-

«славляетъ тебя въ покорности! Тебѣ я радуюсь и во время качанія, когда судно наше расправляетъ, словно страусъ, свои крылья; тобою я наслаждаюсь когда подо мною морская пучина шумить и клокочетъ, подражая бурѣ, происходящей въ моей внутренности, а дно морское яростно кипить; когда мы подвергаемся опасности отъ злодѣевъ, подстерегающихъ насъ въ африканскихъ водахъ; когда морскія звѣри и чудовища гонятся за нами, такъ что весь народъ на кораблѣ объять невыразимымъ ужасомъ. Не колеблетъ меня никакая забота о богатствѣ и имуществѣ и не распатаютъ меня печаль и скорбь о тяжкихъ потеряхъ моихъ. Оставлена мною дочь, драгоценный другъ души и она у меня единственная. Покинулъ я также ея сына, воспоминаніе о которомъ причиняетъ мнѣ жестокую рану; о, дорогое дитя мое, ты прелестный юноша, какъ можетъ Іегуда (дѣдъ) позабыть Іегуду (внука)? Но все это легко переносится мною, когда я съ любовью и благословеніями приближаюсь къ твоимъ вратамъ, чтобъ поселиться тамъ на всегда. Всѣ ощущенія сердца моего приношу я на твой алтарь, какъ жертва всесожженія. Свидѣтельствомъ тому да послужитъ моя могила въ землѣ твоей!»

Въ другой разъ Абуль-Хасанъ какъ-бы спрашиваетъ себя:

«Припелъ-ли потопъ и затопилъ всю сушу? Вымерли-ли всѣ люди, животныя и птицы? Я успокоюсь при видѣ горъ и долинъ, даже пустыня будетъ мнѣ пріятна; но увы! я оглядываюсь на всѣ стороны, и кругомъ только небо, вода да деревянное судно. То китъ (или тунецъ) взбаламутитъ море и оно покрывается пѣною, то волны скрадываютъ нашъ корабль и онъ какъ бы исчезаетъ; вдругъ море страшно забушуетъ—но душа моя блаженствуетъ, ибо къ храму Бога она приближается».

Въ своемъ нетерпѣніи поскорѣ увидѣтъ горячо любимыя мѣстности, путешественникъ обращается къ кораблю и говорить ему:

«Спѣши скорѣй со мною черезъ Египетъ, неси меня черезъ Черное море, поспѣшу къ горѣ Хоривъ, къ Шило (Силому),

«а оттуда къ развалинамъ разрушенной святыни! Я помчусь по пути, пройденному ковчегомъ завѣта, чтобъ покрыть горячимъ лобызаніемъ тотъ прахъ, слаще меду, гдѣ онъ сокрытъ. Я скоро увижу обитель благородной общины, совсѣмъ позабышей о своемъ гнѣздѣ, откуда были прогнаны голуби и гдѣ поселились вороны».

Прибытіе Р. Іегуды въ Египетъ, гдѣ славному поэту былъ приготовленъ блестящій пріемъ, остановка тутъ и ознакомленіе съ тамошними корифеями, попытки послѣднихъ удержать его въ своей средѣ, въ странѣ, также связанной со столькими воспоминаніями о возникновеніи еврейскаго народа, отвѣты его на ихъ заманчивыя предложенія, отъѣздъ изъ Египта и прибытіе въ пустыню древней Іудеи — всѣ эти эпизоды изображены въ «диванѣ» нашего поэта-паломника живо, вѣрно и въ высшей степени привлекательно; вниманіе читателя его дивана приковывается все больше и больше къ этому историческому паломничеству и съ живѣйшимъ интересомъ слѣдитъ онъ за каждымъ шагомъ, за каждымъ движеніемъ боговдохновеннаго поэта. Но тутъ священные звуки замолкаютъ, вѣщій голосъ паломника вдругъ какъ-бы замираетъ на его устахъ и внезапно обрываются также нити нашихъ свѣдѣній о немъ. Повидимому онъ скончался тотчасъ по вступленіи на палестинскую почву, и весьма вѣроятно, что его организмъ не могъ выдержать сильнаго напора восторженныхъ ощущеній, разомъ нахлынувшихъ на него при окончательномъ достиженіи столь горячо желанной цѣли.

Изъ представленнаго мною краткаго очерка жизни и дѣятельности Р. Іегуды легко усмотрѣть, какія характеристическія черты въ его религіозно-философскихъ доктринахъ и въ произведеніяхъ его музыки, и почему имя Галеви пользуется такою вполне заслуженною славою и симпатією. Истинно-просвѣщенное благочестіе, сильно-развитое еврейско-національное чувство и поэтическая гениальность такъ удивительно гармонически сочетались въ немъ, такъ дружно уживаются въ его про-

изведеніяхъ, что трудно опредѣлить что въ нихъ плѣняется насъ больше и какому качеству слѣдуетъ отдавать преимущество.

Я уже замѣтилъ раньше, что современники нашего поэта и потомство оцѣнили его заслуги по достоинству; позволяю себѣ привести здѣсь нѣкоторые изъ выдающихся отзывовъ о немъ. Р. Моисей Ибнъ-Эзра часто сравниваетъ его съ древними пророками и псалмопѣвцами. Аль-Харизи въ своихъ макахъ (Тахкемони) говоритъ слогомъ арабскихъ поэтовъ: «Поэзія Р. Іегуды діадема на головѣ (Израиля) Торы и жемчужное ожерелье на (его) ея шеѣ. Галеви есть столбъ поэтическаго зданія, краугольный его камень и предсѣдатель во всѣхъ засѣданіяхъ поэтовъ. Это богатырь, который, поднимая свой мечъ противъ гигантовъ поэзіи, оставляетъ ихъ бездыханными трупами, (т. е. онъ ихъ всѣхъ побѣждаетъ и превосходитъ), такъ что всѣ предъ нимъ трусятъ. Ему уступаютъ Асафъ, Іедутунъ и Корахиты (авторы разныхъ псалмовъ) «и чуть не потеряли они свое значеніе. Онъ вступилъ въ сокровищницу поэзіи, взявъ ея драгоценности въ добычу и вышелъ оттуда, заперъ за собою ворота; вотъ почему всѣ тѣ, которые пошли по его стопамъ, желая выучиться его искусству, не достигали его пяты. Всѣ стихотворцы заимствуютъ его выраженія и цѣлуютъ прахъ его ногъ, ибо въ *нигтъ* (литургія) языкъ его свѣтель и остеръ, своими молитвами покоряетъ онъ всѣ сердца; въ любовныхъ пѣсняхъ рѣчи его смѣшаны изъ инея и пламени; своими "элегіями нагоняетъ онъ облака слезъ, которыя ниспадають въ видѣ обильнаго дождя; въ его посланіяхъ сосредоточены всѣ красоты и возвышенности, какъ будто это посланія небесныхъ звѣздъ или они диктованы святымъ духомъ... Никакая грудь не помѣститъ въ себѣ всего его великолѣпія и никакой языкъ не въ состояніи вымолвить всю его хвалу».

Другой поэтъ, Р. Авраамъ Бедерши (изъ города Beziers въ южной Франціи) называетъ Галеви *уримъ и туммимъ* (оракулы первосвященниковъ) еврейской поэзіи. Такимъ же образомъ и другіе средневѣковые поэты и эстетическіе критики,

ученые и историки, философы и моралисты, платятъ дань удивленія заслугамъ кастильца Абуль-Хасана. Но полная оцѣнка его значенія стала возможна лишь по возникновеніи новѣйшей критической школы въ еврейской литературѣ, школы Рапопорта, Цунца, С. Д. Луццатто и др. Преимущественно Луццатто, имѣвшій самъ, по складу своего ума и по своему міровоззрѣнію, нѣкоторыя черты сходства съ Галеви, много содѣйствовали выясненію характера поэтическихъ произведеній и духовно-нравственнаго облика сего послѣдняго обнаруженіемъ многихъ стихотвореній изъ «дивана» съ обстоятельными объясненіями. Затѣмъ о нашемъ литературномъ дѣятелѣ представили болѣе или менѣе обширные труды М. Заксъ, А. Гейгеръ, Цунцъ, Кемпфъ, Гретцъ, Зульцбахъ въ Германіи, Д. Кауфманъ, нынѣ въ Венгріи, и Бенедетти въ Италіи. Приведу также отзывы нѣкоторыхъ новѣйшихъ ученыхъ о Р. Іегудѣ. «Всѣ его стихотворенія (говоритъ Цунцъ) соединяютъ красоту, душевную теплоту и искреннее чувство... Изображая великую духовную жизнь на маломъ пространствѣ словъ, отдѣльныя части его стихотворенія какъ будто двигаются, словно члены органическаго существа, и цѣлое какъ будто развивается изъ самаго себя, безъ содѣйствія поэта. И эта жизнь вдохновляется божественнымъ духомъ, который не запятнанъ ничѣмъ неопытнымъ, который согрѣвается священнымъ огнемъ, дѣйствующимъ и черезъ столѣтія, и руководствуется глубоко-мысленнымъ разумомъ, никогда неблуждающимъ по темнымъ путямъ. Какъ розѣ присущи красота и благоуханіе, — качества, не пришедшія къ ней извнѣ, точно такъ у Іегуды слово и библейское выраженіе, размѣръ и рима составляютъ одно съ душою стихотворенія и, какъ при созерцаніи истинно-художественныхъ твореній и твореній природы, намъ никогда не мѣшаетъ нѣчто внѣшнее, произвольное и чуждое».

Другой знатокъ средневѣковой поэзіи евреевъ, М. Заксъ изъ Берлина, выражается про Галеви слѣдующимъ образомъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что онъ отличнѣйшій, любимѣйшій и значительнѣйшій еврейскій поэтъ въ Испаніи и уже въ старину эти

качества его стали извѣстны и за нихъ его чествовали... Основною характеристическою чертою Р. Іегуды, въ отличіе отъ другихъ можно считать его мечтательно-пламенное національное чувство, его юношескую преданность и теплоту въ отношеніи къ іудейству и къ судьбамъ его исповѣдниковъ. Эта черта составляетъ воодушевляющее вѣяніе его религіозной поэзіи и всего его религіознаго возрѣнія. Участіе къ историческому прошлому своего народа выступаетъ у Р. Іегуды такъ рѣшительно и повсемѣстно, какъ ни у какого другаго поэта и мыслителя; онъ самый національный, самый патріотическій изъ нихъ, и кто не въ состояніи теоретически разрѣшить себѣ вопросъ: какимъ образомъ разсѣянный народъ можетъ составить національность и какъ скитальцы могутъ имѣть отечество? тотъ найдетъ въ произведеніяхъ нашего пѣвца фактическое рѣшеніе, которое гораздо искреннѣе, правдивѣе, благороднѣе и достойнѣе чѣмъ рѣшеніе, предлагаемое нѣкоторыми новѣйшими, готовыми ради мнимыхъ выгодъ отрѣшиться отъ всего своего историческаго прошлаго».

Недавно-же одинъ молодой, весьма талантливый ученый, Д. Кауфманъ въ Пештѣ, высказалъ въ замѣчательномъ очеркѣ, посвященномъ предмету настоящаго чтенія, что «та удивительная смѣсь религіи и національности, которая придаетъ іудизму его своеобразность, составляетъ также и тайну характера Іегуды Галеви. Любовь къ Палестинѣ, къ потерянному и все-таки никогда не теряемому отечеству, придаетъ его религіозности реалистическую черту, отнимаетъ у ней всякую пустую мечтательность, всякій сладенькій бредъ, и наоборотъ, твердое его вѣрованіе окружаетъ и озаряетъ его патріотизмъ задушевностью и скромнымъ идеализмомъ, предохраняющими національную горячность отъ взрывовъ необузданной жажды мщенія. Въ его богопропитанныхъ пѣснопѣніяхъ онъ доказалъ то чудо, что самое нѣжное, тонкое, эфирное, сумерки предчувствія, легкую пахучесть ощущенія, можно, подобно благородному вину, вливать въ сосуды; онъ доказалъ какъ настроенія и вѣянія могутъ быть живописуемы, какъ звуками могутъ быть

передаваемы движенія сердца. Языкъ Сіона открывалъ ему свои тайныя силы, свои сокровенныя прелести». Я бы могъ привести еще многіе подобныя отзывы, свидѣтельствующіе объ единогласномъ признаніи великихъ заслугъ Абуль-Хасана со стороны специалистовъ. При чемъ замѣчательно еще то, что писатель XII столѣтія не только что ничего не потерялъ изъ своего значенія впродолженіе почти 800-лѣтняго періода, но, напротивъ, значеніе это въ глазахъ знатоковъ еще много выиграло, и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что по мѣрѣ увеличенія самопознанія въ нашемъ народѣ, по мѣрѣ лучшаго ознакомленія съ прошлыми его судьбами и болѣе широкаго и глубокаго изученія его литературныхъ памятниковъ, значеніе нашего безсмертнаго кастильца все болѣе и болѣе будетъ увеличиваться и расти.

Въ заключеніе замѣчу еще, что одинъ гениальный поэтъ новѣйшаго времени, который повидимому долженъ былъ служить отраженіемъ Р. Іегуда Галеви по части національной поэзіи, но котораго сдѣленіе разныхъ обстоятельствъ вырвало на время изъ лона еврейства, мѣтко охарактеризовалъ значеніе и дѣятельность поэта, назначеннаго служить ему первообразомъ. Я говорю про Гейнриха Гейне, который, какъ нынѣ извѣстно, подъ фривольной маской сохранилъ въ глубинѣ души своей высокое уваженіе къ просвѣщенному іудаизму, и „долгое время носился съ поэмой подъ заглавіемъ: «Бахарахскій раввинъ» на мотивы національно-еврейской поэзіи, и послѣднія предсмертныя слова котораго были: «Je suis revenu à Jehova». Въ прекрасномъ стихотвореніи, которое онъ посвятилъ незабвенной памяти нашего Галеви, между прочимъ, сказано:

„Ja, er war ein grosser Dichter,
Stern und Fackel seiner Zeit,
Seines Volkes Licht und Leuchte,
Eine wunderbare, grosse

Feuersäule des Gesanges,
Die der Schmerzenskaravane
Israels vorangezogen
In der Wüste des Exils.

Rein und warhaft, sonder Makell
 War sein Lied wie seine Seele —
 Als der Schöpfer sie erschaffen,
 Diese Seele, selbstzufrieden
 Kusste er die schöne Seele,
 Und des Kusses holder Nachklang
 Lebt in jedem Lied des Dichters,
 Das geweiht durch diese Gnade“ *.

Что въ русскомъ переводѣ его сочиненій (П. И. Вейнберга)
 передано слѣдующимъ образомъ:

„Да, онъ былъ поэтъ великій
 И звѣзда своей эпохи;
 Былъ онъ яркое свѣтило
 Для народа своего.
 И какъ огненный, громадный,
 Чудный столбъ—предъ караваномъ
 Грустныхъ братіи, съ пѣсню шелъ
 По пустынѣ мрачной ссылки.
 Пѣснь его была правдива,
 И чиста, и благородна,
 Какъ душа его... Когда
 Богъ создалъ Іегуды душу,
 То, довольный самъ собою,
 Онъ ее поцѣловалъ, —
 И прелестный отголосокъ
 Свыше даннаго лобзанья
 Ясно слышенъ въ каждой пѣснѣ
 У великаго поэта,
 Посвященнаго на царство
 Этой божьей благодатью“ **.

Такимъ образомъ геній безсмертнаго кастильца служить отличнымъ представителемъ еврейскаго народнаго генія. Подобно сему послѣднему, мысли и поэзія Абуль-Хасана остаются вѣчно юными, вѣчно бьющими живымъ ключемъ, и почерпнутыя въ самыхъ глубокихъ тайникахъ еврейскаго сердца и еврейскаго народнаго духа, онѣ въ свою очередь долго служили и всегда

* Heinrich Heine, Romanzero, „Jehuda ben Halevi“.

** Стихотворенія Гейнриха Гейне, т. XI, стр. 248—9.

будутъ служить къ оплодотворенію, оживленію и обновленію еврейства, и гдѣ только будетъ теплится истинно-еврейское чувство и биться горячее еврейское сердце, гдѣ серьезные умы будутъ изслѣдовать вѣчныя истины іудаизма и настоящее ихъ значеніе въ исторіи развитія человѣчества, тамъ постоянно будетъ раздаваться возгласъ: «честь и слава тебѣ, Р. Іегуда Галеви, вполне достойному сыну еврейства!»

А. Гаркави.

П Р О Р О К Ъ .

Когда восторгъ, порывы, упоенье
Переполняли братиі сердца,
Ты ей вѣщаль позоръ и разрушенье,
Вѣщаль ей смерть и гибель безъ конца.

Ты говорилъ,—но голосъ твой могучій
Прервали шумъ веселія и крикъ,
Ты слышалъ громъ, ты видѣлъ близко тучи,—
Ты былъ во всемъ ничтоженъ и великъ.

Твои слова лишь злобу вызывали,
Презрѣніемъ кипѣла брата грудь.
И ты ушелъ, исполненный печали,
И къ камнямъ вѣковымъ направилъ путь.

И съ безмятежной ты вершины горной
Взиралъ потомъ, какъ льется люто кровь,
Какъ льется кровь рѣкой широкой, черной...
И умеръ ты...

Воскресни-жъ нынѣ вновь!
Но не затѣмъ, чтобъ съ высоты развалинъ
Въ забытомъ насъ и въ прошломъ упрекать

Народъ твой глухъ, безмолвенъ и печаленъ,
Отчаявшись спасенъе отыскать.

Воскресни вновь!- Взгляни, какъ льются слезы,
Какъ бѣденъ сталъ и жалокъ твой народъ.
Какъ чередой во снѣ несутся грезы,
Такъ вслѣдъ за нимъ бѣжить потокъ невзгодъ.

Возстанъ-же вновь, иди на помощь брату,
Рукъ простертой руку протяни!
Забудь свой гнѣвъ, забудь надеждъ утрату
И призракъ злой и мрачный отгони!

Разлей потокъ не слезъ, а упоенъя,
Разсѣй коварство, злобу и порокъ!
Пусть голосъ твой, какъ голосъ утѣшенъя,
Раздастся вновь!... Приди, приди, пророкъ!

В. Бегакъ.

ТИШЫ И СИЛУЭТЫ *

(Воспоминанія школьника конца сороковых годовъ).

(Окончаніе).

X.

Выъѣзжамъ въ святъ.—Торжественныя проводы.—Советы и наставленія.—У первой корчмы.—Наши попутчики.—„Стодола“ (сарай).—Квасимодо.—На ночлежь.—Прогулка по мѣстечку.

Было теплое и ясное послѣ обѣда одного августовскаго дня, когда мы, т. е. мой товарищъ и я, не безъ нѣкоторой душевной тревоги, выѣхали изъ нашего родного гнѣзда въ большой и незнакомый намъ міръ, который начинался для насъ сейчасъ за городской заставой.

Пароконная «буда» съ парусиннымъ, простеганнымъ паклей верхомъ, въ глубинѣ которой сидѣли «главные» пассажиры, какіе-то два старика, ѣхала шагомъ, а мы шли пѣшкомъ, въ сопровожденіи родителей нашихъ и цѣлой толпы родственниковъ всякаго пола и возраста, считавшихъ своимъ долгомъ проводить насъ до первой корчмы.

По множеству навязанныхъ намъ кульковъ съ съѣстными припасами и лакомствами можно было заключить, что мы въ самомъ дѣлѣ отправляемся «за три девять земель», а не въ ближайшій городъ, отстоявшій отъ нашего на сто шестьдесятъ съ чѣмъ-то верстъ, и что путь нашъ лежитъ на Сахару или Аравійскую пустыню, въ которой ни за какія деньги не до-

* См. „Восходъ“ в. П и Ш.
Восходъ в. IV.

станешь чѣмъ утолить свой голодъ; а потому нужно имѣть все съ собою. И хотя припасовъ намъ надавали, по крайней мѣрѣ, недѣли на двѣ, мы однакоже, внутренне беспокоились: а что, если не хватить? Что мы будемъ дѣлать тогда?

Не меньшія опасенія возбуждали въ насъ совѣты и наставленія, которыми тотъ или другой изъ нашихъ родственниковъ старался быть намъ полезнымъ.

— На ночлегахъ, — совѣтовалъ намъ одинъ, — вы свои чемоданчики подложите себѣ подъ изголовье. Будетъ немножечко жестко, но за то вы не будете спать слишкомъ крѣпко. Или лучше всего, чтобы вы чередовались: одинъ пусть спитъ, а другой пусть бодрствуетъ. Не то — украдутъ, унесутъ васъ вмѣстѣ съ вашими пожитками. Дорога — не шутка.

Стало быть, думали мы себѣ, на ночлегахъ снуютъ воры, разбойники, такъ что можно разстаться не только со своимъ имуществомъ, но даже и съ жизнью.

— Когда вамъ придется спускаться съ горы или переѣзжать черезъ какойнибудь мостъ, — наставлялъ насъ другой, — то вы лучше слѣзайте съ повозки и идите пѣшкомъ, потому... не равенъ часъ: лошади понесутъ или мостъ провалится. Долго-ли до грѣха, храни Господи?

Стало быть, — заключили мы логически, — намъ на пути предстоятъ Монбланы, Сенъ-Готарды, спускаться съ которыхъ весьма опасно, и что ни мостъ, то соломенный или изъ другаго непрочнаго матеріала. И хотя запряженные въ буду клячи казались намъ очень смиренными и разсудительными, весьма осторожно переставлявшими свои толстыя лохматыя ноги, но... наружность вѣдь обманчива бываетъ.

— Еще вотъ что, — совѣтовалъ намъ третій, — въ корчмахъ вы, храни Богъ, не притрогивайтесь ни къ чему вареному или жареному. Кромѣ чая или пива, вы ничего въ ротъ не берите, потому все прочее — ядъ.

Стало быть, — не сомнѣвались мы, — всѣ корчмари-отравители, душегубы, посягающіе на здоровье и жизнь проѣзжающихъ. Не весело.

Словомъ, выходило, что на пути къ мѣсту назначенія намъ предстоитъ преодолѣть много трудностей и опасностей, и мы должны держать ухо востро. Да и помогутъ-ли всѣ предосторожности наши?

На четвертой верстѣ, въ первой отъ города корчмѣ, весь нашъ таборъ остановился. Здѣсь пили водку, закусывали пряниками и бубликами и снабжали насъ новыми совѣтами и наставленіями, на которыя родственники наши не скупились. Отецъ-же моего товарища, философъ, держа въ одной рукѣ рюмку водки, а въ другой пряникъ, говорилъ что-то своимъ флегматическимъ, тягучимъ голосомъ на тему, что «быть евреемъ — очень хорошая вещь», въ чемъ, впрочемъ, никто изъ присутствовавшихъ не сомѣвался,—говорилъ до тѣхъ поръ, пока рюмка какъ-то не выскользнула изъ его руки и разбилась.

— Мазель-товъ! Мазель-товъ!—захлопали въ ладоши всѣ присутствующіе.—Это хорошее предзнаменованіе. Будетъ радость и веселье! Мы будемъ получать отъ нихъ (т. е. отъ насъ) хорошія вѣсти!

Философу подали другую рюмку, и онъ сталъ философствовать на тему: «что такое счастье?» и философствовалъ-бы, можетъ быть, до утра слѣдующаго дня, если-бы возница, осушившій свои три рюмки и не рассчитывавшій на четвертую, не сталъ насъ торопить, говоря, что «солнце низко, шабессъ близко» и что ему хотѣлось-бы посидѣть на ночлегъ въ мѣстечко Р., первый приваль всѣхъ ѣдущихъ въ Вильну на долгихъ.

Начались прощанья, обниманья, лобзанья и слезы. Бабы, на которыхъ сладкая водка произвела свое дѣйствіе, сильно расчувствовались и стали выть надъ нами, какъ надъ покойниками, ломая руки и причитывая. На нихъ глядя, разрыдались и мужчины, разхныкались и мы, и у корчмы стоялъ такой стонъ и плачь, что проходившіе и проѣзжавшіе мимо невольно останавливались, чтобъ узнать, что такое случилось.

Наконецъ, намъ удалось вырваться изъ надоѣвшихъ намъ объятій и валѣзть на переднее сидѣнье буды, спинами къ возницѣ.

— Еще вотъ что, дѣти, — снова началъ было философъ, когда мы уже усѣлись, какъ слѣдуетъ, — тово... Что я, бишь, хотѣлъ сказать вамъ?...

— Вью, вью! Но-о, соколы! прервалъ философа возница, подобравъ возжи и ударивъ кнутомъ по соколамъ, которые, замотавъ головами и замажавъ хвостами, какъ подобааетъ разсудительнымъ клячамъ, оттащили «буду» отъ корчмы, предоставляя философу держать свою рѣчь къ другимъ.

Погода была великолѣпна; на небѣ ни одного облачка. Садившееся солнце мягко бросало свои послѣдніе лучи на разстилавшіеся по обѣимъ сторонамъ дороги ландшафты, которые убѣгая вдаль, оканчивались у горизонта вѣтряною мельницей, сельскимъ костелкомъ, одинокой хаткой или сосновой рощицей на откосѣ какого нибудь пригорка. Съ окрестныхъ полей доносились заунывные пѣсни жницъ и блеяніе стадъ, лѣнливо бродившихъ по скошеннымъ нивамъ. Этотъ сельскій концертъ своею трогательною простотою, имѣлъ для насъ, горожанъ, какую-то особенную, невыразимую прелесть. Все это было для насъ такъ ново, такъ веселило глазъ и сердце, что гнало прочь грусть, навѣянную на насъ разлукою съ родиной и родными, съ которыми мы разставались на долго, можетъ быть на всегда... И это развлеченіе было для насъ теперь тѣмъ болѣе кстати, что наши попутчики, «главные» пассажиры нашей буды, занявшіе въ ней самое почетное, т. е. самое удобное мѣсто, оказались какими-то буками, молчаливниками, смотрѣвшими при томъ на насъ косо и даже недружелюбно. Почему? А потому, какъ мы вскорѣ узнали, что мы ѣдемъ въ Вильну учиться въ «школахъ», а не въ ешиботахъ; стало быть, мы наносимъ ущербъ іудейству и оскорбляемъ Іегову, находящаго «благопріятное благоуханіе» (реахъ нихоахъ) только въ ешиботахъ и ихъ великолѣпной атмосферѣ.

Одинъ изъ этихъ пассажировъ, благообразный и еще крѣпкій старикъ съ лукавымъ лицомъ и округленнымъ брюшкомъ, отправлялся въ Вильну съ благородною цѣлью — развестись со своею женою, четвертою по счету, чтобы имѣть возможность

жениться на пятой и получить за нею приличное приданое, въ которомъ онъ теперь сильно нуждался для своихъ коммерческихъ оборотовъ. Разводъ былъ для этого купца обычной коммерческой операціей для предотвращенія наступавшихъ для него торговыхъ кризисовъ. Второй пассажиръ, тоже старикъ, но не благообразный, а скорѣе безобразный съ весьма несимпатичнымъ лицомъ и приплюснутымъ носомъ, отправлялся черезъ Вильну за границу, въ Лейпцигъ, съ не менѣе благородною цѣлью «надуть нѣмца», если только послѣдній будетъ такъ простъ, что дастъ себя въ обманъ такому невзрачному, плюгавому купчинѣ. Не для того-ли онъ такъ усиленно молился Богу, читалъ псалмы и почти каждую минуту совершалъ омовеніе рукъ, дабы Богъ помогъ ему благополучно совершить задуманное имъ дѣло?.. Эти подробности сообщилъ намъ возница на ушко, когда старики, убаюканные нашею медленною ѣздою, сладко заснули на своихъ пуховикахъ.

Солнце совсѣмъ сѣло, воздухъ сдѣлался свѣжѣе, и насъ тоже стало клонить ко сну. Закутавшись въ свои пальтишки, мы закрыли глаза и заснули крѣпкимъ сномъ невинныхъ юношей, не мечтающихъ ни о разводѣ съ женою, ни о надуваніи нѣмца.

Когда мы проснулись, т. е. когда насъ разбудили толчкомъ въ бокъ, то увидѣли себя въ большой «стодолѣ» (сараѣ) постоялаго двора. Надъ головами нашими стоялъ, съ закопченнымъ фонаремъ въ рукѣ и дѣлая намъ какіе-то знаки, какой-то баснословный уродъ, съ горбомъ спереди, горбомъ сзади, со скомканнымъ, безносимъ лицомъ, свернутымъ на бокъ ртомъ, вывороченными руками и громаднымъ колтуномъ на головѣ, словомъ, субъектъ, въ сравненіи съ которымъ Квазимодо могъ бы считаться красавцемъ и совершенно нормальнымъ человекомъ, тѣмъ болѣе, что Квазимодо былъ только глухъ, а тотъ былъ и глухъ, и нѣмъ.

Мы крикнули отъ ужаса «Шма Исроель» и соскочили съ нашихъ сидѣній ни живые, ни мертвые.

— Гдѣ мы? подскочили мы съ вопросомъ къ возившемуся около своихъ клячъ возницѣ, хватаясь за полы его армяка.

— Въ мѣстечкѣ Р.—отвѣтилъ возница. Мы здѣсь будемъ ночевать.

— А «это» что? указывали мы на испугавшій насъ «предметъ», въ которомъ мы предполагали какое-то мудреное чучело, но никакъ не человѣка.

— Это здѣшній сторожъ, Цодекъ. А что, не совсѣмъ красивый молодой человѣкъ? спросилъ возница, ухмыляясь.

— Ужась!

— То-то. Но если-бы вы видѣли, какой у него славный мальчуганъ есть!.. Сенаторское дитя!

— Что?—воскликнули мы, не вѣря ушамъ своимъ.—Онъ женатъ? Этого... женатъ?

— Гдѣ вы видѣли еврея, чтобы не былъ женатъ? спросилъ возница въ отвѣтъ на нашъ вопросъ.

— Неужели наплась такая несчастная, которая согласилась выдти за такого... такого...

— А вотъ видите, что наплась, и даже дѣвка ничего себѣ, а только круглая сирота. Она служить здѣсь въ кухаркахъ. Какъ отлично она умѣетъ фаршировать рыбу! Пальчики облизываешь!

— Тьфу, тьфу, тьфу! плюнули мы три раза, бросившись въ открывшуюся теперь дверь постоялаго двора или «корчмы», какъ обыкновенно называютъ такіе дворы въ западномъ краѣ. Мы боялись даже одну минуту оставаться подъ одною кровлей съ уродомъ, внушавшимъ намъ суевѣрный страхъ и неодолимое отвращеніе.

Наши старики, почетные пассажиры, расположились на ночлегъ въ почетной каморкѣ, заперевъ за собою дверь на ключъ, а мы остались въ большой общей комнатѣ, тускло освѣщавшейся висячей съ потолка масляной лампой, которая коптила и дымила. На столахъ, лавкахъ и полу лежали въ повалку какіе-то безформенныя спящія массы, храпѣвшія и свиставшія носами такъ неистово, что намъ жутко стало отъ этой адской музыки, которую мы слышали теперь въ первый разъ въ жизни.

Отыскавъ на полу свободное мѣстечко, мы положили свои чемоданчики и опустились на нихъ, не для того, чтобы спать, — мы выпались въ дорогѣ, — а чтобы какъ нибудь провести ночь. Въ видахъ-же предосторожности, мы намѣтили себѣ, гдѣ дверь, дабы въ случаѣ, если «онъ» войдетъ, мы могли-бы дать тягу на улицу, такъ какъ мы не столько боялись воровъ и разбойниковъ, которыхъ насулили намъ наши родственники, сколько «его», урода: мы, по молодости и по простотѣ своей, тогда еще не знали, что если надобно кого бояться, такъ это уродовъ нравственныхъ, а не физическихъ, которые въ большинствѣ случаевъ самыя безобидныя существа въ мѣрѣ.

Положивъ себѣ не спать, а бодрствовать, мы однако заснули самымъ положительнымъ образомъ и проснулись только тогда, когда все вокругъ насъ зашевелилось, засуетилось и затопало сапогами на желѣзныхъ подковахъ, издававшихъ свои милые металлическіе звуки, отъ которыхъ насъ изрядно коробило. Стало быть, наступило утро.

Мы вскочили съ своихъ «постелей» и стрѣлою бросились на улицу подышать свѣжимъ воздухомъ и обзрѣвать мѣстечко и его достопримѣчательности. Мѣстечко мы обошли вдоль и поперекъ въ двадцать минутъ, а изъ его достопримѣчательностей бросилось намъ въ глаза то, что ни одинъ домъ не стоялъ прямо, фронтомъ, а какъ-то бокомъ, какъ подгулявшій мужичекъ, и что почти ни въ одномъ домѣ не было ни одного окна съ цѣлыми стеклами: цѣлыя стекла, по возможности, замѣняли сахарная бумага, лучинушки, подушки, соломенные сѣтки, платки и разное другое тряпье. Все это выглядѣло-бы въ высшей степени безобразно, если-бы не великолѣпное солнце, которое все скрашиваетъ, со всѣмъ примиряетъ. Во всемъ этомъ мы видѣли подлинную идиллію, тѣмъ болѣе, что спутниками нашими въ этой утренней прогулкѣ были козы, свиньи, утки, индѣйки и цѣтухи съ своими гаремами, которые свободно расхаживали себѣ по всему мѣстечку, никого не пугаясь и никому не уступая дороги, въ глубокомъ сознаніи, что они то и есть настоящіе, коренные обитатели мѣстечка, которые «терпятъ»

около себя и людей по свойственному имъ великодушію, а также изъ-за пользы, которую отъ людей иногда имѣть можно. Во всякомъ случаѣ эти коренные жители выглядѣли чище, опрятнѣе, благообразнѣе и приличнѣе пришлеповъ изъ человѣческаго рода, которые своими грязными лохмотьями, всклооченными волосами и дикими лицами возбуждали въ насъ ужасъ и омерзѣніе. И намъ пріятнѣе было встрѣчаться съ козами, индѣйками и даже свиньями, нежели съ бабами и дѣвками, неряшливость и безобразіе которыхъ превосходили всякое вѣроятіе. Не знаю, какъ теперь, но въ то время, къ которому относятся эти воспоминанія, еврейскія мѣстечки въ западномъ краѣ представляли собою мерзость запустѣнія во всѣхъ отношеніяхъ. Конечно, виною этому была, главнѣе всего, бѣдность, но феноменальная неряшливость нашего избраннаго племени дѣлала эту бѣдность еще ощутительнѣе, еще безотраднѣе и гаже. Великовозрастныя и здоровенныя дѣвы съ цѣлыми пудами пуха въ своихъ нечесаныхъ волосахъ, вмѣсто того, чтобы шить, штопать, чистить или подметать, сидѣли на порогахъ своихъ хатъ со сложенными на колѣняхъ руками, грѣлись на солнышкѣ и, жмуря глазами, зѣвали до вывиха челюстей, выставляя на показъ свои большіе, желтые, клыкообразные зубы, которымъ могло-бы позавидовать любое животное.

Мы плюнули и ушли.

XI.

Старецъ на завалинкѣ.—Мы съ нимъ знакомимся.—Онъ хочетъ насъ прозказановать.—Мы сразу его озадачиваемъ.—Получаемъ основаніе думать, что онъ „антисемитъ“.—Онъ посвящаетъ насъ въ свою тайну. — Проба его пера. — Наше о немъ мнѣніе и его разочарованіе.

Когда мы возвратились съ прогулки, то нашли у корчмы, на завалинкѣ, сѣдовласаго старца высокаго роста и почтенной паружности, съ интеллигентнымъ лицомъ, орлинымъ носомъ и глазами еще очень ясными, живыми и пронизательными. Мы тотчасъ угадали въ немъ еврейскаго ученаго, какогонибудь рошъ-ешиба, море-героз или раввина, такъ какъ на вы-

разительныхъ лицахъ этихъ представителей еврейской науки всегда лежитъ какой-то особый отпечатокъ, внушающій къ нимъ уваженіе. И мы не ошиблись: старецъ, отецъ содержательницы корчмы, оказался мѣстнымъ раввиномъ. Онъ сидѣлъ на зава- линкѣ еще въ халатѣ и покуривалъ трубочку, задумчиво глядя на улицу.

Мы почтительно пожелали ему добраго утра, на что онъ намъ отвѣтилъ покровительственнымъ кивкомъ.

— Куда такіе бахурчики держатъ путь? спросилъ онъ насъ, выбывая изъ трубки золу.

— Въ Вильну, отвѣтили мы.

— Съ какою цѣлью?

— Съ цѣлью... поступить въ раввинское училище.

Мы уже ожидали, что старецъ поморщится, окинетъ насъ презрительнымъ взглядомъ и отвернется отъ насъ, какъ отъ юношей, затѣвающихъ богопротивное дѣло. Но ожиданіе наше не оправдалось: нисколько не поморщившись, старецъ проговорилъ:

— А, знаю, знаю... слышалъ. Это большая школа?

— Очень большая.

— Стало быть, вы начатки уже знаете?

— Мы окончили три класса.

— Вотъ какъ!—воскликнулъ онъ удивленно.—Такіе молодые бахурчики и уже три класса окончили! Стало быть, вы уже большіе знатоки?

— Не знаемъ, отвѣтили мы скромно.

— А можно васъ проэкзаменовать?

Мы съ товарищемъ пожали плечами и переглянулись между собою, какъ-бы говоря: неужели этотъ старикъ, по всѣмъ видностямъ талмудистъ, смыслить чтонибудь въ общихъ предметахъ?... Старикъ, который, какъ видно, понялъ наше молчаніе и нашъ жестъ, проговорилъ:

— Вы не смотрите на то, что я раввинъ, талмудистъ: я люблю науки и «другихъ народовъ земли» и занимаюсь ими по возможности. Русскимъ языкомъ, напимѣрь, занимаюсь съ

большимъ удовольствіемъ, потому нахожу, что это очень умный языкъ и, Божьею помощью, я въ немъ уже много успѣлъ. Книгу «Увштарину» я знаю наизусть отъ доски до доски.

Мы на минуту задумались, о какой это книгѣ говорить раввинъ и, наконецъ, догадались, что рѣчь идетъ о книгѣ для чтенія въ первомъ классѣ, начинающейся словами: «Встарину, въ отечествѣ нашемъ Россіи». Добрый раввинъ думалъ, что и въ европейскихъ литературахъ, подобно тому, какъ это принято въ древне-еврейской письменности, книга озаглавляется по первому слову, которымъ она начинается. Мы улыбнулись, но ничего не сказали.

— А что, можно васъ проэкзаменовать, напримѣръ, по русской грамматикѣ?—спросилъ онъ насъ вторично. —Я, видите-ли, экзаменуя васъ, хочу вмѣстѣ съ тѣмъ удостовѣриться, насколько я самъ успѣлъ въ этой наукѣ.

— Извольте, спрашивайте, сказали мы, любопытствуя и съ своей стороны узнать, насколько захолустный раввинъ успѣлъ въ «наукѣ» русской грамматики.

— «Имя цуцепцительное» вы, вѣроятно, уже прошли?

— Мы прошли всю грамматику.

— Такъ склоняйте «штоль».

Мы улыбнулись какъ странному произношенію раввиномъ русскихъ словъ, такъ равно и ничтожности заданной намъ задачи.

— Да что «столь»!—проговорили мы, сдѣлавъ презрительную гримасу,—это пустякъ. Вы лучше спросите насъ о чемънибудь болѣе трудномъ, напримѣръ: о спряженіи неправильныхъ глаголовъ, согласованіи словъ, управленіи падежами и т. п.

— Нѣтъ, дѣти, —настаивалъ раввинъ,—вы сперва просклоняйте «штоль», а потомъ мы перейдемъ и къ болѣе труднымъ вопросамъ. Нужно по порядку: отъ легкаго къ трудному.

— Ну, если склонять,—сказали мы, согласившись съ послѣднимъ доводомъ,—такъ мы вотъ что вамъ просклоняемъ: «нашъ старый, деревянный, некрашенный о трехъ ногахъ столъ и ваша новая двухаршинная съ рѣзбою скамья».

— Ай, ай, ай!—воскликнул раввинъ, хватаясь за пейсы.—
Богъ съ вами, дѣти! Развѣ можно склонять цѣлыхъ двѣ строки?

— Можно и цѣлую страницу и даже больше.

— А ну-ка, послушаемъ, какъ вы это будете склонять
«цѣлый колтунъ словъ?»

Мы просклоняли. Раввинъ ахнулъ отъ удивленія.

— Чудеса Господни!—проговорилъ онъ, чмокая губами.—
Въ моей грамматикѣ нѣтъ такихъ удивительныхъ штукъ.

— По какой грамматикѣ вы учились?

Онъ назвалъ намъ какую-то русскую грамматику на еврейскомъ языкѣ.

— Ну, если вы такіе хваты,—сказалъ онъ, поднимаясь съ завалинки,—такъ пойдите ко мнѣ. Я вамъ покажу свое сочиненіе.

— Но, извините, мы еще не совершили утренней молитвы.

— Гм... вы еще не молились,—пробормоталъ онъ въ бороду, озираясь кругомъ, не стойтъ-ли кто нибудь по близости.—
Это ничего, вы прочесть «Шма» не опоздаете, да вы можете помолиться у меня въ комнатѣ; захватите только свои филактерія. Притомъ... притомъ,—прибавилъ онъ еще тише и еще разъ оглядываясь,—ученіе, наука—такое-же богоугодное дѣло, какъ молитва.

— Онъ—апикойресъ *, вольнодумецъ,—подумали мы про себя, не столько обрадовавшись, сколько удивившись почти невѣроятному факту существованія такого субъекта въ такомъ темномъ захолустьѣ.

Онъ повелъ насъ черезъ всю «стодолу», къ концу которой примыкалъ флигелекъ съ «нумерами» для проѣзжающихъ. Одинъ изъ этихъ номеровъ занималъ онъ, раввинъ. Комната была низкая, узкая, обѣ одномъ окнѣ, изъ котораго открывался видъ на большой выгонъ, перерѣзанный на двое большою дорогою, проходившею прямо, мимо постоялаго двора. Вся меблировка комнаты состояла изъ одного простого стола, двухъ

* Атексть.

табуретовъ, койки съ невзрачной постелью, кивотика у восточной стѣны и трехъ полокъ съ книгами, между которыми преобладали фольанты въ кожаныхъ переплетахъ. На окнѣ стоялъ письменный приборъ, т. е. помадная баночка съ густыми чернилами, въ которую воткнуто было гусиное перо; черепокъ съ пескомъ исправлялъ должность песочницы.

-- Садитесь, дѣти, садитесь,—пригласилъ насъ раввинъ, указывая на табуреты. Такъ какъ вы, какъ я вижу, большіе знатоки, то хочу показать вамъ свою книгу, надъ которою работаю уже полтора года. Послушаю, что вы на нее скажете.

Онъ подошелъ къ койкѣ, поднялъ тюфякъ и вытащилъ изъ подъ-него толстую, измятую и засаленную тетрадь большого формата.

— Вотъ она! проговорилъ онъ съ какимъ-то торжествующимъ видомъ, поднимая тетрадь надъ своею головою. Я ее прячу въ сокровеннѣйшія мѣста, потому что, понимаете, какъ раввинъ... Если-бы увидѣли, что я занимаюсь такими дѣлами, меня вывели-бы изъ мѣстечка съ барабаномъ... Люди здѣсь темные, большіе невѣжды, думаютъ, что «науки народовъ земли»—большой грѣхъ. Хотя имъ извѣстно, что виленскій гаонъ, блаженной памяти, зналъ всѣ семь наукъ; но то, что прощается гаону, того не спустятъ нашему брату, маленькому раввину. Вы, дѣти, не знаете, какъ вы счастливы, какъ вы должны благодарить Бога, что можете себѣ свободно заниматься науками, изучать языки, никого не боясь; а вотъ мы должны съ этимъ прятаться, какъ съ какою нибудь украденною вещью... Охъ, хо, хо!

— Тоже мученикъ просвѣщенія,—подумали мы про себя, проникнутые глубокимъ уваженіемъ и большою симпатіей къ стоявшему предъ нами старцу, котораго любовь къ наукѣ была такъ чиста и безкорыстна.

Онъ надѣлъ очки, подсѣлъ къ столу на кончикъ койки и развернулъ тетрадь.

— Я, видите-ли,—началь онъ въ видѣ предисловія, хочу перевести Тору * на русскій языкъ.

— Тору на русскій языкъ! воскликнули мы, въ высшей степени удивленные смѣлостью этого предпріятія, казавшагося намъ невозможнымъ не только для этого мѣстечковаго раввина, но для кого бы то ни было.

— Отчего-же нѣтъ? спросилъ раввинъ спокойно и хладнокровно, понявъ наше восклицаніе въ совершенно другомъ смыслѣ. — Пусть хрістіане увидятъ, какая у насъ есть Тора!... Тогда они, можетъ быть, перестанутъ такъ ненавидѣть и презирать насъ. Слава Богу, мы нашей священной Торы не должны стыдиться ни предъ кѣмъ.

Слѣдовательно, раввинъ предпринялъ свой трудъ съ еврейско-патріотическою цѣлью.

— Это такъ,—согласились мы, но возможно-ли это предпріятіе вообще? Тора и вдругъ на русскій языкъ?..

— Конечно, это дѣло очень, очень трудное,—согласился раввинъ въ свою очередь, но, Божьею помощію, я преодолѣлъ всѣ трудности и большую половину книги Бытія я уже перевелъ, а дальше, надѣюсь, пойдетъ легче. Хотите послушать?

Мы наострили уши, и онъ началъ читать громко, торжественно, на распѣвъ и въ полномъ сознаніи преодоленія имъ трудностей. Но чѣмъ громче онъ читалъ, тѣмъ менѣе мы понимали его: слова звучали какою-то непонятною для насъ тарабарщиной. Полагая, что это происходитъ отъ немилосерднаго коверканія раввиномъ русскихъ словъ, мы попросили его, чтобы онъ передалъ тетрадь намъ, и мы уже сами будемъ читать.

— Но разберете-ли вы мой почеркъ? спросилъ онъ, видимо недовольный, что мы лишаемъ его удовольствія читать свой собственный трудъ съ подобающимъ чувствомъ, котораго онъ почему-то не предполагалъ въ насъ.

* Пятикнижіе.

— Ничего, разберемъ; мы разбираемъ самые трудные почерки: въ училищѣ насъ упражняли и въ этомъ.

Почесавъ свой високъ, онъ передалъ намъ, рукопись, и мы начали читать слѣдующее:

«Увъ почонтку зробиль Бохъ небу и жемлу. И жемла була бальшой конфедерацыя, и темность на физиономіи глубокости и вѣтеръ Бога пльваль на физиономіи воды. И говорилъ Бохъ: нехай будетъ свѣтло—и зробилося свѣтло. И зобачиль Бохъ свѣтлость, что хорошо, и раздѣляль Бохъ между эту свѣтлость и между темность. И звалъ Бохъ свѣтлость день и темность звалъ ночь. И була шара годзина и було рано день едень»...

Какъ мы ни были молоды и легкомысленны, какъ ни смѣшил насъ этотъ чудовищный переводъ, мы, однакоже, щадя авторское самолюбіе сидѣвшаго предъ нами почтеннаго старца, воздержались и не расхотались ему въ лице. Намъ, впрочемъ, было не до смѣху: намъ вчужѣ больно было видѣть, что столько мозгового труда и, вѣроятно, много бессонныхъ ночей потрачено было такъ безплодно и съ такимъ благороднымъ намѣреніемъ. По всему видно было, что переводчикъ вложилъ въ свой трудъ всю свою душу. Конечно, если-бы мы имѣли дѣло съ молодымъ человѣкомъ, то, не стѣсняясь, громко расхотались-бы и доказали-бы всю нелѣпость его дерзкой затѣи. Но передъ нами сидѣлъ убѣленный сѣдинами старецъ съ чрезвычайно симпатичнымъ лицомъ и, какъ бы то ни было, облеченный въ духовный санъ. Намъ поэтому сдѣлалось ужасно неловко, и мы весьма не рады были всему этому приключенію, которое приписывали нашей собственной глупости и неопытности: потому что зачѣмъ мы остановились предъ сидѣвшимъ на завалинкѣ незнакомымъ намъ старикомъ, вступили съ нимъ въ разговоръ, щегольнули предъ нимъ нашей «грамматикой» и тѣмъ вызвали его щегольнуть передъ нами своимъ переводомъ?

Прочитавъ вышеприведенный пассажъ, мы положили тетрадь и больше не читали.

— Ну что, какъ вы находите? спросилъ насъ раввинъ, вперивъ въ насъ испытующій взглядъ.

Мы покраснѣли, опустили глаза и молчали, ибо что мы могли отвѣчать ему? Товарищъ толкалъ меня въ локоть, чтобы я говорилъ, а я дергалъ его за рукавъ, чтобы онъ говорилъ, стало быть, каждому изъ насъ было пріятнѣе молчать.

— Что же вы не отвѣчаете? опять обратился къ намъ раввинъ съ нѣкоторою досадою въ голосѣ. Если вы, можетъ быть, находите, что мой переводъ не совсѣмъ хорошъ и боитесь сказать мнѣ правду, то это напрасно. Сказано: «миръ и правду любите» и еще сказано: «за истиной, за истиной гоняйся», Притомъ, я держусь правила царя Давида: «Отъ всякаго, поучающаго меня, умудряюсь». Говорите смѣло, не стѣсняйтесь.

Это насъ нѣсколько поощрило и я началъ:

— Вы насъ, реббе, извините, но мы должны сказать вамъ прямо, что вашъ переводъ... не очень удачный: въ немъ много словъ совсѣмъ не русскихъ, а русскія слова употреблены не такъ, какъ слѣдуетъ, съ большими грамматическими ошибками, да и правописаніе хромаетъ. Такъ переводить нельзя.

— Гм... вы, можетъ быть, правы,—пробормоталъ раввинъ упавшимъ голосомъ. — Я хотѣлъ-бы, однакоже, знать, какія слова употреблены мною не по правиламъ грамматики?

Тутъ пришелъ мнѣ на помощь мой товарищъ, и мы вмѣстѣ стали доказывать ему его ошибки. Онъ сначала полемизировалъ съ нами, отстаивая свои ошибки, но мы сыпали грамматическими правилами и примѣрами, и онъ сдался.

— Да, это такъ, проговорилъ онъ со вздохомъ.—Что правда, то правда. Вотъ что значить учиться безъ учителя! О, это мѣстечко, это мѣстечко!... Здѣсь нѣтъ ни одного человѣка, съ кѣмъ можно было-бы посоветоваться! Я надъ этимъ переводомъ трудился полтора года, цѣлыхъ полтора года, думалъ, что ничего себѣ, и вотъ...

Онъ не могъ продолжать; отвернувъ голову къ стѣнѣ, онъ отчаянно махнулъ рукой и замолчалъ. Ему, видно, было не столько стыдно, сколько грустно, что онъ потратилъ по напрасну

столько времени и труда, который онъ считалъ полезнымъ, производительнымъ. Онъ закурилъ трубку и курилъ молча и задумчиво. Мы молчали тоже.

— Стало быть, мой переводъ не годится совсѣмъ? вдругъ спросилъ онъ насъ съ какою-то отчаянною рѣшимостью въ голосѣ.

— Не знаемъ,—отвѣтили мы, пожавъ плечами.

— А я знаю, сказалъ онъ, погладивъ бороду.—Я талмидъ-хохомъ (ученый), мнѣ много словъ не нужно: изъ одного слова понимаю десять.

Онъ всталъ, взялъ рукопись, разорвалъ ее вдоль и поперегъ и швырнулъ подъ койку.

Мы ахнули.

— Будетъ мнѣ сочинительствовать! воскликнулъ онъ, шагавъ по комнатѣ взадъ и впередъ. Надобно учиться, изучать языки! О, если-бы я былъ теперь моложе хоть на двадцать лѣтъ, то отказался бы отъ раввинства и засѣлъ-бы за ученіе основательно. Вы не можете себѣ представить, какъ сильно влечетъ меня къ наукамъ и языкамъ. Я чувствую, что человѣкъ безъ науки бродить въ темнотѣ. Наши говорятъ, что въ талмудѣ можно найти все, а я знаю, что далеко не все; я не ослѣпленъ. Откровенно вамъ говорю, съ вами, кажется, можно говорить откровенно,—я талмудомъ не совсѣмъ доволенъ, онъ меня не удовлетворяетъ. Талмудъ -- великая наука,—что и говорить, но онъ не даетъ человѣку того, что нужно. Онъ былъ хорошъ въ свое время, когда онъ составлялся, но теперь онъ все равно, что праздничная одежда въ будни: въ будни надобно работать, а какъ ты будешь работать, когда ты одѣтъ по праздничному? Пачкать одежду жаль. А потому мы, евреи, не то работаемъ, не то всегда праздникъ справляемъ. Оттуда—наша бѣдность и все прочее... Нѣтъ, не того теперь евреямъ нужно!.. Имъ теперь нужно...

— Эй, школьники, гдѣ вы? послышался изъ «стодолы» голосъ возницы.—Буда уже запряжена, надобно ѣхать!

Раввинъ вздрогнулъ, быстро открылъ дверь и заглянулъ

въ столу, чтобы убѣдиться, не подслушалъ-ли ктонибудь его вольнодумныя рѣчи. Къ счастью, въ столдѣ, кромѣ глухонѣмаго Цодека, никого не было.

Мы наскоро распростились съ раввиномъ и бросились къ будѣ, которая уже выѣхала на улицу.

— Гдѣ вы это пропадали? спросилъ насъ возница.

— Мы у здѣшняго раввина сидѣли, — отвѣтили мы, ка-
рабкаясь на буду.

— Философъ, не правда-ли? проговорилъ возница не то презрительно, не то шуточно, валѣзая на козлы.

— Здѣшний раввинъ, говорятъ, большой аликвойресъ, да сотрется его имя и память! — отозвался богомольный купчина, отправлявшійся за-границу надувать нѣмца.

ХП.

Наша въездъ въ Вильну. — Постоялый дворъ. — Трапеза балагулъ. — Наша квартира. — Разноска рекомендательныхъ писемъ и результатъ этой разnosки. — Моя почувствованная рѣчь по поводу этого результата. — Постель на хомутахъ.

На третій день, подѣ вечеръ, мы, безъ особенныхъ приключеній въ дорогѣ, въѣхали въ Вильну.

— Ребята! крикнулъ намъ возница, подобравъ возжи, держите ухо востро, не зѣвайте по сторонамъ, потому здѣшніе карманщики — суцая бѣда: они изъ подѣ самого носа стацуютъ у васъ чтонибудь. Не оглянетесь даже.

Мы наострили уши и схватились, за наши пожитки обѣими руками. Да и глазамъ нашимъ было много работы: по обѣимъ сторонамъ возвышались сплошною стѣною громадныя зданія разнообразнѣйшихъ архитектуръ и окрашенныя въ разные цвѣта, что было для насъ, привыкшихъ къ однообразію домовъ нашего родного города, большою новостью. А народу, народу-то сколько! Гибель! И все нашъ братъ, еврей. Всѣ куда-то спѣшили, торопились, точно на пожаръ, а фізіономіи у всѣхъ какія-то телячьи: добродушныя, но глупыя, Боже мой,

какія глупыя! Мы расхохотались: до такой степени нѣкоторыя изъ нихъ были уморительно-смѣшны.

Возница высадилъ нашихъ почетныхъ пассажировъ у какого-то заѣзжаго дома, а насъ повезъ съ собою на постоянный дворъ, въ которомъ онъ обыкновенно останавливался.

Мы очутились въ шумномъ и пропитанномъ дегтемъ и лошадинымъ каломъ обществѣ балагулъ и ихъ работниковъ, расхаживавшихъ по устланному перегнившей соломой обширному двору и покуривавшихъ свои вонючія трубочки. Въ воздухѣ, кромѣ доносившагося изъ настезь открытыхъ конюшенъ амбре, стояли гулъ, шумъ, брань, смѣхъ и сквернословіе, которыми извозчики обмѣнивались между собою въ шутку и для веселаго препровожденія времени. У насъ голова закружилась отъ этого непривычнаго содома и мы не знали что дѣлать. Мы хотѣли было спросить у нашего возницы, гдѣ намъ найти квартиру, но къ нему теперь приступа не было: какъ только наша буда вкатилась во дворъ и возница сталъ отпрягать своихъ клячъ, его окружили со всѣхъ сторонъ его товарищи — балагулы: пошли разпросы, разговоры, и онъ на насъ и вниманія не обращалъ, точно насъ совсѣмъ не знаетъ.

Намъ сдѣлалось очень грустно; мы глубоко почувствовали наше одиночество и сиротство въ такомъ большомъ и чуждомъ городѣ. Отыскавъ на дворѣ тихій и укромный уголокъ, мы опустили на лежавшій тамъ большой камень и, не будучи въ состояніи устоять противъ напора нахлынувшихъ на насъ невеселыхъ мыслей и чувствъ, залились горячими слезами...

Когда стемнѣло, содомъ на дворѣ прекратился: весь извозничій людъ ушелъ въ столовую обѣдать или ужинать. Изъ находившейся на дворѣ харчевни стали таскать черезъ весь дворъ ведерные горшки съ варевомъ, корзины съ булками и разрѣзаннымъ хлѣбомъ и глиняныя миски съ жаркимъ.

За длиннымъ столомъ, уставленнымъ глиняными мисками, оловянными тарелками и двумя большими бутылками водки сидѣли извозчики и—не ѣли, а жрали, звонко чавкая губами, щелкая своими здоровенными зубами и обходясь своими при-

родными вилками о пяти грязных зубахъ. На почетномъ мѣстѣ сидѣлъ старый, престарый балагула, весь сторбленный, съ курчавой сѣдой бородой, гноившимися глазами и совѣмъ беззубымъ ртомъ, которымъ онъ, однакоже, уписывалъ яства не хуже молодыхъ: здоровенныя десны заступали ему мѣсто зубовъ.

— Лехаимъ, ребъ Рувимъ! обращались къ нему со всѣхъ концовъ стола, гдѣ только поднималась рюмка, а поднималась она часто.

— Лешолемъ, лешолемъ, — бормоталъ онъ въ бороду, не поднимая глазъ съ тарелки и неукоснительно продолжая свою работу, надъ которой онъ трудился весьма добросовѣстно.

Когда ужинъ кончился и извошники совершили омовеніе рукъ для затрапезной молитвы, ребъ Рувимъ, какъ старшій, на которомъ лежала почетная обязанность приглашенія къ молитвѣ, сдѣлалъ изъ своей правой пятерни крышку надъ своими гноившимися и слипавшимися глазами, которыми онъ обвелъ сотрапезниковъ, и, чмокнувъ нѣсколько разъ губами, какъ то обыкновенно дѣлають для напоминанія лошадямъ, что уже пора трогать, прохрипѣлъ съ своего мѣста, точно съ высоты своихъ козелъ.

— Го, го... вью, вью... но-но... бурбосай! * Wir wollen bentschen!

— Да будетъ имя Господне благословлено отнынѣ и во вѣки! отвѣтили сотрапезники и стали совершать затрапезную молитву громко, усердно, нараспѣвъ, но немилосердно коверкая слова ея и качаясь, какъ маятники, изъ стороны въ сторону.

Мы отскочили отъ окна, у котораго стояли и наблюдали все описанное, и громко расхохотались оригинальному приглашенію стараго балагура къ молитвѣ. Мы хохотали долго, искренно, до слезъ; это нѣсколько развеселило насъ и заставило на минуту забыть о нашемъ печальномъ положеніи.

* Т. е. раббосай, милостивые государи.

Однако, нужно было намъ подумать о ночлегѣ.

— Ночуйте, гдѣ хотите, — равнодушно отвѣтилъ намъ нашъ возница, къ которому мы пристали съ этимъ вопросомъ, гдѣ-ниво покуривая трубку и почесывая затылокъ. — Миѣ нянчиться съ вами, что-ли?

Мы со слезами на глазахъ стали укорять его, что онъ нашъ землякъ, бросилъ насъ, неопытныхъ мальчиковъ, на произволъ судьбы въ чужомъ городѣ и не хочетъ дать намъ даже ничего не стоящаго ему совѣта.

Укоризна подѣйствовала.

— Переночуйте сегодня въ моей будѣ, — сказалъ онъ намъ мягче, — а завтра увидимъ.

На завтра мы при посредствѣ не то ветошника, не то фактора въ образѣ отставного еврейскаго солдата, нашли у какого-то биржевого извозчика каморку, точнѣе, полутемный чуланъ, весь заваленный хомутами, дугами, шлеями и прочей конской сбруей, за два рубля въ мѣсяцъ, и заплатили за мѣсяцъ впередъ.

Ни минуты не медля, мы съ помощью ветошника перетащили наши пожитки и вступили во владѣніе нашей «квартирой», которая, при болѣе тщательномъ осмотрѣ, оказалась вдобавокъ очень сырою и съ неоштукатуренными стѣнами. Но съ чѣмъ не можетъ мириться здоровая и выносливая молодость?... Мы въ три мига привели въ порядокъ конскую сбрую, такъ, что въ срединѣ каморки очистилось свободное пространство какъ разъ для небольшого стола и двухъ табуретовъ. Бѣда была только въ томъ, что стола-то и табуретовъ у насъ не было, а хозяева не давали намъ ихъ, говоря довольно резонно, что о «мебели» мы не условливались съ ними. Однако, гласило ихъ заключительное слово, — если мы что нибудь накинёмъ, то намъ позволятъ заниматься въ хозяйской комнатѣ, разумѣется, когда она будетъ свободна, т. е. когда никого изъ домашнихъ не будетъ дома. Мы помирились и съ этимъ.

Распаковавъ свои чемоданчики и доставъ свои аттестаты, наградныя книги и рекомендательныя письма, которыя мы

имѣли къ главнымъ дѣтелямъ раввинскаго училища отъ почетнѣйшихъ лицъ нашего города, мы отправились дѣлать визиты.

Прежде всего мы отправились къ инспектору.

Мы нашли его спускающимся съ лѣстницы своей квартиры. Это былъ тучный старикъ роста выше средняго, съ слегка подстриженною сѣдою бородою, интеллигентнымъ, симпатичнымъ, смуглымъ, почти красивымъ лицомъ и вообще весьма представительной наружности. Онъ былъ одѣтъ не совсѣмъ по европейски, но чисто и опрятно, въ тонкомъ бѣльѣ, съ тщательно выглаженною шляпою на головѣ, досыающимися и внушительно скрипящими сапогами на ногахъ и съ легкимъ пальто изъ какой-то перстяной матеріи въ накидку.

Мы сдѣлали фронтъ и сняли шапки, проникнутые глубокимъ уваженіемъ не столько къ занимаемому имъ посту, сколько къ его внушительной, истинно аристократической осанкѣ.

— Вы ко мнѣ, дѣти? спросилъ насъ инспекторъ, шепелявя, что показалось намъ тоже признакомъ знатности и родовитости.

— Къ вамъ. г. инспекторъ, — отвѣтили мы, передавая ему письмо отъ одного изъ нашихъ гвировъ, поручавшаго насъ его особому покровительству.

Онъ раскрылъ письмо и сталъ читать.

— Гм... не дурно пишеть по еврейски, — пробормоталъ онъ про себя, заинтересовавшись, какъ видно, больше внѣшними достоинствами, нежели внутреннимъ содержаніемъ письма. — Отъ такого талмудиста я этого не ожидалъ.

— Вы пріѣхали учиться? спросилъ онъ насъ, прочитавъ письмо.

— Точно такъ.

— Вы «дикдукъ» (еврейскую грамматику) знаете?

— Знаемъ.

Онъ задалъ намъ пустяшный вопросъ, на который получилъ удовлетворительный отвѣтъ.

— Хорошо, похвалилъ онъ насъ, погладивъ свои бакен-

барды.— Теперь вакація; когда начнутся классы, придите въ училище, такъ директоръ, можетъ быть, васъ приметъ.

— Можетъ быть?... спросили мы упавшимъ голосомъ. А что, если онъ не уважить нашей просьбы и не приметъ?

— Такъ вы поѣдете домой, въ вашъ городъ, откуда приѣхали.

На этомъ короткомъ и ясномъ отвѣтѣ аудіенція наша и окончилась. Ни малѣйшаго поощренія, ни малѣйшаго обнадеживанія, а совершенное равнодушіе къ судьбѣ беспомощныхъ мальчиковъ, порученныхъ его покровительству. Это насъ нѣсколько удивило, но мы еще не упали духомъ, такъ какъ въ рукахъ нашихъ были письма и къ другимъ особамъ, которыя, можетъ быть, окажутся болѣе внимательными къ нашему положенію.

Одну изъ этихъ другихъ особъ, учителя еврейскаго языка и словесности, мы застали дома, въ маленькой прихожей, превращенной въ кабинетъ, за письменнымъ столомъ, заваленнымъ книгами и корректурными листами, съ перомъ въ рукѣ. Это былъ сухой старикъ съ бѣлыми, какъ серебро, сѣдинами, впалыми щеками, на которыхъ игралъ живой румянецъ долготечной чахотки, съ правильнымъ, умнымъ, но слишкомъ серьезнымъ, почти сердитымъ лицомъ, внушавшимъ намъ невольный страхъ.

Мы стояли нѣсколько минутъ молча и почти не дыша, потому что онъ былъ такъ углубленъ въ свою работу, что не замѣтилъ нашего прихода, а помѣшать ему какимъ нибудь звукомъ мы боялись.

— Кто вы такіе? спросилъ онъ насъ, нервно вадрогнувъ, когда внезапно замѣтилъ наше присутствіе, и вперивъ въ насъ, поверхъ своихъ очковъ, долгій, задумчивый и пронизывающій взглядъ.

Мы ему отрекомендовались и передали ему письмо отъ одного изъ нашихъ еврейскихъ учителей, который считалъ себя его закадычнымъ другомъ. Онъ медленно и методически развер-

нулъ письмо, взглянулъ прежде всего на подпись, и сталъ пробѣгать его глазами.

— Фи, проговорилъ онъ, поморщившись и презрительно швырнувъ недочитанное письмо на столъ.— Пишетъ, какъ винокуръ или какъ мѣстечковый раввинъ. Совсѣмъ разучился писать по еврейски. А когда-то онъ писалъ не дурно: даже книжку сочинилъ, стихотворенія писалъ! И у него-то вы учились священному языку?

— Нѣтъ, онъ читалъ намъ законъ Божій.

— А «дикдукъ» вамъ читали?

— Мы прошли всю грамматику.

— А вотъ мы сейчасъ увидимъ, сказалъ онъ, взявъ понюшку табаку и передвинувъ очки съ переносицы на лобъ.

Онъ раскрылъ передъ нами библію, заставилъ насъ прочитатъ одинъ стихъ и сталъ спрашивать грамматическій разборъ. Мы стали дѣлать этотъ разборъ по всѣмъ правиламъ искусства и были увѣрены, что онъ насъ похвалитъ. Но не тутъ-то было: выслушавъ насъ молча и задумчиво, онъ медленно взялъ понюшку табаку и произнесъ незлобиво, а отечески:

— Видно, что вы маленькое понятіе о дикдукѣ имѣете; однако, вы невѣжи и вашъ учитель тоже невѣжа. И онъ началъ толковать намъ разныя тонкости языка, логическую постройку рѣчи, особенности библейскихъ фразъ, ихъ кажущуюся неправильность и произвольность въ употребленіи родовъ, временъ и въ согласованіи словъ и тому подобныя высиженные премудрости бездушнаго буквоѣдства, до котораго обыкновеннымъ нормальнымъ людямъ, а тѣмъ болѣе учащимся юношамъ, у которыхъ на рукахъ болѣе полдюжины учебныхъ предметовъ, нѣтъ никакого дѣла. Для подкрѣпленія своихъ словъ, онъ вынималъ одну книгу за другою и читалъ намъ текстъ того или другаго грамматическаго правила съ приписками на поляхъ его собственныхъ примѣчаній, открытій и догадокъ, мѣткости и остроумію которыхъ мы инстинктивно удивлялись, мало, впрочемъ, понимая, въ чемъ тутъ собственно дѣло, изъ-за чего человекъ хлопочетъ и продѣлываетъ такую головоломную умствен-

ную гимнастику, которая, по нашему мнѣнію, выѣденнаго яйца не стояла. Словомъ, экзамень превратился въ урокъ, профессорскую лекцію, которая длилась, ни много, ни мало, полтора часа!... Мы потѣли, какъ въ жарко натопленной банѣ, голова у насъ кружилась отъ усталости и ноги у насъ подкашивались, такъ какъ мы весь этотъ урокъ отбывали стоя. Насилу мы вырвались изъ рукъ этого фанатика-гебраиста и вылетѣли на улицу подышать свѣжимъ воздухомъ и стряхнуть съ себя мертвящую схоластику, отъ которой умъ заходилъ у насъ за разумъ.

Мы нѣсколько освѣжились и пришли въ себя только тогда, когда отмахали около двухъ съ половиною верстъ, пока не добрались до квартиры третьей особы, тожѣ учителя, который жилъ въ предмѣстьѣ.

Аудиенція у этого учителя была короткая. Она происходила у воротъ его дома, такъ какъ мы нашли его выходящимъ со двора и куда-то торопившимся. Принявъ отъ насъ письмо и сунувъ его въ боковой карманъ не распечатывая, онъ спросилъ, что намъ отъ него нужно.

Мы сказали.

— А дикдукъ вы знаете? спросилъ онъ насъ въ отвѣтъ на нашъ рапортъ о цѣли нашего пріѣзда, нашемъ безпомощномъ положеніи, неувѣренности г. инспектора, примутъ-ли насъ въ училище, такъ какъ онъ сказалъ «можетъ быть» и т. д.

Этотъ стереотипный вопросъ, который мы сегодня слышали уже въ третій разъ, сталъ дѣйствовать на меня раздражительно, а потому вмѣсто прямого отвѣта, я отозвался съ нѣкоторою живостью въ голосѣ и краснѣя съ досады:

— Мы знаемъ что нибудь и поважнѣе дикдука.

— Что именно? спросилъ учитель, саркастически улыбнувшись и окинувъ меня сострадательнымъ взглядомъ, какъ-бы говоря: не далеко-же ты, бѣдненькій, уѣхалъ, когда считаешь что нибудь важнѣе дикдука!

— Исторію, географію, математику, законъ Божій, языки русскій и нѣмецкій, — отвѣтилъ я громко и отчетливо.

— Все это хорошо, — возразилъ учитель, продолжая улыбаться. Но вы мнѣ не отвѣтили на мой вопросъ. Я васъ спрашиваю: учились-ли вы дикдуку?

— Само собою разумѣется.

— Ну и ладно. Мой предметъ—дикдукъ; когда вы будете у меня экзаменоваться, то я буду васъ экзаменовать только изъ этого предмета. Все прочее меня не касается.

Сказалъ—и пошелъ своею дорогою.

— Тьфу! плюнулъ я во слѣдъ ушедшему, давая исходъ закипѣвшему во мнѣ гнѣву. Они всѣ здѣсь, чортъ возьми, какіе-то помѣшанные! Ишь невидаль какая, — дикдукъ! Какъ будто въ дикдукѣ, въ ученіи о *догушѣ*, *шва* и букввахъ *а-а-аи*—начало и конецъ всей человѣческой премудрости и благополучія всего рода человѣческаго! Какъ-же существуетъ весь остальной міръ безъ этого ученія? Колумбъ открылъ Америку, не имѣя, можетъ быть, ни малѣйшаго понятія о дикдукѣ. А что открыли здѣшніе маніаки своимъ излюбленнымъ предметомъ, на которомъ они, какъ видно, съѣли цѣлую стаю собакъ? Замѣтилъ-ли ты давеча, какъ этотъ великій человѣкъ еврейской грамматики, не сомнѣвающийся, что онъ звѣзды съ неба хватаетъ, не умѣетъ читать ни по русски, ни по нѣмецки? Я увѣренъ, что мы теперь-же, съ нашимъ бѣднымъ трехкласснымъ курсомъ, въ пять разъ образованнѣе и развитѣе этого помѣшаннаго на догушѣ старика.

— Говорятъ, что онъ большой поэтъ,—замѣтилъ мой товарищъ.

— Для нашихъ темныхъ жидковъ пожалуй, хотя въ его поэмахъ, вѣроятно, столько поэзіи, сколько въ любой еврейской *слига*, отъ которой наши невзыскательные единовѣрцы умиляются до слезъ, хотя въ ней, кромѣ дребедени и скуки, ничего нѣтъ. Надобно будетъ когда нибудь прочитать ихъ, если хватить терпѣнія, хотя я почти увѣренъ, что такой мелочной буквоѣдъ поэтомъ по призванію быть не можетъ. Но, на зло здѣшнимъ маніакамъ, знаешь что я сдѣлаю?

— Что?

— Когда я поступлю въ училище, то всѣмъ предметамъ буду учиться съ остервенѣніемъ, до хрипоты, до чахотки, до пяти съ плюсомъ, а ихъ излюбленному дикдуку — ни капельки.

— Такъ ты перевода не будешь имѣть.

— Я не только буду имѣть переводъ, но буду переходить изъ класса въ классъ съ отличіемъ. Ужь мы посмотримъ, какъ это не будутъ давать перевода ученику, имѣющему изъ всѣхъ предметовъ пять, а можетъ быть съ плюсомъ!...

— Но единица или нуль изъ главнаго предмета...

— Во первыхъ, не думаю, чтобы дикдукъ былъ здѣсь главнымъ предметомъ: главными предметами всегда останутся законъ Божій, русскій языкъ, математика и исторія. Во вторыхъ, до нуля или единицы никогда дѣло у меня не дойдетъ: на тройку у меня всегда хватаетъ, если я буду прислушиваться на урокъ только краемъ уха. А если я этой куриной премудрости посвящу только одинъ день предъ экзаменомъ, то буду имѣть и четверку. Конечно, рѣшено! проговорилъ я запальчиво. Отъ нынѣшняго утра, дикдукъ — больше не предметъ мой. Эти маниаки сдѣлали его омерзительнымъ въ моихъ глазахъ и я заниматься имъ не буду. Если для бѣдныхъ, безпомощныхъ и тепло рекомендованныхъ имъ мальчиковъ не нашлось у нихъ ни одного ласковаго слова, а только съ ножемъ къ горлу пристають: давайте дикдукъ, то я съ ними пива не сварю, а пойду своею дорогою. Я буду отличнымъ ученикомъ и безъ дикдука, и они ничего со мною не подѣлаютъ.

Такъ разговаривая, мы добрались до нашей милой квартиры.

Я сѣлъ на одинъ изъ хомутовъ, оперся о стоявшую у стѣны дугу и пригорюнился, такъ какъ визиты, которые мы только что отбыли, не обѣщали намъ ничего хорошаго. Мой же товарищъ, отрѣзавъ себѣ краюху хлѣба и намазавъ ее масломъ, сталъ уписывать за обѣ щеки, какъ ни въ чемъ не бывало. Это безстрастіе, эта безчувственность сильно взбѣсили меня, уже и безъ того раздраженнаго въ высшей степени.

— И тебѣ лѣзетъ въ голову жрать? крикнулъ я на него, трясаясь отъ гнѣва.

— Почему-же нѣтъ? возразилъ онъ невозмутимо, продолжая свое дѣло.—Я голоденъ, я еще не завтракалъ.

— И я вѣдь еще не завтракалъ! Отчего-же у меня нѣтъ аппетита? И до ѣды-ли теперь? Понимаешь-ли хоть капельку, въ какомъ критическомъ положеніи мы находимся? Городъ чужой и разбойничій; знакомыхъ ни живой души; финансы наши чрезъ недѣлю или двѣ истощатся; протекція, на которую мы надѣялись, разрѣшилась глупымъ догумомъ; при опредѣленіи въ училище и на казенное содержаніе никто за насъ не замолвить ни слова, что-же мы будемъ дѣлать? Просить помощи у родителей я не буду; ты, вѣроятно, тоже не будешь, потому знаешь, что они не въ состояніи помогать намъ; да такимъ взрослымъ байбакамъ, какъ мы, стыдно жить на счетъ родителей. Что-же мы будемъ дѣлать?

— У насъ есть еще нѣсколько рекомендательныхъ писемъ.

— Ты говоришь, что есть? А вотъ... ихъ нѣтъ! сказала я, быстро выхвативъ изъ своего бокового кармана остальные рекомендательныя письма и разорвавъ ихъ на клочки.

— Съумасшедшій, — произнесъ мой товарищъ тоже невозмутимо, продолжая чавкать съ еще большимъ аппетитомъ.

— Basta! воскликнулъ я, ударяя кулакомъ по дугѣ.—Я къ этимъ маниакамъ больше ни ногой. И зачѣмъ? Развѣ не видишь, что они всѣ здѣсь какіе-то безсердечные, эгоисты, самоуслаждающіеся своимъ дикдукомъ, выше котораго для нихъ ничего нѣтъ и быть не можетъ? Сказали-ли они намъ хоть одно поощрительное слово, которое вѣдь денегъ не стоитъ? Спросилъ-ли хоть одинъ изъ нихъ, какъ мы здѣсь устроились, хватить-ли у насъ средствъ ждать до поступленія въ училище, не предстоитъ-ли намъ голодать? Обратили-ли они хоть малѣйшее вниманіе на рекомендательныя письма, въ которыхъ насъ рекомендуютъ такъ тепло, такъ убѣдительно?... Одному слогъ понравился, другому нѣтъ, а третій вовсе не читалъ адресованнаго къ нему письма. Нѣтъ, мой другъ, если дѣло пошло на рекомендацію, то мы лучше напишемъ нашему директору училищъ, чтобы онъ съ своей стороны замолвилъ за насъ сло-

вечко у здѣшняго директора. Онъ намъ не откажетъ. Это будетъ почище рекомендательныхъ писемъ отъ нашихъ къ нашимъ.

Въ пылу негодованія, я еще долго ораторствовалъ на эту тему, ораторствовалъ до тѣхъ поръ, пока мой товарищъ не окончилъ своей трапезы. Тогда я ему предложилъ пофланировать по городу, чтобы разсѣяться отъ волновавшихъ меня неприятныхъ чувствъ, на что онъ согласился.

Возвратились мы на квартиру, когда уже было десять часовъ вечера. Мы изъ хомутовъ соорудили себѣ походную кровать, навалили на нее разнаго мягкаго хлама, легли спать и заснули, какъ убитые.

XIII.

Мое разговѣнье послѣ двадцатичетырехъ часового поста.—Комнатный надзиратель и его пріемъ.—Аудиенція у директора.—Рапортъ надзирателя.—Отзывъ надзирателя о директорѣ.—Свиданіе съ «рыжымъ».

На завтра чувствительный голодъ поднялъ меня раньше моего товарища съ моего княжескаго ложа и я, совершивъ утреннюю молитву, что называется на курьерскихъ, сталъ съ волчьимъ аппетитомъ истреблять одинъ бутербродъ за другимъ, запивая ихъ ключевою водою, показавшеюся мнѣ теперь вкуснѣе чая, безъ котораго я дома жить не могъ.

— И тебѣ лѣзетъ въ голову жрать? дразнилъ меня мой товарищъ, нѣжась на своихъ хомутахъ, какъ принцъ въ пуховикахъ.

— Въ голову не лѣзетъ, а въ желудокъ лѣзетъ, отвѣтилъ я, продолжая работать зубами, какъ хорошими жерновами.— Не забудь, что я двадцать четыре часа постился.

— Это, можетъ быть, принесетъ намъ счастье: Богъ услышитъ твои молитвы. Что мы, однако, будемъ дѣлать сегодня?

— Не сегодня, а теперь же, сейчасъ, мы отправимся къ г-ну Г—чу.

— Ты рекомендательнаго къ нему письма не разорвалъ?

— Нѣтъ: я разорвалъ только письма нашихъ къ нашимъ,

а письмо гоя къ гою я на всякій случай приберегъ. Имѣю предчувствіе, что это письмо утѣшитъ насъ въ скорби нашей.

— Дай Богъ твоими устами медъ пить.

— Во всякомъ случаѣ намъ не предстоитъ допросъ по части дикдука. А потому—будетъ тебѣ нѣжиться, какъ собакѣ въ крапивѣ. Вставай и возьмись за свою сбрую. Я свою сбрую тоже почищу: предъ гоемъ нужно явиться въ лучшемъ видѣ, а не замарашками. Не надѣтъ ли намъ нашей праздничной пары?

— Можно, согласился мой товарищъ, поднимаясь со своихъ хомутсвъ.

Г. Г—чъ, къ которому мы имѣли рекомендательное письмо отъ его родственника, нашего учителя исторіи и географіи, былъ комнатнымъ надзирателемъ при раввинскомъ училищѣ, а потому жилъ въ самомъ зданіи этого «храма наукъ». Какъ холостой человѣкъ, онъ занималъ только одну комнату съ передней.

Мы застали его еще въ халатѣ, за утреннимъ чаемъ. Когда онъ прочелъ письмо, которому, какъ видно, весьма обрадовался, то подаль намъ руку, и попросилъ насъ сѣсть.

— Иванъ Степановичъ, сказалъ онъ, пододвигая намъ стулья,—очень тепло поручаетъ васъ моему покровительству и попеченію. Онъ отзывается о васъ, какъ объ отличныхъ ученикахъ и примѣрнаго поведенія. Надѣюсь, что вы оправдаете это хорошее о васъ мнѣніе вашего учителя. Я съ своей стороны сдѣлаю для васъ все, что только будетъ въ моихъ силахъ. Постараюсь, чтобы вы были пристроены, какъ слѣдуетъ. Я это письмо покажу директору.

— Кстати, вотъ и наши аттестаты.

— Отлично, сказалъ онъ, пробѣжавъ глазами наши отмѣтки.—Я директору покажу и ваши аттестаты. Васъ примутъ въ четвертый классъ безъ экзамена.

— Мы экзамена не боимся.

— Тѣмъ лучше. Но садитесь, чего вы стоите? Будьте моими гостями.

Мы сѣли, онъ налилъ намъ чаю и сталъ спрашивать о житьѣ-бытьѣ его родственниковъ.

Бесѣда наша продолжалась около часу. Мы не чувствовали, какъ летѣло время. Намъ было такъ тепло, пріятно и уютно за этою семейною бесѣдою, что мы забыли о всѣхъ непріятностяхъ, перенесенныхъ нами въ послѣдніе дни. Со времени выѣзда изъ нашего родного города это было первое человѣческое къ намъ отношеніе, которое быстро изгладило въ насъ крайне непріятное впечатлѣніе отъ встрѣченныхъ нами безсердечія, грубостей, эгоизма и равнодушія, которыя приводили насъ въ отчаяніе, тѣмъ болѣе, что мы, какъ отличные ученики и хорошіе малые, привыкли на родинѣ къ совершенно иному съ нами обращенію. Приемъ, сдѣланный намъ комнатнымъ надзирателемъ, напоминалъ намъ нашихъ добрыхъ и ласковыхъ учителей, относившихся къ намъ, какъ къ своимъ дѣтямъ, и которыхъ мы любили и уважали, какъ родныхъ, даже больше, чѣмъ родныхъ. Наши попутчики, возница, гадкое мѣстечко, квартирные хозяева, инспекторъ, учителя, дикдукъ, хомуты и все непріятное исчезли теперь изъ нашей памяти, точно сквозь землю провалившись,—и мы отдохнули душою и пріободрились.

— Теперь, господа, намъ уже пора къ директору, сказалъ надзиратель, взглянувъ на свои карманные часы и вставъ изъ-за стола.—Въ эту пору онъ обыкновенно возвращается съ своей утренней прогулки и бываетъ въ духѣ. Тогда можно просить его о чемъ угодно и отказа нѣтъ.

Онъ удалился за ширмы и черезъ нѣсколько минутъ возвратился въ вицъ-мундирной парѣ и со шляпою въ рукахъ. Освидѣтельствовавъ наши костюмы и найдя все въ порядкѣ, только посовѣтовавъ намъ поправить волоса и, когда будемъ говорить съ директоромъ, стоять на вытяжкѣ, смотрѣть ему прямо въ глаза и титуловать «ваше высочородіе», потому что онъ это любитъ, онъ снялъ съ вѣшалки легкое пальто и мы тронулись въ путь.

Директоръ жилъ на другомъ концѣ города, на тихой, уеди-

ненной улицѣ, въ собственномъ домѣ, среди зелени густого сада.

— Дома? спросилъ шопотомъ надзиратель створившаго намъ лакея въ полу-ливрѣ.

— Дома, въ кабинетѣ, отвѣтилъ лакей шопотомъ же.—

Прикажете доложить?

— Доложи, любезный.

Лакей на цыпочкахъ отправился во внутренніе покои, а надзиратель сталъ охорошиваться, застегивать пуговицы вицмундира и натягивать на лѣвую руку бѣлую замшевую перчатку.

— Пожалуйте, проговорилъ возвратившійся лакей, отворяя дверь въ залу.

— Въ духѣ? освѣдомился надзиратель на ходу.

— Какъ обыкновенно, отвѣтилъ лакей.

Пройдя нѣсколько комнатъ, скромно меблированныхъ, мы подошли къ кабинету, дверь котораго была полуоткрыта. Когда мы вошли въ кабинетъ, то увидѣли за большимъ письменнымъ столомъ, стоявшимъ по срединѣ комнаты, старика очень худоцаваго, съ правильнымъ, тонкимъ носомъ, коротко остриженными жиденькими, бѣлесоватыми волосами, гладко выбритымъ лицомъ съ правильными морщинами, казавшимися вытуженными самымъ тщательнымъ образомъ, и маленькими сѣренькими глазками, сидѣвшими глубоко въ выпукломъ лбу большихъ размѣровъ и смотрѣвшими пронизательно, строго, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ затаенной хитрости и лукавства. Общее же выраженіе лица сильно напоминало собою католическаго патера высшаго разряда или іезуита и внушало къ себѣ не столько уваженія, сколько безотчетнаго страха. На старикѣ былъ длиннополый сюртукъ коричневаго цвѣта стараго покроя, съ широкимъ воротникомъ и узенькими лацканами, что еще больше придавало ему видъ духовной особы, хотя онъ былъ кандидатомъ философіи и магистромъ обонхъ правъ и принадлежалъ когда-то къ профессорскому персоналу б. Виленскаго университета.

Мы остались у дверей, а надзиратель, ступивъ три шага впередъ, сдѣлалъ официальный поклонъ, вытянулся въ струнку, и сталъ рапортовать:

— Во вѣренномъ вашему высочородію заведеніи во обстоятъ благополучно... Покраска половъ окончена... Починка классныхъ скамеекъ и досокъ продолжается; столяръ общаетъ окончить всю работу къ слѣдующему понедѣльнику... Сѣно въ тюфякахъ перемѣняется подъ моимъ личнымъ наблюденіемъ... По приказанію вашего высочородія подрядчикъ завтра начнетъ возить дрова... Сторожъ Юстинъ возвратился изъ разрѣшеннаго ему двухнедѣльнаго отпуска.

— А портретъ? спросилъ директоръ.

— Портретъ Государя Императора уже совсѣмъ готовъ; живописецъ подбираетъ теперь раму.

Когда надзиратель началъ рапортовать, директоръ быстро всталъ съ кресла и, скрестивъ на груди руки и наклонивъ голову, сталъ слушать рапортъ въ какомъ-то торжественномъ и благоговѣйномъ молчаніи. Лицо его приняло строго-начальническое выраженіе, его впалыя щеки казались притвожденными къ челюстямъ и не дрогнули ни однимъ мускуломъ. Нашего же присутствія онъ, повидимому, вовсе не замѣчалъ, точно насъ вовсе небыло въ комнатѣ, хотя мы торчали въ прямомъ съ нимъ визави, а мой товарищъ даже слегка кашлянулъ, отчего я пожелалъ провалиться сквозь землю. По крайней мѣрѣ, директоръ во все время доклада не бросилъ въ нашу сторону ни одного, даже самаго бѣлаго взгляда.

— Хорошо, благодарю, проговорилъ онъ, когда докладъ кончился, поднявъ голову и теперь только протянулъ надзирателю руку.

Послѣдній съ глубокимъ поклономъ пожалъ протянутую ему руку и... приложился къ рукаву директорскаго сюртука выше локтя. Директоръ же, съ своей стороны, поцѣловалъ надзирателя въ макушку и медленно опустился въ кресло.

По совершеніи этой старо-польской церемоніи, надзиратель

крякнулъ и, указывая на насъ шляпой, проговорилъ уже менѣе официально и по польски:

— Честь имѣю представить вельможному пану директору вотъ этихъ хлопцовъ, учениковъ N-скаго казеннаго еврейскаго училища, рекомендуемыхъ мнѣ моимъ родственникомъ, старшимъ учителемъ N-ской гимназіи, котораго вельможный панъ директоръ изволить знать.

Мы отвѣсили глубокій поклонъ и директоръ, прищурившись, вперилъ въ насъ долгій и пронизывающій взглядъ, отъ котораго мы мевольно затрепетали.

Надзиратель быстро отстегнулъ одну пуговицу виць-мундира и, вынувъ изъ бокового кармана рекомендательное письмо и наши аттестаты, разложилъ ихъ предъ директоромъ. Последний медленно надѣлъ большіе золотые очки и сталъ читать наши бумаги. Окончивъ чтеніе, онъ намъ мигнулъ, и мы приблизились къ письменному столу и, по наставленію надзирателя, стали смотрѣть на директора въ упоръ, держа руки по швамъ.

— Хорошо, дѣти, проговорилъ директоръ мягко, но серьезно.—Я хорошимъ ученикамъ очень радъ. Надѣюсь, что вы своимъ поведеніемъ и прилежаніемъ оправдаете хорошую о васъ аттестацію господъ наставниковъ. Когда откроется канцелярія, вы подадите прошеніе съ приложеніемъ вашихъ документовъ и я васъ приму.

— Но, г. директоръ, замѣтилъ надзиратель,—они хотѣли бы на казенное содержаніе.

— Можно будетъ и это. Не всѣ вѣдь вакансіи заняты.

— Нѣтъ, не всѣ, подтвердилъ надзиратель,—но, г. директоръ, благоволите принять въ соображеніе, что на казенное содержаніе принимаютъ въ январѣ, а они мальчики бѣдные, безъ всякихъ средствъ и родственниковъ здѣсь у нихъ нѣтъ никакихъ. Чѣмъ же они будутъ жить до января?

Директоръ на минуту задумался и сказалъ:

— Такъ мы ихъ пока опредѣлимъ въ полустипендіаты.

— Такъ и прикажете сказать подрядчику?

— Покорнѣйше прошу васъ объ этомъ. Вы можете ему отъ моего имени и формальную бумагу написать. Такіе хорошіе мальчики голодать у насъ не должны. Прошу васъ, г. надзиратель, имѣть о нихъ особое попеченіе, какъ о томъ просить васъ и вашъ родственникъ. А начальству N-скаго еврейскаго училища я напишу, чтобы оно доставляло намъ побольше такихъ учениковъ: мы въ хорошихъ ученикахъ нуждаемся. Откровенно вамъ скажу, я нынѣшнимъ комплектомъ казенно-коштныхъ воспитанниковъ весьма недоволенъ. Между ними очень много негодяевъ, даромъ ѣдящихъ казенный хлѣбъ. Я ихъ прогону, чтобы очистить мѣсто для воспитанниковъ хорошихъ.

По всему видно было, что мы директору понравились, хотя мы не проронили ни одного слова, а только прямо смотрѣли директору въ глаза и держали руки по швамъ.

Когда аудіенція кончилась и мы вмѣстѣ съ надзирателемъ оставили директорскую квартиру, то бросились цѣловать руки нашего благодѣтеля, который поздравлялъ насъ съ тѣмъ, что мы директору весьма понравились, такъ какъ директоръ—большой фізіономистъ и видитъ человѣка насквозь.

— Но вѣдь мы не проговорили ни одного слова и онъ даже нашего голоса не слышалъ.

— Это ничего не значить. Онъ въ васъ хорошенько всмотрѣлся, такъ этого уже достаточно: его протекція за вами обезпечена. Но, предваряю васъ, что, когда онъ увидитъ васъ въ училищѣ, то будетъ прикидываться, что васъ не знаетъ, не помнить, будетъ каждый разъ спрашивать, какъ ваша фамилія, въ которомъ вы классѣ и т. д. Это однакоже нисколько не должно васъ беспокоить: онъ будетъ протезировать васъ безъ вашего вѣдома и просьбы, будетъ зорко слѣдить за вашимъ поведеніемъ и успѣхами и въ одно прекрасное утро вы вдругъ убѣдитесь, что онъ не только не забылъ о васъ, но знаетъ всю вашу подноготную, помнить ваши отмѣтки по каждому предмету особо, словомъ, интересуется вами основательно. О, нашего директора нужно знать... Онъ не даромъ уже

на двадцать первомъ году своей жизни быть адъюнктомъ въ виленскомъ университетѣ. Шутка сказать, виленскій университетъ!...

Мы сначала было испугались такого невидимаго за нами надзора, но потомъ успокоились, такъ какъ были увѣрены и въ нашемъ поведеніи, и въ нашемъ прилежаніи.

— А что? спросилъ я своего товарища, весело хлопнувъ его по плечу, когда мы, разставшись съ надзирателемъ у воротъ училища, возвращались на квартиру.

— Что и говорить! отвѣтилъ товарищъ, улыбаясь, — ты, должно быть, одинъ изъ тѣхъ «тридцати шести праведниковъ», на которыхъ и міръ держится. Твой вчерашній постъ дошелъ до самого неба и произвелъ тамъ большой переворотъ въ нашу пользу.

— Пути, не пути, возразилъ я, — а мое предчувствіе меня не обмануло. Я надѣялся, что это письмо принесетъ намъ счастье и надежда моя оправдалась.

— Слава Богу!

— И да здравствуетъ Иванъ Степановичъ!

Мы были такъ довольны и рады, что позволили себѣ роскошь — отобѣдать въ харчевнѣ, тѣмъ болѣе, что наши домашнія харчи были уже на исходѣ, да онѣ такъ зачерствѣли, что требовались волчьи зубы, чтобъ разжевать ихъ, а такими зубами мы не располагали.

Послѣ обѣда мы какъ-то вспомнили о нашемъ добромъ знакомомъ, «рыжемъ», и отправились отыскивать его скорѣе по особымъ примѣтамъ, нежели по сколько нибудь опредѣленному адресу.

Послѣ долгихъ разспросовъ и шатаній по городу, мы наконецъ отыскали его въ его родительскомъ домѣ, въ особой каморкѣ. Но, Боже мой, какая перемѣна!.. Куда дѣвались его веселость, его развязность, его задушевность! Онъ былъ серьезень, или грустенъ, или чѣмъ-то недоволенъ, или вообще важничалъ. Онъ, кажется, не обрадовался и нашему приходу,

нашему свиданію. Онъ принялъ насъ такъ холодно, что положительно озадачилъ насъ. Въ первую минуту свиданія была съ его стороны даже попытка—прикинуться вовсе насъ не знающимъ, но это ему не удалось, а потому онъ нехотя допустилъ, что знаетъ насъ, помнитъ, что былъ знакомъ съ нами. Вотъ тебѣ и добрый малый! На своей родной навозной кучѣ онъ уже не узнаетъ своихъ вчерашнихъ друзей! Такой пріемъ со стороны, такъ сказать, «товарища», разумѣется, возмутилъ насъ до глубины души, и мы уже хотѣли отретироваться, но онъ изъ вѣжливости попросилъ насъ сѣсть.

Мы въ короткихъ словахъ рассказали ему о нашихъ дѣлахъ. Онъ насъ поздравилъ, но холодно, краемъ рта, безъ малѣйшаго участія.

— Ну, а вы къ экзамену пойдете? спросили мы его, замѣтивъ, что на столѣ нѣтъ ни одного учебника, ни одной книжки.

— Нѣтъ, не пойду, отвѣтилъ онъ, не глядя на насъ и кусая ногти.—Я женюсь.

— Что вы? Неужели?

— Я уже женихъ.

— Родители заставляютъ?

— Родители и... я самъ сознаю, что въ мои лѣта уже поздно думать о штудированіи. Да оно мнѣ и не нужно. Пусть штудируютъ бѣдняки, которымъ другаго и дѣлать-то нечего. Капиталь у меня будетъ порядочный и я пойду по коммерческой части.

— Туда тебѣ, миленькій, и дорога, подумали мы про себя, нисколько не обидѣвшись его «тонкимъ» намекомъ на нашу бѣдность.

— Невѣста—красавица, достаточно образована и съ хорошимъ приданымъ: три тысячи рублей, кромѣ всего прочаго, прибавилъ онъ въ лучшее объясненіе принятаго имъ рѣшенія.

Подпустивъ ему нѣсколько шпилекъ въ отместку за его «товарищескій пріемъ», мы распростились съ нимъ на всегда

и ушли отдыхать на своихъ хомутахъ послѣ пріятныхъ и непріятныхъ впечатлѣній этого дня.

XIV.

Послѣ каникулъ. — Разочарованіе. — Казеннокоштные воспитанники. — Старшій классъ. — Въ столовой за общей трапезой. — Мои терзанія. — Вертепъ. — Переписка съ родителями. — Надежда на перѣмѣну къ лучшему. — Случай, разбивающій эту надежду. — Моя резигнація.

Каникулы кончились. Открылось заведеніе, но не классы, потому что приближались осенніе праздники (Рошъ-гашана, Йомъ-кипуръ и Сукоть), въ которые занятія не полагаются. Шли экзамены вновь поступающихъ и переекзаменовка старыхъ по тѣмъ предметамъ, по которымъ они «срѣзались» на общемъ экзаменѣ. Казеннокоштные воспитанники были уже въ полномъ сборѣ и училищный дворъ оживился, закипѣлъ и зашумѣлъ отъ оглушительнаго гама тѣснившихся на немъ около двухъ сотъ экстерновъ, приходившихъ теперь такъ себѣ, — поглазѣть, пошумѣть, пошалить на досугѣ.

Мы подали прошеніе, насъ проэкзаменовали и зачислили въ четвертый классъ и кандидатами въ казенные стипендіаты. Стало быть, хорошо? Но тутъ-то и начались наши, или, точнѣе. мои терзанія, на которыя я вовсе не рассчитывалъ и которыя приводили меня въ отчаяніе.

Дѣло въ томъ, что, когда я сталъ присматриваться поближе къ «храму наукъ», о которомъ на родинѣ составилъ себѣ такое высокое понятіе и къ которому стремился всѣми силами души моей, я съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе въ немъ разочаровывался. «Храмъ наукъ» предсталъ теперь предъ моими глазами въ видѣ не то казармы, не то тюрьмы, со всѣми порядками, нравами и обычаями, симъ заведеніямъ присвоенными. Самое же непріятное впечатлѣніе произвели на меня ученики, въ особенности казеннокоштные воспитанники, которые всѣмъ своимъ существомъ скорѣе напоминали собою заключенныхъ, осужденныхъ, словомъ, преступниковъ, чѣмъ солдатъ, т. е. дисциплированныхъ бравыхъ

молодцовъ. Боже мой! Какое невѣжество! Какая дикость и свирѣпость на лицахъ! Какая грубость нравовъ и привычекъ!.. «Рыжій» былъ совершенно правъ, когда назвалъ ученичскій составъ училища «сбродомъ». Да, это былъ сбродъ, и самый отчаянный, самый отвратительный сбродъ подонковъ еврейскаго юношества со всего края. Порядочные юноши въ этомъ сбродѣ блистали, выдавались, какъ рѣдкое исключеніе, вовсе не гармонировавшее съ общимъ фономъ картины. Выдавался же въ особенности и производилъ пріятное, смягчающее впечатлѣніе—старшій классъ, состоявшій изъ пяти или шести взрослыхъ молодыхъ людей, добро-порядочныхъ, серьезныхъ, образованныхъ, преданныхъ наукѣ и строго относившихся къ своему будущему званію. Но этотъ классъ держалъ себя въ такомъ почтительномъ отдаленіи отъ общей кутерьмы, что казался случайнымъ оазисомъ въ пустынѣ и тѣмъ дѣлалъ еще рѣзче контрастъ между общою фізіономіею заведенія и этою горстью добро-порядочныхъ молодыхъ людей. По ближайшемъ же изслѣдованіи оказалось, что даже эта горстка пріобрѣла свою порядочность и свои познанія не въ заведеніи,—заведеніе, по всему устройству и по поспѣшности, съ которою оно наwerbвало учениковъ перваго состава, ничего этого не давало и, кажется, давать не могло,—а на сторонѣ, домашнимъ образомъ, поступивъ въ училище уже зрѣлою и съ достаточными свѣдѣніями. Пребывала же она въ училищѣ только для формальнаго прохожденія курса, полученія аттестатовъ, словомъ, для карьеры. Стало быть, старшій классъ существовалъ особо, а заведеніе особо, такъ что по первому нельзя было судить о второмъ, и это еще больше разочаровывало меня относительно «храма наукъ», попасть въ который я до сихъ поръ считалъ величайшимъ для себя счастьемъ.

Когда же я разъ зашелъ въ столовую, во время обѣда казеннокоштныхъ, то меня даже стошнило отъ того, что я тамъ увидѣлъ. Я думалъ, что попалъ въ звѣринецъ во время кормленія проголодавшихся звѣрей. Да что звѣринецъ! Въ послѣднемъ укротитель все-таки поддерживаетъ хоть кой-какой

порядокъ, да и звѣри болѣе или менѣе выдрессированы, знаютъ и требуютъ положенной имъ порціи и другъ друга не обижаютъ. То, что происходило въ столовой, скорѣе напоминало рыбные ряды подѣ субботу или общественную баню подѣ большіе праздники, когда въ ней ужасная давка и на всемъ пространствѣ ея—драка не на животь, а на смерть за шайку, вѣникъ, немножко воды изъ ежеминутно пустѣющихъ чановъ, за свободное мѣстечко на полу или на полкѣ... Шумъ стоялъ невообразимый. Лица воспитанниковъ пылали, какъ отъ какого нибудь сильнаго внутренняго возбужденія. На встрѣчу носимымъ сторожами изъ кухни вазамъ съ супомъ выскакивали изъ-за стола по пяти или шести человекъ, стараясь овладѣвать дорогимъ сосудомъ въ свое полное распоряженіе. Сторожа отталкивали отъ себя ретивыхъ локтями, брыкались ногами и ругались послѣдними словами. Не успѣвъ овладѣть вазами, ретивые овладѣвали суповыми ложками. Разъ имѣя въ рукѣ это полезное орудіе, они пользовались имъ безъ страха и совѣсти, какъ истые рыцари желудка. Они вылавливали всю гущу изъ картофеля, лапши или бобовъ до послѣдней возможности, забирая для себя все, а другимъ не оставляя ничего. Тарелки ихъ были уже полны и переполнены, такъ что супъ уже лился черезъ край прямо на скатерть, но они все еще не выпускали изъ рукъ драгоценнаго орудія изъ опасенія... авось, въ вазѣ осталась еще одна картофелина, которой можетъ воспользоваться другой. Словомъ, въ большинствѣ воспитанниковъ, этихъ будущихъ раввиновъ, народныхъ наставниковъ, общественныхъ дѣятелей, сказывался беззавѣтный, бездушный, дикій эгоизмъ голодной стаи, который имѣетъ въ себѣ столько звѣрскаго, отвратительнаго и возмутительнаго. Можно было подумать, что тутъ обѣдаютъ не товарищи, однокашники, а какіе-то бродяги сошедшіеся съ разныхъ концовъ міра въ какой нибудь труппобной тавернѣ, и которые послѣ обѣда опять разойдутся въ разные стороны. Можно было подумать, что тутъ трапезуютъ не люди, а голодные волки, широко пользующіеся правомъ сильнаго и раньше Дар-

вина открывшіе законъ борьбы за существованіе. Борьба эта сопровождалась соотвѣтственною руганью, отборными проклятіями, показываніемъ кулаковъ и постукиваніемъ другъ друга ложками по башкамъ. По всему видно было, что для большинства воспитанниковъ столовая—единственный предметъ, который привлекъ ихъ въ заведеніе. Дежурившій при этомъ содомъ одинъ изъ надзирателей сидѣлъ себѣ спокойно въ амбразурѣ окна и читалъ газету, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что происходило въ столовой, точно это его вовсе не касалось. Потому ли, что онъ уже привыкъ къ этому содому, который его уже не удивлялъ и не возмущалъ, или потому, что «воспитаніе» вообще не входило въ программу раввинскаго училища?..

Идеалистъ и эстетикъ, каковымъ я тогда былъ, будучи возмущенъ до глубины души происходившимъ предо мною отвратительнымъ зрѣлищемъ, я плюнулъ и ушелъ съ твердымъ рѣшеніемъ не переступать порога училища, пока не начнутся классы, когда, какъ я предполагалъ, установится болѣе строгая дисциплина и когда казеннокоштные воспитанники будутъ менѣе похожи на голодную стаю волковъ.

И я сталъ цѣлые дни просиживать на хомутахъ за чтеніемъ книгъ, никуда не выходя и ни съ кѣмъ не выдаясь, даже съ моимъ товарищемъ, который съ утра до вечера почему-то торчалъ на училищномъ дворѣ, служа, какъ новичекъ, объектомъ насмѣшекъ и плоскихъ остротъ казеннокоштныхъ дикарей, не знавшихъ какъ иначе убивать свое свободное время. Между мною и моимъ товарищемъ вслѣдствіе этого установились весьма холодныя отношенія. Мы перестали понимать другъ друга: онъ не понималъ, изъ-за чего я кипячусь, почему я недоволенъ, а я — какимъ образомъ онъ можетъ смотрѣть равнодушно на то, что происходитъ предъ нашими глазами, и не возмущаться, какъ я возмущаюсь. Не смотря на то, что онъ былъ двумя-тремя годами старше меня и съ отличными способностями, онъ въ практической жизни былъ совершенный ребенокъ, не понималъ самыхъ простыхъ вещей, вообще

мало или вовсе не смыслилъ, а я былъ совершенно тому противоположное: мыслительныя способности уже работали во мнѣ довольно изрядно, я уже отдавалъ себѣ отчетъ во всемъ, что вокругъ меня происходитъ, относился ко всему критически, дѣлалъ обобщенія и выводилъ правила и принципы, словомъ, я уже жилъ сознательно. А тутъ еще неравенство нашихъ темпераментовъ: онъ—олицетворенная флегма, я—олицетворенный сангвинизмъ. Не мудрено, что мы съ каждымъ днемъ все меньше и меньше понимали другъ друга.

По ночамъ же, лежа на жесткихъ хомутахъ, я больше плакалъ, чѣмъ спалъ. Я оплакивалъ свои разбившіяся надежды, свои неосуществившіеся мечты и идеалы: я думалъ попасть въ величественный «храмъ науки», а попалъ въ какую-то грязную лужу, въ которой приходилось барахтаться пять-шесть лѣтъ. Правда, я былъ увѣренъ, что грязь ко мнѣ не пристанетъ, что о твердость моего уже почти совсѣмъ сложившагося характера и нравственнаго существа разобьется все, что имъ не свойственно; но какъ вообще жить въ такой пошлой средѣ? Хватить ли терпѣнія относиться къ ней пассивно и, идя своею дорогою, воображать себѣ ее вовсе не существующей?

Но на этомъ не оканчивались терзанія и душевныя муки, которыя лишали меня сна и приводили въ отчаяніе. Надобно было случиться, что мы въ лицѣ нашихъ квартирныхъ хозяевъ нашли такое безнравственное семейство, о которомъ я до сихъ поръ не имѣлъ и не могъ имѣть ни малѣйшаго понятія. Хозяинъ, извозчикъ, былъ прегорькій пьяница; сыновья его, два здоровенныхъ парня съ разбойничьими фізіономіями, тоже извозчики, были и пьяницами, и грубиянами. Когда они пріѣзжали подъ вечеръ обѣдать и за полночь—ужинать, то въ домъ поднимался цѣлый адъ. Хозяйку, забитую, безотвѣтную и болѣзненную старушку, поднимали съ палатей гикомъ, крикомъ, непечатною руганью и проклятіями, а иногда и взмахами кнута. Чуть что не такъ, въ голову ея летѣли ложки, къ счастью, деревянные, миски, разбивавшіяся на полу, не достигая своего назначенія, и яства, скомканныя предвари-

тельно въ гранаты, которыми бомбардировали «стерву» со всѣхъ сторонъ. Старушка ломала руки, хваталась за голову, плакала, кое-какъ огрызалась, что еще больше подзадоривало буйновъ, которые не унимались и безобразничали до тѣхъ поръ, пока не уѣзжали опять на биржу. Во время такихъ семейныхъ бурь мы запирались на крѣпко въ своемъ чуланѣ и затыкали уши, чтобы не слышать, что происходило у хозяевъ, пребывая въ большомъ страхѣ, чтобы они съ пьяна не добрались и до насъ.

Но это еще не все. Кромѣ извоза, хозяинъ со своими достойнымъ ребятами занимались еще однимъ нецеховымъ ремесломъ, которое отъ времени до времени привлекало къ нимъ полицію, производившую у нихъ обыски, впрочемъ только для формы, потому что о каждомъ такомъ визитѣ нашимъ хозяевамъ заранѣе давали знать, и они дѣлали надлежащія къ нему приготовленія. Обыски всегда оканчивались благополучно. Молодцовъ тогда обыкновенно не бывало дома, а старушка разыгрывала роль глухе-нѣмой, съ которой невозможно было столковаться. Словомъ, мы не могли сомнѣваться, что попали въ вертепъ и, разумѣется, хотѣли возможно скорѣе вырваться изъ него; но руки у насъ были связаны, денегъ не было. На первой-же недѣлѣ насъ обокрали до чиста, вынувъ изъ нашихъ чемоданчиковъ все, что тамъ было, въ томъ числѣ и небольшой запасъ денегъ, который мы хранили, кажется, въ самомъ потаенномъ мѣстѣ. Мы со слезами на глазахъ объявили нашей хозяйкѣ о нашей «пропажѣ», такъ какъ мы считали ее сравнительно честной женщиной, по крайней мѣрѣ, честнѣе ея законнаго сожителя и ея законнаго приплода. Но она только всплеснула руками, покачала головой, чмокнула губами, пожалѣла насъ, можетъ быть отъ всей души, и молчала. Да и что она могла сказать намъ? И она и мы очень хорошо понимали, по чьей винѣ произошла наша «пропажа»...

Подъ впечатлѣніемъ всего вышеизложеннаго, я не выдержалъ и, зная, что весьма огорчу своихъ родителей, сѣлъ и написалъ имъ длинное-предлинное письмо, въ которомъ описалъ все, что со мною и вокругъ меня, при чемъ не пожа-

лѣлъ красокъ. Я отъ родителей не требовалъ ни помощи, ни совѣта, увѣренный, что не получу ни той, ни другаго: я хотѣлъ только излить предъ кѣмъ нибудь свое наболѣвшее и уже слишкомъ переполненное разною горечью сердце, чтабы получить хоть отрицательное облегченіе.

Недѣлю спустя, пришелъ слѣдующій отвѣтъ:

«Много горькихъ слезъ пролили мы надъ твоимъ «плачемъ Іереміи» (Мегилать-Эхо). Не даромъ намъ такъ не нравился твой сумасбродный планъ — ѣхать на чужбину учиться, какъ будто мы живемъ въ какой нибудь пустынѣ и въ нашемъ городѣ не у кого учиться мудрости и нравственности! И развѣ ты еще мало ученъ? Развѣ человѣку нужно учиться до того, чтобы сдѣлаться звѣздочетомъ или полнымъ сумасшедшимъ? О, сердце наше предчувствовало, что не быть добру... Но ты заупрямился, а тебя вѣдь не переспоришь. Ты все говорилъ, что тамъ твое счастье, мы не хотѣли тебѣ препятствовать, дабы ты потомъ не плакался, что мы помѣшали твоему счастью. Теперь ты можешь убѣдиться, что мы вовсе не такъ глупы, какъ тебѣ кажется, и что счастье не тамъ, гдѣ человѣку кажется, а тамъ, гдѣ Богъ даетъ. Безъ Бога человѣкъ ничего взять себѣ не можетъ.

«Но, какъ бы то ни было, ты однакоже, не тужи, сынъ любезный, и не падай духомъ. Мы несемъ тебѣ радостную вѣсть, которая будетъ бальзамомъ для твоихъ ранъ. Хотя ты въ письмѣ своемъ ни о чемъ не просилъ насъ, мы однакоже поняли суть дѣла: «для умнаго достаточно намека». Слушай-же что мы сдѣлали.

«Мы отнесли твое письмо къ ребѣ А. Ш.,—да теплится свѣча его!—и попросили его, чтобы онъ перевелъ его на языкъ страны, и онъ это совершилъ наилучшимъ образомъ, согласно руцѣ Божіей, благоспѣшествующей ему. Съ этимъ-то «спискомъ рукописи» (пасшегенъ-гаксавъ) мы отправились къ господину смотрителю и показали ему его. И когда онъ началъ читать, то глаза его подернулись какъ-бы росою, а когда онъ прочелъ двѣ-три доски, то слеза скатилась по его

ланитамъ и его внутренности заволновались. Да и кого не растрогаетъ твое письмо? Камень стѣны завопить. И когда онъ окончилъ чтеніе твоего свитка спереди и сзади, то поднялъ свой голосъ и сказалъ: «Нѣтъ, мы не допустимъ, чтобы сынъ вашъ погибалъ въ омутѣ, въ которомъ онъ очутился по какому-то недоразумѣнію! Мы его оттуда вытащимъ, ничего для этого не пожалѣемъ. Намъ жаль такого славнаго юноши. Онъ мнѣ дорогъ какъ мой собственный сынъ. Я сегодня-же повидаюсь съ г. директоромъ, покажу ему это письмо и мы вмѣстѣ посовѣтуемся, что дѣлать. Придите завтра за отвѣтомъ». Мы ему поклонились до земли и ушли. Вчера, когда мы къ нему пришли, онъ насъ встрѣтилъ съ сіяющимъ отъ радости лицомъ и сказалъ: «Рѣшено! Напишите какъ возможно скорѣе вашему сыну, чтобы онъ немедленно пріѣхалъ сюда. Директоръ приметъ его въ гимназію. Объ увольнительномъ отъ общества свидѣтельствѣ, обмундировкѣ, книгахъ и проч. пусть не заботится: мы все это беремъ на себя. Источникъ найденъ. Директоръ сегодня-же поѣдетъ къ губернатору ходатайствовать объ увольнительномъ свидѣтельствѣ. Вы только напишите сыну, чтобы онъ пріѣхалъ какъ можно скорѣе!» Мы разцѣловали его руки и ушли.

«И такъ, дорогой сынъ, ты воочію можешь видѣть, что на небѣ рѣшили, чтобы ты не странствовалъ на чужой землѣ, а находился подъ крыльями родившихъ и выросившихъ тебя. Это ничто иное, какъ заступничество предковъ нашихъ, души которыхъ въ эдемѣ. А потому, по полученіи сего, найми поводу и пріѣзжай, и Богъ да посылаетъ своихъ ангеловъ охранить того, кого любитъ душа моя».

Я чуть не обезумѣлъ отъ радости, когда прочелъ это письмо. Я почувствовалъ себя на седьмомъ небѣ. Боже мой! Гимназія, а не «храмъ наукъ», т. е. бурса въ самомъ неприглядномъ видѣ!... Не имѣя съ кѣмъ подѣлиться этою радостною вѣстью, такъ какъ моего товарища не было дома, я, какъ бомба, вылетѣлъ изъ чулана, бросился на грудь чистившей картофель квартирной хозяйки и разрыдался отъ избытка счастья.

Старуха оторопѣла, выпучила глаза и, бросивъ свою работу и заломавъ руки, проговорила съ неподдѣльнымъ участіемъ:

— Опять какая нибудь пропажа! помилуй Боже!

— О, совсѣмъ не пропажа, Голде, — отвѣтилъ я, быстро осушая слезы. — Напротивъ, я выигралъ большую лотерею. Вотъ что мнѣ пишутъ изъ дому!

И, помахавъ письмомъ предъ глазами старушки, я бросился къ дверямъ и стрѣлою полетѣлъ на постоянный дворъ, гдѣ оставались извозчики изъ нашего города.

— Нѣтъ-ли Юделя, Хацкеля, Боруха, Калмана или Пинхеса? спрашиваю я у парня, подметавшаго дворъ.

— Никого нѣтъ и раньше мѣсяца или пяти недѣль никого не будетъ, — гласилъ отѣтъ.

— Почему?

— А потому что вѣдь праздники на носу. Кто ѣздитъ въ такое время? Всякъ на мѣстѣ сидитъ и Богу служить. Шутка-ли, юнимъ-нероимъ? * Рыба въ водѣ дрожить.

Рыба въ водѣ дрожить, а я задрожалъ на сушѣ. Меня внезапно обнялъ холодъ и ноги у меня подкосились. Машинально и шатаясь я пошелъ домой и повалился на хомуты, повѣряя имъ однимъ жгучую скорбь души моей. Для моего отчаянія не было словъ. Привалило счастье, но нѣтъ подводы чтобы отвезти его къ себѣ домой. Какая злая иронія судьбы! Я не плакалъ на зло ей, судьбѣ. Грусть ушла внутрь и спряталась въ сокровеннѣйшихъ тайникахъ моего окаменѣлаго сердца. Я бывало заскрежещу зубами, но не произношу ни одного слова, не выпускаю ни одного вдоха. Я хорошо понималъ, какое роковое вліяніе будетъ имѣть этотъ случайный недостатокъ подводы на судьбу всей моей жизни, но махнулъ рукой: пусть будетъ, что будетъ.

Всѣ три недѣли праздника я проводилъ въ почти непрерывной молитвѣ то въ большой синагогѣ, то подъ открытымъ небомъ, у Остробрамской часовни, когда тамъ шла месса или вечерня подъ звуки органа и подъ пѣнье монахинь. Я тогда

* Страшные дни, тоже, что страстная недѣля у христіанъ.

чувствовалъ большую потребность молиться. Забираясь въ одну изъ боковыхъ нишъ часовни и припадая пылавшимъ лбомъ къ холодной колоннѣ, я млѣлъ и таялъ подъ гармоническими и торжественными звуками, лившимися сверху съ балкона, какъ цѣлительный бальзамъ, прямо въ сердце, и я забывалъ о своемъ одиночествѣ, своемъ безпомощномъ положеніи, равно и о томъ, что въ торжественные дни праздника, когда всѣ вѣрующіе сидятъ у теплаго домашняго очага за семейною трапезою, я долженъ, полуголодный и жаждущій родственнаго привѣта и ласки, бродить, какъ тѣнь, по бульварамъ и уединеннымъ переулкамъ, дабы мои квартирные хозяева думали, что я гдѣ нибудь да справляю праздникъ, какъ Богъ велѣлъ... Забывалъ я даже о томъ, что въ канунъ великаго дня Всепрощенія, некому будетъ возложить руки на мою преклоненную голову и дать обычное благословеніе и лобзаніе, какъ залогъ счастья на наступающій годъ...

Когда праздники кончились и начались классы, я, скрѣпя сердце и собравъ учебники, пошелъ въ училище и, за недосяжимостью лучшаго, сталъ тянуть бурсацкую лямку наравнѣ со всякимъ «сбродомъ», изъ котораго многіе были глупы, тупы и грубы до невѣняемости.

О томъ, что происходило внутри меня, зналъ только Богъ да я. Я ни въ чемъ не открывался даже своему товарищу и земляку: онъ пересталъ для меня существовать. Убѣдившись, что онъ не такой человѣкъ, съ которымъ можно дѣлить радость и горе, я, не говоря ему дурного слова, просто выбросилъ его изъ своего сердца и заключилъ въ себя. Онъ былъ человѣкъ честный и благородный и я его глубоко уважалъ; но въ мозгу его было мало фосфору, а въ крови — мало теплоты, а потому между нами не могло быть много общаго. Не нуждаясь другъ въ другѣ и не имѣя ни малѣйшей причины питать другъ къ другу враждебныя чувства, мы разошлись мирно, предоставляя времени вырабатывать въ насъ болѣе сходныя понятія о дѣлахъ міра сего.

Л. Леванда.

О ХАРАКТЕРѢ И ЗНАЧЕНІИ ЕВРЕЙСКОЙ ЭТИКИ*.

(Окончаніе).

Какъ ни несистематично изложена этика во всѣхъ разбросанныхъ еврейскихъ преданіяхъ и законахъ, мы все-таки видимъ прямое дѣйствіе такъ-называемаго *principium rationis*, этого краеугольнаго камня человѣческаго мышленія и познанія, одно изъ т. н. четырехъ принциповъ человѣческаго разума. Принципъ этотъ, какъ извѣстно, выражается въ слѣдующихъ словахъ: не отрицай и не утверждай безъ достаточнаго къ тому основанія. Поэтому все существующее должно существовать до тѣхъ поръ, пока не являются основанія къ уничтоженію этого существованія. Слѣдовательно одинъ физическій фактъ существованія извѣстнаго отношенія служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ логическимъ основаніемъ для дальнѣйшаго его существованія. Это собственно и есть ученіе о «Хазакѣ» въ многочисленныхъ ея видахъ, сущность котораго состоитъ въ томъ, что каждое правовое отношеніе считается неизмѣннымъ въ своемъ прежнемъ положеніи, пока не будутъ доказаны несомнѣнныя обстоятельства, которыми измѣнилось бы прежнее положеніе. «Каждая вещь предполагается въ ея *хазакъ*», т. е. въ прежнемъ своемъ положеніи. (Ниде 2 а, Хулинъ 9 а, Ксуботъ 75 в, Баба-Батра 5 в), точно также и извѣстная формула *hamozo mechawo olow haгае*. *opus probandi*, дѣло истца, что такъ часто повторяется въ талмудѣ, есть ничто иное какъ одинъ изъ видовъ названнаго

* См. „Восходъ“ кн. III.

principium rationis. «Самуилъ Баръ-Нахмени говорилъ: Откуда мы знаемъ, что истецъ долженъ доказать справедливость своего требованія? ибо сказано въ Св. писаніи.... Спросить его равъ-Асси: къ чему намъ ссылка на Св. писаніе; вѣдь это свога (чисто логическое соображеніе) «кто чувствуетъ боль, тотъ обращается къ врачу» (Баба-Кама 46 в). Въ Хазакѣ выражается отрицательная форма — «не отрицай» — въ опис probandi — утвердительная форма — («не утверждай безъ достаточнаго основанія») — principium rationis. И такъ, соотвѣтственно этому принципу, физическій фактъ существованія какого-либо положенія считается вмѣстѣ съ тѣмъ логическимъ основаніемъ для дальнѣйшаго его существованія. Дѣло разума—узнать и признать факты природы. Такой фактъ природы есть и человѣкъ съ его природными наклонностями; разумъ долженъ ихъ признать, поэтому разъ человѣкъ существуетъ, онъ имѣетъ логическое основаніе или право для дальнѣйшаго своего существованія. Такъ какъ всѣ люди, какъ таковыя, равны, то никто не можетъ имѣть логическаго основанія, или права лишить другаго его существованія, а всѣ имѣютъ одинаковое право на жизнь. Слѣдовательно т. н. «право на жизнь» приноситъ человѣкъ съ собою, своимъ рожденіемъ. Правда, оно, это право, получаетъ свою санкцію и защиту отъ государства, но государство его не создало. Въ талмудѣ приводится для выясненія этой мысли очень мѣткая и наглядная формула, которая часто примѣняется въ конкретныхъ случаяхъ, именно: «почему ты думаешь, что твоя кровь краснѣе чѣмъ кровь твоего ближняго? Можетъ быть наоборотъ, его кровь краснѣе твоей» (Тома 82 а, Псохимъ 25 в, Сангедринъ 79 в). Но человѣкъ и его стремленія—явленіе двоякаго рода: онъ не односторонній эгоистъ, который живетъ, чувствуетъ, мыслить и дѣйствуетъ только для себя, онъ-же и не односторонній альтеристъ, который живетъ только для другихъ. Человѣкъ въ одно и тоже время и индивидуальное «я», интересы котораго ему ближе всего, и универсальный братъ всѣхъ людей и всѣхъ существъ, участь которыхъ и ему волей

не волей приходится раздѣлить. Какъ въ каждой вещи дѣйствуютъ центробѣжная и центростремительная силы вмѣстѣ, такъ и всю человѣческую дѣятельность воодушевляетъ любовь къ самому себѣ и къ ближнему. Каждое дѣйствіе человѣка, сознательное или безсознательное, не лишено интереса какъ для него самаго, такъ и для другихъ. Въ этомъ и настоящій смыслъ изреченія Гиллела: «Если не я самъ за себя, то кто за меня? Если-же я только за себя, то что проку во мнѣ?» (Пирке-Аботъ 1, 14). Но эти двѣ наклонности человѣческой природы: любовь къ самому себѣ и къ ближнему не всегда идутъ рука объ руку, а наоборотъ, большей частью онѣ противорѣчатъ другъ другу, и вотъ задача разума—управлять и руководить ими, чтобы каждая изъ нихъ не перешагнула настоящей своей границы.

Фактическое рѣшеніе этой задачи и есть въ сущности нравственность, а ученіе о рѣшеніи названной задачи — этика. Еврейская этика есть ничто иное какъ система логическихъ нормъ, вытекающихъ изъ сущности человѣческой природы и регулирующихъ мышленіе и дѣйствія человѣка, насколько послѣднія имѣютъ отношеніе къ сохраненію *разумнаго* его существованія и дальнѣйшему его развитію. Нормы этики имѣютъ для человѣка, какъ разумнаго существа, тоже самое значеніе, какъ законы эстетики для художника. И вотъ источникъ этики долженъ быть разумъ, а главный законъ разума—*principium rationis*. Изъ этого принципа слѣдуетъ, что равныя основанія должны имѣть равныя послѣдствія. Поэтому всѣ люди, будучи потомками однихъ родителей и созданные однимъ началомъ, должны быть, какъ таковыя, какъ люди, равны между собою. Отсюда равноправность, свобода и любовь къ ближнему, о чемъ мы говорили выше. Но человѣкъ прежде всего индивидуальное «я», «человѣкъ себѣ самому самый близкій» (Сангедринъ 10 а), и это неоспоримый фактъ природы, а дѣло разума его признать. По тому же самому *principium rationis* основаніе болѣе вѣское должно имѣть и болѣе вѣское послѣдствіе. Если-же является конфликтъ между индивидуальнымъ «я» и

универсальнымъ «братъ», то первое должно имѣть преимущество предъ послѣднимъ. Вполнѣ послѣдовательно констатируетъ Р. Акиба: «Сказано: Дабы жилъ съ *тобою* братъ твой»—значить: «твоя жизнь прежде жизни брата твоего» (Баба Меція 62 а) *. Однакоже, оставаясь вполнѣ вѣрнымъ *principium rationis*, это установленіе было подвергнуто двумъ ограниченіямъ: во первыхъ, только тогда моя жизнь имѣетъ преимущество предъ жизнью другого, когда при данныхъ обстоятельствахъ только одну изъ нихъ можно сохранить, и опять только тогда, когда я активно ничего не совершаю для лишенія жизни своего ближняго съ цѣлью сохранить свою, а только остаюсь въ бездѣйствіи, между тѣмъ, какъ еслибы я что-нибудь предпринялъ для его спасенія, мнѣ самому угрожала бы неминуемая смерть. При такомъ именно воображаемомъ случаѣ приводится упомянутое изреченіе р. Акиба. Именно: «Бенъ-Птура училъ: «Если двое путешествуютъ вмѣстѣ въ пустынѣ и одинъ изъ нихъ имѣетъ кувшинъ, въ которомъ столько воды, что, если оба будутъ пить, оба умрутъ, а если одинъ будетъ пить, то для него хватитъ настолько, чтобы достигнуть населеннаго мѣста,—то лучше, чтобы оба пили и оба умерли, чѣмъ видѣть одному смерть своего ближняго.» И это мнѣніе держалось, пока не пришелъ р. Акиба и сталъ учить такъ: «сказано: «Да будетъ твой братъ жить съ тобою» (III Кн. М. 25), твоя жизнь прежде жизни ближняго» (Баба—Меція 62 а). Болѣе рельефно выступаетъ указанное нами ограниченіе въ слѣдующихъ случаяхъ «состоянія крайней необходимости»: «Нѣкто пришелъ къ Рабу и сказалъ ему: мнѣ говорилъ правитель города: убей того-то, иначе я тебя убью. «Пусть убьетъ онъ тебя», отвѣчаетъ ему Рабо,

* Часто цитируемое и въ упрекъ еврейской этикѣ выставленное предписаніе „око за око, зубъ за зубъ“ (2 кн. М. 18, 24), по крайней мѣрѣ по ученію талмуда (Баба-Кама 83в и 84а) не слѣдуетъ понимать буквально, именно какъ *lex talionis*, и видѣть въ немъ такъ называемый *ius talionis*, а нужно разумѣть въ переносномъ смыслѣ и это обозначаетъ *вознагражденіе* денежное за вредъ и убытки, что является послѣдовательностью *principium rationis*. Ибо если ты или ближній твой долженъ терпѣть вредъ, то пусть тотъ терпитъ его, кто былъ причиною этого вреда.

«но ты не убивай; почему ты думаешь, что твоя кровь краснѣе, чѣмъ кровь того человѣка. Можетъ быть его кровь краснѣе твоей». «Однакожь», замѣчаетъ къ этому Тосфетъ, «сказанное относится только къ активному дѣйствию; но если онъ активно ничего не дѣлаетъ, напримѣръ, если хотять его бросить на дитя, чтобы придавить послѣднее, угрожая въ случаѣ сопротивленіи убить его, то въ подобныхъ случаяхъ онъ не обязанъ подвергаться смерти, ибо тогда можно сказать: почему ты думаешь, что его кровь краснѣе? Можетъ быть твоя кровь краснѣе» (Тома 82 а. Іора-дэа 157 Рмо). «Учили: если странствующимъ въ караванѣ встрѣтились язычники и сказали имъ: выдайте намъ одного изъ васъ и мы убьемъ его, иначе мы васъ всѣхъ убьемъ, то пусть всѣ дадутъ себя убить, не выдадутъ ни одной еврейской жизни». (Іерушалми, Трумоть 31а). Или—несмотря на то, что «тотъ, который спасъ себя помощью имущества другаго лица, долженъ вознаграждать за причиненный имъ вредъ» (Баба Кама 60в)—«израильтанинъ, у котораго, подъ вліяніемъ психическаго принужденія отняли деньги его ближняго, не отвѣчаетъ за это; если же онъ самъ, подъ вліяніемъ психическаго принужденія, отнял деньги у своего ближняго и отдалъ ихъ язычникамъ, то онъ отвѣчаетъ за это» Іерушалми-Баба-Кама 47а). Изъ этого ясно видно, что относительно крайней необходимости этика и право евреевъ отличаются отъ современныхъ взглядовъ этики и права. Это отличіе состоитъ въ томъ, что евреи различаютъ между активнымъ и пассивнымъ вторженіемъ въ область чужаго права подъ вліяніемъ «непреодолимой силы» или «психическаго принужденія». Въ первомъ случаѣ дѣяніе считается только извинительнымъ, а во второмъ вополнѣ правомѣрнымъ и совпадаетъ такимъ образомъ съ институтомъ необходимой самообороны, причемъ сказано: «Если кто-нибудь готовъ тебя убить, то предупреди и убей его» (Брохоть 58а). Это видно изъ слѣдующаго: «Тотъ, о которомъ сказано: пусть преступить онъ законъ, но не дасть себя убить (это относится къ слѣдующему постановленію: «при всѣхъ запретахъ

торы, кромѣ идолопоклонства, половой нравственности и убійства, мы не говоримъ человѣку, пусть онъ дастъ себя убить и не преступить законъ, но пусть преступить и не дастъ себя убить») (Санидринъ 74а), если онъ далъ себя убить и не преступилъ закона, то онъ самъ виновенъ въ своей смерти. Тотъ же, о которомъ сказано: пусть дастъ себя убить, но не преступить закона, и онъ дѣйствительно далъ себя убить и не преступилъ закона,—освятилъ этимъ имя Господне. Наконецъ тотъ, о которомъ сказано: пусть дастъ себя убить, но не преступить закона, а онъ преступилъ законъ, и не далъ себя убить,—этимъ осквернилъ имя Господне. Однакожъ послѣдній въ виду того, что онъ преступленіе совершилъ вынужденно, не подвергается тѣлесному наказанію, тѣмъ болѣе онъ не можетъ быть присужденъ къ смертной казни, хотя бы онъ вынужденнымъ образомъ и *убилъ* человѣка, ибо подвергаютъ тѣлесному наказанію или смертной казни развѣ только того, кто совершилъ преступленіе умышленно, при свидѣтеляхъ и послѣ предварительнаго предостереженія (Ядь Гахазака, Гилхатъ Іесодей Гатора гл. V. 4, 5) *. Это талмудистическое различіе между пассивнымъ и активнымъ состояніемъ крайней необходимости есть строгая послѣдовательность *principium rationis*, что ясно видно и о чемъ здѣсь распространяться считаемъ лишнимъ.

Соотвѣтственно отношенію между индивидуальнымъ «я» и универсальнымъ «братъ», представляется и отношеніе между національностью и человѣчествомъ или космополитизмомъ. «Сказано: постановленіе одно для васъ и для пришельца поселившася, постановленіе вѣчное въ родѣ вашемъ; что вы, то и пришелецъ да будетъ предъ Превѣчнымъ» (IV Кн. М. 15. 15). Но если со стороны сосѣднихъ народовъ тебѣ грозитъ опасность, то сказано: «они не должны жить въ землѣ твоей, чтобы не ввести тебя въ грѣхъ противъ Меня, ибо ты сталъ бы служить богамъ ихъ, а это будетъ для тебя западнею»

* Требованіе, между прочимъ, свидѣтелей при совершеніи преступленія и предварительное предостереженіе, какъ условія для наказанія преступника, сдѣлало смертную казнь почти невозможной.

(П. Кн. М. 23, 33). «Нищія города твоего имѣють первенство предъ нищими чужаго города» (Баба-Меца 71 а).

Извѣстное въ талмудѣ установленіе Баль-Мецра (Баба-Меца 108 а), состоящее въ томъ, что въ случаѣ если мой сосѣдь продаетъ свое недвижимое имущество, то я, какъ сосѣдь, имѣю, если хочу купить его, преимущество предъ другими, это установленіе, какъ ясно видно, тоже основывается на *principium rationis*.

Тоже самое мы видимъ и въ отношеніи еврейской этики къ соціальной системѣ: и здѣсь фактъ равенства людей, какъ таковыхъ, является принципомъ, а разумъ источникомъ. Физическій фактъ существованія человѣка, какъ мы сказали выше, составляетъ самъ по себѣ логическое основаніе для дальнѣйшаго его существованія. Но это существованіе немислимо безъ удовлетворенія извѣстныхъ потребностей. Удовлетвореніе же потребностей обуславливается двумя факторами: вопервыхъ, полезностями (предметами пользованія), предоставляемыми человѣку внѣшнимъ міромъ, природой; во вторыхъ, силами человѣка, которыя онъ употребляетъ на превращеніе этихъ полезностей въ цѣнности. Поэтому было бы внутреннимъ противорѣчіемъ (*contradictio in adjecto*), не признавать за человѣкомъ логическаго основанія пользоваться съ одной стороны своими силами, съ другой—полезностями. Такъ какъ всѣ люди, какъ таковые, равны, то эти полезности мы должны считать предоставленными всѣмъ людямъ для пользованія въ одинаковой мѣрѣ. Но тутъ является затрудненіе. Между тѣмъ, какъ всѣ люди равны, *какъ люди*, и слѣдовательно равны относительно пользованія полезностями, они различны въ своихъ силахъ, какъ *недѣлимыя*. Какъ достаточно извѣстно, это неравенство въ значительной степени обуславливается возрастомъ, поломъ, расой, климатомъ и т. д. И такъ, если въ основаніи соціальной системы принять за исходныя точки предполагаемое равенство полезностей и фактическое неравенство силъ, то выходитъ, что одни не будутъ пользоваться своими полезностями по недостатку силъ, а другіе, наоборотъ, не будутъ въ со-

стояніи прилагать свои силы по недостатку полезностей. Такое состояніе въ результатѣ можетъ повести къ прекращенію существованія, такъ что мы опять приходимъ къ *contradictio in adjecto*. Гдѣ же исходъ? Настаивать на равенствѣ полезностей и, какъ это дѣлаетъ коммунизмъ, требовать во имя его равной доли цѣнностей для всѣхъ, вполне игнорируя неравенство силъ, также несправедливо, какъ настаивать на одномъ неравенствѣ силъ и, какъ учитъ социализмъ, требовать «полнаго вознагражденія за трудъ», не обращая вниманія на равенство полезностей. Въ первомъ случаѣ, слабые эксплуатируютъ сильныхъ, а во второмъ, наоборотъ, сильные эксплуатируютъ слабыхъ; и какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ кроется прямое противорѣчіе съ данными фактами природы и, слѣдовательно, и принципомъ *rationalis*. Въ первомъ случаѣ социальная система повела бы къ полному равенству, а во второмъ къ рѣзкой противоположности: и то, и другое одинаково противорѣчитъ природѣ вещей; ибо человѣчество, какъ нѣчто безконечно многочисленное, но все же единое цѣлое, не можетъ включить въ себѣ ни противоположности, ни равенства: равенство противорѣчило бы его многосложности, а противоположность шла бы въ разрѣзъ съ его цѣлостью. Сочетаніе же равенства съ неравенствомъ образуетъ различность, и вотъ она—различность—является неоспоримымъ фактомъ природы, характеристичной чертой людей. Эта различность строго логически должна проявиться въ социальной системѣ. Единственнымъ исходомъ изъ вышеупомянутой дилеммы является компромиссъ. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ настаиваетъ на неравенствѣ своихъ силъ и на равенствѣ полезностей, то онъ будетъ на нихъ настаивать разумнымъ образомъ только, пока это окажется ему полезнымъ для него, слѣдовательно, онъ добровольно отъ нихъ откажется, если ему предложитъ выгодный обмѣнъ. Такимъ образомъ пріобрѣтаетъ себѣ почву компромиссъ, первое условіе котораго есть выгодность или цѣлесообразность обмѣна для обѣихъ обмѣнивающихся сторонъ. Словомъ, компромиссъ можетъ имѣть мѣсто только пока онъ

разумень, но онъ превращается въ ложную фикцію, въ абсурдъ, когда въ немъ отсутствуетъ разумное основаніе. Поэтому компромиссъ въ такъ называемой свободной конкуренціи предполагать нельзя, ибо конкуренція между слабымъ и сильнымъ немислима, если слабый не поставленъ въ болѣе благоприятныя условія, или сильный не ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Всякія же привилегіи и ограниченія исключаютъ понятіе о свободной конкуренціи. Порабощеніе слабого сильнымъ является такимъ образомъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такъ называемой свободной конкуренціи; о компромиссѣ, слѣдовательно, въ данномъ случаѣ рѣчи быть не можетъ. Но этого еще мало. Свободная конкуренція не представляется цѣлесообразной и заманчивой и для сильнаго. Благодаря разнымъ случайностямъ и наслѣдству, которое, впрочемъ, тоже случайность въ извѣстномъ смыслѣ, капиталы могутъ сосредоточиться въ рукахъ слабого и поработить сильнаго, являющагося обезоруженнымъ и безпомощнымъ въ неровной борьбѣ съ всемогущимъ и всепорабощающимъ капиталомъ. Ясно, что такъ называемая свободная конкуренція сводится къ порабощенію силъ и полезностей случайностями, и разумъ, задача котораго состоитъ въ преодолѣніи случайностей, пасуетъ предъ ними. Предположеніе о компромиссѣ оказывается вопіющимъ абсурдомъ, его внутреннее противорѣчіе выступаетъ наружу въ социальномъ вопросѣ, въ накопленіи огромныхъ богатствъ въ однихъ рукахъ и въ страшнѣйшей бѣдности другихъ. Этотъ «соціальный вопросъ», говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ политико-экономовъ, «въ Иудеѣ существовать не могъ». Еврейская этика сдѣлала его невозможнымъ. Сама истекая изъ человѣческаго разума и вѣрная принципу *rationis*, еврейская этика не могла игнорировать данные факты природы; она не могла не видѣть въ нихъ предѣловъ, которые преступить никакъ невозможно; *родовое* равенство, какъ *индивидуальное* неравенство одинаково должны быть соблюдаемы и удовлетворяемы въ разумной социальной системѣ. Еврейская социальная система признаетъ какъ равенство полезностей, такъ и неравенство

силъ и допускаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и компромиссъ, какъ строгое логическое послѣдствіе существующихъ условій человѣческаго бытія. Компромиссъ этотъ состоитъ въ томъ, что право распоряженія своими полезностями и силами, какъ и приобрѣтеніе чужихъ полезностей и силъ имѣетъ твердыя непоколебимыя границы. Если оказываются у одного силы, которыми онъ не можетъ пользоваться по недостатку полезностей, а у другого наоборотъ — полезности, которыя онъ не можетъ утилизировать по недостатку силъ, то оба могутъ обмѣниваться, но этотъ обмѣнъ не полный и не абсолютный, а лишь временный, и поэтому накопленіе громаднхъ богатствъ въ одномъ и полнѣйшей бѣдности въ другомъ сдѣлалось невозможнымъ. Обратимъ теперь наше вниманіе на самыя нормы, регулирующія социальное общежитіе древнихъ евреевъ.

Прежде всего еврейская этика эманципируетъ полезности и силы. Она учитъ, что всѣ люди одинаково созданы для труда. «Въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ, пока не возвратишься въ землю, ибо изъ нея ты взятъ». (I кн. М. 3. 19), и поэтому запрещаетъ рабство. «Когда обѣднѣетъ братъ твой у тебя и продастся тебѣ, то не работай съ нимъ работы рабской: какъ наемникъ, какъ поселенецъ да будетъ онъ у тебя; до юбилейнаго года пусть работаетъ онъ у тебя» (III кн. М. 25. 39. 40). «Когда продастся тебѣ братъ-еврей или еврейка, то онъ долженъ служить тебѣ шесть лѣтъ, въ годъ же седьмой отпусти его отъ себя на волю; и когда будешь отпускать его отъ себя на волю, то не отпускай его ни съ чѣмъ; надѣли его отъ стада твоего, и отъ гумна твоего, и отъ точила твоего; изъ того, чѣмъ благословилъ тебя Превѣчный, Богъ твой, дай ему» (V кн. М. 12—15). Какъ мы уже сказали выше, относительно рабства Моисей сдѣлалъ различіе между евреями и неевреями, но этимъ онъ только платилъ дань своему времени: что въ принципѣ и онъ былъ противъ рабства вообще, доказываетъ лучше всего слѣдующее: «Не выдавай раба господину его, когда онъ прибѣгаетъ къ тебѣ отъ господина своего» (V кн. М. 23, 16—17). «Если кто выбьетъ зубъ рабу сво-

ему или рабѣ своей, пусть отпустить его на волю за зубъ его» (II кн. М. 21. 27). Еврейская этика, сказали мы, признаетъ право пользоваться полезностями; она говоритъ: «Да владычествуютъ они (люди) надъ рыбами морскими, надъ всею землею»... (I кн. М. 1. 26) и поэтому она предписываетъ: «Многочисленному (колѣну) дай большій удѣлъ, а малочисленному дай меньшій удѣлъ; по мѣрѣ исчисленныхъ у каждаго долженъ быть данъ удѣлъ ему» (IV кн. М. 26, 54. 33, 54). Но такъ какъ полное равенство удѣловъ само по себѣ установить никакъ невозможно, ибо земля не всегда одинаковаго достоинства, то Моисей прибѣгаетъ къ компромиссу въ формѣ жребія. «Только по жребію должна быть раздѣлена земля, по именамъ отческихъ колѣнъ своихъ должны они получить удѣлы. По жребію должно дѣлить удѣлъ каждому, многочисленно ли оно или малочисленно» (IV кн. М. 26, 55—56). Каждый могъ, такимъ образомъ, пользоваться какъ своими силами, такъ и полезностями. Но такъ какъ удѣлы были приблизительно равны, силы же были различны, то спрашивается, какъ слабымъ утилизировать свои удѣлы, а сильнымъ свои силы, если не прибѣгнуть къ компромиссу, къ праву отчужденія или обмѣна какъ силъ, такъ и удѣловъ. Св. писаніе допускаетъ какъ то, такъ и другое. Но если бы возможно было полное, абсолютное отчужденіе, то произошелъ бы постепенный переходъ благъ изъ однихъ рукъ въ другія, а вмѣстѣ съ тѣмъ утратились бы и первоначальные удѣлы и свобода. Поэтому отчужденіе недвижимыхъ имуществъ, какъ и собственныхъ силъ (въ формѣ труда) было только временное. Рабовъ, какъ и удѣлы, можно было выкупить. «И такъ, земля не должна продаваться въ полное отчужденіе... И по всей землѣ владѣнія вашего выкупъ допускайте для земли... Если же состояніе его не достаточно для того, сколько нужно возвратитъ ему, то проданное имъ остается въ рукахъ купившаго его до юбилейнаго года, но въ юбилей отойдетъ оно и опять вступитъ во владѣніе свое» (III кн. М. 25, 23—34); то же самое относительно рабства, какъ мы видѣли выше. Сверхъ того, для предупрежденія край-

ней бѣдности съ одной стороны и накопленія громадныхъ богатствъ съ другой, существовало много другихъ установленій, въ родѣ слѣдующихъ: «Если обѣднѣетъ братъ твой и состояніе его поколеблется у тебя, то поддержи его, пришлецъ ли онъ, или поселенецъ, и да живетъ онъ съ тобою. Не бери отъ него роста и лихвы...» (III кн. М. 32—35). Такую же цѣль имѣло и установленіе «отпущенія». «Къ концу семи лѣтъ совершай отпущеніе». «И вотъ предметъ отпущенія: да отпустить всякій заимодавецъ то, что онъ далъ въ займы ближнему своему, да не взыскиваетъ онъ съ ближняго своего и съ брата своего...» (V кн. М. 15, 1—10). «И когда будете жать жатву земли вашей, то не сжимай концовъ поля твоего до чиста, и колосьевъ опавшихъ при жатвѣ твоей не добирай: бѣдному и пришельцу оставь его» (III кн. М, 23, 22). «Когда будешь жать жатву твою въ полѣ твоемъ и забудешь снопы на полѣ, то не возвращайся взять его: для пришельца, сироты и вдовы да останется онъ... Когда будешь обивать маслину свою, то не убирай за собою вѣтвей; для пришельца, сироты и вдовы да будетъ это...» (V кн. М. 24, 19—22). Существуютъ еще и разныя другія установленія, которыя преслѣдуютъ ту же цѣль, но останавливаться на всѣхъ ихъ было бы слишкомъ долго. Для нашей задачи важно было только доказать—какъ принципъ еврейской этики обнаруживаетъ свое дѣйствіе въ соціальной системѣ и какъ, благодаря тому, по крайней мѣрѣ при тогдашнихъ обстоятельствахъ, соціальный вопросъ сдѣлался въ Иудеѣ невозможнымъ. Мы не можемъ не привести здѣсь мнѣнія Гейне, высказаннаго по поводу затронутаго нами вопроса. «Вмѣсто безумной борьбы съ невозможностями, вмѣсто того, чтобы проповѣдывать упраздненіе «собственности», Моисей стремился только къ морализаціи ея. Онъ поставилъ собою цѣлью согласовать право собственности съ требованіями нравственности и съ истиннымъ разумнымъ правомъ. Этого достигъ онъ посредствомъ введеннаго имъ закона о «юбилеяхъ», по которому всякая наследственная недвижимая собственность, составляющая всегда у земледѣльческаго народа главный пред-

метъ владѣнія, разъ отчужденная, возвращается снова своему прежнему владѣльцу, независимо отъ того, какимъ образомъ отчужденіе это совершилось. Этотъ институтъ представляетъ собою самую крайнюю противоположность съ законами о «давности» у Римлянъ. Моисей не хотѣлъ упразднить собственность; его цѣль была гораздо выше: онъ стремился къ тому, чтобы каждый въ отдѣльности владѣлъ собственностью, и тѣмъ устранилась бы возможность появленія рабовъ съ рабскими наклонностями. Свобода была главною мыслію великаго эманципатора, и она-то проявляется во всѣхъ его постановленіяхъ о пауперизмѣ». Geständnisse. Т. XIV стр. 300.

Тотъ же самый principium rationis можетъ служить ключемъ къ отношенію еврейской этики къ животнымъ. Человѣкъ безъ употребленія животныхъ обойтись не можетъ, поэтому и «владѣйте надъ рыбами морскими и надъ птицами небесными и надъ всякимъ животнымъ ползающимъ по землѣ» (I кн. М. 2, 28). Но человѣкъ долженъ имъ пользоваться лишь настолько, насколько это ему необходимо (Хулинъ 84а). Существуютъ 177 §§, которые учатъ, какъ поступать при рѣзаніи животныхъ, чтобы имъ причинить какъ можно меньше боли и мученія (см. Мидрашъ-танхума, гл. Шмини Шабать 151а, Бейце 32). Даже звѣрей, пока они не грозятъ человѣку опасностью, нужно щадить, и строго запрещается наслаждаться присутствіемъ при мученіяхъ звѣрей, какъ при охотѣ и травлѣ. Сказано: «Блаженъ мужъ, который не ходитъ на совѣтъ нечестивыхъ, и не стоитъ на пути грѣшныхъ» (Псаломъ 1, 1). «Блаженъ тотъ, комментируетъ талмудъ, который не участвуетъ въ удовольствіяхъ охоты и кто не наслаждается присутствіемъ при травлѣ звѣрей» (Абода-зора 18а).

Отъ рассмотрѣнія формальной стороны еврейской этики, мы вслѣдъ за Лазарусомъ переходимъ къ ея матеріальной сторонѣ и остановимся на весьма важномъ моментѣ, который обыкновенно бываетъ причиной многихъ заблужденій, именно, на отношеніи нравственной дѣятельности съ одной стороны къ мотивамъ ея, а съ другой — къ ученію о нравственности.

Въ противоположность мнѣнію Аристотеля, по которому «самый высокій идеаль жизни состоитъ въ неподвижномъ, невольномъ духовномъ созерцаніи блаженныхъ боговъ», мыслители талмуда ставятъ практическую нравственную дѣятельность выше теоретическаго изслѣдованія: «Не изслѣдованіе, а дѣйствіе прежде всего и важнѣе всего», учитъ раби Симонъ Бенъ-Гаміиель (Аботъ I, 17). Даже и тѣ талмудисты, которые предпочли чисто умственное созерцаніе практической дѣятельности, сдѣлали это потому, что идеальная теоретическая дѣятельность возвышаетъ человѣческое достоинство, облагораживаетъ чувство, расширяетъ область мышленія, смягчаетъ нравы и обычаи, облагораживаетъ стремленія и съ одной стороны дѣлаетъ восприимчивымъ ко всему высокому и благородному, а съ другой предохраняетъ насъ отъ зла и не даетъ намъ пасть (Кидушинъ. 30,б). «Я сотворилъ духъ зла, но я сотворилъ средство избавиться отъ него, Тору» (Сукка 52б). «Если тебя встрѣтитъ сатана, то тащи его въ бетгамидрашъ». Но практическая нравственная дѣятельность, превосходя часто умственную или гнозисъ, стоитъ въ свою очередь ниже мотивовъ нравственности. «Давно уже ставятъ евреямъ въ вину», говоритъ Лазарусъ, «что они будто-бы придерживаются лишь одной внѣшней оболочки нравственности, не обращая вниманія на внутреннее ея содержаніе, на идею». Противъ этого обвиненія и выступаетъ Лазарусъ, доказывая полную его несостоятельность, опираясь на то, что уже пророки энергично возставали противъ внѣшней стороны въ нравственно-религіозной жизни и настойчиво говорили о необходимости обращать вниманіе на ея внутреннюю лишь сторону, и что въ позднѣйшія времена талмудисты продолжали проповѣдывать въ этомъ духѣ, какъ это доказываютъ изреченія: «Все, что ты дѣлаешь, дѣлаешь ты для Бога», увѣщаетъ раби Іоси (Аботъ II, 13). «Всемилосердый требуетъ сердца» (Сангедринъ 106в) и много другихъ въ этомъ родѣ. Талмудическая этика требуетъ, такимъ образомъ, не только святости дѣла, но и святости мысли, и клеймитъ поз-

тому уже грѣшныя помыслы, хотя бы они не были приведены въ исполненіе.

Достоиню вниманія и указаніе Лазаруса на то, что раввины приписывали образъ мыслей и поступки каждаго человѣка всему обществу и что такимъ образомъ современный взглядъ на отвѣтственность всего общества за преступленія каждаго изъ его членовъ былъ уже высказанъ въ Мишнѣ «Эта мысль, говоритъ Лазарусъ, не только выражается въ такой общей и абстрактивной формѣ, какъ въ извѣстномъ изреченіи талмуда: «всѣ Израильтяне отвѣтственны другъ за друга», а и въ болѣе конкретной и наглядной формулировкѣ: «И всѣ старѣйшины того города, вблизи котораго нашли убитаго, убійцы котораго остались неизвѣстными, пусть умоютъ руки свои надъ телицею и возгласятъ и скажутъ: руки наши не пролили крови этой и глаза наши не видѣли» (V кн. М. 21, 6—7). «Какъ же это?» спрашиваетъ Мишна; «развѣ кому нибудь въ голову пришло, что старѣйшины-судьи были бы разбойниками? но это нужно понять такъ: «не наши руки пролили кровь»— это значить: мы не отказались подавать руку помощи нуждающемуся, чтобы онъ изъ нужды не сдѣлался грабителемъ или изъ отчаянія убійцей; «наши глаза не видѣли»—это значить: мы не дали идти безъ проводника, чтобы онъ въ грустномъ единеніи не сбился съ праведнаго пути» (Сота. IX в).

Глубокое различіе между этикой и правомъ, между нравственными и юридическими обязанностями (*leges cogentes* и *leges incogentes*), какъ это весьма основательно доказываетъ Лазарусъ, признается и еврейской этикой. Такъ какъ еврейская этика лишена строгой систематической кодификаціи, то и въ библии и въ талмудѣ смѣшаны правовыя и нравственныя предписанія. Это то обстоятельство дало поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ. «Пренебреженіе, съ которымъ относились къ талмудической этикѣ, говоритъ Лазарусъ, происходитъ отъ того, что не обратили вниманія на эту разницу (между этикой и правомъ). Такъ, напримѣръ, приписываютъ Мишнѣ, что она будто бы дозволяетъ нарушеніе условій, потому только, что

она ставить исполненіе промышленныхъ обѣщаній въ зависимости отъ извѣстныхъ юридическихъ формъ, какъ это водится по обычаямъ и законамъ права у всѣхъ культурныхъ народовъ. (Баба-Меція IV 2, гдѣ мы читаемъ: «Если кто-нибудь далъ деньги за фрукты, но не взялъ ихъ въ свое владѣніе, то онъ можетъ отказаться, ибо движимое имущество нужно приобрести законнымъ образомъ»). Удивительно только то, что профессоръ Лазарусъ не упоминаетъ объ установленіи, извѣстномъ подъ названіемъ. «Лифнимъ - мишу-ратъ-Гадинъ» или «мишнатъ хасидимъ» (Иерушалми, Трумотъ 31.а) которое состоитъ въ томъ, что человѣкъ долженъ сдѣлать болѣе, чѣмъ отъ него требуетъ буква закона, что ясно указываетъ на разницу между правомъ и моралью. Достаточно упоминать о слѣдующемъ изреченіи талмуда: «Иерусалимъ былъ разрушенъ за то, что его жители строго держались буквы закона» (и не дѣлали больше) (Баба-Меція 30 в).

Къ чисто этическому относятся и понятія «קדוש וקלל השם» (освященіе и оскверненіе имени Божьяго), понятія, въ которыхъ выражаются самый могущественный паѳосъ, высшее и энергическое усиліе совѣсти, самое глубокое чувство нравственнаго долга и отвѣтственности. Настоящая 'суть ихъ состоитъ въ томъ, чтобы дѣятельностью человѣка обнаружить силу и дѣйствіе нравственнаго принципа. Дѣйствовать справедливо вообще есть обязанность, а дѣйствовать справедливо и въ отношеніи къ не-евреямъ значитъ показать справедливость Израиля во очію и заставить всѣхъ ихъ признать это. Это вмѣстѣ съ тѣмъ есть «освященіе имени Божьяго», а противоположное этому есть «оскверненіе имени Божьяго». Такъ, на примѣръ мы читаемъ (Тосефте, Баба-Кама гл. 10): хуже ограбленіе не-еврея нежели ограбленіе еврея, ибо это оскверненіе имени Божьяго. «Симеонъ, сынъ Шатаха, торговалъ льномъ. Для облегченія его торговыхъ занятій, ученики купили для него у одного сарацина осла, на сбруѣ котораго оказалась драгоцѣнная жемчужина; они съ радостью заявили своему учителю, что впередъ ему возможно будетъ вести жизнь беззаботную. «Какимъ это обра-

зомъ?» спросилъ онъ. Весьма просто, отвѣтили они: мы купили у сарацина для тебя осла и нашли на немъ жемчужину. «А хозяинъ осла зналъ объ этомъ при продажѣ?» спросилъ учитель. «Нѣтъ, не зналъ», былъ отвѣтъ. «Такъ отыщите его и возвратите ему жемчужину. Развѣ вы считаете Симеона, сына Шатаха, варваромъ? Симеону сыну Шатаха, пріятнѣе услышать слова: да будетъ прославленъ Богъ Симеона, сына Шатаха, чѣмъ обладать всѣми богатствами міра сего». (Гер. Баба-Мециѣ 22). «Только поверхностный и узкій умъ, замѣчаетъ при этомъ Лазарусъ, могъ не признавать величія и глубины этого воззрѣнія и видѣть въ немъ національный сепаратизмъ и національную гордость. Кромѣ нравственнаго начала, заключающагося въ этомъ воззрѣніи, оно еще обнаруживаетъ стремленіе распространить и словомъ и дѣломъ законы нравственности, показывая всю ихъ непобѣдимую силу».

И такъ, еврейская этика есть чистѣйшая логическая послѣдовательность, вытекающая изъ человѣческаго разума и основывающаяся на фактѣ равенства всѣхъ людей. Будучи чистымъ продуктомъ, полнымъ и настоящимъ отпечаткомъ человѣческаго характера, она съ одной стороны обращается къ человѣку какъ къ человѣку и требуетъ отъ него лишь того, что человѣчески возможно и должно быть исполнено, по поводу чего талмудъ мѣтко замѣчаетъ «ученіе не дано ангеламъ» (Йома 30а)—а съ другой стороны не обращается исключительно къ евреямъ и не признаетъ за ними никакого преимущества предъ другими народами. «Ученіе (или откровеніе Бога) дано было публично въ пустынѣ, ибо если-бы оно дано было въ странѣ Израильтянъ, могли-бы думать, что другіе народы не могли или не должны были руководствоваться этимъ ученіемъ; поэтому оно было откровенно, публично въ свободной пустынѣ, чтобы тѣмъ показать, что всѣ народы міра могутъ принимать въ немъ участіе» (Мехильте п. Гаходешъ).

Еврейская этика въ сущности по своему источнику—разуму,— и по своему назначенію—жизнь и процвѣтаніе общества—об-

пчеловѣческая этика; она называется еврейской только потому, что евреи впервые ее изобрѣли, и главнымъ образомъ потому, что они оказались въ теченіи около четырехъ тысячъ лѣтъ достойнѣйшими ея носителями и пропагандистами, какъ будто сама природа избрала ихъ провозвѣстниками ея разумной воли. Весь складъ ума еврея и характеръ его страстей и увлеченій, его трезвый, умѣренный и нравственный образъ жизни—все это содѣйствовало тому, чтобы сдѣлать еврея вѣчнымъ учителемъ этики, которая сама по себѣ, благодаря своему рациональному идеализму и полной, чистой естественности, доступна всѣмъ людямъ всѣхъ странъ. Эти же качества обезпечиваютъ за еврейской этикой вѣчную жизнь и вѣчную дѣятельность. Какой оборотъ культура ни приметъ, по какимъ путямъ она ни пойдетъ, но пока человѣческій умъ, человѣческая природа остаются тѣ же, пока вѣчные законы мышленія не измѣнятся, до тѣхъ поръ еврейская этика не потеряетъ своего значенія и никогда не станетъ отжившей.

С.-Петербургъ.

●. Гетцъ.

МОШКА ПАРМСКІЙ.

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКАГО СОЛДАТА.

Разсказъ К. Э. Францоа.

ІХ.

Такъ началась эта любовь, расшевелившая сокровеннѣйшіе тайники двухъ бѣдныхъ, простыхъ, беспомощныхъ сердець и повидимому окончившаяся одновременно съ этимъ началомъ, потому что то отреченіе другъ отъ друга, на которое они рѣшились, дѣйствительно казалось имъ необходимымъ, естественнымъ. Еврей-кузнецъ и дѣвушка-христіанка! Бездна, раздѣлявшая ихъ, не могла бы быть неодолимѣе даже въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ людоѣдъ съ береговъ Южнаго океана, а она—нѣмецкая принцесса. Оба они хорошо знали это и переживали мрачные дни безъ утѣшенія и надежды.

Казѣ, впрочемъ, было еще не такъ тяжело, какъ бѣдному еврею, уже потому, что она любила не такъ сильно, какъ онъ. Сравнительная слабость чувства обуславливалась набожностью дѣвушки. Она знала, что эта любовь грѣшитъ противъ религіи, а такъ какъ религіозность ея была очень велика, то въ этомъ чувствѣ она находила утѣшеніе въ горѣ. Само собою разумѣется, что грусть и томленіе испытывались ею все-таки въ значительной степени. Въ компаніи она принуждала себя быть веселою, держала себя гордо и кружила еще сильнѣе

голову бѣлокурому Грицко. Это послѣднее дѣлала она только отъ скуки или, пожалуй, для удовлетворенія тому жестокому инстинкту, который живетъ въ сердцѣ всякой женщины, даже самой благородной. Но когда она оставалась одна, или наединѣ со своими коровами, тогда давала она волю своему сердцу. «Мээ! Мээ!..—говорила бѣдная дѣвушка своему любимцу, великолѣпному волынскому теленку;—тебѣ хорошо! Ты грѣшить не можешь... И если на твой счетъ сплетничаютъ, тебѣ рѣшительно все равно... Ахъ, будь и я такое же неразумное животное!»

И еще передъ однимъ живымъ существомъ открывала Казя свое сердце, но это существо имѣло безсмертную душу и въ отвѣтъ на слова дѣвушки произносило не «мээ—мээ!» а весьма поучительныя рѣчи. То былъ преподобный отецъ Никита Бородайкевичъ, и бесѣда между ними происходила по случаю исповѣди.

— Батюшка, сказала Казя, прижавшись горячимъ лицомъ къ деревянной рѣшеткѣ исповѣдальни,—я совершила тяжкій грѣхъ!

Пастырь добродушно улыбнулся.

— Вотъ что! Стало быть, и ты? Ну, что же, я выговорю какъ слѣдуетъ парню,—заставлю жениться... Кто же это?

Казя и безъ того была такъ красна, что больше покраснѣть не могла,—но она очень разсердилась.

— Что это вы, батюшка? Господь съ вами! Да вѣдь тутъ кромѣ поцѣлуя ничего не было!..

— Поцѣлуй! Ха, ха, ха!.. Тридцать лѣтъ исповѣдую—и въ первую разъ такую штуку слышу!... Поцѣлуй-то грѣхъ?.. То есть, конечно... ха, ха, ха... оно грѣхъ, да въ такихъ грѣхахъ развѣ каются на исповѣди?.. Ха, ха, ха!..

— Но это совсѣмъ особенный поцѣлуй!..

— Особенный?.. Ха, ха, ха... Понимаю...

— Нѣтъ, батюшка, вы все не то... Говорю вамъ—только поцѣлуй, и ничего больше,—но я дала его проклятому... ев-рею...

Батюшка такъ изумился, что на нѣсколько секундъ онѣмѣль.

— Еврею!.. воскликнулъ онъ наконецъ.— Да вѣдь это такой страшный грѣхъ, что отъ него вонь доходитъ до самаго неба!.. Да вѣдь его не искупишь двѣнадцатыя хожденіями къ святымъ мѣстамъ, двѣнадцатыя постами, даже двѣнадцатыя гульденами!... Ахъ, ты, несчастное созданіе!.. Еврею, который распялъ Спасителя!..

— Онъ клянется, что не былъ при этомъ, перебила дѣвушка.— На хожденіе, батюшка, у меня времени нѣтъ; поститься тоже было бы для меня очень тяжело, потому что приходится непрерывно работать... А вотъ пожертвовать на спасеніе души деньги я хоть сейчасъ готова... Только не двѣнадцать гульденовъ, батюшка... Вѣдь это мое годовое жалованье...

— А спасеніе души по твоему столько не стоитъ?.. Ужъ коли я тебя избавлю отъ странствія на поклоненіе чудотворной иконѣ въ Улашковцахъ и даже въ тотъ монастырь, гдѣ обрѣтены косточки св. Ванды,—коли и поститься тебя не заставляю,—такъ какой же я дамъ отвѣтъ Богу, если въ добавокъ къ этому и денегъ жертвенныхъ возьму съ тебя не столько, сколько слѣдуетъ?

Но Казя оставалась непреклонною; одинъ гульденъ звонкою монетою—вотъ все, что она могла пожертвовать для спасенія своей души. Да у нея и нѣтъ больше ни одного крейцера... Въ крайнемъ случаѣ, можно еще пожалуй добавить нѣсколько яицъ и курицу.

Съ тяжелымъ вздохомъ согласился добрый Никита на эти условія.

— Итакъ, повторилъ онъ,—одинъ гульденъ звонкою монетою, жирная, не слишкомъ старая курица и двадцать яицъ... Только смотри, чтобъ ни одного не было испорченнаго... *Ab solvo te!*

Казя радостно вскочила и направилась къ выходу.

— Погоди-ка однако! крикнулъ ей вслѣдъ Никита:—ты

вѣдь мнѣ еще не сказала, съ какимъ это евреемъ у тебя сотворенъ грѣхъ?

— И не скажу...

— Но въ такомъ случаѣ я не могу отпустить тебѣ прегрѣшеніе...

— Уже отпущено, батюшка, возразила она, смѣясь;— а брать назадъ такія вещи нельзя!..

Частью съ помощью отца Никиты, частью благодаря утѣшительнымъ бесѣдамъ со своими питомцами на скотномъ дворѣ, Казя почувствовала себя замѣтно облегченною и мысль, что она въ одинъ и тотъ же часъ и нашла, и потеряла своего возлюбленнаго еврея, уже не такъ сильно печалила ее.

Далеко не то происходило съ бѣднымъ Мошкой. Впервыкъ, онъ не могъ исповѣдываться, потому что у евреевъ нѣтъ исповѣди, вовторыхъ, ни съ кѣмъ не могъ онъ говорить о своемъ горѣ, а въ третьихъ, онъ любилъ Казю гораздо, гораздо больше, чѣмъ она его.

Это чувство проявлялось въ немъ конечно только въ тихомолку, часто въ довольно комичномъ видѣ. Такъ напримѣръ, онъ каждый день внимательно изучалъ черты лица Гаврилы, потому что тотъ былъ похожъ на свою сестру. «Правда—объяснялъ самъ себѣ поэтической юноша,—похожъ, какъ свинья на корову,—у той и у другой четыре ноги... Но—тутъ же прибавлялъ онъ— у кого нѣтъ жаркого, тотъ кормится желудями... И оттого-то онъ по цѣлымъ часамъ украдкой всматривался въ покрытое веснушками лицо Гаврилы. Даже черная Магдузя, служанка ксендза, едва ли занималась такимъ нѣжнымъ и частымъ созерцаціемъ своего коренастаго возлюбленнаго, какому предавался Мошка.

Однажды Гаврило замѣтилъ это и съ изумленіемъ опустил молотокъ.

— Послушай, братъ, сказалъ онъ,—съ тобой что-то не ладно!.. Ты то и дѣло косишься на меня, точно монахъ на монахиню!..

Мошко сконфузился и оттого разсердился.

— Я только хотѣлъ сообразить, крикнулъ онъ,—сколько мѣста на твоёмъ лицѣ. Теперь знаю. Три плюхи помѣстятся на немъ рядомъ...

Но Гаврило съ сомнѣніемъ покачалъ головой и сказалъ:

— Часъ отъ часу неладнѣе!.. Вотъ ты даже взбѣленился безъ всякой причины... Мошко, что это съ тобой дѣлается? Ты, что ни день, то молчаливѣе и печальнѣе! Молчаливъ, какъ рыба, печалень, какъ будто женился... Что ты не поешь, это меня не удивляетъ,—еврей никогда не поетъ; этого за тобой и прежде не водилось! Но прежде ты хоть говорилъ, а теперь—точь въ точь нашъ хозяинъ, только молодой. Да и онъ, съ тѣхъ поръ, какъ видѣлъ свой послѣдній сонъ, веселѣе тебя... Ну, такъ говори, что съ тобой?

— Ничего. Да и что тебѣ до этого?

— Знаешь, что мнѣ въ голову пришло?

— Все чепуха!.. Ну что!

— Ты, правда, еврей, а о евреяхъ такихъ вещей не слышать... Но мнѣ все-таки пришло въ голову, что ты влюбился!

— Чепуха!—сердито повторилъ Мошко. И отчасти чтобы увернуться отъ вопроса, отчасти горько издѣваясь надъ самимъ собою, прибавилъ съ глубокимъ вздохомъ:

— Какимъ это родомъ могъ-бы я влюбиться? Ты развѣ не знаешь, что у меня невѣста?...

— Вотъ именно оттого-то...

— Да вѣдь я ее и въ глаза не видалъ!

— Ну, вотъ еще небылицу выдумалъ! Не видать своей невѣсты!

— У насъ это часто бываетъ.

— И ты все-таки на ней женишься?

— А почему я знаю!

— Но кому-же другому знать?...

— Всякому другому, только не мнѣ. Богу, или маршалеку, или моей невѣстѣ... Собственно я тутъ ни при чемъ!... Впрочемъ—прибавилъ онъ, глубоко вздохнувъ,—мнѣ рѣшительно все равно...

— Можно-ли такъ говорить?—съ упрекомъ замѣтилъ Гаврило. —Только меня ты все-таки не обманешь... Ты влюбленъ...

— Пожалуй, думай себѣ сколько хочешь...

— И я даже знаю, въ кого. Все, какъ есть, знаю!

Мошко началъ ощущать безпокойство.

— Еще-бы!—сказалъ онъ,—какъ тебѣ не знать!...

— Конечно, знаю, коли мнѣ моя сестра сказала!

Вѣдный юноша поблѣднѣлъ какъ смерть и рука его такъ задрожала, что онъ едва могъ сдержатъ молотокъ.

— Тво... я... се... стра?..

— Ну, да! Чего ты такъ испугался? Я другимъ болтать не стану. Меня только удивляетъ, откуда это сестра узнала?..

Мошка съ удовольствіемъ убѣждалъ-бы отсюда; онъ стоялъ и дрожалъ какъ ребенокъ. Но неумолимый Гаврило продолжалъ:

— Ты самъ ей сказалъ, что-ли? Или она слышала отъ твоей любезной?

— *Моей* любезной? Какой любезной!

— Ну, да той еврейки, въ которую ты втюрился?

— Я!!

— Ты, самъ ты! Пожалуйста, не притворяйся, нисколько это тебѣ не поможетъ. Казя рассказала мнѣ все до послѣдней ниточки! Недавно я говорю ей: «Знаешь, сестра, какъ нашъ Мошко перемѣнился,—и сказать нельзя! Такой печальный, печальный!..» А она смѣется и говорить: «Что-жъ тутъ удивительнаго? Онъ вѣдь влюбленъ!..» — «Въ кого?» любопытно спрашиваю я. Тутъ она съ минуту подумала и рассказываетъ: «Ну... тебѣ я сказать могу, ты его товарищъ; но смотри, не болтай, это секретъ. Видишь, Мошко влюбленъ въ дочь того еврея, что держитъ красный кабакъ на дорогѣ изъ Барнова въ Розачиново. У нея красные волосы, такіе красные, какъ стѣны ихъ кабака, а впрочемъ она толстая и красивая дѣвушка. Отецъ не хочетъ выдать ее за Мошку, оттого что онъ только кузнецъ. Вотъ Мошко и печалится». Такъ рассказала мнѣ сестра. Видишь, я знаю все; запирайтесь не зачѣмъ!

— Запирайтесь не зачѣмъ! повторилъ Мошко, и хотя на

душѣ у него было не совѣтъ весело, онъ все-таки невольно засмѣялся.

— Но слушай дальше, — продолжалъ Гаврило. — «Мошко — говорила послѣ этого моя сестра — славный малый; навѣрное между этими проклятыми жидами не найдется такого чудеснаго человѣка. Поэтому ты долженъ посовѣтовать ему для его счастья, оттого что ты умный парень, Гаврило!» Да, ей Богу такъ и сказала: «Ты умный парень, Гаврило! Такъ убѣди ты его, чтобъ онъ женился на дѣвушкѣ, которая ему нравится, на той-ли красной изъ шинка, или какойнибудь другой... пусть самъ выбираетъ. Тогда онъ будетъ счастливъ. Но на той невѣстѣ, что ему прочать въ Хоростковѣ, пусть не женится; по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не обдумаетъ какъ слѣдуетъ. Такъ ты ему и скажи, да получше посовѣтуй, потому что Мошко стоитъ того, чтобъ быть счастливымъ»...

У бѣднаго еврея было какъ-то странно на душѣ. И въ глазахъ ощущалъ онъ что-то непривычное: рѣсницы начинали горѣть...

— Поблагодари свою сестру, — сказалъ онъ спокойно, но голосъ его все таки задрожалъ; — поблагодари ее крѣпко отъ меня... А на счетъ счастья, — такъ я никогда не буду счастливъ, никогда!

Онъ быстро отвернулся, потому что почувствовалъ, какъ слезы выступали у него на глазахъ, порывисто схватилъ молотокъ и ударилъ по наковальнѣ такъ сильно, что съ нею поднялся цѣлый снопъ искръ.

— Да отчего-же ты не можешь быть счастливъ? съ изумленіемъ спросилъ Гаврило.

Мошко не отвѣчалъ. Ему было очень тяжело, — точно его собственное сердце лежало на этой наковальнѣ и онъ былъ принужденъ неумолимо колотить по немъ.

Только черезъ полчаса онъ снова повернулся къ товарищу и сказалъ:

— Тебѣ я скажу и ты можешь, если хочешь, передать своей сестрѣ: на Хоростковской невѣстѣ я не женюсь. Вѣро-

ятно, вообще никогда не женюсь, если все пойдет по моей волѣ,—даже навѣрно; но ужъ на Харостковской ни въ какомъ случаѣ. И какъ только увижу маршалека, тутъ и положу всему конецъ.

И на слѣдующее же утро онъ дѣйствительно выполнилъ это рѣшеніе.

Этотъ слѣдующій день былъ суббота. Уже предъ обѣдомъ Мошко встрѣтилъ маршалека въ синагогѣ во время богослуженія, но тутъ онъ не могъ говорить съ нимъ, тѣмъ болѣе что сюжетъ разговора былъ далеко не богоугодный. Только послѣ обѣда отправился онъ на свиданіе со своимъ покровителемъ.

Но Мошко засталъ его въ большой компаніи. Нашъ господинъ Тюркишгельбъ стоялъ въ самомъ розсовомъ настроеніи передъ синагогой на той площадкѣ, гдѣ въ этотъ часъ собиралось все, любившее пріятную бесѣду; его животикъ весело покачивался со стороны на сторону, а вся носовая система рдѣлась какъ центифолія въ іюльскій зной. По всей вѣроятности блескъ, озарившій эти холмы, былъ блескомъ побѣды надъ заклятымъ врагомъ—старымъ молдавскимъ виномъ. Но эта побѣда не свалила доблестнаго бойца: онъ твердо стоялъ на ногахъ и могъ очень связно рассказывать, и только другіе, окружавшіе его, шатались. Они шатались отъ смѣха и удовольствія, потому что чего только не умѣлъ рассказать—и какъ рассказать—нашъ маршалекъ!

Чего и какъ! Чтобы передать это, надо самому быть маршалекомъ! Напримѣръ, исторію о томъ, какъ Авраамъ Розенбергъ, по прозванію «Аврумеле Бронфенъ» что по нѣмецки значитъ водка, подарилъ Садагурскому раввину его-же собственную серебряную посуду и этимъ обманомъ выманилъ себѣ у чудотворнаго раввина самое полное благословеніе. Или какъ тотъ-же самый Водка-Авраамъ продалъ за пять гульденовъ одному крестьянину его-же собственный тулупъ. Или какъ раввинъ Надворнскій вступилъ въ споръ съ раввиномъ Ново-Саядецкимъ на счетъ того, въ какомъ видѣ будетъ подаваться на томъ свѣтѣ праведнымъ душамъ рыба Левіафанъ:

съ соусомъ изъ лука или съ сладкой приправой. Или въ какомъ тонѣ и въ какихъ выраженіяхъ разговариваетъ госпожа Гольда Гельштейнъ со своею кухаркой. Или... Но какая польза въ сухомъ перечисленіи темъ, необыкновенно сочно обработавшихся господиномъ Тюркишгельбомъ?... Достаточно сказать, что все это было прелестно и слушатели хохотали такъ громко, что смѣхъ ихъ доносился къ Мошкѣ уже издалика и конечно замедлилъ его шаги.

Но маршалекъ завидѣлъ его и протянулъ руки какъ-бы для объятія.

— Кто это идетъ сюда? — радостно воскликнулъ онъ. Вы скажете: это идетъ сынъ служки Аврумеле, кузнецъ Мошеле! А я скажу вамъ: это идетъ самый блаженный юноша подь солнцемъ! Ибо что дѣлаетъ юношу счастливымъ? Красавица-невѣста! А у кого самая красивая невѣста во всей Польшѣ? У этого человѣка самая красивая невѣста, и завтра ѣдетъ онъ со мною въ Хоростково, и черезъ четыре недѣли свадьба.

— Такъ ужъ это рѣшено? мрачно спросилъ молодой кузнецъ.

— Натурально! Третьяго дня я былъ въ Хоростковѣ, и мы съ матушкой Спринцеле условились. И тутъ, Мошеле, я опять видѣлъ твою невѣсту, и у меня, стараго дурака, такъ слюнки и потекли... Вотъ если-бъ узнала моя жена!... Да за то-же и дѣвушка это! — воскликнулъ маршалекъ, прицелкнувъ языкомъ; ужъ коли она не вѣситъ трехъ центнеровъ, то не пить мнѣ до самой смерти ничего, кромѣ воды! Вѣрите вы мнѣ, когда она ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, такъ весь домъ трясется... И вотъ эта-то красота...

— Вы могли-бы, кажется, рассказывать это мнѣ одному! — рѣзко перебилъ его Мошко.

— Отчего-же только тебѣ одному?.. И маршалекъ добродушно засмѣялся. — Вотъ любовь, такъ любовь! Извольте посмотрѣть, — ни разу малый и не видѣлъ своей невѣсты, а уже ревнуетъ, когда о ней рассказываютъ другимъ. Что-жъ это будетъ, Мошеле, когда она сдѣлается твоею женою!... Впрочемъ, я нисколько не удивляюсь, — Розеле вѣдь тоже ревнуетъ

тебя уже теперь ко всякому... Да еще какъ!.. Я вамъ говорю!—воскликнулъ онъ патетически—такой парочки еще на свѣтѣ не было!...

— Ребѣ Ицекъ—сказалъ Мошко очень рѣшительнымъ тономъ,—мнѣ нужно поговорить съ вами наединѣ. Поэтому будьте такъ добры... или...

Это «или» было произнесено очень грозно.

— Или?—передразнилъ его маршалекъ и подперся руками въ бокъ на столько величественно, на сколько это позволялъ животикъ его. Но черезъ нѣсколько секундъ онъ опустилъ руки и дружески засмѣялся.

— Ну, хорошо, хорошо, Мопелюпка, желаніе твое будетъ исполнено. Не такой это человѣкъ, господа, которому можно противорѣчить. Желѣзная голова, я вамъ скажу; уже въ тринадцать лѣтъ былъ такой! Знаете, что онъ разъ сказалъ господину капитану? «Мы евреи тоже люди» — сказалъ Господину капитану—вотъ этотъ самый Моше, какъ вы его здѣсь видите... Такъ какъ-же не сдѣлать чего онъ хочетъ? Идемъ, идемъ, Моше!..

Они отошли въ сторону, въ то мѣсто, гдѣ старая синагога граничитъ съ рѣкой.

— И такъ, — началъ маршалекъ, — что прикажешь, мое золото?

— Желая вамъ сказать, что изъ моей свадьбы не выйдетъ ничего, ровно ничего!

Юноша быстро проговорилъ эти слова; губы его дрожали и сердце сильно билось.

— Мбъ!...—промычалъ маршалекъ. Онъ употреблялъ этотъ звукъ въ тѣхъ случаяхъ, когда у него не хватало словъ, и различными удареніями умѣлъ придавать ему самый разнообразный смыслъ. Въ данномъ случаѣ «мбъ!» явилось выраженіемъ величайшаго изумленія.

— Ровно ничего!—повторилъ молодой кузнецъ. И не трудитесь понапрасну меня уговаривать. Я не женюсь на Розеле ни за что, хоть бы она вся была изъ чистаго золота.

— Будь она изъ золота, тебѣ пришлось-бы немного получить,—сказалъ маршалекъ. Онъ снова настолько овладѣлъ собою, что могъ сотворить острогу въ своемъ духѣ. Но черезъ минуту имъ овладѣло серьезное настроеніе, и онъ спросилъ:

— Отчего-же это? Если ты отбрасываешь отъ себя такой жемчугъ, значитъ ты осель. Я желаю знать, отчего ты осель?

— Это... это васъ не касается.

— Напротивъ,—весьма касается, и по многимъ причинамъ. Во первыхъ, потому что я тебя люблю и очень хотѣлъ-бы устроить твое счастье. Во вторыхъ, оттого что я себя люблю и не имѣю ни малѣйшаго желанія оказаться дуракомъ и лжецомъ передъ всѣмъ Барновомъ и Хоростковымъ! Въ третьихъ...

— Будь у васъ хоть тысяча причинъ,—у меня всего одна, и ея достаточно: Розеле мнѣ не нравится!

— Ты развѣ ее знаешь?

— Нѣтъ... вотъ именно оттого-то...

— Именно оттого-то?... Не понимаю.

— Я женюсь только на той, которую выберу себѣ самъ и узнаю близко. А чтобъ меня женилъ маршалекъ—этого я не желаю.

— Мбъ!—снова слетѣло съ губъ толстаго человѣчка. Но на этотъ разъ въ этомъ звукѣ слышалась насмѣшка.

— Слушай, сынъ мой,—сказалъ онъ, ты недостаточно глупъ для того, чтобы самому выдумать это. Кто тебѣ вбилъ въ голову такую глупость?

Моше покраснѣлъ какъ ракъ.

— Я самъ поумнѣлъ,—энергически возразилъ онъ.—Развѣ это не грѣхъ противъ Бога, что у насъ женятъ людей какъ продаютъ быковъ или боченокъ селедокъ?..

— Нѣтъ. Грѣхъ противъ Бога то, что ты здѣсь толкуешь. Если у христіанъ такая мода, что женихъ до свадьбы близко знакомится со своей невѣстой, то это имѣетъ разумное основаніе. Не изъ-за того что они называютъ «любовью», но ради предосторожности. Христіанинъ вѣдь никогда не можетъ знать заранѣе, какого сорта дѣвушка достается ему въ жены. Но еврей

знаеть. Наши дѣвушки всѣ до одной—набожныя, и добрыя, и послушныя, у нихъ въ головѣ никакихъ прихотей, о распутствѣ тоже и рѣчи нѣтъ. Поэтому, всякій еврейскій юноша заранѣе убѣжденъ, что его невѣста будетъ славная, вѣрная жена и хорошая хозяйка. Остается вопросъ, подходитъ-ли она къ нему, т. е. есть-ли у нея деньги, когда ему деньги нужны, и здоровая-ли и крѣпкая она дѣвушка, когда онъ самъ здоровый и крѣпкій. А эти вопросы разъяснить всегда третье лице лучше, чѣмъ тотъ, кого это касается. Вотъ оттого-то у насъ въ обычаѣ устраивать свадьбы чрезъ посредство сватовъ,—и это обычай очень хорошій.

Маршалекъ говорилъ серьезно; видно было, что онъ высказывалъ въ этихъ словахъ свое искреннѣйшее убѣжденіе. Затѣмъ онъ продолжалъ:

— У христіанъ дѣло ведется иначе, съ этимъ я согласенъ. Тамъ жена недостаточно связана закономъ нравственности и набожности, поэтому можетъ быть и необходима такъ называемая «любовь» для того, чтобы дѣвушка сдѣлалась вѣрною женою. У тѣхъ евреевъ, которые одѣваются по нѣмецки и отпадаютъ отъ истинной вѣры, это, можетъ быть, тоже необходимо. Но у насъ, слава Богу, въ томъ нѣтъ никакой надобности, и существуетъ-ли между тобою и твоею Розеле «любовь»,—это все равно...

— Вы думаете? насмѣшливо перебилъ его Моше.

— Думаю,—рѣшительно отвѣтилъ маршалекъ.—Все равно потому, что вы другъ къ другу подходите во всемъ, чѣмъ бракъ дѣлается счастливымъ. Она имѣетъ деньги и происходитъ отъ набожнаго и знатнаго рода; братъ ея дѣда былъ раввиномъ въ Гусятинѣ. Ты бѣденъ и сынъ пономаря. Но за то ты сильный, красивый, бравый парень, а она глуха; то есть, не то что совсемъ глуха, а не особенно хорошо слышитъ, да и то не всегда, а только въ извѣстные дни; кажется въ нечетные именно дни. Ну, да у тебя здоровый голосъ; тебя-то она услышитъ! Для тебя, Мошеле, сыскать невѣсту было не легко, потому что ты занимаешься неслыханнымъ ремесломъ и потому что ты «ам-

горець» (невѣжда). Вѣдь тебѣ даже пятикнижіе не совсѣмъ знакомо. Ну, вотъ, и обдумай...

— Я уже все обдумалъ. На Розеле я не женюсь!

— Отчего?

— Могу только повторить: собственно васъ это не касается. Но пожалуй, скажу вамъ еще разъ причину: я женюсь только на той, которая мнѣ понравится.

— Такъ посмотри прежде эту,—можетъ быть, понравится.

— Навѣрно нѣтъ.

— Да отчего-же нѣтъ?

— Оттого что она глуха.

— Я же тебя увѣряю, что съ нею только въ нечетные дни надо говорить не много погромче... А впрочемъ... я вѣдь могу выискать тебѣ другую дѣвушку!

— Нѣтъ, благодарствуйте... я ужъ самъ...

— Неужто въ самомъ дѣлѣ станешь самъ искать?

— Да-а!

Это «да» онъ произнесъ протяжно и нерѣшительно.

Маршалекъ пристально посмотрѣлъ на своего любимца и потомъ медленно сказалъ:

— Мошеле, не притворяйся. Ты честный малый, тебѣ притворяться не къ лицу, да и плохо оно у тебя выходитъ. Поэтому скажи мнѣ откровенно и прямо всю правду, — то есть, что ты вообще не хочешь жениться!

— Ну... коли такъ... вы угадали!

— А въ такомъ случаѣ, я знаю и причину! Господи, Господи, до чего я дожилъ съ этимъ мальчикомъ! Но мнѣ давно уже слѣдовало сообразить, что еврейское дитя оставлять между христіанами не слѣдуетъ; въ концѣ концовъ должно выйти нехорошо.

Онъ проговорилъ это съ самою искреннею скорбью.

— Что... что вы хотите сказать? спросилъ Моше, смутившись.

Маршалекъ печально покачалъ головою.

— А то, что я знаю, что знаю. Знаю, вотъ какъ будто

на моихъ глазахъ все дѣлалось. Я вѣдь не осель какойнибудь, тоже свой умъ имѣю! Дѣло вотъ въ чемъ: завязались у тебя шуры-муры съ «гое» (христіанкой), и не хочешь ты отъ этого и слышать объ еврейской дѣвушкѣ!

Мошко быстро отвернулся и сильно измѣнился въ лицѣ.

— Не вертись точно цыганская лошадь и не дѣлайся бѣлый какъ стѣна и красный какъ мой носъ! Это тебѣ не поможеть!.. Скажи мнѣ по крайней мѣрѣ, кто она?

Но Мошка уже вполне овладѣлъ собою.

— Ребѣ Ицекъ, твердо сказалъ онъ, я очень благодаренъ вамъ за вашу любовь, и если-бъ могъ оказать вамъ какуюнибудь большую, большую услугу, то былъ-бы весьма счастливъ!.. Но объ *этихъ* вещахъ прошу васъ больше не говорить со мною... Будемъ говорить только о самомъ нужномъ... Вы должны покончить Хоростовское дѣло, поскорѣе, —сейчасъ...

— Теперь я и самъ ничего не имѣю противъ этого, —отвѣчалъ маршалекъ; онъ былъ такъ опечаленъ, что не могъ даже съострить. —Я не хочу дѣлать бѣдную Розеле несчастною. Правда, и безъ того уже я достаточно втопталъ ее въ грязь. Разъ что дѣвушку обручатъ, а потомъ дѣло разстроится —пятно на ней все таки остается, хоть она и ни въ чемъ не виновата.

— Нѣтъ, нѣтъ! —вскричалъ Мошко, этого не должно быть! Естественно, я все обязанъ взять на себя... Вотъ что я предложу вамъ: мы распустимъ слухъ, что я съ вами ѣздилъ въ Хоростово, и что ни Розеле, ни ея матери я нисколько не понравился. Пожалуй, можете даже рассказывать, что меня вытолкали изъ дому. Мнѣ это рѣшительно все равно!

Маршалекъ грустно покачалъ головой и положилъ руку на плечо юноши.

— Мошеле, милый Мошеле! —сказалъ онъ —дѣло съ Розеле я какънибудь улажу, но за тебя у меня очень, очень болитъ сердце. Ты затѣялъ исторію съ «гое», —въ этомъ тебѣ меня не разубѣдить. И когда я подумаю, что отъ этого ты, можеть быть, и самъ станешь «гоемъ», мнѣ просто плакать хочется.

Я очень люблю тебя, Мошеле, но лучше желалъ-бы видѣть тебя въ «добромъ мѣстѣ» (на кладбищѣ), чѣмъ въ церкви. Не дѣлай этого, Мошеле!

— Но я и не думаю!

— Вѣрно?

Юноша далъ священную клятву.

Это не измѣнило однако печальнаго настроенія весельчака; онъ снова тяжело вздохнулъ и сказалъ:

— Мошеле, я не буду никому рассказывать о моей догадкѣ и надѣюсь, что ты образумишься и отбросишь отъ себя эту «гое», какъ отбрасываютъ камень. Иначе это вѣдь будетъ величайшимъ несчастіемъ! Несчастіемъ для нея, для тебя, для всего еврейства! Ты думаешь, нашъ Богъ позволяетъ съ собою шутки шутить?

Съ этими словами онъ оставилъ Мошеле и воротился къ своей компаніи, которая все еще ожидала его и его исторій. Но хотя онъ продолжалъ рассказывать съ обычнымъ искусствомъ и матеріалъ для рассказовъ выбиралъ весьма удачно, — напримѣръ о томъ, какъ однажды одинъ раввинъ обманомъ заставилъ другаго, натурально изъ ненависти къ нему, съѣсть свиного мяса, — дѣлалось это имъ однако уже не отъ души, и слушатели замѣтили перемѣну.

Х.

Такимъ-то образомъ молодой кузнецъ храбро выполнилъ свое рѣшеніе; но отъ этого у него на сердцѣ не стало легче. Если и разорвались узы, связывавшія его съ глухою и тяжеловѣсною красавицею, то Казя все таки осталась для него недостижимымъ существомъ. Разговоръ съ маршалекомъ снова ясно показалъ ему, какъ глубока, какъ непреходима была бездна, отдѣлявшая его отъ «гой». Перешагнуть эту бездну онъ и не думалъ. Онъ проклиналъ, онъ оплакивалъ преграды, ставившіяся различіемъ вѣроисповѣданій, но даже въ минуты сильнѣйшаго душевнаго возбужденія мысль сдѣлаться христіа-

ниномъ никогда не приходила ему въ голову. Давая священную клятву маршалеку, онъ не лгалъ. Въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго. Когда еврей, сынъ религіи, не только удовлетворяющей его идеальнымъ потребностямъ, но и обуславливающей всю его жизнь; мѣняетъ ее на другую, то для него эта перемѣна означаетъ разрывъ не только съ его прошедшимъ, но и со всѣмъ его внутреннимъ существомъ. Ни одна религія не проникаетъ въ плоть и кровь человѣка такъ глубоко, какъ еврейская. Отъ этого ни одинъ выкрестившійся еврей, при всемъ своемъ желаніи, не становится вполне христіаниномъ; новая религія, какъ вода, которою окрестили его, остается только на его поверхности. И по той-же самой причинѣ выкреститься такъ тяжело для всякой благородной природы; еврей, дѣлающій этотъ шагъ охотно и весело, часто ничто иное, какъ плутъ, настолько проникнутый страстью къ торгашеству, что на свою вѣру онъ смотритъ тоже какъ на товаръ.

Мошко хорошо зналъ, что для него кропило отца Никиты было единственнымъ средствомъ добыть себѣ Казю, и именно это соображеніе укрѣпляло его рѣшимость отказаться отъ нея. Но сердце его этою рѣшимостью не удовлетворялось; оно оставалось страдающимъ и взволнованнымъ. Отреченіе отъ блага всегда тяжело—даже и для образованнаго человѣка, котораго смиряютъ, успокаиваютъ разсудительность и опытъ; но на человѣкѣ природы оно отвывается мучительнѣе всякаго другаго испытанія, потому что идетъ въ разрѣзъ съ сильнѣйшимъ человѣческимъ чувствомъ—любовью къ самому себѣ. Мы рождены для страданій, но наши инстинкты доказываютъ намъ противное, и мы охотно вѣримъ имъ. Такъ развивается въ насъ твердое убѣжденіе, что мы рождены для радостей и наслажденій, а тутъ жизнь впиивается въ насъ своими исполинскими когтями и тяжело ранитъ наше сердце. Мы переносимъ эту участь, но въ насъ начинается болѣзненное раздвоеніе и возникаетъ горькій вопросъ: «за что столько страданій?»—тотъ вопросъ, который звучитъ во всѣхъ человѣческихъ сердцахъ какъ общая, невысказываемая словами тайна. Звучитъ онъ и въ самыхъ

простыхъ, нешлифованныхъ сердцахъ, — и именно они-то и суть самыя безпомощныя!

Тревожно проводилъ дни и ночи молодой кузнецъ, избѣгалъ людей и выказывалъ большую невѣжливость, когда кто нибудь спрашивалъ его о причинѣ печали.

Это испыталъ и маршалекъ, навѣстившій его недѣлю спустя, въ субботу. Но грубость Моше не смутила энергическаго челоѣка.

— Твое грубьянство, Мошеле, — съ огорченіемъ сказалъ онъ, доказываетъ мнѣ только, какъ глубоко ты уже теперь погрязъ во грѣхѣ!

— Отчего?

— Оттого! Когда хорошій челоѣкъ начинаетъ грѣшить, то онъ сперва злится только на самого себя и чувствуетъ раскаяніе. Но мало по малу грѣхъ портитъ его сердце, и онъ сердится также на другихъ. Наконецъ ты станешь любить самого себя и ненавидѣть другихъ, и сдѣлаешься дурнымъ челоѣкомъ! Да, да!

— Нѣтъ, нѣтъ! — порывисто крикнулъ Моше. — Однако, скажите... вы только за этимъ и пришли сюда?

— Боже меня упаси! — отвѣчала Тюркишгельбъ. — Проповѣдывать закоренѣлому грѣшнику — безуміе; я не люблю дѣлать безумныя вещи. Я хотѣлъ только сказать тебѣ, что завтра ѣду въ Хоростково, чтобы уладить со старухою Спринце твое дѣло. Ты долженъ помочь мнѣ въ этомъ, долженъ взять вину на себя. Пусть сдѣлается такъ, какъ ты самъ мнѣ предложилъ. Завтра чуть свѣтъ ты уйдешь изъ дому, вернешься только поздно вечеромъ и расскажешь: «я въ Хоростковѣ не повредился». Да?

— Да!

Маршалекъ грустно посмотрѣлъ на него.

— Мошеле... — началъ онъ мягкимъ тономъ. Но тутъ-же печально покачалъ головой и быстро отправился домой.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня молодой челоѣкъ, согласно уговору, вышелъ изъ хижины своихъ родителей. Отецъ хотѣлъ

благословить его на успѣхъ смотришь; онъ поспѣшно отклонилъ благословеніе, сконфуженно проговорилъ: «навѣрное, все сойдетъ благополучно», и сильно покраснѣлъ отъ этой лжи.

Въ гнѣвномъ раздраженіи пошелъ онъ по направленію за городъ. Но если вышеприведенная аксіома Барновскаго остряка была справедлива, то Моше находился покамѣсть въ первомъ фазисѣ грѣха,—потому что гнѣвъ его былъ обращенъ только на его собственную личность. Торопливо идя по полю, онъ сжималъ кулаки, скрежеталъ зубами и награждалъ себя самою отборною бранью.

Но когда онъ достигнулъ того лѣса, который тянется отъ Коровли до пограничной деревни Россово, волненіе его мало по малу улеглось. Чудесное осеннее утро, торжественная тишина въ лѣсу подѣйствовали на него успокоительно и миротворно. И когда онъ наконецъ усталъ и легъ отдохнуть подъ тѣнистымъ вязомъ, гнѣвъ его совершенно исчезъ и въ сердцѣ осталась только грусть.

Такое дѣйствіе произвело конечно осеннее утро, хотя Мошко не подозрѣвалъ этого. Онъ бывалъ за городомъ чаще, чѣмъ его единовѣрцы, неохотно оставляющіе душныя стѣны своего гетто. Лѣсъ и поле для него не были такъ чужды и непривѣтны, какъ для нихъ. Но ни съ тѣмъ, ни съ другимъ никогда не родился онъ, и ему никогда не приходило въ голову сознательно наслаждаться природой. Не было этого и теперь, когда онъ смотрѣлъ въ матовую синеву осенняго неба и съ изумленіемъ наблюдалъ за причудливою игрою красокъ вянущей листвы. Только бессознательно испытывалъ онъ чарующее обаяніе всего окружающаго, и именно поэтому оно совершенно овладѣло имъ. Гнѣвъ его пропалъ, сердце умягчилось потому, что природа подчинила его себѣ и сообщила его сердцу то самое настроеніе, которымъ былъ полонъ разстилавшійся вокругъ него лѣсъ. Глядя, какъ солнечные лучи съ трогательнымъ состраданіемъ озяряли и освѣщали умирающіе листья, онъ впервые ощутилъ свое отреченіе отъ счастья не какъ жгучую боль, но какъ кротко-грустную покорность судьбѣ. И этому ощуще-

нїю вторили всѣ звуки, пронесившіеся около него: глубокимъ вздохомъ отзывался шумъ отъ древеснаго листа, падавшаго на землю, и даже рѣзкій крикъ журавля въ вышинѣ смягчался далекимъ разстояніемъ и раздавался въ воздухѣ какъ жалобный призывъ...

Но вдругъ Моше услышалъ другой крикъ, такой пронзительный и отчаянный, что онъ быстро вскочилъ на ноги. То былъ человѣческій голосъ. «Помогите! помогите!» пронесилось по лѣсу. Молодой человѣкъ, блѣдный какъ смерть, простоялъ недвижно секунду и потомъ быстро кинулся по направленію къ мѣсту, откуда несся крикъ. Онъ узналъ голосъ своей возлюбленной.

Это была дѣйствительно она,—она и «красавецъ Яцекъ». Съ пылающимъ лицомъ, гнѣвомъ и негодованіемъ въ глазахъ, до крови кусая губы, дѣвушка боролась съ сыномъ своего хозяина.

Яцекъ былъ на самомъ дѣлѣ красавецъ, сильный какъ медвѣдь, ловкій какъ лисица; онъ имѣлъ одно изъ тѣхъ смѣлыхъ, рѣзко очерченныхъ соколиныхъ лицъ, которыя въ настоящее время иногда встрѣчаются только между русинами. Плети поляковъ, поученія ксендзовъ, водка евреевъ мало по малу сообщили этимъ лицамъ боязливость и тупость. Но молодой Яцекъ Глина сохранилъ большое сходство съ тѣми вольными казаками, которые нѣкогда совершали наѣзды на Яссы или Лембергъ для того, чтобы убивать мужчинъ и насиловать женщинъ. Въ настоящую минуту онъ тоже поступалъ совсѣмъ по казацки.

Но дѣвушка оборонялась очень храбро, и интересное зрѣлище представляла эта отчаянная и злая борьба двоихъ, не уступавшихъ другъ другу въ силѣ.

Глазамъ Мошки это зрѣлище представилось конечно не совсѣмъ явственно, а какъ будто сквозь кровавый туманъ. Однимъ прыжкомъ очутился онъ на спинѣ у Яцека и, поваливъ его на землю, началъ, точно молоткомъ, работать кулаками по спинѣ, по груди, по головѣ молодого красавца. То была опе-

рація далеко не безопасная; кузнецъ могъ очень легко превратиться въ убійцу. Къ счастью, его противникъ былъ очень увертливъ. Онъ выскользнулъ изъ исполинскихъ рукъ, вскопчилъ на ноги и съ проклятіемъ кинулся бѣжать. Только истерзанная шляпа его, на которой красовалось нѣсколько павлиньихъ перьевъ, осталась, въ знакъ его пораженія, на мѣстѣ побоища.

И вотъ странная влюбленная чета снова встрѣтилась, — встрѣтилась послѣ разлуки, которая обоимъ имъ казалась вѣчностью, встрѣтилась безъ свидѣтелей, въ лѣсу, и при такой своеобразной обстановкѣ. Неудивительно поэтому, что оба были очень смущены и молчали.

Наконецъ Машка началъ тихо и нерѣшительно.

— Ты не сердись... сегодня не я виноватъ...

— Въ чемъ?

— Что встрѣтился съ тобой!

— Что это ты говоришь! — горячо вскрикнула она. — Онъ еще извиняется! Да вѣдь я должна только благодарить тебя! Мнѣ приходилось плохо съ этимъ бездѣльникомъ. Я его кусала какъ собака и царапала какъ кошка, но все таки очень обрадовалась, когда ко мнѣ пришли на помощь...

— Какъ это ты попала въ лѣсъ?

— Сегодня воскресенье, и я собралась въ Россово, чтобы повидаться тамъ съ одной пріятельницей. На несчастіе я сказала дома, что иду туда, и Яцекъ подстерегъ меня тутъ. Ну, за то-жъ ты и помялъ его!.. Но какъ ты-то очутился въ лѣсу?

Онъ началъ рассказывать сперва нерѣшительно, потомъ быстро. Она слушала и качала головой и потомъ сказала:

— Это совсѣмъ не разумно. Во первыхъ, прежде чѣмъ отъказываться отъ невѣсты, тебѣ слѣдовало хоть посмотрѣть на нее. Кто знаетъ, можетъ быть, она бы тебѣ и понравилась... Или, если ужъ ты твердо рѣшилъ не жениться на этой дѣвушкѣ, — къ чему эта ложь? Она когданибудь можетъ сильно повредить тебѣ, — ты понимаешь меня? Если-бы случилось, что со временемъ тебѣ понравилась другая, люди скажутъ: Хоростковская невѣста не захотѣла пойти за него!

— Это мнѣ рѣшительно все равно!—со вздохомъ возразилъ Моше;—мнѣ никогда не понравится ни одна дѣвушка! Я останусь холостымъ.

— Отчего?

Она сдѣлала этотъ вопросъ такъ просто, такъ наивно... Даже коровница въ Подоліи можетъ быть кокетливой, когда ей это нужно.

— Ты еще спрашиваешь? — крикнулъ онъ. Тебѣ это извѣстно не меньше моего!

— Да,—отвѣчала она; но я знаю тоже, что намъ никто, даже самъ Богъ, помочь не можетъ. Самое лучшее для тебя—забыть меня.

— Да не въ силахъ я забыть! Пробоваль, старался — не могу. Если ты запретишь мнѣ встрѣчаться съ тобою, я послушаюсь. Но не думай, что это принесетъ мнѣ пользу. Я въ концѣ концовъ сойду съ ума,—такъ ты и знай!

— Съ ума сходить не такъ-то легко!.. Однако... чего-же ты хочешь?

— Тебя!

— И я хочу тебя, и изъ этого все таки ничего не можетъ выйти!

— Должно выйти!—крикнулъ Мошко, и схватилъ ея руку, и скалъ такъ сильно, что эта красная рука совѣмъ поблѣднѣла. — Должно! Я былъ трусъ, когда обѣщаль тебѣ... Это свыше моихъ силъ!

— Но это грѣхъ противъ Бога!

— Ну, пусть Онъ наказываетъ меня! Лишь бы мнѣ до того пожить счастливо!...

— А что скажутъ люди?

— Всякаго, кто скажетъ хоть слово, я убью на мѣстѣ!

— Но что дѣлать мнѣ, когда они станутъ мучить меня?

— Не обращать никакого вниманія! Такое мое разсужденіе! И оттого я буду встрѣчаться съ тобою какъ можно чаще. Но тебя я не принуждаю, отъ тебя ничего не требую. Да и какое тебѣ дѣло до моей любви? Ты себѣ поступай какъ хочешь!..

— Перестань ты все толковать о моемъ хотѣннiи!... Будь въ моей волѣ...

— Ну, такъ что?..

— Ты самъ знаешь, что бы я сдѣлала!.. Не притворяйся пожалуйста! Я люблю тебя, и оттого... именно оттого... прощай!

Она вырвала свою руку.

— Хорошо!—сказаль онъ злобно. Я ничего не имѣю противъ этого. Мнѣ все равно—не любишь ты меня, или только слишкомъ труслива, чтобъ любить. Но я люблю тебя и буду по крайней мѣрѣ смотрѣть на тебя какъ можно чаще, хоть каждый день...

— Этого ты не сдѣлаешь...

— Отчего?

— Оттого что люди станутъ смѣяться надо мною!

— Ты все про себя!.. Обо мнѣ и рѣчи нѣтъ... Повѣсься я—тебѣ все равно!

— Мошко!—крикнула она, и, горько заплакавъ, обвила его шею руками;—что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать?...

Кузнецъ не обращаль вниманiя на ея слезы.

— Хочешь ты любить меня? спрашиваль онъ и почти душилъ ее поцѣлуями.

— Да! отвѣчала она, рыдая, и все таки освободилась изъ его объятiй.

— И ты позволишь мнѣ по крайней мѣрѣ каждое воскресенье видѣться и говорить съ тобою?

— Да,—но теперъ мнѣ надо спѣшить въ Россово.

Она пошла туда, но только два часа спустя.

Съ этого дня они часто сходились вмѣстѣ, и о ихъ счастiи нечего больше рассказывать,—развѣ о томъ, какъ они скрывали его. Оба знали, что надъ ихъ головами висѣла опасность быть открытыми и безопасно уничтоженными свѣтомъ. Но это не печалило ихъ, а дѣлало только скрытными и осторожными. Они часто мѣняли мѣсто своихъ свиданiй, при людяхъ говорили очень мало, и любовь даже давала имъ силу всегда казаться совершенно спокойными.

Такимъ образомъ въ Барновѣ никто и не подозрѣвалъ прегрѣшеній Мошки, а въ Коровлѣ никому въ голову не приходило, какое преступленіе совершала Казя. Не узналъ этого и достопочтенный отецъ Никита. Дѣвушка, правда, ходила на исповѣдь очень часто, но о влюбленномъ не обмолвилась ни разу ни однимъ словечкомъ, А когда батюшка однажды спросилъ ее:—«Ну, того еврея ты больше не цѣловала?»—она недовольнымъ тономъ отвѣтила; «что это вы? такія вещи дѣлаются только одинъ разъ!»

Но за то она каялась въ другихъ грѣхахъ, изъ которыхъ не совершала ни одного; какъ, напримѣръ, умышенно заставила она голодать свою корову, какъ украла у своего хозяина мѣрку пшеницы и т. п. Но рассказывая эти прегрѣшенія,— рассказывая такъ долго, что батюшка терялъ терпѣніе, она обыкновенно очень быстро тутъ-же прибавляла: «И кромѣ того, я люблю Мошку!» Но отецъ Никита не понималъ этихъ словъ и въ заключеніе исповѣди, наложивъ на виновную епитемію въ нѣсколько крейцеровъ или яицъ, спокойно произносилъ: «*Alsolvo te!*»

Этимъ дѣвушка успокоивала свою совѣсть. Слова о любви къ Мошкѣ были все-таки произнесены. Не ея вина, что батюшка не обращалъ на нихъ достаточнаго вниманія или даже дремалъ въ это время!

Что касается Мошки, то онъ отнюдь не чувствовалъ себя грѣшнымъ, а если такое сознаніе иногда возникало въ немъ, то онъ очень легко устранялъ его. Ему думалось, что связь, доставлявшая столько блаженства двумъ сердцамъ, не можетъ быть грѣхомъ.

Только маршалека избѣгалъ молодой кузнецъ, потому что маленькій человѣчекъ при каждой встрѣчѣ устремлялъ на него пронизательный и печальный взглядъ. Маршалекъ не говорилъ ничего, но угадывалъ все. И глубоко огорчало почтеннаго Туркишгельба, что его любимецъ пошелъ по такой дорогѣ. Въ душѣ онъ не могъ не обвинять себя въ нѣкоторомъ содѣйствіи этому

грѣху, потому что вѣдь это онъ одинъ поселилъ Мошку между христіанами!

И такъ, о нашихъ влюбленныхъ въ ту пору, когда они были счастливы, рассказывать почти нечего.

Но только одну зиму длилось ихъ счастье; весна слѣдующаго года принесла имъ большое, очень большое горе. Тутъ случились, одно за другимъ, три происшествія, о которыхъ они никогда прежде не думали, хотя ни въ одномъ изъ этихъ происшествій не было ничего особеннаго и невѣроятнаго.

О первомъ можно рассказать въ нѣсколькихъ словахъ.

Когда однажды Мошко пришелъ на свиданіе къ своей Казѣ, она съ горькими слезами упала къ нему на грудь и что-то прошептала на ухо...

Второе происшествіе состояло въ томъ, что въ одну мартовскую ночь сбился сонъ стараго кузнеца: пробилъ часъ его избавленія. Вѣроятно, въ эту ночь онъ еще разъ увидѣлъ бѣлую лилію: когда на слѣдующее утро оба подмастерья не застали хозяина въ кузницѣ и прошли въ его комнатку, то увидѣли его лицо такимъ, какимъ не приходилось никогда видѣть его ни имъ, ни другимъ барновцамъ. На этомъ, обыкновенно столь мрачномъ лицѣ, лежало выраженіе несказаннаго спокойствія, безмятежности и просвѣтленія. Что доставило такое утѣшеніе старику—этого онъ не могъ рассказать никому, потому что былъ мертвъ.

Его имущество досталось бѣдному родственнику, до того времени жившему въ Россіи. Онъ переселился въ кузницу, и первымъ его дѣломъ было сказать Гаврилѣ: «Ты оставайся!» а Мошкѣ: «Ты убирайся!» Жидъ не годился для него. Только по просьбѣ Гаврилы онъ согласился дать Мошкѣ шесть недѣль сроку для отысканія себѣ новаго хозяина.

Отъ этой заботы избавило нашего юношу третье происшествіе—рекрутскій наборъ.

XI.

Рекрутскій наборъ въ Барновѣ!

Кому случается быть въ грязномъ городкѣ восточной Ав-

стріи въ ту пору, когда приближается это событіе, тому кажется, что онъ попалъ въ муравейникъ, въ который кто нибудь внезапно ткнулъ палкой. Всѣ основанія порядка разрушены; въ несказанномъ смятеніи копошатся насѣкомыя, и жужжатъ, и бѣгутъ, и топчуть другъ друга.

Сравненіе это совершенно вѣрное. Въ сущности тутъ только одно различіе: бѣдные муравьи не знаютъ, когда именно немилосердной рукѣ угодно будетъ внести разрушеніе въ ихъ жилище, тогда какъ барновскимъ евреямъ извѣстно очень хорошо, что ежегодно весною въ ихъ городокъ является рекрутская коммисія. Но эта извѣстность не мѣшаетъ тому, что появленіе господъ чиновниковъ наноситъ барновской общинѣ жестокой ударъ и повергаетъ ее въ безпредѣльный страхъ и неописанное смятеніе.

Барновскіе жители, какъ евреи, такъ и русины, не особенно стараются уяснить себѣ, что такое государство. Оно для нихъ почти не составляетъ понятія нравственнаго, а есть только физическая сила, сосредоточенная въ одной, отдѣльной человѣческой рукѣ—монарха. Они чтутъ эту руку не менѣе божьей и, можетъ быть, по одинаковымъ причинамъ: прикосновеніе руки они осязаютъ, но самого существа, которому она принадлежитъ—не видятъ. Императоръ австрійскій и Богъ для подольскаго крестьянина и еврея одинаково далеки. И трудно рѣшить вопросъ,—предъ чье лицо—божье или императорское—имъ было бы легче предстать, и какой дворъ—земной или небесный—рисуетъ имъ фантазія ихъ въ болѣе сказочномъ свѣтѣ..,

О гражданскихъ правахъ и гражданскихъ обязанностяхъ, о средствахъ и цѣляхъ государства эти бѣдные люди, влачащіе свое существованіе въ непроглядной тѣмѣ, не имѣютъ никакого сознательнаго представленія. Къ тому, что даетъ имъ государство хорошаго и полезнаго, они до такой степени привыкли, что никогда и не задумываются надъ этими предметами. Государство строить для нихъ пути сообщенія и охраняетъ ихъ собственность и жизнь,—но вѣдь этимъ пользова-

лись и ихъ предки! Имъ даже и въ голову не приходитъ, что все это—продуктъ существованія государства! Остаются такимъ образомъ только обязанности для внѣдренія въ эти умы идей о государствѣ. Не только въ Подоли, но и въ другихъ мѣстахъ, низшій классъ смотритъ на узы, связующія его съ государствомъ, какъ на сѣть, налагаемую на него съ первой минуты его появленія на свѣтъ, въ которой онъ вертится всю свою жизнь и которую снимаетъ съ него только смерть. Но едва ли это явленіе обнаруживается гдѣ нибудь такъ рѣзко, какъ въ Подоли.

Изъ всѣхъ повинностей двѣ особенно сильно развиваютъ въ русинѣ-поселянинѣ и еврей-мѣщанинѣ Галиціи сознание ихъ принадлежности государству: подать денежная и подать личная.

Первую они платятъ безропотно и исправно. По крайней мѣрѣ еврей только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ допускаетъ до взысканія ея посредствомъ экзекуціи. И онъ поступаетъ такимъ образомъ уже по благоразумію, потому что экзекуція стоитъ ему денегъ. Но не только благоразуміе дѣйствуетъ здѣсь. Онъ видитъ необходимость этой подати. Императоръ—такъ разсуждаетъ онъ—высокое лицо; ему надо жить сообразно своему положенію, а при этомъ еще приходится кормить такое множество чиновниковъ! Императоръ, стало быть, требуетъ денегъ не по капризу, а потому, что они ему дѣйствительно нужны. Значитъ, надо давать деньги.

Совсѣмъ не то подать личная. Для чего нужны солдаты—это ясно: охранять земли императора и убивать его враговъ. Но развѣ количество враговъ императора такъ велико? И развѣ нельзя придумать какую нибудь миролюбивую сдѣлку съ ними? Напримѣръ пруссаки—будто ужъ они въ самомъ дѣлѣ такіе злые люди, что съ ними добромъ не справишься? Вѣдь и они сами теряютъ въ войнѣ столько человѣческой плоти и крови! Наши барновцы очень ограниченные политики; они никакъ не могутъ понять необходимости войны. Точно также чуждо ихъ

душѣ сочувствіе къ античной простотѣ и величію, и слава ни мало не плѣняетъ ихъ.

Но если такъ относится къ личной подати умъ этихъ людей, то само собою разумѣется, что гораздо озлобленнѣе возстаетъ противъ нея ихъ сердце. Ни одной семьѣ не можетъ быть пріятно лишиться на долгое время одного изъ своихъ сыновей, видѣть его обреченнымъ, можетъ быть, на гибель въ чужой землѣ. Это примѣняется одинаково какъ къ христіанамъ, такъ и къ евреямъ. И у тѣхъ, и у другихъ сильный эгоизмъ человѣка природы протестуетъ противъ воинской повинности. Русинскій поселянинъ неохотно, очень неохотно идетъ въ солдаты; еврею же и подавно эта карьера представляется величайшимъ несчастіемъ. Причины тому приведены выше и намъ остается здѣсь разсмотрѣть только послѣдствія такого взгляда на дѣло. Другими словами: изобразить рекрутскій наборъ въ Барновѣ значитъ въ сущности разсказать только о тѣхъ средствахъ, которыя пускаютъ въ ходъ эти люди для того, чтобы увернуться отъ рекрутчины.

Русины смотрятъ на дѣло съ менѣе трагической стороны. Никому изъ нихъ не желательно вытянуть жребій, но разъ это совершилось — пострадавшій утѣшается довольно легко. Впрочемъ, отъ слишкомъ сильнаго волненія его удерживаетъ фатализмъ, эта основная черта славянскаго народнаго духа. «Ну, чтожъ, коли судьбѣ такъ угодно, дѣлать нечего» — со вздохомъ говоритъ Василій или Гаврило, и медленно, понуривъ голову, точно овца предъ грозой, отправляется въ комисію. Только по временамъ какой нибудь богатый крестьянинъ выкупаетъ своего сына или пытается дать взятку комисіи. Но это случается рѣдко, — уже потому, что въ Подолии мало богатыхъ крестьянъ. Иногда также подлежащій набору удираетъ въ Россію, въ Венгрію, даже въ Молдавію, — или дезертируетъ на пути со своею партією, укрывается въ Карпатскихъ горахъ и живетъ свободно какъ птица въ этихъ неизмѣримыхъ пустыняхъ. Но и это случается не часто. Только одно средство русинъ употребляетъ чаще, чѣмъ нѣмецкій по-

селянинъ: самоуродованіе. Каждый годъ весною отрубивается значительное количество пальцевъ; не одинъ красивый парень дѣлаетъ себя хромымъ. Это, правда, не приноситъ имъ особенной пользы, потому что вмѣсто казармы попадаютъ они въ тюрьму; но ужасная увертка тѣмъ не менѣе продолжаетъ практиковаться, и искоренить ее, вѣроятно, не удастся никогда.

Къ такимъ сильнымъ средствамъ евреи не прибѣгаютъ никогда. У нихъ другой путь—хитрость. Они сражаются съ рекрутскою комиссіею такъ, какъ краснокожіе съ бѣлыми. Это борьба, въ которой *все* средства дозволительны. Всѣ, даже самыя странныя. Невозможно подробно исчислить и изобразить всѣ эти хитрости и окольные дороги, — потому что здѣсь изобрѣтательнѣйшій народъ въ свѣтѣ ведетъ войну съ ненавистнымъ учрежденіемъ, отстаивая свою священнѣйшую мечту, свое участіе въ загробной жизни.

Ограничимся нѣсколькими указаніями.

На барновской базарной площади стоитъ домикъ не такой грязный какъ его сосѣди, но еще грязнѣе. Можетъ быть, это послѣднее обстоятельство происходитъ оттого, что домикъ принадлежитъ не частному лицу, а казнѣ, будучи предназначенъ для общественныхъ цѣлей. Такіе дома и въ другихъ мѣстахъ отличаются отъ прочихъ чѣмъ нибудь особеннымъ, на примѣръ монументальною постройкой; здѣсь же отличіе составляетъ монументальная грязь.

Это—барновскоо общинное правленіе. Надъ входомъ криво прибита доска,—странная доска, нѣкогда бывшая чернаго цвѣта, теперь превратившаяся въ сѣрую, нѣкогда имѣвшая форму четверугольную, теперь украсившаяся какими-то причудливыми зубцами. На доскѣ желтыми буквами и латинскимъ шрифтомъ выведена надпись:

«Judisch Gemaind Kanzellaria».

Эти слова, впрочемъ, въ настоящее время можно уже только угадывать, а не читать. Въ ту пору, когда происходитъ дѣйствіе нашего разсказа, буквы блестяли еще совершенно явственно. Но тотъ, кто отворялъ въ ту пору дверь этого дома

и входилъ въ единственную, огромную и страшно пустынную комнату, зналъ и безъ вывѣски, въ какомъ мѣстѣ онъ находился. За хромоногимъ столомъ воссѣдалъ здѣсь Луизеръ Вонненблумъ, еврейскій письмоводитель, изготовляя «списки» или линованныя таблицы.

Луизера Вонненблума нельзя было признать Адонисомъ. Онъ былъ малъ ростомъ, рябой, горбатый. Но узенькіе глаза свѣтились хитростью и умомъ. На свѣтѣ везетъ только дуракамъ; Луизеръ испыталъ много бѣдствій. Его отецъ былъ богатый ростовщикъ и воспиталъ своего сына для этой же профессіи. А такъ какъ мальчику предстояло сдѣлаться ростовщикомъ, то ему разрѣшили учиться «по-нѣмецки», чтобъ умѣть понимать законы гражданскіе и уголовные. Эти послѣдніе Луизеръ изучилъ въ совершенствѣ. Онъ очень разбогатѣлъ. Тутъ пришла ему въ голову странная мысль заняться немного, ради перемѣны, и какимъ нибудь честнымъ дѣломъ. Онъ взялъ на себя большой подрядъ по вывозу хлѣба—и совсѣмъ раззорился. Тогда, чтобы не умереть съ голоду, онъ обратился къ дѣятельности, къ которой и прежде чувствовалъ склонность и способность: онъ сдѣлался «ходатаемъ по дѣламъ» и письмоводителемъ общиннаго правленія. Этими обѣими профессіями онъ снова достигъ сноснаго благосостоянія, потому что тутъ рѣдко представлялся ему случай заняться честнымъ дѣломъ.

На обязанности Луизера лежало веденіе метрическихъ книгъ. Исполнять это дѣло могъ онъ одинъ, потому что почти онъ одинъ зналъ по-нѣмецки. А извѣстно, что свѣдѣнія, заключающіяся въ метрическихъ книгахъ, служатъ основаніемъ для рекрутскихъ списковъ.

Напримѣръ, у Фроима Луттингера родился сынъ. Отецъ того мнѣнія, что нѣтъ никакой необходимости засвидѣтельствовать это радостное событіе официальнымъ перомъ Луизера. Но такъ какъ такое засвидѣтельствованіе составляетъ прямую обязанность Луизера, то, натурально, необходимы нѣсколько сотъ доводовъ для склоненія его къ мнѣнію нѣжнаго отца. Доводы были многочисленны, но одинъ былъ какъ двѣ капли

воды похожъ на другой и на каждомъ красовалась надпись: «Одинъ гульденъ серебряною монетой». Разъ что эти доводы подѣйствовали,—ни рекрутская коммисія, ни статистика уже никогда не узнавали о существованіи юнаго Луттингера. Онъ жилъ въ видѣ совершенно невѣдомаго и не снабженнаго никакими документами существа.

Само собою разумѣется, что такую забывчивость Луизеръ могъ практиковать не особенно часто, такъ какъ иначе внезапно уменьшившееся плодородіе Барнова могло бы легко броситься въ глаза окружному правленію. Существовали однако другія, менѣе опасныя, средства. Статистика установила аксіомой, что число женщинъ на землѣ всегда больше числа мужчинъ. Но нигдѣ эта аксіома не оправдывалась на дѣлѣ такъ наглядно, какъ въ Барновѣ, за все время исполненія Луизеромъ должности писмоводителя.

Вотъ напримѣръ у хорошо знакомаго намъ Симона Галгенштрика, веселаго извозчика, родился сынъ, получившій имя Аарона. Если-бы Луизеръ добросовѣстно записалъ это обстоятельство, то черезъ двадцать лѣтъ послѣ того юношѣ пришлось бы предстать въ рекрутскую коммисію. Въ виду такой перспективы, Галгенштрикъ отправляется въ «Judisch Gemaind Kanzellaria» и тамъ начинаетъ убѣждать Вонненблома, что новорожденный, собственно говоря—дѣвушка. Луизеръ пересчитываетъ «доводы» и такъ какъ находитъ количество ихъ достаточнымъ, то вноситъ подѣ рубрику «рожденій»:

15 Марта. Ревекка Галгенштрикъ.

И Ревекка благополучно растетъ, и женится, и производитъ на свѣтъ веселыхъ дѣтей, и когда слышитъ разговоръ о воинской повинности, то съ самодовольною улыбкой поглаживаетъ свою длинную бороду.

Но не только «рожденія» записывалъ Луизеръ; въ его книгѣ была также рубрика «кончины». А когда человѣкъ изобрѣтателенъ, онъ и на счетъ смерти сдумаетъ поживиться.

Вотъ образчикъ. Значился по спискамъ «Іаковъ Клейнманъ». Обладатель этого имени и фамиліи былъ великолѣпный парень,—

высокій, здоровенный, безъ малѣйшаго изъяна. При взглядѣ на этого девятнадцатилѣтняго мясника не нужно было обладать даромъ пророчества, чтобы предугадать, чѣмъ сдѣлается онъ черезъ годъ: фланговымъ въ первой ротѣ!

Каждая минута была дорога. Якову Клейнману слѣдовало непремѣнно умереть, и онъ умеръ внезапно. Между тѣмъ какъ Барновскій городской врачъ, человекъ честный, лежалъ больной, а должность его по осмотру умершихъ исполнялась фельдшеромъ, цвѣтущій юноша Клейнманъ скончался отъ апоплексическаго удара. Послѣ этого онъ отправился на годъ въ Коломею, а Луизеръ внесъ трагическое событіе въ свои книги.

Но устраивать кончины такую неперемонною и прямою процедурою нельзя было часто. Городовой врачъ не бралъ взятокъ. Да и вообще, дѣло это было довольно опасное и могло легко открываться; въ этомъ случаѣ не только мертвецъ ожилъ-бы, но и нѣсколькимъ живымъ пришлось-бы отправиться въ тюрьму. Но когда желающій исключить себя изъ списка живыхъ отправляется въ Молдавію и умираетъ тамъ, тогда дѣло можно устроить гораздо удобнѣе и безопаснѣе. Черезъ пять лѣтъ онъ смѣло можетъ вернуться на родину новорожденнымъ и съ совершенно новымъ именемъ и ужъ съ этихъ поръ жить здѣсь до тѣхъ поръ, пока дѣйствительно не наступитъ его послѣдній часъ. Такъ поступали многіе молодые люди; они перебирались въ Яссы, Романъ, Боттучани, для того чтобы испускать тамъ духъ, и Луизеръ давалъ имъ рекомендательныя письма къ своимъ тамошнимъ коллегамъ, которые и устраивали для нихъ быструю и дешевую смерть.

Еще многостороннѣе, еще дѣятельнѣе Луизера былъ его конкурентъ, «факторъ» Беръ Блицеръ. Не успѣвшій получить помощи у одного, обращался къ содѣйствию другаго. Но конкуренція имѣла не прямой характеръ: между тѣмъ какъ Луизеръ заботился о томъ, чтобы лице, подлежащее набору, не имѣло надобности явиться въ рекрутскую комиссію, факторъ хлопоталъ, чтобы комиссія признала явившееся лице негоднымъ къ военной службѣ.

Профессію фактора опредѣлить также трудно, какъ кругъ занятій маршалака. Оба призванія естественно вытекли изъ такихъ потребностей и отношеній, о которыхъ западное общество не имѣетъ почти никакого понятія. И факторомъ надо родиться точно также какъ маршалакомъ; одно прилежаніе и добрая воля недостаточны. Но этимъ и ограничивается сходство. Фактора всякій презираетъ, маршалака всякій любитъ. Факторъ часто зарабатываетъ много денегъ, маршалакъ всю жизнь остается бѣднякомъ. Фактору приходится имѣть дѣло съ христіанами и евреями, и будь разстояніе, раздѣляющее ихъ, не такъ велико, его роль тоже окончилась бы. Маршалакъ-же занимается только своими единовѣрцами, и врядъ-ли наступитъ время, когда они будутъ имѣть возможность обходиться безъ него.

Покажѣтъ они оба и необходимы и существуютъ по порядку вещей. Маршалакъ удовлетворяетъ потребности угнетеннаго народа, который самъ не надѣленъ большою веселостью и поэтому нуждается въ специалистѣ-весельчакѣ, чтобы имѣть возможность смѣяться,—народа практическаго, который смотритъ на бракъ съ дѣловой стороны и вслѣдствіе этого нуждается въ человѣкѣ, способномъ устраивать эти дѣла очень разумно и не безъ нѣкотораго участія сердца. Факторъ-же удовлетворяетъ потребностямъ славянскаго племени, любящаго наслаждаться жизнью, не трудясь, заставляя другихъ исполнять для нихъ то, что нѣмецъ и романецъ дѣлаютъ сами,—охотно осушающаго весь кубокъ удовольствій сегодня, какое-бы страшное похмѣлье ни предстояло завтра. И въ такой-же степени нуженъ онъ народу еврейскому, который, находясь въ сильномъ угнетеніи и сдѣлавшись вслѣдствіе этого хитрымъ и боязливымъ, старается достигнуть темныхъ цѣлей темными путями. Отъ этого у фактора пожалуй еще больше дѣла, чѣмъ у маршалака.

Госпожѣ супругѣ окружнаго судьи понадобилось новое платье или даже просто голова сахару. Ужели она сама отправится покупать? Боже упаси! Во первыхъ, это очень хлопотливо, во вторыхъ, можетъ быть, угрожаетъ опасность не получить вещей въ кредитъ. И вотъ она зоветъ фактора и возлагаетъ на него

порученіе. Беръ Блицеръ знатокъ во всемъ, а слѣдовательно и въ платѣ и въ сахарѣ. Черезъ нѣсколько часовъ ея высококородіе получила все желаемое,—конечно дороже и хуже, чѣмъ купила-бы сама,—но что до этого? Вѣдь и другія барыни не трудятся сами!

Господинъ судебный приставъ впутался въ непріятную исторію. Онъ самовольно и безъ всякой причины продержалъ одного еврея восемь дней подъ арестомъ, да еще можетъ быть и посякъ. Всего восемь дней и самая незначительная порка, но еврей былъ на столько неблагоприятенъ, что пожаловался въ судъ. Наряжено слѣдствіе, и господину судебному приставу грозитъ опасность быть выгнаннымъ изъ службы ради какого нибудь грязнаго жида. Для спасенія его нужно, чтобы обиженный или отказался отъ обвиненія, или по крайней мѣрѣ не совсѣмъ точно помнилъ обстоятельства дѣла. Беръ Блицеръ бѣгаетъ въ качествѣ посредника отъ одной стороны къ другой, и если вообще есть возможность уладить эту бездѣлицу, то конечно никто не достигнетъ цѣли лучше и скорѣе его.

Иногда случается и наоборотъ: кому нибудь въ гетто нужно, чтобы забывчивымъ оказался г. судебный приставъ. Вольфъ Бигельайзенъ далъ въ займы г. гусарскому поручику Аладару фонъ Фельгосси, подъ вексель и письменное честное слово, пятьсотъ гульденовъ. То есть, Аладаръ подписалъ пятьсотъ, а на самомъ дѣлѣ получилъ только половину, притомъ-же легкомысленный молодой человекъ написалъ сумму своего долга цифрами. Приходитъ срокъ платежа: поручикъ не можетъ заплатить и дѣло выходитъ плохо, потому что онъ вѣдь обязался честнымъ словомъ. Вольфъ впрочемъ не особенно сильно настаиваетъ. Но два мѣсяца спустя онъ начинаетъ судиться и предъявляетъ поручику вексель, на которомъ написано «5000». Поручикъ ругается и грозитъ обвинить его въ подлогѣ, на что Вольфъ спокойно замѣчаетъ, что и офицеръ нарушилъ свое честное слово и что если г. офицеру угодно отправиться въ судъ, то онъ, Вольфъ, пойдетъ жаловаться полковому командиру. Аладаръ заплатить не можетъ; онъ выходитъ въ отстав-

ку и возбуждаетъ уголовное преслѣдованіе. Начинается слѣдствіе. Но Беръ Блицеръ беретъ это дѣло на себя и оно кладется подъ сукно. Затѣмъ устраивается миролюбная сдѣлка; слѣдствіе прекращается...

У графа Александра Родзицкаго снова нѣтъ денегъ. Положеніе довольно непріятное, для графа не имѣющее даже интереса новизны. Но еще хуже, что ему на этотъ разъ уже никто не хочетъ дать займы. Это нисколько не удивительно, потому что подлежитъ большому сомнѣнію — составляютъ ли пуговицы на графской венгеркѣ собственность его сіятельства. Штука, значить, скверная. Призывается Беръ Блицеръ, и онъ не только даетъ совѣтъ, но и добываетъ деньги. Онъ беретъ у графа вексель и приноситъ триста гульденовъ. Какъ онъ устроилъ эту операцію? Это его тайна. Но какая сумма значится въ вексѣ, какіе проценты обязался платить графъ? Это рѣшительно все равно, особенно для графа; вѣдь онъ не намѣревается платить ни капиталъ, ни проценты!..

Прекрасную, свѣтлую черту еврейскаго характера составляетъ большая сострадательность къ бѣднымъ. На западѣ, гдѣ характеръ еврея не озлобленъ ни гнетомъ, ни несправедливостью, эта благотворительность обращается и на иновѣрцевъ. На востокѣ-же, гдѣ христіанинъ не чувствуетъ къ бѣдному, угнетенному «собакѣ-жиду» ничего, кромѣ ненависти и презрѣнія, — еврей, само собою разумѣется, тоже заботится только о своихъ единовѣрцахъ. Честно и въ широкихъ размѣрахъ практикуется эта заботливость. Въ самомъ маленькомъ городкѣ существуетъ фондъ для бѣдныхъ, или устраиваются благотворительныя общества, содѣйствующія доброй цѣли по мѣрѣ силъ. Но помощь оказывается не только бѣднымъ данной мѣстности; желѣзные клещи, наложенныя на евреевъ извнѣ, сдѣлали изъ нихъ единую большую семью. Всякій, являющійся въ одинъ изъ этихъ городовъ съ достаточными доказательствами своей благонадежности, не уходитъ отсюда съ пустыми руками. Одинъ собираетъ приданое для своей дочери, другой — хлѣбъ для семейства своего брата, третій — деньги на

постройку синагоги, вмѣсто сгорѣвшей, четвертый—на изданіе религіознаго ученаго сочиненія, пятый—желаетъ провести остатокъ своихъ дней въ Іерусалимѣ, шестой — ходитъ съ подпистой на больницу, и т. д. Перечислить все было бы невозможно. Что находятся и безсовѣстные люди, безжалостно эксплуатирующіе въ свою пользу эту благородную черту своихъ соплеменниковъ—понятно само собою. Но никто не превосходитъ въ этомъ отношеніи Бера Блицера. Въ компаніи съ Луизеромъ Вонненбломомъ онъ устроилъ настоящую фабрику документовъ. Когда еврей этоймѣстности хочетъ сдѣлаться «шнореромъ» (попрошайкой), онъ идетъ въ Барновъ и тутъ, чрезъ посредство фактора, добываетъ себѣ необходимыя бумаги. Евреи, живущіе далеко въ Познани, Литвѣ, Молдавіи, должны считать Барновскихъ самыми учеными, самыми несчастными и самыми браколюбивыми людьми на свѣтѣ. Каждый день сваливается къ нимъ на шею барновець, то съ ученымъ сочиненіемъ, то съ дочерью, то съ пожаромъ.

Все вышеприведенное—только немногіе образцы дѣятельности фактора; но по нимъ можно заключить и объ остальныхъ. Понятно, что ни одна профессія не зависитъ отъ переменъ обстоятельствъ въ такой степени, какъ факторская. Новыя отрасли занятій возникаютъ, прежнія уничтожаются. Такъ напримѣръ факторъ послѣдняго времени ревностно посвящаетъ себя и политической дѣятельности. Онъ играетъ большую роль при выборахъ въ земскія собранія и имперскій сеймъ. Еще бы! Онъ вѣдь знаетъ всѣхъ и знакомъ со всѣми ихъ слабостями! Впрочемъ, онъ человекъ убѣжденный и потому агитируетъ только по опредѣленнымъ принципамъ; онъ дѣйствуетъ въ пользу только того кандидата, который платитъ ему больше. Никогда въ пользу другаго! Когда, при послѣднихъ выборахъ, галиційскіе евреи въ нѣкоторыхъ округахъ вздумали выбирать депутатовъ изъ своихъ единовѣрцевъ, господа факторы принялись хлопотать почти исключительно о кандидатахъ — полякахъ.

Заниматься этого рода дѣломъ Беръ Блицеръ не могъ: онъ

давно уже лежалъ въ могилѣ, когда Австрія обратилась въ конституціонное государство. Но за то, въ его время процвѣтала другая отрасль дѣятельности, которую въ настоящую пору можно практиковать только въ очень скромныхъ размѣрахъ. При жизни Бера Блицера факторъ былъ еще привилегированнымъ подкупателемъ въ дѣлѣ рекрутскаго набора, посредникомъ между населеніемъ и рекрутскою комиссіею. Теперь это дѣлается далеко не такъ легко, потому что взяточничество уменьшилось съ тѣхъ поръ, какъ правительство обратило усиленное вниманіе на эту торговлю людьми. Но окончательно это зло уничтожится только тогда, когда, подъ вліяніемъ гуманнаго духа, восточные евреи, выйдя изъ рабскаго состоянія, сдѣлаются полноправными, сознательными гражданами, пользующимися всѣми благами либеральнаго государственнаго устройства и поэтому охотно отбывающими также всѣ свои повинности.

Но въ тѣ дни, когда нашъ Мошко достигъ двадцатилѣтняго возраста, Беръ Блицеръ былъ еще всемогущъ. Совершенно отъ него зависѣло—сдѣлать юношу солдатомъ или нѣтъ. Поэтому онъ два раза въ годъ становился олицетвореніемъ судьбы для согражданъ: весною и осенью, когда ласточки прилетали и когда онѣ улетали, при наборѣ рекрутовъ и при отправленіи ихъ на службу. Всякому, не обезпечившему себя метрическимъ искусствомъ Луизера, всякому, не нашедшему спасенія въ бѣгствѣ, приходилось волею-неволею вступать въ сношеніе съ факторомъ и торговаться съ нимъ на счетъ цѣны.

Беръ Блицеръ былъ дьявольски хитрый человѣкъ. Онъ запрашивалъ много, очень много, но никогда такую сумму, которую никакъ нельзя было выжать изъ заинтересованнаго лица или его богатыхъ родственниковъ. Притомъ, онъ позволялъ торговаться. На востокъ ни на какіе товары нѣтъ и не было цѣны «безъ запросу». Не изъ гуманности рѣшался факторъ на эту мягкость. Онъ поступалъ такъ для того, чтобы никого не повергать въ отчаяніе. Отчаянный человѣкъ способенъ вѣдь на многое,—напримѣръ отправить къ чорту все дѣло, или найти

въ себѣ достаточно мужества, чтобы, отстранивъ факторское посредничество, вступить въ прямое соглашеніе съ однимъ изъ членовъ комисіи.

Поэтому обыкновенно торгующіеся сходились.

Понятно, что и въ этой торговлѣ примѣнялись тѣ правила, которыя имѣютъ мѣсто во всякихъ коммерческихъ сношеніяхъ. Съ кліента постояннаго, т. е. напримѣръ отца, имѣвшаго восемь сыновей, бралось дешевле, чѣмъ съ человѣка, желавшаго освободить только двоихъ чадъ; богатый долженъ былъ платить больше бѣднаго; слабосильному дѣло обходилось не такъ дорого, какъ здоровому парню. Половина условленной платы вносилаь впередъ, въ видѣ задатка, остальная—уже по минованіи опасности.

Эти сдѣлки оканчивались уже за нѣсколько мѣсяцевъ до наступленія роковаго дня. Затѣмъ юношамъ и ихъ родственникамъ оставалось одно—со страхомъ и трепетомъ ожидать рѣшенія. Что такой образъ дѣйствій былъ равносильнъ грѣху,—не приходило въ голову ни одному изъ этихъ людей. Напротивъ того, они были убѣждены, что поступаютъ праведно относительно Бога и своей совѣсти, не допуская сыновей сдѣлаться «зельнерами» и такимъ образомъ нарушить заповѣдь божью. Поэтому обвиняйте не этихъ бѣдныхъ людей, а скорѣе суевѣріе, лежащее на нихъ тяжелымъ бременемъ, и тѣ силы, которыя заслоняютъ отъ нихъ яркій свѣтъ истины!

Но въ этой позорной торговлѣ разъ заключенныя условія исполнялись честно. Рѣдко случалось, чтобы освободившійся отъ рекрутчины отказался уплатить остальную половину, а еще рѣже встрѣчались случаи неисполненія Беромъ Блицеромъ даннаго обѣщанія. Беръ Блицеръ зналъ, за что брался.

Что-же давало этому человѣку такую силу?

Деньги!

Беру Блицеру были знакомы обстоятельства, нужды, слабости тѣхъ людей, въ которыхъ онъ нуждался. И онъ обладалъ силою, хитростью, безпощадностью для эксплуатированія этихъ слабостей!

Не каждый членъ комисіи былъ взяточникъ; находились въ ней и очень честные люди. Но одинъ страдалъ легкомысліемъ, другой былъ въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, такъ что предложенія соблазнителя приходились кстати. Да и не оказывалось надобности дѣлать участниками *всѣхъ* членовъ; достаточно было привлечь на свою сторону *одного*, имѣвшаго право veto. Но этимъ однимъ голосомъ можно было довольствоваться только въ крайней нуждѣ. Притомъ, въ этихъ случаяхъ, странное поведеніе получившаго взятку компрометировало его въ глазахъ остальныхъ коллегъ. Вотъ отчего Беръ Блицеръ наиболѣе хлопоталъ о томъ, чтобы вся комисія, до послѣдняго писца включительно, принимала участіе въ подкупѣ. Когда же это оказывалось невозможнымъ, онъ старался обдѣлать дѣло по крайней-мѣрѣ съ тремя членами: однимъ изъ офицеровъ, однимъ изъ чиновниковъ и однимъ изъ врачей. Главное — съ военнымъ врачомъ; не только потому, что онъ былъ вліятельнѣе, но еще и потому, что врачи штатскіе, не смотря на обязанность участвовать въ комисіи бесплатно, являлись гораздо болѣе недоступными. Какъ это ни кажется странно, но оно такъ.

Мы конечно не станемъ оправдывать людей, злоупотребляющихъ своими служебными обязанностями и отдающихъ себя въ руки фактора. Но три обстоятельства—обстоятельства очень важныя—говорятъ въ ихъ пользу и могутъ считаться смягчающими при произнесеніи приговора.

Во первыхъ—жалованье этимъ служащимъ давалось самое скудное. Отецъ многочисленнаго семейства только съ трудомъ могъ зарабатывать даже насущный хлѣбъ. Галиція была и осталась до сихъ поръ дорогою странною. Стѣсненные припасы, правда, не дороги. Но кто хочетъ жить мало-мальски порядочно, кто не желаетъ отказаться хотя бы отъ скромнаго комфорта, отсутствіе котораго для человѣка цивилизованнаго почти мучительнѣе голода,—тому и теперь приходится очень тяжело. Каково же было жить тогда, когда жалованье было чуть не вдвое меньше нынѣшняго!

Во вторыхъ, нигдѣ въ свѣтѣ не запутываешься въ долги такъ легко, какъ въ мѣстности между Вислою и Днѣстромъ. Новичокъ видитъ, какъ рѣшительно каждый вокругъ него дѣлаетъ долги, и чтобы взять взаймы, ему нѣтъ надобности особенно хлопотать и трудиться; деньги принесутъ къ нему на домъ и при этомъ съ самою дружеской улыбкой успокоятъ его на счетъ срока платежа и процентовъ. Даже вексель берутъ вѣдь только ради формы — на случай смерти! Всѣ вѣдь подъ Богомъ ходимъ! Но горе жертвѣ, когда она не можетъ уплатить въ срокъ! За первымъ векселемъ слѣдуетъ второй, далѣе третій, — сумма утроявается... Нигдѣ раздѣлываться съ долгами не такъ затруднительно, какъ въ этихъ мѣстахъ.

Наконецъ, третье обстоятельство, которое главнымъ образомъ можетъ послужить къ извиненію людей, забывавшихъ свой долгъ, есть атмосфера, окружавшая ихъ. Всѣ знали эти рекрутскія исторіи, всѣ рассказывали о нихъ, повсюду передавались отдѣльные факты, упоминалась та или другая цѣна. Постыдный торгъ обсуждался также открыто, какъ торговля шерстью или всякимъ другимъ товаромъ; никого это не коробило, никто не изъявлялъ своего неудовольствія или порицанія. Удивительно ли послѣ этого, что новичокъ, впервые втянутый въ эти операціи, наконецъ приходилъ къ выводу: «Изъ-за чего мнѣ быть лучше моихъ предшественниковъ? Изъ-за чего я буду поступать добросовѣстнѣе всѣхъ, меня окружающихъ?»

Напротивъ того! Къ чести человѣческой природы, этой жертвы столькихъ напрасныхъ клеветъ, относится то обстоятельство, что все таки находилось не мало людей, которые даже при этихъ условіяхъ спускали съ лѣстницы всякаго фактора, являшагося къ нимъ. То были маленькія непріятности, которыми честь Блицера нисколько не оскорблялась. «И это принадлежить къ дѣлу!» думалъ онъ. Иногда случалось и такъ, что подобное «спусканіе» составляло только первую ступень переговоровъ, и въ концѣ концовъ все таки получалось требуемое соглашеніе. Вообще Блицеръ могъ считать себя удовлетвореннымъ результатами своихъ періодическихъ поѣздокъ въ уѣздный

городъ. Заключивъ условія въ Барновѣ, составивъ списки и получивъ задаточныя деньги, онъ каждый разъ отправлялся въ резиденцію мѣстныхъ властей, чтобы во первыхъ освѣдомиться о составѣ рекрутской комисіи, а затѣмъ начать свой обходъ. Конечно, что послѣ этого послѣдняго его карманы значительно пустѣли, но въ нихъ все таки оставалось достаточно.

Тутъ начинался третій актъ его дѣятельности. Онъ состоялъ въ организаци, въ распредѣленіи ролей, — вѣрнѣе говоря, болѣзней и «пороковъ».

Блицеръ былъ изобрѣтательная голова. Но несмотря на это, ему часто стоило много труда найти какую нибудь подходящую болѣзнь для здоровеннаго двадцатилѣтняго парня. Когда субъектъ косилъ, или отличался видимою слабостью тѣлосложенія, или имѣлъ не достаточно выпуклую грудь, — тогда дѣло устраивалось, конечно легко. Но не смотря на грязь и удушливую атмосферу гетто, не смотря на страшно неестественный способъ воспитанія и ранніе браки, въ общинѣ все таки процвѣтали отдѣльные экземпляры, для которыхъ даже Беръ Блицеръ не могъ придумать какой нибудь «порокъ».

Въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя было изобрѣсть ничего правдоподобнаго, являлись въ видѣ *ultima ratio* двѣ болѣзни. Первая — органическая болѣзнь сердца, обнаруживавшаяся въ постоянномъ и сильномъ сердцебіеніи. Эту роль не зачѣмъ было разучивать предвадительно. Въ тѣ минуты, когда Гиршъ Розенблюмъ стоялъ передъ комисіей, сердце у него страшно колотилось и безъ всякаго приготовленія.

Въ вторыхъ, опухоль вѣнъ. Разрисовывать жилы синей краской нужно было, разумѣется, только въ самый день осмотра. Беръ Блицеръ, хотя чуждый пластическимъ искусствамъ вообще, въ этой отрасли живописи достигъ однако высокой степени совершенства.

И нашему молодому, бѣдному, страдающему великану Мошкѣ тоже пришлось бы подвергнуться такой разрисовкѣ, если-бы... если-бы кто нибудь вступилъ изъ-за него въ сдѣлку

съ факторомъ. Но этого не случилось—по различнымъ причинамъ. Во первыхъ, самъ Мошко почти не думалъ о предстоящей ему участи: зимою онъ былъ такъ счастливъ, что забылъ весь міръ, а весною, когда хозяинъ умеръ и Казя шепнула ему на ухо свое признанье, онъ опять почувствовалъ себя до такой степени несчастнымъ, что тоже забылъ весь міръ, не исключая Бера Блицера и всей высокоблагородной комисіи.

Онъ вспомнилъ объ опасности только тогда, когда пришлось явиться для «вытягиванія жребія». Это своего рода лотерея, дозволенная правительствомъ, которую устраиваютъ въ общинномъ домѣ за нѣсколько недѣль до осмотра. Бург-мистръ, письмоводитель и депутатъ отъ окружного управленія важно возсѣдаютъ за столомъ, на которомъ лежитъ мѣшочекъ, заключающій въ себѣ столько билетиковъ съ номерами, сколько имѣется подлежащихъ рекрутской повинности. Молодые люди впускаются въ комнату большими партіями, и каждый изъ нихъ, сильно потрясши мѣшочекъ, или сдѣлавъ надъ нимъ знаменіе креста, или произнеся еврейскій заговоръ, вытягиваетъ номеръ, обозначающій его очередь въ появленіи передъ рекрутскою комисіею. Такъ какъ ежегодно берется въ солдаты только опредѣленный комплектъ, то чѣмъ номеръ выше, тѣмъ онъ благопріятнѣе.

Только въ ту минуту, когда рука Мошки опустилась въ роковой мѣшочекъ и зашелестила маленькими бумажными свертками, онъ ощутилъ безпокойство и боязнь. Теперь, когда онъ свыкся уже съ другою профессіею, «въ которой тоже нужны сильные люди», теперь, при мысли о солдатскомъ мундирѣ ему становилось страшно. Не изъ малодушія, а вслѣдствіе здравого обсужденія дѣла. И хотя въ настоящее время ему угрожала опасность остаться безъ хлѣба, а несчастіе Кази причиняло ему глубочайшую скорбь, онъ былъ все таки слишкомъ хорошая натура, чтобы желать облаченія въ двуцвѣтное сукно, какъ средства выйти изъ своего бѣдственнаго положенія.

Нерѣшительно пошаривъ въ мѣшочкѣ довольно продолжительное время, онъ вытянулъ наконецъ одну бумажку и подалъ ее письмоводителю.

— Четыреста двѣнадцатъ! — прочелъ Луизеръ Вонненбломъ. — Счастливъ малый! Почти послѣдній!

Радостно вышелъ изъ канцеляріи молодой кузнецъ и съ тѣхъ поръ уже не заботился объ этомъ дѣлѣ. У него и безъ того было не мало заботъ.

Но былъ другой человѣкъ, который не переставалъ бояться за него и дѣйствовать въ его пользу, на сколько позволяли бѣдняку его слабыя силы. Это — философствующій другъ Мошки, г. Ицекъ Тюркипгельбъ. И вотъ однажды, когда онъ находился въ совершенно исключительномъ положеніи, т. е. былъ вполне трезвъ, боязнь такъ сильно одолѣла его, что онъ рѣшился немедленно на спасительный подвигъ.

— Мошко ни болѣе, ни менѣе, какъ простой кузнецъ, — такъ разсуждалъ самъ съ собою маршалекъ и при этомъ глубокомысленно смотрѣлъ въ землю, на сколько ему это было возможно, т. е. собственно на свой животикъ, — простой кузнецъ, и по всей вѣроятности затѣялась у него исторія съ «гой», и поступокъ его съ глухой Розеле изъ Хоросткова тоже не хорошій, но... но что тутъ подѣлаешь! Люблю я этого малаго, да и полно! Да еслибъ и не любилъ, то вѣдь онъ все таки человѣкъ, и все таки еврей, и не слѣдуетъ ему быть зельнеромъ. Необходимо что нибудь сдѣлать. И сегодня-же!

Закаливъ такимъ образомъ свое сердце, маршалекъ прежде всего отправился къ тому человѣку, въ которомъ онъ могъ предположить если не особенную энергію, то естественное участіе въ судьбѣ Мошки — къ Авраму Фейльхендуфту.

Съ того дня, семь лѣтъ тому назадъ, въ который мы встрѣтились въ послѣдній разъ съ этимъ почтеннымъ старцемъ, дня, когда онъ съ глубокимъ умиленьемъ праздновалъ тринадцатилѣтнюю годовщину рожденія своего младшаго сына, — его посѣтило столько невзгодъ и печалей, что онъ сдѣлался самымъ

жалкимъ портняжкой въ свѣтѣ. И къ сожалѣнью, не только эта участь постигла его! Съ теченіемъ времени онъ усвоилъ себѣ привычку приходить въ умиленіе вышесказаннымъ опаснымъ способомъ, и вслѣдствіе этого обратился также въ самага пьянствующаго портняжку на свѣтѣ. Можетъ быть, это послѣднее обстоятельство имѣло источникомъ только отчаяніе. Что касается до его главнаго ремесла, то онъ за это время до такой степени вышелъ изъ моды, что ему перестали довѣрять даже исцѣленіе больныхъ кафтановъ и панталонъ. Въ остальныхъ двухъ профессіяхъ своихъ—стороженья мертвыхъ и ухода за больными, онъ нашелъ себѣ побѣдоноснаго конкурента въ молодомъ и проворномъ могильщикѣ городского кладбища. Отъ четвертой должности—пономарства, онъ отказался самъ, потому что старъ сталъ для этого. И такимъ образомъ онъ мало по-малу обратился къ своей пятой профессіи — прошенію милостыни. При этомъ занятіи онъ вмѣстѣ со своею женою умеръ бы съ голоду, еслибы дѣти не поддерживали его по мѣрѣ силъ.

Правда, и они не отдыхали на розахъ. Три его дочери были замужемъ, какъ вообще выходятъ замужъ въ Подоліи всѣ дѣвушки, соглашающіяся на всякій бракъ,—даже такой, которому предстоитъ быть немедленно расторгнутымъ,—лишь бы избѣжать страшнаго грѣха и позора остаться незамужней. Три дочери Аврама жили съ мужьями въ мирѣ и согласіи, но ни одной не повезло такъ, какъ ихъ теткѣ, толстой Гольдѣ Гельштейнъ, можетъ быть потому, что ни одна изъ нихъ не была такъ толста, какъ она. Бѣдныя дѣвушки вышли за бѣдныхъ работниковъ и страшно нуждались. Сыновья тоже не особенно благоденствовали. Первороденный, Манассе, ремесломъ портной какъ отецъ и «особенно искусный въ закройкѣ», къ сожалѣнью не могъ утилизировать свое дарованіе; и онъ также не вошелъ въ моду, и Зелигъ Діамантъ, перль города Букчаца, продолжалъ по прежнему шить на щеголей барновскаго еврейства. Второй сынъ, «золотой Менделе», тоже пересталъ быть такимъ золотымъ какъ прежде; его тестъ обѣд-

нѣтъ, но жена вслѣдствіе этого сильно держала его подъ башмакомъ. Наконецъ, что касается нашего Мошки, то у него можно было найти все, кромѣ денегъ.

Поэтому, когда г. Тюркишгельбъ рѣшился сдѣлать эксъ-пономарю визитъ съ цѣлью подвинуть его на освобожденіе молодого кузнеца посредствомъ выкупа,—онъ хорошо зналъ, что найдетъ здѣсь въ крайнемъ случаѣ полезный совѣтъ, но ужъ навѣрно ни одного гроша наличными деньгами.

Маршалекъ засталъ старика печально сидящимъ на скамеечкѣ передъ своею избушкой и грѣющимся на солнцѣ. Въ умиленіи онъ на этотъ разъ не находился, но это обстоятельство еще усиливало его скорбь.

— Хорошо вы дѣлаете, что тутъ сидите,—началъ маршалекъ.—Намъ обоимъ необходимо хорошенько удостовѣриться, дѣйствительно ли мы достойны того, чтобы насъ освѣщало солнце.

Послѣ этого вѣжливаго вступленія онъ объяснилъ цѣль своего визита, на что Авраамъ отвѣтилъ, что онъ не только не имѣетъ ничего противъ освобожденія его сына, но даже благословить благодѣтеля, который возьметъ на себя это дѣло; но этимъ только и можетъ ограничиться его содѣйствіе.

Тюркишгельбъ покачалъ головой.

— Все вѣдь зависитъ отъ Бера-фактора,—сказалъ онъ;—а ему благословеніемъ не заплатишь. Онъ такой монеты не принимаетъ.

— Попробуемъ, — возразилъ Авраамъ.—Или знаете что: пойдемъ въ кабакъ, тамъ, можетъ быть, придумаемъ чтонибудь получше...

— Нѣтъ, нѣтъ, теперь не до кабака!.. Съ Беромъ надо поговорить по нѣмецки, то есть...

Онъ сдѣлалъ жестъ счета денегъ.

— А можетъ быть,—сказалъ Авраамъ,—онъ согласится помочь намъ ради Бога?

— Ради Бога? Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ! Это такой большой грѣшникъ, что Богъ навѣрно предназначилъ его въ

тридцать седьмой «гегеннимъ» (кругъ въ аду). Если онъ сдѣлаеть какое нибудь особенно доброе дѣло, то Богъ наградить его въ крайнемъ случаѣ тѣмъ, что переведетъ въ тридцать шестой «гегеннимъ». А между тридцать седьмымъ и тридцать шестымъ въ сущности такая незначительная разница, что я не осуждаю Бера, если пара—другая гульденовъ для него предпочтительнѣе...

— Но гдѣ же взять денегъ?

— Гдѣ?... А скажите, кто заплатилъ за вашихъ остальныхъ сыновей?

— За Менделе заплатилъ его тесть... Какъ вы полагаете, не поспѣшить ли намъ женить Моше?

— Нѣтъ, нѣтъ!—отклонилъ маршалекъ. Онъ зналъ несостоятельность этого совѣта по опыту.—А за Манассе кто заплатилъ?

— Моя сестра Гольда. Но теперь она не дастъ болѣе ни гроша. Останься я на ея попеченіи, пришлось бы умереть отъ голода и жажды.

— Не можетъ однако она отказать на этотъ разъ! Идемъ къ ней,—это единственное спасеніе!

— Но она грозила вытолкать меня изъ дому!

— Это все равно! Когда выталкиваютъ ради богоугоднаго дѣла,—не больно!

И оба старика отправились къ толстой женщинѣ. Фейльхендуфтъ плакалъ, Тюркишгельбъ смѣялся, Фейльхендуфтъ дѣйствовалъ на сердце богачки трогательными рѣчами, Тюркишгельбъ—веселыми шуточками.

Она долго сопротивлялась, но наконецъ уступила этимъ соединеннымъ усиліямъ.

— Если Беръ Блицеръ прійдетъ ко мнѣ,—сказала она— и если онъ запроситъ недорого, я посмотрю, что тутъ можно будетъ сдѣлать.

Тюркишгельбъ поблагодарилъ, отправился къ фактору и привелъ его къ толстухѣ.

Блицеръ былъ въ большомъ затрудненіи — какую предложить цѣну.

Моше былъ парень здоровый, — стало быть, двѣсти гульденовъ.

Но онъ вытянулъ послѣдній номеръ — стало быть, двадцать гульденовъ.

Притомъ онъ былъ очень бѣденъ — стало быть, десять гульденовъ.

Но онъ имѣлъ богатую тетку — стало быть, пятьдесятъ гульденовъ.

И на этомъ Блицеръ остановился и, сколько съ нимъ ни торговались, не уступилъ ни гроша.

Госпожа Гольда не хотѣла заплатить столько, и такимъ образомъ сдѣлка осталась не оконченною.

Правда, она намѣревалась скоро уладить все какъ слѣдуетъ. Но день осмотра наступилъ, — а Беръ Блицеръ денегъ отъ нея не получилъ. Блицеръ-же работалъ только на наличныя деньги...

Перев. Петръ Вейнбергъ.

(Продолженіе будетъ).

ПРЕСТУПНИКИ,

Вы спите, жители столицы,
Забывъ, кто радость, кто нужду,
Чтобъ вскорѣ вновь съ лучемъ денницы
Предаться счастьемъ иль труду.
Вы спите, но не спятъ другіе!...
По Петербургу здѣсь и тамъ,
И старики, и молодые
Какъ тѣни бродятъ по ночамъ.
Они преступники, ихъ много,
Скитаются во тьмѣ ночей;
Законъ преслѣдуетъ ихъ строго,
Ихъ ловятъ ночью какъ звѣрей...
Одни пришли для пропитанья
Искать занятія сюда,
Другихъ пригнала жажда знанья,
И просвѣщенья, и труда.
Вотъ посмотрите: тощій, блѣдный,
Обезображенный нуждой,
Безъ сна три ночи бродитъ бѣдный,
Искатель знанья молодой.
Но онъ преступникъ, онъ бродяга,
Съ боязнью смотритъ онъ кругомъ:
Въ его карманѣ есть бумага

То „видъ на жительство“ и въ немъ
 Источникъ весь его страданья:
 Въ немъ всякъ прочтеть, что онъ еврей,
 И формулу его изгнанья:
 „На выѣздъ“ говорится въ ней.
 „На выѣздъ!“—Роговые звуки!
 Куда поѣдетъ онъ? Въ тотъ край,
 Гдѣ столько горя, столько муки,
 Гдѣ, хоть другъ друга пожирай,
 Не хватить пищи двумъ мильонамъ,
 Какъ сельди сдавленныхъ людей?
 Но что до этого законамъ!...
 Ты человѣкъ?—Нѣтъ, ты еврей!...
 Ключекъ земли какъ подаянье
 Тебѣ даютъ: живи, страдай
 И честенъ будь! а пропитанье—
 Такъ хоть другъ друга поѣдай!...
 Такъ вотъ какое преступленье
 Его здѣсь гонить по ночамъ...
 Но онъ усталъ, въ изнеможеньи
 Онъ опустился и мечтамъ
 Своимъ печальнымъ предаваясь,
 Въ окрестность всматриваться сталъ,
 Пугливо, робко озираясь,
 И вскорѣ онъ ее узналъ.
 Все было тихо. Подъ ногами
 Нева облитая зарей,
 Журча багровыми волнами,
 Стремилась въ даль. А надъ рѣкой,
 Вдали, одинъ, какъ призракъ ночи,
 Съ великой думой на челѣ,
 На бѣдняка направивъ очи,

Былъ видѣнь тотъ въ прозрачной мглѣ,
Кого послало провидѣнье
Пробить то чудное окно,
Откуда свѣтъ и просвѣщенье
Въ Россію хлынули давно.

„Великій Петръ, мечталъ несчастный,

„Красуйся гордо на скалѣ:

„Привилось все, что дланью властной

„Засѣялъ ты въ своей землѣ:

„И пало рабство вѣковое,

„Освободился твой народъ

„Свое призванье міровое,

„Какъ гражданинъ, онъ сознаеть.

„Но есть несчастное здѣсь племя,

„Россіи пасынокъ оно,

„И лишь съ него не снято бремя,

„Ему свободы не дано!

„Великій Петръ, я предъ тобою,

„Я не преступникъ, я еврей,

„И вотъ охотятся за мною;

„Мнѣ жить нельзя среди людей!

„За что отечества, свободы

„Сыны Россіи лишены!

„За что вездѣ насъ ждутъ невзгоды

„И всѣ пути заграждены!

„Не такъ-же-ль мы какъ всѣ другіе

„Несемъ повинности казнѣ?

„Не такъ-же-ль служимъ мы Россіи

„И умираемъ на войнѣ?...“

Такъ, весь предавшись мыслей рою,

Несчастный юноша шепталъ,

И освѣщаемый зарею,

Великій Петръ ему внималъ.
И какъ-бы тронутый слезами,
Къ рѣкѣ Онъ обратилъ свой взоръ
И что-то приказалъ очами,
И руку грозную простеръ...

.....

Я. Штейнбергъ.

ЕЩЕ О САРАТОВСКОМЪ ДѢЛѢ.

Въ статьѣ г. Моргулиса, напечатанной въ 1-й книжкѣ «Восхода», затронута одна сторона знаменитой саратовской судебной драмы, на которую, къ сожалѣнію, никто не обратилъ надлежащаго вниманія въ свое время. Рѣчь идетъ объ одномъ глубоко вкоренившемся въ населеніи Приволжскаго края повѣрьѣ, въ силу котораго, для добыванія клада требуется безмолвное присутствіе, а, подчасъ и убійство невинныхъ христіанскихъ младенцевъ. Со словъ одного политическаго узника, содержавшагося въ саратовскомъ острогѣ, одновременно съ Юшкевичеромъ, передаются потрясающія подробности этого звѣрскаго повѣрья, побуждающаго беззавѣтныхъ искателей кладовъ, якобы разсѣянныхъ по всему Поволжью, предпринимать свои преступныя экскурсіи, въ сопровожденіи предварительно похищенныхъ христіанскихъ мальчиковъ, «пребывающихъ, во время раскопки, въ молчаніи».

Дѣйствительно, въ актахъ слѣдственнаго производства есть не мало указаній на этотъ продуктъ народнаго суевѣрія. Къ сожалѣнію, мы не могли воспользоваться этими данными для изслѣдованія о саратовскомъ дѣлѣ, изслѣдованія, напечатаннаго въ «Журналѣ уголовного и гражданскаго права (№№ 2, 3 и 4 за 1880 годъ) по причинамъ, такъ сказать, редакціоннаго свойства. Какъ мы ни старались передать это дѣло въ возможно сжатомъ видѣ, оно тѣмъ не менѣе заняло около 12-ти печатныхъ листовъ убористаго прифѣта и было помѣщено въ трехъ

книжкахъ юридическаго органа, хотя первая часть этого труда появилась въ печати съ значительными сокращеніями. Желая, по возможности, восполнить эти пробѣлы, мы рѣшились помѣстить на страницахъ «Восхода» нѣсколько отрывковъ, не вошедшихъ въ вышеупомянутое изслѣдованіе. Прежде всего, полагаемъ, не лишнимъ будетъ помѣстить показаніе сына Юшкевича, Ѳедора Юрлова, о кладѣ; затѣмъ *полный* рассказъ его любовницы, Олимпіады Гороховой, о бесѣдѣ съ его матерью, Итой-Нехамой и, наконецъ, слѣдовательскіе приемы и отношенія петербургскаго чиновника г. Дурново къ нѣкоторымъ евреямъ-солдатамъ.

Для уразумѣнія настроенія тогдашнихъ агентовъ центральной власти къ дѣлу, порученному ихъ разслѣдованію, считаемъ далеко нелишнимъ предпослать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Личность любого слѣдователя придаетъ особенный колоритъ всему слѣдственному производству. Отъ степени его умѣлости или добросовѣстности зависятъ подчасъ тотъ или другой исходъ дѣла, большее или меньшее количество лицъ, подвергающихся предварительному лишенію свободы, болѣе или менѣе продолжительное томленіе ихъ въ острогѣ и, наконецъ, самое время производства всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствій. Какія бы гарантіи ни существовали въ «уставѣ уголовнаго судопроизводства», но, что первичное развитіе и направленіе уголовнаго дѣла находится въ тѣсной неразрывной связи съ индивидуальными свойствами судебнаго слѣдователя—съ этимъ положеніемъ, надѣюсь, согласится каждый юристъ-практикъ. Теперь легко понять, что значила, при старомъ судѣ, личность спеціальнаго слѣдователя, присланнаго изъ столицы, въ особенности по такому страшному дѣлу, какимъ представлялись властямъ саратовскія происшествія, уголовный характеръ которыхъ ступшевася передъ приданнымъ ему значеніемъ общегосударственной опасности.

Въ виду важной миссіи, выпавшей на долю спеціальному

слѣдователю, присланному министерствомъ внутреннихъ дѣлъ изъ Петербурга въ апрѣлѣ 1853 года, да будетъ намъ позволено познакомить читателя съ этимъ магомъ и волшебникомъ, раздувшимъ порученное ему дѣло до размѣровъ, по истинѣ, ужасающихъ.

Въ тяжкую эпоху начала 50-хъ годовъ, судьбы нелюбимыхъ иновѣрческихъ классовъ населенія—раскольниковъ и евреевъ—были ввѣрены двумъ интереснымъ дѣятелямъ, которымъ, конечно, будетъ отведено подобающее мѣсто въ твореніяхъ грядущихъ бытописателей нашего недавняго прошлаго. Это были—гг. Липранди и Скрипицынъ. Первый завѣдывалъ раскольничьими дѣлами; второй—еврейскими. Обездоленіе русскихъ сектантовъ производилось г. Липранди такъ основательно, что слава о его подвигахъ перейдетъ въ отдаленное потомство, во всей своей неприкосновенности. Немногимъ лучше было и отношеніе тайнаго совѣтника Скрипицына къ евреямъ, которыхъ онъ старательно опекалъ. Отношеніе это рельефно выразилось въ извѣстной запискѣ, поданной имъ въ 1844 году, императору Николаю Павловичу. Эта записка, озаглавленная: *«Свѣдѣнія объ убійствѣ евреями христіанъ, для добыванія крови»*, была отпечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, предназначенныхъ для раздачи членамъ царской семьи, министрамъ, главноуправляющимъ и членамъ государственнаго совѣта *. Выводы почтеннаго чиновника считались непогрѣпимыми, основанными на научныхъ данныхъ, добытыхъ путемъ долговременнаго всесторонняго изученія предмета, и поэтому возымѣли желанное дѣйствіе въ руководящихъ сферахъ страны.

Лишь въ сравнительно недавнее время открылось, что ученый трудъ покойнаго Скрипицына добытъ далеко не научнымъ путемъ, а пресловутые «выводы» построены—на пескѣ. Оказалось, что эта записка не болѣе какъ переводъ нѣкоего злостнаго памфлета, изданнаго въ 1740 году, въ Львовѣ, какимъ-то

* См. „Гражданинъ“, за 1878 годъ, №№ 23—26.

полусумасшедшимъ ксендзомъ Гаудентомъ Пикульскимъ, подъ заглавіемъ: «*Złość Żydowska*».

Но этимъ мистификація не окончилась. Полагать надо, что, дѣйствительно, *habent libelli sua fata*. Чиновничій переводъ прошловѣкового ксендзовскаго памфлета послужилъ соблазномъ для нѣкоего мужчины, недавно носившаго рясу, но, теперь, — увы! — извергнутого изъ среды католическаго духовенства и заканчивающаго свое брненное существованіе попеременно то на подмосткахъ заведенія Марцинкевича, то... въ борьбѣ съ обвинительными приговорами мировой юстиціи. Запретный плодъ сладокъ. Неудивительно, что перспектива дарового присвоенія чужого перевода совратила благочестиваго ксендза-равстригу съ пути истины. По словамъ бывшей редакціи проданнаго съ публичнаго торга «Гражданина»: «въ изданной въ 1876 году книгѣ: «*Вопросъ оъ употребленіи еврейми-сектантами христіанской крови для религіозныхъ цѣлей*», Ипп. Люкостанскаго (бывшаго раввиномъ (!?), ксендзомъ, православнымъ іеромонахомъ, а затѣмъ сдѣлавшагося міряниномъ) многіе факты, изложенные въ настоящей (т. е. скрипицынской) запискѣ приведены въ неполномъ и даже перепутанномъ видѣ — притомъ безъ всякаго указанія откуда они заимствованы?» * *Et voilà comme on écrit l'histoire!*

Какъ бы то ни было, но во время возникновенія саратовскаго дѣла, вѣра въ непогрѣшимость Скрипицынской записки была непоколебима какъ утѣсь. Крупный фактъ явился весьма кстати подтвержденіемъ клиномъ засѣвшаго убѣжденія, что такъ называемый «догматъ крови» непререкаемъ какъ аксіома, не требующая доказательствъ. Не было мѣста сомнѣнію въ преемственной виновности ненавистнаго класса населенія, провиденціальная миссія котораго состояла, по мнѣнію тогдашней высшей администраціи, въ послѣдовательномъ проведеніи въ жизнь всѣхъ преступленій, предусмотрѣнныхъ

* *Ibid*, № 23—25, стр. 485.

въ «Уложеніи о наказаніяхъ». Другое чувство волновало вліятельныхъ поклонниковъ Скрипицынской теоріи. Это было скорѣе чувство сожалѣнія о послѣдствіяхъ и, пожалуй, необдуманности оправдательнаго приговора, вынесеннаго государственнымъ совѣтомъ 18 Января 1835 года всѣмъ евреямъ, обвинявшимся по «велижскому дѣлу». Сожалѣніе о совершенной ошибкѣ вызываетъ желаніе загладить эту ошибку, желаніе тѣмъ болѣе понятное, что опаснаго противника, выросшаго въ преданіяхъ александровской эпохи, времянь Сперанскаго, знаменитаго адмирала Мордвинова, болѣе всѣхъ ратовавшаго за оправданіе велижскихъ евреевъ, уже не было въ живыхъ.

Времена были, дѣйствительно, самыя подходящія. Сперанскіе и Мордвиновы давно сошли со сцены. Будущность страны находилась тогда въ рукахъ дѣятелей инаго пошиба. Это была эпоха Дубельтовъ и Бибиковыхъ, безграничнаго господства идей, преобладавшихъ въ средѣ корпуса жандармовъ и питомцевъ липрандіевской школы, видѣвшихъ во всѣхъ проявленіяхъ народной жизни лишь пригодный матеріаль для сочиненія заговоровъ и подобающихъ усмиреній.

Этотъ-то специфически голубой колоритъ былъ приданъ и саратовскому дѣлу, въ самомъ возникновеніи котораго усматривали результатъ не единичныхъ преступленій, а слѣды неуловимой, крѣпко сплоченной подпольной силы, которую нужно было, во что бы ни стало, раздавить. Вездѣ чуялся «скопъ», мерещился «заговоръ» капли противъ моря—нѣсколькихъ солдатъ-евреевъ противъ всего христіанства. Зло коренилось, по мнѣнію предержавшихъ властей, не въ отдѣльныхъ личностяхъ, на которыхъ пало подозрѣніе въ умерщвленіи младенцевъ Маслова и Шерстобитова, а въ цѣлой массѣ послѣдователей извѣстнаго безчеловѣчнаго догмата, догмата, казавшагося тогда непреложнымъ. Грозная кара закона должна была обрушиться не на того или другаго солдата саратовскаго гарнизоннаго батальона или гардкотнаго экипажа, а на все русское еврейство, изъ среды котораго періодически появляются,

по глубоко-укоренившемуся тогда убѣжденію, подобныя изверги. Примѣрная расправа была необходима для блага государства, во имя принципа, унаслѣдованнаго отъ римлянъ — *Salus publica lex maxima esto!*

Выразителями этого настроенія, господствовавшаго въ высшихъ сферахъ столицы, явились агенты бибиковского режима, которымъ поручено было разслѣдованіе саратовскаго дѣла, во всё періоды его развитія. Первымъ, по времени, и въ высшей степени типичнымъ представителемъ этого воззрѣнія явился состоявшій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ надворный совѣтникъ Дурново, успѣвшій заявить себя въ раскольничьихъ дѣлахъ. Школа, которую прошелъ этотъ дѣятель, подъ непосредственнымъ просвѣщеннымъ руководствомъ господина Липранди, служила достаточнымъ ручательствомъ, что ученикъ грозы раскольниковъ не посрамитъ славы своего учителя, что онъ справится, какъ слѣдуетъ, и съ еврейскимъ дѣломъ. Послѣдствія доказали, что начальство не ошиблось въ своихъ предположеніяхъ. Незабвенному Липранди не пришлось краснѣть за своего питомца!..

I.

При самомъ началѣ дѣятельности слѣдственной комисіи, въ маѣ 1853 года, изобильномъ всяческими откровеніями и самообличеніями, явился къ слѣдователямъ подсудимый Федоръ Юрловъ, заявивъ, что когда онъ года два тому назадъ жилъ въ домѣ казака Гурьева, у нѣкоей вдовы, вмѣстѣ съ какимъ-то охотникомъ Корсунцевымъ, послѣдній обратился къ нему со слѣдующими словами:

— Чтѣ тебѣ, Юрловъ, заниматься шарманками? Хочешь ли быть богатымъ! Ты думаешь, чѣмъ другіе разбогатѣли, напримѣръ: Образцовъ, Масленниковъ, Тюльпинъ, Смолловъ?.. Въ селѣ Рыбушкѣ есть подвалъ и тамъ даютъ деньги за то, чтобы доставали кровь человѣческую. Такъ что если кто туда придетъ, то какой-то хохолъ вводитъ туда и тамъ даютъ деньги.

— Развѣ надобно убить кого для крови?

— Нѣтъ, можно достать человѣческой крови и безъ того.

Слѣдователи: Дурново, жандармскій маіоръ Языковъ и другіе, руководствуясь тѣмъ, что это заявленіе было опровергнуто на очной ставкѣ Корсунцевымъ и что личности означенныхъ купцевъ пользуются въ Саратовѣ хорошою репутаціею, оставили это заявленіе безъ послѣдствій.

II.

Типъ «пьяной, распутной бабы» — о которой отзывается такъ жестко г. Скрипицынъ въ своей запискѣ, хотя и безусловно вѣрить ихъ показаніямъ—фатальнымъ образомъ фигурирующей, въ качествѣ свидѣтельницы, во всѣхъ дѣлахъ «о похищеніи и умерщвленіи евреями христіанскихъ младенцевъ съ религіозною цѣлью», имѣлъ много представителей и въ саратовскомъ процессѣ. Къ числу довольно характерныхъ представительницъ этого любопытнаго типа, немислимаго въ настоящее время, при новомъ судѣ, принадлежитъ и почтенная саратовская мѣщанка *Олимпиада Горохова*. Біографія ея не сложна. Овдовѣвъ весьма рано, она занималась поденной работою, жила въ пивейкахъ у Юшкевича, гдѣ она вскорѣ сошлась съ его сыномъ, безпутнымъ Ѳедькой Юрловымъ, съ которымъ жила *maritalement* около 4 лѣтъ, душа въ душу, на квартирѣ у палачихи. Послѣдняя, какъ видно, имѣла не малое вліяніе на легкомысленную «гуляющую бабенку», Олимпиаду, крайне непостоянную въ своихъ симпатіяхъ. Она увлекалась попеременно: то гарнизонными солдатами, то фабричными мастеровыми. На повальномъ обыскѣ ее атестовали буквально слѣдующимъ образомъ: «на повальномъ обыскѣ мѣщанка Горохова, по развратной жизни и пьянству, въ поведеніи единогласно не одобрена». Когда Юрлова сдали въ рекруты, она получила часть наемной платы, около 40 рублей, изъ денегъ, ушоченныхъ нанимателемъ Ушаковымъ ея любовнику. Обязательная жизнь Юрлова въ казармѣ, откуда онъ не такъ часто могъ навѣдываться къ своей возлюбленной, съ которой онъ, по

собственному признанію, «жить какъ мужъ съ женой», заключеніе его въ тюрьму и, наконецъ, поучительныя бесѣды съ палачихой подѣйствовали разрушающимъ образомъ на ея вѣрность своему другу сердца. Вскорѣ представился случай удружить ему.

Въ самомъ разгарѣ предварительнаго слѣдствія, когда тюремное населеніе продолжало увеличиваться въ геометрической прогрессіи вновь прибывавшими предполагавшимися участниками убійній Маслова и Шерстобитова, г. Дурново обратилъ свой пытливый взоръ на личность Олимпиады, въ надеждѣ обрѣсти драгоценныя указанія, которыя пролили бы лучъ свѣта въ это кромѣшное дѣло. Результатомъ этихъ поисковъ было постановленіе отъ начала августа 1853 года, которое гласить, что г. Дурново «имѣлъ случай лично удостовѣриться секретнымъ образомъ, что любовница одного изъ *главныхъ* обвиняемыхъ по дѣлу, рядового Теодора Юрлова, саратовская мѣщанка Олимпиада Горохова рассказывала нѣкоторымъ лицамъ объ убійствѣ мальчиковъ, приготовленіи крови и отсылкѣ оной въ разныя мѣста, причѣмъ отозвалась, что ни въ чемъ не сознается, хоть лоскутами тѣло рви».

Былъ произведенъ по этому поводу обыскъ, какъ у Олимпиады, такъ и у палачихи и, конечно, ничего не нашли. Но по какому-то странному недоразумѣнію низшихъ полицейскихъ агентовъ палачиху арестовали. Возникла длинная переписка и, въ концѣ концовъ, г. Дурново отозвался, что палачиху можно освободить и никакого надзора надъ ней не надобно, «лишь бы она не имѣла сношенія съ евреями».

Первое показаніе, данное Гороховою 8-го августа, какъ будто разрушило въ корнѣ всѣ упованія, возлагавшіяся слѣдователями на вѣтряную жилицу палачихи. Сущность этого показанія сводилась къ шаблонному преемственному отвѣту, столь излюбленному арестантскимъ міромъ всей Руси, «отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды», и такъ кратко формулированному — «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю». Но,

вскорѣ, она одумалась и обѣщала рассказать всю правду, все, «что знаетъ объ этомъ происшествіи». Это обѣщаніе она исполнила добросовѣстно въ тотъ же день, вознаградивъ своихъ слушателей сторицей за первый неудачный дебютъ на широкой аренѣ, кипшя кипавшей «достоверными лжесвидѣтелями».

Дѣйствіе происходитъ въ срединѣ іюля 1853 года, за три дня до Ильина дня. Олимпіада пошла во время вечерень на базаръ, гдѣ встрѣтилась со своей бывшей хозяйкой Итой-Нехамой (Ольгой Моисеевной) Юшкевичеръ, которая зазвала ее къ себѣ на квартиру, гдѣ, кромѣ ея дочери, Елисаветы, никого не было. Разговорились о томъ, о семь и, понятно, не могли не коснуться злобы дня—саратовскихъ убійствъ. Между обѣими женщинами завязалась слѣдующая бесѣда.

— Не слыхала ли ничего по евреевъ? обратилась къ ней Ита-Нехама.

— Нѣтъ, ничего не слыхала.

— Напрасно мы пропадаемъ... вздохнула старуха.

— Почему же вы напрасно пропадаете? Отчего прочихъ не берутъ?.. Вѣрно что нибудь у васъ кроется... Скажи лучше мнѣ все по истинной правдѣ, я никому не скажу—искушала ее Олимпіада.

— Я не повѣрю... Объяснить это невозможно... начала сдаваться старуха.

— Я слышала будто вы рѣзали мальчиковъ—прямо выпалила Олимпіада, желая «вывѣдать истину»—и что вамъ нужна кровь; поэтому скажи откровенно: какъ это было? Кто вамъ доставлялъ мальчиковъ?

— Дѣйствительно правда. Мальчиковъ доставлялъ намъ цырюльникъ—еврей Михель (Шлиферманъ), который сидитъ въ острогѣ...

— Гдѣ вы рѣзали мальчиковъ?

— Въ моленной... Перваго мальчика началъ обрѣзывать цырюльникъ Михель; но испугавшись, бросилъ инструментъ, который взялъ Янкель и онъ-то dokonчилъ обрѣзаніе, а другаго маль-

чика обрѣзываетъ цырюльникъ Михель. Мальчикамъ клали въ ротъ губки, чтобы они не кричали... Первый мальчикъ очень плакалъ... Послѣ обрѣзанія, обоихъ еще живыхъ мальчиковъ кололи особеннаго рода ножомъ, предварительно повѣсивъ ихъ за ноги къ потолку; кололи же во всѣ части тѣла, для истеченія крови, которую собирали въ подставленный подъ ними тазъ, и въ такомъ положеніи они и скончались... Три дня висѣли ихъ трупы въ моленной, и ночью на четвертый день они были вывезены Богдановымъ на Волгу и на Беклемишевъ островъ. До обрѣзанія, мальчики содержались въ моленной. При обрѣзаніи, кромѣ меня, мужа, сына, цырюльника и Богданова, никого не было.

— Скажи, пожалуйста, для чего евреямъ нужны мальчики?

— Для крови... Кровь намъ необходима какъ св. причастіе для христіанъ. Мы ее пересылаемъ въ разныя мѣста...

— Куда же вы ее пересылаете и какимъ образомъ?

— Кровь сушится, толчется въ порошокъ и пересылается въ житомирскую губернію, за что евреи присылаютъ много денегъ. Такъ теперь за эту самую кровь прислали цырюльнику * Михелю *четыре милліона рублей*, а мужу моему Янкелю *два милліона* рублей.

Дальнѣйшія подробности этой поучительной бесѣды Олимпиада припоминала позже, 6 августа, когда кутила съ тремя пріятелями въ дровяномъ сараѣ. Во время кутежа, она разговаривалась со своими собутыльниками объ этомъ происшествіи, и содержаніе интимнаго собесѣдованія, происходившаго при такой поэтической обстановкѣ въ дровяномъ сараѣ, было передано Гороховой въ объемистомъ показаніи, отъ 10-го августа, состоявшемъ изъ 40 отвѣтовъ. Извлекаемъ наиболѣе интересные и идущіе къ дѣлу, потому что большая часть ихъ составляетъ совершенный баласть.

Указавъ, что причина ея прежней уклончивости отъ дачи

* Саратовскаго гарнизоннаго баталіона, Шлиферману.

категорическихъ отвѣтовъ, состояла въ боязни навлечь на себя подозрѣніе, она продолжаетъ свое повѣствованіе такимъ образомъ: Христіанская кровь добывается евреями черезъ каждыя 30 лѣтъ. Въ житомирской губерніи проживаетъ богатая еврейка, «дѣвка Родсель, у которой казна занимаетъ деньги». Этотъ-то волынской Ротшильдъ въ юбка и заправляетъ всю промышленною операцію покупки гуртомъ и продажи въ розницу крови христіанскихъ младенцевъ. Эта операція оттого ведется въ обширныхъ размѣрахъ, что «не однимъ жидамъ «нужна христіанская кровь, но и *православнымъ*, потому что «безъ нея нельзя взять кладъ». Маслова и Шерстобитова содержали 6 недѣль въ потаенномъ выходѣ, близъ стараго рабочаго дома, гдѣ ихъ держали впроголодь, «кормили гречневою кашпцею, чтобы только были живы». Когда, передъ обрѣзаніемъ, имъ заткнули рты губкою, у нихъ катились слезы, а у цырюльника Михеля «отъ жалости вывалился изъ рукъ инструментъ и онъ вышелъ вонъ», такъ что красильщикъ доконалъ ужъ мальчиковъ. Изъ таза кровь наливали въ бутылки, сушили, перемалывали въ порошокъ и отсылали по почтѣ въ житомирскую губернію къ дѣвкѣ Родсель. Объ оговорѣ Крюгера она услышала отъ палача, къ которому отправилась въ полицію, чтобы вывѣдать отъ него, гдѣ содержится Юрловъ. Узнавъ, что ея возлюбленный въ острогѣ, она часто навѣщала его тамъ, носила ему чистое бѣлье, брала грязное въ стирку и, однажды вернувшись изъ тюрьмы, обронила записку, положенную Юрловымъ въ бѣльѣ, гдѣ онъ писалъ ей:

«Неужели ты могла такъ скоро меня забыть? Я былъ для «тебя такъ добръ. Прошу тебя не забудь. Я надѣюсь на Бога «Исуса Христа, что освобожуся».

Эту записку она немедленно уничтожила. Прежде она показала, что вслѣдствіе своего долговременнаго знакомства съ жидами, «она признаетъ себя вовсе жидовкою, къ тому же «умѣетъ говорить по-жидовски и въ особенности понимать ихъ «разговоръ. Но на самомъ дѣлѣ она по-жидовски говорить не

«умѣть и разговора ихъ не понимаетъ. Юрловъ при ней «всегда молился по-христіански». Частный приставъ Вандышевъ получилъ отъ Юшкевича взятку въ 30,000 руб. асс., чтобы замѣть дѣло. Другой частный приставъ Константиновъ взялъ 45 руб. у нанимателя Ушакова, чтобы позволить Юрлову поступить въ рекруты потому, что приставъ хотѣлъ его привлечь къ уголовному дѣлу о какой-то фальшивой печати. «Ежели «все говорить, то волосы будутъ вянуть. Все начальство смѣ- «няютъ здѣсь». Она сама видѣла какъ «жидовскій попъ, сол- «дать Зайдманъ, носилъ самъ на Волгу мыть бутылки», а «узнавши» отъ Иты-Нехамы о происшествіи въ моленной, она «заключила, что онъ мылъ ихъ—для крови». Затѣмъ слѣдуютъ такіе идущіе къ дѣлу факты, какъ напримѣръ, что «есть не- крещенный еврей Пашка, который ходитъ съ райкомъ и на- ходится тайнымъ жидовскимъ факторомъ», или что Мина- Рейза получила въ приданое 2½ пуда серебра и тому подоб- ный вздоръ.

Въ дополненіе къ этому показанію, Горохова, «по предва- рительномъ священническомъ увѣщаніи», рассказала о впе- чатлѣннн, произведенномъ на Юрлова, бывшаго тогда еще на свободѣ въ казармахъ, извѣстіемъ, принесеннымъ ею объ арестѣ старика-отца. Юрловъ былъ совершенно убитъ этимъ извѣстіемъ.

— Лучше бы ты объ этомъ мнѣ не говорила! воскликнула она, заливаясь слезами.

— О чемъ же ты плачешь? Вѣрно ты за собою что ни- будь знаешь?

— Нашъ грѣхъ, Олимпіада; вѣрно мы всё погибли!...

— Кто-жъ участвовалъ въ убійствѣ мальчиковъ?

— Ты сама знаешь... Кого арестовали, тѣ и были...

Больше онъ ничего не сказалъ, просилъ только щадить его, сохранивъ въ тайнѣ этотъ разговоръ, происходившій по- потомъ. Когда Юрловъ узналъ объ арестѣ Зайдмана, онъ «съ задумчивымъ видомъ спросилъ ее: Неужели?» Вскорѣ его са- мого заарестовали.—Послѣ произведеннаго у нея обыска къ

ней пріѣзжалъ частный приставъ Константиновъ и говорилъ ей наединѣ: «Если ты про жидовъ что знаешь, то не говори никому».

III.

Въ одномъ изъ безчисленныхъ показаній, данныхъ однимъ изъ главныхъ доносчиковъ по саратовскому дѣлу, рядовымъ гарнизоннаго батальона Антономъ Богдановымъ, вскорѣ послѣ ареста оговореннаго имъ солдата Берлинскаго, онъ закончилъ свой оговоръ слѣдующимъ рассказомъ.

— Два дня тому назадъ—говорилъ Богдановъ—я подслушалъ въ швальнѣ еврейскій разговоръ, происходившій на крыльцѣ, между двумя рядовыми: Мовшей Хадеромъ и Левинымъ.

— Мовша, надобно намъ какъ нибудь выручить Берлинскаго и послать ему денегъ...

— Не нужно оглашать...

Въ эту минуту къ говорившимъ выскочилъ изъ швальни третій солдатъ, по фамиліи Зидоръ, и закричалъ по-русски:

— Пускай тянутъ жилы, не слѣдуетъ ничего говорить! Мнѣ давали сто рублей и отпускали въ отставку, я и то не соглашаюсь— а стой самъ за себя, какъ слѣдуетъ.

Богдановъ вмѣшался въ разговоръ. Но Мовша сунулъ ему полтинникъ, говоря:

— Молчите, ребята. Возьми, Богдановъ, деньги и выпей.

Богдановъ, хотя «очень испугался», но исполнилъ и то, и другое.

Въ журналѣ слѣдователей отъ 14 мая упоминается о «ночномъ разговорѣ надворнаго совѣтника Дурново съ рядовымъ Зидоромъ», которому, дѣйствительно, было обѣщано означенное вознагражденіе, если онъ пойдетъ по стопамъ Богданова, на что, по закону, врядъ ли имѣлъ право г. Дурново. Когда стали допрашивать Зидора, какъ онъ смѣлъ разболтать въ швальнѣ объ этомъ интимномъ разговорѣ, то, по словамъ журнала, онъ путался, мѣшался, отговариваясь тѣмъ, что «Богъ знаетъ, можетъ быть я спроста и передалъ все Мошкѣ, но

больше никому не сказывалъ», хотя впоследствии разъяснилось, что многіе въ швальнѣ знали объ этомъ разговорѣ, переданномъ словоохотливымъ солдатикомъ своимъ товарищамъ.

На очной ставкѣ, Богдановъ уличалъ ихъ, а еврей-солдаты, которые, по его словамъ, «со времени открытія преступленія, стали чуждаться русскихъ, ходили смущенные и говорили секретно только между собою», остались при своемъ, т. е. что Богдановъ лжетъ. Къ этому мнѣнію присоединились 60 человѣкъ русскихъ солдатъ, показавшихъ, подъ присягой, что подобнаго разговора на крыльцѣ швальни, гдѣ они тогда находились, не происходило и Богданова при этомъ не было.

Тѣмъ не менѣе, Зидоръ немедленно очутился вмѣстѣ съ другими товарищами-соплеменниками въ острогѣ, гдѣ его вскорѣ навѣстилъ другой доносчикъ, губернской секретарь Крюгеръ, подсланный г. Дурново въ качествѣ *agent provocateur*, для склоненія арестованныхъ къ дачѣ тенденціозныхъ показаній à la Богдановъ et consortes. Наслушавшись отъ узниковъ множества горькихъ истинъ, хотя и выраженныхъ не въ особенно изящной формѣ, Крюгеръ, обошедшій безъ малѣйшаго успѣха секретныя камеры, гдѣ содержались главные обвиняемые, въ родѣ старика Юшкевича, Берлинскаго, Шлифермана и другихъ, пришелъ въ камеру Зидора. Разговоръ происходилъ на нѣмецкомъ языкѣ. Все его несчастіе—жаловался Зидоръ—произошло вслѣдствіе какого-то фатальнаго недоразумѣнія. Разъ онъ потерялъ 3 рубля съ чѣмъ-то. Огорченный этой потерей, Зидоръ, придя къ себѣ на квартиру, сѣтовалъ, въ присутствіи хозяевъ, въ такой формѣ:

— Ахъ, мы, несчастные евреи! Вотъ я потерялъ 3 рубля серебромъ... А за что насъ наказываетъ такъ Богъ?... Насъ же водятъ каждый день къ допросу, въ часть. Намъ же вслѣдъ всѣ кричатъ, указывая пальцами:—Вотъ жида! Вотъ они убили мальчиковъ!...

Квартирные хозяева, которымъ строго на строго было приказано зорко слѣдить за своими постояльцами-евреями, донесли объ этихъ словахъ, превратно ими понятыхъ, слѣдователю Дур-

ново. Этотъ «чиновникъ» призвалъ его, Зидора, допрашивалъ, общалъ избавить отъ солдатской службы, давалъ денегъ, причемъ отперъ шкатулку и т. д.» Объ этомъ свиданіи онъ рассказывалъ въ швальнѣ, слова его дошли до «чиновника», онъ былъ посаженъ въ острогъ, самъ не зная за что, причемъ, по увѣренію Крюгера, «плакалъ, говоря объ этой напасти».

Что сѣтованія Зидора не были лишены реальной основы, можно судить по слѣдующему постановленію слѣдователей отъ 10 мая. «По дошедшимъ до надворнаго совѣтника Дурново — «читаемъ тамъ—секретнымъ свѣдѣніямъ о разговорѣ рядового, «еврея Хаима Зидора, на дворѣ мѣщанина Москвичева, о падшемъ будто-бы невинно на евреевъ подозрѣніи въ убійствѣ «двухъ мальчиковъ, онъ, Дурново, съ 8 на 9 число мая 1853 «года, въ 11 часовъ ночи, требовалъ къ себѣ Зидора для увѣщанія и секретнаго допроса, общая ему за открытіе преступленія, денежное вознагражденіе и ходатайство о его службѣ. Зидоръ, слушая внимательно увѣщанія и чрезвычайно смутившись, первоначально поколебался, видимо внутренне «боролся и когда ему было сказано, что *цырюльникъ Шлиферманъ принимаетъ все на себя и сознался въ преступленіи* * «при чемъ объяснены были нѣкоторыя обстоятельства изъ показанія губернскаго секретаря Крюгера и когда надворный «совѣтникъ Дурново сказалъ, что, для совершеннаго разъясненія дѣла, находить нужнымъ знать, участвовали-ли въ семъ «преступленіи проживающіе въ Саратовѣ частные евреи — то «Хаимъ Зидоръ, поблѣднѣвъ, сказалъ:

— Не можетъ быть, чтобы Шлиферманъ сознался, а вѣрно говорилъ это какой нибудь несовершенный еврей!

«Затѣмъ Зидоръ просилъ позволенія посовѣтоваться съ портнымъ Мопкой и общалъ дать 9 числа отвѣтъ; но пришедъ «на другой день объявилъ, что ничего не можетъ объяснить».

* Это былъ вымыселъ Дурново. Шлиферманъ никогда не сознавался, тѣмъ болѣе, что не въ чемъ было ему и сознаться. П. Л.

Слова, за которыя Зидоръ былъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности, состояли, по его увѣренію, въ томъ, что огорченный потерей денегъ, онъ, вернувшись изъ слѣдственной комисіи къ своему товарищу, поляку Якубовскому, у котораго имѣлъ столъ въ домѣ Москвичева, сказалъ на дворѣ, при всѣхъ:

— Когда это насъ, евреевъ, перестанутъ таскать къ этому слѣдствію? Развѣ мало другихъ людей въ Саратовѣ? Насъ однихъ таскаютъ по этому дѣлу. Мы болѣе терпѣть не будемъ. Здѣсь есть вольные жида—красильщикъ и водочный мастеръ!

Какъ бы тамъ ни было, но Зидоръ, немедленно отправленный, вмѣстѣ съ Хадеромъ и Левинымъ, въ острогъ, довольно дешево отдѣлался, по тогдашнему времени, за произнесеніе такихъ продерзостныхъ словъ. Всѣ трое просидѣли въ острогѣ всего какихъ нибудь 5—6 мѣсяцевъ и 30 октября были переданы батальонному командиру, для учрежденія надъ ними «секретнаго надзора».

Все это, читатель, только цвѣточки. Ягодки обрѣтаются въ изобиліи въ многотомномъ слѣдственномъ производствѣ не легко забываемаго «саратовскаго дѣла».

П. Левенсонъ.

С.-Петербургъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Приведенныя въ предъидущей статьѣ отрывочныя свѣдѣнія имѣютъ, конечно, гораздо большій интересъ, когда ихъ читаешь въ связи съ изложеніемъ пресловутаго «саратовскаго дѣла», помѣщеннымъ авторомъ въ «Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права» подъ заглавіемъ: «Памяти стараго суда». Весьма жаль, что этотъ въ высшей степени интересный и поучительный процессъ, бросающій яркій свѣтъ на тѣ средства и пути, какими въ доброе старое время не только рѣшалась участь многихъ и многихъ невинныхъ людей, но и подвергалось позору доброе имя цѣлаго народа, остался почти неизвѣстнымъ для публики, такъ какъ онъ изложенъ въ специальномъ, имѣющемъ очень мало читателей, изданіи. Весьма желательно было бы видѣть трудъ г. П. Я. Левенсона изданнымъ отдѣльной книгой, съ тѣми дополненіями и подробностями, которыя были упущены въ журналѣ. Этимъ онъ сдѣлался бы болѣе доступнымъ публикѣ, и мы увѣрены, что многіе и многіе читатели сказали бы издателю большое спасибо. Во всякомъ случаѣ мы еще когда нибудь вернемся къ этому интересному излѣдованію.

Скажемъ тутъ встать нѣсколько словъ о другой статьѣ того же автора, помѣщенной въ первыхъ трехъ книгахъ нашего журнала подъ заглавіемъ «Одинъ изъ немногихъ»: Въ виду возбужденнаго въ послѣднее время въ періодической печати вопроса объ устройствѣ заведеній для слѣпыхъ, свѣдѣнія, сообщаемыя г. П. Я. Левенсономъ въ его описаніи основаннаго Франклемъ „Институтъ слѣпыхъ“, получаютъ особенный и весьма важный практическій интересъ. Не мѣшало бы, чтобъ тѣ изъ нашихъ русскихъ единовѣр-

цевъ, коимъ даны къ тому возможность и средства, подумали бы объ основаніи такого благотворнаго и поистинѣ богоугоднаго учрежденія и для несчастныхъ слѣпыхъ дѣтей русскихъ евреевъ. Если такой институтъ оказался необходимымъ въ Австріи, гдѣ евреи во всякомъ случаѣ живутъ подѣ лучшими гигиеническими условіями, чѣмъ въ нашихъ литовскихъ, наполненныхъ всякими міазмами, задворкахъ, то онъ во сто кратъ необходимѣе у насъ въ Россіи, тѣмъ болѣе, что и общее число заведеній для слѣпыхъ у насъ сравнительно гораздо меньшее, и они, слѣдовательно, гораздо менѣе доступны для нуждающихся въ нихъ, чѣмъ въ Австріи. За инициаторами такого дѣла среди русскихъ евреевъ на всегда будетъ обеспечена благодарность потомства, въ особенности, если они при этомъ будутъ руководствоваться тѣми внутренними мотивами и тѣми практическими проложеніями, которыя легли въ основаніе образцоваго Франколевскаго института.

ИНОСТРАННАЯ ХРОНИКА.

Еще антисемитическое движеніе въ Германіи. — Антисемиты въ парламентъ и на сходкахъ. — Открытіе памятника Кремлю. — Премія Исаака Перейра. — Вопросъ о равноправности евреевъ въ Венгріи. — Общество пособія евреямъ въ Англии. — Кутаиское дѣло.... въ Александріи.

Quosque tandem!.. Доволь всякое періодическое обозрѣніе выдающихся, касающихся евреевъ фактовъ въ политической и соціальной жизни Западной Европы придется начинать съ скорбнаго листа, на которомъ отмѣчаются возмутительныя проявленія религиозной нетерпимости среди кичащихся своимъ образованіемъ сыновъ Германіи? Доволь намъ придется заносить на страницы нашей хроники безобразныя выходки нѣмецкихъ ученыхъ, проповѣдниковъ, депутатовъ, министровъ, съ самымъ желѣзнымъ, канцлеромъ во главѣ, направленныя противъ мирныхъ и полезныхъ гражданъ Германской имперіи, вся вина которыхъ заключается только въ томъ, что они исповѣдуютъ Моисееву вѣру, да развѣ еще въ томъ, что они въ общемъ болѣе трудолюбивы, интеллигентны, предприимчивы и энергичны, чѣмъ ихъ сограждане-христиане, и тѣмъ возбуждаютъ среди послѣднихъ не чувство благороднаго соревнованія, а самыя низменныя чувства зависти, выражающіяся въ насиліяхъ, несправедливостяхъ и притѣсненіяхъ? На эти вопросы, къ сожалѣнію, трудно, даже невозможно, дать положительный отвѣтъ и приходится лишь заносить въ свою лѣтопись неприглядныя проявленія средневѣковаго фанатизма и нетерпимости.

Приступаемъ.

Восходъ, кн. IV.

Въ засѣданіяхъ германскаго рейхстага еврейскій вопросъ и дѣятельность антисемитовъ, такъ сказать, не сходитъ съ очереди и проявляется въ видѣ то того, то другаго эпизода, чуть не каждую недѣлю. Такъ, напримѣръ, въ засѣданіи 4-го марта, при обсужденіи совершенно посторонняго вопроса, кн. Бисмаркъ счелъ нужнымъ бросить камень въ берлинскій муниципалитетъ,—особенно ему ненавистный за то, что въ составъ его входитъ много евреевъ и что совѣтъ этотъ слишкомъ либераленъ, по мнѣнію канцлера. Эта выходка кн. Бисмарка вызвала на скамьяхъ лѣвой стороны восклицаніе: „Это безстыдно!“ Князь Бисмаркъ прервалъ свою рѣчь и сказалъ: «Тотъ кто, позволилъ себѣ это восклицаніе, незнакомъ съ чувствами стыда». На приглашеніе президента, чтобы депутатъ, прервавшій канцлера, назвалъ свое имя, всталъ депутатъ Штуббе и объявилъ, что это онъ прервалъ рѣчь канцлера вышеприведенными словами. Президентъ призвалъ къ порядку депутата Штуббе; послѣдній потребовалъ, чтобы былъ призванъ къ порядку и кн. Бисмаркъ за его послѣднія слова; но послѣдній, съ свойственной ему находчивостью, замѣтилъ: «Я сказалъ, что депутатъ, прервавшій меня своимъ восклицаніемъ, незнакомъ съ чувствами стыда, такъ какъ не зналъ, кто меня прервалъ; теперь же когда г. Штуббе назвалъ, я беру свои слова назадъ и объявляю, что г. Штуббе знакомъ съ чувствами стыда». Слова эти возбудили смѣхъ въ палатѣ и тѣмъ кончился этотъ эпизодъ. — Въ томъ же засѣданіи, во время дальнѣйшихъ преній, депутатъ Лёве, между прочимъ, указалъ на то, что канцлеръ оказываетъ поддержку пресловутому д-ру Рушпелю и другимъ антисемитамъ, забрасывающимъ грязью берлинскій муниципалитетъ, только за то, что въ средѣ его много евреевъ. На это кн. Бисмаркъ, отлынивая отъ сущности замѣчанія Лёве, съ свойственною ему безцеремонностью, попросилъ его имѣть побольше жалости къ бѣднымъ людямъ, изнемогающимъ подъ тяжестью дурного управленія прогрессистскаго муниципалитета, среди котораго столько евреевъ. Большинство палаты разсмѣялось при этихъ словахъ, очевидно очень довольное тѣмъ, что все городское нестройство Берлина можно свалить на муниципальных совѣтниковъ-евреевъ; тѣмъ дѣло и кончилось.

Ободренные неоднократнымъ проявленіемъ нерасположенія князя Бисмарка къ евреямъ, антисемитическіе агитаторы намѣре-

вы представить канцлеру свою, направленную противъ евреевъ, петицію. Въ ожиданіи этого вождеденнаго момента они всячески стараются еще болѣе расположить его въ свою пользу, рѣшительно принявъ его сторону въ столкновеніи его съ берлинскимъ муниципалитетомъ по вопросу о городскихъ налогахъ. Такъ, между прочимъ, 25/13 марта вечеромъ одна изъ группъ этой клики, а именно та, которая присвоила себѣ громкое названіе «Имперскаго общественнаго Союза», устроила въ такъ называемой берлинской «Tonhalle» собраніе, въ которомъ участвовало не менѣе 1500 чело-вѣкъ. Спеціальный органъ князя Бисмарка, «Сѣверо-Германская всеобщая Газета», сообщая подробности этого собранія, говоритъ, что оно было открыто извѣстнымъ д-ромъ Генрици, которому его почитатели-юдофобы, какъ разъ передъ этимъ собраніемъ, поднесли въ видѣ подарка изящный предсѣдательскій колокольчикъ, на которомъ можно прочесть слѣдующую, яко-бы остроумную, надпись:

„Нѣмцы, съ отцовъ примѣръ берите,

„Ихъ добродѣтели свято храните

„И подымите веселый трезвонъ

„Въ день всѣхъ евреевъ похоронъ“.

Послѣ непродолжительныхъ преній это почтенное собраніе юдофобовъ приняло резолюцію, въ которой оно энергически высказалось въ пользу князя Бисмарка и противъ муниципалитета, постановивъ въдобавокъ довести это постановленіе до свѣдѣнія обѣихъ сторонъ.

Вообще за послѣдній мѣсяць анти-семитическая агитація въ Германіи не только не утихла, но, напротивъ, какъ бы все болѣе и болѣе разгорается. Почти ежедневно то въ томъ городѣ или мѣстечкѣ, то въ другомъ, образуются анти-семитическіе союзы. Почти совершенно неизвѣстный до сихъ поръ въ Берлинѣ листокъ «Ostend-Zeitung», дошелъ въ этомъ отношеніи до крайнихъ предѣловъ комизма. Онъ недавно напечаталъ нѣчто въ родѣ воззванія «ко всѣмъ берлинцамъ христіанскаго вѣроисповѣданія», въ которомъ послѣдніе приглашаются явиться въ количествѣ тысячъ и сотенъ тысячъ на сходку въ такъ называемую «Tonhalle» для выраженія презрѣнія къ евреямъ-прогрессистамъ, которые въ настоящее время являются представителями Берлина въ парламентѣ; авторъ этой милой статейки нашелъ нужнымъ вы-

ставить къ позорному столбу и тѣхъ недостойныхъ, власть имущихъ лицъ, которыя позволяютъ себѣ оказывать покровительство евреямъ. Для того, чтобы дать большее распространение этому листку и въ видахъ избирательной пропаганды, издатели его распорядились безвозмездной раздачей его на главныхъ берлинскихъ улицахъ.

6-го марта въ громадной пивной, называемой «Reichshalle», произошла свалка между студентами-юдофобами и ихъ противниками, по поводу еврейскаго вопроса; понадобилось вмѣшательство полиціи. Недѣлю спустя въ пивной «Тиволи» происходила другая антисемитическая сходка, на которую собрались тысячи двѣ лицъ. И здѣсь произнесены были обычные обвиненія противъ евреевъ, но, по какому-то чуду, сходка эта обошлась безъ вмѣшательства полиціи. Вообще пивная «Тиволи», вмѣстѣ съ пивной «Reichshalle», сдѣлались за послѣднее время любимыми мѣстами сборища берлинскихъ юдофобовъ. Такъ 14-го марта въ этой пивной происходила сходка не менѣе въ 7000 человѣкъ, причемъ гг. фонъ-Зонненбергъ и Ферстеръ излили свою ненависть къ евреямъ въ страстныхъ и злобныхъ выраженіяхъ. Передъ закрытіемъ митинга рѣшено было, какъ бы для того, чтобы прикрасить анти-еврейскій характеръ сходки, обратиться къ императору съ адрессомъ, въ которомъ выражались чувства безпредѣльной преданности его подданныхъ «германскаго происхожденія». Императоръ, весьма естественно, отвѣтилъ на этотъ адрессъ изъявленіемъ живѣйшей благодарности за выраженныя въ немъ вѣрно-подданинческія чувства. Неизвѣстно, однако, имѣлъ ли императоръ случай удостовѣриться въ истинномъ смыслѣ и характерѣ того собранія, адрессъ котораго онъ такъ благосклонно принялъ, такъ какъ авторы собранія весьма благоразумно выставили себя въ немъ вѣрными германскими подданными, а не антисемитами. Но какъ бы то ни было, цѣль ихъ была достигнута, хотя бы и далеко неблагоприятнымъ способомъ: императору былъ поданъ адрессъ, принятый антисемитическимъ собраніемъ, императоръ отъ души поблагодарилъ за этотъ адрессъ. Какъ это могло случиться, не было-ли здѣсь какого-либо подвоха—невѣжественная масса не обращаетъ на это вниманія. Императоръ благодарить антисемитовъ за ихъ адрессъ—и этого достаточно для того, чтобы пустить

пыль въ глаза толпѣ; а какъ это могло случиться—до этого послѣдней нѣтъ дѣла.

Ободренные этимъ, хотя бы и достигнутымъ весьма некрасивымъ приѣмомъ, успѣхомъ, берлинскіе антисемиты стали проявлять въ послѣднее время все большую и большую дерзость. Такъ вечеромъ 29 марта въ Берлинѣ была созвана сходка либеральныхъ избирателей, въ которой долженъ былъ произнести рѣчь извѣстный профессоръ Вирховъ, но антисемиты, явившіеся на эту сходку въ довольно значительномъ числѣ, произвели такой шумъ и гвалтъ, что полиція нашла нужнымъ распустить сходку, прежде чѣмъ Вирховъ могъ произнести свою рѣчь. Вообще, какъ утверждаютъ берлинскія газеты, антисемиты намѣреваются играть выдающуюся роль въ предстоящихъ парламентскихъ выборахъ.

Наконецъ, чтобы покончить съ антисемитическимъ вопросомъ въ Германіи, слѣдуетъ упомянуть объ одномъ эпизодѣ, случившемся въ засѣданіи германскаго рейхстага 29 марта. Въ этомъ засѣданіи обсуждался представленный правительствомъ законопроектъ, имѣвшій въ виду усиленіе мѣръ противъ социализма и социалистовъ. Депутатомъ Ауэръ, принадлежащій къ партіи социалистовъ, произнесъ длинную и обстоятельную рѣчь, продолжавшуюся неменѣе двухъ съ половиною часовъ, въ которой, энергически возставая противъ означеннаго законопроекта, онъ, между прочимъ, сказалъ: «Социалистическая партія, которой повидимому такъ опасаются, никогда не принимала такого насильственнаго характера, какъ агитація антисемитическая, которую поощряетъ оффиціозная печать и которой, по слухамъ, не чужды и самъ канцлеръ; ораторъ высказалъ это предположеніе въ виду того, что въ нѣсколькихъ антисемитическихъ собраніяхъ были прочитаны сочувственныя телеграммы канцлера; можетъ быть именно поэтому и правительство, столь строгое къ социалистамъ, не принимаетъ никакихъ мѣръ противъ антисемитовъ. Кн. Бисмаркъ выслушалъ эту рѣчь съ большимъ вниманіемъ, но ни онъ, ни министръ духовныхъ дѣлъ Путткаммеръ, отвѣчавшій Ауэру, не коснулись ни единымъ словомъ означеннаго мѣста рѣчи этого депутата. Въ послѣднее время члены антисемитической лиги, поощряемые друзьями канцлера и даже, какъ увѣряютъ, получающіе отъ него субсидіи, становятся все болѣе и болѣе дерзкими. Въ виду предстоящихъ выборовъ и начавшейся уже по всей Германіи из-

бирательной агитаціи эти почтенные общественные дѣятели придумали слѣдующій оригинальный маневръ: они отправляются въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ на сходки, устраиваемыя прогрессистской партіей, производятъ тамъ скандалы, кричатъ и свистятъ, какъ только начинаетъ говорить кто-либо изъ прогрессистскихъ ораторовъ. Дѣло оканчивается обыкновенно тѣмъ, что эти безпорядки даютъ полиціи поводъ вмѣшаться въ дѣло и распустить собраніе. Такимъ образомъ не далѣе, какъ 31 марта, была распущена сходка, въ которой должны были говорить извѣстный профессоръ Вирховъ и Людвигъ Лёве.

Отъ этой невеселой картины, въ которой такую некрасивую роль играютъ представители германской quasi-интеллигенціи, перенесемся въ Парижъ, гдѣ 13/1 марта происходило скромное торжество открытія памятника на Монпарнасскомъ кладбищѣ одному изъ самыхъ замѣчательныхъ политическихъ дѣятелей и юристовъ современной Франціи—Адольту Кремье, бывшему адвокату, члену временныхъ правительствъ 1848 и 1870 гг., турецкой делегаціи того же года, неоднократно занимавшему должность министра юстиціи при второй и третьей республикѣ, основателю „Всеобщаго Еврейскаго Союза“. Памятникъ этотъ воздвигнуть на средства, доставленныя подпиской, открытой «Всеобщимъ Еврейскимъ Союзомъ», предсѣдателемъ котораго состоялъ Кремье; проектъ и исполненіе его принадлежатъ архитектору Альдрофу. Онъ представляетъ собою саркофагъ изъ бѣлаго мрамора, на гранитномъ фундаментѣ. На саркофагѣ лежитъ статуя Кремье, въ адвокатскомъ одѣяніи; надъ саркофагомъ и статуей—балдахинъ изъ бѣлаго же мрамора, поддерживаемый восемью колоннами изъ вогезскаго гранита. Весь памятникъ имѣетъ 2 метра 20 сантиметровъ въ длину и одинъ метръ 30 сантиметровъ въ ширину. Къ общему удивленію на торжество открытія памятника человѣку, дорогому не только своимъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ, человѣку, оказавшему такія громадныя услуги юридической наукѣ и французскому народу, человѣку, два раза, при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, стоявшаго у кормила правленія, среди бушевавшихъ волнъ политическихъ страстей—на торжество это собралось, несмотря на воскресный день, не болѣе 300 человѣкъ изъ полутора милліоннаго парижскаго населенія. «Les morts vont vite»—

говорить известная французская поговорка — и прахъ Адольфа Кремье испыталъ на себѣ справедливость этой поговорки. „Когда дѣло шло о Денисѣ Паненѣ, о Раблѣ, о Гомшѣ“ — говоритъ газета «Gil Blas», — о великихъ, безъ всякаго сомнѣнія людяхъ, давно уже сошедшихъ со сцены, вокругъ открываемыхъ въ ихъ честь памятниковъ, собрались толпы народа и при этихъ торжествахъ не было недостатка даже въ официальныхъ демонстраціяхъ. Но вчера, когда дѣло шло о томъ, чтобы воздать послѣднюю почесть современнику, человѣку, лишь вчера умершему, едва 300 человекъ отозвались на приглашеніе комитета. Этотъ фактъ даетъ довольно жалкое понятіе о людской благодарности». Памятникъ воздвигнутъ на еврейскомъ участкѣ Монпарнаскаго кладбища, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ небольшой модельни, въ которомъ, согласно еврейскому богослуженію, читаются заукойныя молитвы. На стѣнкахъ вышеупомянутаго саркофага выгравированы надписи, которыя въ краснорѣчивомъ своемъ лаконизмѣ, резюмируютъ собою всю жизнь Кремье. Вотъ эти надписи: „Адвокатъ — сенаторъ — бывшій депутатъ — бывшій министръ — бывшій членъ временнаго правительства 1848 года — бывшій членъ правительства народной обороны 1870 года, — предсѣдатель всеобщаго еврейскаго союза — магистръ шотландской масонской ложи — 2 апрѣля 1796 — 10 февраля 1880“. — Въ числѣ немногочисленныхъ участниковъ этого торжества можно было замѣтить сенскаго префекта г. Герольда, депутатовъ Камиля Сэ, Томпсона и Жермена Касса, нѣсколькихъ муниципальных совѣтниковъ, членовъ еврейской консисторіи, съ главнымъ раввиномъ г. Исидоромъ и помощникомъ его Левеномъ во главѣ, и наконецъ депутацію отъ масоновъ шотландскаго толка, великимъ магистромъ которыхъ былъ Кремье. Большая часть остальныхъ присутствующихъ состояла изъ делегатовъ различныхъ обществъ, членомъ которыхъ былъ Кремье и которыя не успѣли еще забыть, чѣмъ они ему обязаны.

По окончаніи религіозной церемоніи были произнесены четыре рѣчи. Первымъ говорилъ помощникъ раввина, г. Левенъ, членъ муниципальнаго совѣта Монмартскаго предмѣстья, отъ имени «Всеобщаго Еврейскаго Союза». Послѣ него говорилъ главный раввинъ г. Исидоръ, рѣчь котораго, по отзыву всѣхъ присутствовавшихъ, была самая выдающаяся изъ всѣхъ. «Имя Кремье», сказалъ онъ между прочимъ, «записано въ золотую книгу исторіи.

Это одно изъ тѣхъ именъ, которыя не забываются». (Нельзя впрочемъ не замѣтить при этомъ, что незначительное число присутствовавшихъ являлось какъ бы нагляднымъ опроверженіемъ этихъ словъ). «Этотъ памятникъ» — продолжалъ г. Исидоръ — представляетъ собою долгъ благодарности, который мы уплачиваемъ. Онъ явится примѣромъ для будущихъ поколѣній, такъ какъ Кремье, умирая, оставилъ по себѣ блестящій слѣдъ. У него были противники, но никогда не было враговъ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ избранныхъ существъ, которыя чужды всякаго чувства гордости и полны самопожертвованія». Затѣмъ г. Исидоръ въ общихъ чертахъ изобразилъ жизнь покойнаго, дѣйствительно могущую служить примѣромъ для будущихъ поколѣній. Въ заключеніе своей рѣчи великій равнинъ, въ молитвѣ, предписываемой еврейскимъ богослуженіемъ, сдѣлалъ краткій намекъ на антисемитическую эпидемію, которая стала въ послѣднее время свирѣпствовать въ Германіи; онъ впрочемъ счумѣлъ сдѣлать это въ самой мягкой формѣ и безъ малѣйшаго проявленія злобаго чувства. — Третья рѣчь была произнесена д'Эпальи, членомъ-основателемъ «Общества сторонниковъ развода». Впрочемъ эта рѣчь, произнесенная Богомъ въсть почему, едва не нарушила торжественности этой скромной церемоніи. Ораторъ, къ великому удивленію и негодованію друзей и почитателей Кремье, нашелъ нужнымъ коснуться совершенно посторонняго церемоніи вопроса, заявивъ, что „необходимо бороться противъ клерикализма“. Присутствующимъ пришлось заявить ему нисколько не двусмысленнымъ, и, быть можетъ, даже нѣсколько рѣзкимъ образомъ, что онъ выбралъ довольно неудачное мѣсто для своихъ политическихъ и анти-клерикальныхъ элукубрацій. Наконецъ четвертая рѣчь была произнесена г. Проалемъ, преемникомъ Кремье въ званіи великаго магистра парижскихъ масоновъ шотландскаго толка, отъ имени масонскихъ ложъ. «Вообще, — заключаютъ газеты, дающія отчетъ объ этомъ торжествѣ — это было довольно печальное, кое-какъ съюмканное, торопливо оконченное торжество, вовсе недостойное того честнаго и великаго гражданина, въ честь котораго оно было устроено».

Имя Кремье приводитъ на умъ имя другаго выдающагося, хотя во многихъ отношеніяхъ и уступающаго по своей нравствен-

ной чистотѣ Кремье французскаго дѣятеля еврейскаго происхожденія и исповѣданія—а именно не такъ давно умершаго Исаака Перейру, бывшаго ученика и послѣдователя знаменитаго Анфантена, а впоследствии основателя «Crédit Mobilier» и излюбленнаго банкира второй имперіи. Перейра, умирая, оставилъ по завѣщанію своему значительную сумму денегъ на учрежденіе конкурса по экономическимъ вопросамъ. Этотъ конкурсъ касался слѣдующихъ четырехъ вопросовъ: 1) Изысканіе средствъ для уменьшенія, для ослабленія или для совершеннаго устраненія бѣдности среди неимущихъ классовъ населенія. 2) Изученіе лучшей системы общественнаго образованія всѣхъ степеней, а именно элементарнаго, средняго и профессиональнаго и высшаго образованія. 3) Организация кредита въ интересахъ труда и рабочихъ классовъ. 4) Преобразование системы налоговъ въ видахъ болѣе правильнаго распредѣленія общественныхъ тягостей*. По словамъ газеты „Liberté“, конкурсъ этотъ недавно закрытъ. Представлено не менѣе 500 сочиненій. Сначала будетъ приступлено къ методической классификаціи ихъ, а затѣмъ комитетъ, назначенный для ихъ разсмотрѣнія, приступитъ къ своимъ трудамъ, результаты которыхъ будутъ въ свое время опубликованы.

Въ венгерскій сеймъ внесенъ въ послѣднихъ числахъ марта законопроектъ, устанавливающій гражданскій бракъ, который уже болѣе 10 лѣтъ стоялъ на очереди. Политическія учрежденія Венгрии вообще могутъ быть названы вполне либеральными. Свобода печати въ Венгрии ни въ чемъ не уступаетъ свободѣ печати въ Англіи; всѣ процессы по дѣламъ печати разрѣшаются тамъ присяжными, которые скорѣе склонны предоставить печати слишкомъ широкій, чѣмъ слишкомъ узкій просторъ. Автономія общинъ, комитатовъ (губерній) такова, что даже сами либералы требуютъ ея сокращенія, потому что она нерѣдко парализуетъ начинанія и дѣятельность парламента. Права парламента вообще вся венгерская конституція почти ничего не оставляютъ желать въ смыслѣ полнѣйшей свободы, за однимъ только исключеніемъ. Въ одной только области либеральнымъ идеямъ не удалось еще проложить себѣ путь, а именно въ области религіозной. Въ этомъ отношеніи самые выдающіеся политическіе умы Венгрии выказываютъ не только крайнюю осмотрительность, но положительную робость. Револю-

ція 1848 года преобразовала венгерское государственное устройство изъ аристократическаго въ демократическое, но не посмѣла однако дать равноправность евреямъ. И послѣ нея, какъ и прежде, евреи остались лишенными многихъ гражданскихъ и политическихъ правъ. Они, напримѣръ, не имѣли права ни приобретать земельную собственность, ни принимать участіе въ выборахъ. Правда въ 1849 году, когда венгерская республика находилась уже при послѣднемъ издыханіи, Кошутъ издалъ въ Сегединѣ законъ, провозглашавшій гражданскую равноправность евреевъ; но, понятно, что этотъ запоздалый законъ остался мертвой буквой, какимъ-то историческимъ курьезомъ, возбудившимъ просто смѣхъ. Къ тому же было очевидно, что этотъ законъ не могъ принести никакой пользы ни еврейскому, ни христіанскому населенію Венгріи до тѣхъ поръ, пока не будетъ провозглашена законность браковъ, заключаемыхъ между христіанами и евреями. Этой же законности не рѣшились провозгласить ни въ 1849 году, ни 18 лѣтъ спустя, при возстановленіи венгерской конституціи. Наконецъ въ 1867 году, послѣ состоявшагося между Австріей и Венгріей соглашенія, графъ Андраши, глава перваго конституціоннаго министерства въ Венгріи, представилъ венгерскому сейму законопроектъ, предоставлявшій „мадьярамъ моисеева закона“ гражданскую и политическую равноправность. При этомъ снова подвергся обсужденію вопросъ о бракахъ между евреями и христіанами. Баронъ Этвешъ, извѣстный поэтъ и философъ, занимавшій въ министерствѣ Андраши должность министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, представилъ сейму очень либеральный законопроектъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „Различіе вѣроисповѣданій не можетъ имѣть никакого вліянія на дѣйствительность брака съ точки зрѣнія законности“. Законопроектъ этотъ былъ препровожденъ въ комиссію, но, по какой-то странной случайности, какъ-то застрялъ въ ней. Объ немъ вспомнили лишь три года спустя. Деакъ произнесъ блестящую рѣчь по этому поводу, и сеймъ пригласилъ комиссію поторопиться со своимъ докладомъ. Нѣсколько дней спустя, въ то самое время когда комиссія собиралась представить наконецъ свой докладъ, правительство объявило о намѣреніи своемъ представить въ слѣдующую сессію другой законопроектъ по этому вопросу—и докладъ комиссіи былъ исключенъ изъ очереднаго списка дѣлъ. Но за это

время Этвешъ умеръ, министерство Андраши уступило мѣсто кабинету Тиссы и дѣло опять заглохло.

Новый законопроектъ, о которомъ мы говорили выше и который только что представленъ сейму, не дѣлая гражданскаго брака обязательнымъ, просто дозволяетъ браки между евреями и христианами. Официозныя газеты говорятъ, что правительство руководствовалось при этомъ двоякаго рода соображеніями. Во-первыхъ гражданская администрація не достигла еще той степени развитія, которая дозволяла бы ей принять на себя хлопоты и отвѣтственность, неизбѣжныя съ введеніемъ обязательнаго гражданскаго брака; во-вторыхъ потребность въ введеніи гражданскаго брака еще не высказывается съ особой силой. Разрѣшеніе же браковъ между христианами и евреями, напротивъ, является неотложной политической и соціальной необходимостью.

Это заявленіе во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія. Несомнѣнно также то, что новыя постановленія по этому вопросу, какими бы ограниченіями они не были обставлены, имѣютъ громадную важность. На 15 $\frac{1}{2}$ милліоновъ населенія Венгріи, приходится 600,000 евреевъ, большею частью торговцевъ и капиталистовъ. Хотя они не болѣе 10 лѣтъ пользуются политическими правами, они приобрѣли уже нѣсколько депутатскихъ мѣстъ въ венгерскомъ сеймѣ. Евреи уже въ значительной мѣрѣ ассимилировались съ мадьярами, но лучшимъ средствомъ для полнаго гражданскаго сліянія является безспорно бракъ. Вотъ почему новый законопроектъ вызываетъ общее одобреніе со стороны всѣхъ просвѣщенныхъ людей въ Венгріи.

29 марта вечеромъ, въ Лондонѣ, въ такъ называемомъ масонскомъ ресторанѣ, происходило празднество для усиленія средствъ еврейской больницы и дѣтскаго пріюта, подъ предсѣдательствомъ мистера Б. А. Когена, и при участіи шерифовъ Лондона и Мидлсекса, гг. Саула Самуеля изъ Сиднея, Зебага, доктора Адлера, представителя старшаго раввина, проф. Маркса, Грина, предсѣдателя больничнаго и пріютскаго комитета д-ра Беренда, гг. Ліонеля Когена, Мануэля Кастелло, Эммануила Барроу, Гоффунга, Эммануила Льюиса, капитана Лукаса и казначея Общества Моисея Самуэля. Мальчики и дѣвочки, воспитывающіеся въ пріютѣ (въ Нижнемъ Норвудѣ), въ числѣ 200, три четверти которыхъ

круглыя сироты, присутствовали при торжествѣ и пѣли псалмы въ антрактахъ между рѣчами. Здоровый, веселый и бодрый видъ ихъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Такъ какъ въ пріютѣ, въ теченіе истекшаго года, обнаружилась эпидемическая скарлатина—отъ которой впрочемъ умеръ только одинъ ребенокъ—то рѣшено было перестроить все зданіе въ видахъ гигиеническихъ и для доставленія большаго комфорта дѣтямъ. На это потребовалось 1,500 фунт. стерл., а такъ какъ эта сумма значительно уменьшила бы запасный капиталъ Общества, то и рѣшено было устроить настоящее празднество для покрытія этой суммы. Эти ожиданія не оказались тщетными: доходъ отъ празднества, вмѣстѣ съ пожертвованными суммами, доставилъ въ кассу Общества не менѣе 4000 ф. стерл.

Въ мартѣ же мѣсяцѣ, а именно 13-го числа, въ лондонской центральной синагогѣ, въ Большой Портландской улицѣ, происходило подъ предсѣдательствомъ того же Ліонеля Когена, годовичное собраніе еврейскаго попечительнаго Общества. Предсѣдатель, представляя годовой отчетъ, указалъ между прочимъ на то, что нуждающіеся евреи, съ которыми Обществу приходилось имѣть дѣло, выказываютъ за послѣднее время большую наклонность къ переселенію и что поэтому усилія Общества естественно должны были направиться къ тому, чтобы облегчить желающимъ возможность переселенія. Общее число лицъ, обращавшихся къ Обществу съ просьбами о помощи, достигло въ 1880 году цифры 2588 человекъ и каждый изъ обращавшихся получалъ среднимъ числомъ пособіе по семи разъ—менѣе, чѣмъ во всѣ предшествовавшіе года. Изъ 945 новыхъ просьбъ о пособіи около 50% были исполнены въ томъ смыслѣ, что просителямъ даны были средства для выселенія. Изъ списковъ лицъ, получившихъ пособіе на этотъ предметъ, видно, что оказанная просителямъ помощь давала послѣднимъ возможность стать на ноги и что они не обращались къ Обществу съ вторичными просьбами о пособіи. Во время сильныхъ морозовъ и глубокаго снѣга, когда Общество имѣло ежедневныя засѣданія, къ нему обращались лица, которыя въ теченіе цѣлаго года ни разу не просили пособія; но и обстоятельства были исключительныя. Ссудный комитетъ выдалъ въ ссуды 11,000 ф. ст.; изъ этой суммы только 3% считаются ссудами безнадежными къ возврату. На средства, пожертвованныя баронетомъ Ліо-

нелемъ Ротшильдомъ и другими лицами, еврейскія дѣти обучались мастерствамъ столярному, сапожному, малярному, слесарному, токарному, ювелирному, инструментальному, бондарному, и друг. Предсѣдатель добавилъ, что во время недавняго своего пребыванія въ колоніяхъ онъ имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что опытъ переселенія туда евреевъ далъ уже наилучшіе результаты и что можно ожидать еще большихъ при правильномъ, систематическомъ и разумномъ развитіи этого дѣла. Кромѣ предсѣдателя Общества говорили рѣчи гг. Гей-Гилль, Коллинсъ, Фридманъ, Бенджаминъ, Алексъ (который напомнилъ, между прочимъ, что недавно основанное Человѣколюбивое Общество организовано по образцу Еврейскаго), Исаакъ, Лукасъ и Самуиль Сидней. Всѣ предложенныя на утвержденіе собранія резолюціи были приняты единогласно.

Въ послѣднихъ числахъ марта близъ Александріи, въ Египтѣ, случилось происшествіе, сильно напоминающее печальной памяти Кутаисское дѣло. Внезапно исчезъ изъ родительскаго дома греческій мальчикъ, который вскорѣ былъ найденъ мертвымъ въ гавани. Въ виду приближенія еврейской Пасхи нѣкоторые фанатики-греки обвинили одно еврейское семейство въ умерщвленіи мальчика въ видахъ полученія христіанской крови для приготовленія опрѣсноровъ. Среди греческой колоніи тотчасъ же возникло сильнѣйшее волненіе. Губернаторъ счелъ нужнымъ поставить на ноги всѣ находившіяся въ его распоряженіи войска и принять мѣры полицейской предосторожности для предупрежденія серьезныхъ столкновеній. Но уже на другой день волненіе между греками и евреями утихло. Вскрытіе тѣла, произведенное греческими врачами, въ присутствіи многочисленной толпы, обнаружило, что смерть мальчика послѣдовала отъ утопленія и что на тѣлѣ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ насилія. Въ этотъ же день, по требованію, посланному губернаторомъ наканунѣ, изъ Каира прибыли войска для подкрѣпленія гарнизона, но въ нихъ не оказалось уже надобности. 25-го же марта этотъ эпизодъ сдѣлался предметомъ запроса въ итальянской палатѣ депутатовъ. Депутатъ Сальвини сдѣлалъ правительству запросъ о томъ, правда ли, что при произошедшихъ въ Александріи беспорядкахъ пострадали нѣсколько итальянскихъ подданныхъ. Министръ-президентъ Кайроли отвѣ-

тилъ, что дѣйствительно греческая колонія въ Александріи произвела безпорядки въ предположеніи, что греческій мальчикъ убитъ евреями, и что въ произошедшей при этомъ свалкѣ ранены три итальянца; но тотчасъ же произведенное слѣдствіе доказало неосновательность ходившихъ по городу слуховъ и порядокъ въ городѣ, какъ доносятъ консулы, болѣе не нарушался.

Э. Ватсонъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ГЕРМАНИИ.

Въ первыхъ числахъ сентября пр. г. состоялось въ Берлинѣ, по распоряженію начальства, закрытіе втораго изъ мѣстныхъ еврейскихъ кладбищъ. Оно оказывается переполненнымъ и должно отказать новымъ клиентамъ въ гостепримствѣ. Сколько дорогихъ для евреевъ воспоминаній схоронено здѣсь на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ саженой! Безмятежная тишина царитъ надъ этимъ мирнымъ земнымъ уголкомъ. Подъ сѣнію вѣтвистыхъ деревьевъ, выступаетъ здѣсь холмикъ за холмикомъ, камень за камнемъ. Имена, украшающія эти камни, напоминаютъ собою страницы изъ родословной книги. Та или другая страница не возбуждаетъ къ себѣ особеннаго интереса; но попадаются такія—и ихъ здѣсь не мало,—которыя останавливаютъ на себѣ вниманіе, вызываютъ воспоминаніе о дѣяніяхъ славныхъ и плодотворныхъ. Полстолѣтія тому назадъ это кладбище открыло впервые свои объятія для тѣхъ, кому пришлось искать у него вѣчнаго покоя. Теперь всѣ мѣста заняты; доступъ открытъ лишь для такихъ предусмотрительныхъ, которые поторопились запастись при жизни резервнымъ уголкомъ.

Вотъ у одной изъ стѣнъ, по лѣвую сторону отъ молельни, покоится прахъ Израиля Якобсона. Король тогдашней Вестфалии, Жеромъ Бонапарте, призвалъ его въ президенты консисторіи, которой поручено было выработать основанія, для урегулированія гражданскихъ и религіозныхъ вопросовъ, касающихся евреевъ. Якобсонъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1828 г., служилъ вѣрою и правдою своимъ германскимъ единовѣрцамъ. Они

обязаны ему многими реформами въ школьномъ дѣлѣ и въ богослуженіи; его-же усердію слѣдуетъ приписать отмѣну «Leibzoll» въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нынѣшняго прусскаго королевства. Прекрасный сиротскій домъ на Гарцѣ, построенный на его иждивеніи, и до сихъ поръ еще служить памятникомъ, увѣковѣчивающимъ имя этого неутомимаго дѣятеля.—Немного въ сторонѣ отъ него пріютились бранные остатки другаго, не менѣ славнаго представителя берлинской еврейской колоніи. Могильная надпись поучаетъ насъ, что здѣсь погребенъ Менно-Бургъ, артиллерійскій майоръ, занимавшій при жизни, вопреки своему еврейскому происхожденію, постъ преподавателя при военной прусской академіи. Онъ умеръ въ 1855 г., но память о немъ сохранилась въ сердцахъ его учениковъ еще и понынѣ. Это было единственный пока іудей въ Германіи, который пробрался такъ высоко въ военной іерархіи. Неоднократно было предложено ему оставить вѣру своихъ отцовъ. Его ждала въ этомъ случаѣ еще болѣе блестящая карьера, но онъ пожертвовалъ ею и, до конца дней своихъ, остался вѣренъ синагогѣ. Бургъ былъ активнымъ членомъ берлинской еврейской общины, состоялъ нѣсколько лѣтъ ея почетнымъ представителемъ и въ этомъ званіи сдѣлалъ много для своихъ собратьевъ. — Еще нѣсколько шаговъ дальше мы наталкиваемся на фамильный склепъ семейства Бееръ. Въ центрѣ красуется плита, должнствующая освѣжить въ нашей памяти извѣстнаго поэта Михаила Беера, автора переведенной и на русскій языкъ трагедіи „Струензе“. Само тѣло его покоится въ Мюнхенѣ. Онъ оставилъ послѣ себя цѣлую коллекцію писемъ, собранныхъ его друзьями. Эти письма обрисовываютъ со всѣхъ сторонъ благородную и высоко даровитую личность поэта Беера. Налѣво отъ упомянутой плиты помѣщается могила его брата, Вильгельма, астронома и математика, автора многихъ ученыхъ работъ, изъ которыхъ одна удостоилась даже преміи парижской академіи наукъ. Инструменты, которыми оперировалъ этотъ заслуженный изслѣдователь, перешли въ даръ къ музею морского министерства. Подъ тою-же оградой нашель свое послѣднее убѣжище и его старшій братъ, знаменитый композиторъ Меерберъ. Онъ умеръ въ Парижѣ, въ 1864 году, но наказалъ своимъ роднымъ, чтобы трупъ его былъ перевезенъ въ Берлинъ, гдѣ покоятся другіе члены его семейства.—Съ другаго конца того-же кладбища опять цѣ-

ный рядъ могилъ, принадлежащихъ не менѣе виднымъ личностямъ. Тутъ мы найдемъ могилы Гейгера, Гольдгейма и еще многихъ другихъ членовъ берлинскаго еврейства, игравшихъ не послѣднюю роль въ его исторіи. Мы пропустимъ, однако, встрѣчающіеся здѣсь памятники, хотя и на нихъ стоило-бы остановиться подольше. Упомянемъ еще только покоящагося въ этомъ-же ряду знаменитаго профессора, доктора Людвигъ Траубе, имя котораго повторяется такъ часто съ кафедръ и съ благоговѣніемъ достойными его учениками и послѣдователями въ медицинѣ. Много услугъ оказалъ этотъ умный и глубокомысленный ученый страждущему человѣчеству, но борьба съ жизнью и чрезмѣрный трудъ надломили его здоровье, и онъ слегъ въ могилу, оставивъ намъ въ наслѣдство капиталныя изслѣдованія, которыя никогда не потеряютъ своего значенія. И онъ долженъ былъ выстрадать не мало изъ-за своего еврейскаго клейма. Но самостоятельная натура этого борца не поддавалась на уступки и добилась-таки общаго признанія. Именемъ Траубе дорожатъ не одни только евреи. Но для нихъ оно имѣетъ еще спеціальное значеніе. Покойный Траубе (умеръ въ 1876 г.) былъ одинъ изъ тѣхъ пионеровъ, который проложилъ евреямъ путь къ профессорской кафедрѣ. Біографія Траубе съ этой стороны поистинѣ величественна.—Впрочемъ, обзрѣвая берлинское еврейское кладбище, можно натолкнуться и на другихъ еще борцовъ, ратовавшихъ, часто въ ущербъ собственной карьерѣ, за расширеніе рамокъ еврейской дѣятельности. Но удовлетворимся пока перечисленными именами. Недостаточно взглянуть на табличку и прочесть во всеуслышаніе прижизненную фирму того, кому принадлежитъ та или другая надпись. О многихъ изъ нихъ пришлось бы написать цѣлыя страницы, и эти страницы составляли бы одну и другую краснорѣчивую главу изъ исторіи нынѣшняго берлинскаго еврейства. Между прочимъ мы встрѣчаемъ здѣсь могилы такихъ сыновъ Израиля, имена которыхъ имѣютъ значеніе для нѣмцевъ вообще. Вотъ въ серединѣ кладбища поставленъ памятникъ двумъ евреямъ, нашедшимъ смерть въ достопамятный день 18-го марта 1848 г. Бокъ-о-бокъ съ этими патриотами погребены восемь жертвъ изъ послѣдней франко-прусской войны, тоже еврейскаго происхожденія. Эти десять труповъ — а Германія велика, и такихъ еврейскихъ могилъ найдется въ ней не мало — служатъ прекраснымъ дипло момъ, удостоверяющимъ

патріотическія чувства еврейскихъ гражданъ. Еще въ 1848 г., когда Германія не могла отнюдь считаться для евреевъ отечествомъ, они кровью своею доказали, что благо германскаго народа на столько-же близко имъ, какъ и собственное. Объ образцовомъ поведеніи евреевъ въ послѣднюю войну ужъ и говорить нечего: сами нѣмцы подтверждаютъ его, и даже теперь, когда столько желчи и грязи было отправлено по адресу евреевъ, ни одинъ голосъ не поднимался, чтобы уличить евреевъ въ трусости, или неисполненіи своего гражданскаго долга. Да и какъ дерзнуть, когда въ одномъ только Берлинѣ теперь еще находится на-лицо 32 еврейскихъ врача, груди которыхъ украшены военнымъ орденомъ. пріобрѣтенымъ ими на полѣ сраженія! Послѣдняя война заставила умолкнуть даже и тѣхъ, которые, по старой привычкѣ, еще пользовались, при случаѣ, ходячею въ другихъ мѣстахъ фразою объ отсутствіи патріотизма у евреевъ, несовмѣстимаго будто бы съ одно-стороннею солидарностью, развившеюся у нихъ съ теченіемъ вѣковъ. Когда нѣмцы совершили въ 1870 г. свой побѣдный въѣздъ въ Эльзасъ, мѣстные евреи отказывали на-отрѣзъ своимъ нѣмецкимъ единовѣрцамъ въ разрѣшеніи хоронить на ихъ кладбищахъ свои трупы. Они отнесли къ нѣмецкимъ евреямъ какъ къ нѣмцамъ, и только вмѣшательство военной власти оказалось въ силахъ одолѣть ихъ упрямство. Не менѣе краснорѣчивъ и слѣдующій интересный фактъ изъ той-же эпохи. Извѣстный берлинскій раввинъ и проповѣдникъ, докторъ Гейгеръ, имя котораго уже упомянуто мимоходомъ выше, издавалъ научный журналъ, посвященный разработкѣ еврейскихъ древностей и еврейской литературы. Въ числѣ его постоянныхъ сотрудниковъ состоялъ парижскій ученый, ориенталистъ д-ръ Дернбургъ, если не ошибаеся, членъ тамошней академіи наукъ. Во время франко-прусской войны литературныя сношенія этихъ двухъ ученыхъ должны были, конечно, пріостановиться. Но вотъ заключенъ былъ миръ, и Гейгеръ обратился къ своему старому другу и коллегѣ съ убѣдительноѣйшею просьбою — снабжать его по-прежнему статьями. Вмѣсто всякаго отвѣта, парижскій ученый помѣстивъ въ газетѣ въ высшей степени вызывающее „открытое письмо“, въ которомъ безпощадно осмѣялъ бранью своего друга за то только, что сей нѣмецъ дерзнулъ такъ оскорбить его патріотическое чувство и обратился къ нему, послѣ того что случилось между Франціею и Германіею, съ

подобнымъ предложеніемъ. Гейгеръ не остался въ долгу и отвѣтилъ не менѣе бранно, но съ точки зрѣнія сына Германіи. Оба письма вращаются около трудно разрѣшаемаго вопроса—какая изъ двухъ націй, французская или нѣмецкая, оказала больше услугъ наукѣ и цивилизаціи. Эти два посланія, могущія, между прочимъ, служить образцомъ царившаго тогда, по сю и по ту сторону Рейна, національнаго фанатизма, проникнуты насквозь и въ одинаковой степени шовинитскимъ духомъ—съ противоположныхъ, конечно, точекъ зрѣнія. Такъ-то дѣйствуетъ на евреевъ воздухъ, которымъ они дышатъ,—среда, въ которой они проходятъ свой жизненный путь! Что французскіе евреи проникнуты до мозга костей любовью къ своей родинѣ—дѣло неувидительное. Они тамъ уже цѣлое столѣтіе пользуются всѣми французскими правами, да и во всѣхъ отношеніяхъ могутъ считаться дѣтьми Франціи. Не то въ Германіи, гдѣ евреи еще на нашихъ, такъ сказать, глазахъ содержались въ черномъ тѣлѣ и гдѣ теперь еще съ евреями не все обстоитъ благополучно. Они-бы скорѣе должны льнуть къ Франціи, откуда послѣдовалъ первый толчекъ къ ихъ политической эмансипаціи. Первый законодательный актъ, признавшій, хотя и съ весьма значительными еще ограниченіями, политическія права германскихъ евреевъ, помѣченъ 11-мъ марта 1812 г. Еще не успѣли, какъ говорится, засохнуть чернила, которыми была написана эта многозначительная для нихъ грамота, и еврейскій сейчасъ же представился случай показать на дѣлѣ свое единомысліе съ германскимъ народомъ. Это было въ то время, когда побѣдное французское войско, со своимъ богатыремъ-воеводой, Наполеономъ, во главѣ, появилось непрошеннымъ гостемъ на нѣмецкой территоріи. Дѣло шло о жизни и смерти, объ освобожденіи отечества отъ грознаго непріятеля, который угрожалъ стереть съ лица земли нѣмецкій народъ. Всѣ средства были истощены, положеніе становилось все болѣе и болѣе критическимъ. Но вотъ раздалось слово монарха. Оно призывало подъ оружіе всѣхъ и всякаго, кто только способенъ былъ носить его. Это воззваніе расшевелило и евреевъ, которые отозвались на него съ рѣдкимъ единодушіемъ. Изъ прусскихъ провинцій было поставлено ими цѣлыхъ 500 добровольцевъ—цифра солидная, если принять въ расчетъ, что всѣхъ-то евреевъ—включая старцевъ, женщинъ, дѣтей и проч. субъектовъ,

неподходящихъ для военнаго дѣла — числилось въ тогдашней Пруссіи не болѣе 31,000 душъ. На каждые 18 военноспособныхъ евреевъ приходилось по одному волонтеру! Въ Берлинѣ, Бреславлѣ, Кенигсбергѣ и т. д. мѣстныя еврейскія общества снабжали своихъ добровольцевъ щедрыми вспоможеніями. Ортодоксальный раввинъ бреславльскій, престарѣлый Тиктинъ, напутствовалъ ушедшихъ изъ этого города на войну евреевъ трогательною рѣчью, въ которой вразумлялъ ихъ, отнюдь не стѣснять себя въ походѣ какими-либо религиозными обрядами и т. п. Однимъ словомъ, евреи повели себя тогда молодцовато! Вотъ какъ отзывается о еврейскихъ солдатахъ и, вообще, объ отношеніяхъ евреевъ къ «освободительной войнѣ», тогдашній государственный канцлеръ Пруссіи, князь фонъ-Гарденбергъ, въ частномъ письмѣ къ нѣкому графу фонъ-Гроо, отъ 4 января 1815 года *: „Исторія нашей послѣдней противъ Франціи войны доказала также, что евреи того государства, которое разъ приняло ихъ въ свое лоно, выдаются несомнѣнно своею преданностью и привязанностью къ нему. Молодые люди еврейской вѣры показали себя во всѣхъ отношеніяхъ достойными товарищами своихъ христіанскихъ соотечественниковъ, и мы поставлены въ возможность констатировать множество примѣровъ, гдѣ евреи вели себя какъ истинные герои, пренебрегая опасностями войны съ удивительною отважностью. Остальное еврейское населеніе, особенно женщины, не отставало также отъ христіанъ и подтвердило свой патріотизмъ многочисленными жертвами“... Прибавимъ еще, что многіе евреи вернулись тогда съ поля битвы, награжденные военными орденами; многіе были даже произведены въ офицерскій чинъ. Но наступившая затѣмъ, всѣмъ извѣстная реакція лишила этихъ избранныхъ евреевъ возможности сдѣлать употребленіе изъ полученныхъ ими знаковъ отличія. Всѣ офицеры-евреи должны были подать въ отставку. Одинъ только, названный уже выше Бургъ сумѣлъ удержаться на военной службѣ и добраться даже до маіорскаго чина....

Но мы отвлеклись въ сторону. Вернемся на одинъ моментъ еще къ тѣмъ, ушедшимъ къ праотцамъ, евреямъ германскимъ, которые служили путеводителями для своихъ собратьевъ по вѣрѣ. Прогулка по импровизированнымъ аллеямъ до этого года еще

* См. замѣтку въ „Фоссовою газетѣ“, № 327 за 1880 г.

«новаго» кладбища берлинскихъ евреевъ уже дала намъ нѣкоторое понятіе объ изобиліи въ тѣхъ выдающихся личностяхъ, которыхъ успѣло поставить столичное нѣмецкое еврейство въ послѣднія только 50 лѣтъ. Чтобы составить себѣ еще болѣе полное понятіе объ этой частицѣ современнаго еврейскаго народа, надо заглянуть въ другое, берлинское-же кладбище, закрывшее свои врата въ тотъ самый день, когда послѣдовало освященіе «новаго». Стариннѣйшая изъ плитъ, находящаяся на этомъ кладбищѣ, помѣчена 1672 годомъ. Однимъ только годомъ раньше появились въ Берлинѣ первые родоначальники нынѣшнихъ еврейскихъ гражданъ этого города. Прошло сто лѣтъ со времени послѣдняго изгнанія евреевъ изъ владѣній теперешней Пруссіи, и вотъ въ 1671 году курфирстъ бранденбургскій Фридрихъ-Вильгельмъ распорядился, чрезъ своего посланника въ Вѣнѣ, о приглашеніи оттуда, на извѣстныхъ условіяхъ, 50-ти еврейскихъ семействъ, на постоянное жительство въ г. Берлинъ. Это приглашеніе отнюдь не должно быть приписано сентиментальности: оно состоялось просто изъ политическихъ расчетовъ. Бранденбургское курфиршество, какъ и остальные части Германіи, находилось тогда въ крайне плачевномъ положеніи. Тридцатилѣтняя война, недавно еще оконченная, разорила окончательно это, и безъ того не особенно одаренное природою, государство. Все было опустошено и парализовано. Нужно было разшевелить упавшее духомъ населеніе, особенно городское, толкнуть его вновь къ дѣлу и предпримчивости, дать ему въ подмогу новый, живой элементъ, который дѣйствовалъ-бы на него благимъ примѣромъ и вынуждалъ къ соревнованію. И вотъ снова появились евреи въ нынѣшней столицѣ Германіи. Хотя они пришли не отъ себя, не вторглись насильно въ страну, всетаки ихъ пребываніе въ Берлинѣ было обставлено съ первыхъ-же дней весьма и весьма чувствительными ограниченіями, которыя долго еще ждали потомъ отмѣны. Первые еврейскіе поселенцы были люди зажиточные, отнюдь не голыши, которые—какъ гласитъ ферстеровская петиція—переступили границу фатерланда „schachernd und hausierend“. Предводителями этой зарождавшейся еврейской колоніи были: Гершель Лацарусъ, Бенедиктъ Фейтъ и Абрамъ Рись. Отпрыскъ перваго изъ этихъ господъ—почтенный профессоръ и ученый, докторъ Лацарусъ, лекціи котораго въ Берлинскомъ Университетѣ и военной

академіи привлекаютъ въ наше же время массу слушателей. Правнукъ второй изъ названныхъ личностей былъ докторъ Морницъ Фейтъ (умеръ въ 1864 г.), который въ 1848 г. былъ представителемъ отъ г. Берлина въ такъ назыв. Соединенномъ Ландтагѣ, затѣмъ удостоился, нѣсколько разъ подрядъ, избранія въ прусскую палату, и до самой своей смерти предсѣдательствовалъ въ берлинскомъ общественномъ управленіи. «Это былъ человекъ съ истинно-нѣмецкою душою, необыкновенно образованный научно — такъ аттестуетъ Фейта его обстоятельный биографъ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза. — Третій жокажъ даль Германіи не менѣе заслуженнаго человека — понинѣ еще дѣятельнаго, не смотря на свои преклонныя лѣта, доктора Петра Риса, авторитетнаго ученаго въ наукѣ физики, автора превосходныхъ работъ по изслѣдованію статическаго электричества и старѣйшаго изъ нынѣ живущихъ членовъ берлинской академіи наукъ.

Почти въ самой серединѣ кладбища уложены рядышкомъ останки этихъ избранниковъ великаго курфирста и ихъ товарищей. Ихъ могилы окружаютъ посмертныя жилища всѣми признанныхъ знаменитостей, изъ коихъ нѣкоторыя никогда не забудутся ихъ собратьями по судьбѣ и вѣрѣ. Здѣсь покоится, между прочимъ, и бессмертный Моисей Мендельсонъ: «отъ Моисея (библейскаго) до Моисея (Маймонида) не было еще равнаго ему (Мендельсону) Моисея» — такъ гласитъ его эпитафія, въ немногихъ словахъ резюмируя значеніе этого дорогаго для евреевъ имени. Съ нимъ по сосѣдству помѣстился достойный учитель его Рабби-Френкель, ради котораго онъ совершилъ пѣшеходную прогулку изъ Дессау въ Берлинъ. Тутъ же похороненъ и зять его, Фейтъ, жена котораго (Доротей) разошлась впоследствии съ мужемъ, чтобы, какъ извѣстно, вступить во вторичный бракъ съ Фридрихомъ Шлегелемъ. Не мало жертвъ принесли тогда берлинскіе евреи, на минуту черезчуръ ужъ увлекшіеся стремленіемъ къ слянію съ нѣмецкою народностью. Со вступленіемъ Мендельсона въ нѣмецкую литературу, воспитаніе евреевъ приняло сразу другое направленіе. Почетъ и уваженіе, которыя встрѣтилъ Мендельсонъ въ кружкахъ своихъ ученыхъ и литературныхъ современниковъ, за дѣлъ честолюбіе зажиточныхъ отцовъ семей еврейскихъ, крайне тяготившихся тогда своимъ изолированнымъ положеніемъ. Сыны и дщери берлинскаго Израиля были рѣшительнымъ образомъ поса-

жены за книжки. Пошла серьезная и всесторонняя подготовка ко вступленію въ среду нѣмецкой интеллигенціи. Юныя головы оказались какъ нельзя болѣе воспримчивыми къ той премудрости, которая до того была отъ нихъ сокрыта, но теперь сразу и безконтрольно находила себѣ туда доступъ. Это была реакція плодотворная, но обошлась она евреямъ на первыхъ порахъ не дешево. Умственные труды, потраченные тогдашнимъ поколѣніемъ, не пропали даромъ и скоро дали ростки. Еврейскіе дома стали, въ буквальномъ смыслѣ слова, средоточіемъ тогдашней нѣмецкой образованности. Талантливые, свободомыслящіе христіане добивались наперерывъ чести попасть въ эти «салоны», гдѣ они чувствовали себя несравненно привольнѣе, чѣмъ въ кружкахъ утопавшаго еще въ предрасудкахъ дворянства и крайне неразвитаго, неинтереснаго бюргерства. Братья Гумбольдтъ, Шлегели, Шлейермахеръ и многіе-многіе другіе еще корифеи изъ тогдашней эпохи украшали собою еврейскія гостинныя, гдѣ за учеными диспутами, за игривою, салонною бесѣдою, или музыкальнымъ развлеченіемъ, незамѣтно уходило время. На этихъ сходкахъ задавали тонъ еврейскія барыни, изъ которыхъ нѣсколько—и между ними въ особенности Генриетта Герцъ, жена популярнѣйшаго въ то время врача, Маркуса Герца—оказались, дѣйствительно, по уму и талантамъ, на высотѣ своего положенія. Духовное общеніе между христіанами и евреями, принимая все болѣе широкіе размѣры, пошло, однако, нѣсколько дальше. Выѣшались мало-по-малу и сердечныя дѣла—платоническіе вздохи и поэзія пожирала одну жертву за другою, и въ результатѣ оказалось, что черноокія еврейки поочередно стали покидать вѣру своихъ отцевъ, чтобы безпрепятственно отдаваться влеченію своихъ капризныхъ чувствъ. Это переходное время длилось однако, не долго, но въ исторіи германскаго еврейства оно все-таки играетъ весьма важную роль. Много даровитыхъ личностей вышло изъ этой интересной эпохи, много было между ними такихъ, которыя, при всей своей солидарности съ современниками, сумѣли все-таки удержаться до конца въ еврействѣ. Старое еврейское кладбище въ Берлинѣ забрало ихъ всѣхъ въ свои владѣнія. Но мы не будемъ тревожить ихъ праха и оставимъ, вообще, это священное мѣсто. На прощаніе упомянемъ еще только объ одной, весьма интересной личности, покоящейся на этомъ кладбищѣ—о скромномъ счетоводѣ Абрамѣ Вольфѣ,

съ котораго Лессингъ, какъ полагають нѣкоторые, списалъ дервиша въ своемъ «Натанѣ Мудромъ»...

На «старомъ» и на «новомъ» еврейскомъ кладбищѣ Берлина нашли себѣ, какъ мы могли видѣть, одинаковый приютъ купцы и солдаты, художники и священнослужители, ученые и философы. Не одинъ изъ нихъ предавался, можетъ быть, размышленіямъ о суетѣ мірской, терзалъ свой умъ разгадкою вопроса о судьбахъ загробной жизни. Тлѣнное тѣло ихъ давно совершило свое земное назначеніе, а мучившіе ихъ вопросы все еще остаются не вполне неразрѣшенными. Многихъ изъ этихъ когда то живыхъ и дѣйствовавшихъ личностей смерть застигла посреди надеждъ и плановъ, ожидавшихъ еще осуществленія. И все таки жизнь ихъ не прошла даромъ: она оставила послѣ себя глубокіе слѣды, которые никогда не затрутся. Не удалось имъ совладать съ загадкою о тайнахъ и цѣляхъ міроваго бытія; но за то они находились въ полнѣйшемъ сознаніи на счетъ своего собственнаго назначенія, на счетъ тѣхъ требованій, которыя предъявляла жизнь непосредственно къ нимъ самимъ....

Богата исторія германскаго еврейства такими свѣтлыми именами, богата—какъ и тотъ народъ, съ которымъ связала ихъ капризная судьба. Вотъ наднихъ только (15 февраля) счастливые въ этомъ отношеніи нѣмцы вспоминали, съ подобающими чувствованіями, одно изъ неугасаемыхъ свѣтилъ своихъ, бессмертнаго Лессинга. Ровно сто лѣтъ числится съ тѣхъ поръ, какъ не стало этого великаго человѣка, заслужившаго себѣ вѣчный памятникъ и на страницахъ еврейской лѣтописи. Въ этотъ день вся просвѣщенная Германія отдавала дань своему незабвенному учителю, этому герою мысли, заслуги котораго начинаютъ теперь только являться въ полнѣйшемъ свѣтѣ. На многихъ германскихъ сценахъ былъ поставленъ, въ столѣтнюю годовщину смерти Лессинга, его «Натанъ Мудрый». Что бы сказалъ авторъ этой художественной пьесы, если бы овъ находился теперь среди рукоплещущихъ ему нѣмцевъ, терпящихъ въ своей средѣ разныхъ Штекеровъ, Ферстеровъ и т. д.? Впрочемъ, будь живъ Лессингъ врядъ ли и ждали бы его теперь такіе триумфы и лавры. Его самого, совмѣстно съ его дѣтищемъ, постигла бы, безъ сомнѣнія, та же самая участь, какая выпала недавно на долю одного изъ профессоръ-христіанъ берлинскаго университета (Лассона), дерзнув-

шаго поднять свой голосъ въ защиту идеи вѣротерпимости и преслѣдуемыхъ евреевъ. Вѣдь вотъ же съ голоса Дюринга *, гласно «уличающаго» Лессинга въ мошенническихъ продѣлкахъ, бездарности и нивѣсть еще какихъ грѣхахъ, созданъ для него эпитетъ, равносильный, въ глазахъ юдофобовъ, самому позорному клейму. «Judenanwalt!»—вотъ она, эта «постыдная» кличка, которою наградили нѣмцы многострадальнаго мыслителя и реформатора ихъ отечественной литературы! «На самомъ дѣлѣ, сей неумѣренно возвеличаемый мужъ (сирѣчь Лессингъ)—восклицаетъ органъ аристократовъ, уже не разъ упомянутая нами прежде «Landes Zeitung»—не поэтъ, не художественный критикъ, не толерантный и не свободомыслящій философъ. Онъ просто на просто обыкновенный писака, усвоившій себѣ еврейскія замашки, который протѣжирруется евреями изъ за того конечно, что онъ такъ адвокатствовалъ въ ихъ пользу». Вотъ до какихъ пошлостей можетъ договориться фанатизмъ, опирающійся притомъ на эгоизмъ и корысти! Приведенныя слова не вредятъ, конечно, нисколько установившейся уже разъ на всегда славѣ Лессинга, и имѣютъ значеніе какъ курьезъ; но достаточно и того, что они въ настоящее еще время находятъ себѣ мѣсто на печатной бумагѣ и что ими, между прочимъ, парадируетъ мѣстная газета, состоящая въ самой тѣсной связи съ правительствомъ и съ такъ называемымъ высшимъ сословіемъ. Намъ передавали, что въ тотъ самый день, когда въ берлинскомъ ландтагѣ заканчивались знаменитые въ своемъ родѣ ноябрьскіе дебаты о евреяхъ, профессоръ Вирховъ **, явившись поздно на лекцію въ университетъ, извинился передъ своими слушателями тѣмъ, что онъ занятъ былъ въ ландтагѣ выслушиваніемъ «патологическаго объекта», г. Штекера, и что онъ за симъ, въ свою очередь, долженъ былъ хлопотать о примѣненіи къ нему надлежащей терапіи. Эта мѣткая аттестація врача и профессора относится, конечно, не къ одному только Штекеру. Дѣйствительно, о всей этой кликѣ позорящихъ Германію агита-

* *Dühring*. Die Ueberschätzung Lessings und dessen Anwaltschaft für die Juden. Berlin 1881.—Еще „откровеннѣе“ высказался сей авторъ о Лессингѣ, въ своей публичной лекціи, прочитанной въ Берлинѣ въ ноябрѣ пр. г. и надѣвавшей въ свое время не мало шуму.

** Проф. Вирховъ читаетъ въ берлинскомъ университетѣ патологическую анатомію.

торовъ и публицистовъ, прославившихся въ послѣднее время на поприщѣ антисемитства, нельзя иначе отозваться, какъ о большихъ субъектахъ, которые не вѣдаютъ сами что творять. Что Германія живетъ теперь не совсѣмъ нормальною жизнью—ясно для всякаго, кто заглядываетъ въ ея разнообразныя газеты и слѣдитъ за всѣми явленіями, по которымъ принято вообще судить о настроеніи, трезвости и силахъ извѣстнаго народа въ данную минуту. Правда, болѣзненное состояніе ея выражалось въ послѣднее время, при соответствующихъ случаяхъ, въ чрезвычайъ уже подчасъ некрасивой формѣ. Но это объясняется тѣмъ, что Германія, не смотря на свою умственную зрѣлость, и въ обыкновенное время не совсѣмъ еще успѣла свести свои счеты съ вѣками прошедшими и замѣнить вездѣ и во всемъ старья, унаслѣдованныя понятія новыми, самостоятельно выработанными подъ влияніемъ современной цивилизаціи. Подъ оболочкою нынѣшняго культуртрегера, просвѣщающаго другихъ и не безъ законнаго на это права, все еще выступаетъ подчасъ—особливо если объектомъ для наблюденія взять массу—неистовый тевтонъ добраго стараго времени, не доросшій еще до тѣхъ идеаловъ, которые проповѣдывалъ съ такою горячностью непонятый и непризнанный въ свое время Лессингъ. Какъ дальновидный мыслитель, онъ предвидѣлъ и самъ, что нескоро еще въ Германіи наступитъ полный свѣтъ, что отечество его еще долго не будетъ способно послѣдовать за нимъ. Онъ и прочилъ своего «Натана» для будущихъ поколѣній, отлично сознавая, что въ его время, и даже позже еще, это твореніе могло разчитывать лишь на ограниченный кружокъ внимательныхъ и способныхъ понимать его слушателей. «Еще не знаю я такого мѣста въ Германіи—писалъ онъ тогда своему другу,—гдѣ бы піеса эта могла теперь уже быть поставлена; но блаженъ тотъ уголокъ, гдѣ суждено ей будетъ появиться впервые». Девять десятилѣтій спустя, именно въ 1870 г., одинъ изъ современныхъ историковъ Германіи, онъ же профессоръ и публицистъ, повторилъ чуть ли не дословно эти же самыя возраженія, чѣмъ документально подтвердилъ, что съ тѣхъ поръ его соотчича, подобно бурбонской династіи во Франціи, «n'ont rien appris ni rien oublié». Вотъ эти знаменательныя слова: «Поэтическое произведеніе (т. е. «Натанъ»), которое произошло изъ этой борьбы, выдается рѣзко надъ уровнемъ понятій современной его автору

эпохи—я долженъ сознаться, и нашего даже времени. Только тогда, когда идеи Натана проникнуть всецѣло въ наше законодательство, воплотять его,—только тогда будемъ мы вправѣ похваляться, что живемъ въ нравственное время». Эта цитата приобрѣтаетъ въ глазахъ читателя еще большее значеніе, если ему будетъ сообщенъ подлинный ея источникъ. Внимайте же христіане и іудеи: сіи гуманныя слова принадлежатъ никому иному, какъ знаменитому юдофобу и профессору Генриху фонъ-Трейчке*, какъ извѣстно—на дѣлѣ вовсе не содѣйствующему ихъ осуществленію. Его же сотоварищъ по ремеслу, профессоръ Шереръ въ Берлинѣ, отрылъ ихъ въ одномъ изъ литературныхъ произведеній Трейчке и подѣлился своею находкою въ прекрасной статьѣ, посвященной памяти Лессинга, въ февральской книжкѣ журнала «Deutsche Rundschau».

Да, далеко еще отстоятъ отъ насъ то «нравственное время», о которомъ на словахъ только мечтаетъ яко-бы просвѣтитель нѣмецкаго народа, проф. Трейчке! Пусть онъ любитъся плодами своего теперешняго краснорѣчія. Черезъ три дня послѣ столѣтія смерти Лессинга, послушные слуги Трейчке поджигаютъ въ Нейштеттинѣ еврейскую синагогу и безчинствуютъ въ разныхъ закоулкахъ Германіи, гдѣ сподручнѣе дать волю своимъ животнымъ инстинктамъ.... Поджогъ въ Штеттинѣ совершается въ тотъ самый день, въ который, 25 лѣтъ т. н., умеръ другой изъ заслуженныхъ нѣмецкихъ патриотовъ, еврей Генрихъ Гейне, такъ много выстрадавшій изъ за своей преданности родной странѣ. Три дня послѣ той же (Штеттинской) катастрофы, друзья просвѣщенія вспоминаютъ еще одного мыслителя, тоже еврея, на этотъ разъ еще болѣе важнаго по своему высокому значенію—безсмертнаго Спинозу, который умеръ 204 года тому назадъ, 21-го февраля. Въ промежуткѣ шести дней чествуется память такихъ великихъ людей, изъ коихъ два—еврейскаго происхожденія, а третій прославился, между прочимъ, своими отношеніями къ еврейству! И въ этотъ же самый промежутокъ изъ среды націи, вскормившей эти три свѣтила и не мало имъ обязанной, выступаютъ бесовѣстные авантюристы, которые совершаютъ поруганіе надъ еврей-

* *Treitschke*. Historische und politische Aufsätze. Neue Folge. Lpz. 1870. S. 648.

скою церковью и циничнымъ образомъ издѣваются надъ едино-
вѣрцами этихъ трехъ крупнѣйшихъ дѣятелей...

Грустно, читатель! Но насъ, евреевъ, эти послѣднія испытанія все-таки не могутъ привести въ замѣшательство и сбить съ толку. Гонимый судьбою Лессингъ высказалъ о себѣ, въ письмѣ къ своему другу, Элизѣ Реймерусъ:

„Ich bin zu stolz—unglücklich zu sein!“—

«Я слишкомъ гордъ, чтобы быть несчастнымъ!». Эти слова да послужатъ утѣшеніемъ и для германскихъ евреевъ, которые пусть выберутъ ихъ своимъ девизомъ. Они видали виды и не такіе еще. Мы поразскажемъ кое-что объ этомъ въ слѣдующихъ письмахъ, въ которыхъ еще будетъ рѣчь о берлинскихъ евреяхъ—прежнихъ и теперешнихъ.

Ад. Цед—мъ.

Гейдельбергъ.
23 (11) февраля 1881 г.

ОБОЗРѢНІЕ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖУРНАЛИСТИКИ.

Г. Полный Русско-еврейскій словарь, составленный О. Н. Штейнбергом. Вильна, 1881.

Стремленіе къ усвоенію русскаго языка идетъ среди евреевъ быстро. Въ дѣтскихъ, на школьныхъ скамьяхъ, въ семейныхъ кругахъ, на общественныхъ собраніяхъ, въ дѣловыхъ сношеніяхъ,—вездѣ отечественный языкъ все больше и больше отнимаетъ почвы у бывшаго до сихъ поръ въ употребленіи у евреевъ ломаннаго нѣмецкаго языка. При благоприятныхъ условіяхъ, чрезъ одно—другое поколѣніе этотъ безобразный жаргонъ былъ бы окончательно вытѣсненъ и забытъ. Но внѣшнія условія, надо признаться, не всегда благоприятствовали этому похвальному внутреннему движенію. И въ этомъ опять были неповинны евреи, добывавшіе себѣ русскую культуру, стоя, такъ сказать, среди двухъ огней. Въ необходимости обрусенія евреевъ мы впервые убѣдились послѣ усмиренія послѣдняго польскаго возстанія. Мы тогда силою обстоятельствъ, такъ сказать, наткнулись на сознаніе, что многомилліонное еврейское населеніе охваченнаго тогда возстабіемъ края составляетъ силу, которою нельзя совершенно пренебрегать. Когда убѣдились въ необходимости усиленія русскаго элемента въ томъ краю, то въ числѣ другихъ мѣръ, съ этою цѣлію предпринятыхъ, взялись и за обрусеніе евреевъ. Но съ самаго начала повидимому не отдавали себѣ яснаго отчета, въ чемъ это обрусеніе должно состоять. Нѣкоторые ретивые администраторы подумали прямо объ окончательномъ *смятінн*. Это, конечно, было бы самое короткое и самое радикальное средство. Это было бы дѣло одного ка-

когонибудь получаса времени и могло бы совершиться на берегахъ любой рѣки въ родѣ того, какъ это было сдѣлано нѣкогда Владиміромъ святымъ съ новгородцами. Въ этихъ видахъ редакторы мѣстныхъ вѣдомостей затрубили тогда о необходимости перенесенія субботы на воскресеніе и замѣненія еврейскихъ праздниковъ христіанскими. Чуть ли не въ этихъ видахъ одинъ главный начальникъ края употребилъ нѣсколько десятковъ тысячъ еврейскихъ денегъ, остатковъ коробочнаго сбора, на восстановление мѣстной православной церкви и отлитіе колоколовъ. Но вскорѣ убѣдились, что такого сліянія труднѣе будетъ достигъ, чѣмъ очищенія лѣсовъ отъ мятежническихъ шаекъ, и согласились на культурное сліяніе путемъ педагогическихъ мѣръ. Но и тутъ не хотѣли понимать, что подобное перерожденіе цѣлаго народа не достигается однимъ мановеніемъ руки и одними платоническими вожделеніями и симпатическими средствами, а требуетъ постепеннаго, систематическаго, послѣдовательнаго перевоспитанія и примѣненія механическихъ педагогическихъ средствъ. Доказательствомъ этого непониманія могутъ служить слѣдующіе случаи, которымъ пишушій эти строки былъ очевидцемъ. Главный начальникъ одного центра, густо населеннаго евреями, приходитъ въ синагогу въ судный день (іомъ-кипуръ), въ тотъ моментъ, когда канторъ собирается произносить древніе гимны преемственнымъ напѣвомъ. Начальникъ выражаетъ желаніе, нельзя ли кантору пропѣть эти гимны на русскомъ языкѣ. Положимъ, что начальникъ не могъ подозрѣвать, что подобное дѣяніе считалось бы у ортодоксальныхъ евреевъ нарушеніемъ благочинія и нѣкоторымъ образомъ профанаціею святости страшнаго у евреевъ суднаго дня, но онъ даже не понялъ, что подобная импровизація со стороны не владѣвшаго русскимъ языкомъ кантора физически невозможна, такъ какъ и преемственный, освященный вѣками, мотивъ не шель бы къ новому тексту. Все это пришлось этому сановнику растолковать. Другой сановникъ, который по своей должности не могъ быть профаномъ въ дѣлахъ педагогіи,—это былъ инспекторъ училищъ учебнаго округа,—пріѣхавши въ дальнее захолустье года 2--3 послѣ того, какъ началось обрусеніе, остался недоволенъ тѣмъ, что евреи старики въ молитвенныхъ школахъ и на базарѣ не разговаривали по русски. Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ непониманія способовъ къ достиженію желанной цѣли служить

то, что рядомъ съ возникновеніемъ сознанія въ необходимости обрусить евреевъ былъ оставленъ въ силѣ законъ, запрещающій евреямъ нанимать христіанскую прислугу. Святѣйшій синодъ не разрѣшалъ переводить на русскій языкъ еврейскія молитвы, религиозные кодексы и книги св. писанія, почему-то опасаясь, чтобы, въ то время какъ путемъ этихъ переводовъ еврейское населеніе усвоитъ себѣ русскій языкъ, извѣстная часть русскаго населенія не познакомилась съ еврействомъ. При такихъ неблагоприятныхъ внѣшнихъ условіяхъ результаты, добытые евреями въ настоящее время на поприщѣ усвоенія русскаго языка и образованія является какимъ-то чудомъ и напоминаетъ собою легенду о Іосифѣ въ Египтѣ, которому явился архангелъ Гавриилъ и научилъ его въ одну ночь семидесяти языкамъ, въ томъ числѣ и египетскому. Послѣдствія этихъ ненормальныхъ условій дали себя почувствовать и по устраненіи ихъ, и въ значительной степени даютъ себя чувствовать по нынѣ. Когда преподаваніе еврейскихъ предметовъ на русскомъ языкѣ въ школахъ стало общею нормою, когда евреи и внѣ школъ стали усердно изучать отечественный языкъ, не оказалось хорошихъ руководствъ и учебныхъ пособій. Появились еврейско-русскіе учебники, сшитые на живую нитку литературными подмастерьями, людьми не вполне призванными и подготовленными. За неимѣніемъ лучшихъ приходится до сихъ поръ довольствоваться полуудачными компиляціями и переводами еврейскихъ молитвъ и религиозныхъ кодексовъ. Полной еврейской исторіи на русскомъ языкѣ мы до сихъ поръ не имѣемъ. Не имѣемъ также русскаго перевода для евреевъ св. книгъ, служащаго краеугольнымъ камнемъ перевоспитанія еврейскаго юношества. Въ другихъ странахъ, гдѣ къ появленію перевода еврейскихъ книгъ на туземный языкъ не встрѣчалось препятствій со стороны господствующей церкви, такіа изданія съ перваго пробужденія евреевъ появились цѣлыми десятками; у насъ попытка народнаго изданія св. писанія съ русскимъ переводомъ для евреевъ, не безъ удачи предпринятаго обществомъ просвѣщенія евреевъ въ 1875 году, какъ-то остановилась на одномъ только пятикнижіи Моисеевомъ. Въ виду такой скудости хорошихъ посредствующихъ пособій между еврейскимъ и русскимъ міромъ, мы не можемъ не привѣтствовать отъ души почтеннаго труда г. Штейнберга, опередившаго даже

заграничныя литературы, не имѣющія полного лексикона мѣстныхъ нарѣчій на древнееврейскомъ языкѣ.

Авторъ приступилъ къ своему труду съ полнымъ сознаниемъ трудности предпринимаемой работы, но воодушевленный немалымъ сознаниемъ своевременности и необходимости ея.

«До настоящаго времени, говоритъ авторъ въ предисловіи къ русско-еврейскому словарю, ни одинъ изъ еврейскихъ лексикографовъ Европы не рѣшился взять на себя составленіе такого словаря, который бы передалъ на еврейскомъ языкѣ всѣ слова какого либо языка европейскаго». «Оттого, прибавляетъ озабоченно авторъ, даже лучшіе изслѣдователи семитическихъ языковъ пзъ христіанъ весьма рѣдко способны написать нѣсколько фразъ правильно по еврейски».

То обстоятельство, что христіанскіе ученые не умѣютъ писать по еврейски, признаться, насъ бы мало печалло и ради этого одного мы бы не стали съ такимъ радушіемъ привѣтствовать здѣсь появленіе полного русско-еврейскаго словаря, такъ какъ умѣнье писать по еврейски—для ученыхъ не-евреевъ только предметъ роскоши. Но въ этомъ отношеніи насъ удовлетворяетъ другое чувство. Значительная часть молодого еврейскаго поколѣнія въ Россіи, получившаго общечеловѣческое образованіе, вслѣдствіе не совсѣмъ нормальнаго направленія своего воспитанія, само очутилось въ положеніи «изслѣдователей семитическихъ языковъ» несемитическаго происхожденія и имѣетъ весьма мало понятія о языкѣ, составляющемъ для нея предметъ первой важности, предметъ духовнаго единенія со своимъ народомъ,—и вотъ въ интересахъ этихъ блудныхъ сыновей мы должны дорожить появленіемъ такихъ произведеній, какъ трудъ почтеннаго автора.

Болѣе соотвѣтствененъ дѣйствительному назначенію этого труда другой мотивъ, побудившій автора, по его словамъ, взяться за эту работу. «Мы были вызваны къ этому труду, продолжаетъ г. Штейнбергъ, самымъ настоятельнымъ требованіемъ современной жизни нашихъ единовѣрцевъ въ Россіи. Въ нашемъ отечествѣ еврейскіе не легко дается русскій языкъ. Среда, въ которой заколдована у насъ еврейская масса, только отчуждала ее отъ всего русскаго и способствовала развитію у нея нарѣчій чужезяднаго, безобразнаго нѣмецкаго жаргона, поддерживавшаго ея изолированное положеніе въ государствѣ. Въ средѣ нерусской еврея ни-

что никогда не поощряло къ замѣненію своего языка-паразита языкомъ своихъ сосѣдей... Истинно солидарное отношеніе къ родной странѣ русской естественно было немислимо для тѣхъ, до которыхъ даже звуки отечественнаго языка доходили лишь изрѣдка... Только въ послѣднее десятилѣтіе евреи все болѣе и болѣе начали чувствовать подъ собою почву русскую и сознавать важность для себя знанія языка отечественнаго. Языкъ нѣмецкій, недавно вытѣсненный изъ казенныхъ еврейскихъ училищъ, очистилъ мѣсто для рѣчи отечественной. Съ тѣхъ поръ русская рѣчь завоевываетъ себѣ въ еврейской средѣ домъ за домомъ, семью за семью, и постепенно вытѣсняетъ вѣками укоренившійся въ ней жаргонъ. Въ настоящее время слово русское все болѣе и болѣе приспособляется у евреевъ къ обиходной жизни и въ извѣстной степени также и къ религіозной и богослужебной практикѣ... Не достаетъ только народу регулятора языка, недостаетъ ему самаго необходимаго руководства, самаго важнаго къ нему пособія, — толковаго, доступнаго представителямъ семействъ, словаря. Мы рѣшились восполнить этотъ недостатокъ составленіемъ на доступномъ большинству еврейской массы языкѣ древне-еврейскомъ полнаго русскаго словаря, объясняющаго не только всѣ слова, но и наиболѣе употребительные обороты, идиотизмы и поговорки русской рѣчи».

Таковы побужденія автора и таково назначеніе его работы; но каково самое выполненіе этой послѣдней? На нашъ взглядъ, въ чемъ убѣдили насъ многочисленныя справки въ словарѣ, г. Штейнбергъ разрѣшилъ свою задачу на столько удачно, на сколько разрѣшеніе это вообще мыслимо при данныхъ условіяхъ силами одного человѣка. „Трудности, съ которыми намъ приходилось бороться,—говоритъ онъ—неимоверны. Ихъ оцѣнить всякій, кто способенъ измѣрить пропасть, лежащую между осложнившимся до безконечности языкомъ современнаго европейскаго міра и незатѣйливымъ языкомъ патріарховъ человѣческаго рода на древнѣйшемъ востокѣ. Но мы сдѣлали все, что было намъ по силамъ“. И дѣйствительно, мы видимъ повсюду въ новомъ трудѣ г. Штейнберга добросовѣстное исканіе истины вмѣстѣ съ широкимъ и основательнымъ знаніемъ дѣла. Онъ не ограничивался однимъ раіономъ книгъ ветхаго канона, далеко не достаточного для передачи понятій новѣйшаго времени. Для передачи такихъ понятій, равно какъ и терминовъ науки и искусства, онъ пользовал-

ся подходящими выраженіями изъ Мишны, обоихъ талмудовъ и нѣкоторой части древнѣйшей раввинской письменности. Естественно, что въ такомъ сложномъ и кропотливомъ трудѣ не могутъ не встрѣчаться и упущенія, и мы не сомнѣваемся, что и авторъ не считаетъ свой трудъ окончательно законченнымъ и не преминетъ его пополнять и исправлять по мѣрѣ обнаруженія имъ неточностей. Намъ кажется, что слѣдовало бы автору въ болѣе широкихъ размѣрахъ пользоваться для своихъ цѣлей произведеніями средневѣковыхъ еврейскихъ философовъ и даже авторитетныхъ ученыхъ новѣйшаго времени. Тамъ встрѣчается множество терминовъ для отвлеченныхъ понятій и техническихъ выраженій, давно уже вошедшихъ въ употребленіе у новѣйшихъ гебраистовъ. Отмѣтимъ нѣкоторыя изъ нихъ, повидимому ускользнувшія отъ вниманія нашего автора. Такъ: горизонтъ называется взятымъ изъ арабскаго языка словомъ רָחֵק; Маятникъ—מַטְוֵלֶת; Авторитетъ вѣрнѣе передать словомъ מִטְחָה; Арлекинство לִינָנוּ; Адамово яблоко кажется называется у раввиновъ הַטַּבַּחְ הַשֵּׁט; Бальзамивъ называется въ талмудѣ מִסְרָסָן, Палестра или Циркъ הַרְרָ (Мидрашъ-рабба къ Исходу гл. 27); Карточка—קַרְטָה (Баба-Меція гл. 7); Созвѣздіе Медвѣдицу обыкновенно обозначаютъ словомъ שׁוּ (Іовъ XXXVIII, 32); русскому слову держава болѣе соотвѣтствуетъ еврейское עֲזָרָה (Суд. XVIII, 7; ср. I Сам. IX, 17 и II Пар. XIV, 10); барахтаться лучше передать צָרָרָה; ряженный—שֶׁשֶׁחֶט; благодѣтельный — נוֹמֵל הַסְרִים; рекреація не עִשׂוּשׁ а вѣрнѣе נִשְׁעָה; при переводѣ существ. агрономія слово חֲבוּנָה не уместно, а должно быть רִיעָה; при переводѣ выраженія бѣлены объѣлся вм. נִשְׂחָה вѣрнѣе писать מָצָה; поговорка «какъ аукнется такъ откликнется» лучше передать, примѣняясь къ стиху Іова XIV, 15, כִּי אִשְׁרַח קִרְיָא בְּךָ תִּשְׁרַח וְיִגְוֶה מִלְּךָ יִגְוֶה. Она соотвѣтствуетъ талмудической поговоркѣ מִלְּךָ יִגְוֶה וְיִגְוֶה מִלְּךָ. Пропущено междометіе ахъ по евр. אַח, אַה. При тщательномъ пересмотрѣ словаря можно отмѣтить еще много подобныхъ, легко впрочемъ исправимыхъ, неточностей.

Въ г. Штейнбергѣ по прежнимъ его сочиненіямъ нельзя не замѣтить нѣкотораго доктринерства. Нѣкоторые изъ его учебниковъ составлены такъ, что для ученыхъ они слишкомъ элементарны, для учащихся слишкомъ учены. Такъ напр. въ его еврейской грамматикѣ на русскомъ языкѣ онъ придерживается двубуквенной систе-

мы глаголовъ, давно уже оставленной грамматиками. Онъ подчасъ впадаетъ въ ту же ошибку, что г. Мандельштамъ, который въ свой переводъ Библіи, назначенный для учащейся молодежи, вноситъ толкованія, требующія еще подтвержденія, въ родѣ: פִּשְׁמֵרַב «съ началомъ», סָבַר (Бытія ХLI, 56) «собралъ», זָכַר (Зах. XI, 12; Пс. LXXIII, 24) «Изъ за Волги» и т. п. Нѣчто въ этомъ родѣ замѣчается и въ разсматриваемомъ словарѣ, напр. въ I части въ союзѣ וְ, въ сущ. בֵּית — «будка», въ прилагат. אֲרֻבָּה — «вѣтвяная» основанныя на комментаріи того же автора къ Исаи. Впрочемъ, въ словарѣ это болѣе простительно, такъ какъ слова не состоятъ въ связи между собою и, при неустойчивости толкованія одного изъ нихъ, другое слово отъ этого не пострадаетъ.

II. *Три еврейскихъ путешественника XI и XII ст. Эльдадъ Данитъ, Веніаминъ Тудельскій и Петахій Регенсбургскій. Еврейскій текстъ съ русскимъ переводомъ П. Марголина.* (Спб., 1881).

Главная цѣль предпринятыхъ названными туристами въ свое время путешествій на дальній востокъ была ознакомленіе съ евреями, жившими въ Палестинѣ и въ странахъ древней Вавилоніи, въ особенности же отысканіе такъ называемыхъ пропавшихъ десяти колѣнъ, высленныхъ царемъ ассирійскимъ въ земли прежней Мидіи. Легендарные слухи объ этихъ затерявшихся братьяхъ придавали всякому свѣдѣнію о нихъ особый интересъ въ глазахъ европейскихъ евреевъ. Но при слабомъ развитіи между тогдашними народами вообще, а между евреями въ особенности, географическихъ познаній, отъ этихъ туристовъ естественно нельзя ожидать научнаго обследованія и описанія посѣщаемыхъ ими странъ; всѣ ихъ сообщенія болѣе или менѣе носятъ характеръ легендарныхъ повѣствованій и имѣютъ для науки только значеніе какъ свидѣтельства очевидцевъ, въ которыхъ критика однакожъ должна относиться съ особою предусмотрительностію. Болѣе основательны, слѣдовательно, больше значенія для науки имѣютъ сообщенія второго туриста, Веніамина Тудельскаго. Сей почтенный рабби, какъ полагаютъ, изъ сословія торговаго, отправившись изъ города Сарагоссы въ Испанію, по направленію на востокъ, прошелъ по всей Испаніи, по югу Франціи, изъ Марселя кораблемъ чрезъ Геную въ Римъ, оттуда чрезъ Византійскую Имперію и обѣтованную страну въ Дамаскъ и дальше чрезъ тогдашнее турецкое государство до

Багдада и еще дальше по всей Персїи, чуть не до предѣловъ Индіи и Китая. Обо всѣхъ этихъ странахъ р. Веніаминъ сообщаетъ хотя отрывистыя, но интересныя свѣдѣнія, не только касательно евреевъ, ихъ численности, ихъ житя-бытѣя, ихъ умственного и экономическаго состоянія, но и другія общія свѣдѣнія о произведеніяхъ, торговыхъ сношеніяхъ и путяхъ сообщеній данныхъ мѣстностей, при чемъ подробно обозначаетъ разстоянія между этапными пунктами своего путешествія. О тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ р. Веніаминъ не успѣлъ лично побывать, у него приобрѣтены подобныя же свѣдѣнія изъ устъ другихъ. Особое вниманіе у него обращено на мѣста, чѣмъ либо ознаменовавшіяся въ еврейской исторіи, на мѣстопробываніе евреевъ въ вавилонскомъ изгнаніи, на памятники и гробницы пророковъ и другихъ великихъ людей, на мѣста, гдѣ жили и учили талмудическіе эпигоны. Возвратился же нашъ туристъ чрезъ аравійскій полуостровъ и Египетъ, Аппенинскій полуостровъ и Германію, причѣмъ упоминаетъ о Богеміи и даже о Россіи. На это путешествіе употребилъ р. Веніаминъ, по преобладающему мнѣнію, цѣлыхъ тринадцать лѣтъ отъ 1160 по 1173. Послѣдній годъ есть годъ его смерти.

Гораздо меньше занимательно и меньшее значеніе имѣетъ описаніе путешествія р. Петахія изъ Регенсбурга, совершеннаго имъ, по вычисленію его критиковъ, между 1175 и 1185 годами. Въ его розсказняхъ, записанныхъ не имъ самимъ, а съ его устъ неразборчивыми слушателями, преобладающіе элементы—вымыселъ и легенда. Для науки онѣ не даютъ ровно ничего. Интересно только описаніе р. Петахія въ томъ отношеніи, что оно какъ бы комплектуетъ описаніе Тудельскаго туриста. Р. Петахія направился въ противоположную отъ р. Веніамина сторону, именно на сѣверовостокъ. Изъ родного своего города Регенсбурга онъ двинулся на востокъ чрезъ Богемію, Польшу и Россію. Изъ Кіева Днѣпромъ, землею половцевъ, хазарскимъ государствомъ, онъ добрался съ сѣвера чрезъ Кавказскій хребетъ къ тѣмъ же историческимъ мѣстамъ въ Вавилоніи, куда пришелъ р. Веніаминъ съ юга. Упоминаетъ р. Петахія о кавказскихъ евреяхъ, которыхъ онъ называетъ минеями, потому что они понятія не имѣли о талмудѣ и раввинахъ. Иногда р. Петахія находится въ прямомъ противорѣчїи со своимъ предшественникомъ. Такъ р. Веніаминъ говоритъ (стр. 49). „Съ горы Елеонской видно Содомское море; отъ

него въ двухъ парасангахъ — соляной столбъ, въ который была обращена жена Лотова», между тѣмъ въ путешествіи р. Петахія (стр. 57) положительно утверждается, что «соляного столба р. Петахія не видалъ и его на свѣтѣ нѣтъ».

Эльдадъ Данитъ, третій, или вѣрнѣе, первый изъ этихъ трехъ въ собственномъ смыслѣ не путешественникъ-туристъ. Эта какая-то загадочная личность, и даже время существованія его съ точностію не опредѣлено: оно какъ-то колеблется между IX и X ст. По его собственнымъ словамъ, онъ былъ выходецъ изъ Эѳіопіи, разными превратностями судьбы попавшій сперва къ евреямъ въ Кайруанъ, въ Берберію, затѣмъ въ Испанію, гдѣ онъ рассказывалъ имъ чудесныя вещи о существованіи въ какихъ-то невѣдомыхъ странахъ, за баснословною рѣкою Саббатіономъ, самостоятельнаго еврейскаго царства изъ остатковъ тѣхъ же погибшихъ десяти колѣнъ и, въдобавокъ, потомковъ Моисеевыхъ, которые ведутъ жизнь воинственную и земледѣльческую, не знаютъ другаго языка, кромѣ языка священнаго, свѣдуши въ св. писаніи и талмудѣ, но знакомы съ именемъ только одного ученаго—Исуса Навина. Самъ онъ, Эльдадъ, выдавалъ себя за одного изъ нихъ, а именно за потомка колѣвна Данъ, (откуда его имя); по его словамъ онъ былъ застигнутъ на морѣ бурей, заброшенъ къ какимъ-то людодѣдамъ, которые собирались его съѣсть, но былъ чудеснымъ образомъ избавленъ внезапно напавшими на нихъ войнами, которые плѣнили его и отвели въ какую то страну Цияъ, гдѣ одинъ еврей выкупилъ его и возвратилъ ему свободу. Чуткіе къ такимъ чудеснымъ повѣствованіямъ кайруанскіе евреи сообщили рассказы Эльдада гаону Маръ-Цемаху въ Вавилоніи и спрашивали о нихъ его мнѣніе. Запросъ кайруанскихъ евреевъ вмѣстѣ съ отвѣтомъ Маръ-Цемаха и составляютъ содержаніе книги объ Эльдадѣ Данитѣ. Повѣствованія Эльдада Данита относились обыкновенно къ области легендарныхъ рассказовъ, въ родѣ Іосипова-бенъ-Горіона, и серьезные люди имъ никакого вѣсу не придаютъ, считая самого повѣствователя простымъ шарлатаномъ и обманщикомъ. Г. Марголинъ полагаетъ, что Эльдадъ своимъ повѣствованіемъ могъ возбудить желаніе къ странствованію у остальныхъ двухъ путешественниковъ, и поэтому онъ помѣстилъ его во главѣ ихъ. Въ наше время повѣствованія эти нашли себѣ нѣкоторыя оправданія въ сообщеніяхъ о фалашахъ, — племени несомнѣнно еврейскаго происхожденія, живу-

шемъ въ Абиссиніи и до самаго послѣдняго времени сохранившемъ нѣкоторую политическую самостоятельность. Для изслѣдованія фалашей и для ознакомленія съ ихъ бытомъ и обычаями «Всемирный Еврейскій Союзъ» нарочно отправилъ въ 1867 году ученаго, р. Іосифа Галеви, въ Абиссинію. Нѣкоторыя изъ сообщеній этого ученаго о фалашахъ, какъ напр. то, что въ ихъ книгахъ и молитвахъ упоминается только имя Иисуса Навина, нѣсколько напоминаютъ повѣствованія Эльдада Данита.

Всѣ три вышеозначенныя книги давно уже переведены на разные европейскіе языки, много разъ изданы и сдѣлались доступными ученому міру. Мы поэтому много обязаны г. Марголину за этотъ цѣнный вкладъ въ русско-еврейскую литературу. Русскій переводъ трехъ еврейскихъ путешественниковъ, назначенный собственно для публики нееврейской, чѣмъ объясняются нѣкоторыя слишкомъ элементарныя объясненія о евреяхъ и ихъ литературѣ, исполненъ добросовѣстно и съ глубокимъ знаніемъ предмета. Въ краткихъ предисловіяхъ къ каждой книгѣ отдѣльно передаются нужныя свѣдѣнія о данной книгѣ и ея авторѣ. Въ примѣчаніяхъ, приложенныхъ также къ каждой книгѣ, переводчикъ даетъ въ высшей степени интересныя географическія и этнографическія поясненія текста, на что потребовалось широкое знаніе еврейской исторіи и литературы. Общанныя карты къ книгѣ не приложены, и недостатокъ ихъ весьма чувствителенъ. Не всѣ, конечно, трудныя мѣста и наименованія въ трехъ сочиненіяхъ объяснены переводчикомъ, и не со всѣми его поясненіями можно безусловно соглашаться, и слѣдуетъ ожидать дальнѣйшихъ объясненій и поправокъ со стороны ученой критики. На нѣкоторыя маловажныя неточности позволимъ себѣ указать почтенному автору. Въ книгѣ Эльдада на стр. 13 «взошелъ на корабль», не совсѣмъ точно; בַּיָּם значить „отправился въ море“. На стр. 15. בְּשׂוֹשׁ значить кочующимъ. На стр. 21, стр. 5 сокращенное слово לְרִי слѣдуетъ читать לְרִי и переводъ будетъ не «всякаго чужеземнаго они помѣщаютъ въ войско» а «всякаго сильнаго». На стр. 28 вѣрнѣе перевести: «Даже стихи св. Писанія, хотя они писаны и пр.» въ противоположность къ раввинскому ученію, которое передавалось устно. На стр. 34 въ прим. I авторъ упустилъ пояснить, что число первобытныхъ народовъ опредѣляется раввинами 70, потому именно, что это соотвѣтствуетъ

числу потомковъ Ноя, исчисленныхъ въ гл. X кн. Бытія и считающихся родоначальниками народовъ. Тамъ же въ прим. 2 авторъ объясняетъ что такое Мицвать-ассе (заповѣдь) и Мицвать ло-таасе (запретъ) и приводитъ какъ примѣръ Мицвать ассе стихъ (Второз. XXIII, 21): «Иноземцу отдавай въ ростъ». Если г. Марголинъ намѣренно выбралъ этотъ стихъ, чтобы ми-моходомъ кольнуть евреевъ, обязанныхъ будто закономъ Моисеевымъ брать ростъ съ иностранца,—то это другое дѣло. Ради доброй морали можно и басню выдумать. Но если онъ это пишетъ серьезно, то онъ просто ошибается. Приведенный стихъ изъ Второзаконія не содержитъ въ себѣ обязательной заповѣди, а только позволеніе. לֹא תִשָּׂא פִּי אֶת־פִּי אֶת־רֵעִי לֹא תִשָּׂא פִּי אֶת־פִּי אֶת־רֵעִי не значить «иноземцу отдавай въ ростъ» а «иноземцу можешь отдавать въ ростъ». Въ этомъ смыслѣ принимаютъ этотъ стихъ всѣ кодификаторы еврейскихъ законовъ, за исключеніемъ, только одного, и не причисляютъ къ числу 248 обязательныхъ къ исполненію заповѣдей. Ср. א"מ"ס ו תורה א"מ"ס. Iore-Dea § 159 прямо говоритъ: «По Моисееву закону «можно (מותר) иноземцу дать въ ростъ, но равнины запретили «это»—На стр. 38 заключительныя слова не совсѣмъ согласны съ истиною. Корона священства просто обозначаетъ санъ священнической, завѣщанный потомству Ааронову, слѣдовательно нельзя сказать, что она «конечно принадлежитъ Всевышнему».—Въ книгѣ Веніамина стр. 47 слово «Гранъ-Давидъ» принимается очевидно за французское слово grand, что невѣроятно. Не слѣдуетъ ли читать горень גורן гумно и не намекаетъ ли р. Веніаминъ на П Сам. XXIV, по которому на горѣ Моріи было прежде гумно?

Въ типографскомъ отношеніи книга издана довольно чисто, даже съ нѣкоторымъ изяществомъ; но она (если только намъ не попался корректурный экземпляръ) до того изобилуетъ опечатками и пропусками, что мѣстами затрудняетъ чтеніе. Въ особенности въ еврейскомъ текстѣ иной разъ недоумѣваешь, типографская-ли это опечатка, или слово въ такомъ исковерканномъ видѣ находится у древняго автора. Такъ напр. въ кн. Веніамина на стр. 41 неизвѣстно, туристь-ли Веніаминъ или типографскій наборщикъ называетъ мѣсторожденіе пророка Іоны גורן הוֹשֵׁה במ. גורן הוֹשֵׁה. На стр. 21 напечатано הוֹשֵׁה במ. הוֹשֵׁה, на стр. 111 במ. הוֹשֵׁה במ. הוֹשֵׁה, что даетъ какъ разъ противоположный смыслъ и т. п.

III. *אהבת ישראל* (*Азаватъ Исраиля*) „Чистая любовь“, романъ изъ современной жизни севсева во двухъ частяхъ, сочиненіе Сары-Фейи Мейнкінъ изъ Рима. Часть I. Вильна. 1881.

Женщина, пишущая на древне-еврейскомъ языкѣ—большая рѣдкость. Устрашенные предостереженіемъ талмуда: „Кто учить дочь свою торѣ, какъ бы учить ее пошлостямъ“, евреи не давали своимъ дочерямъ знакомиться съ подлиннымъ текстомъ Св. Писанія и изучать древне-еврейскій языкъ. Для нихъ создавалась особая литература на такъ называемомъ еврейско-нѣмецкомъ языкѣ, съ особыми даже письменами. На этотъ идиомъ были переведены и этимъ особымъ шрифтомъ изданы: пятитомныя съ агадически-легендарными толкованіями, разныя молитвы и причитанія, нѣкоторыя правоучительныя сочиненія благовѣрныхъ раввиновъ, и этой скудной пищей вскармливали наши предки дочерей, будущихъ матерей въ Израилѣ. Вѣяніе новаго времени, произведшее переворотъ въ воспитаніи еврейской женщины, освободило и тору отъ анаѣмы, наложенной на нее талмудомъ. Тамъ и сямъ еврейскія дѣвушки стали изучать настоящій еврейскій языкъ,—языкъ библіи и литературы. Мы знаемъ нѣсколько такихъ, которыя хорошо понимаютъ древне-еврейскій языкъ, читаютъ и даже начинаютъ пописывать на немъ. Но и теперь каждый разъ, когда въ газеты попадаетъ самая незатѣйливая корреспонденція или статья еврейской женщины, то это отмѣчается, какъ рѣдкостное явленіе. Одна еврейка, г-жа Маркель, перевела на древнееврейскій языкъ разсказъ Франколма «Евреи и Крестоносцы» и попала за это въ «Пантеонъ знаменитыхъ еврейскихъ женщинъ» М. Кайзерлинга. Но все это были мелкія статьи или легкій переводный трудъ. Г-жа Мейнкінъ первая дебутируетъ самостоятельнымъ трудомъ съ довольно обширнымъ планомъ, и это явленіе тѣмъ болѣе оригинальное, что сюжетъ ея разсказа заимствованъ изъ жизни не здѣшнихъ, окружающихъ ее евреевъ, а евреевъ Франціи, Австріи и вѣчнаго города Рима.

Время событій 1861—1870 гг.—моментъ богатый политическими переворотами и посему весьма удобный для романическихъ завязокъ и развязокъ. Въ началѣ этой эпохи надъ тремя названными странами тяготѣетъ еще гнетущій режимъ стараго порядка вещей, тѣмъ болѣе обостренный, что онъ приближается уже къ

своему кризису. Во Франціи, гдѣ Наполеонъ III находился тогда въ апогеѣ своей власти и славы, чувствуются еще горестныя послѣдствія государственнаго переворота 1851 года. Многіе вѣрные сыны Франціи томятся еще въ изгнаніи и преслѣдуются даже на чужбинѣ подозрительно наполеоновскою полиціею, у которой, къ несчастью, руки весьма длинныя. Въ Римѣ, раздраженный ковнями объединителей Италіи Пій IX, цѣпляясь съ старческимъ упрямствомъ за свою свѣтскую власть, видимо ускользающую изъ его рукъ, тѣдится всѣми силами удержать всѣ прелести золотого вѣка куріи и іезуитовъ. Евреи продолжаютъ прозябать въ своемъ физическомъ и нравственномъ гетто, предоставленные полному произволу послѣдователей Лойолы. Австрія, хотя и побывала уже въ Сольферино, но не испытала еще Кенигсгреца и Садово. Въ это время въ Миланѣ живетъ еврейскій баронъ Адельбергъ, французъ-республиканецъ, эмигрировавшій изъ Парижа послѣ декабрьскаго переворота 1851 года. Сынъ его остался во Франціи и перешелъ на сторону узурпатора, у котораго онъ находится даже въ милости. Семейство старика Адельберга въ Миланѣ составляетъ его жена Дина и дочь, молодая красавица Пинеля. Нѣкогда богатый Адельбергъ, раззорившись при своей эмиграціи, живетъ теперь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и не доволенъ тѣмъ, что единственная дочь его посѣщаетъ домъ богача Гольдберга и подружилась съ его дочерью Генріеттою, которой отецъ даетъ приданое сто тысячъ гульденовъ. Но это неудовольствіе еще не бѣда: бѣдному Адельбергу угрожаетъ другая, болѣе серьезная опасность. Всесильнаго властелина Франціи почему-то беспокоитъ смирное пребываніе въ Миланѣ стараго республиканца, и вотъ парижская полиція высылаетъ въ Миланъ двухъ своихъ тайныхъ агентовъ для похищенія Адельберга. Объ этомъ узнаетъ молодой Адельбергъ въ Парижѣ, даетъ знать своему товарищу по школѣ Эмануилу, который, также еврей и выходецъ изъ Франціи, занимаетъ однакожъ важный постъ старшаго судьи или градоначальника въ Миланѣ, и проситъ его принять его отца подъ свою охрану. Черезъ это Эмануиль знакомится съ семействомъ Адельберга, плѣняется восхитительною его дочерью, и такъ какъ Эмануиль встаети достигаетъ поста миланскаго губернатора, то шансы на эту связь удовлетворяютъ самолюбіе неимущаго, но спѣсиваго барона. Но Пинеля давно уже познакомилась съ Вик-

торомъ Шенфельдомъ, сыномъ одного бывшаго банкира въ Римѣ, состоящимъ на службѣ въ одномъ банкирскомъ домѣ въ Миланѣ. и поклялась ему въ вѣрности и вѣчной любви. Это одно столкновение не повело бы однако ни къ какой катастрофѣ, такъ какъ Эмануиль, какъ истый рыцарь, готовъ уступить, если онъ узнаетъ, что Пинеля искренно любить Виктора; но дѣло усложняется еще новымъ эпизодомъ. Въ Миланѣ живетъ ребѣ-Іахдіель, галиційскій хасидъ, богачи-высочка, который для достиженія своихъ цѣлей не отступаетъ ни предъ какими средствами; онъ также безъ памяти влюбленъ въ Пинелю и съ истинно-хасидской дерзостью и настойчивостью рѣшается добиться обладанія ею во что бы ни стало. И въ то время, какъ старикъ Адельбергъ, для вящаго обезпеченія отъ преслѣдующихъ его наполеоновскихъ шпионовъ, укрывается въ домъ Эмануила, а Викторъ, у котораго римскіе іезуиты насильственно увели сперва отца, а потомъ и единственную сестру, которыхъ они содержатъ въ заточеніи для насильственного обращенія въ католичество, уѣхалъ въ Римъ для утѣшенія своей обезумѣвшей матери и спасенія родныхъ, агенты Іахдіеля, снюхавшись съ наполеоновскими шпионами, улучаютъ часъ, когда Дина отправилась къ своему мужу, нападаютъ на оставшуюся дома Пинелю, заставляютъ ее не читавши подписать письма, въ одномъ изъ которыхъ оказывается отказъ Виктору, а въ другомъ извѣщеніе родителей, что она убѣжала къ тому самому Виктору, и увозятъ ее въ одну глухую ночь въ Броды, гдѣ она содержится взаперти въ домѣ Іахдіеля, который надѣется со временемъ посредствомъ золотыхъ горъ побороть ея упорство и снискать ея любовь. На этомъ дѣйствіе пока остановилось, и если прибавить къ этому главному эпизоду еще нѣкоторые побочные, какъ любовь Генриетты Гольдбергъ къ Альберту, канцелярскому чиновнику того же Эмануила, и исторію насильственной свадьбы Эмили съ ея своднымъ братомъ, то это будетъ приблизительно все содержаніе перваго тома романа г-жи Мейнкнъ.

Какъ видитъ читатель, тутъ есть фантазія, есть и нѣкоторое творчество, но все, полно ненатуральности и фальши. Если не совсѣмъ понятно, какимъ образомъ французскій баронъ, потомокъ испанскихъ евреевъ носить нѣмецкую фамилію Адельбергъ; если секретъ повидимому безпричиннаго пре-

слѣдованія парижской полиціи въ чужой странѣ эмигранта, хотя и республиканца, но спокойнаго и никакими агитаціями незанимающагося, откроеть намъ можетъ быть второй томъ романа, то и остальные эпизоды и сцены, нашедшіе уже свое округленіе въ первомъ томѣ, не менѣе загадочны и противуестественны. Противуестественны напр. встрѣча и первое знакомство такой идеальной личности, какъ Пинеля, со своимъ возлюбленнымъ на улицѣ; противуестественно и неприлично также пребываніе Виктора въ теченіе цѣлой ночи подъ окнами Эмануила, гдѣ онъ слѣдитъ за поведеніемъ своей возлюбленной на балу, хотя, будучи самъ приглашенъ на этотъ балъ, могъ гораздо лучше и естественнѣе это дѣлать въ самомъ залѣ. При изображеніи дѣйствующихъ въ романѣ лицъ, кисть автора скользитъ по ихъ поверхности, но мы нигдѣ не находимъ болѣе глубокаго, психологическаго описанія характеровъ. Въ стилистическомъ отношеніи г-жа Мейнкінъ правда владѣетъ плавнымъ языкомъ и въ состояніи передать всѣ свои мысли, но она неоднократно грѣшитъ противъ синтаксиса еврейскаго языка. Мы считаемъ такимъ образомъ первый опытъ г-жи Мейнкінъ настолько удачнымъ, что онъ подаетъ надежду на лучшія съ ея стороны произведенія въ будущемъ, если она посерьезнѣе и поглубже изучитъ свой предметъ и справится съ совѣтами знатоковъ и добросовѣстной критики, прежде чѣмъ приступитъ къ печатанію или даже составленію дальнѣйшихъ своихъ сочиненій. Мы настоятельно ей совѣтуемъ такъ именно поступать, потому что въ ней есть несомнѣнный талантъ, который при надлежащей обработкѣ и подготовкѣ можетъ дать хорошіе и обильные плоды.

IV. צניע פראקטן «Тиффереть Бонимъ» (Краса символь), трактатъ о филиактерцахъ, М. Д. Гордона. Спб., 1881.

Это нѣчто въ родѣ напутственнаго слова для конфирмантовъ. Еврейскій юноша, достигшій 13-лѣтняго возраста, достигаетъ своего религіознаго совершеннолѣтія. Съ наложеніемъ на него молитвенныхъ ремней (тефилинъ, филиактерин), на него возлагается и отвѣтственность за точное исполненіе всѣхъ заповѣдей его вѣрученія. Во время оно, когда воспитаніе еврейскихъ дѣтей было исключительно богословское, а въ домашней жизни религіозная практика шла объ руку съ теоріею, еврейскіе юноши при достиженіи

религіозной зрѣлости не нуждались въ искусственной подготовкѣ по предметамъ своего вѣроученія; они къ тому времени успѣвали уже проглотить значительную долю талмуда и другихъ богословскихъ руководствъ и были болѣе или менѣе готовы къ выполненію обрядовой практики. Не то въ настоящее время, когда какъ богословская теорія, такъ и религіозная практика во многихъ родительскихъ домахъ начинаютъ похрамывать. Авторъ взялся пособить этому горю и въ небольшомъ трактатѣ, всего въ 22 страницы, налагаетъ на чисто библейскомъ языкѣ духъ и главныя основанія еврейскаго вѣроученія, причемъ выставляетъ преимущественно нравственную сторону его. Подъ условіемъ, чтобы ученикъ хорошо владѣлъ еврейскимъ языкомъ, или при помощи разумнаго руководителя, трудъ г. Гордона долженъ принести несомнѣнную пользу и достигнуть желанной цѣли. Для дѣтей, не владѣющихъ языкомъ еврейскимъ, было бы полезно сдѣлать русскій переводъ трактата г. Гордона.

Въ примѣчаніяхъ, приложенныхъ къ трактату, содержатся нѣкоторыя весьма дѣльныя и основательныя замѣчанія по философіи еврейской религіи.

Исваксеръ.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА.

Дѣло отставного рядового Терентьева о совращеніи въ іудейство.

21 апрѣля, въ петербургскомъ окружномъ судѣ, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, слушалось дѣло отставного рядового Якова Терентьева, обвинявшагося въ *отпаденіи отъ православія* (по 185-й ст. ул.).

Дѣло это было возбуждено вслѣдствіе требованія петербургской духовной консисторіи.

Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго, Я. Терентьевъ, поеврейски Лейба Ораловичъ Либеръ, не признавая себя виновнымъ, показалъ, что былъ крещенъ въ православную вѣру противъ его желанія, когда онъ былъ несовершеннолѣтнимъ и состоялъ на военной службѣ. Онъ исполнялъ обряды православной церкви, покоряясь волѣ начальства; но никогда въ душѣ и по совѣсти не былъ православнымъ. По выходѣ въ отставку, заботясь о спасеніи своей души, онъ открыто возвратился къ вѣрѣ своихъ отцовъ и болѣе не желаетъ принадлежать къ христіанской церкви. Свидѣтели Поперъ и Байдеръ показали: Поперъ—что зналъ Терентьева до 1864 года, какъ исполняющаго обряды православной церкви, а съ 1870 года сталъ встрѣчать его въ еврейской молельнѣ; а Байдеръ—что знаетъ Терентьева подъ именемъ Лейбы года четыре; въ это время онъ посѣщалъ синагогу и свидѣтель считалъ его евреемъ.

Во время дознанія по поводу отпаденія Терентьева отъ пра-

вославія въ іудейство, онъ былъ призываемъ въ присутствіе духовной консисторіи и къ мѣстному священнику, которому поручено было увѣщевать его остаться вѣрнымъ сыномъ православной церкви, и остался непреклоненъ въ своемъ желаніи исповѣдывать еврейскій законъ.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній видно, что въ 1847 году Лейба Либеръ, будучи 17-ти лѣтъ, принялъ православную вѣру, подъ именемъ Якова Терентьева, а въ 1862 году онъ былъ вѣнчанъ первымъ бракомъ въ церкви петербургскаго училища военнаго вѣдомства съ мѣщанкою Серебренниковою.

На судѣ обвиняемый призналъ себя виновнымъ въ отпаденіи отъ православія и пояснилъ, что онъ маленькимъ мальчикомъ былъ взятъ въ военную службу и сначала попалъ въ нижегородскій батальонъ, но оказался неспособнымъ и былъ пересланъ въ казанскій батальонъ, гдѣ не было возможности оставаться ни одному человѣку евреемъ. Бригадный командиръ говорилъ: «Лучше я надѣну солдатскую шинель, чѣмъ будетъ у меня хоть одинъ еврей». Для достиженія этой цѣли, кантонистовъ притѣсняли разными манерами: цѣлые дни посылали на самыя тягостныя работы, а по ночамъ миссіонеры читали духовныя книги и кантонистамъ не давали спать, пока не соглашались принять православія, такъ что многіе на ходу засыпали; принявъ православіе противъ своей воли, онъ, Терентьевъ, исполнялъ обряды, боясь преслѣдованія начальства, но въ душѣ былъ евреемъ. Женился на русской потому, что находилъ лучше принять бракъ, чѣмъ блудить такъ, и жену свою считалъ какъ бы валоюницей; теперь онъ уже давно не знаетъ, гдѣ его жена, такъ какъ разстался съ нею вслѣдствіе ея дурного поведенія и хотя живетъ съ еврейкой, но не вѣнчанъ. Священникъ исаіевскаго собора увѣщаль его обратиться въ православіе, но онъ твердо рѣшилъ остаться евреемъ.

По просьбѣ защиты былъ допрошенъ свидѣтель Сендаковъ, который показалъ, что также находился въ казанскомъ батальонѣ, гдѣ было очень много евреевъ; пригоняли ихъ туда цѣлыми тысячами и принуждали креститься разными манерами; доходили до того что они другъ дружку крестили, одинъ билъ другаго, вынуждая креститься, потому что, еслибъ кто-нибудь вышелъ изъ батальона некрещенымъ, то сталъ бы колотъ глаза другимъ, и всѣ били другъ друга, говоря: ты долженъ поступать такъ же,

какъ и я. На вопросъ предсѣдателя: вы били другихъ, чтобъ они крестились? свидѣтель отвѣтилъ: можетъ быть, и я билъ; мы другъ дружкѣ не пускали оставаться въ іудействѣ.

Судъ, по выслушаніи заключенія товарища прокурора и защиты, постановилъ: на основаніи 1-го п. 771-й ст. уст. уг. суд., считать Терентьева по суду оправданнымъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Человѣкъ предполагаетъ, а судьба располагаетъ. — Елисаветградскій погромъ. — Въ чемъ его сущность. — Первопричины возникновенія нелѣпыхъ слуховъ и взгляда народной массы на евреевъ, какъ на людей низшихъ и безправныхъ. — Источники разлада между стремленіемъ евреевъ съ одной и жизнью и закономъ съ другой стороны. — Чѣмъ объяснить дѣйствіе кондуктора и другихъ властей на ст. Тевли. — Какое сознаніе слѣдуетъ привить народу и какими путями. — Дѣятельность известной части печати. — Исходъ.

По истинѣ, человѣкъ предполагаетъ, а судьба располагаетъ! Разбирая въ прежнихъ нашихъ обзорѣніяхъ касающіеся жизни русскихъ евреевъ предметы и вопросы, рѣшеніе которыхъ лежитъ однако внѣ сферъ самаго еврейства, мы считывали, что на этотъ разъ намъ уже возможно будетъ перейти къ сферамъ внутри еврейства лежащимъ. Мы думали на этотъ разъ окунуться, такъ сказать, въ самую глубь внутренней жизни русскихъ евреевъ, мы хотѣли притронуться ланцетомъ къ болячкамъ и ранамъ, развѣдающимъ внутреннюю жизнь еврейской среды, еврейскихъ обществъ; мы хотѣли воззвать къ нашимъ братьямъ, чтобы они нѣсколько оглянулись на самихъ себя, на эти наросты свои, которые, правда, прививались имъ извнѣ ихъ вѣковой исторіей, вѣрнѣе вѣковымъ гнетомъ, но которые, тѣмъ не менѣе, существуютъ же и отъ которыхъ во что бы то ни стало слѣдуетъ освободиться внутреннею самопереработкой, ибо ждать, пока эти наросты исчезнутъ сами собою, вслѣдствіе измѣненія внѣшнихъ обстоятельствъ, очевидно приходится уже чрезъ-чуръ долго. Обо всемъ этомъ намъ хотѣлось поговорить обстоятельно и подробно, ибо и матеріалу по этой

части накопилось достаточно. И вдругъ — эти печальныя извѣстія съ юга, эта елисаветградская исторія, эти румынскія событія на русской почвѣ, начинающіяся въ многолюдномъ городѣ и повторяющіяся затѣмъ въ мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ. Какъ тутъ поднимется рука указывать на необходимость нравственнаго самоусовершенствованія и нравственнаго перерожденія тому, кому прежде всего приходится еще думать пока о физической самооборонѣ, о защитѣ и охраненіи не только своего имущества, но и своей человѣческой, если можно такъ выразиться, физической личности отъ возмутительнѣйшаго насилія, отъ грабежа и разбоя при дневномъ свѣтѣ, отъ грабительства, такъ сказать публичнаго, всенароднаго, и притомъ en masse и въ теченіе цѣлыхъ двухъ дней — если даже положиться вполне на официальные извѣстія. Объ этомъ послѣднемъ обстоятелствѣ мы упоминаемъ не въ тому, чтобы упрекнуть мѣстную администрацію въ томъ, что она во время не приняла надлежащихъ мѣръ для предупрежденія или хотя для скорѣйшаго прекращенія беспорядковъ, о которыхъ задолго передъ тѣмъ уже ходили всевозможные слухи. Вопросъ, въ самой сущности, въ своемъ общемъ значеніи, нисколько не измѣнился бы отъ того, было ли бы разграблено и разрушено нѣсколькими еврейскими домами больше или меньше, совершилось ли бы нѣсколькими насиліями меньше или больше, или удалось-ли бы на этотъ разъ даже совершенно предупредить эти разрушенія и насилія. Въ сущности это имѣло бы лишь временное значеніе, хотя, конечно, позволительно требовать, чтобы при настоящихъ широкихъ полномочіяхъ мѣстной администраціи и при той зоркости, съ которою она слѣдитъ за всѣмъ совершающимся въ ея районѣ, она сумѣла предупреждать подобныя событія. Но какъ мы уже сказали, это нисколько не измѣнило бы сущности вопроса. Ибо нельзя же въ самомъ дѣлѣ назвать нормальнымъ положеніе, при которомъ всякій годъ, во время пасхальныхъ праздниковъ, мѣстная администрація поставлена была бы въ необходимость мобилизовать и держать подъ ружьемъ всѣ находящіяся въ ея распоряженіи войска для того — шутка сказать — для того, *чтобы охранять*

и защищать жизнь и имущество одной части граждан отъ другой!... А что вы сдѣлаете, если какойнибудь елисаветградскій, или знаменскій, или ольвиопольскій intelligent, подъ вліяніемъ гуманитарныхъ теорій петербургскихъ Озмидовыхъ, или одесскихъ Суворинныхъ, вздумаетъ возбудить чернь и подстрекнуть ее къ насиліямъ не въ пасхальные дни, а въ день еврейскаго іомъ-кипура, когда всѣ евреи, отъ мала до велика, цѣлыхъ двадцать четыре часа проводятъ въ синагогахъ и другихъ молитвенныхъ домахъ, въ постѣ и молитвѣ, а въ домахъ остаются лишь дѣти да опасно больные? Пришлось бы, значить, тогда ставить на ноги войска и въ іомъ-кипуръ, а затѣмъ и въ другіе дни, еслибы случились прецеденты.

Очевидно, такое положеніе вещей не можетъ быть допущено, и дѣло тутъ вовсе не въ предупрежденіи и пресѣченіи насилій, грабежа и разрушеній, а въ искорененіи самой возможности, даже въ мысляхъ, подобнаго рода варварскихъ поползновеній. Само собою разумѣется, что мы говоримъ здѣсь не объ искорененіи посредствомъ примѣрнаго наказанія виновныхъ и участниковъ этихъ насилій и разрушеній. Эти мѣры устрашенія опять таки могутъ имѣть только временный и паллятивный характеръ. А надо добратся до самой сути, надо дѣйствовать на умъ и сознаніе, надо добратся до тѣхъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ въ умѣ толпы слагается мысль, что она почему то можетъ дѣлать различіе между евреемъ и не-евреемъ, до тѣхъ мотивовъ, на основаніи которыхъ эта толпа выводитъ заключеніе или предположеніе, что она чуть ли не вправѣ совершать всякія насилія надъ личностью еврея, грабить, разорять и разрушать его добро и имущество. Надо дойти до сути тѣхъ сокровенныхъ, такъ сказать, логическихъ пружинъ, вслѣдствіе которыхъ является возможность распространенія такихъ нелѣпыхъ слуховъ, будто *разрѣшено бить евреевъ*, но полиція не допускаетъ этого, потому что она подкуплена евреями (см. елисаветградскую корреспонденцію „Голоса“ въ фельетонѣ № 112 отъ 24 апрѣля). Во время приснопамятнаго одесскаго погрома 1871 года, были распространены въ народѣ подобныя же слухи,

вслѣдствіе чего къ одному изъ становыхъ приставовъ золотоношскаго уѣзда полтавской губерніи, крестьяне явились съ требованіемъ, чтобъ онъ обнародовалъ полученный имъ *указъ о разграбленіи евреевъ*, который онъ якобы держалъ въ тайнѣ изъ дружбы къ арендатору-еврею. Въ другихъ мѣстахъ партіи крестьянъ являлись на станціи желѣзной дороги съ предложеніемъ своихъ услугъ—ѣхать въ Одессу для истребленія жидовъ, такъ какъ они слышали, что тѣхъ, кто отправляется въ Одессу съ этой цѣлью, желѣзная дорога везетъ туда даромъ. Вотъ до источниковъ этого установившагося въ массахъ взгляда на евреевъ, какъ на какую то особенную отдѣльную часть гражданъ, которыхъ нельзя ставить на одну степень со всѣмъ остальнымъ населеніемъ, относительно которыхъ позволяется и даже чуть-ли не поощряется то, что строго возбраняется и строго наказывается относительно другой части гражданъ,—до той коренной причины, по которой, по словамъ той же корреспонденціи „Голоса“, собиравшіеся изъ деревень въ Елисаветградѣ крестьяне считали себя въ правѣ громогласно заявлять: „мы вырѣжемъ жидовъ и позаберемъ у нихъ земли, которой намъ недостаетъ“, а не осмѣливаются говорить тоже, относительно другихъ землевладѣльцевъ, въ рукахъ которыхъ во всякомъ случаѣ земли находится во сто разъ болѣе, чѣмъ въ рукахъ евреевъ — до той коренной причины, по которой простолюдинъ полагаетъ, что землевладѣлецъ Иванъ Петровъ владѣетъ своимъ участкомъ земли по праву, на которое онъ, простолюдинъ, посягать не смѣетъ, а сосѣдь его, Мойсей Іуделевичъ, своимъ участкомъ владѣетъ не по праву, и онъ, простолюдинъ, поэтому безнаказанно можетъ посягать на него и отбирать у него то, что ему заблагоразсудится,—или что купецъ-грекъ торгуетъ и богатѣетъ по праву, котораго нарушать онъ не смѣетъ, а купецъ-еврей будто владѣетъ своимъ магазиномъ, своимъ домомъ по захвату, и онъ, поэтому, можетъ его грабить и разорять—вотъ къ разоблаченію этого то сокровеннаго пути, которымъ подобныя мысли вкрадываются въ умы массы, слѣдуетъ стремиться. И если мы доберемся до этихъ источниковъ и захотимъ и сумѣемъ ихъ устранить, то вмѣстѣ

съ тѣмъ устранимъ и необходимость всякаго рода мѣръ предупрежденія и пресѣченія.

Масса народа живетъ не философскими теоріями, не міровыми идеалами великихъ мыслителей, а тѣми нормами, которыя существуютъ и вырабатываются въ окружающей ее жизни. Ея ходячая мораль основывается на тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ она живетъ, съ которыми она непосредственно соприкасается въ своемъ ежедневномъ обиходѣ, которыя она ежедневно видитъ своими собственными глазами. Эти отношенія, эти нормы устанавливаются дѣйствующимъ правомъ, словомъ сказать, законодательствомъ. Извѣстнаго рода антагонизмъ между различными племенами и народностями всегда существовалъ и будетъ существовать. Это лежитъ уже въ самой природѣ вещей. Но законодатель, устанавливающій одинаковыя нормы для членовъ той и другой народности, этимъ самымъ регулируетъ этотъ антагонизмъ и, надѣлая тѣхъ и другихъ одинаковыми совершенно равными правами, этимъ самымъ внушаетъ имъ уваженіе другъ къ другу; такимъ путемъ антагонизмъ этотъ теряетъ свою остроту, и если выступаетъ иногда наружу, то развѣ въ пустой взаимной перебранкѣ въ родѣ: „желтоглазый“, „колбасникъ“, „хохолъ“, „вацапъ“ и т. п. Но когда въ государствѣ устанавливаются такія правовыя нормы, вслѣдствіе которыхъ одна часть населенія исключается изъ пользованія общими, предоставляемыми этимъ государствомъ, благами, когда самъ законъ дѣлаетъ различіе между тою и другою частью гражданъ, то, само собою разумѣется, что и общество, а тѣмъ болѣе масса, совершенно иначе начинаетъ смотрѣть на эту исключаемую изъ общей государственной семьи часть населенія, какъ это бываетъ и въ обыкновенной жизни, когда какой нибудь членъ семейства находится въ загонѣ. На него смотрятъ какъ на низшую тварь, и всякій считаетъ себя въ правѣ на немъ выместить свою злобу, сорвать свой гнѣвъ и вообще придираются къ нему безъ всякой даже видимой причины и приписывать ему всякую вину, всякое зло. Тоже самое бываетъ съ тою народностью, къ которой законодатель относится иначе, чѣмъ къ другимъ населяющимъ государство племенамъ, ставя ее ниже этихъ послѣднихъ.

И въ самомъ дѣлѣ, какой же взглядъ на евреевъ могъ выработаться въ массѣ въ прежнее и даже еще и въ настоящее время? Въ прежнее время всякій вновь обнаруживавшійся законъ, касавшійся большей или меньшей части населенія, всегда, если онъ заключалъ въ себѣ какое либо право или какую либо льготу, непременно сопровождался стереотипнымъ „кромѣ евреевъ“—и едва ли такое частое напоминаніе массѣ, что въ ея средѣ живутъ люди, которыхъ законъ считаетъ нужнымъ исключать изъ всякой сферы общественной дѣятельности, оставляя имъ лишь тѣсный кругъ торгово-промышленныхъ оборотовъ, въ свою очередь для нихъ, и только для нихъ, ограниченныхъ двойными и тройными рамками, какъ относительно района, въ которомъ имъ можно было дѣйствовать, такъ и относительно самаго образа производства — это частое напоминаніе, говоримъ мы, едва ли въ состояніи было внушить массѣ народа тѣ чувства уваженія къ личности и имуществу еврея, которыя должны служить основаніемъ взаимныхъ мирныхъ отношеній гражданъ между собою, словомъ сказать, нормальнымъ порядкомъ общегитія. При такомъ исключительномъ отношеніи законодательства къ евреямъ, религія которыхъ въдобавокъ не иначе титуловалась закономъ какъ „лжеученіемъ“, въ массѣ народа, неспособной, разумѣется, вникать глубоко въ истинный смыслъ явленій и производить имъ должную оцѣнку, поневолѣ должно было зародиться воззрѣніе, что евреи вовсе не такіе люди, какъ всѣ прочіе, что ихъ слѣдуетъ считать какими то низшими существами, какими то отверженцами общества, а поэтому и обращаться съ ними не только можно, но и должно иначе. чѣмъ съ членами всѣхъ прочихъ классовъ населенія. „При полной терпимости русскаго государства ко всѣмъ исповѣданіямъ — говорить по поводу одесскаго погрома покойный И. Г. Оршанскій—евреи представляютъ едва ли не единственный примѣръ народа и культа, которые съ незапамятныхъ временъ и до сихъ поръ подвергаются у насъ самымъ суровымъ преслѣдованіямъ и стѣсненіямъ. Вслѣдствіе этого, въ умѣ русскаго человѣка не могла не засѣсть глубоко мысль, что еврей, по крайней мѣрѣ по общественному своему положенію, не есть такой

же человѣкъ, какъ и всякій другой, и можетъ быть разсматриваемъ только съ специально-еврейской точки зрѣнія. Никакія отвлеченныя представленія о братствѣ и равенствѣ людей, независимо отъ происхожденія и вѣроисповѣданія, не могутъ искоренить анти-еврейскаго предразсудка, когда дѣйствительная жизнь, одна обуславливающая характеръ мнѣній и убѣжденій всякаго общества, въ видѣ дѣйствующихъ законовъ, поддерживаетъ представленіе о совершенно особомъ положеніи евреевъ въ государствѣ“.

Слова эти были написаны, какъ мы уже сказали, по поводу одесскаго погрома въ 1871 году, т. е. десять лѣтъ тому назадъ, и они все еще сохраняютъ свою силу и въ настоящее время. Съ тѣхъ поръ въ области нашего законодательства относительно евреевъ не сдѣлано рѣшительно ничего, что могло бы содѣйствовать уничтоженію этого воззрѣнія въ умахъ массы. Разумѣется, десять лѣтъ въ жизни государства вообще не Богъ знаетъ какой длинный періодъ времени. Но это въ государствѣ, такъ сказать болѣе или менѣе окончательно выработавшемъ свои нормы, гдѣ законодательная дѣятельность преимущественно стремится лишь къ дальнѣйшему развитію и усовершенствованію этихъ нормъ. Совсѣмъ другое дѣло въ тѣхъ государствахъ, гдѣ законодательная дѣятельность устремлена на коренныя преобразованія, и въ особенности въ такихъ вопросахъ, гдѣ производится ломка всего стараго. Тутъ остановки едва-ли могутъ быть желательны, и десятилѣтній застой равносильнъ обращенію вспять и гораздо вреднѣе, чѣмъ оставленіе прежняго, хотя бы и неудовлетворительнаго, но уже такъ связать привычнаго *statu quo*, нѣсколько уже освященнаго стариной. Въ особенности это вредно и опасно въ тѣхъ сферахъ, гдѣ человѣкъ, вслѣдствіе такого поворота къ лучшему, начинаетъ мыслить и чувствовать, начинаетъ сознавать себя и свое человѣческое достоинство. Это случилось именно съ роковымъ „еврейскимъ вопросомъ“. Новыя вѣянія и поворотъ къ лучшему, обнаружившіеся въ первые годы прежняго царствованія по отношенію къ евреямъ, возбудили въ послѣднихъ самосознаніе и стремленіе выйти изъ своего заколдованнаго круга, зажить общюю со всѣмъ русскимъ наро-

домъ жизнью и добиться одинаковаго съ нимъ положенія. Но этотъ поворотъ оборвался, онъ оборвался на полпути.... Остановилось дальнѣйшее ожидаемое расширеніе правъ евреевъ, но не могло быть остановлено въ своемъ стремленіи еврейское самосознаніе. Разъ пробудившуюся мысль остановить трудно, а обращеніе ея вспять—и невозможно. Съ одной стороны евреи продолжали напрягать всѣ свои силы, чтобы добиться болѣе человѣчнаго положенія въ русскомъ обществѣ; а съ другой—законъ, и вслѣдствіе этого и жизнь, продолжаютъ тормозить эти стремленія. Контрастъ между ними сдѣлался еще замѣтнѣе, разладъ становился все острѣе. Видя, что законъ все еще продолжаетъ относиться къ евреямъ съ исключительной точки зрѣнія, масса не отрѣшается отъ прежнихъ своихъ воззрѣній и продожаетъ смотрѣть на нихъ, какъ на существа низшія, а потому всякій успѣхъ ихъ еще болѣе рѣжетъ ей глаза. Въ борьбѣ и стремленіи евреевъ къ достиженію улучшеннаго гражданскаго положенія, масса видитъ поэтому стремленіе людей низшихъ къ занятію неподобающаго имъ положенія, она смотритъ на это, какъ на противузаконныя посползованія, какъ на стремленіе къ незаконному „захвату“, которое должно быть приостановлено и наказано. И вотъ источникъ вышеприведенныхъ нелѣпыхъ слуховъ, что разрѣшено бить евреевъ, что полученъ указъ о разграбленіи евреевъ, который полиція не приводитъ въ исполненіе, вслѣдствіе чего она, масса, чувствуетъ себя вправе дѣйствовать самосудомъ. Что именно въ этомъ взглядѣ на евреевъ, какъ на людей, стремящихся къ занятію неподобающаго имъ положенія въ обществѣ, а не въ эксплоататорской ихъ дѣятельности, нужно искать мотивъ губельныхъ и разрушительныхъ дѣйствій толпы, самымъ яснымъ образомъ видно изъ того, что этотъ народный самосудъ творится постоянно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ евреи сдѣлали значительные шаги впередъ на пути къ своему нравственному и умственному возрожденію, именно на югѣ Россіи, своимъ особымъ географическимъ положеніемъ и историческими условіями болѣе благопріятствовавшемъ усвоенію евреями началъ европейской образованности и европейскаго общежитія. Еслибъ тутъ главную роль играла одна пресловутая экс-

платация евреевъ, какъ это силится доказать известная часть нашей печати, то вѣдь это явленіе въ одинаковыхъ размѣрахъ существуетъ и въ западномъ краѣ? Почему же тамъ не творится народный самосудъ въ такихъ неслыханныхъ, грандіозныхъ размѣрахъ? Нѣтъ, еслибы народъ возмущался противъ эксплуататорскихъ элементовъ, то таковые нашлись бы для него и въ другихъ частяхъ населенія. Развѣ торговецъ-грекъ на югѣ Россіи продаетъ крестьянину или кому бы то ни было свой товаръ дешевле еврея? Развѣ ремесленникъ - нѣмецъ дешевле беретъ съ него за предметы своего производства? Ничуть. Но нѣмецъ и грекъ полноправные граждане, законъ и жизнь не дѣлаютъ для нихъ никакихъ исключеній, а потому и общество, и масса народная смотрятъ на нихъ такими же глазами и не смѣютъ посягать на ихъ личность и имущество.

Вопросъ, такимъ образомъ, разрѣшается очень просто. Надо внушить обществу и народной массѣ мысль и сознание, что еврей такой же человѣкъ, такой же гражданинъ, какъ и всѣ русскіе граждане, что его личныя и имущественныя права также ненарушимы, какъ личныя и имущественныя права всѣхъ прочихъ русскихъ гражданъ. Но такую мысль и такое сознание невозможно привить народу отвлеченными идеями или теоретическими проповѣдями; они должны быть внушаемы практическою жизнью, на сколько послѣдняя находится подъ вліяніемъ государства и законодательства. Поставьте еврея силою закона въ положеніе полноправнаго гражданина, и народная масса, не сегодня такъ завтра, также будетъ смотрѣть на него, какъ на такового, и изъ ума ея исчезнутъ всякія предположенія о возможности нарушенія его правъ, всякое, даже мысленное, попятное посяганіе на эти права. Тогда и нивакому кондуктору не придетъ въ голову фантазія ни съ того, ни съ сего, придирается къ мирнымъ пассажирамъ, высаживать ихъ во время пути, потому что ему вообразилось, что ѣдущая во вѣренномъ ему вагонѣ еврейка везетъ на закланіе христіанскаго ребенка! Еслибы самъ законъ смотрѣлъ на еврея какъ на полноправнаго гражданина, то ни въ какомъ кондукторѣ, обладай онъ самой богатой фантазіей въ мірѣ, не-

мыслима была бы такая разнузданность, и никакая полицейская власть, будь она самая суровая и подоврительная, не стала бы заарестовывать мать и дитя, по одному бессмысленному заявленію о какомъ то воображаемомъ нелѣпномъ преступленіи, какъ это недавно случилось на станціи Тевли. Такія штуки можно продѣлывать лишь въ убѣжденіи, что имѣешь дѣло съ безправнымъ человѣкомъ, и въ предположеніи—вѣрномъ или невѣрномъ это особый вопросъ — что всякія твои дѣйствія, совершенныя надъ этимъ безправнымъ паріемъ, останутся безнаказанными.

Въ нѣкоторыхъ столичныхъ и близко стоящихъ къ мѣсту печальныхъ событій провинціальныхъ органахъ, въ томъ числѣ въ органахъ самыхъ серьезныхъ и уважаемыхъ, за послѣдніе дни неоднократно было высказано мнѣніе, что значительную долю вины въ погромѣ, происходившемъ въ Елисаветградѣ и прочихъ мѣстностяхъ, слѣдуетъ приписать той части нашей печати, которую мы нѣсколькими штрихами охарактеризовали въ началѣ прошлаго нашего обозрѣнія. Надо сознаться, что эта часть печати, сама питающаяся удовлетвореніемъ самыхъ низменныхъ инстинктовъ и поощряющая такіе инстинкты въ другихъ, дѣлаетъ все возможное для того, чтобы сѣять рознь и раздоръ между одной частью населенія и другой. Она въ данномъ случаѣ играетъ роль средневѣковыхъ патеровъ въ дѣлѣ преслѣдованія и избіенія евреевъ. Своимъ систематическимъ ежедневнымъ проповѣдываніемъ противъ этой части населенія, указываніемъ на антисемитическую лигу въ Германіи, передачей содержанія самыхъ нелѣпѣйшихъ заявленій антисемитовъ, систематически игнорируя въ тоже время все, что въ это же время было высказано лучшими германскими людьми, каковы Вирховъ, Момсенъ, Карлъ Фогтъ и др., завѣдомымъ всевозможнымъ извращеніемъ фактовъ, даже такихъ, которые констатированы были судомъ, какъ на примѣръъ кутаисское дѣло, послѣ котораго самый выдающійся органъ этой части печати, все еще продолжалъ называть сачхерскихъ евреевъ убійцами христіанскихъ дѣтей—всѣмъ этимъ она дѣлала все отъ нея зависящее, чтобы внушить толпѣ мысль, что всякая агитація противъ евреевъ одобрительна, всякое насиліе позволительно. Будущій безпри-

страстный историкъ русской журналистики съ негодованіемъ и омерзеніемъ отвернется отъ этой части нашей нынѣшней печати и ея недостойныхъ темныхъ дѣятелей, и въ третьемъ и четвертомъ поколѣніи яркая краска стыда выступитъ на лице всякаго истиннаго русскаго патріота, при одномъ воспоминаніи, что было время, когда въ его отечествѣ такіа личности считались руководителями общественнаго мнѣнія. При другомъ строѣ нашей государственной жизни такого рода агитаціонная дѣятельность печати, возбуждающая одну часть гражданъ противъ другой, непременно сдѣлалась бы предметомъ публичныхъ преній. Тѣмъ не менѣе мы твердо увѣрены, что одна только агитаціонная дѣятельность печати не была бы въ состояніи вызвать такую разнузданность народной массы, еслибъ въ этой массѣ существовало сознание, что она имѣетъ дѣло съ полноправными гражданами, а не съ безправными паріями. Мы твердо увѣрены, что и сама эта печать, о которой идетъ рѣчь, и дѣятели которой та же — только литературная — чернь, живущая и питающаяся не твердо выработанными убѣжденіями, а ходячею моралью, плывущая всегда съ удобнымъ попутнымъ вѣтромъ, — не стала бы предаваться такой возмутительной вакханаліи противъ евреевъ, еслибы она, благодаря своему ослѣпленію, не усматривала въ исключаемомъ евреевъ изъ общаго строя жизни государственномъ кодексѣ, если не поощреніе къ подобнаго рода дѣятельности, то, крайней мѣрѣ ея безнаказанность...

На этомъ мы и кончаемъ нашу бесѣду о елисаветградскихъ событіяхъ. Мы считаемъ излишнимъ останавливаться на подробностяхъ этого погрома отчасти потому, что они уже извѣстны читателямъ изъ газетъ, а главное же потому, что для сущности вопроса собственно подробности, какъ мы уже сказали, не имѣютъ особенной важности. Для вопроса въ его общемъ значеніи, которое мы только и имѣемъ въ виду, нисколько не важно, кѣмъ былъ поданъ первый поводъ, сколько разрушено и разграблено имущества, сколько погибло или изувѣчено людей, и т. п. — все это вещи такъ сказать внѣшнія, имѣющія значеніе лишь юридическихъ уликъ для формальной дѣятельности слѣдователей. Для насъ же важны только

внутренняя сторона дѣла, то общее положеніе, которое даетъ возможность проявленію подобной разнузданности массъ не столько въ дѣйствіяхъ, сколько въ мысляхъ ея.

Какое это общее положеніе—мы изъяснили, и выходъ изъ него только одинъ — поставить евреевъ силою закона въ положеніе полноправныхъ гражданъ безъ всякихъ изъятій и исключеній...

А. Л.

Содержаніе 2-й книги „Восходъ“.

I. ВЪ ЧЕМЪ ТРУДНОСТЬ РАЗРЪШЕНІЯ ЕВРЕЙСКАГО ВОПРОСА ВЪ РОССІИ. Л. О. Леваиды	1
II. ВЪЧНЫЙ ВОПРОСЪ. Стихотвореніе С. Г. Фруга.	25
III. КЪ ИСТОРИИ ПОСЕЛЕНІЯ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ. Л. О. Гордона	29
IV. СОНЕТЪ. Стихотвореніе М. С. Абрамовича.	48
V. ОНА УМРЕТЪ ЕВРЕЙКОЙ. Разсказь. М. Я.	49
VI. ЕВРЕЙСКІЕ ДИПЛОМАТЫ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЛЮДИ НОВАГО ВРЕМЕНИ. М. Кайзерлинга.	74
VII. ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНИИ. Проверка внутренняго состоянія колоній и безпорядковъ въ отчетности о нихъ. Н	93
VIII. ТИПЫ И СИЛУЭТЫ. Воспоминанія школьника сороковыхъ годовъ Л. О. Леваиды.	120
IX. МОШКА ПАРМСКІЙ. Исторія еврейскаго солдата. Разсказь К. Э. Францоа. Переводъ Петра Вейнберга.	130
X. ПОДРАЗЖАНІЕ ГЕЙНЕ. Стихотвореніе М. С. Абрамовича.	160

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

XI. ОДИНЪ ИЗЪ НЕМНОГИХЪ. Отрывокъ изъ воспоминаній о Вѣнѣ. П. Я. Левенсона.	1
XII. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ. НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. А. Я. Гаркави	13
XIII. ДРЕВНЕ-ЕВРЕЙСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА И ЛИТЕРАТУРА. Ретроспективный взглядъ на еврейскую журналистику. — Литературный сборникъ «Когелетъ-Мусаръ», затѣянный Мендельсономъ. — «Га-Меасфигъ». — «Биккуре га-Итгимъ». — «Керемъ Хемедъ». — «Ге-Холуцъ». — «Кохве Ицхакъ». — Еженедѣльные газеты. — Первая еврейская газета «Га-	

<p>Магидъ.—Еврейскія газеты въ Россіи и для Россіи и ихъ направленія.--Либеральный «Га-Мелицъ», колеблющійся Га-Кармель и нейтральная «Га-Цефира».—Старая и новая Га-Цефира. — Ортодоксальный органъ «Га-Леванонъ»—<i>Similis simili gaudet</i>.—Образецъ изъ журнальной практики д-ра Лемана.—«Га-Коль». — Походженія его редактора.—Преображенія и метаморфозы.—«Га-Хозе». — <i>Beau masque, je te reéconnais!</i>—Галиційскія газеты: «Го-Иври», «Махзике-Гадать» и «Га-Торъ».—Иерусалимскія газеты: «Га-Хавацелеть» и «Шааре-Ціонъ».—Ежеи́сячные журналы: «Га-Шахаръ», «Га-кармель», «Габокеръ-Оръ», «Беть-Талмудъ». «Нога-га-Іареахъ», «Амуде га-Іиреа», «Го-Огевъ».—Причины тугаго развитія евр. журналистики. Меваккера.</p>		27
XIV.	<p>ИНОСТРАННАЯ ХРОНИКА.—ПИСЬМА ИЗЪ ГЕРМАНИИ. Ад. Цед—мъ.</p>	53
XV.	<p>ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. По поводу одного щекотливаго вопроса, мимоходомъ затронутаго въ прежнемъ обозрѣніи. —Откровенныя о немъ бесѣды.—Почему въ этихъ бесѣдахъ не упоминались «нажива», «пріобрѣтеніе» и т. д. —Какъ и кто дѣлаеть разницу между «жидомъ» и «евреемъ»—Отчего евреи не удовлетворяются своимъ нынѣшнимъ «улучшеннымъ» положеніемъ?—Два слова о народѣ и родинѣ.—Что же, наконецъ, нужно сдѣлать?.. А. Д.</p>	75
XVI.	<p>КЪ ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОМЪ ПОЛОЖЕНІИ ЕВРЕЕВЪ ВНѢ ЧЕРТЫ. М. П. Шаѳира</p>	88
XVII.	<p>ОБЪЯВЛЕНІЯ.</p>	

Содержаніе 3-й книги „Восходъ“.

I. КОНЧИНА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.	
II. ТИПЫ И СИЛУЭТЫ. Воспоминанія школьника сороковыхъ годовъ. Л. О. Леванды.	1
III. АББА. Баллада. Л. А. Гордона.	24
IV. О ХАРАКТЕРЪ И ЗНАЧЕНІИ ЕВРЕЙСКОЙ ЭТИКИ. Ф. Гетца.	30
V. ОНА УМРЕТЬ ЕВРЕЙКОЙ. Разказъ. С. Я.	49
VI. ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНИИ. Променія еврейскихъ колонистовъ и ихъ послѣдствія. Н.	87
VII. МЕНДЕЛЬ ЛЕВИНЪ. Биографическій очеркъ. С. М. Станиславскаго	116
VIII. ДРУЗЬЯМЪ. Стихотвореніе. А. Бебоза	127
IX. МОШКО ПАРМСКІЙ. Исторія еврейскаго солдата. Разказъ К. Э. Францова. Переводъ Итра Вейнберга	128
X. МЕССИЯ. Стихотвореніе Гр. Альтера.	154

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

XI. ОДИНЪ ИЗЪ НЕМНОГИХЪ. Отрывокъ изъ воспоминаній о Вѣнѣ. (Окончаніе). Н. Я. Левинсона	1
XII. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ. ОБОЗРѢНІЕ ДРЕВНЕ-ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖУРНАЛИСТИКИ. Изъ журнальной массы: «Габокеръ-оръ» 1881, Январь. «Когелетъ», литературный сборникъ г. Цедербаума. Мезаккера.	28
XIII. ПИСЬМА ОБЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ. Еврейская педагогика и религіозная философія. М. Кайзерлинга.	44
XIV. ИНОСТРАННАЯ ХРОНИКА. Еще и еще антисемитическое движеніе въ Германіи.—Столѣтняя годовщина смерти Лессинга.—Демонстрація противъ евреевъ въ Гессенѣ.—Пожаръ Ней-Штетинской синагоги.—Еврейскій вопросъ въ	

Дрезденъ и Лейпцигъ.—Бракосочетаніе принца Вильгельма и еврейскіе студенты Берлина.—Великій герцогъ Баденскій о еврейскомъ вопросѣ.—Карль Фохтъ о томъ же.—Рѣчь профессора Лазаруса.—Безобразія нештскихъ студентовъ.—Еврейскій вопросъ въ Сербіи.—Праздникъ въ пользу еврейскихъ школъ въ Константинополѣ и рѣчь французскаго посла Тиссо.—Неудавшійся проектъ основанія еврейскихъ колоній въ Палестинѣ.—Рѣчь пастора Бигера по поводу евреевъ и антисемитической агитаціи.—Протестъ бостонскаго митинга противъ антисемитическаго движенія.

Э. К. Ватсона 52

XV. ПИСЬМА ИЗЪ ГЕРМАНИИ. Ад. Цед-ма. 66

XVI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Обязанности серьезнаго журналиста.—Обращенные къ евреямъ упреки «Голоса» а) въ уклоненіи отъ воинской повинности; б) въ участіи въ политической агитаціи.—Основательность послѣдвѣяго обвиненія.—Выписка изъ Рила.—Кто кого скорѣе вправѣ обвинять.—Группировка цифръ отчета о призывѣ 1880 г.—Фактическая сторона уклоненія евреевъ отъ воинской повинности.—Внутренніе мотивы и причины.—Добродушіе русской печати, политика чувства и требованіе евреевъ.

А. Л. 78

XVII. Объявленія.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

1881 ГОДА.

Издание А. А. Иозефовича, под редакцію А. Н. Стоянова, при ближайшем участіи Л. Е. Владимірова.

„Южный Край“ будетъ выходить въ форматѣ газетнаго листа ЕЖЕДНЕВНО, а въ понедѣльники и дни послѣпраздничные въ размѣрѣ полулиста.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногород. . .	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка въ платежѣ за годовую экземпляръ по соглашенію съ главной конторой газеты.

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца; но каждый срокъ простирается не далѣе какъ до конца 1881 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ главной конторѣ редакціи газеты въ г. Харьковѣ, на Московск. ул., въ д. Императорскаго Харьковского университета, № 7-й, при „Публичной Библиотекѣ“ А. А. Иозефовича, тамъ-же принимаются объявленія.

Кромѣ того, подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ . Г. Мартынова и «Новаго Времени»; въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова и въ книжной и газетной торговлѣ И. Н. Шапошникова; въ Кіевѣ—въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Федорова; въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ В. И. Бълаго; въ Полтавѣ—въ книжномъ магазинѣ Г. И. Бойно-Родзевича.

Программа газеты:

I. Телеграммы. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внешней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. III. Дѣйствія правительства, IV. Внутреннія извѣстія; а) городская и земская хроника, б) корреспонденціи. V. Обзорніе газетъ и журналовъ. VI. Политическое обзорніе. VII. Внешнія корреспонденціи. VIII. Смѣсь. IX. Биржевая хроника. X. Календарь. XI. Справочныя свѣдѣнія. XII. Судебная хроника. XIII. Фельетонъ научный, литературный и художественный. XIV. Объявленія.

Редакціи общали постоянное сотрудничество слѣдующія лица:

Проф. М. М. Алексѣенко, Н. С. Авдаковъ, А. А. Ананьева, Я. О. Баласный, проф. Н. Н. Бекетовъ, С. Я. Бѣликовъ, проф. К. К. Гаттенбергеръ, проф. Л. Л. Гиришманъ, П. Н. Горловъ, А. Н. Гусевъ, Г. П. Данилевскій, проф. Г. М. Деларю, К. К. Детловъ, доц. А. Е. Зайкевичъ, проф. Ф. А. Зеленогорскій, Н. Златовратскій, проф. А. И. Кирпичниковъ, доц. П. И. Ковалевскій, доц. Н. О. Кулеваскій, проф. В. Г. Лашкевичъ, проф. А. С. Лебедевъ, Е. Г. Левченко, А. П. Лукинъ, проф. Ю. И. Морозовъ, В. И. Немировичъ-Данченко, Ф. Д. Нефедовъ, С. А. Новицкій, Н. П. Овсянниковъ, А. Б. Пальчинскій, проф. М. Н. Петровъ, А. С. Размадзе, И. М. Собѣстьянскій, проф. И. П. Сокальскій, доц. Н. Ф. Сумцовъ, Г. И. Усенскій, И. О. Фесенко, проф. Л. С. Цѣтковскій, проф. Г. М. Цѣхановецкій, Г. С. Чиряковъ, В. В. Чуйко, проф. А. П. Шимковъ, доц. К. Н. Дрошь, проф. Н. К. Яцукевичъ, и другіе.

Главная контора газеты проситъ Гг. подписчиковъ сообщать о неаккуратной доставкѣ газетъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1881 годъ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИ-
ТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Русскій Курьеръ остается вѣренъ разъ избранному имъ на-
правленію, стараясь только о расширеніи круга своей дѣя-
тельности, чтобъ удовлетворить требованіямъ большинства своихъ
провинціальныхъ и столичныхъ читателей.

Русскій Курьеръ выходитъ ежедневно въ форматѣ нашихъ
большихъ газетъ и по слѣдующей программѣ:

- I. Постановленія и распоряженія правительства.
- II. Обзоръ политическихъ событій и общественной жизни;
обсужденіе «вопросовъ дня».
- III. Хроника: Извѣстія—придворныя, военныя, научныя, ли-
тературныя, художественныя, театральныя, музыкальныя,
торговныя и др. Біографія и некрологи замѣчательныхъ
людей.
- IV. Телеграммы.
- V. Мнѣнія русской и иностранной печати по текущимъ во-
просамъ.
- VI. Жизнь Россіи: народное образованіе, земство, городское
и крестьянское самоуправленіе, промышленность и тор-
говля, дѣла духовенства и явленія въ области раскола;
корреспонденціи и сообщенія изъ различныхъ городовъ и
мѣстностей Россіи; извлеченія изъ журналовъ и газетъ
столичныхъ и провинціальныхъ.
- VII. Иностранныя извѣстія: Корреспонденціи изъ-за границы;
извлеченія изъ иностранныхъ газетъ.
- VIII. Литературный отдѣлъ: романы, повѣсти, очерки, рассказы,
сцены, стихотворенія, какъ оригинальныя, такъ и пере-
водныя.
- IX. Фельетонъ: Обзоръ явленій внутренней жизни; литера-
турная лѣтопись; обзоръ педагогическихъ журналовъ; исто-
рическій листокъ; научная хроника; хроника заграничной
жизни; драматическій театръ; музыкальныя очерки и же-
лѣзнодорожная лѣтопись.

- X. Критико-библиографическій отдѣлъ: статьи по разнымъ отраслямъ наукъ, искусствъ и промышленности.
- XI. Судебная хроника: замѣчательные судебные процессы.
- XII. Разныя извѣстія: интересные случаи, анекдоты и проч.
- XIII. Справочный листокъ: свѣдѣнія—биржевыя, желѣзнодорожныя, театральныя и прочія справочныя извѣстія; отвѣты редакціи.
- XIV. Объявленія.

Въ Русскомъ Курьерѣ участвуютъ слѣдующія лица: *Г. В. Алферевъ, Д. Н. Анучинъ* (пр. унив.), *К. Д. Анциферовъ* (пр.), *Н. П. Бозольновъ* (проф.), *Н. М. Богомоловъ, И. С. Беллюстинъ, В. Н. Бензенеръ, Н. Н. Блиновъ, А. Н. Веселовскій, В. П. Давневскій* (доц.), *Д. А. Дриль, М. В. Духовской, Н. Н. Златовератскій, Н. И. Зиберъ, Н. П. Колупановъ, А. Д. Курепинъ, гр. П. А. Кутизовъ, А. Н. Ладыженскій, (пр.), А. О. Лютецкій, В. С. Малаховъ, А. М. Евреимова, В. С. Мамышевъ, Е. С. Некрасова, В. И. Немировичъ-Данченко, Вя. И. Немировичъ-Данченко, В. И. Орловъ, М. Л. Песковскій, В. О. Португаловъ, А. С. Пругавинъ, А. С. Размадзе, И. П. Разсадинъ, П. А. Ровинскій, М. А. Саблинъ, П. А. Соколовскій, Н. И. Стороженко* (проф.), *Л. Н. Трефоловъ, В. А. Ульяницкій, И. Н. Харламовъ, Н. М. Ядринцовъ, И. И. Янжулъ* (проф.), и мн. др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою въ Москвѣ:				Съ пересыкою въ города:			
На 12 мѣс.	Р. К.	На 6 мѣс.	Р. К.	На 12 мѣс.	Р. К.	На 6 мѣс.	Р. К.
" 11 "	8 50	" 5 "	4 50	" 11 "	9 —	" 5 "	5 —
" 10 "	8 —	" 4 "	3 90	" 10 "	8 50	" 4 "	4 60
" 9 "	7 50	" 3 "	3 25	" 9 "	8 —	" 3 "	3 70
" 8 "	6 75	" 2 "	2 50	" 8 "	7 40	" 2 "	2 75
" 7 "	6 —	" 1 "	1 90	" 7 "	6 70	" 1 "	2 —
" 7 "	5 25	" 1 "	1 —	" 7 "	5 90	" 1 "	1 10

П Р И М Ѣ Ч А Н І Я:

1. Отдѣльные №№ изъ конторы изданія и у разнощиковъ—по 5 коп.
2. За границу плата вдвое.
3. Подписка принимается съ 1-го числа по 1-е каждого мѣсяца и не даѣе какъ по новый годъ.
4. Гг. иногородные подписчики, при возобновленіи подписки, благоволятъ прилагать свой печатный адресъ.
5. За перемѣну адреса прилагается: городского и иногороднаго—30 коп. Подписка принимается въ конторѣ изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ, д. Н. П. Ланина, въ отдѣленіи конторы—близъ Петровки, Стоешениковъ пер. д. Карзинкина, въ Русско-Иностранной газетной экспедиціи Ф. Жаке, въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и С.-Петербурга и въ Парижѣ—*Rue Clément, 4, Adam.*

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться преимущественно въ контору изданія „РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“.

Издатель и отвѣтственный редакторъ Н. П. Ланинъ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

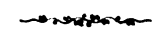
ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

1881
Издаваемый А. Е. Ландау

МАЙ.—КНИГА ПЯТАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Плонц. Больш. Театра, д. № 2.
1881.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

КЪ НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ ПИРОГОВУ.

С.-Петербургъ, 24 Маа 1881 г.

Въ числѣ другихъ и русско-еврейская журналистика сочла долгомъ сегодня привѣтствовать Васъ, высокочтимый Николай Ивановичъ,—и вотъ почему.

Сегодняшнее Ваше юбилейное торжество не есть только празднѣе науки, но и торжество гражданское. Въ лицѣ Вашемъ, Н. И., вся Россія *обязана* чествовать сегодня не только великаго ученаго, но и великаго гражданина. Но, какъ истинный гражданинъ, Вы во время Вашей многолѣтней плодотворной дѣятельности своимъ широкимъ взглядомъ обнимали всѣ жизненные интересы страны и потому и не упустили изъ виду и оцѣнили по достоинству ту громадную важность, которую имѣетъ для Россіи просвѣщеніе ея еврейскаго населенія и сліяніе его съ общимъ. Содѣйствуя всевозможными зависящими отъ Васъ мѣрами и средствами просвѣщенію евреевъ—поощреніемъ развитія еврейскихъ училищъ и поддержкой еврейской образованной молодежи въ борьбѣ ея съ обскурантизмомъ внутри еврейства и убійственнымъ равнодушіемъ внѣ его—Вы однимъ изъ средствъ къ достиженію этой цѣли считали, и совершенно справедливо, дѣятельность русско-еврейской журналистики. „Я горжуся тѣмъ“, писали Вы слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ редактору перваго русско-еврейскаго журнала, покойному О. А. Рабиновичу, „что содѣйствовалъ на сколько могъ осуществленію

благой мысли—издавать на русскомъ языкѣ журналъ, который долженъ былъ сдѣлаться органомъ русскихъ евреевъ“... Вы увидѣли въ немъ то звѣно, которое должно современемъ соединить два лагера въ одинъ общій станъ на свою собственную пользу и на пользу всей Россіи. Къ этой намѣченной Вами, Н. И., цѣли стремитесь и теперь (нынѣшняя) русско-еврейская журналистика, — и вотъ почему она считаетъ своимъ священнымъ долгомъ присоединить и свой скромный голосъ къ общему голосу всей чествующей Васъ сегодня Россіи.

Но и если и во всякое другое время эти дорогія воспоминанія объ отношеніяхъ Вашихъ къ упомянутой выше цѣли, возбудили бы въ насъ чувства безпредѣльнаго къ Вамъ уваженія, то тѣмъ сильнѣе они должны воодушевлять насъ теперь, когда ежедневно повторяются возмущающія душу извѣстія о новыхъ проявленіяхъ звѣрскихъ инстинктовъ, о новыхъ неистовствахъ, совершающихся нынѣ именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Вы съ такой неусыпной энергіей словомъ и дѣломъ уничтожали рознь, гдѣ Вы, Н. И., съ такимъ непоколебимымъ рвеніемъ слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ, священнодѣйствовали, какъ истинный посланникъ мира и любви, и своимъ личнымъ примѣромъ воодушевляли и другихъ къ такой благотворной дѣятельности.

Но намъ потому еще особенно дороги воспоминанія объ этой сторонѣ Вашей дѣятельности, что она была вызвана не мимолетнымъ чувствомъ гуманной сантиментальности, а была плодомъ глубокаго убѣжденія, выработавшагося, какъ Вы сами публично выразились, всѣмъ Вашимъ образованіемъ, цѣлою Вашею жизнью. Намъ особенно пріятно вспомнить теперь Ваше публичное заявленіе, что такое отношеніе къ евреямъ не только вытекаетъ изъ естественнаго порядка вещей, что оно требуется не только чувствомъ гражданскаго долга, но и простымъ расчетомъ со стороны тѣхъ, кто понимаетъ истинные интересы Россіи.

Вы, Н. И., на гражданскомъ поприщѣ, были для русскихъ евреевъ русскимъ Лессингомъ, и Вы, какъ онъ, опередили свой вѣкъ. Поэтому намъ кажется, что самымъ лучшимъ пожеланіемъ въ день Вашего юбилейнаго торжества

будетъ для Васъ то, чтобы горячо любимая Вами Россія вскорѣ достигла такого положенія и развитія, при которомъ убѣжденія Ваши, (убѣжденія Пироговыхъ), сдѣлались-бы общимъ достоянiемъ.

Да здравствуетъ Николай Ивановичъ Пироговъ и да продлится надолго его жизнь и дѣятельность ко благу Россiи и *всѣхъ* сыновъ ея.

Редакція „Восхода“.

Вотъ текстъ адреса, переданнаго почтенному юбиляру отъ имени русско-еврейской журналистики:

„Торжество общее и искреннее соединяетъ вокругъ васъ сегодня представителей всей мыслящей Россiи. Мы всѣ вмѣстѣ чувствуемъ нынѣ ветерана праваго дѣла, самоотверженнаго цѣлителя тѣлесныхъ и духовныхъ недуговъ людскихъ. Въ этомъ торжествѣ нѣтъ мѣста для розни; оно должно объединить всѣхъ участниковъ въ такой же мѣрѣ, какъ ваше великое сердце и свѣтлый умъ объединяли и объединяютъ общою помощью всѣхъ, безъ различія, страждущихъ и нуждающихся.

Но, принося вамъ, наравнѣ со всѣми русскими, общую дань благоговѣнiя и признательности, мы — представители отечественной еврейской прессы — вмѣстѣ съ тѣмъ приносимъ вамъ и свое особое спасибо. Спасибо вамъ, Н. И., за ту поддержку, за то плодотворное содѣйствiе, которыя вы, двадцать два года тому назадъ, оказали возникновенiю органовъ, посвященныхъ нуждамъ еврейства въ Россiи. Вы безошибочно оцѣнили тогда все значенiе живаго и правдиваго слова; этого могучаго оружія въ борьбѣ противъ вражды и недомыслия, сковывавшихъ еврейскую жизнь извнѣ, противъ темноты и косности, тормозившихъ ее изнутри. И намъ особенно дорого и памятно ваше участiе потому, что основывалось оно не на мимолетномъ порывѣ чувства, а на вѣчныхъ принципахъ справедливости и разумно-понятой любви къ отечеству — лучшихъ и надежнѣйшихъ руководителей всѣхъ благородныхъ стремленій и начинаній. Не пройдутъ эти начинанія бесслѣдно!

Пусть еще вражда и рознь грозятъ уничтоженіемъ всему, что создано усиліями такихъ свѣтлыхъ умовъ, какъ вы. высокочтимый Н. И., пусть голосъ защитниковъ еврейскаго дѣла слабо еще раздастся среди разгула страстей и предубѣждений,—мы глубоко убѣждены, что правое дѣло, которому вы посвятили свое сочувствіе и столь дѣятельное участіе, наконецъ восторжествуетъ!

Не угаснетъ ваше имя среди людей, не забудется оно среди русскаго народа, но втройнѣ будутъ помнить и чтить это имя русскіе евреи, ибо вамъ они обязаны сочувствіемъ и помощью, какъ люди, какъ русскіе граждане и—какъ евреи. И вѣрьте, также тепло и отрадно будетъ навсегда это воспоминаніе, какъ искрененъ и радостенъ нынѣ этотъ свѣтлый праздникъ просвѣтленной мысли человѣка!

Редакція: „Восходъ“, „Гамелицъ“, „Разсвѣтъ“, „Русскій Еврей“.

Сообщаемъ также текстъ адреса, переданнаго Н. И. отъ имени „общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи“.

Глубокочтимый Юбиларь!

„День пятидесятилѣтія Вашей плодотворной дѣятельности на пользу науки и отечества составляетъ день праздника и для евреевъ въ Россіи.“

Во все время Вашей долголѣтней профессорской дѣятельности Вы съ одинаковою любовью относились и къ учащимся евреямъ, — и не мало врачей-евреевъ съ гордостью называютъ себя Вашими учениками.

На высокихъ постахъ попечителя Одесскаго и Кіевскаго округовъ, Вы, съ безпристрастіемъ указывая на недостатки нашего племени, заявляли съ радостью и объ его добродѣтеляхъ. Такъ съ проникательностью, достойною Вашего ума, Вы отгадали ту „высокую сторону еврея“, которая, говоря Вашими собственными словами, заключается въ томъ, что „грамота и законъ, сынъ и ученикъ, ученье и воспитаніе сливаются въ одно въ понятіи ветхозавѣтнаго человѣка“.

Не удивительно, что, при столь высокыхъ качествахъ Вашего ума и сердца, дѣла уравниенія правъ евреевъ съ ко-

реннымъ русскимъ населеніемъ всегда находило живой откликъ въ Вашей душѣ.

Конечно, не Ваша вина, если это дѣло, столь живо возбужденное въ сознаніи правительства и общества въ концѣ пятидесятихъ и началѣ шестидесятихъ годовъ, не подвинулось затѣмъ по надлежащему пути.

Но чѣмъ больше омрачился горизонтъ для русскаго еврейства, съ тѣмъ живѣйшею признательностью и благоговѣніемъ оно вспоминаетъ Ваше неизмѣнное отношеніе къ нему,—отношеніе, достойное Вашего глубокаго государственнаго ума. Уже около 20 лѣтъ тому назадъ, Вы, глубокоуважаемый Николай Ивановичъ, заявили, что стѣсненія и ограниченія нашего племени Вы считаете „политическимъ абсурдомъ, ведущимъ только къ деморализаціи, какъ стѣсненной, такъ и стѣсняющей стороны“. Въ столь торжественный часъ выраженія нашихъ чувствъ признательности и благоговѣнія къ Вамъ, мы не находимъ словъ, чтобы выразить, какъ пламенно мы желаемъ, въ интересахъ всего нашего отечества и нашего племени, чтобъ этотъ источникъ деморализаціи скорѣе исчезъ. Но если осуществленіе этого желанія зависитъ не отъ насъ, то слова, которыми Вы формулировали еврейскій вопросъ въ Россіи, останутся навѣки запечатлѣнными въ сердцахъ каждаго еврея.

Примите-же, глубокоуважаемый Николай Ивановичъ, выраженіе нашего глубокаго благоговѣнія и безпредѣльной признательности и да даруетъ намъ Богъ счастье видѣть Васъ въ средѣ лучшихъ сыновъ отечества еще многіе и многіе годы!“

Одесское отдѣленіе этого „общества“ также привѣтствовало юбилара. Къ сожалѣнію текстъ этого адреса намъ неизвѣстенъ.

Кромѣ того, еврей-учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ С.-Петербургѣ также привѣтствовали Н. И. слѣдующими словами.

„Глубокоуважаемый Николай Ивановичъ!

Въ высокоторжественный день пятидесятилѣтія Вашей многополезной и многотрудной общественной дѣятельности,

въ этотъ истинный праздникъ науки, мы нижеподписавшіеся, евреи—учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ С.-Петербургѣ, радостно спѣшимъ исполнить священный долгъ, лежащій на насъ, какъ на евреяхъ и учащихся. Этотъ долгъ—выразить Вамъ наше глубокое уваженіе и нашу искреннюю признательность за Ваши стремленія къ улучшенію быта русскихъ евреевъ. Ваше сочувственное отношеніе къ еврейскому племени потому такъ дорого намъ и такъ назидательно для всего русскаго общества, что оно есть плодъ могучаго научнаго ума, высокоразвитаго чувства и долгаго, всесторонняго жизненнаго опыта. Вполнѣ постигнувъ великое назначеніе ученаго, Вы явились воспитателемъ и врачомъ въ самомъ возвышенномъ смыслѣ этихъ словъ. Задачей Вашей жизни стала борьба не только съ физическими недугами человѣка, но и съ нравственными болѣзнями общества. Ваше высокое понятіе о достоинствѣ человѣка указало Вамъ на сословную и племенную вражду, какъ на одну изъ самыхъ опасныхъ общественныхъ язвъ. И со всей энергіей мощнаго ума, со всѣмъ краснорѣчіемъ благороднаго чувства Вы выступили на защиту попираемыхъ человѣческихъ правъ русскихъ евреевъ.

И теперь, въ годину тяжкихъ бѣдствій, переживаемыхъ русскимъ еврействомъ, наши взоры, истомленные картиной горькихъ испытаній нашего племени, съ благодарностью и отрадой останавливаются на Вашей полувѣковой благородной дѣятельности. Живите-же долго, дорогой учитель, и да не оставитъ Васъ до конца Вашихъ дней святая надежда, что посѣянная Вами сѣмена истины и добра принесутъ плоды свои, на благо обществу и на радость всѣмъ истиннымъ друзьямъ человѣчества“.

МОШКА ПАРМСКІЙ.

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКАГО СОЛДАТА *.

Разсказъ К. Э. Францоа.

ХП.

«Застонуть и заскрежешуть зубами всѣ поколѣнія, и распространятся страхъ и печаль между дѣтьми человѣческими». Такъ возвѣщается намъ о днѣ страшнаго суда. Но тому, кто желаетъ увидѣть осуществленіе этого пророчества, не зачѣмъ ждать минуты, когда дѣйствительно падутъ земныя твердыни и съ трескомъ раскроется сводъ небесный. Явленіе это можно наблюдать въ Барновѣ ежегодно въ апрѣлѣ, когда приближается день набора. И каждый новый знакъ этого приближенія увеличиваетъ плачь и скрежетъ зубовъ.

Тутъ во первыхъ—призывъ къ вынутію жребія, затѣмъ—самый этотъ актъ. Уже оно если не рѣшаетъ, то предрѣшаетъ участь, и потому результатъ его ожидается съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ и въ одномъ домѣ принимается съ дикимъ ликованіемъ, въ другомъ — съ робкою скорбью. Это относится, конечно, ко всѣмъ юношамъ и ихъ родственникамъ, безъ различія національности или религіи: Натанъ и Грицко одинаково горюютъ, когда вытащутъ дурной номеръ, и ликуютъ, когда попадется хорошій, потому что любовь къ самому себѣ живетъ въ каждомъ человѣческомъ сердцѣ. Но манерою проявленія этого горя и этого ликованія доказывается громадная

* См. „Восходъ“, кн. I—IV.
Восходъ, кн. V.

разница между двумя народами, уже нѣсколько столѣтій поселенными въ одной и той-же мѣстности, рядомъ другъ съ другомъ, и все таки продолжающими жить каждый особнякомъ.

Что касается до русина, то каковъ бы ни былъ результатъ вынутія жребія, онъ во всякомъ случаѣ спѣшитъ въ кабакъ—для умѣренія ли своего отчаянія или для усиленія радости. Только на слѣдующее утро возвращаются домой, еще пошатываясь съ похмѣлья, молодые крестьяне со своими родственниками. Кому достался удачный номеръ, тотъ ни о чемъ не горюетъ и не заботится; вытянувшій несчастную цифру принимаетъ свою участь съ тупою покорностью судьбѣ. Въ дни, слѣдующіе за этой роковой лотереей, въ деревняхъ выпивается водки больше чѣмъ во всякое другое время; но побѣги, самоизуродованія прекращаются. Судьба произнесла свой приговоръ; возставать противъ него было бы, по мнѣнію этихъ людей, грѣшно и нелѣпо.

Не то у евреевъ. И они, каковъ бы ни оказался результатъ, стремятся по окончаніи въ одно и то же мѣсто; но это мѣсто не кабакъ, а синагога. Счастливецъ обязанъ благодарить Бога, а тотъ, кому грозитъ опасность — еще горячѣе, еще задушевиѣе молить Его о помощи. Можно бы подумать, что эта твердая вѣра въ милосердіе Всемогущаго должна усиливать увѣренность, уменьшать боязнь и доставлять спокойствіе встревоженнымъ сердцамъ. Но у еврейскаго народа врождена неустанная энергія; его душѣ ничто не чуждо такъ, какъ тупая покорность судьбѣ славянина. Пусть Натанъ вытащитъ даже самый неудачный номеръ,—онъ и его семья все таки не перестанутъ хлопотать объ устраненіи опасности, которая представится страшнѣйшею изъ всѣхъ, вслѣдствіе ихъ общественныхъ воззрѣній — этого печальнаго продукта внѣшняго гнета и внутренней неразвитости. Земныя средства были всѣ пущены въ ходъ до рокового дня, теперь надо прибѣгнуть къ небеснымъ. Родители обреченнаго принимаютъ участіе въ томъ или другомъ благотворительномъ дѣлѣ, ушачиваютъ подати за нуждающихся отцевъ семействъ или снабжаютъ при-

даннымъ бѣдныхъ невѣсть. Правда, все это дѣлается и въ теченіе года; еврейскій народъ всегда отличается сострадательностью къ несчастью, дѣятельною любовью къ человѣчеству; но никогда дары благотворительности не льются такъ щедро, какъ въ промежутокъ между днемъ выниманія жребія и днемъ окончательнаго рѣшенія. Тутъ-же употребляется въ дѣло еще одно средство, долженствующее служить къ достиженію какъ небесныхъ, такъ и земныхъ цѣлей. Молодые люди постытятся черезъ день или по крайней мѣрѣ воздерживаются отъ употребленія мяса и вина,—потому что этого рода эпитемія и пріятна Богу, и въ тоже время сгоняетъ съ лица краску здоровья.

Нашъ Мошко не постылся подобно своимъ единовѣрцамъ и не пилъ водки, какъ русинская молодежь. Рекрутство, какъ мы уже знаемъ, очень мало тревожило его, потому что на душѣ у него лежали болѣе тяжелыя заботы. Новый хозяинъ Мошки, Семенъ Грипко, родственникъ Василія, прежде занимавшійся извозомъ, въ кузнечномъ ремеслѣ понималъ только одно—что еврей не годится для него, и поступалъ относительно своего еврейскаго подмастерья сообразно съ этимъ возрѣніемъ. Напрасно Мошко старался снискать расположеніе хозяина и позволеніе остаться у него тѣмъ, что съ ранняго утра до поздней ночи употреблялъ почти нечеловѣческую силу на самыя тяжелыя работы; напрасно ходатайствовалъ за него и честный Гаврило. «Развѣ я могу — возражалъ Семенъ — такъ сильно грѣшить противъ Бога? Онъ только что облагодѣтельствовалъ меня, пославши Василію смерть, а мнѣ — его наслѣдство, — и я же отблагодарю Его за это тѣмъ, что буду держать у себя въ домѣ одного изъ тѣхъ, которые Его распяли?» На такомъ разсужденіи онъ уперся, и поэтому Мошко, работая своимъ молоткомъ, не переставалъ спрашивать себя: «Что-же мнѣ теперь дѣлать съ собой?» Но и эта забота не была для него самою тяжелою; больше всего его мучила мысль о бѣдной Казѣ. Чѣмъ болѣе думалъ онъ объ этомъ, тѣмъ безотраднѣе становилось у него на душѣ. «Вотъ ты и оказался негодяемъ со всею своею честностью!» говорилъ онъ себѣ,

скрежеща зубами и до крови кусая губы, потому что этою тѣлесною болью онъ немного облегчалъ страданіе душевное. «Всякій другой, когда опозорить дѣвушку, можетъ и возвратить ей честь; а ты бездѣльникъ, развѣ можешь?» Онъ задавалъ себѣ такой вопросъ, потому что жениться на Казѣ ему ни на минуту не приходило въ голову. Мысль выкреститься была по прежнему такъ далека отъ него, что онъ скорѣе вадумалъ бы прогуляться вверхъ ногами. И Каза никогда не помышляла объ этомъ бракѣ,—но какъ ни горьки были тѣ слезы, которыми она оплакивала свой неизгладимый позоръ, возлюбленный ея не слышалъ отъ нея ни одного упрека. Напротивъ того,—она глубоко сожалѣла о немъ. «Ахъ ты, бѣдный, бѣдный! — съ рыданіями говорила дѣвушка; — я по крайней мѣрѣ могу сказать своему ребенку, что я его мать, любить его, сдѣлать изъ него хорошаго человѣка! А ты не смѣешь!.. Твое дитя никогда не узнаетъ, что ты его отецъ!...» Каза была простая деревенская дѣвушка, онъ — бѣдный подмастерье,—но тѣхъ душевныхъ потрясеній, которыя производила въ нихъ эта мысль, нельзя выразить никакими человѣческими словами... Такъ гдѣ ужъ тутъ было Мошкѣ думать о рекрутчинѣ?

Онъ вспомнилъ о ней только тогда, когда однажды послѣ обѣда его отецъ прибѣжалъ, запыхавшись, въ кузницу.

— Мошко! — задыхаясь крикнулъ онъ въ двери кузницы, — Мошко! Уже начали чистить....

Молодой великанъ вышелъ къ отцу.

— Что чистить, батюшка? равнодушно спросилъ онъ.

— Ты еще спрашиваешь! — воскликнулъ Авраамъ и отчаянно схватилъ себя за пейсы. — Онъ еще спрашиваетъ, что чистятъ! — повторилъ старикъ и поднялъ глаза къ небу, какъ будто желая призвать Его въ свидѣтели плачевнаго дѣла. — Манежъ чистятъ для комисіи.... Ты развѣ не знаешь, что это означаетъ!

Мошко зналъ. Очистка манежа была третьимъ знакомъ, возвѣщавшимъ появленіе рекрутской комисіи и вслѣдствіе

этого благопріятно отражавшимся на ходѣ торговли въ деревенскихъ шинкахъ и на развитіи благотворительности въ городкѣ. Но юноша не утратилъ своего спокойствія.

— Да,—сказалъ онъ, — черезъ три дня пріѣдетъ коммисія... Но что же мнѣ прикажете дѣлать? Можетъ быть, помогать въ очисткѣ манежа?

— Сынъ мой!—жалобно и воздѣвая къ Мошкѣ съ мольбою руки, воскликнулъ старикъ, — сынъ мой, не шути такими вещами! Не противься Богу только изъ-за того, что ты вытащилъ послѣдній номеръ! Пойдемъ домой и проводи по крайности три дня дома и въ синагогѣ, какъ дѣлають всѣ другіе!

У Мошки не было никакого желанія постничать. Но тѣмъ не менѣе онъ не хотѣлъ огорчать отца.

— Нѣтъ, батюшка, нельзя,—сказалъ онъ кротко;—я ни какъ не могу оставить мою работу.

Этимъ отвѣтомъ Аврааму пришлось удовольствоваться. Печально побрелъ онъ обратно. «Моше не думаетъ о Богѣ!» жаловался онъ дома женѣ. Но на этотъ счетъ старикъ ошибался; сынъ его рѣдко молился такъ горячо, какъ въ эту минуту. То была, конечно, странная молитва. «Господи!—мысленно говорилъ онъ, въ то же время работая молоткомъ такъ, что искры сыпались,—Господи, спаси меня отъ солдатскаго мундира! Ты вѣдь знаешь, что я долженъ оставаться при своемъ ремеслѣ для того, чтобы зарабатывать деньги и ими помогать Казѣ кормить нашего ребенка. Подумай, сколько и безъ того горя пришлось вытерпѣть мнѣ,—а ужъ если не можешь Ты помиловать меня, если грѣхи мои ужъ очень тяжкіе, то накажи меня какънибудь иначе! Ты услышишь эту молитву, Господи, ты долженъ ее услышать, потому, что если я не стою твоей милости, то подумай о бѣдномъ ребенкѣ!»

То была, можетъ быть, очень грѣшная молитва, а можетъ быть и одна изъ самыхъ набожныхъ, какія когда либо произносились на землѣ. Но какъ бы то ни было, а вѣрно то, что она выходила изъ самой сокровенной глубины сердца и облегчала его. Затѣмъ, мысли Моше обратились къ остальнымъ

предметамъ, заботившимъ его; о предстоявшемъ прибытіи рекрутской комисіи онъ пересталъ и думать.

Такъ провелъ онъ, не выходя изъ кузницы, и два слѣдующихъ дня, оставаясь однимъ изъ немногихъ людей въ Барновѣ и окрестностяхъ, не обращающихъ вниманія на признаки приближавшейся опасности. 14-го апрѣля толпа окружала крытый манежъ и смотрѣла, какъ мѣстные арестанты занимались очисткою его. Внутри зданія были видны только облака пыли, а когда они разсѣвались—то нѣсколько жалкихъ оборванцевъ съ метлами въ рукахъ; но это не мѣшало зрителямъ глядѣть на непривлекательное зрѣлище съ благоговѣйнымъ вниманіемъ, и всѣ муки страха и ожиданія проходили у нихъ въ душѣ. И еще сильнѣе тревожились они на слѣдующій день, хотя зрѣлище, принесенное этимъ послѣднимъ, тоже не отличалось особенною занимательностью: теперь окружали они заѣзжій домъ Мозеса Фрейденталя и наблюдали, какъ приготовлялись комнаты для ожидавшихся гостей. «Вотъ это тюфякъ для г. маіора!» шептали посвященные, и слова эти перелетали изъ устъ въ уста, и всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за выколачиваніемъ тюфяка. 16-го апрѣля страсть къ зрѣлищамъ нашла себѣ уже болѣе щедрое удовлетвореніе: на двухъ телѣгахъ въѣхала въ городъ дюжина солдатъ Пармскаго полка, долженствовавшихъ нести службу при предстоявшихъ осмотрахъ. Шопотомъ сообщали зрители другъ другу впечатлѣніе, производившееся на нихъ вооруженною силою; особенно же горячему обсужденію подвергались воинственные усы фельдфебеля. Не смотря на то, что усы эти были закручены кверху весьма величественно, обладатель ихъ, въ первый же вечеръ своего прибытія, удостоилъ посѣтить шинокъ Давида Брентайфеля и выпить тамъ все то количество молдавскаго вина, которое поднесли ему нѣсколько барновскихъ отцевъ семейства, при чемъ г. фельдфебель соблаговолилъ и высказать свои взгляды на рекрутскую комисію. «Плохо, очень плохо вамъ, жидамъ, придется, —увѣрялъ онъ,—потому что у г. маіора подагра, а окружной докторъ, проклятый штатскій, такой ду-

ракъ, что не беретъ ни копѣйки, будетъ забирать всякаго, кто только можетъ держаться на ногахъ!» Присутствовавшіе тутъ же юноши послѣшили сѣсть, не только для того, чтобы доказать фельдфебелю, что они держаться на ногахъ не могутъ, но и потому, что страхъ приковалъ ихъ къ стулу. «Да!—продолжалъ фельдфебель,—императору нужны солдаты потому, что скоро будетъ война, да еще кака!»—«Война!» пронеслось по поблѣднѣвшимъ губамъ всей компаніи; только маршалекъ Туркишгельбъ сохранилъ спокойствіе и посовѣтовалъ: «Поднесите ему еще бутылку молдавскаго, и никакой войны не будетъ!» Дѣйствительно, это средство оказалось весьма успѣшнымъ для восстановленія европейскаго мира: фельдфебель сдѣлался менѣе кровожаднымъ и чрезъ нѣсколько минутъ выразился даже такъ: «Ну, да не тревожьтесь; можетъ быть, на этотъ разъ императоръ и поладитъ со своими сосѣдями, хотя я бы ему этого не совѣтовалъ». Но уничтожить подагру маіора и неподкупность доктора не возмогла ни одна изъ послѣдующихъ бутылокъ; факты эти, къ сожалѣнію, такъ и остались фактами.

Въ этомъ барновцы могли убѣдиться 17 апрѣля, когда совершили свой вѣздъ въ городъ три тяжелыхъ неуклюжія фуры, нанятая для доставленія изъ Глуста въ Барновъ членовъ высокородной комисіи. Изъ перваго экипажа вылѣзъ маіоръ; старый, дряхлый воинъ дѣйствительно опирался на руку капитана, и боль въ колѣнномъ составѣ исторгла изъ его устъ полугромкое проклятіе. О, это проклятіе такъ ударило въ ноги всѣхъ окружающихъ, что и онѣ подкосились и стали дрожать, какъ будто и на нихъ обрушилась съ быстротою молніи подагра! Второй экипажъ заключалъ въ себѣ доктора и военнаго комиссара, и хотя усмотрѣть честность на лицѣ невозможно такъ явственно, какъ подагру въ ногѣ, но по тому презрительному виду, съ которымъ врачъ встрѣтилъ униженный поклонъ Бера Блицера, всѣ заключили, что и на этотъ счетъ фельдфебель сообщилъ истинную правду. Нѣкоторое утѣшеніе для себя почерпнули они въ томъ смущеніи, съ которымъ такой же поклонъ былъ принятъ полковымъ врачомъ, помѣщав-

шимся въ третьей фурѣ. Еще сконфуженнѣе оказался вытѣзшій послѣ него молодой блѣдный поручикъ. Бѣдный юноша! Соблазнитель явился къ нему какъ разъ въ ту минуту, когда онъ зарядилъ пистолеть, чтобы пустить себѣ пулю въ лобъ. Тѣ пятьсотъ гульденовъ, которые выложилъ передъ нимъ факторъ, давали ему возможность заплатить долгъ чести и избавиться отъ всякихъ тревогъ. И тѣмъ не менѣе въ ту минуту ему казалось, что онъ поступилъ бы лучше, еслибы спустилъ курокъ...

Физиономіи шести членовъ комисіи и видъ, съ какимъ они приняли поклоны энергическаго Блицера, сдѣлались на всю остальную часть дня неистощимю темою разговоровъ, — темою, которая съ каждымъ часомъ обсуждалась все страстнѣе и боязливѣе. И Мошка былъ посвященъ въ эти важныя новости, когда вечеромъ вернулся изъ кузницы домой. «Что мнѣ за дѣло до всего этого?» равнодушно возразилъ онъ, — и одни смотрѣли на него съ глубокимъ изумленіемъ, другіе, за спиной у него, пожимали плечами. «Нѣтъ, это не еврейское дитя! — говорили они, — по крайней мѣрѣ, не такое, какимъ слѣдуетъ быть еврею! А еще вытянулъ такой хорошій номеръ! Не стоитъ онъ такого большого счастья!»

Спокойно проходилъ онъ по узкимъ улицамъ и, какъ совершенно безучастный зритель, смотрѣлъ на общую суету и волненія. Изъ каждаго дома доносились къ нему громкія рѣчи или рыданія, смѣшивавшіяся съ торжественнымъ произнесеніемъ псалмовъ, этихъ удивительныхъ поэтическихъ произведеній, къ которымъ еврей постоянно прибѣгаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда испытываемое имъ чувство — радости или горя, это все равно, — слишкомъ сильно для того, чтобы онъ могъ выразить его своими собственными словами. Всякая мизернѣйшая лачужка, заключающая въ себѣ обреченнаго на опасность юношу, была въ этотъ вечеръ освѣщена такъ ярко, какъ освѣщаются еврейскія комнаты только въ пятницу вечеромъ; повсюду члены семьи проводили ночь безъ сна, ободряя и утѣшая будущую жертву. Молодые крестьяне изъ окрестныхъ деревень тоже стеклись въ

этотъ вечеръ въ городъ въ сопровожденіи своихъ старшинъ и близкихъ; они тоже намѣревались провести ночь безъ сна въ кабакахъ и передъ кабаками, и чѣмъ боязнѣе становилось у нихъ на сердцѣ, тѣмъ ужаснѣе шумѣли и скандальничали они...

Мошка шелъ мимо всѣхъ этихъ взволнованныхъ, плачущихъ, молящихся людей—и то внутреннее равнодушіе, которое ощущалъ онъ, производило на него самого тяжелое впечатлѣніе. Мысль, которая ужъ столько лѣтъ неотступно преслѣдовала его, теперь снова зашевелилась въ головѣ.

— Хотѣлось бы мнѣ спросить у Бога, — думалъ онъ, — отчего я созданъ не такъ, какъ другіе люди? Отчего не тянетъ меня ни въ синагогу, чтобы помолиться, ни въ кабакъ, чтобы виномъ залить горе? Правда, мнѣ не грозитъ опасность. Но вѣдь и другіе вытащили хорошіе номера, — и все таки они сегодня ночью молятся или веселятся... Отчего же я не такой? Отчего во мнѣ не шевелится ровно ничего, точно мое сердце сдѣлано изъ камня?

Но въ эту же ночь ему суждено было убѣдиться, что сердце у него не только не каменное, а напротивъ того, даже черезъ чуръ мягкое и впечатлительное. Это убѣжденіе вызвали двѣ встрѣчи, послѣдовавшія у него одна за другою. Подойдя къ шинку Давида Бреннтайфеля, гдѣ собрались крестьяне изъ Коровли подъ предводительствомъ Яцека Глины, онъ замѣтилъ между бывшими тутъ же дѣвушками и свою Казю. Другіе пришли въ городъ для того, чтобы, можетъ быть въ послѣдній разъ, повеселиться со своими братьями или женихами; бѣдная Казя тоже ухитрилась придумать какой то предлогъ, чтобы и ее взяли въ общей компаніи. Сильно забилось сердце у молодого кузнеца, когда онъ увидалъ свою возлюбленную; это безмолвное доказательство ея любви и заботливости о немъ глубоко тронуло его. «Добрая моя, бѣдная моя, вѣрная моя!» шепталъ онъ. Казя еще не замѣтила его, и въ душѣ Моше происходила борьба—заговорить съ нею или нѣтъ. Наконецъ желаніе обмѣняться съ милою по крайней мѣрѣ однимъ нѣж-

нымъ взглядомъ, однимъ словомъ, одержало верхъ—и онъ пошелъ къ той группѣ, гдѣ находилась Казя.

— Добрый вечеръ, дѣвушки!—сказалъ Моше и принудилъ себя взять шуточный тонъ,—вы тоже завтра идете въ рекруты?

— Нѣтъ, жиденокъ!—крикнули онѣ и захохотали.—Нѣтъ, не идемъ,—а то вѣдь пришлось бы очутиться въ одномъ полку съ тобою!

Но Казя замѣтила:

— Бросьте вы его! Онъ вотъ тутъ шляется точно язычникъ какой нибудь,—а вѣдь у него есть свой Богъ, которому онъ тоже могъ бы поклониться!

— Эй, жидъ!—опять закричали остальные,—а тебѣ хочется носить ружье?

Мошко не отвѣчалъ. Онъ боязливо старался встрѣтить взглядъ Кази, чтобы узнать, серьезно ли она упрекнула его.

По видимому, упрекъ былъ сдѣланъ въ самомъ дѣлѣ серьезно,—потому что Казя, увидѣвъ, что пріятельницы продолжали дразнить Мошку, повторила:

— Бросьте его! Не стоитъ съ нимъ говорить! Онъ совсѣмъ легкомысленная голова! Я случайно познакомилась съ тою еврейской дѣвушкой, которая влюблена въ него. Бѣдняжка въ эти послѣдніе дни всѣ глаза себѣ выплакала,—такъ ей страшно за него! А онъ тутъ ходитъ себѣ какъ ни въ чемъ не бывало, да еще заигрываетъ съ чужими дѣвушками!

Моше не зналъ, что отвѣтить, и поспѣшно пошелъ дальше.

— У ней дѣйствительно совсѣмъ заплаканные глаза! печально думалъ онъ.

Безъ цѣли продолжалъ бродить по улицамъ бѣдный юноша,—какъ вдругъ на плечѣ у него очутилась чужая рука и кто-то крикнулъ: «Стой, Моше!»

Моше поднялъ глаза. Предъ нимъ стоялъ писмоводитель Луизеръ Вонненбломъ.

— Вѣдь у тебя есть время?—спросила могущественная особа.—Я имѣю предложить тебѣ одно дѣло.

— Дѣло? съ изумленіемъ спросилъ Мошко.

— Да, и хорошее дѣло! Триста гульденовъ можно заработать. Триста гульденовъ!—повторилъ онъ протяжно и съ удареніемъ.—Ты знаешь булочника Хайма? Его сыну Рувиму предстоитъ осмотръ въ комисіи. Онъ вытащилъ одинъ изъ среднихъ номеровъ, а старикъ отецъ на это положился и не вошелъ въ сдѣлку съ факторомъ Беромъ. Теперь ужъ поздно; полковой докторъ сказалъ, что если онъ еще возьметъ денегъ, такъ это кинется въ глаза. Нашъ скряга совсѣмъ въ отчаяніи, и я тоже могъ дать ему только одинъ совѣтъ—купить за себя рекрута. Ты тоже правда въ списокѣ, но до твоего номера, по всей вѣроятности, не дойдутъ, и тебя не вызовутъ. Такъ не хочешь ли завтра пораньше явиться въ комисію и объявить, что желаешь идти за Рувина? Другому я бы этого не предложилъ, но вѣдь ты ужъ семь лѣтъ назадъ хотѣлъ сдѣлаться зельнеромъ! Ну, вотъ теперь и можешь надѣть мундиръ, который тебѣ такъ нравился въ ту пору,—да еще съ какою теплою подкладкой! Триста гульденовъ—большія деньги. Ими ты и родителей своихъ обеспечишь, и себѣ на самую веселую жизнь довольно оставишь!.. Ну, рѣшайся же поскорѣе и идемъ!

Мошко на нѣсколько минутъ точно окаменѣлъ отъ изумленія; но затѣмъ въ мозгу его зашевелились самыя противоположныя мысли. При тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ находился, предлагавшаяся ему сумма была, конечно, цѣлое состояніе, и еслибъ онъ принесъ эту жертву, то искупилъ бы свою вину относительно Кази на столько, на сколько вообще въ этомъ случаѣ было возможно искупленіе: его возлюбленная могла бы съ этими деньгами уйти въ отдаленную деревню, тамъ разрѣшиться отъ бремени, оставить дитя у надежныхъ людей и затѣмъ снова возвратиться въ Коровлю,—такимъ образомъ, ея позоръ остался бы совершенно скрытымъ. Но имѣлъ ли онъ право принести такую жертву? Не было ли бы это съ его стороны грѣхомъ противъ самаго себя? Не набожность, а разсудокъ заставлялъ его теперь смотрѣть съ отвращеніемъ на

солдатскій мундиръ. И могъ ли онъ позволить себѣ причинить своимъ родителямъ самое тяжкое горе, какое только можетъ доставить сынъ, по понятіямъ этихъ людей? Луизеръ, заманивая его мыслью о томъ, что эти деньги доставятъ обезпеченіе его старикамъ, очевидно лицемѣрилъ: онъ вѣдь не хуже Мошки зналъ, что Авраамъ Файльхендуфтъ скорѣе умретъ съ голоду, чѣмъ приметъ хоть грошъ изъ тѣхъ денегъ, ради которыхъ его сынъ сдѣлался нарушителемъ Божьей заповѣди!..

— Ну, что же?—приставалъ Луизеръ;—надѣюсь, что ты не будешь сумасшедшій и не оттолкнешь отъ себя своего счастья?

— Дайте мнѣ время подумать! просилъ, задыхаясь отъ волненія, Мошко.

— Не могу. Идемъ сейчасъ, или я поищу какого нибудь русина.

Письмоводитель хорошо зналъ, что найти другаго будетъ очень трудно, и потому счелъ болѣе благоразумнымъ продолжать переговоры съ Моше.

— Впрочемъ... если хочешь...—сказалъ онъ,—то черезъ часъ ты найдешь меня у Хайма. Но смотри, не совѣтуйся со своимъ отцемъ! Старикъ вѣдь ужъ очень старъ и совсѣмъ не знаетъ свѣта!

— Нѣтъ,—обѣщаль Мошко,—отцу я не скажу ни слова.

И онъ исчезъ въ толпѣ, а черезъ нѣсколько минутъ уже снова былъ передъ кабакомъ, гдѣ находилась Казя.

Случай поблагоприятствовать ему. Казя отдѣлилась отъ остальныхъ двѣушекъ и стояла въ сторонѣ, погруженная въ мрачную задумчивость.

Юноша быстро прошелъ около нея, шепнулъ: «приходи сейчасъ къ рѣкѣ!» и скрылся въ узкомъ переулкѣ, ведшемъ къ Середу.

Казя тотчасъ же послѣдовала за нимъ.

— Что это за глупости!—гнѣвно сказала она:—вѣдь насъ могутъ увидѣть!

— Мнѣ необходимо было тебя видѣть,—отвѣчалъ онъ и,

задыхаясь отъ волненія, путаясь въ словахъ, передалъ ей предложеніе Луизера и причины, по которымъ онъ намѣревался принять его.

— Ты не сдѣлаешь этого!—крикнула она, схватывая его за руку.—Сумасшедшій! Тебѣ хочется, видно, совсѣмъ погубить меня? По твоему, я въ силахъ буду перенести, если тебя на войнѣ убьютъ и мнѣ придется упрекать себя, что ты пошелъ туда изъ-за меня? Да еслибы этого и не случилось, ты думаешь, я рѣшусь изъ постыдной трусости кинуть наше дитя у чужихъ людей? Ступай, ступай и скажи своему испытателю, чтобъ поискалъ себѣ другаго...

— Казя!—сказалъ онъ,—ты такая хорошая... такая хорошая...

— Нѣтъ, я была скверная и теперь только не хочу сдѣлаться еще хуже... Я не хочу для того, чтобы скрыть мои грѣхи, согрѣшить еще больше! Ступай же!—повторила она, обнявъ его,—и да сохранить тебя завтра Иисусъ Христосъ!

— Казя! прошептала онъ, вздрогнувъ.

— Что-же дѣлать: я иначе не могу!—вскричала она, рыдая;—вѣдь только тому Богу я могу поручить тебя, которому сама молюсь!... Это не грѣхъ! А можетъ быть, и твой Богъ сжалятся надъ обоими нами!

Она вырвалась изъ его объятій и поспѣшила къ своей компаніи. Онъ же постоялъ еще нѣсколько минутъ, тяжело дыша отъ волненія, и затѣмъ быстрыми шагами направился къ дому булочника.

Уже издалека начали доноситься къ нему изъ открытыхъ оконъ громкія рыданія. Въ тоже время онъ слышалъ утѣшяющій голосъ Луизера.

— Легкомысленный парень согласится,—увѣрялъ почтенный писмоводитель,—я сумѣлъ такъ хитро урезонить его...

— И ничего ты этимъ не выигралъ! — перебилъ Мопко, подходя къ окну;—пускай другой беретъ на свою душу такой тяжелый грѣхъ противъ своихъ родителей!

— Я буду заботиться о твоёмъ отцѣ! — умоляющимъ то-

номъ воскликнулъ старый булочникъ;—я буду давать ему каждый мѣсяцъ пять гульденовъ... шесть... семь...

Но молодой кузнецъ уже не слышалъ окончанія этой рѣчи. Съ облегченнымъ сердцемъ шелъ онъ къ себѣ домой и шептала клятву: «Никогда не забуду я этого Казѣ, никогда!»

Комнатка его родителей тоже была еще ярко освѣщена; оба старика сидѣли надъ книгою псалмовъ. Когда Мошко вошелъ, они вскочили и сильно накинулись на него. «Такая ли сегодня ночь, чтобы шлаться?—закричали оба;—продолжай, продолжай идти противъ Бога, — онъ тебѣ еще завтра докажетъ свою силу, хоть ты и вытащишь высокій номеръ!...» А затѣмъ послѣдовало приказаніе: «Ну, садись, и читай псалмы!»

Онъ послушно присѣлъ на скамеечку, раскрылъ псалтырь и началъ въ полголоса: «Блаженъ мужъ, иже не идетъ на совѣтъ нечестивыхъ...»

— Да, блаженъ, — перебилъ отецъ; — но горе тому, кто ночь наканунѣ осмотра проводитъ въ кабацѣ!...

Но послѣ этого старикъ уже не мѣшалъ ему читать, и сѣдая чета усердно вторила чтенію киваніемъ головы, пока наконецъ эта голова, все болѣе и болѣе поддаваясь усталости, недвижно опустилась на грудь.

Мошко энергически продолжалъ молиться; прекрасныя, успокоительныя слова псалма производили на него благотворное дѣйствіе. Но глаза его все чаще и чаще закрывались, и наконецъ онъ также уснулъ.

Проснулся онъ уже тогда, когда солнце ярко свѣтило въ окно. Его разбудило пѣніе парней, шедшихъ къ манежу. Изъ сотни грубыхъ глотокъ неслась пѣсня:

Матушка-родимая, сердцемъ не крушись,
 Душенька-красавица, даромъ не стыдись!
 Безъ печали-горести покорись судьбѣ —
 Скоро въдъ фельдфебелемъ я вернусь къ тебѣ!

Это наиболѣе распространенная военная пѣсня русиновъ. «Фельдфебелемъ!» — выше не восходитъ честолюбіе этого народа. У поляковъ слово «фельдфебель» замѣняется «генера-

ломъ». Этотъ маленькій вариантъ отлично характеризуетъ одно изъ коренныхъ отличій между этими двумя народами.

Мопко быстро вскочилъ съ постели и разбудилъ своихъ родителей. Онъ счелъ бы преступнымъ легкомыслиемъ—отправиться на мѣсто осмотра, не испросивъ благословенія своихъ стариковъ. Мать поцѣловала его въ лобъ, отецъ возложилъ руку на его голову. Богослуженіе въ синагогѣ они проспали, и потому пришлось совершить утреннюю молитву дома. Затѣмъ и они пустились въ роковой путь.

Чѣмъ ближе подходили они къ манежу, тѣмъ болѣе усиливалась толкотня, тѣмъ оглушительнѣе становился шумъ. Не менѣе трехъ тысячъ человѣкъ окружали полокруглое, покачнувшееся отъ дряхлости зданіе; тутъ были не только подлежащія военной повинности съ ихъ друзьями и родственниками, но и большая часть жителей городка. И здѣсь съ перваго же взгляда кидалось въ глаза различіе въ народномъ характерѣ русиновъ и евреевъ. Первые, на сколько они были трезвы, стояли въ спокойномъ ожиданіи; но трезвыхъ оказывалось не много: большинство творило невообразимые скандалы, а нѣкоторые даже валялись въ грязи. Между евреями же не было ни одного, который въ послѣдніе часы взялъ въ ротъ хоть каплю воды. Блѣдные и взволнованные перебѣгали они со стороны на сторону, шептались, жестикулировали. Беръ Блицеръ былъ вездѣсущъ, не смотря на то, что онъ всю ночь на пролетъ провелъ въ разрисовываніи жилъ! Но эта работа была необходима: нужно же было ему сильнѣе напечатлѣть въ каждомъ изъ своихъ кліентовъ его «порокъ» и исторію его болѣзни!

Въ восемь часовъ ворота манежа растворились, и глазамъ зрителей представилось нѣсколько солдатъ, имѣвшихъ во главѣ господина фельдфебеля съ грозно закрученными вверхъ усами. Молодые люди подходили къ воротамъ, предъявляли свои билеты съ обозначеніемъ вытасценнаго номера и поочередно впускались. Обыкновенно этому предшествовала продолжительная сцена разлуки, и не одна дѣвушка пользовалась случаемъ, чтобы подольше повисѣть на шеѣ у своего возлюб-

леннаго. Но господинъ фельдфебель обнаруживалъ не особенно большую галантность: когда обниманіе и цѣлованіе затягивалось, по его мнѣнію, на слишкомъ долгое время, онъ дѣлалъ знакъ солдатамъ—и тѣ быстро разлучали воркующихъ голубковъ при громкихъ крикахъ толпы. Точно также поступалъ достойный воинъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приводила пьянаго: солдаты схватывали его и обливали холодной водой до тѣхъ поръ, пока красное лицо не становилось блѣднымъ.

Мошко не далъ фельдфебелю повода ни къ той, ни къ другой процедурѣ. Когда онъ предъявилъ свой билетъ, воинъ съ большимъ недовольствомъ обозрѣлъ мощную фигуру молодого кузнеца и сказалъ: «До тебя вѣрно не дойдетъ очередь! Жаль, чертовски жаль!»

Мошко былъ совсѣмъ инаго мнѣнія. Съ улыбкою вошелъ онъ въ манежъ, гдѣ молодые люди должны были стоять въ ожиданіи призыва ихъ предъ лице высокой комисіи. Исполнивъ свою обязанность у воротъ, фельдфебель появился здѣсь и скоро установилъ порядокъ въ толпѣ, сбившейся въ густую кучку, точно овцы предъ грозой. Онъ поставилъ ихъ всѣхъ по вынутымъ номерамъ, и когда почти въ концѣ дошла очередь до Мошки, снова пробормоталъ: «Жаль! жаль!» Послѣ этого онъ раздѣлилъ ихъ на партіи, по пяти человекъ въ каждой; въ то время, какъ одна, раздѣвшись, отправилась въ комнату, гдѣ заседала комисія, другая должна была начинать раздѣваться. Съ любопытствомъ, безъ малѣйшаго волненія, смотрѣлъ Мошко на всю эту процедуру. Каждый разъ, какъ партія возвращалась изъ страшной комнаты, между ожидавшими своей очереди начиналось сильное движеніе, потому что уже по походкѣ этихъ возвращавшихся можно было съ достовѣрностью опредѣлить, какой приговоръ былъ произнесенъ надъ ними. Оказавшіеся негодными весело бѣжали, завербованные мрачно волочили ноги. Но на этотъ разъ печальныя лица оказывались въ поразительно маломъ числѣ: большинство было найдено негодными къ военной службѣ. Господинъ фельдфебель разражался убійственными проклятіями, по-

тому что часъ за часомъ проходилъ, а до конца было еще очень далеко. Между тѣмъ какъ обыкновенно двухсотъ человѣкъ достаточно для того, чтобы доставить контингентъ, требуемый отъ округа, на этотъ разъ было осмотрѣно уже слишкомъ триста, и опредѣленное количество все таки еще не составилось. Это обстоятельство происходило съ одной стороны оттого, что Беръ Блицеръ въ этотъ наборъ пожалъ особенно обильную жатву, съ другой же стороны и русины изъ деревень доставили теперь матеріалъ хуже обыкновеннаго, такъ какъ предшествовавшій годъ былъ страшно неурожайный, вызвавшій этимъ распространіе голоднаго тифа.

За столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, возсѣдали сердитыя лица. Полковой врачъ былъ очень блѣденъ, потому что г. маіоръ уже нѣсколько разъ устремлялъ въ него странно-пытливыя взгляды. Старый офицеръ былъ въ самомъ отвратительномъ настроеніи; въ добавокъ ко всему, сквозной вѣтеръ, свободно гулявшій по дряхлому зданію, увеличивалъ его подагрическую боль до послѣдней степени.

— Сто тысячъ дьяволовъ!—наконецъ разразился онъ;— да кончайте же наконецъ, докторъ! Намъ осталось завербовать только двоихъ, а тамъ ихъ стоитъ цѣлыхъ тридцать. Ведите ихъ сюда всѣхъ разомъ!

Мошко поблѣднѣлъ, когда фельдфебель возвѣстилъ приказаніе маіора. Солдатъ замѣтилъ это.

— Что, жидъ,—сказалъ онъ—ты, кажется, слишкомъ рано обрадовался... Ну, да не печалься,—ты попадешь во фланговые!

Мошко съ ужасомъ слушалъ эти слова. Опасность казалась ему до того отдаленною, до того невѣроятною, что внезапный ударъ почти сокрушилъ его. Съ дрожащими колѣнями двинулся онъ по направленію къ комнатѣ.

Тридцать оставшихся были поставлены въ три ряда.

— Очереди не нужно!—скомандовалъ маіоръ;—взять самыхъ здоровыхъ!

Полковой врачъ вытащилъ одного русина изъ перваго ряда, бѣгло осмотрѣлъ его и прохрипѣлъ: «Годень!»

Но и эта процедура оказалась слишкомъ продолжительною для подагры маіора.

— Эй!—крикнулъ онъ,—кто тутъ изъ нихъ самый высокій?

— Вотъ этотъ жидъ! отвѣчалъ капитанъ и указалъ на Мошку.

Полковой врачъ кинулъ взглядъ на Бера Блицера, который, вмѣстѣ съ Луизеромъ Вонненбломомъ, въ качествѣ «довѣреннаго лица общины», присутствовалъ при осмотрѣ. Но Беръ Блицеръ на этотъ разъ не приподнялъ бровей, какъ дѣлалъ до тѣхъ поръ неоднократно; вѣдь Гольда Гельштейнъ не условилась съ нимъ окончательно, не говоря уже о томъ, что и задатку не было дано ни гроша!

И вотъ полковой врачъ прохрипѣлъ:» Здоровъ, совсѣмъ здоровъ! Кончено!»

Это «конечно!» было послѣднее слово, которое бѣдный Мошко слышалъ еще сознательно. Остальныя подробности этого дня промелькнули передъ нимъ какъ зловѣщій сонъ.

Его повели, поставили передъ Торой, и онъ положилъ руку на Тору, и вслѣдъ за фельдфебелемъ произнесъ какую-то непонятную форму присяги. А потомъ остригли у него пейсы и всунули ему въ руку бумагу, и сказали, что онъ еще сегодня будетъ отправленъ съ транспортомъ—сперва въ Тарнополь, а оттуда въ Миланъ. Въ бумагѣ значилось, что «Мозесъ Фейльхендуфтъ, еврей изъ Барнова» записанъ рядовымъ въ 24-й герцога Пармскаго полкъ.

Мошко смотрѣлъ на причудливыя, непонятныя буквы и началъ головой. А когда послѣ этого на улицѣ родные встрѣтили его страшными причитаніями и рыданіями, онъ все продолжалъ странно качать головой. Ударъ былъ такъ силенъ, что притупилъ въ немъ способность разсуждать и чувствовать.

Старикъ Авраамъ плакалъ очень горько, жена его — еще горьче. Плакали и «золотой Менделе», и каждая изъ трехъ

сестеръ, и даже толстая мадамъ Гольда, — и всё они колотили себя въ грудь и раздирали свои платья.

Только тѣ трое, которыхъ конечно касалась ближе чѣмъ всякаго другаго участь, постигшая Мопку, — только эти трое не плакали.

Во первыхъ, маршалекъ. Красный, радостный носикъ вдругъ поблѣднѣлъ и печально вытянулся, и обладатель его уже не припрыгивалъ на ходу, но своему обыкновенію, но двигался медленно и вяло и бормоталъ какія-то непонятныя слова; то были, вѣроятно, самыя энергическія ругательства, адресованныя къ Веру Блицеру и Гольдѣ Гольштейнъ.

Затѣмъ, бѣдная Казя. Точно ошеломленная стояла она въ кругу другихъ дѣвушекъ. Однѣ, возлюбленные которыхъ увернулись отъ бѣды, весело смѣялись, другія плакали; она же безъ слезъ смотрѣла куда-то вдаль и сдерживала скорбь, разрывавшую ея сердце.

Только разъ выступило въ ея глазахъ нѣсколько горькихъ слезъ. Это случилось, когда ея пріятельница Ксенія, которой не трудно было веселиться, потому что ея милому дружку повезло, вдругъ затынула пѣсню:

Я пойду къ императору въ Вѣну,
Во дворецъ золоченный его,
И просить я, рыдаючи, стану:
„Ахъ, отдай мнѣ Грицко моего“.

А коли не захочетъ онъ слушать,
Не отдастъ друга милаго мнѣ,
Я пойду въ золотыя палаты
Къ императора доброй женѣ.

Если-жъ тоже и здѣсь не удастся
Получить, что хочу — не бѣда!
Къ дочкѣ ихъ я пойду; ужъ она-то
Мнѣ поможетъ навѣрно тогда!

У нея вѣдь навѣрное тоже
Есть дружокъ дорогой; каково
Было-бъ ей съ нимъ разстаться, когда-бы
Взяли въ рекруты вдругъ и его?

Когда бѣдная Казя услышала эти слова, двѣ крупныя горькія слезы выступили у ней на глазахъ и быстро потекли по щекамъ. Не смыслъ пѣсни вызвалъ ихъ, а мысль: «дѣвушка, сочинившая эту пѣсню, имѣла право рассказать всему свѣту о своемъ горѣ! Ахъ, какое это должно быть большое счастье!»

Третьимъ, кого это дѣло касалось еще ближе остальныхъ двухъ, и который однако тоже не плакалъ, былъ самъ Мошко.

— Ну вотъ,—грустно говорилъ ему маршалекъ,—вотъ ты и зельнеръ. Хотя семь лѣтъ спустя, а удалось. Кажись, это тебѣ по сердцу? У тебя лице такое спокойное!

— Лучше-бы мнѣ умереть!—отвѣчалъ юноша.—Не спрашивайте у меня объясненія... Скажу вамъ только одно: я не забуду васъ, пока останусь живъ!

Проститься съ Казей ему не удалось. Онъ не смѣлъ подойти къ ней, онъ боялся, что у нея не хватитъ силъ и теперь скрыть ихъ тайну. Но съ самимъ собою и съ тою жизнью, которую онъ велъ до сихъ поръ, онъ простился тѣмъ, что положилъ свою лѣвую руку въ правую и сказалъ себѣ: «ты останешься честнымъ человѣкомъ!»

И черезъ нѣсколько часовъ Моше отправился съ транспортомъ въ Гарнополь. То было печальное путешествіе по грязной большой дорогѣ...

Посмотрите ему въ слѣдъ, вы, до этой минуты принимавшіе участіе въ его судьбѣ,—посмотрите ему въ слѣдъ и проститесь съ нимъ, потому что его жизнь теперь скрывается на долгіе, долгіе годы отъ вашихъ дружескихъ, сострадательныхъ взоровъ...

ХІІІ.

Пусто и печально было въ широкой равнинѣ. Холодный и сырой вѣтеръ шевелилъ измокшіе осенніе цвѣты и придорожные кустарники, проносился надъ рыхлыми полями и грязными дорогами. Точно стонъ сдавленной горемъ груди слышался въ воздухѣ каждый разъ, какъ этотъ вѣтеръ затягивалъ свою

пѣсно въ мрачной пустынѣ; и не сильнѣе человѣческаго стона былъ онъ, потому что не могъ даже чуть чуть сдвинуть съ мѣста туманъ, сурово и грозно стоявшій между небомъ и землею, какъ исполинскій саванъ, какъ дымъ отъ нѣсколькихъ тысячъ погребальныхъ факеловъ. Только изрѣдка налеталъ сюда съ рѣзкимъ свистомъ вѣтеръ сѣверный и разрывалъ этотъ туманъ, который тогда робко прижимался къ землѣ или уносился въ воздухъ, ища себѣ убѣжища въ облакахъ.

И въ эти промежутки земля открывалась глазамъ, покрытая рѣзкимъ, холоднымъ, сѣрымъ свѣтомъ, и сѣверный вѣтеръ выметалъ ее все чище и чище. Когда же онъ на время успокоивался, тогда облака, до тѣхъ поръ свирѣпо погонявшіяся имъ, опускались ниже и разрѣшались дождемъ, который лилъ быстро и сильно, пока эти облака снова не превращались въ туманы, тяжело и сурово окутывавшіе землю и точно засыпавшіе на ней, благодаря самому легкому прикосновенію лѣниваго вѣтра.

Печальный, унылый день! Кого не заставляла выйти неоступная необходимость, тѣ прятались въ домахъ городка или въ отдѣльныхъ убѣжищахъ, построенныхъ на большой дорогѣ. Слишкомъ ужъ не привѣтно было въ сѣрой, грязной степи, и одинъ крестьянинъ ѣхавшій въ это время изъ Коровли въ Барновъ, неумоимо погонялъ языкомъ и плетью свою лошадь и точно ежъ согнулся въ телегѣ, укутавшись въ свой овчинный тулупъ.

Но вдругъ онъ въ испугѣ поднялъ голову: лошадь его сдѣлала прыжокъ въ сторону и затѣмъ понеслась впередъ во всю прыть. А позади себя ѣздокъ услышалъ сердитые крики, выходившіе изъ грубаго силлага горла: «Ахъ ты, олухъ, бестія! Жалко, что я попалъ въ твою лошадь, а не въ тебя! Этакая мужицкая рожа! Точно глазъ у тебя нѣтъ, что прямо на челоуѣка лѣзешь!»

— А ты, бродяга подлый! чего смотришь? — отвѣчала крестьянинъ на всемъ скаку и повернулся чтобы удобнѣе

было ругаться;—не можешь, что ли, свернуть самъ, когда видишь, что... Остальные слова были унесены вѣтромъ; старикъ, котораго чуть не раздавила лошадь, уже не слышалъ ихъ.

— Ужъ эти мнѣ солдаты! — сердито ворчалъ крестьянинъ; — задираютъ носъ и тогда, когда шляются чуть не голые по свѣту, побираясь милостыней!

Тегѣга давно уже исчезла въ туманѣ; старый путникъ продолжалъ тащиться по невылазной грязи. Вѣроятно, онъ былъ утомленъ или боленъ, потому что часто останавливался и собирался съ силами, — а когда снова пускался въ путь, ноги его подкашивались. Тяжело, очень тяжело было для него это путешествіе: вѣтеръ яростно раздувалъ его сѣрый солдатскій плащъ, и дождь неумолимо хлесталъ по его морщинистому лицу и лысой головѣ. Голову эту покрывала только синяя, изодранная шапочка, и старикъ плотно привязалъ ее къ темени пестрымъ ветхимъ платкомъ. На спинѣ у него лежалъ ранецъ, по видимому весьма не тяжелый, а между тѣмъ спина эта была сильно согнута.

Жалкое зрѣлище представлялъ этотъ бѣдный, старый солдатъ въ своемъ печальномъ странствованіи по пустынной дорогѣ, подъ проливнымъ осеннимъ дождемъ. Онъ медленно по двигался впередъ и часто оглядывался кругомъ, ища хоть камня, на которомъ можно было бы отдохнуть. Наконецъ онъ въ отдаленіи замѣтилъ какой-то домъ, собрался съ силами и быстро направился туда.

Но шагахъ въ двадцати отъ этого дома онъ остановился какъ вкопанный, и странная дрожь пробѣжала по лицу его.

Это была кузница, стоящая на дорогѣ изъ Барнова въ Коровлю, — кузница, которую нѣкогда, послѣ женитьбы на красавицѣ Маринѣ, построилъ молодой Василій Гришко. Неружность дома не измѣнилась, — къ нему пристроили только крытую соломой избушку. Но внутри огонь горѣлъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ раздували его и нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, и когда старикъ увидѣлъ сквозь туманъ блескъ этого пламени,

глаза его съ жадностью приковались къ нему и долго, долго не могли оторваться...

Молодой человѣкъ, работавшій у наковальни, положилъ мотокъ, потянулся, сильно зѣвнулъ и вышелъ на порогъ кузницы. Старикъ вздрогнулъ. Но черезъ минуту онъ собрался съ духомъ и медленно направился къ дверямъ.

Молодой подмастерье недоувѣрчиво оглядывалъ приближавшагося незнакомца.

— Съ тѣхъ поръ, какъ окончилась война,—пробормоталъ онъ,—каждый день видишь такого молодца! У того нѣтъ руки, у этого—ноги. Но чтобъ милостыню просить, а коли не даютъ, такъ воровать—на это у нихъ и рукъ и ногъ хватаетъ. Кто недавно унесъ у тетки пѣтуха? Конечно, тотъ старый уланъ! Пожалуй, и у этого стараго иѣхотинца такіе же длинные пальцы?... Видь-то у него не особенно надежный!...

Старикъ въ это время подошелъ еще ближе.

— Эй, г. генераль!—насмѣшливо крикнулъ кузнецъ,—что здѣсь угодно вашему превосходительству?

Незнакомецъ не отвѣчалъ. Онъ только покачалъ головой, и легкая дрожь пробѣжала по его дряхлому тѣлу.

— Ну, такъ чего-же прикажете?—продолжалъ спрашивать молодой человѣкъ.—Здѣсь не постоянный дворъ для нищихъ...

— О, глухо произнесъ старикъ, — я очень хорошо знаю, что здѣсь... Кто теперь хозяинъ кузницы?

— Мой дядя!—отвѣчалъ подмастерье. Но тутъ ему пришло на умъ, что онъ не обязанъ давать никакихъ разъясненій этому старому бродягѣ, и онъ сердито крикнулъ:—Да тебѣ то что де этого?

— То, что меня здѣсь хорошо знаютъ...

— Здѣсь? Такъ и я зналъ-бы! Я вѣдь въ этихъ мѣстахъ выросъ,—слышишь ты, старый лгунъ? Ну, а теперь проваливай! У насъ и милостыни не просятъ, и не воруютъ...

— Тысяча дьяволовъ!—сердито крикнулъ старикъ.—Ахъ ты, обезьяна, ахъ ты собаченка скверная! Смѣешь бранить

солдата царскаго? Да знаешь ты, кто я былъ? Я былъ ефрейторъ!..

— Нѣтъ, какъ можно! Ты былъ генералъ! — насмѣшливо перебилъ кузнецъ; — ты побѣдилъ венгерцевъ, итальянцевъ, всѣхъ на свѣтѣ... А теперь все таки проваливай!

— Собака! — закричалъ солдатъ, и изношенное лицо его зарумянилось отъ гнѣва.—Собачій сынъ! Двадцать одинъ годъ прослужилъ я въ Пармскомъ полку, а ты смѣешь ругать меня, какъ какого нибудь...

Вдругъ голосъ его оборвался. Онъ въ это время подошелъ совсѣмъ близко къ молодому человѣку и пристально взглянулъ въ его лице.

— О, Господи! — прошепталъ онъ. Смертная блѣдность покрыла его щеки, ноги подкосились; дрожащею рукою крѣпко ухватился онъ за косякъ двери, и неподвижные, широко раскрывшіеся глаза были устремлены на лицо стоявшаго передъ нимъ.

— Кто ты? пронзительно крикнулъ онъ.

Подмастерье съ изумленіемъ отступилъ отъ него.

— Не сумасшедшій-ли это? подумалъ онъ.

Старикъ упалъ на каменную скамью передъ домомъ; ноги отказывались поддерживать его. Но глаза продолжали съ лихорадочнымъ напряженіемъ всматриваться въ черты молодого человѣка. То было дѣйствительно странное и поражавшее своею постройкою лице. Волосы были гладкіе и свѣтлые какъ ленъ, какъ обыкновенно у русиновъ, и къ этому — тоже русинскія выдающіяся скулы; но глаза—черные и круглые, губы—толстыя, носъ—очень большой и горбатый.

— Кто ты? вторично крикнулъ солдатъ, схватилъ юношу за руку и старался привлечь его ближе къ себѣ.

Тотъ съ неудовольствіемъ высвободилъ руку и пробормоталъ:—Нѣтъ, это несомнѣнно помѣшанный!

— И онъ, онъ такъ говорить со мною! — болѣзненно вскричалъ старикъ. Потомъ онъ провелъ рукою по лбу и, снова пристально взглянувъ на своего собесѣдника, прошепталъ:

— Нѣтъ, я не ошибаюсь! Между тысячами людей я узналъ-бы его!

Съ этими словами онъ всталъ и такимъ дрожащимъ, такимъ робкимъ голосомъ, какъ будто отъ отвѣта зависѣли его жизнь и смерть, спросилъ:

— Твою мать зовутъ Казя... правда?

— Да,—съ изумленіемъ отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— И ты живешь тутъ у своего дяди Гаврилы, Гаврилы Думковича, брата твоей матери?

— Да, кузница принадлежитъ ему, а я подмастерье.

— И твоя мать жива?

— Конечно, слава тебѣ, Господи! А ты... а вы ее знали?

— Да... ужъ это было давно... Отчего же... (онъ съ трудомъ произносилъ слова) — отчего же ты не въ домѣ своего отца?

Юноша вспыхнулъ и черные глаза его гнѣвно засверкали.

— Это совсѣмъ не твое дѣло!—крикнулъ онъ.—И всякаго, кто посмѣется, что я не знаю своего отца,—я убью какъ бѣшеную собаку. Слышишь ты, бродяга? Это нисколько не мѣшаетъ мнѣ быть честнымъ парнемъ, а моей матери—честною женщиной!

— О, Господи! — глухо произнесъ старикъ; на лицѣ его отражалось страшное душевное волненіе.—Я... я... далеко не смѣюсь надъ тобою... Скажи мнѣ... Казя...твоя мать—замужемъ?

— Да.

— За кѣмъ?

— За Грицко Стесюкомъ.

— Да благословить его Богъ! А какъ твое имя!

— Федька! Федька Думковичъ,—сперва по матери, а затѣмъ потому, что дядя взялъ меня къ себѣ вмѣсто родного сына... Однако пора,—ступай себѣ, ступай!

— Онъ прогоняетъ меня!—прошептала солдатъ.—Онъ! Богъ тяжело наказываетъ меня!

— Федька!—раздался рѣзкій голосъ изъ кузницы.—Съ кѣмъ ты тамъ ссоришься?

— Съ нищимъ, тета!

— Съ нищимъ?—крикнулъ другой голосъ—мужской;—здѣсь не богадѣльня!

И какъ бы для того, чтобы фактически подтвердить эти слова, на порогѣ показался самъ Гаврило. Онъ за это время сильно потолстѣлъ, и яркій румянецъ, украшавшій его носъ, явственно свидѣтельствовало, что не одна вода произвела это утучненіе.

— Это что за фигура?—спросилъ онъ и весело засмѣялся, оглядѣвъ жалкаго пришельца.—Эй, ваше высокородіе, вельможный господинъ, какой полкъ изволили вы украшать своею особой?

— Солдатъ!—снова крикнулъ рѣзкій голосъ въ кузницѣ.— Гони его, сейчасъ же гони!.. Ахъ, мои бѣдныя курицы!

— Да, да, убирайся!—подтвердилъ Гаврило.

Инвалидъ въ это время стоялъ неподвижно и пристально смотрѣлъ на кузнеца.

— Гаврило!—сказалъ онъ съ дрожаніемъ въ голосѣ;— Гаврило, ты не узнаешь меня?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ,—и мнѣ говорятъ не «ты», а «вы», оттого что я кузнецъ, а ваше высокородіе—бродяга!

— О,—воскликнулъ старикъ,—много разъ, многіе годы, говорилъ я тебѣ «ты!» И были мы съ тобою хорошіе друзья и товарищи!

— Гони его! продолжала кричать изъ кузницы женщина.

Но на этотъ разъ Гаврило не послушался. Онъ всматривался въ незнакомца, и глаза его все больше и больше расширялись.

— Мошко!—вдругъ крикнулъ онъ и покраснѣлъ отъ радости,—мой старый Мошко! Ты, стало быть, живъ, на самомъ дѣлѣ живъ? А Валеріанъ Стримко разсказалъ намъ тутъ, какъ тебя въ Верояѣ похоронили и какія богатые были похороны...

— Къ сожалѣнію, онъ солгалъ.

— Къ сожалѣнію? Глухой ты человѣкъ! Да вѣдь тебѣ только за сорокъ перевалило... Правда, ты немножко поизно-

сился... Ну, да что!.. Ступай, ступай сюда! Само собою, что мой домъ—твой...

И засуетившись, не помня себя отъ радости, добрый толстякъ потащилъ за собою въ кузницу ободраннаго гостя.

— Гаврило, это что? — завизжалъ все тотъ-же голосъ. — Гаврило, ты съ ума сошелъ?

Кузнецъ остановился и немного сконфузился. «Моя жена!» шепнулъ онъ старику, — и самымъ кроткимъ, самымъ покорнымъ тономъ сказалъ, обращаясь въ полутемную смежную комнату: «Это, голубка, пришелъ старый мой товарищъ. Только что на родину вернулся. Чудесный малый! Пожалуйста, поднеси намъ водочки, салца и хлѣба.

— Я тебѣ такого поднесу, что ты и слышать, и видѣть перестанешь! Вишь, нѣтъ у него другаго предлога пить, такъ онъ себѣ нищого съ большой дороги въ гости зоветъ! погоди, погоди, я отобью охоту...

— Но, голубка моя, — просилъ Гаврило, — это тотъ самый Мошко, о которомъ я столько разъ тебѣ рассказывалъ, — Мошко, что двадцать одинъ годъ назадъ въ солдаты пошелъ...

Молодой Федька, до сихъ поръ безучастно стоявшій въ сторонѣ, теперь подошелъ ближе, внимательно оглядѣлъ стараго солдата и съ удивленіемъ покачалъ головой.

— Никогда не нужно себѣ ничего представлять въ умѣ! — подумалъ онъ. — Когда дядя или матушка рассказывали о еврейскомъ великанѣ, какимъ я воображалъ его себѣ! А онъ на дѣлѣ вотъ каковъ вышелъ!

Но крикливая женщина отнюдь не утомилась этимъ формальнымъ представленіемъ гостя. Напротивъ!

— Что? — завизжала она протяжно и такъ рѣзко, что этимъ тономъ можно было-бы распилить толстѣйшее стекло; — что-о? Жиды кормить? Проклятаго жиды?.. погоди-же!

Послышалось шлепанье деревянныхъ башмаковъ по каменному полу.

— Идетъ, дядя! — шопотомъ предостерегъ Федька.

Въ темномъ пространствѣ между жилою комнатою и куз-

нищей появилось нѣчто, страшно длинное и тощее, нѣчто, съ шлепаньемъ подвигавшееся впередъ. Нельзя было рѣшить, — происходили эти звуки отъ прикосновенія деревянныхъ подошвъ къ полу, или это стучали такъ зловѣще одна объ другую кости приближавшагося существа, весьма мало походившаго на человѣка и облеченнаго въ женское платье.

— Это моя Вероня, моя сладкая женушка! смиренно пояснилъ Гаврило своему старому товарищу.

— Я тебѣ сейчасъ покажу, что умѣю быть и горькою! — крикнуло зловѣще нѣчто.—Этотъ нищій пусть убирается вонъ сію же минуту,—а ты садись за работу—тоже сію минуту.

Но добрый Гаврило остался на мѣстѣ.

— Жена,—сказалъ онъ,—за все время, что мы живемъ съ тобою, у меня, къ сожалѣнію, только разъ хватило духу поколотить тебя; это было, когда ты обругала Казю изъ-за Федьки... Но если ты не вернешься сію же секунду въ свою кухню, у меня сегодня еще разъ хватить духу...

Толстякъ не сталъ ожидать результата этой убѣдительной рѣчи, а быстро вывелъ снова Мошку въ кузницу и затворилъ на замокъ дверь, которая вела въ жилую комнату. Федька послѣдовалъ за нимъ.

— Ну, вотъ,—сказалъ Гаврило,—теперь я снова показалъ, что я въ домѣ хозяинъ...

Онъ пододвинулъ скамейку и продолжалъ:

— Садись, старина, и рассказывай!

Въ комнатѣ продолжались визжанье, крикъ, ругань; въ затворенную дверь полетѣлъ одинъ башмакъ. Но храбрый кузнецъ не обращалъ на это никакого вниманія.

— Мы тутъ уютно устроимся, — сказалъ онъ—и станемъ вспоминать старыя времена. А ты, Федька, ты вѣдь хитрая лиса и умѣешь красть лучше всякой вороны,—ты принесешь намъ водки, хлѣба и колбасы!

— Но, дядя, старуха, пожалуй, поймаетъ меня... а она теперь такая бѣшеная!..

— Тебя она никогда не поймаетъ!—утѣшилъ хозяинъ,— ты ее всегда перехитришь!

Федька почесать у себя за ухомъ.

— Попытаемся, — сказалъ онъ затѣмъ и исчезъ.

Старые товарищи остались одни.

— Ну, теперь, Мошко,—началь Гаврило,—разсказывай, какъ тебѣ жилось это время?

И, не ожидая отвѣта, онъ продолжалъ:

— Мнѣ, какъ видишь, повезло не дурно. Когда тебя взяли въ солдаты,—мы въ ту пору очень горевали о тебѣ, я и сестра Казя,—она была очень расположена къ тебѣ;—такъ когда тебя увели,—ну, да и ты хорошъ, двадцать одинъ годъ не дать о себѣ ни слуху, ни духу,— такъ вотъ, какъ ты ушелъ, я и остался одинъ здѣсь въ кузницѣ, т. е. одинъ подмастерье у нашего тогдашняго новаго хозяина Семена: Была у него дочка— уже послѣ тебя она пріѣхала сюда—не красавица, правду сказать, да и лѣтъ на десятокъ старше меня... но вѣдь ты подумай, у меня за душой гроша не было и не могъ же я на вѣки остаться подмастерьемъ! Ну, вотъ, стала она на меня все посматривать вотъ такимъ манеромъ—(толстякъ постарался скорчить нѣжную физиономію),—я тоже все посматриваю,—и поженились наконецъ! Вотъ и весь сказъ! А затѣмъ я сдѣлался хозяинъ, и вотъ живу—псживаю. Моя жена... правда, что ей не мѣшало-бы быть немножко покрасивѣе, да покротче, — но я съ этимъ помирился. Оттого что, видишь ли, коли на счетъ красоты, такъ въ концѣ концовъ всякая баба станетъ старуха, а на счетъ кротости — такъ ко всему привыкнуть можно! Отъ времени до времени я ей все таки показываю, кто въ домѣ хозяинъ, — ты самъ это только что видѣлъ... Ну, такъ вотъ какъ я устроился! И я... я доволенъ...

Но при этихъ словахъ онъ глубоко вздохнулъ и, вздыхая, продолжалъ:

— Правда, у насъ нѣтъ дѣтей, за то я взялъ къ себѣ въ домъ Федьку, сына моей сестры... Что это съ тобою? Или дымъ ѣстъ глаза? Нѣтъ? А я подумалъ это оттого, что ты такъ сильно

замигаль... Такъ вотъ, Федька воспитывался у насъ, и жена моя ничего не имѣла противъ этого, даже очень хорошо обра- щалась съ мальчишкой. Такія игрушки всякая женщина лю- бить, будь это даже старая кар... гм, гм! Что бишь я хотѣлъ ска- зать?.. да, такъ, видишь ли, моя жена право не такая злая, какъ кажется,—это она доказала на Федькѣ. Впрочемъ, надо сказать и то, что это такой парень, котораго нельзя не любить. Честный, надежный, славный малый, и въ добавокъ хитрая бестія, — всякій жидъ даже передъ нимъ спасуетъ! А какой искусный! Такого второго кузнеца во всей Подоліи не сыщешь!.. Однако, тебѣ опять дымъ сталъ ѣсть глаза... погоди, я сей- часъ загашу огонь...

— Нѣтъ, не надо! — возразилъ Мошко и торопливо отеръ выступившую слезу. — А твоя сестра? Какъ она поживаетъ?

— Очень хорошо, слава Богу! Ты, конечно, помнишь бѣ- локураго Грицко, что въ ту пору былъ пастухомъ? Ну, вотъ, дядя оставилъ ему наслѣдство, и какъ только онъ получилъ его, сейчасъ-же приходитъ къ Казѣ и спрашиваетъ: — хочетъ она повѣнчаться съ нимъ? Это было очень хорошо съ его стороны, потому что онъ могъ бы вѣдь жениться на богатой, да къ тому же моя сестра въ то время... ну, да однимъ словомъ, Федька былъ на свѣтѣ! Она никому не хотѣла сказать, кто это сдѣлалъ ее несчастною, — даже мнѣ не созналась, — да только отъ меня не скроешь! ты, я думаю, помнишь, что я всегда умѣлъ все отгадывать... Это Яцекъ Глина, сынъ ея хозяина. Но моло- децъ Грицко на это не посмотрѣлъ и все таки женился. И не пришлось ему въ этомъ раскаться. Она сдѣлалась для него славною женой, родила ему нѣсколько красавцевъ - ребятъ, и живутъ они мирно какъ два голубка. Ты конечно побываешь у нихъ? Она тебѣ навѣрно очень обрадуется...

— Конечно, побываю, — поспѣшно проговорилъ Мошко. — Но она врядъ-ли узнаетъ меня... По моему теперешнему виду...

— Да, надо сказать правду! — добродушно согласился куз- нецъ, — видъ у тебя не особенно красивый! Такой какой-то го- лодный, изношенный!.. Не сердись за это, Мошко...

— За что-же сердиться? — глухо сказалъ солдатъ... Вѣдь это сушая правда! Я въ послѣднее время много голодалъ!

— Голодалъ?—вскричалъ кузнецъ.—О!... Однако, вотъ и Федька. Что, видишь, не говорилъ я развѣ? — вѣдь добылъ, плуть, все, что надо!

Дѣйствительно, молодой человѣкъ достигъ, при очень затруднительныхъ обстоятельствахъ, возможно удовлетворительныхъ результатовъ. Онъ принесъ колбасу и сало, ломоть хлѣба и большой зеленый штофъ водки.

— Тсъ! — шепнулъ онъ, пододвинувъ другую скамейку и разложивъ на ней принесенныя сокровища,—я утащилъ это изъ погреба и комнаты почти на глазахъ старухи. Только смотри-те—потихе! Она подслушиваетъ у замкнутой двери... не дурно было-бы запереть и ворота, чтобъ она не напала на насъ въ распахъ съ той стороны! А изъ постороннихъ сегодня, въ такую собачью погоду, ни одна душа не заглянетъ въ кузницу!

Такъ они и сдѣлали,—и черезъ нѣсколько минутъ, гарантированные отъ всякаго нападенія, уютно сидѣли въ полутемной кузницѣ, которую слабо освѣщало потухавшее пламя печки.

— Вотъ видишь, Мошко,—сказалъ толстякъ-кузнецъ,—я все-таки настоящій хозяинъ въ домѣ и могу дѣлать, что хочу... Однако рассказывай теперь ты про себя! Ты вѣдь былъ Богъ вѣсть какъ далеко,—и въ Веронѣ, и въ Лембергѣ, даже въ Вѣнѣ!.. Только сперва выпей, а вотъ и сало съ хлѣбомъ,—закуси! Ты, полагаю, теперь не станешь брезгать саломъ, какъ въ тотъ день, помнишь, когда хотѣлъ подраться съ моей сестрой...

— Я ничѣмъ не брезгаю,—отвѣчалъ Мошко и энергически принялся за закуску и водку. Покончивъ, онъ горячо пожалъ руку Гаврилѣ и сказалъ:

— Спасибо тебѣ! Давно уже не ѣлъ я съ такимъ удовольствіемъ!

— Ахъ ты бѣдный, горемычный!.. Ну, теперь рассказывай! Чего только, я думаю, ты не пережилъ! Въ четыре дня, пожалуй, не успѣешь пересказать!

Но солдатъ печально покачалъ головой.

— Въ четырехъ словахъ перескажешь, — мрачно сказалъ онъ.—Взяли они меня свѣжимъ, здоровымъ парнемъ, а отпустили негоднымъ калѣжкой. Правая рука у меня почти не дѣйствуетъ, и весь я дряхлый, точно старикъ. Теперь у меня на выборъ—или голодать, или воровать, или просить милостыню. Чтобъ побираться подаваніемъ—на это я слишкомъ гордъ, для воровства слишкомъ честенъ, а голодать—очень ужъ непріятно и больно! Остается, стало быть, другъ Гаврило, только четвертое! Все измѣнилось за эти долгіе годы, но одно, конечно, осталось, какъ было: рѣка Середь течетъ все на прежнемъ мѣстѣ!

— Господи Иисусе!—воскликнуть толстякъ, всплеснувъ руками,—не говори такихъ словъ—это большой грѣхъ! Ты хоть и еврей, но вѣдь у тебя тоже есть свой Богъ... бойся Его!

— Я теперь не боюсь уже ничего больше! Богъ за мою вину и безъ того тяжело покаралъ меня; наказать сильнѣе Онъ не можетъ и за самый великій грѣхъ!

— Развѣ ты не можешь заняться какимъ нибудь дѣломъ?

— Конечно, очень хотѣлъ-бы, — но какимъ? Знаю я кузнечное ремесло, — такъ правая рука теперь на это не годна. Приняться учиться другому ремеслу? Силъ больше нѣтъ! Правда, выслужилъ я себѣ пенсію—двѣнадцать гульденовъ въ годъ, то есть два крейцера въ день,—да на это не проживешь!

— Отчего-же, скажи, ты такъ долго оставался въ военной службѣ?

— Отчего? Ахъ!.. Четырнадцать лѣтъ надо было оставаться по закону, а когда это время прошло, я подумалъ: нѣтъ у тебя въ другихъ мѣстахъ на свѣтѣ никого и никому ты больше въ другихъ мѣстахъ не годенъ,—такъ оставайся лучше тамъ, гдѣ ты привыкъ жить. И когда мой полковой командиръ сказалъ мнѣ: «Фейльхендуфтъ, ты славный малый, жалко, что ты не умѣешь читать и писать, иначе давно-бы тебѣ быть фельдфебелемъ; но если ты прослужишь еще одинъ срокъ, я сдѣлаю тебя ефрейторомъ, и ты получишь деньги и медаль отъ императора!»—такъ, когда онъ сказалъ мнѣ это, я и отвѣтилъ:

«радъ стараться, г. полковникъ!» И отвѣтилъ я, глушій человекъ, очень охотно! Въ ту пору у меня всѣ члены были здоровые и было мнѣ всего тридцать четыре года. Но я рассуждалъ такъ: «Новый срокъ вѣдь дѣлится только семь годочковъ!» Ну... да и медаль и ефрейторство соблазняли меня... Прослужилъ я такимъ порядкомъ девятнадцать лѣтъ все въ мирное время;—вдругъ, откуда ни возьмись, все войны, да войны, со всѣхъ сторонъ войны! Стали задѣвать императора итальянецъ, венгерецъ, даже вѣнецъ. Тутъ-то нашему Пармскому полку пришлось много поработать, а на меня посыпались всяческія бѣды. Въ Мантуѣ схватываю я болотную лихорадку, но оставаться нельзя—идемъ дальше. Потомъ посылаютъ насъ въ Венгрію,—становимся лагеремъ передъ Коморномъ. Тутъ, во время вылазки, одинъ гонведъ хватилъ меня саблей по головѣ, другой—по рукѣ. Раны-то зажили, но голова полусѣла и по временамъ дьявольски болитъ, а рука стала вялая и слабая, точно у ребенка. Офицеры дали мнѣ надежду, что какъ только очистится мѣсто въ инвалидномъ домѣ въ Вѣнѣ, меня помѣстятъ туда. «А пока мѣсть — тебѣ надо отправиться на родину, въ Барновъ; тамъ община обязана позаботиться о тебѣ». Ахъ это все плохія надежды! Въ инвалидный домъ будутъ поступать тысячи раненыхъ тяжеле меня, —такъ что мнѣ, вѣроятно, придется долго ждать. А на счетъ продовольствія отъ нашей общины, такъ... тысяча дьяволовъ... лучше въ рѣку Середь!..

— Ну, зачѣмъ-же такъ унывать?—утѣшалъ Гаврило.—А коли ужъ въ самомъ дѣлѣ придется совсѣмъ плохо,—такъ вѣдь я еще остаюсь на свѣтѣ!..

Эти послѣднія слова онъ произнесъ, конечно, очень тихо, такъ что его голубка, стоявшая за дверью, не могла-бы слышать ихъ, даже при самомъ напряженномъ вниманіи.

— А не случилось съ вами какихънибудь приключеній?—полюбопытствовалъ Федька:—знаете, такихъ приключеній, что бываютъ именно у солдатъ?

— Еще-бы! Конечно случались!—горячо воскликнулъ инвалидъ и разомъ осушилъ свою рюмку. — Больше приключеній,

чѣмъ тысяча всякихъ другихъ вмѣстѣ! Напримѣръ, съ Радецкимъ...

— Съ Радецкимъ! — воскликнулъ Гаврило. — Ты видѣлъ Радецкаго?..

— Какъ вижу теперь тебя! Честное слово! И по три раза въ день,—часто даже ночью! А иногда—совсѣмъ раздѣтаго! просто въ рубашкѣ.

— Въ рубашкѣ!—повторилъ Гаврило съ благоговѣніемъ и большимъ изумленіемъ.—Да какъ же это могло быть?

— Очень просто! Я служилъ при немъ ординарцемъ. «Мошко—сказалъ онъ мнѣ—ты славный малый и очень уменъ, будь у меня дворецкимъ!»—Но я отвѣчалъ: «Нѣтъ, г. фельд-маршалъ, вы не можете требовать, чтобъ я сдѣлался вашимъ лакеемъ. Не для того остался я служить второй срокъ,—а для того, чтобъ быть солдатомъ и сражаться!» Ну—ему это было очень жаль, но онъ увидѣлъ, что я правъ, и очень обрадовался, когда я остался при немъ ординарцемъ. И какъ часто говаривалъ онъ: «У этого Мошки Пармскаго больше ума, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ солдатъ вмѣстѣ!» Ей Богу! Сотни разъ говорилъ онъ это. И самыя важныя депеши отправлялъ со мною. Бывало прикажетъ: «Мошко! Доставь это и передай ему вмѣстѣ мой поклонъ!»

— Кому *ему*? спросили Гаврило и Федька.

— Неужели не догадываетесь? Само собой разумѣется—ему.

— Кому?

Инвалидъ всталъ, приложилъ по военному пальцы къ шапочкѣ и произнесъ торжественно:

— *Императору!*

— А-а-а! съ величайшимъ изумленіемъ протянули оба его собесѣдника.

— Да, императору! Три раза я видѣлъ его и говорилъ съ нимъ, и...

Но на этомъ рассказъ его прервался,—потому что внезапно стали раздаваться удары съ двухъ сторонъ—въ затворенную дверь комнаты и въ ворота кузницы.

Всѣ трое повскакали съ своихъ мѣстъ. Добрый Гаврило совсѣмъ растерялся и дрожалъ. «Бога ради!—шепталъ онъ—спрячь штофъ!» Но исполненіе этой просьбы не могло принести ему много пользы,—потому что его голубка, бѣшено колотя башмакомъ въ дверь, въ то же время орала изо всѣхъ силъ:

— Ахъ ты бездѣльникъ! Ахъ ты висѣльникъ проклятый! Среди бѣла дня онъ запираетъ кузницу и принимается пьянствовать съ нищимъ бродягой! А тамъ за воротами ожидаетъ преподобный отецъ изъ Коровли!... Ну, погоди, негодный, заплатится твоя спина!...

Федька въ это время спасалъ то, что нужно было спасти. Онъ спряталъ остатки закуски и пустой штофъ,—а послѣ того отворилъ ворота кузницы.

За воротами дѣйствительно ожидалъ высокопочтенный всендзъ. То не былъ уже нашъ знакомый, милѣйшій Владиміръ Бородайкевичъ; этотъ дѣятель давно покончилъ свое земное странствіе. Преемникъ его повидимому не наслѣдовалъ его добродушія.

— Отчего вы заставляете меня такъ долго ждать? нетерпѣливо воскликнулъ желтый, худой пастырь.

Гаврило пролепеталъ какое-то смиренное извиненіе, между тѣмъ какъ Федька спѣшилъ выпроводить еврея. Но онъ сдѣдалъ это не враждебно и, разставаясь, прошепталъ:

— Приходите къ намъ поскорѣе! Я ужасно люблю, когда рассказываютъ о такихъ приключеніяхъ! И хоть жида мнѣ вообще не по сердцу, но противъ васъ я не имѣю ничего, потому что и матушка, и дядя рассказывали мнѣ о васъ много хорошаго!

— Спасибо!—въ смущеніи проговорилъ солдатъ, схвативъ за руку молодого человѣка—спасибо, Федька!

— Не за что! крикнулъ юноша, вырвалъ руку и однимъ веселымъ прыжкомъ очутился въ кузницѣ.

Мошко долго смотрѣлъ ему вслѣдъ. Потомъ печально покачалъ головой и медленно направился къ городку.

Не усталость заставляла его часто останавливаться на пути. Въ груди дряхлаго человѣка происходило конечно сильное волненіе. Онъ оглядывался кругомъ, и проводилъ рукою по лбу, и произносилъ какія-то невнятные слова. Но наконецъ онъ гордо выпрямился и воскликнулъ громко и торжественно:

— Нѣтъ, я никогда не открою ему этой тайны! Сдѣлай я это, кончились бы мои невзгоды, потому что хотя я и еврей, онъ все таки исполнилъ бы свой долгъ. Но никогда онъ этого не узнаетъ. И пусть это будетъ покаяніемъ, которое я принимаю на себя!

И съ этими словами онъ двинулся дальше.

Такова была первая встрѣча Мошки Фейльхендурфта, когда онъ, послѣ двадцатилѣтняго отсутствія, возвратился на родину....

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Перев. Петръ Вейбергъ.

ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНИИ *.

IV.

Удивительная ревизія колоній и отчетности объ нихъ и ея результаты.

Заявивъ Джунковскому, что «жизни не пожалѣть для того, чтобы исполнить порученіе по совѣсти и разумію», Лифановъ дѣйствительно сдержалъ слово. Извѣстно, что въ концѣ 1812 и вначалѣ 1813 г. въ Новороссіи свирѣпствовала моровая язва. Тѣмъ не менѣе Лифановъ, воодушевляемый чувствомъ долга и состраданія ко всѣмъ колонистамъ, «прорывался сквозь кордоны», чтобы проникнуть въ колоніи, а тамъ около мѣсяца прожилъ «въ холодныхъ и крайне сырыхъ избахъ, питался однимъ хлѣбомъ съ водою и только иногда яйцами или коровинымъ масломъ, присланными ближними помѣщиками, поелику въ самыхъ колоніяхъ рѣшительно ничего съѣстнаго не могъ найти»

Изучая въ этотъ критическій для края моментъ, быть колонистовъ, Лифановъ вотъ какъ его обрисовалъ въ письмѣ къ Джунковскому:

«Жестокіе морозы, какихъ здѣшніе старожилы не запомнятъ; сильнѣйшіе вѣтры, вьюги и глубокіе снѣга завалили, въ колоніяхъ, избы по крыши. Промежутки колоній до того занесены снѣгомъ, что съ крайнимъ трудомъ сообщеніе между собою имѣть могутъ. Всѣ колонисты жаждутся на безкормицу,

* См. „Восходъ“, кн. I, II, III.

скоть околѣваетъ, а люди холодають и голодають... Жиды въ ужасномъ положеніи и единогласно, съ пролитіемъ слезъ, умоляютъ отвратить ихъ отъ гибели: въ худыхъ, развалившихся избахъ, безъ крышъ, безъ всякаго пропитанія и топлива, коего, за безмѣрными снѣгами, и достать негдѣ, — они изнемогають отъ холода и голода, среди степи!..»

Ознакомившись нѣсколько съ колоніями, Лифановъ въ слѣдующемъ письмѣ къ Джунковскому говорилъ о зрителяхъ еврейскихъ колоній (кромѣ Девельдѣва, котораго одобрялъ), что они «ни малѣйшаго попеченія о благоустройствѣ колоній никогда не прилагали, да и впредь добраго отъ нихъ не ожидаю». Въ этомъ-же письмѣ онъ сообщалъ, что Контора нѣсколько разъ представляла Ришелье о народномъ бѣдствіи, но не получала отъ него никакого отвѣта. Онъ самъ также обращался къ Ришелье за денежною помощію для колоній, но и тоже ея не дождался. Желая поправить еврейскія колоніи, Лифановъ просилъ Министерство прислать для управленія ими помощника инспектора петербургскихъ нѣмецкихъ колоній Буденброка, «извѣстнаго за честнѣйшаго и распорядительнаго чиновника, какъ мнѣ, такъ и вамъ», напоминая онъ Джунковскому.

Вслѣдствіе этихъ писемъ Козодавлевъ поставилъ Ришелье «на видъ» поспѣшить вспоможеніемъ поселянамъ и разборомъ евреевъ на основаніи указа, а Лифанову разрѣшилъ: а) для предупрежденія бѣдствія—взять изъ наличныхъ денегъ Конторы 20,000 р. и безотлагательно ими распорядиться и б) негодныхъ зрителей удалить и замѣнить, по его усмотрѣнію, хорошими чиновниками. Кромѣ того, Козодавлевъ приказалъ командировать Буденброка въ распоряженіе Лифанова.

Не прошло и недѣли со времени отправки бумагъ къ Ришелье и Лифанову, какъ Джунковскій отъ послѣдняго получилъ жалобу, что членъ Конторы, Ризенкампфъ, отказывался дать ему различныя свѣдѣнія, подъ предлогомъ, что «въ Конторѣ, для ихъ составленія, нѣтъ свободныхъ людей»; при этомъ Лифановъ пояснилъ, что племянникъ Ризенкампфа Эльмерсъ, «представляетъ для колонистовъ дурныя волю за дорогія цѣны».

Прибытіе Лифанова вообще сильно не нравилось Рипшеле, который по полученіи указа, увѣдомлялъ Козодавлева, что «священнымъ долгомъ почтеть сдѣлать все, отъ него зависимое, по данному Лифанову и Лашкареву препорученію», но тутъ-же оговорился, что «съ ихъ вступленіемъ въ должность» его «отношенія къ колоніямъ останутся токмо, какъ губернатора». Козодавлевъ разъяснилъ ему, что по колоніямъ никакихъ прежнихъ обязанностей съ него не слагается. Рипшеле повторилъ, что все, что онъ дѣлалъ, — въ силу указа перешло къ Лифанову и Лашкареву, и когда, вслѣдствіе жалобы Лифанова на Ризенкампа, Козодавлевъ просилъ Рипшеле, какъ «главнаго начальника края», заставить всѣхъ мѣстныхъ чиновниковъ подчиняться Лифанову, Рипшеле уже категорически заявилъ Козодавлеву, что «съ прибытіемъ Лифанова собственная его (Рипшеле) власть ограничена». Лифановъ самостоятельно распоряжается, сгоняетъ съ мѣсть чиновниковъ и опредѣляетъ новыхъ, потому пусть, дескать, и поступаетъ какъ знаетъ. Козодавлевъ снова вразумлялъ Рипшеле, что за нимъ «сохраняется все право власти, какое онъ имѣлъ по водворенію поселенцевъ и по приведенію въ извѣстность разныхъ отраслей расходовъ по сей части». Рипшеле же продолжалъ доказывать, что самое присутствіе Лифанова съ «великими полномочіями» лишило его авторитета, низвело его съ занимаемаго имъ высокаго поста, поэтому онъ и отказывался во что-либо вмѣшиваться.

Въ полномочіяхъ Лифанова, Рипшеле очевидно усмотрѣлъ посягательство на свою власть, такъ какъ косвеннымъ образомъ Лифановъ являлся ревизоромъ дѣйствій, утвержденныхъ Рипшеле, а въ самомъ указѣ видѣлъ недоувѣріе къ себѣ и къ назначеннымъ имъ чиновникамъ. Последніе же, опасаясь ретиваго ревизора, въ личныхъ интересахъ, втихомолку согласились противодѣйствовать Лифанову, чтобы не могъ выполнить порученія, или, по меньшей мѣрѣ, затруднять его чѣмъ только можно и тѣмъ заставлять его охладѣть къ предпринятому имъ дѣлу.

Министерство такъ и поняло значеніе упорства Рипшеле и

неповиновенія Ризенкампа и задумалось надъ вопросомъ: какъ все уладить? Во первыхъ—вести дальше съ Рипелье полемику—значило даромъ тратить время, когда для спасенія поселянъ отъ голода необходимо было какъ можно скорѣе и дружнѣе имъ помочь. Во вторыхъ — доложить тотчасъ о происшедшемъ Государю, и отъ его имени принудить Рипелье дѣйствовать сообразно видамъ министерства, — нельзя было: Александръ I отсутствовалъ изъ Петербурга, а посылать ему докладъ на театръ военныхъ дѣйствій—Козодавлеву казалось неудобнымъ. Во всякомъ случаѣ дальнѣйшая переписка потребовала-бы много времени, въ особенности при тогдашней затруднительности сообщеній, когда почта изъ Петербурга въ Екатеринославъ доходила въ одинъ лишь конецъ едва въ мѣсяць, а Лифановъ принужденъ былъ-бы бездѣйствовать до разрѣшенія искусственно созданнаго спора.

Министерство, сознавая все это, поступило своими преимуществами и, ради скорѣйшаго облегченія участи людей, предпочло вести себя дипломатически. Козодавлевъ написалъ Рипелье, что Лифановъ командированъ только въ «помощь» ему, а потому, для блага края, онъ «съ благорасположеніемъ можетъ распорядиться и Лифановымъ, который долженъ: а) распорядиться не иначе, какъ съ его (Рипелье) разрѣшенія и б) смотрителей увольнять съ его вѣдома». Козодавлевъ однако не сомнѣвался, что и Рипелье станетъ «уважать представленія Лифанова». Лифанову-же Джунковскій послалъ копию съ бумаги Рипелье, съ предвареніемъ, чтобы онъ, не взирая на ея содержаніе, велъ дѣло по прежнему рѣшительно; но съ Рипелье постарался бы поладить на столько, чтобы тотъ ему во всемъ содѣйствовалъ и думалъ будто-бы все зависить и исходить отъ него. Короче, Джунковскій совѣтовалъ Лифанову разумно, тонко обворовать Рипелье, чтобы тотъ все дѣлалъ подъ его, такъ сказать, диктовку.

Маневръ этотъ оказался вполне цѣлесообразнымъ: самолюбіе Рипелье было удовлетворено, а Лифановъ сумѣлъ такъ повліять на него, что онъ не только «уважалъ всѣ его пред-

ставленія», но даже настаивалъ на скорѣйшемъ исполненіи всѣхъ его «предположеній». Контора, отказывавшая Лифанову въ простыхъ справкахъ, чрезъ два мѣсяца спустя даже департаменту донесла, какія именно статистическія и денежныя вѣдомости составляла она для Лифанова, по его «приказанію», а самъ Ришелье уже писалъ Козодавлеву, что къ разбору евреевъ приступить тотчасъ-же «по открытіи свободныхъ путей, закрытыхъ еще по случаю свирѣпствовавшей въ краѣ моровой язвы», и присовокуплялъ, что «помочь евреямъ надо скорѣе, не то и хорошіе хозяева покажутся совершенно недостойными земледѣльцами».

Со своей стороны Лифановъ, овладѣвъ Ришелье, успѣлъ еще снабдить евреевъ: хлѣбомъ—на мѣсячное продовольствіе, сѣменами на засѣвъ полей и нѣкоторыми деньгами на необходимѣйшія нужды, для чего опять «прорывался къ нимъ чрезъ тѣ же кордоны, и съ возами муки, сѣмянъ» и проч. Рапортуя объ этомъ Козодавлеву, изъ Сейдеминухи, онъ утверждалъ, что «евреевъ нашелъ несравненно въ худшемъ состояніи, нежели въ первое пребываніе у нихъ, поелику во всѣхъ колоніяхъ, по частымъ карантинамъ, почти въ каждомъ селеніи учрежденнымъ, строжайше воспрещено было, что либо провозить. Большая часть евреевъ другой уже годъ оставили свои дома раскрытыми, по неимѣнію топлива, а сами въ нѣсколько хатъ жить удалились. Опустѣлыя дома низверженіемъ угрожаютъ, а многіе въ кучу земли превратились и до того жестокой людямъ скорбуть усиливаютъ, что мужчины, женщины и дѣти такъ страдаютъ ногами и горломъ, что *ни псть, ни ходить не съ силахъ*»... «Позорище жалкое!» восклицалъ Лифановъ. Обращаясь, затѣмъ, къ дѣятельности Конторы, онъ пояснилъ, что она въ 1812 г. въ «три раза выдавъ на посѣвъ деньгами, т. е. около 30,000 р., разсѣяла ихъ бесполезно: безъ малѣйшаго попеченія и присмотра — деньги эти во зло употреблены»... Далѣе онъ доносилъ, что «хлѣбопашественныхъ орудій нѣтъ, деньги проѣдены, хлѣба ни зерна и къ хозяйственности никакого слѣда не видно!.. Я счастливъ былъ, что изъ-

бавиль ихъ отъ голодной смерти, доставленіемъ имъ натурою хлѣба и сѣмянъ на посѣвъ». Относительно этого посѣва онъ разсказывалъ, что путемъ убѣжденія довелъ евреевъ до того, что здоровые изъ нихъ, не смотря на недостатокъ воловъ и орудій, при немъ же засѣяли пшеницу и ячмень, такъ, что, при могущемъ быть урожаѣ, они, по его мнѣнію, въ 1814 г., обойдутся безъ покупки сѣмянъ. Что же касается вопроса: способны-ли евреи къ земледѣлію, то Лифановъ питалъ увѣренность, что *«если евреи будутъ въпрены его особенному попеченію»*, то онъ *въ скоромъ времени доведетъ ихъ до положенія крестьянина, казну не отягчающаго»*.

Извлеченіе изъ писемъ и рапорта Лифанова Козодавлеву представилъ Комитету Министровъ, въ доказательство необходимости денежной помощи (Комитетъ разрѣшилъ 50,000 р.), а Лифанову предписалъ заниматься не одними евреями, а всѣми, безразлично, поселенцами, такъ какъ труды его должны служить на пользу всѣхъ поселенцевъ; евреевъ же онъ велѣлъ ему поручить непосредственной разумной заботливости смотрителей ихъ, какихъ нашель, или найдетъ нужнымъ опредѣлить, а самъ бы только руководилъ ими.

Однако Лифановъ, три недѣли спустя, снова «осматривалъ образъ жизни евреевъ, входилъ съ ними въ длинные разговоры, разспрашивалъ и выслушивалъ ихъ» и наконецъ «проникъ, что главнѣйшая изъ причинъ, по которымъ они не только не поправляются, но день ото дня въ худшее впадаютъ состояніе—была—*нерадѣніе смотрителей*». Выводъ этотъ основывалъ онъ, какъ доносить Козодавлеву, на томъ, что на каждомъ хозяйствѣ считалось долга казнѣ до 800 р., а между тѣмъ «ни малѣйшей доли земли, имъ отведенной, не было вспахано, ни плуговъ, ни боронъ, ни сохъ, ни видъ, они почти не имѣли», потому что всѣ эти «орудія были растеряны, переломаны или заложены евреями»; сами они *«съ лохмотьяхъ, босые и безъ рубашекъ»*—въ праздности пресмыкались; по 15—20 чел. въ избѣ, въ духотѣ и неописанной неопрятности пребывали и *жестокую цинотную болѣзнь расплодили*; при

этомъ «больные валялись вмѣстѣ со здоровыми, заражали ихъ и тѣ, и другіе умирали...»

Лифановъ обвинялъ смотрителей въ томъ что они, «по раздачѣ евреямъ денегъ, ни единожды не потрудились освидѣтельствовать, что евреи сдѣлали съ деньгами, не принуждали ихъ трудиться, равнодушно взирали, какъ они рассчитывали только на кормовыя, закладывали, распродала послѣдніе свои пожитки, (иные мѣдную посуду, серебряныя и золотыя вещи, жемчугъ), впади въ неоплатные долги». Евреи казались ему «*болѣе жалкими, нежели виновными*». Лифановъ «ни въ одной изъ колоній не нашелъ въ наличности никакихъ общественныхъ суммъ; всюду слышалъ жалобы, что смотрителя все обобрали, даже не позволяли евреямъ ничего спрашивать объ общественныхъ средствахъ. Письменные дѣла смотрителя вели въ крайнемъ безпорядкѣ, отчего закрылись слѣды къ исчисленію числившихся на колоніяхъ казенныхъ долговъ. При обидѣ посторонними евреевъ—они не имѣли отъ смотрителей никакой защиты, а напротивъ *недоброжелательствомъ* къ нимъ и *лихоимствомъ*—*непослушаніе, недоверіе и ненависть возбудили къ себѣ въ нихъ*». Мало того: смотрителя «надолго отлучались изъ колоній, а иные, въ столь тяжкое время, когда все было близко къ гибели,—по 5 мѣсяцевъ сряду въ своихъ колоніяхъ *не бывали*». Наконецъ на посѣвы смотрителя «раздавали не сѣменами, какъ бы слѣдовало, а деньгами и то не во время: напр. на озимый посѣвъ вмѣсто августа—въ декабрѣ и даже позже».

Для прекращенія напрасной траты казенныхъ денегъ, Лифановъ купилъ сѣмена для засѣянія только вспаханныхъ полей и роздалъ ихъ только тѣмъ хозяевамъ, которые дѣйствительно занялись хлѣбопашествомъ, ибо онъ за вѣрное узналъ, что «весьма многіе, получивъ ссуду и считаясь хозяевами,—являлись въ селенія только ко времени денежныхъ раздачъ, а потомъ, запасшись отъ смотрителей,—по лицепріятству съ ними,—билетами, уходили, съ деньгами въ окружные города и селенія для промысловъ, до слѣдующаго полученія; о полевыхъ

же занятіяхъ и не помышляли». Строгостью и ласкою достигъ Лифановъ того, что при немъ же «здоровые евреи съ непритворнымъ усердіемъ засѣяли всѣ сѣмена и дали обѣщаніе какъ общими силами засѣвали, такъ, по благополучномъ урожаѣ,—отдѣлить часть на новый засѣвъ, а остальной хлѣбъ братски раздѣлить между всѣми», не исключая и тѣхъ, которые по болѣзни не въ состояніи были работать. Для ободренія евреевъ, онъ отпустилъ, кромѣ того, на каждую взрослую душу по $\frac{1}{2}$ чка пшеничной и ржаной муки. Наконецъ, чтобы положить твердое основаніе еврейскому хлѣбопашеству,—онъ спрашивалъ разрѣшенія на наемъ русскихъ сосѣднихъ крестьянъ—вспахать евреямъ, за неимѣніемъ у нихъ плуговъ и воловъ, столько десятинъ цѣлинной земли, чтобы засѣять хлѣба и просу на годовую для всѣхъ пропорцію, вдобавокъ къ розданнымъ имъ сѣмянамъ на 9,144 р.

На этотъ рапортъ Джунковскій, по необъясненнымъ нигдѣ причинамъ, вдругъ предложилъ Лифанову: о наймѣ русскихъ рабочихъ и предстоящихъ на плату имъ и на сѣмена расходахъ,—адресоваться «къ Ришелье, какъ главному распорядителю водворенія», съ которымъ и обо всемъ прочемъ впредь также входить въ ближайшія соглашенія; при раздачѣ чего либо — *самому* увѣряться: что кому дѣйствительно нужно, смотря по разбору евреевъ по категоріямъ, при самой же сортировкѣ ихъ «совѣтоваться съ Контеніусомъ», котораго Министръ просилъ, по словамъ Джунковскаго, во всемъ ему, Лифанову, содѣйствовать.

Въ то же время Джунковскій, продолжая, по примѣру Ководавлева, опасаться: не слишкомъ ли много тратитъ Лифановъ времени на однихъ евреевъ, въ ущербъ христіанамъ,—спросилъ его: успѣлъ ли онъ перемѣнить всѣхъ зрителей еврейскихъ колоній и доволенъ ли новыми?

Лифановъ отвѣтилъ Джунковскому, что «способныхъ и честныхъ чиновниковъ весьма трудно найти, но бдительный главнаго начальства присмотръ за подчиненными, можетъ превратить и маловажныхъ чиновниковъ къ соблюденію казеннаго

интереса». Въ этомъ же письмѣ онъ сообщилъ, что «раздумаль нанимать русскихъ вспахивать евреямъ земли», чтобы первые не занесли къ послѣднимъ «заразы, между ними изрядной».

Лаконическимъ этимъ отвѣтомъ Лифановъ намекалъ, конечно, на бездѣятельность Конторы и Ришелье, на двусмысленныя прежнія отношенія свои къ послѣднему и осторожно возражалъ какъ на предложеніе именно къ нему обо всемъ обращаться, такъ и на неумѣстное сомнѣніе Джунковского: столько ли же радѣеть онъ о христіанахъ, сколько о евреяхъ. Все это, а равно постоянная, энергическая борьба Лифанова со зломъ и постигшее его лично несчастіе, такъ сильно раздражили его, что онъ просилъ Джунковского уволить его отъ дальнѣйшей командировки. Министерство видимо спохватилось и, дорожа дѣятельностью Лифанова, выдало его женѣ 1,000 р. и отправило ее съ дѣтьми къ нему, съ «оказіею», а ему Джунковский написалъ успокоительное письмо и обѣщалъ, со словъ Козодавлева, еще 4,000 р. въ пособіе, лишь бы онъ хорошенько, какъ они были увѣрены, устроилъ колонистовъ и разобралъ отчетность.

Лифановъ примирился съ министерствомъ и по прибытіи къ нему семейства усилилъ свою энергію, но «страдалъ» отъ неудачъ, отъ него ничуть, впрочемъ, не зависѣвшихъ. Онъ съ горечью доносилъ Козодавлеву, что у евреевъ вообще урожай получился весьма недостаточный, нѣкоторыя колоніи и сѣмянъ не собрали, у иныхъ же только огородныя овощи уродились, такъ что всѣмъ нечѣмъ было зиму прокормиться.

Въ подтвержденіе своихъ словъ Лифановъ приложилъ вѣдомости о количествѣ посѣва и урожая въ 1813 г., отдѣльно по каждой колоніи. Итоги этихъ вѣдомостей выражаются въ слѣдующемъ:

	Р ж и.		Пшеницы.		Просв.		Овса.		Ячменя.								
	Посѣяно.	Сжато копь.	Посѣяно.	Сжато копь.	Посѣяно.	Сжато копь.	Посѣяно.	Сжато копь.	Посѣяно.	Сжато копь.							
Число душъ въ дер.	чт. чк.	чт. чк.	чт. чк.	чт. чк.	чт. чк.	чт. чк.	чт. чк.	чт. чк.	чт. чк.	чт. чк.							
Въ Деревняхъ.																	
Волыновъ Нартовъ . . .	447	70	7290	305	62 7 $\frac{1}{2}$	1079, 147 7	85	940	399	6	5	5	4	38 6	595	224 5	
Магомъ Нарар.	130	21	1 77	7 2 $\frac{1}{2}$	16 4	239	20 2	2 3 $\frac{1}{2}$	194	77	7	—	—	4 3	93	33 7	
Эфенгаръ . . .	166	25	2 86	12 1	23 2	118	18 6	1 3	48	22	—	—	—	18 6	214	84 1	
Сейдеминухъ . . .	556	136	3 439	80 3	60 1	578	47 1 $\frac{1}{2}$	8 3 $\frac{1}{2}$	412	141	2	—	—	12 5 $\frac{1}{2}$	181	65 6	
Бобровомъ Кутъ:																	
на казен. иждивенн.	195	32	4 100	13 4	14 4	60	6 3	6 5	200	96	7	—	—	21	—	4	
на собственном. иждивенн.	29	6	4 31	5 2	4 6	20	3	1	33	19	4	—	—	—	—	—	
Дигульгъ . . .	548	151	6 724	38 4	97 2 $\frac{1}{2}$	649	42 1	10 1 $\frac{1}{2}$	597	305	3	1	10	3	346 5	378	106 1 $\frac{1}{2}$
Камингъ . . .	421	62	7 402	34 1 $\frac{1}{2}$	67 7	677	77 1	4 1	248	300	6	3	23	11	140 7	477	208 3 $\frac{1}{2}$

Такимъ образомъ Лифановъ опять былъ вынужденъ просить имъ новаго пособия *.

* По документамъ: отъ 14 и 22 января, 8, 10 и 21 февраля, 11 и 31 марта, 10, 28 и 30 апрѣля, 4, 5, 15, 20 и 27 мая, 3 и 31 июня, 9 октября, 7 ноября и 8 декабра 1813 г.

Министерство разрѣшило Лифанову помочь евреямъ, съ ограничительнымъ, впрочемъ, условіемъ, чтобы онъ самъ тщательнo изслѣдовалъ: во 1-хъ, дѣйствительно ли евреи засыjali *ось* данныя имъ сѣмена, а не промотали часть ихъ; во 2-хъ, точно ли постигъ ихъ неурожай, и, если это вѣрно,—то какія именно были тому причины; въ 3-хъ, раздавалъ бы вспоможенія только землепалествовавшимъ и истинно нуждавшимся,—и въ 4-хъ, желающихъ идти на заработки—отпустилъ бы въ смежныя съ колоніями мѣстности, но безъ всякихъ отъ казны пособій.

Въ виду выраженнаго Джунковскимъ новаго сомнѣнія въ правильности представленія Лифанова,—онъ, приученный горькимъ опытомъ къ осторожности, для огражденія себя отъ какихъ либо нареканій, предложилъ Конторѣ прислать къ нему въ Нагартавъ члена фонъ-Лау, для совмѣстнаго распредѣленія пособія, а самъ отправился въ ближайшую колонію—Израилевку. Тамъ нашелъ онъ поселянъ въ «крайнемъ уныніи, по такому большому недороду, въ 1813 г., что они и сѣмянъ не собрали». При этомъ нѣкоторые заявили ему, что они хотя настолько еще состоятельны, что сами въ состояніи купить сѣмянъ, но «строжайшее, со стороны главнаго смотрителя колоній, маіора Траскина, воспрещеніе имъ отлучаться изъ колоній, даже въ сосѣднія деревни» лишаетъ ихъ возможности сдѣлать это. На притѣсненія со стороны Траскина заявлены были и другія жалобы: въ ноябрѣ 1813 г. умерла отъ родовъ, вмѣстѣ съ младенцемъ, жена еврея Голбоша; Траскинъ же извѣстилъ чумной комитетъ, что она скончалась отъ моровой язы. Въ колонію прибыли становой, исправникъ и лекаръ, убѣдились въ ложности извѣщенія Траскина, и исправникъ приказалъ старостѣ сосѣдняго села Устимовки не препятствовать евреямъ проходить туда за покупкою хлѣба. Это не понравилось Траскину и онъ, послѣ отъѣзда Коммисіи, тому же старостѣ велѣлъ: «всякаго еврея, который очутится въ Устимовкѣ, *въ ту же мину ту заковать въ желѣза и доставить къ нему*». Такимъ образомъ имъ и нельзя было достать не только сѣмянъ, но и чего бы то ни было.

Лифановъ, принявъ во вниманіе, что эта неумѣстная строгость способна довести евреевъ и «до голодной смерти»,—но въ то же время остерегаясь удаленіемъ Траскина вызвать новыя столкновенія съ Ришелье, покровительствовавшимъ Траскину, снесся съ херсонскимъ вице-губернаторомъ объ отиѣнѣ, легальнымъ порядкомъ, распоряженія Траскина, а самъ поѣхалъ въ Елисаветградъ дознаваться отъ карантиннаго комитета: почему позволеніе городскимъ евреямъ выходить въ села—не распространено на евреевъ земледѣльцевъ? Въ Елисаветградѣ онъ въ день пріѣзда не нашелъ ни *единоаго* изъ членовъ Комитета и принужденъ былъ тамъ ночевать, а на другой день розыскалъ, на дому, управлявшаго Комитетомъ судью и словесно потребовалъ отъ него разъясненія причины отягощенія земледѣльцевъ. Судья, въ свою очередь, потребовалъ отъ него *письменнаго* запроса, и, когда онъ написалъ и подалъ ему бумагу,—тотъ сказалъ ему, что на розыскъ дѣла надо «нѣкоторое время», потому обѣщалъ ему прислать въ скорости отвѣтъ въ Израилевку съ «летучею почтою». Лифановъ повѣрилъ «честному слову» судьи и вернулся въ Израилевку, гдѣ напрасно, однако, прождалъ цѣлую недѣлю: ни судья, ни Комитетъ ни словомъ не отозвались. Тогда Лифановъ, основываясь на предъявленномъ ему смотрителемъ указѣ Конторы о возможности и при существованіи чумы увольнять евреевъ на 30-верстное разстояніе отъ колоній,—предписалъ всѣмъ смотрителямъ руководствоваться этимъ именно указомъ; но Траскинъ запретилъ смотрителямъ исполнять распоряженіе Лифанова.

Лифановъ, встрѣчая подобныя препятствія, сталъ въ туникъ. Къ счастью, въ это время херсонскій вице-губернаторъ увѣдомилъ его, что самъ Ришелье разрѣшилъ пропускать евреевъ за Днѣстръ и въ другія мѣста, наравнѣ съ прочими обывателями края. Лифановъ объявилъ это разрѣшеніе поселянамъ, принявшимъ его «съ восторгомъ» и заявившимъ, что не только «ни малѣйшаго вспомошествованія отъ казны не просятъ, но даютъ твердое обѣщаніе со всякимъ тщаніемъ засѣять, своимъ иждивеніемъ, яровой хлѣбъ». Опираясь уже

на Ришелье, Лифановъ предписалъ смотрителямъ выдать билеты: однимъ,—для отысканія заработковъ, предварительно удостовѣрившись, что отлучки эти не разстроютъ ихъ хозяйствъ; другимъ,—для покупки хлѣба; а третьимъ,—для прочихъ надобностей. Этого распоряженія Траскинъ уже не отмѣнилъ, и Лифановъ и этимъ былъ доволенъ.

Но въ то же время онъ въ Израилевѣ получилъ непріятное для него извѣщеніе Конторы, что ни фонъ-Лау, ни другой членъ фонъ-Буденброкъ, (посаженный въ члены самимъ Лифановымъ), по болѣзни не явятся къ нему въ Нагартовъ, а третій членъ—управляетъ конторою; почему она и предписала Девельдѣву сопровождать его по колоніямъ. Лифановъ удовольствовался Девельдѣвымъ, потому въ особенности, что узналъ его за «отличнѣйшаго чиновника, ревностному служенію котораго уже нѣсколько разъ самъ былъ свидѣтелемъ».

На своемъ объѣздѣ они нашли всѣ колоніи въ «бѣднѣйшемъ состояніи, а большую часть евреевъ едиными лохмотьями покрытыхъ, босыми или нагими». Особенно поразили ихъ деревни Сейдеминуха, Бобровой Куть и Камянка, которыя хотя и «изобиловали камнемъ, но по распоряженію бывшаго смотрителя Далка, до 90 домовъ, построенные изъ земли,—разсыпались, а изъ хозяевъ: одни—по чужимъ домамъ скитались, а другіе,—до 70 чел., невѣдомо куда разбрелись»... Хлѣбопашественныя орудія оказались «еще въ худшемъ видѣ, нежели въ 1813 г.: волы опять были перерѣзаны, перекрадены и перепроданы, плуги до такой степени перепорчены», что на ихъ исправленіе, по исчисленіямъ Лифанова и Девельдѣва, требовалось 1072 р. Это раззореніе оба они приписывали моровой язвѣ, продолжительнымъ строгимъ карантинамъ и ежегоднымъ неурожаемъ. Оттого, для «спасенія нѣкоторыхъ самобѣднѣйшихъ, престарѣлыхъ и многосемейныхъ отъ голодной смерти»,—они роздали на 2-хъ мѣсячное прокормленіе 356 обоего пола душъ проса по 2 чка—177 четв., на 685 р.; да многихъ распустили на заработки въ Херсонъ и Николаевъ, гдѣ они, будучи ремесленниками, рассчитывали приобрести

пропитаніе. Затѣмъ, обозрѣвъ поля, оба убѣдились, что на посѣвъ 7 деревнямъ надо было: пшеницы—329 четв. и 3 чк., ячменя—361 четв. 5 чковъ, овса—33 четв. 7 чковъ и гречи—118 чет., стоимшихъ, по справочнымъ цѣнамъ, до 10,000 р. Наконецъ изъ тщательнаго разслѣдованія узнали они, что все отпущенное евреямъ въ 1813 г. они дѣйствительно должнымъ порядкомъ посѣяли; но неурожай произошелъ оттого, что «сначала весны, по бездождію, озимой и яровой хлѣбъ худо всходилъ; потомъ, въ іюнѣ, отъ дождей хлѣбъ быстро и необыкновенно выросъ; но сколько дожди помогли собственно росту, столько же повредили зерну: оно оказалось до того мелкимъ и тощимъ, что копна дала не болѣе: ржи—по 1, пшеницы—по 1½, ячмень—3, а просо—по 5 чковъ; затѣмъ въ августѣ и сентябрѣ шли такіе непрерывные дожди, что жали и собирали хлѣбъ по неволѣ поздно». Наконецъ такой же точно «неурожай постигъ сосѣднія русскія деревни». О томъ, въ какомъ количествѣ выразились посѣвъ и урожай каждой изъ деревень въ 1814 г. Лифановъ составилъ нѣсколько разныхъ таблицъ, дающихъ слѣдующіе итоги:

Въ деревняхъ:	Число душъ въ дер.		Ржи озимой.						Пшеницы.						Ячменя.						Преса.					
			Посѣяно.		Нажато копъ.		Вымолочено.	Посѣяно.		Нажато копъ.		Вымолочено.	Посѣяно.		Нажато копъ.		Вымолочено.	Посѣяно.		Нажато копъ.		Вымолочено.				
			чт.	чк.	чт.	чк.		чт.	чк.	чт.	чк.		чт.	чк.	чт.	чк.		чт.	чк.	чт.	чк.		чт.	чк.		
			чт.	чк.	чт.	чк.	чт.	чк.	чт.	чк.	чт.	чк.	чт.	чк.	чт.	чк.	чт.	чк.	чт.	чк.	чт.	чк.				
Сейдевинухъ . . .	556	136	3	439	80	3	60	1	578	47	½	12	5	½	181	65	6	8	3	½	412	141	2			
Бобровомъ Кутѣ .	284	89	1	131	18	6	19	2	80	9	3	—	2	1	—	4	7	5	233	116	3					
Нигульцѣ . . .	548	151	6	724	38	4	97	2	649	42	1	46	5	378	106	1	10	1	597	305	3					
Камянкѣ . . .	421	62	7	402	34	½	67	7	677	71	1	40	7	477	208	3	4	1	248	300	6					
Эфенгарѣ . . .	166	25	2	86	12	1	23	2	118	18	6	6	18	6	214	84	1	1	3	48	22					
Больш. Нагарговѣ	447	70	7	290	30	5	62	7	1079	147	7	38	6	595	224	5	8	5	940	939	6					
Маломъ „	136	21	77	7	2	16	11	2	239	20	2	—	4	3	93	33	7	2	194	77	7					

Обо всемъ разсказанномъ Лифановъ написалъ Ришелье и Министерству, причѣмъ опять настаивалъ на вспомошествованіи евреямъ, но уже значительно слабѣе прежняго. Энергія его поневолѣ должна была умалиться отъ всяческихъ, непрерывно выросставшихъ предъ нимъ, преградъ. Министерство, сперва облекшее Лифанова полною независимостью, потомъ, въ угоду Ришелье, заставляло его играть съ нимъ въ политику, а затѣмъ явнымъ подчиненіемъ его Ришелье—окончательно подорвало его авторитетъ. Ришелье видѣлъ въ Лифановѣ, правда, своего помощника, но такого, который и съ Министерствомъ велъ непосредственныя сношенія, а потому ежедневно могъ надѣлать ему непріятностей; поэтому Ришелье, изъ самосохраненія, понятно, не особенно симпатизировалъ Лифанову. Ришельевскіе же сотрудники, обозванные въ высочайшемъ указѣ «ненадежными», съ своей стороны старались, чѣмъ могли, отплачивать за это «надежному» Лифанову. Отсюда и вытекали придуманныя болѣзни членовъ Конторы, выходки Траскина и пренебреженіе къ нему Карантиннаго Комитета и судьи. Ничѣмъ инымъ нельзя объяснить то, что отъ человѣка, занимавшагося дѣломъ по *высочайшему* повелѣнію, одни—открещивались; другіе—прятались; никто ему ничего не отвѣчалъ, а какой нибудь смотритель уничтожалъ его приказанія...

Такимъ образомъ непослѣдовательность и излишняя уступчивость министерства поставили Лифанова въ большое, какъ онъ писалъ, недоумѣніе, вредно отразившееся на ходѣ дѣла. Лифановъ, до мельчайшихъ подробностей изучившій бытъ колоній, достоинства и недостатки колонистовъ, и въздвигшій вмѣстѣ съ нимъ Девельдѣвъ свидѣтельствовали, что еврейское хозяйство страдало отъ моровой язвы, суроваго карантинна и неурожаевъ, а Контора, вопреки взглядамъ Лифанова, посланнаго *руководить* ею,—не церемонилась голословно писать въ департаментъ, что «поселенцы не стараются усовершенствовать свои хозяйства, а подъ разными предлогами слятся утрачивать

скотъ, дѣлають разстройку хозяйству, сваливая все на недо-родъ», и что «старшины изъ евреевъ не обращаютъ никакого смотрѣнія на домоводство, а одни смотрителя не могутъ смотрѣть, чтобы въ колоніяхъ былъ порядокъ; евреи же, не видя надъ собою непрестаннаго надзора, вперяющаго имъ страхъ начальства — своевольничаютъ, дѣлѣютъ», почему она предписала сельскимъ приказамъ и старшинамъ «помогать смотрителямъ наблюдать за порядкомъ въ колоніяхъ, съ предва-реніемъ, что за всякое своевольство евреевъ—старшины вмѣстѣ съ ними будутъ наказываемы»...

Департаментъ нашель. что «употребленіе столь значущей суммы на покупку сѣмяннаго хлѣба для евреевъ (на 10,000 р.) не имѣло цѣли, когда, какъ Лифановъ доносилъ, у большей части евреевъ нѣтъ исправныхъ земледѣльческихъ орудій и скота, которыя ими перерѣзаны и распроданы по недостатку продовольствія, да и время для посѣва уже прошло»,—въ без-плодной перепискѣ, долженъ былъ бы добавить департаментъ. Посему онъ полагалъ, что, во 1-хъ, до разбора евреевъ имъ слѣдовало дать только на прокормъ, если они сами не въ со-стояніи пропитаться промыслами и работами на сѣнокосахъ въ ихъ дачахъ; во 2-хъ, поручить Конторѣ наблюсти, при раздачѣ кормовыхъ, возможную экономію, а тратить деньги не иначе, какъ съ разрѣшенія Ришелье; въ 3-хъ, просить Контеніуса послѣдствовать въ колоніи, гдѣ найдетъ «гораздо больше людей безнадежныхъ къ земледѣлію», ибо многіе, «вѣроятно не имѣя никакой склонности къ сему званію,—согласятся обра-титься къ другимъ промысламъ» и въ 4-хъ, просить Конте-ніуса же сообразить: «какъ обезпечить возвратъ казеннаго долга съ тѣхъ, коимъ бы дозволилось выключиться изъ зем-ледѣльцевъ; какъ исправить, безъ обремененія казны, недос-татки тѣхъ, кои останутся земледѣльцами и какъ облегчить участь сихъ людей, претерпѣвшихъ многія бѣдствія и дове-денныхъ до крайности».

Все это Козодавлевъ утвердилъ, потому что усвоилъ себѣ

мнѣніе, что Лифановъ, изъ особеннаго пристрастія къ евреямъ, — заботится о нихъ гораздо больше, нежели о православныхъ, нѣмецкихъ, менонитскихъ и прочихъ колонистахъ. Лифановъ же, убѣдившись окончательно, что его не понимаютъ, ограничился сообщеніемъ Министерству, что евреи при немъ «благополучно кончили весь посѣвъ» и затѣмъ совершенно отсталъ отъ нихъ, а занялся прочими колонистами и распутываніемъ прежней денежной обо всѣхъ поселенцахъ отчетности.

Но въ то же время Козодавлевъ, для возбужденія въ старикѣ Контеніусѣ большаго рвенія, написалъ ему пространное, обнимавшее почти *весь* предметъ, письмо, въ которомъ между прочимъ говорится:

«Вамъ извѣстны виды правительства при учрежденіи еврейскихъ колоній. Оно желало снабдить ихъ всѣми способами устроиться въ званіи земледѣльцевъ и удалить отъ вредныхъ промысловъ, коими они обыкновенно занимаются, но сіе, по узнанному ихъ отвращенію къ земледѣлію, по незнанію какъ за него привяться и по упущеніямъ смотрителей—произвело немалое разстройство и потому евреи могутъ быть признаны заслуживающими снисхожденія. Если при разборѣ ихъ назначить въ работы * всѣхъ, у кого хозяйство разстроено, то изъ 591 семейства въ 3672 души большая часть можетъ подойти къ назначенію, но это противно справедливости и милосердію государя. Вѣдствія, претерпѣнныя ими доселѣ, вѣроятно расположили многихъ изъ нихъ къ трудолюбію, для исправленія своего состоянія, если дать имъ нѣкоторое вспоможеніе. Изъ самаго зла можно бы извлечь пользу и сіе отвѣчало бы волѣ государя: онъ на увольненіе ихъ не согласился еще въ 1810 г. Мысли сіи сообщаю вамъ для соображенія: благоразуміе и мѣстныя ваши изысканія о занятіяхъ и промыслахъ евреевъ,—укажутъ вамъ удобныя мѣры къ ихъ устроенію и облегченію ихъ судьбы съ наименьшими, по возможности, издержками.

* Казенныя и общественныя, какъ установилось повелѣніями 29 октября и 15 ноября 1812 г.

Разборъ иностранныхъ поселенцевъ, вами съ толкимъ вниманіемъ произведенный, ваша опытность по части колонизаціи и свѣдѣнія, какія вы приобрѣли при обозрѣніи еврейскихъ колоній, подають мнѣ основательную надежду, что вы изыщете способы къ устройству ихъ. Я уже засвидѣтельствовалъ предъ государемъ о вашихъ важныхъ заслугахъ и увѣренъ, что окончаніемъ этого порученія подадите мнѣ новый поводъ обратить вниманіе государя на ваши труды ко благу общественному».

Такимъ образомъ дальнѣйшая судьба евреевъ земледѣльцевъ очутилась въ рукахъ Контеніуса. На лестное для него письмо онъ скромно отозвался, что «по мѣрѣ возможности и слабыхъ своихъ силъ будетъ стараться вникнуть въ положеніе евреевъ и представить, сообразно правительственнымъ видамъ, удобнѣйшіе способы, коими бѣдствіе ихъ отъ неопытности къ земледѣлію могутъ быть облегчены, и какимъ меньшимъ вспомошествованіемъ отъ казны они могутъ, наконецъ, быть доведены до преднамѣренной правительствомъ цѣли» *.

На приведенныхъ письмахъ забота о евреяхъ прервалась на цѣлыхъ 10 мѣсяцевъ: это время Контеніусъ употребилъ на изученіе ихъ быта и на разработку своихъ подробныхъ замѣчаній. Замѣчанія эти проливають новый свѣтъ на дѣло. Къ 1815 г. во всѣхъ колоніяхъ находилось «слѣдующее число еврейскаго народа».

	Число семействъ.	Число душъ.			Изъ нихъ работ. съ 18 лѣтн. возр.
		мужскаго.	женскаго.	общаго пола.	
Въ Эфсшаръ: Осѣдлыхъ, снабженныхъ ссудой и кормовыми	49	120	97	217	133
Приписанныхъ къ деревни и довольствовавшихся только кормовыми холостыхъ и сиротъ, существовавшихъ ремеслами, или подневными работами въ колоніи и на сторонѣ	—	38	26	64	55

* По документамъ отъ 14 и 20 февраля, 31 марта, 14 апрѣля и 6 мая 1814 г.

	Число се- мействъ.	Число душъ.			Изъ нихъ рабоч. съ 13 лѣтн. возр.
		мужска- го.	женска- го.	обоихъ пола.	
Въ <i>Большомъ Назартовѣ</i> : 1-го разр. людей	72	234	187	421	271
2-го разряда людей	—	82	57	139	79
Въ <i>Маломъ Назартовѣ</i> : Осѣдлыхъ, со ссудою и кормовыми	22	68	60	128	84
Холостыхъ и сиротъ съ кормовыми	—	31	24	56	37
Въ <i>Сейдеминухѣ</i> : 1-го разряда людей	100	223	214	437	294
2-го разряда людей	—	65	39	104	75
Въ <i>Бобровомъ Кутѣ</i> : 1-го разряда людей	12	24	20	44	28
2-го разряда людей	31	92	73	165	89
Проживавшихъ на всемъ своемъ	132	300	234	534	354
Въ <i>Ингульцѣ</i> : 1-го разряда	86	290	262	555	343
2-го разряда	—	41	34	75	48
Въ <i>Камянкѣ</i> : всѣхъ со ссудою и кормовыми.	55	188	148	336	210
Въ <i>Крикомъ Плясъ</i> (открылась въ 1813 г.): со ссудою и кормовыми	20	74	47	120	70
Въ общихъ колоніяхъ холостыхъ и сиротъ, пользовавшихся кормовыми	—	163	105	268	200
Въ <i>Израилскаѣ</i> всѣхъ поселившихся на соб- ственномъ иждивеніи и получавшихъ пособія	37	101	91	192	195
Итого	610	2136	1718	3854	2495

Изъ этого общаго числа людей занимались: землѣдѣіемъ въ колоніяхъ 1514 чел., въ томъ числѣ 220 чел. изъ невоспользовавшихся ссудою и изъ холостыхъ и сиротъ; ремеслами—105 ч.; работами вблизи колоній 164 ч.; заработками: въ Херсонѣ, Бериславлѣ и Николаевѣ—620 ч.; заработками же въ Елисаветградѣ, Одессѣ, Вѣлоруссіи, Польшѣ, въ Екатеринославской, Таврической и Малороссійской губерніяхъ—500 чел.; пребывало въ неизвѣстныхъ и самовольныхъ отлучкахъ изъ всѣхъ колоній 238 ч.; всего 3854 чел.

Благосостояніе колоній измѣрялось, вначалѣ 1815 г., слѣдующими цифровыми данными.

	Земледельческих орудий.			Домашняго скота.		Посѣвъ озимаго 1813 г и яров. 1814 г.		Урожай съ обоихъ по сѣвѣ.		Посѣвъ озимаго 1815 г.		Число повозокъ съѣна.	Со времени водворенія лишился скота.		Число домовъ.	
	Плуговъ.	Боровъ.	Повозокъ.	Лошад.	Рогатаго скота.	Четверги.	Четверяки.	Четверги.	Четверяки.	Четверги.	Четверяки.		Рысаго скота.	Лошад.	Конченных и ст. крыш.	Безъ крыш. и развалин.
Въ Эфенгарѣ	13	17	33	10	236	85	5	148	7	9	2	490	227	3	31	3
„ Большомъ Нагартовѣ	11	13	44	12	436	144	6 1/2	464	7 1/2	—	4	669	261	13	65	1
„ Мадомъ	2	4	4	6	105	44	7 1/4	50	1 1/2	1	4 1/2	186	67	2	20	—
„ Сейдеминухъ	11	16	33	3	481	177	1 1/2	835	7 1/3	72	1	556	360	46	65	26
<i>Въ Бобровомъ Кутѣ:</i>																
у получившихъ полную ссуду	—	1	2	—	4	7	4	26	2	2	4	36	21	3	3	—
у получивш. часть ссуды.	2 1/2	3	10	1	120	27	3	128	2 1/2	12	3	158	67	22	14	2
у водворившихся на свой счетъ	1 1/2	2	5	2	40	6	3	53	1	4	—	31	33	4	3	—
Въ Ингульдѣ	9	30	49	11	440	211	6	574	1	48	7	1078	370	45	54	32
„ Камьянкѣ	6	26	27	12	200	117	9	97	4 1/2	6	6	740	371	31	42	12
„ Кривомъ Плессѣ	1	7	8	5	55	55	5	51	7	1	6	250	135	11	14	4
„ Израилевкѣ, водворивш. на свой счетъ .	2	2	20	24	106	17	—	39	5	2	4	178	—	—	21	—
Итого	59	121	236	87	2269	899	2 1/2	2496	2 1/2	162	1 1/2	4372	1912	180	333	80
Изъ всѣхъ колоній осуждены были общественными приговорами за полное нерадѣніе къ хозяйству и дурное поведеніе къ работамъ казеннымъ 16 хозяевъ, располагавшихъ	1/2	1	2	1	27	8	4 1/2	22	3 1/2	3	1/2	69	49	10	5	8
Къ работамъ общественнымъ 17 хозяевъ, располагавшихъ	2	4	11	4	116	36	5 1/2	73	3	7	2 1/2	216	121	12	4	12

Къ казеннымъ и общественнымъ работамъ евреи приговорены были *впервые*. Впрочемъ, согласно просьбамъ старшинъ, Контеніусъ полагалъ помиловать и на этотъ разъ всѣхъ осужденныхъ, во вниманіе къ ихъ «прежалостному положенію». Контеніусъ равнымъ образомъ призналъ большинство колонистовъ «бѣдствовавшими» отъ «недорода въ продолженіи 5 лѣтъ сряду, не только у евреевъ, но и у сосѣднихъ ихъ обывателей»; самое же бѣдствіе выводилъ онъ изъ того, что «немалое

число ихъ ходило въ рубищахъ, безъ обуви, а питалось просянымъ съ ячменною и прочею мукою смѣшаннымъ хлѣбомъ», не располагавшимъ же и этою пищею—помогали ихъ «родственники, сосѣди и иные милостынею». Но и при всѣхъ этихъ, «въ соболѣзнованіе приводящихъ обстоятельствъ», въ колоніяхъ, по удостовѣренію Контеніуса, прекратилась прежняя смертность «съ голода». Этотъ выводъ почерпнулъ онъ изъ сопоставленія числа родившихся и умершихъ, собственно въ колоніяхъ, въ 1814 году.

	Родилось.	Умерло.
Въ Эфенгарѣ	10 чел.	4 чел.
„ Большомъ и Маломъ Нагартовахъ.	23 „	17 „
„ Сейдеминухѣ	18 „	19 „
„ Бобровомъ Кутѣ	23 „	8 „
„ Ингульдѣ	18 „	12 „
„ Камянкѣ и Кривомъ Плесѣ	17 „	10 „
„ Израилевкѣ	4 „	5 „
Итого	113 чел.	75 чел.

т. е. родилось больше, нежели умерло на 38 чел.

Отъ предложенной Контеніусомъ помощи на поправку хозяйствъ многіе евреи наотрѣвъ отказались, изъ нежеланія обременять себя большими долгами: ничего не родилось, значить, и трудиться напрасно не стоитъ. говорили они Контеніусу почти во всѣхъ колоніяхъ; желавшіе же продолжать хлѣбопашествовать просили у Контеніуса очень малаго, а именно:

	Воловъ.	Плуговъ.	Поземокъ.	Боронь.
Жители Эфенгара	3 пары	6	—	—
Большого Нагартова	3½ „	13	42	—
Малаго „	1 „	4	20	—
Сейдеминухи	17½ „	14	70	—
Боброваго Кута	2 „	5	22	10
Ингульда	9 „	11	30	20
Итого	36 парь	53	184	30

Урожай 1814 г., по словамъ Контеніуса, былъ дѣйствительно плохой: евреи всѣхъ колоній имѣли его въ 2496 четв. и 2½ чка. Считая на годовое пропитаніе лишь 2216 человекъ, занимавшихся хлѣбопашествомъ, по 2 четв. на каждого, на

всѣхъ необходимо было 4432 четв., да на посѣвъ 900 четв., итого 5322 четв., за исключеніемъ же означеннаго урожая не доставало 2836 четв. Отказъ евреевъ получить пособіе приводилъ Контеніуса, правда, въ сомнѣніе, чтобы они что либо посѣяли въ 1815 г. и могли прокормиться, но они его увѣряли въ противномъ, ежели ихъ «будутъ только отпускатъ на промыслы изъ колоній», откуда Контора и увольняла ихъ, съ обязательствомъ непременно вернуться домой къ полевымъ работамъ. Евреи не безъ искусства. по мнѣнію Контеніуса, занимались: портняжнымъ, сапожнымъ, стекольщицкимъ, бляхернымъ, винокуреннымъ, цирюльнымъ и учительскимъ ремеслами, а промышленяли они: корчемствомъ, мѣною монетъ, факторствомъ и «изворотами».

Причины слабого хозяйственнаго обзаведенія и малаго успѣха евреевъ въ земледѣліи, Контеніусъ приписывалъ массѣ неурядицъ, господствовавшихъ въ колоніяхъ. Для ясности и избѣжанія повтореній мы сгруппируемъ эти неурядицы въ нижеслѣдующіе пункты.

Во 1-хъ, не приобрѣвъ, въ теченіи 5 лѣтъ сряду, ни разу еще на годовое продовольствіе хлѣба отъ земледѣлія,—они потеряли охоту имъ заниматься, а стремились вернуться къ прежнимъ своимъ промысламъ, особливо къ винной продажѣ, опять позволенной ихъ единовѣрцамъ. Оттого, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенно ревностныхъ хозяевъ,—остальные не прилегли къ земледѣлію, не старались умножить скота, орудій, а по неимѣнію одежды и обуви, въ ожиданіи теплой погоды,—засѣвали поля поздно, почему и урожай получали, естественно, худшій, нежели ихъ сосѣди, къ тому жъ и родившіеся пахарями. Точно также потерю со времени водворенія 1912 штукъ рогатаго скота и 180 лошадей евреи ослабили въ хозяйствѣ, тѣмъ болѣе, что большей части скота и лошадей лишились они отъ падежа и воровства, которое и не прекращалось.

Во 2-хъ, по недостатку скота и орудій, они мало поднимали цѣлинной земли, а иные сѣяли по 5 и болѣе лѣтъ сряду на выпаханныхъ нивахъ, давшихъ, разумѣется, меньше уро-

жая, чѣмъ слѣдовало ожидать, при правильной обработкѣ земли. Еврейскія женщины, начавшія было пріучаться къ полеводству, — уклонились потомъ отъ этого занятія. Русскіе поселенцы, вслѣдствіе недорода хлѣба, — сажали картофель и другія огородныя овощи, устранявшія часть недостатковъ питанія, а евреи ни этого не дѣлали, ни овецъ не заводили, ни льна не сѣяли, а ихъ женщины не пряли и не ткали, хотя инныя и умѣли, слѣдовательно евреямъ и носить нечего было.

Въ 3-хъ, евреи своихъ сыновей и зятей тотчасъ же послѣ ихъ женитьбы отдѣляли въ самостоятельныхъ хозяевъ; отчего въ семействахъ, состоявшихъ изъ 8 и болѣе душъ, часто оставались только мужья и жены — старики, и въ то время, когда жены домовничали — мужья уже работали совершенно одни. Отъ дозволенныхъ и самовольныхъ отлучекъ изъ колоній подобныхъ хозяевъ — хозяйства ихъ совсѣмъ разстраивались: хозяйки ничего не исправляли и даже дома ихъ разрушались.

Въ 4-хъ, евреи полагали, что хлѣбопашествовать успѣшно препятствовали имъ продолжительные годовые ихъ праздники во время самонужнѣйшихъ работъ, въ мартѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ. Контеніусъ возражалъ имъ, что «вдревле, когда существовало Іудейское царство, евреи праздновали тѣ же праздники, но такъ исправно занимались хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, что пропитывали весь израильскій народъ», значитъ и въ Новороссіи они должны были дѣлать тоже самое. Они увѣряли его, что «Богу не угодно, чтобы они занимались земледѣліемъ, поэтому онъ ни разу еще не осчастливилъ ихъ хорошимъ урожаемъ». Контеніусъ напомнилъ имъ, что «еще сначала вѣковъ случались цѣлые ряды неурожайныхъ годовъ, за которыми слѣдовали урожайные, стало быть переменны, высшимъ промысломъ назначенныя, надо безропотно переносить, чтобы тѣмъ самымъ угодить Богу». Они доказывали Контеніусу, что «не владѣютъ тѣлесными силами, необходимыми для тяжелыхъ полевыхъ работъ, почему и неспособны къ нимъ». Съ этимъ доводомъ Контеніусъ согласился только относительно стариковъ и больныхъ, остальные же, особливо мо-

лодые, обязаны, какъ онъ имъ внушалъ, «постепенно пріучиться къ земледѣлю, ибо оно со временемъ сдѣлаетъ ихъ достаточными, счастливыми навсегда». Они, напротивъ, твердили ему, что «молодые, возрастая въ земледѣліи безъ обученія религіи (по бѣдности не могли содержать, сколько нужно, учителей), потеряютъ послѣ вѣру, и они сомнѣваются даже, останутся ли дѣти ихъ приверженцами своему закону». Контениусъ направлялъ ихъ вниманіе и на то, что все будетъ «зависѣть отъ воли божьей, а какъ они вѣрятъ въ него и не прогнѣвять его,—онъ и не покинетъ ихъ безъ своей благодати и милости».

Въ 5-хъ, евреи отказывались отъ дальнѣйшей казенной помощи «изъ страха подвергнуться, за нерадѣніе, казеннымъ и общественнымъ работамъ», да силою быть оставленными при земледѣліи, тогда какъ «непринятіемъ пособія думали достигнуть распущенія ихъ изъ колоній». Съ этою цѣлію они «вознамѣрились скрытно слабо упражняться въ хлѣбопашествѣ, дабы не переставаемыми ихъ нуждами дать видъ своей неспособности къ этой работѣ. Въ этомъ смыслѣ Контениусъ наткнулся на много случаевъ. Напр. «Шульцъ Сейдеминухской колоніи, еврей Кавнацкій, посѣявшій старательно въ 1814 г. 12½ четв. разнаго хлѣба и получившій отлѣнный урожай, навлекъ на себя роптаніе единовѣрцевъ, упрекавшихъ его въ противодѣйствіи общему намѣренію избавиться отъ земледѣлія—своимъ правильнымъ упражненіемъ въ немъ»: такіе, дескать, примѣры «покажутъ начальству способность евреевъ къ земледѣлю и ихъ принудятъ имъ заниматься. Для приведенія всѣхъ къ единомыслію въ важныхъ для нихъ случаяхъ они, подъ руководствомъ «первостатейныхъ своихъ затѣйщиковъ», налагаютъ, по установленіямъ стараго завѣта, «*херимъ*», т. е. страшное проклятiе и тотъ, кто этому проклятiю подвергся,—всѣми презрѣвъ, не допускается въ синагогу, лишается всякаго сообщества, довѣрія, съ нимъ никто не знается, не ѣсть, ему не продаютъ мяса и проч., пока не раскается и не присоединится къ видамъ общества». Это установленіе, какъ сообщаетъ Контениусъ, воспринятствовало ему достовѣрно «узнать:

сколько именно хозяевъ желаютъ продолжать, или бросить земледѣліе»; но онъ былъ увѣренъ, что «не будь «херимъ» большою силою,—не малое число хозяевъ рачительно хлѣбопашествовали бы».

Въ 6-хъ евреи, пользуясь значеніемъ того же «херима», отправили по нѣскольку надежныхъ человѣкъ: однихъ—въ Бѣлоруссію и Литву съ книгами, для сбора добровольныхъ подавій, для облегченія нуждъ слабѣйшихъ колонистовъ, а другихъ въ Слонимъ и Гродно—совѣтоваться съ тамошними «умнѣйшими евреями о томъ, какъ освободиться отъ земледѣлія съ помощью ходатайства двухъ значащихъ Литовскихъ евреевъ, находившихся за границею, при главной квартирѣ русской арміи и получившихъ отъ князя Волконскаго одобрительный листъ».

Изобразивъ въ этомъ видѣ дурное положеніе евреевъ, Контеніусъ умозаклучилъ, что при существовавшемъ ихъ настроеніи, трудно изыскать надежныя средства къ скорому усовершенствованію ихъ въ земледѣліи, но какъ «трудное не есть еще не возможное», то Контеніусъ и намѣтилъ, какъ этого добиться. По его соображенію «евреи народъ, изъ древле ропоту и непостоянству склонный, остался такимъ же до днесь: онъ не имѣлъ терпѣнія перенести общій рокъ, постигшій, нѣсколько лѣтъ сряду, весь край скудными урожаями, потому и духъ сомнѣнія овладѣлъ всѣми, завидовавшими единовѣрцамъ, занимавшимся торговлею и шинкарствомъ». Однако Контеніусъ, на основаніи своего долготѣняго служенія и пониманія людскихъ слабостей, былъ убѣжденъ, что «время, истребивъ въ нихъ предрасудки, ложные и лукавые вымыслы—постепенно преобразить ихъ въ способныхъ и склонныхъ къ земледѣлію. Хотя они и разсчитывали: одни,—что еврейскія общества внесутъ за нихъ долги, а другіе, — что правительство простить имъ таковыя и распустить ихъ, но многіе, не зная чего хотять и куда пойдуть, говорили только то, что внушали имъ затѣйщики. Многіе же изъ нихъ еще на родинѣ были хворы, нищи, вели себя дурно, а прибыли въ край крайне бѣдными;

такими-же бесполезными оставались они въ колоніяхъ и такими-же будутъ, если ихъ распустить, тогда какъ въ колоніяхъ они могутъ прокормиться скотоводствомъ и соразмѣрнымъ, съ ихъ силами, хлѣбопашествомъ».

Цѣлесообразность удержанія евреевъ въ званіи земледѣльцевъ Контеніусъ доказывалъ тѣмъ, что: а) одни—хорошо, а другіе—посредственно уже научились земледѣлію и узнали, чему имъ надо только доучиться до полной опытности; б) молодые совершенно привыкли къ деревенскому быту; в) правительство затратило на водвореніе и устройство евреевъ много денегъ и попеченія; г) самыя тяжкія обстоятельства миновали для нихъ; д) шинкарствовали въ краѣ христіанскія женщины, а ихъ мужья хлѣбопашествовали, тогда какъ если признать безвреднымъ предоставить этотъ промыселъ евреямъ, — они непремѣнно сами займутся имъ и уклонятся отъ землепашества; е) города края переполнены евреями, потому пусть этотъ торгъ ведутъ городскіе евреи, а не земледѣльцы, пристроенные къ полезному для нихъ дѣлу; ж) въ такомъ же точно, какъ еврейскія колоніи бѣдственномъ состояніи были, по словамъ Контеніуса, 15—16 лѣтъ тому назадъ русскія, нѣмецкія, шведскія и болгарскія колоніи, (у нихъ тоже, напр., украдено до 700 лошадей), временемъ дошедшія однако до приличнаго быта; з) въ томъ-же 1815 г. около 100 нѣмецкихъ и болгарскихъ семействъ, недавно переселившихся, тоже бѣдствовали не хуже евреевъ, но и они, по убѣжденію Контеніуса, впоследствии также поправятся, ибо всѣ переселенцы пережили одинаковыя неудачи; наконецъ к) менониты сперва впали было въ такое уныніе, что хотѣли вернуться на родину, но потомъ, мало по малу, такъ возвысились, что увлекли за собою многихъ земляковъ, продолжавшихъ приселяться къ нимъ и въ 1815 г.

«Не важно, конечно, для государства умножить край нѣсколькими стами еврейскихъ земледѣльческихъ семействъ—разсуждалъ далѣе Контеніусъ,—не важно, когда обращеніе ихъ въ сіе званіе сопряжено со столькими: ихъ — страданіями, а казенными — издержками, но, когда дѣло улаживается, а

время уничтожитъ сомнѣніе въ способности евреевъ быть пахарями и докажетъ, что послѣдующее поколѣніе будетъ обеспечено и отвлечено отъ вредныхъ промысловъ, — то такой опытъ заслуживаетъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія». Въ видахъ продолженія этого опыта — оставленіемъ евреевъ земледѣльцами, Контеніусъ полагалъ необходимымъ предпринять различныя мѣры, которыя можно свести къ слѣдующимъ пунктамъ:

Первое. Отъ желанія покинуть земледѣліе отвлечь евреевъ короткими мѣрами: отъ нихъ нельзя ожидать прилежанія до тѣхъ поръ, пока они не забудутъ своего намѣренія; оттого и не слѣдуетъ круто принуждать ихъ къ землепашеству, не страшить робкихъ казенными и общественными работами, а предоставить имъ, нѣсколько лѣтъ, заниматься исподволь, съ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, чтобы никто втуне не оставлялъ свою землю, а промыслами снискивали бы себѣ добавочныя средства.

Второе. Со временемъ, но до истеченія льготныхъ лѣтъ, когда изъ евреевъ образуются опытные землепашцы, — настоять, чтобы всѣ они старались усиливать ежегодно посѣвы, а о тѣхъ, которые этого не исполняютъ по дознанному нерадѣнію, представлять ежегодно Конторѣ общественные приговоры, дабы она налагала на виновныхъ штрафы.

Третье. Тогда же заставить всѣхъ хозяевъ не только возвратитъ въ сельскіе магазины полученные отъ Лифанова (въ 1813 и 1814 г.) сѣмена, но и часть урожая, для вспоможенія, при могущихъ опять случиться неурожаяхъ, но, чтобы отъ послѣдующихъ урожаяевъ внесли и полученные пособія.

Четвертое. Дѣйствительно неспособныхъ къ земледѣлію увольнять изъ сословія, но не иначе, какъ по представленіи ими числившихся на нихъ долговъ и на свои мѣста — семейныхъ же евреевъ, для принятія отъ нихъ хозяйствъ; Контора же полученными деньгами должна исправить нужды пріемщиковъ усадебъ.

Пятое. Независимо доставленныхъ колонистамъ Лифановымъ 45 плуговъ прибавить имъ еще: 15 плуговъ, съ приборами по 30 р. каждый, на 450 р., 30 боронъ, съ желѣзными

зубцами по 8 р. на 240 р., 184 повозокъ по 20 р. на 3,680 р., 46 паръ воловъ, по 80 р. пара, на 3,680 р.—на сумму 8,050 р.; да на каждое семейство на одежду, обувь и проч. по 50 р., на 610 семействъ 30,550 р., а всего 39,500 р.

Хотя относительно одежды Контеніусъ и произнесъ евреямъ «увѣщательное слово», что «не было примѣра снабженія одеждою переселенцевъ, пробывшихъ 5 — 6 лѣтъ пахарями», что они, «не имѣли одежды по лѣности, ибо не держали овецъ, не сѣяли льна, конопли, не пряди и не ткали», но это «слово произвело мало впечатлѣнія: въ горестномъ положеніи нужно страдающимъ облегчающее ихъ участь пособіе, а наставленія безъ пособія тщетны и не уважаются!.. Положеніе всякой, недавно населенной колоніи представляетъ столь жалостную картину, что не много найдется зрителей, которые-бы могли, безъ глубокаго состраданія, смотрѣть на нее; большая часть поселенцевъ заслуживаетъ болѣе сожалѣнія, нежели упрековъ», заключилъ Контеніусъ свой обзоръ колоній*.

Обзоръ и сужденія Контеніуса Министерство приняло чрезвычайно благосклонно: оно безусловно одобрило главнѣйшія его предположенія и предписало Конторѣ: во 1-хъ, подтвердить евреямъ, что они не могутъ быть уволены изъ земледѣльческаго сословія; такъ какъ это противно высочайшей волѣ (6-го Апрѣля 1810 г.), а должны заниматься хлѣбопашествомъ и, лишь въ свободное отъ него время, — промыслами снискивать подспорье для благоустройства своихъ хозяйствъ; во 2-хъ, для временнаго избавленія ихъ отъ нужды казать имъ, въ послѣдній разъ, вспомошествованіе, — купить имъ скотъ, орудія, сѣмена на хлѣбъ, ленъ, картофель и огородныя овощи, для обезпеченія ихъ продовольствія; въ 3-хъ, на этотъ расходъ употребить, сколько понадобится, денегъ, изъ находившихся въ Конторѣ

* Контеніуса такъ сильно огорчало положеніе колонистовъ, что изъ нежеланія видѣть болѣе «жалостной картины», онъ закончилъ свой обзоръ словами: «я доживаю уже свой вѣкъ, чувствую, чѣмъ далѣе болѣе безсилія къ продолженію службы и, бывъ едва въ состояніи кончить порученіе, — принужденнымъ нахожусь просить увольненія меня отъ всѣхъ дѣлъ».

44,062 р.; въ 4-хъ, предупредить евреевъ, что хотя на одежду имъ и ничего не полагается, но если они усердно примутся за земледѣліе, то не будутъ оставлены безъ помощи и на этотъ предметъ; въ 5-хъ, на промыслы отпускать исключительно ведущихъ себя добропорядочно и не во время полевыхъ работъ, — и наконецъ, въ 6-хъ, нерадивыхъ и присужденныхъ къ казеннымъ и общественнымъ работамъ освободить отъ нихъ, изъ снисхожденія къ просьбѣ старшинъ и въ чаяніи, что поправятся.

Объ этомъ рѣшеніи дальнѣйшей участи евреевъ Козодавлевъ сообщилъ также: Контеніусу, — для свѣдѣнія; Ришелье, — для распоряженія тогда же ассигнованными на улучшение быта евреевъ 50,000 р., а Лифанову, — для наблюденія за точнымъ исполненіемъ всѣхъ пунктовъ даннаго Конторѣ предписанія. Здѣсь слѣдуетъ, кстати, отмѣтить, что обзоръ Контеніуса подтвердилъ справедливость сообщеній Лифанова и потому Козодавлевъ возвратилъ ему прежнее безусловное свое довѣріе по отношенію къ евреямъ. Это было, кромѣ того, и послѣдствіемъ категорическаго отказа Контеніуса отъ всякаго содѣйствія въ дѣлахъ переселенцевъ; на другихъ же чиновниковъ видимо не могли рассчитывать.

Возстановленіе значенія Лифанова было какъ нельзя болѣе своевременно: оно не преминуло тотчасъ-же благотворно отразиться на еврейскомъ бытѣ. Дѣло въ томъ, что для сбереженія казеннаго интереса при снабженіи евреевъ разрѣшенными предметами, Ришелье поручилъ это сдѣлать, въ видахъ экономическихъ, екатеринославскому губернатору, Калагеоргію, который, исполнивъ порученіе, увѣрилъ Ришелье, что купилъ волю, плуги, бороны и проч. у комисіонера, грека Ассани, «очень дешево и все самое отличное». Калагеоргій и ходатайствовалъ о награжденіи Ассани за эту услугу офицерскимъ чиномъ. Все это Ришелье повторилъ отъ себя Козодавлеву. Въ то же время Лифановъ, осмотрѣвъ доставленные въ колоніи скотъ и вещи напелъ, «волю старыми, исхудальными, къ полевымъ работамъ негодными, а повозки, плуги и проч. не прочными, требующими исправленія, починокъ и передѣлокъ», а

все вмѣстѣ «не стоявшими и половины заплаченныхъ за нихъ денегъ» — и донесъ Ководавлеву о недобросовѣстной поставкѣ. Противоположныя донесенія сошлись въ Петербургѣ. Ководавлевъ поручилъ Рипелъе разобрать кто правъ: Калагеоргій или Лифановъ? Калагеоргій настаивалъ на томъ, что «волы молоды, а отошала отъ дороги, а прочныя орудія вмѣстѣ съ помѣщиками самъ, дескать, осматривалъ и всѣ одобрили». Лифановъ, напротивъ, отстаивалъ свое мнѣніе и доказалъ это посредствомъ экспертовъ и понятыхъ. Тогда Калагеоргій выразилъ «готовность взять волы и орудія себѣ, ибо былъ увѣренъ въ ихъ добротности» *. Ему и отдали все, а евреямъ купили другіе волы, плуги и проч., одобренные Лифановымъ. Ассани офицерскаго чина, разумѣется, не пожаловали, а рядъ враговъ Лифанова увеличился Калагеоргіемъ.

Не смотря на всѣ непріятности, которыя Лифановъ перенесъ изъ за желанія евреямъ блага, онъ не отшатнулся отъ нихъ, а съ прежнею симпатіею къ нимъ продолжалъ зорко слѣдить за привитіемъ къ ихъ средѣ земледѣльческихъ знаній, за правильною раздачею имъ пособій, не покидалъ ихъ благоразумными совѣтами, внушеніями и понемногу вновь успѣлъ расположить ихъ къ осѣдлости, которая ихъ страшила и тяготила, вслѣдствіе неурожаевъ, смертности и прочихъ невзгодъ степной жизни. Мало того: ему удалось измѣнить и взгляды Конторы на еврейскую колонизацію.

Прошло полтора года и евреи всѣхъ колоній подали въ Контору, на Высочайшее имя, коллективное прошеніе о продолженіи имъ дарованныхъ льготъ. Описавъ свои несчастія, происшедшія отъ бѣдности, неумѣнья хлѣбопашествовать, отъ недостатка воды, падежа и кражи скота, пожаровъ, чумной заразы, значительной смертности и отъ постоянныхъ неурожаевъ, — они дальше объясняли, что хотя въ 1816 г. и имѣли урожай хлѣба, а отъ него и выгоду, но ее употребили, по необходимости, на покупку себѣ и своимъ семействамъ одѣянія; что удалившіеся въ разные города, для снисканія зара-

* По документамъ отъ 5 марта, 16, 18 и 20 іюня и 4 декабря 1815 г.

ботковъ, по невозможности обзавестись хозяйствомъ, неоднократно просили объ исключеніи ихъ изъ земледѣльческаго званія, для поступленія въ мѣщанское, но имъ въ томъ отказано; что они, потомъ, полагали поселиться въ своихъ колоніяхъ и по несостоятельности просили пособія, но и эта просьба ихъ не уважена, почему они и остались въ городахъ; что съ 1816 г. они обложены поземельною повинностью по 1 р. 5 к. въ годъ съ каждой души, и, хотя окладъ этотъ, по снисхожденію начальства къ ихъ бѣдному положенію, сдѣланъ съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ противъ прочихъ казенныхъ поселенъ, но къ сбору и этой суммы они встрѣтили великія затрудненія, вслѣдствіе смертности нѣкоторыхъ и бѣдности — многихъ семействъ, изъ коихъ послѣднія не только слѣдовавшихъ собственно съ нихъ налоговъ не были въ состояніи уплачивать, но требовали еще общественнаго поддержанія и прокормленія, ибо имѣли подъ своею опекою малолѣтнихъ дѣтей; между тѣмъ они обязывались платить подати за себя, за умершихъ и за немощныхъ братьевъ своихъ. Оттого общества и старшины колоній, не видя средствъ представить всю повинность и опасаясь за ея невзносъ, въ узаконенное время, — подвергнуться штрафу, принуждены были на уплату подати заимствовать деньги у «стороннихъ людей за проценты».

«Въ сихъ событіяхъ, писали евреи, благосостоянію обществъ противоборствовавшихъ, приблизились мы ко времени, которымъ Всемилостивѣйше дарованная намъ, отъ платежа казенныхъ и прочихъ податей, 10 лѣтняя льгота, оканчивается, и мы обязаны вносить подати наравнѣ съ прочими подданными, одинаковаго съ нами наименованія и въ теченіи первыхъ, по льготѣ 10 лѣтъ, возратить казнѣ ссуженныя намъ, въ весьма значительномъ количествѣ, суммы. А какъ общества, по выясненнымъ несчастіямъ, не достигли еще той степени благосостоянія, въ которыхъ могли-бы вскорѣ содѣлаться благонадежными къ уплатѣ податей, то и осмѣливаемся всеподданнѣйше просить повелѣнія Вашего Императорскаго Величества отсрочить намъ льготы отъ платежа податей и другихъ (кромѣ

земской) повинностей и возвратъ ссудныхъ денегъ еще на 15 лѣтъ, по истеченіи конихъ обязываемся, чувствуя толикія благодѣянія правительства, вносить въ казну установленную подать и въ теченіи послѣдующихъ, за испрашиваемою льготою, десяти лѣтъ уплатить казнѣ, возданную намъ въ ссуду сумму, безъ всякой отговорки».

Контора представила эту просьбу въ министерство, со своимъ заключеніемъ въ пользу ея удовлетворенія, такъ какъ по ея словамъ, евреи уже «вразумились и подаютъ прямую надежду сдѣлаться заправскими земледѣльцами». О томъ же писалъ Лифановъ Джунковскому, который тоже сочувственно взглянул на дѣло.

Поэтому департаментъ, въ докладѣ Козодавлеву разъяснилъ, что во 1-хъ, поселенцы вообще въ самомъ бѣдномъ состояніи и со времени водворенія ихъ не переставали бѣдствовать отъ дѣйствія климата, болѣзней, неурожаевъ, падежа скота, а потому заслуживаютъ снисхожденія правительства; во 2-хъ, и при неустроенномъ ихъ положеніи, они исправляли всѣ земскія повинности, которыя въ херсонской губерніи простирались отъ 4 до 5 р. въ годъ на семейство; въ 3-хъ, если заставить ихъ еще платить оброчные, подушные, дорожные налоги и казенные долги, то наберется больше 100 р. въ годъ съ семьи, а подобныя требованія раззорятъ ихъ, да и врядъ-ли будутъ ими удовлетворены; въ 4-хъ, указомъ сената отъ 6-го апрѣля 1880 г. нѣмецкимъ и менонитскимъ колонистамъ былъ разроченъ платежъ на 5 и 10 лѣтъ, а данцигскимъ—на 30 лѣтъ, а въ силу этого примѣра можно, по справедливости, и евреямъ отсрочить платежъ податей и казеннаго долга; въ 5-хъ, евреи заслуживаютъ несравненно больше снисхожденія, нежели иностранцы: послѣдніе были всегда земледѣльцами и встрѣтили гораздо меньше затрудненій при поселеніи, нежели евреи, не знавшіе земледѣлія и не могшіе устроиться однимъ казеннымъ пособіемъ, безъ отлучекъ на заработки, на которые ихъ отпускали не легко.

Тѣмъ не менѣе департаментъ затруднился предоставить евреямъ широкую льготу, изъ опасенія, какъ бы она не подала

и другимъ поселенцамъ повода просить такой-же милости, которая «можетъ вкоренить въ нихъ духъ празднолюбія и нерадѣнія къ хлѣбопашеству». И вотъ, чтобы облегчить однихъ, безъ соблазна для другихъ, — департаментъ полагалъ уменьшить евреямъ платежъ числившагося на нихъ казеннаго долга по такому математическому расчету, чтобы онъ покрывлся весь не въ указанныя 10, а въ 15 будущихъ лѣтъ. Эта отсрочка должна была, по мнѣнію департамента, возбудить въ евреяхъ прилежаніе къ труду, тогда какъ совершенное освобожденіе ихъ на 5 лѣтъ отъ платежа—могло усилить «природную ихъ склонность пренебрегать земледѣліемъ, требовавшимъ не мало работъ и принужденія» *.

Козодавлевъ сперва согласился съ заключеніемъ департамента и велѣлъ заготовить въ этомъ смыслѣ представленіе въ Государственный Совѣтъ, но потомъ, недѣлю спустя, предпочелъ спросить предварительно мнѣнія главноуправлявшаго иностранными исповѣданіями, министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, князя А. Н. Голицына, такъ какъ не задолго предъ тѣмъ послѣдовало высочайшее, всѣмъ министрамъ, повелѣніе, чтобы «всѣ дѣла, прикосновенныя еврейскихъ обществъ по правительственной и гражданской частямъ, кромѣ уголовныхъ и тяжебныхъ, препровождали къ Голицыну, для положенія мнѣнія, подобно тому, какъ это дѣлалось по предметамъ, касавшимся духовныхъ имуществъ» (15 января 1817 г.)

Отсюда, въ лицѣ Голицына, евреи пріобрѣли, какъ читатели усмотрятъ ниже, новаго и сильнаго радѣтеля объ ихъ интересахъ. Въ бумагахъ къ Голицыну Козодавлевъ очертилъ вкратцѣ положеніе евреевъ-земледѣльцевъ, ихъ просьбу, доводы Конторы и Лифанова и просилъ его заключенія. Голицынъ сразу проникся соболѣзнованіемъ къ участи евреевъ и категорически отозвался, что ихъ «бѣдность должна быть чрезвычайно велика, какъ понялъ изъ донесеній Лифанова, а причина этого несчастія отъ нихъ не зависѣла. Если простирающееся съ нихъ взысканіе до 100 р. въ годъ съ семьи почитается раззоритель-

* По документамъ отъ 15 и 24 января, 3, 5 и 22 марта, 8 и 10 мая 1816 г.

нымъ, то раскладка долга съ 10 на 15 лѣтъ не будетъ облегченіемъ ихъ бѣдности и способомъ поправиться». Ставъ на эту точку зрѣнія, Голицынъ считалъ «справедливымъ и даже необходимымъ оказать имъ большее снисхожденіе, тѣмъ болѣе, что для нихъ, противъ нѣмцевъ, нужнѣе ободреніе къ земледѣлію: они отважились, вопреки народному предразсудку, сдѣлаться земледѣльцами, а знакъ особеннаго снисхожденія можетъ привлечь въ это полезное состояніе и другихъ ихъ собратій, избѣгающихъ онаго. Коль скоро они исполняютъ всѣ земскія повинности, то слѣдственно не дадутъ невыгодныхъ мыслей о своей неисправности.....» Голицынъ кончилъ свой отвѣтъ совѣтомъ Козодавлеву ходатайствовать объ отсрочкѣ евреямъ платежа: податей—на 5, а долга—на 30 лѣтъ.

Такимъ образомъ Козодавлевъ совершенно кстати нашелъ въ Голицынѣ весьма надежнаго союзника. Мы говоримъ «кстати» потому, что предшествовавшія частыя домогательства помощи евреямъ, изрядно уже надоѣли сановникамъ, во время ихъ присутствія въ комитетѣ министровъ и новое за нихъ предстательство предъ Государственнымъ Совѣтомъ *одною* Козодавлева, — легко могло быть опровергнуто. И такъ, опираясь на авторитетное заключеніе Голицына (личнаго друга Александра I), Козодавлевъ смѣло сдѣлалъ, согласно его указанію и со ссылкой прямо на него, представленіе въ Государственный Совѣтъ, съ поясненіемъ, что на водвореніе и устроеніе евреевъ въ теченіи протекшихъ 10 лѣтъ, затрачено было болѣе 300,000 р. и что изъ 726 семействъ льготы кончались: въ 1817 г.—37; въ 1818 г.—205; въ 1819 г.—476; въ 1820 г.—14 и въ 1821 г.—1 семейству. Могущественное содѣйствіе Голицына привело къ утвержденію Государственнымъ Совѣтомъ и Александромъ I всего представленія Козодавлева (17 ноября 1817 г.) *.

(Продолженіе будетъ).

* По документамъ отъ 15 января, 31 мая, 14 и 22 іюня, 3 и 18 августа, 21 сентября, 8 октября и 17 ноября 1817 г.

ШЕЙЛОКЪ

ВЪ ЛЕГЕНДЪ, ВЪ ДРАМЪ И ВЪ ИСТОРИИ.

«Онъ былъ отторгнутъ отъ страны живущихъ, его похоронили среди злодѣевъ—за то, что онъ не дѣлалъ несправедливостей и въ устахъ своихъ никогда не имѣлъ лжи». Эти слова великаго пророка относительно раба Божьяго, осужденнаго на позоръ и смерть за преступленія, которыхъ онъ никогда не совершалъ, могли-бы служить эпитафией для исторіи евреевъ со времени потери ими самостоятельности до настоящаго времени. Характеръ ложныхъ обвиненій, изъ-за которыхъ они должны были терпѣть позоръ и смерть, измѣнился, но самое обвиненіе кажется неизгладимымъ. Правда, христіанскій міръ не обвиняетъ болѣе евреевъ въ отравленіи источниковъ, въ оскверненіи причастія и въ колдовствѣ; подобное обвиненіе постыдился-бы теперь повторить даже наиболѣе фанатичный римлянинъ или самый ядовитый тевтонецъ. Правда, тамъ и сямъ все еще раздается яростный крикъ объ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей, но такъ какъ это оружіе почти совсѣмъ заржавѣло, то является необходимость ковать новое. И вотъ современная охота на евреевъ получила философскую или этнофизиологическую окраску; она оправдывается фатальностію расы. Для доказательства того, что семитическая или еврейская раса стоитъ ниже другихъ въ нравственномъ отношеніи и даже вредна для общества, стали указывать то на биржу, то на литературу. Кровожадный Шейлокъ сдѣлался

въ настоящее время оружіемъ тѣхъ, которые не смѣютъ уже выступать съ обвиненіями въ оскверненіи таинства причащенія и отравленіи источниковъ. Жестокосердый, безжалостный, мстительный Шейлокъ выставляется какъ типъ еврея *. Правда, исторія литературы самымъ основательнымъ образомъ доказала, да и неоспоримое мягкосердіе евреевъ доказываетъ, что Шейлокъ—еврей никогда не существовалъ. Но юдофобы игнорируютъ этотъ результатъ и рассчитываютъ на невѣжество публики, которая разъ навсегда запечатлѣла въ себѣ изъ драмы Шекспира неизгладимое представленіе о каннибальскомъ еврей—Шейлокѣ.

Намъ кажется поэтому своевременнымъ основательно изслѣдовать происхожденіе этого образа, начиная отъ самаго зародыша, прослѣдить весь ростъ его до приобрѣтенія имъ такихъ чудовищныхъ размѣровъ, причемъ можно будетъ и съ этой стороны показать всю трагичность судьбы евреевъ, которыхъ дѣлаютъ отвѣтственными за грѣхи другихъ. Невинное поэтическое творчество и страсть къ эффекту поработали вмѣстѣ, чтобы навязать евреямъ черту характера, свойственную имъ столько-же, сколько страсть къ умерщвленію христіанскихъ дѣтей и къ употребленію ихъ крови. Ниже будетъ указано, какія стадіи развитія прошла легенда о принятіи въ залогъ куска мяса, какъ она первоначально не имѣла ни малѣйшаго отношенія къ евреямъ, какъ, напротивъ, Шейлокъ мало-помалу все юдаизировался, и какъ Шекспиръ былъ приведенъ къ тому, чтобы вывести на сцену, для всеобщаго омерзѣнія, Шейлока—еврея. Не безъинтересно прослѣдить постепенное развитіе и ростъ этого образа и разсмотрѣть, какъ изъ ничего выросло чудовище.

Тонкая нить, послужившая основаніемъ этого узла, соткана изъ романическаго разсказа, прошедшаго въ своемъ развитіи различныя фазы. Во всѣхъ первобытныхъ легендахъ и во всѣхъ ихъ вариантахъ, человекъ, требующій себѣ въ залогъ

* Богословскіе юдофобы подкрѣпляютъ это обвиненіе ссылкой на невинный разсказъ изъ книги Эсфирь.

отъ должника кусокъ мяса, не имѣеть никакого вѣроисповѣднаго отличія, или же является язычникомъ или христіаниномъ. Общее во всѣхъ этихъ вариантахъ то, что должникъ, отдающій въ залогъ часть своего тѣла, (сначала рыцарь, впоследствии купецъ); употребляетъ занятыя деньги для пріобрѣтенія любви красавицы то гордой, то корыстной, то волшебницы, то хитрой. Въ концѣ разсказа красавица эта является въ мужской одеждѣ и въ качествѣ судьи или защитника приводитъ дѣло къ тому, что кредиторъ долженъ отказаться отъ требованія заложеннаго ему мяса. Эти малоинтересные и однообразные варианты получили нѣсколько болѣе привлекательный видъ только тогда, когда ихъ романически разукрасилъ одинъ итальянскій писатель, который безъ всякаго враждебнаго намѣренія сдѣлалъ представлявшагося до того безъ всякаго опредѣленнаго вѣроисповѣданія кредитора евреемъ. Къ этому его привелъ духъ времени. А разъ Шейлокъ былъ юдаизированъ, онъ уже не могъ болѣе отдѣлаться отъ своего вѣроисповѣданія и сдѣлался исходной точкой для различныхъ тирадъ съ честнымъ или лицемѣрнымъ моральнымъ негодованіемъ. Въ такомъ видѣ получилъ его по наслѣдству и Шекспиръ. Трагико-драматическое происшествіе, совершившееся не на его глазахъ и до тѣхъ поръ почти совершенно неизвѣстное, побудило великаго англійскаго драматурга по причинамъ, нуждающимся въ психологическомъ разъясненіи, заклеить позоромъ Шейлока, а съ нимъ вмѣстѣ и евреевъ. Созданіе Шейлока находится въ едва-подозрѣваемой до сихъ поръ связи съ принудительнымъ крещеніемъ евреевъ въ Испаніи и Португаліи и съ отчаянными усиліями насильственно-окрещенныхъ освободиться отъ ношенія креста. Такова ужъ трагическая и своеобразная исторія рожденнаго на страданіе еврейскаго племени, что даже невинная драматическая поэзія выступила противъ него и нанесла ему тяжелья, не легко заживающія раны. Но если терпѣніе и составляетъ удѣлъ евреевъ, которые въ этомъ отношеніи оказались изумительно-стойкими, то они все-таки безпрестанно должны выступать въ защиту своей невинности и отклонять

отъ себя навязанную имъ скверную черту характера. Къ счастью, они могутъ выставить въ защиту свою громко-говорящихъ и ни въ чемъ не заподозрѣнныхъ свидѣтелей, доказывающихъ, что по крайней мѣрѣ навязанная имъ Шейлоковская натура есть сущій вымыселъ и что, напротивъ, исторически гораздо убѣдительнѣе доказано, что роль Шейлока однажды разыгрывалъ христiанинъ.

Ядро этой легенды, одинаковое во всѣхъ вариантахъ, относится по своему происхожденiю къ древнѣйшему времени. Одинъ французскiй трубадуръ Herbers, въ царствованiи одного изъ Филипповъ переложилъ на французскiе стихи романъ *Долопатосъ* (Dolorathos) или *«семь мудрецовъ Рима»*, въ которомъ подробно приводится эта легенда, и тогда уже замѣтилъ, что это *старая исторiя*, которую монахъ Jean de Haute-Selve перевелъ на латинскiй языкъ *. Краткое содержанiе этой басни, которую трубадуръ вкладываетъ въ уста четвертому мудрецу Рима, состоитъ въ слѣдующемъ **: Дочь одного богатого господина, знавшая всякiя премудрости и даже тайны волшебства, сдѣлавшись наслѣдницей очень большого состоянiя, предложила искавшимъ ея руки странное испытанiе. Она позволила каждому изъ нихъ по очереди провести съ нею ночь на одномъ ложѣ и обѣщала отдать свою руку тому, кто сумѣетъ обнять ее въ этомъ соблазнительномъ положенiи; въ противномъ случаѣ искатель обязывался уплатить 100 марокъ золота и убраться во-свои. Многимъ не удалась эта проба потому, что красавица клала подъ подушку волшебное перо, отъ дѣйствiя котораго соперники впадали въ глубокой сонъ. Одинъ храбрый, но не богатый рыцарь, любившiй ее и разъ уже проигравшiй пари, захотѣлъ снова попытать счастья, но никакъ не могъ достать потребной для этого суммы денегъ. Одинъ изъ его вассаловъ, богатый человекъ, которому рыцарь

* Loisleur Deslongchamps, Essai sur les fables indienne, suivi du Roman des sept sages de Rome. Т. II, стр. 113 и Extrait № 1, стр. 155 и слѣд.

** Тамъ же, стр. 129 и сл. и Extrait, стр. 211 и слѣд.

когда-то велѣлъ отрубить ногу, былъ столь любезенъ, что предложилъ ему въ ссуду 100 марокъ, но при этомъ поставилъ условіе, что если долгъ не будетъ уплаченъ въ извѣстный срокъ, то онъ имѣетъ право вырѣзать изъ тѣла своего должника кусокъ мяса. Съ занятыми такимъ образомъ деньгами рыцарь на этотъ разъ успѣлъ: онъ одолѣлъ колдовство, приобрѣлъ любовь красавицы и женился на ней, но въ радостномъ упоеніи забылъ про свой договоръ съ кредиторомъ и пропустилъ окончательный срокъ уплаты. Кредиторъ, побуждаемый чувствомъ мести за отрубленную ногу, настаивалъ на буквальномъ исполненіи договора и требовалъ отъ должника куска его собственнаго мяса, причемъ и король, на основаніи закона, призналъ за нимъ это право. Тогда красавица перерядилась въ судью и произнесла другой приговоръ, въ силу котораго кредиторъ можетъ вырѣзать у должника кусокъ мяса, но кусокъ не больше и не меньше выговореннаго въ условіи, въ противномъ случаѣ она гровила кредитору лишеніемъ жизни. Это и есть первая нить въ той ткани, изъ которой впоследствии противъ евреевъ была сплетена такая толстая, стягивающая веревка.

Какъ видно изъ легенды, описываемая исторія относится еще ко времени язычества, потому что она рассказывается въ пользу короля Долопата, жившаго при могущественномъ императорѣ Августѣ. Само собою разумѣется, что эти хронологическія данныя не особенно существенны. Но во всякомъ случаѣ эта исторія старѣе, чѣмъ произведеніе трубадура Herbers'a, который писалъ въ серединѣ тринадцатаго столѣтія. Отдѣльно, безъ связи съ длиннымъ рассказомъ въ Долопатосѣ, легенда эта въ совершенно такомъ же видѣ, съ небольшими уклоненіями, встрѣчается въ одномъ нѣмецкомъ рассказѣ, писанномъ прозой. И тамъ «бюргеръ» для той же цѣли ссужаетъ рыцаря деньгами съ тѣмъ же условіемъ, что въ случаѣ неуплаты въ срокъ, онъ имѣетъ право вырѣзать изъ тѣла рыцаря ку-

сокъ мяса, причѣмъ и здѣсь мотивомъ является чувство мести за то, что рыцарь въ порывѣ гнѣва отрубилъ ему одну ногу *.

Въ высшей степени вѣроятно, что уклоняющееся немного описаніе въ другихъ трехъ вариантахъ сборника *Gesta Romanorum* заимствовано изъ французскаго романа. Въ этомъ сборникѣ кредиторъ уже *купецъ* и не имѣетъ никакого отношенія къ рыцарю, не сдѣлавшаго ему никакого зла, но не смотря на это, онъ все-таки безразсудно требуетъ у него въ залогъ кусокъ мяса. Въ одномъ разсказѣ древне-англійскихъ *Gesta Romanorum* купецъ беретъ подъ залогъ даже все мясо рыцаря, которое онъ имѣетъ право рѣзать острымъ мечемъ «до костей». Поэтому красавица, также переодѣтая въ платье судьи и фигурирующая вообще въ разсказѣ въ качествѣ дочери царя Целестина, рѣшаетъ, что хотя кредиторъ и имѣетъ право требовать выполненія договора, но при рѣзаніи мяса онъ не имѣетъ права пролить ни одной капли крови *.

Въ нѣмецкихъ *Gesta*, гдѣ эта легенда нѣсколько видоизмѣнена въ своихъ подробностяхъ, красавица, являющаяся столь же неприступною, чтобы не совсѣмъ скромнымъ пари выигрывать деньги своихъ соискателей, изображается дочерью императора *Люція*. Чтобы выиграть пари, и здѣсь рыцарь прибѣгаетъ къ займу, причѣмъ кредиторъ требуетъ въ залогъ кусокъ мяса изъ его тѣла, изъ какой угодно части. И здѣсь

* Разсказъ взятъ изъ сборника *Gesta Romanorum* и впервые напечатанъ на нѣмецкомъ языкѣ въ 1489 г., а потомъ новымъ изданіемъ въ „*Alt-deutsche Blätter*“ М. Гаупта и Гоффмана, Т. I, стр. 143 и сл. Этотъ вариантъ новѣе того, который помѣщенъ въ *Долопатосѣ*, такъ какъ въ немъ предупрежденіе колдовства въ постели производится по указанію великаго мудреца Виргилія, а въ *Долопатосѣ* это происходитъ совершенно случайно, именно вслѣдствіе того, что рыцарь, боясь уснуть и не желая поэтому лежать на мягкомъ, во вторую ночь отодвигаетъ подушки. Вслѣдствіе этого волшебное перо выпадаетъ.

* См. у Sidney J. H. Herrtage, the early english versions of the *Gesta Romanorum* (Лондонъ 1879) № XI, стр. 158 и слѣд. Условіе *great merchant* гласитъ (стр. 160): the covenant shal be this, that you make to me a charter of thin owne blood, in conduction, that yf thowe kepe not thy day of payment, hit shalle e be lefulle to me for to draw away *alle the flesh of thi body too the bone*, with a sharp swerde.

приговоръ, съ которымъ переодѣтая царская дочь обращается къ жестокосердому купцу гласить: «ты долженъ это сдѣлать такъ, чтобы не пролить его крови, но такъ какъ ты ее все-таки прольешь, то будешь отвѣтствовать ему по закону тѣмъ же *.

Разсказъ въ латинскихъ *Gesta* очень мало разнится отъ нѣмецкаго. На латинскомъ языкѣ договоръ гласить, что по истеченіи срока займа купцу предоставляется право вырѣзать изъ тѣла должника кусокъ мяса, вѣсящій столько же, сколько его ссуда въ 1000 марокъ **. Во всѣхъ этихъ трехъ вариантахъ закладъ мяса ничѣмъ не мотивируется. Только въ нѣмецкомъ вариантѣ есть намекъ на мотивировку, но намекъ во всякомъ случаѣ слабый. Купецъ предлагаетъ деньги только для того, чтобы излить *свой гнѣвъ противъ рыцаря* ***.

Есть впрочемъ еще и другой вариантъ, относящійся къ одной англійской рукописи четырнадцатаго столѣтія. Содержаніе ея слѣдующее: изъ двухъ состоятельныхъ братьевъ въ Даніи младшій, вслѣдствіе расточительности обѣднѣлъ, но для того, чтобы сохранить видъ благосостоянія и проявлять по прежнему гостепріимство, онъ принужденъ прибѣгнуть къ займу у старшаго, состоятельнаго брата. Этотъ, человѣкъ жестокосердый, даетъ ему ссуду съ тѣмъ условіемъ, что, въ случаѣ неуплаты денегъ въ срокъ, кредиторъ имѣетъ право вырѣзать изъ сердца или годовы обѣднѣвшаго брата кусокъ мяса, величиною съ ладонь. По истеченіи установленнаго срока купецъ настаиваетъ на своемъ правѣ, которое король и признаетъ за нимъ по всей строгости законовъ. Но народу жалъ несчастнаго должника, и онъ даетъ знать о жестокомъ рѣшеніи царскому сыну, кото-

* Grässe, *Gesta Romanorum, das älteste Märchen- und Legendenbuch des christlichen Mittelalters*, II половина, разсказъ X, о царѣ Люціи стр. 163 и слѣд.

** Oesterley *Gesta Romanorum* № 195. Obiavit (miles) uno mercatori et ait ei: Domine, potes mihi 1000 marcis florinis commendare in necessitudine? Qui ait: quam securitatem mihi praestabis? Et ille: Quidvis. Cui mercator: volo ut chartam de proprio sanguine tuo faccias sub tuo sigillo, quod... potestatem habeam tantum de carnibus tuis scindere... ubicunque mihi placeat, ita tamen quod *carnes tue pecuniam meam ponderent.*

*** У Grässe въ указ. мѣстѣ, стр. 166.

рый, будучи мягкосердечнѣе, велитъ записать осужденнаго въ число своихъ вассаловъ, послѣ чего онъ и обращается къ безжалостному брату съ словами: «теперь бери свое мясо, откуда тебѣ угодно; но такъ какъ кровь принадлежитъ мнѣ, то ты подлежишь смерти, если прольешь хоть одну каплю ея*.

Зимрокъ ** справедливо считаетъ это описаніе древнимъ. Оно, вѣроятно, еще древнѣе, чѣмъ рассказъ въ *Gesta*, такъ какъ подобное обязательство между братьями въ высшей степени возмутительно и ничѣмъ не оправдывается. Вмѣшательство царскаго сына тоже является какимъ-то *Deus ex machina*, между тѣмъ какъ въ другихъ вариантахъ вмѣшательство красавицы или царской дочери основано на самомъ дѣйствиі разсказа. Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что этотъ много-различно-видоизмѣняемый рассказъ возникъ первоначально на востокѣ. Во всякомъ случаѣ онъ встрѣчается также между арабскими и персидскими сказками. Но скорѣе всѣхъ правъ Зимрокъ, утверждающій, что рассказъ могъ быть созданъ только на европейской почвѣ. Онъ доказываетъ, что подобные рассказы имѣютъ тенденціозную цѣль: въ эпизодѣ залога куска мяса проводится идея изъ *исторіи права*, а именно противоположность между строгимъ правомъ и справедливостью, или, вѣрнѣе, разъясняется выведенное изъ опыта изреченіе *summius jus, summa injuria*. По строгости закона, судья, держась въ точности условій договора, долженъ дозволить кредитору вырѣзать изъ тѣла должника кусокъ мяса. Но это *jus strictissimum* повело бы къ вопиющей несправедливости, такъ какъ оно прямо угрожаетъ жизни должника. Это заключеніе изъ *summius jus* выводитъ вставочное лице, именно красавица-колдунья, царская дочь, или царскій сынъ***. Такимъ образомъ

* Thomas Wright, *latin stories II*, стр. 279 и слѣд.

** *Die Quellen des Shakespeare in Novellen, Märgen und Sagen I*, стр. 241.

*** Въ пространномъ рассказѣ въ *Pecogone* ясно выражена та-же мысль. На вопросъ: какъ управляется венеціанская республика? отвѣтъ гласитъ: *faccise tropra ragione, slichkomъ право говорятъ* (*Pecogone IV, 1*, стр. 40 b, внизу, изд. 1565 г.), т. е. правомъ пользуются до неправда.

во всѣхъ вариантахъ разсказъ является параболой съ дидактической тенденціей. Подобный способъ пониманія права и параболически-дидактическая форма могли возникнуть только на почвѣ средневѣкового европеизма, развившагося изъ дуализма двухъ культурныхъ теченій: римскаго, которое возводитъ въ принципъ строгое право со всею его неумолимостью, и іудейско-христіанскаго, которое даетъ господство милосердію. Во всѣхъ вариантахъ этой параболы или легенды, возникшихъ на христіанско-европейской почвѣ, нигдѣ нѣтъ и рѣчи о еврей, который совершенно непричастенъ разсказу, потому что народное сознаніе еще не было на столько отравлено, чтобы видѣть въ еврей воплощеніе ненависти и безчеловѣчности.

Изъ простаго разсказа въ романѣ Долопаторъ и различныхъ вариантовъ *Gesta Romanorum* одинъ итальянскій нувеллистъ составилъ для потѣхи придворныхъ особъ интересный романъ. *Джіованни Фіорентино* въ сборникѣ *Ресогоне*, состоящемъ изъ пятидесяти повѣстей, обработалъ въ эпической формѣ также разсказъ о залогѣ мяса, но съ лучшей мотивировкой. Ради этой мотивировки онъ впервые привлекъ въ свой разсказъ еврея, котораго и снабдилъ омерзительною ролью челоуѣка, настаивающаго на правѣ вырѣзать изъ тѣла должника кусокъ мяса. На *Джіованни Флорентинскомъ* лежитъ нравственная вина, что онъ первый былъ причиною гнусныхъ обвиненій, зведенныхъ на евреевъ, на основаніи этого разсказа.

На богато разукрашенной этимъ писателемъ канвѣ легко можно узнать заимствованіе. Приемный сынъ одного очень богатаго венеціанскаго купца, по имени *Джіанетто*, предпринимаетъ, болѣе изъ страсти къ странствіямъ, чѣмъ изъ жажды приобрѣтенія, морское путешествіе изъ Венеціи на востокъ, но по пути онъ уклоняется отъ своей цѣли и останавливается въ гавани *Бельмонте*, чтобы навѣстить тамъ одну благородную и красивую вдову, о которой очень много говорили. Она любила завлекать въ свои сѣти знатныхъ господъ, съ намѣреніемъ отдать свою руку и господство надъ собою тому, кто въ состояніи будетъ удовлетворить ея чувственность; въ противномъ

же случаѣ соискатель обязывался отдать ей все свое состояніе и уѣхать съ пустыми руками. Подобно многимъ предшественникамъ, и Джіанетто два раза проигрываетъ пари и весь богатый грузъ своего корабля, такъ какъ повелительница Бельмонте даетъ ему заранѣе *снотворный напитокъ*. Тѣмъ болѣе порывается онъ попытать счастья въ третій разъ, чтобы завоевать себѣ любовь этой загадочной женщины. Но вслѣдствіе двукратной потери, состояніе человѣка, въ дѣтствѣ усыновившаго его, нѣкоего *Ансальдо*, истощено до такой степени, что для снаряженія корабля своему любимому приемному сыну, онъ долженъ прибѣгнуть къ займу въ десять тысячъ скуди у одного еврея изъ *Местре*. Послѣдній въ видѣ залога требуетъ одинъ фунтъ мяса изъ какой угодно части тѣла должника. Предупрежденный на этотъ разъ, Джіанетто избѣгаетъ снотворнаго напитка, приобретаетъ любовь и богатство госпожи Бельмонте, предается съ нею пирамъ и веселью и совершенно забываетъ объ окончательномъ срокѣ, предоставленномъ его отцу для уплаты долга. Вслѣдствіе этого Ансальдо попалъ въ опасность потерять свой залогъ, такъ какъ еврей изъ Местре настаивалъ на выполненіи договора и требовалъ заложеннаго куска мяса. Онъ хотѣлъ совершить это убійство съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы потомъ хвастать, что онъ заставилъ умереть самаго богатого купца между христіанами *. Развязка заключается въ томъ, что Джіанетто наконецъ вспоминаетъ о срокѣ платежа и рассказываетъ своей женѣ про условіе займа. Жена заставляетъ его спѣшить въ Венецію, а сама переряживается мужчиной и, неузнанная мужемъ, провожаетъ его, причѣмъ выдаетъ себя за молодого правовѣда изъ Болоньи и, вопреки приговору венеціанскихъ судей о буквальномъ исполненіи договора, добивается рѣшенія, въ силу котораго еврей долженъ лишиться жизни, если вырѣжетъ больше или меньше, чѣмъ

* Pecorone IV, 1, стр. 40 и сл.: el Giudeo non volle mai, anzi voleva fare quello homicidio, per poter dire, che hauesse morto il maggiore mercante che fosse tra christiani.

именно одинъ фунтъ мяса, и при этомъ прольетъ хоть одну каплю крови.

Повѣсти Ресогоне серъ Джіованни Фіорентино написаль, какъ онъ самъ утверждаетъ, въ 1378 году *. Спрашивается, что побудило его приписать такую дьявольскую роль еврею, а не купцу-язычнику или христіанину, какъ это дѣлается въ легендѣ? Нѣкоторый слѣдъ къ рѣшенію этого вопроса даютъ намъ хронологическія указанія. Фіорентино писалъ *три десятилетия спустя послѣ Черной Смерти*, т. е. послѣ чумы, которая похитила миллионы жертвъ, но при этомъ значительно пощадила евреевъ. Послѣднее обстоятельство повлекло за собою повсемѣстное обвиненіе евреевъ въ отравленіи колодцевъ и источниковъ и такое же повсемѣстное истребленіе ихъ. Сколь ни сумасбродна была эта выдумка, большинство все-таки вѣрило ей, она даже казалась засвидѣтельствованнымъ на судѣ фактомъ, такъ какъ многіе евреи подъ пыткой сознались въ взводимомъ на нихъ преступленіи. Съ этого времени христіанскій міръ сталъ приписывать евреямъ всякую дьявольскую злобу **. Этимъ-то обстоятельствомъ и воспользовался Фіорентино для логической мотивировки своей повѣсти, дабы ядро разсказа сдѣлалось поэтически-вѣроятнымъ. Какъ могъ онъ допустить, чтобы первый встрѣчный купецъ такъ безжалостно хотѣлъ вырѣзать кусокъ мяса изъ тѣла рыцаря, или чтобы одинъ христіанинъ могъ этого требовать отъ другаго, а еще хуже, братъ отъ брата? Это казалось ему слишкомъ невѣроятнымъ! Нѣтъ, это, по его мнѣнію, могъ сдѣлать только еврей,

* Приемованное введеніе къ Ресогоне:

Mille trecento con settant' otto anno

Veri correvan, quando incominciato

Fu questo libro scritto et ordinato.

** L. Deslongchamps справедливо замѣчаетъ: La pensée de faire jouer un pareil rôle à un juif, est le resultat des idées que l'on avait au moyen âge sur ce peuple maudit des chrétiens et persecuté par eux. Но эта спутанность понятій и это заблужденіе только вслѣдствіе Черной Смерти получали такое всеобщее распространеніе, что поэты могли пользоваться ими какъ мотивами для своихъ произведеній.

да и то съ тою только цѣлю, чтобы насладиться страданіями христіанина. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что обвиненіе евреевъ въ отравленіи источниковъ и въ другихъ чудовищныхъ преступленіяхъ, побудило автора ввести и въ свою повѣсть «коварнаго еврея» (*falso Giudeo*) для того, чтобы мотивировать такую жестокость кредитора. Всѣ легенды о залогѣ мяса безъ участія еврея составлены раньше 1348 года *. Впрочемъ, и Фіорентино въ сущности не имѣлъ при этомъ дурного намѣренія. Доказательствомъ служитъ то, что онъ представляетъ каннибала-еврея прямо изъ *Местре*, городка близъ Венеціи, а не изъ самой Венеціи, въ которой въ XIV столѣтіи-навѣрное жили богатые евреи и даже бодѣе богатые, чѣмъ въ маленькомъ городкѣ. Если Фіорентино поступилъ такъ, а не иначе, то это, по всей вѣроятности, произошло отъ того, что онъ не посмѣлъ задѣть венеціанскихъ евреевъ. Шекспиръ несомнѣнно воспользовался прямо этой повѣстью **: у него Порція, передѣтая правосѣдомъ и произносящая такой же приговоръ, какъ и красивая Бельмонтская вдова въ Ресогоне, тоже живетъ въ Бельмонте. Забавная сцена съ отданнымъ кольцомъ и съ мнимою ревностію тоже заимствована изъ этой повѣсти. Но такъ какъ Шекспиръ не имѣлъ никакого основанія щадить венеціанскихъ евреевъ, то онъ и поселяетъ своего Шейлока въ Венеціи.

Разъ еврей былъ введенъ въ этотъ родъ поэзіи какъ козель отпущенія, то само собою разумѣется, что его стали съ этихъ поръ изображать все чернѣе и чернѣе, точно также, какъ ядро

* Oesterley, послѣдній издатель латинскихъ *Gesta*, относитъ вообще редакцію этой легенды къ концу 13-го столѣтія или, *наиможж*, къ началу 14-го (стр. 257). Онъ нашелъ рукопись, содержащую въ себѣ подобныя же описанія, какъ и *Gesta*, и написанную въ 1326 году. Hergrtage, издатель англійскихъ *Gesta*, принимаетъ тоже время для редакціи (въ указ. мѣстѣ стр. x). Если легенды, встрѣчающіяся въ различныхъ сборникахъ, составлены раньше 13-го ст., то уже во всякомъ случаѣ легенда о залогѣ мяса составлена раньше появленія Черной Смерти.

** Такое заимствованіе изъ Ресогоне допускаютъ всѣ исследователи Шекспира. Delius, въ своемъ изданіи «*Des Kaufmann von Venedig*», приводитъ англійскій переводъ Ресогоне, который могъ читать и Шекспиръ.

разказа о залогѣ мяса начало подвергаться очень многочисленнымъ вариациямъ. Но какъ бы различно ни разукрашивалась эта тема, одинъ образъ съ тѣхъ поръ остался неизмѣннымъ, именно еврей, настаивающій на своемъ правѣ вырѣзать фунтъ мяса. Гораздо безчеловѣчнѣе, чѣмъ въ повѣсти Фіорентино, еврей этотъ изображается въ одной балладѣ, подъ заглавіемъ: «Gernutus the jew of Venice» или a new song, showing the cruelty of Gernutus a Jew. Эта надпись прямо указываетъ, что баллада примыкаетъ къ итальянскому разсказу или къ какому нибудь варианту его. Еще яснѣе это высказано въ первой строфѣ:

In Venice towne non long agoe
 A cruel Jew did dwell,
 Which lived all on usurie,
 As Italian writers tell *.

Въ этой балладѣ опущены всѣ романическія прикрасы. Красивая дочь царя, или волшебница, или благородная дама изъ Бельмонте, изъ страсти къ наживѣ привлекающая къ себѣ юнощей и потомъ участвующая въ процессѣ, романическая нужда въ деньгахъ и вызванное этимъ затруднительное положеніе рыцаря или любимаго приемыша, все это авторомъ баллады оставлено въ сторонѣ, и сохранены только купецъ, который просто нуждается въ деньгахъ, и еврей, который даетъ ему ссуду и при этомъ ставитъ тяжкое условіе. Еврей составляетъ средоточіе баллады и потому надо было дать ему какое нибудь имя. Вотъ онъ и получаетъ германское имя Gernutus (Gernot). Гернутъ простой ростовщикъ, жестокій, безжалостный и притомъ скупой. Тѣмъ не менѣе ростовщикъ требуетъ отъ купца-христіанина, находящагося въ нуждѣ, не громадныхъ процентовъ, а только залога фунта мяса. Онъ требуетъ такого залога только для виду, чтобы доставить потѣху празднымъ языкамъ.

* Въ сборникѣ: Percy, reliques of ancient english Poetry, consisting of old heroic Ballads, songs и т. д. Т. I, 9. Также въ Деліусовскомъ изданіи трагедій Шекспира. Т. V.

No penny for the loane of it
For one yeare you shall pay;

But we will hawe a merry yeast,
For to be talked long:

And this shall be the forfeiture,
Of your owne flesh a pound.

Почему скупой здѣсь скрываетъ свою натуру? Изъ ненависти къ христіанину? На это баллада не даетъ никакихъ указаній. Но поэтъ имѣлъ въ виду гораздо болѣе разумную мораль, чѣмъ та, которая обыкновенно лежала въ основаніи разсказовъ Gesta, — мораль современную и совершенно практичную. Въ его время въ Англіи между христіанами существовало много жестокихъ кровосійцевъ-ростовщиковъ. Противъ нихъ-то и направлена стрѣла баллады, и ихъ-то собственно и думалъ изобразить поэтъ; но платиться за нихъ все-таки долженъ былъ еврей:

Good people, that doe heare this song,
For truth I dare well say,
That many a wretch as ill as he,
Doth live now at this day

From whom the Lord deliver me,
And ewery Christian too.

Итакъ, скупость ни въ какомъ случаѣ не составляетъ свойственной собственно Гернуту или Шейлоку отвратительной черты характера. Она не совмѣщается съ другимъ свойствомъ, благодаря которому онъ, для удовлетворенія своего чувства ненависти или мести, швыряетъ сотни или тысячи ради куска мяса, «чтобы имъ удобнѣе приманивать рыбъ». Шекспиръ также снабдилъ своего Шейлока скупостию; слѣдовательно, онъ зналъ балладу о жестокости венеціанскаго еврея Гернута*.

* Издатель „Reliques“ въ примѣчаніи къ этой балладѣ говоритъ, что Шекспиръ ее долженъ былъ знать; но его доводы неубѣдительны. Ср. Delius, въ указ. мѣстѣ и Simrock, стр. 215.

Но какъ бы то ни было, имѣлъ ли передъ собою Шекспиръ эту балладу или нѣтъ, она во всякомъ случаѣ доказываетъ, что ненавистная роль евреевъ сдѣлалась популярною и что образъ Шейлока перешелъ въ Англію изъ Италіи.

Онъ пошелъ еще дальше и проникъ даже на востокъ. Но тамъ мотивировка получила другое направленіе. Еврей заставляетъ должника заложить ему фунтъ мяса оттого, что онъ любитъ жену должника и такимъ путемъ надѣется добиться ея взаимности. Остовъ разсказа очень простъ: одинъ бѣдный торговецъ-мусульманинъ проситъ у богатаго еврея займа 100 денаровъ (золотыхъ монетъ) и обѣщаетъ ему участіе въ прибыли. Еврей охотно снабжаетъ его деньгами, такъ какъ питаетъ страсть къ его женѣ. Онъ поэтому ставитъ условіе, что долгъ долженъ быть уплаченъ въ опредѣленный срокъ, ни однимъ днемъ позже, въ противномъ случаѣ онъ имѣетъ право вырѣзать изъ тѣла должника фунтъ мяса. Мусульманинъ дѣлаетъ съ занятыми деньгами хорошія дѣла и даже въ состояніи уплатить свой долгъ раньше срока. Онъ отправляетъ деньги черезъ посланца, который однако ихъ растрчиваетъ. Вслѣдствіе этого срокъ проходитъ, и еврей начинаетъ настаивать на своемъ правѣ. Процессъ доходитъ до кади (судьи), который рѣшаетъ дѣло въ пользу кредитора. Но мусульманинъ аппелируетъ ко второму и третьему кади, изъ которыхъ послѣдній, судья въ *Эмезъ*, рѣшаетъ дѣло также, какъ красавица въ *Долопатосѣ*, въ *Gesta* и у *Фиорентино*, а именно, что кредиторъ подъ страхомъ смерти не долженъ вырѣзать ни болѣе, ни менѣе одного фунта *. Англійскіе толкователи Шекспира выводятъ изъ этого разсказа то заключеніе, что онъ первоначально былъ сочиненъ на востокѣ и оттуда только перенесенъ въ Европу **. На это Зимрокъ говоритъ: «и западъ мно-

* Разсказъ этотъ заимствованъ Malone, комментаторомъ Шекспира, изъ одной персидской рукописи, которой я не могъ достать. Содержаніе ея приведено у Зимрока, стр. 218.

** Особенно утверждаетъ это Francis Douce, въ *Illustrations of Shakespear*, стр. 171.

гократно оказывалъ свое вліяніе на востокъ. Народы востока рано уже были связаны съ народами запада торговыми и другими сношеніями. Какъ же можетъ быть, чтобы они обмѣнивались только своими товарами, а не своими исторіями, а также и мифами?» Но можно и прямо доказать, что эта легенда возникла на христіанской почвѣ. Правда, на востокѣ, въ Турціи, Персіи, Египтѣ и Аравіи, евреи чаще терпѣли жестокия гоненія, султаны и паши грабили и нерѣдко убивали ихъ. Но они не считали евреевъ худшими, чѣмъ они есть, чтобы оправдать свои жестокости. Они никогда не навязывали имъ преступленій или богохульства. Притомъ, на востокѣ еврей не предавался позору за ростовщичество, такъ какъ взиманіе процентовъ не запрещено исламомъ. Въ христіанскомъ же мірѣ, гдѣ каноническій законъ воспрещаетъ всякое взиманіе процентовъ, только одни еврей могли удовлетворять потребности въ займахъ и брать проценты, даже довольно высокіе. Мало того: различными законодательствами въ христіанскихъ земляхъ они даже бывали *принуждены* отдавать деньги въ ростъ и не имѣли права уклоняться отъ этого. Поэтому ростовщикъ-еврей, которому удѣляется позорная роль, могъ фигурировать только въ предѣлахъ христіанскаго міра. Наконецъ, дѣйствіе этого разсказа происходитъ въ *Эмезъ*, т. е. въ Гемѣ (Höme), мѣстность, гдѣ издавна, да и теперь живутъ христіане. На основаніи вышесказаннаго становится вѣроятнымъ, что легенда была занесена туда и вообще на востокъ изъ христіанскихъ земель.

Заключеніе это вполне подтверждается сравненіемъ съ другимъ совершенно подобнымъ-же разсказомъ персидскимъ, въ которомъ совсѣмъ не упоминается о религіи обѣихъ договаривающихся сторонъ. Тамъ просто разсказывается слѣдующее. Двое держали между собою такого рода пари, что выигравшій имѣетъ право вырѣзать изъ тѣла своего противника кусокъ мяса опредѣленнаго вѣса. Такъ какъ выигравшій настаивалъ на исполненіи договора, то они оба отправились къ кади, который произнесъ извѣстное уже рѣшеніе, что подь страхомъ наказанія

вырѣзанное мясо не должно вѣсить ни больше, ни меньше, чѣмъ было выговорено въ условіи *. Какъ нитерпимы ни были издавна персіяне относительно евреевъ, имъ все-таки не пришло на умъ приписать ненавистной для нихъ націи чрезмѣрную жестокость и безчеловѣчность. Только христіанское юдофобство, рядомъ съ обвиненіемъ въ оскверненіи причастія, въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей, въ отравленіи колодцевъ, изобрѣло еще и еврея-Шейлока.

Жажущій челоуѣческаго мяса заимодавецъ былъ еще влпеленъ и въ другія сказки. Такъ многія страны обошла басня съ историко-юридическимъ характеромъ, имѣвшая цѣлью осмѣять приговоры верховнаго судилища. Для этого нужно было выдумать цѣлый рядъ преступленій и правонарушеній и создать лице, которое ненамѣренно совершаетъ ихъ или, вѣрнѣе, фаталистическою силою влечется отъ одного противозаконнаго дѣйствія къ другому, къ третьему и т. д. Многіе выступаютъ съ жалобами на этого неудачника, который всюду творитъ зло, но при этомъ самъ не знаетъ, какъ онъ дошелъ до всѣхъ этихъ ужасовъ. Въ баснѣ выводится также судья, король или императоръ, который судитъ всѣ эти правонарушения, причемъ рѣшеніе его таково, что обвинители рады отказаться отъ своихъ претензій, а обвиняемый даже еще выигрываетъ. Трудно добраться до источника этихъ усложненныхъ процесса. Талмудическое сказаніе * подобными рѣшеніями осмѣиваетъ содомскихъ судей. Въ одной тибетской сказкѣ подобнымъ посмѣшищемъ является одинъ бѣдный браминъ, который ненамѣренно совершаетъ цѣлый рядъ преступленій, даже убиваетъ одного челоуѣка, задушаетъ ребенка и творитъ еще другіе ужасы. Потерпѣвшіе жалуются на брамина королю, который произноситъ смѣшные приговоры: чтобы онъ, на-

* Francis Godwin, the Persian Moonshee II, Pleasant Stories № XIII, стр. 8, переводъ съ персидскаго подлинника: A Person laid a wager nith onother, that if he did non win, the other might cut off a seer of flesh from his body.

* Д-ръ М. Gaster доказалъ, что подобныя превратныя рѣшенія приписываются въ талмудѣ содомскимъ судьямъ, Monatschrift 1880, стр. 118.

примѣръ, поступилъ съ матерью убитаго ребенка какъ съ своей собственной женой и подарилъ ей другое дитя. Въ русско-монгольскомъ циклѣ сказаній также встрѣчаются подобные вымышленные запутанные процессы и нелѣпыя рѣшенія *. Ни въ одной изъ этихъ сказокъ нѣтъ на сценѣ еврея. Но въ нѣкоторыхъ вариантахъ фигурируетъ уже и еврей, которому удѣляется неприятная роль лица, настаивающаго на полученіи фунта мяса изъ тѣла обвиненнаго.

Подобнымъ сложнымъ процессомъ съ комическимъ рѣшеніемъ воспользовалси одинъ нѣмецкій мейстерзэнгеръ для сочиненія пѣсни, въ которую онъ ввелъ Шейлока-еврея **. Содержаніе пѣсни слѣдующее: одинъ разбогатѣвшій купецъ оставилъ по себѣ легкомысленнаго сына, который прокутилъ всѣ богатства и въ концѣ концовъ обнищалъ. Чтобы вновь добыть состояніе, онъ принужденъ заключить заемъ, само собою разумѣется, у еврея. Но этотъ послѣдній требуетъ залога, и заемщикъ предлагаетъ въ залогъ свое тѣло.

„Ein Pfund schmers aus dem leibe mein,

„Dasselb ich dir zu pfand setzen wel.

„Der Jüd kam mit im überein.

Er sprach „das gelt bring auff das rechte zeit.“ “

„Der jüd d'sprach: „nu merck das ziel gar eben

„Und kompstu nit zu rechter zeit

„Dz pfund must mir aus deiner Seiten geben“ “***.

* Benfey, Rantscha-Tantra I, стр. 391 и сл.

** Пѣсня эта впервые напечатана въ Бамбергѣ въ 1493 г. и въ Страсбургѣ въ 1498 г. и озаглавлена: «*Von Kaiser Karls Recht*». Далѣе, она, вошла въ сборникъ: *Bibliothek des liter. Vereins in Stuttgart* 1845, т. XII, съ отдѣльнымъ заглавіемъ: *Das Ambraser Liederbuch*, herausgegeben 1882 von Joseph Bergmann V 167, № 138, и наконецъ въ „*Anzeiger für Kunde der deutschen Vorzeit, neue Folge, Organ des deutschen Museums*, Нюрнбергъ т. IV, годъ 1862, № 16, стр. 359 и сл., изд. Веллера. Оба послѣднія изданія озаглавлены: „*Von einem Kaufmann, der einem Juden ein Pfund Schmers versetzt*“.

*** Фунтъ мяса изъ моего тѣла

Я предлагаю тебѣ въ залогъ.

Еврей согласился на это.

Онъ сказалъ: „принеси деньги въ срокъ“.

„Еврей сказалъ: „только замѣть срокъ

„И если ты не придешь въ время,

„То долженъ дать мнѣ фунтъ изъ своего бока“.

Съ занятыми деньгами христіанинъ уѣзжаетъ въ чужую страну, приобретаетъ тамъ богатства, хочетъ уплатить свой долгъ, но не застаётъ кредитора-еврея дома и такимъ образомъ пропускаетъ срокъ. Еврей требуетъ отдачи залога, христіанинъ-купецъ отказывается. Оба апеллируютъ къ императору Карлу. На пути къ императору съ купцомъ случаются разныя невзгоды, онъ затаптываетъ конемъ своимъ чужое дитя, падаетъ въ полуснѣ на одного человѣка и убиваетъ его. Приговоръ императора на счетъ залога мяса гласитъ:

„Der gute man der soll den schmerzen leiden,
 „Und solst selber nur dar gehn,
 „Aus seiner seiten schneiden
 „Ein pfund schmers weder minder noch meh,
 „Und fehlstu verlorn hastu dein leben“.

Тогда еврей отказывается отъ своей жалобы и теряетъ свои 1000 гульденовъ, къ которымъ приплачиваетъ еще 200, лишь-бы отдѣлаться. Второй приговоръ, именно относительно убитого ребенка, гласитъ, что отецъ убитого долженъ предоставить обвиняемому свою жену, чтобы тотъ вознаградилъ ее другимъ ребенкомъ. Третій приговоръ таковъ, что сынъ убитого человѣка имѣетъ право упасть на обвиняемаго, чтобы точно такимъ-же способомъ убить его. Вслѣдствіе бессмысленности приговора и эти два обвинителя отказываются отъ своихъ обвиненій.

Эта пѣсня мастерзенгера не особенно удачна, потому что приводимыя въ ней рѣшенія выставляютъ въ невыгодномъ свѣтѣ того самаго императора Карла, къ которому онъ относится съ благоговѣніемъ. Два приговора его крайне несправедливы, и честь его спасаетъ только приговоръ по дѣлу еврей-кредитора. Видно, что мастерзенгеръ собралъ всякую всячину, лишь-бы, и то съ трудомъ, состряпать пѣсню. Вѣдь не изобрѣталъ-же онъ содержанія для нея и сочинилъ ее навѣрное въ то время, когда въ народномъ представленіи еврей уже является козломъ искушенія. Совершенно подобный-же споръ между неудачникомъ и его обвинителями, споръ, въ которомъ также еврей требуетъ куска заложенаго мяса, встрѣ-

чается въ одной арабско-индiйской сказкѣ; но исходъ дѣла неизвѣстенъ.

Но всѣ эти незначительныя по своему поэтическому достоинству сказки и легенды остались-бы неизвѣстными міру и не обезславили-бы такъ евреевъ, еслибы Шекспиръ въ своемъ «Венеціанскомъ купцѣ» не создалъ Шейлока, не облекъ его въ плоть и кровь и не надѣлилъ страстью. Выведа его на сцену съ драматическимъ эффектомъ и противопоставивъ ему Антонію, проникнутаго готовностью къ самопожертвованію ради дружбы, и презирающаго Маммона столько же, сколько Шейлокъ ему поклоняется, Шекспиръ создалъ типъ, который уже не можетъ быть забытъ. Типъ этотъ сдѣлался неразрывно связаннымъ съ названіемъ «еврей», и такимъ образомъ поэтъ породилъ отвращеніе къ цѣлому племени. Что побудило этого, всегда правдиваго въ поэтическомъ отношеніи художника, сдѣлать относительно еврейскаго племени такую вопіющую несправедливость? Онъ не могъ быть въ соприкосновеніи съ холопяствующими евреями, которые бы одной близостію своею могли возбудить его отвращеніе или озлобленіе. Какъ вообще Шекспиръ дошелъ до того, что выставилъ подобное чудовище именно въ образѣ еврея? Могъ онъ развѣ разсчитывать на интересъ публики? Во времена Шекспира со времени изгнанія евреевъ изъ Англіи прошло три столѣтія, въ теченіи которыхъ, какъ принято считать до сихъ поръ, эта страна не видѣла ни одного еврея; они составляли въ Англіи нѣчто совершенно неизвѣстное. Какого успѣха, слѣдовательно, могъ ожидать Шекспиръ отъ изображенія особенностей евреевъ, какъ-бы удачно оно ни было? Въ отвѣтъ на это говорятъ: до представленія «Венеціанскаго купца» въ Лондонѣ (до 1579 года), въ Bull (въ театрѣ) была поставлена пьеса, подъ заглавіемъ «Еврей», изображавшая алчность свѣтскихъ избирателей (?) и кровожадность ростовщиковъ*.

* Сообщено Стефаномъ Госсномъ въ сочиненіи: *School of abuse, Delius* въ указ. м. и *Simrock*, стр. 215. Англійское заглавіе глаголю: *The Jew showe*

Но это указаніе ничуть не разрѣшаетъ затрудненія, напротивъ, даже усиливаетъ его, потому что съ полнымъ правомъ можно при этомъ опять спросить: почему этотъ неизвѣстный драматическій писатель представилъ англійской публикѣ еврея въ самомъ уродливомъ видѣ, если, какъ видно, тогда совсѣмъ не было въ Англии евреевъ? Для объясненія этого страннаго явленія приводятъ еще то, что одинъ писатель въ 1596 году перевелъ на англійскій языкъ старое сочиненіе, подъ названіемъ «the orator», въ которомъ процессъ между кредиторомъ-евреемъ и должникомъ-христіаниномъ обсуждается юридически съ разныхъ сторонъ. Но и это указаніе не имѣетъ никакой цѣны, такъ какъ «Венеціанскій купецъ» былъ поставленъ еще до появленія этого сочиненія.

Нерѣшенную до сихъ поръ загадку, почему Шекспиръ вздумалъ вывести на сцену еврея, и какъ это ему удалось такъ наглядно изобразить его характеръ и особенности, — эту загадку въ послѣднее время весьма удовлетворительно разрѣшилъ одинъ англійскій критикъ. Ли (Lee), такъ зовется этотъ критикъ, въ одной статьѣ *, убѣдительно и неопровержимо доказалъ, что до сихъ поръ при обсужденіи Шекспировской драмы всѣ исходили изъ одного ложнаго предположенія, а именно, что евреи совершенно не были извѣстны въ Англии, что они проникли въ эту страну только во времена Кромвелля или даже Карла Второго. Ли доказываетъ во первыхъ, что евреи жили въ Англии уже въ царствованіе Елисаветы, т. е. во времена Шекспира, и во вторыхъ, что процессъ о государственной измѣнѣ одного еврея въ Англии, надѣлавшій очень много шума и привлекшій къ себѣ самое напряженное вниманіе публики, въ извѣстной мѣрѣ и побудилъ Шекспира представить публикѣ драму, отъ которой онъ могъ ожидать величайшаго эффекта. Наконецъ, въ третьихъ, Ли до-

at the Bull, representing the Greedines of wordly choosers and the blood mind of usurers.

* Статья эта озаглавлена: The original of Shylock, въ Gentelman's Magazin, февральская книжка за 1880 г., стр. 185 и сл.

казываетъ, что въ этомъ процессѣ противъ еврея игралъ роль и высокопоставленный христіанинъ, носившій имя *Антоніо*, какъ и врагъ Шейлока.

Резюмируемъ теперь вкратцѣ факты, освѣщенные Ли. Они раскрываютъ чрезвычайно интересную исторію, которая сама имѣетъ драматическій характеръ. — Прежде всего насъ поражаетъ фактъ, что, по крайней мѣрѣ, въ началѣ 17-го столѣтія, слѣдовательно, еще въ царствованіе Елисаветы, были уже въ Англіи евреи и притомъ, какъ описывается: *нѣкоторые при дворѣ, многіе въ городѣ, еще больше въ деревняхъ* *. Но этому факту слѣдуетъ придать надлежащее значеніе, Евреи, какъ таковые, навѣрное тогда и даже много позже не были терпимы въ Англіи. Вѣдь не могъ же и Кромвель провести закона о допущеніи ихъ туда. Но испанскіе и португальскіе марраны, такъ называемые *новохристіане*, которые вышли изъ своей родины съ враждебнымъ настроеніемъ противъ нея и бѣжали въ Англію, были тамъ приняты столь-же любезно, какъ и во Франціи, гдѣ они основали Бордосскую и Байонскую общины. Они, правда, и здѣсь явились подъ маской христіанъ, но ни для кого не составляло тайны, что они въ душѣ остались евреями и исполняли еврейскіе обряды, хотя и не открыто. Въ Англіи такихъ бѣглецовъ-маррановъ принимали тѣмъ охотнѣе, что англійскіе государственные люди могли узнавать отъ нихъ нѣкоторыя тайны насчетъ Испаніи и короля Филиппа II, съ которымъ Англія вела тогда ожесточенную войну.

Изъ поселившихся въ Лондонѣ новохристіанъ или тайныхъ евреевъ особенно выдавалась фамилія врача Лопеца (*Lopez*). Докторъ *Родриго Лопецъ* во времена Шекспира пользовался обширною славою и всеобщимъ уваженіемъ. Онъ былъ въ дружбѣ съ любимцемъ королевы *Лейчестеромъ*, который дов-

* Тамъ-же, на стр. 187 въ качествѣ источника приводится: *the wandering Jew telling fortunes to Englishmen*, писан. въ первой четверти 17-го столѣтія и затѣмъ вновь напечат. въ *Books of character*. I. O. Hallvell'я, Лондонъ, 1857.

волилъ играть въ своемъ помѣстьи труппѣ артистовъ изъ Стратфорда, родины Шекспира. Въ 1588 году Лопецъ, по рекомендаціи придворныхъ, былъ назначенъ лейбъ-медикомъ Елисаветы, которая оказывала ему довѣріе и въ дипломатическихъ дѣлахъ *. По его ходатайству многіе марраны получили англійскіе паспорта и право пребыванія въ Англии. Родственники его также переселились въ Англію и вступили въ пріятельскія отношенія съ англійскими сановниками, которые при ихъ посредствѣ заводили дипломатическія сношенія.

Начиная съ 1588 года, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду, взоры всего англійскаго народа были обращены на Родриго Лопеца. Въ этомъ году именно высадился въ Англии претендентъ на португальскій престолъ *Антоніо Перейра*, у котораго Филиппъ II отнялъ королевство. Королева Елисавета приняла его весьма предупредительно, хотя онъ и былъ незаконный сынъ послѣдняго короля Португаліи. Она хотѣла воспользоваться имъ какъ пѣшкой противъ своего смертельнаго врага Филиппа. Народъ англійскій также съ восторгомъ привѣтствовалъ его какъ «*короля Антоніо*», потому что въ то время, вслѣдствіе снаряженія армады противъ Англии, ненависть англичанъ къ испанцамъ возросла до фанатизма, такъ что въ лицѣ Антоніо народъ привѣтствовалъ врага Филиппа. Въ особенности графъ *Эссексъ*, бывшій тогда главнымъ любимцемъ королевы, окружалъ его самою изысканною заботливостію. Вмѣстѣ съ претендентомъ бѣжали и нѣкоторые марраны-евреи, принадлежавшіе къ его свитѣ. «Король Антоніо» не могъ непосредственно сноситься ни съ дворомъ, ни съ королевой, такъ какъ умѣлъ объясняться на одномъ только португальскомъ языкѣ, совершенно непонятномъ англійскому двору. Такимъ образомъ явилась необходимость въ услугахъ маррана или еврея доктора Лопеца, знавшаго пять европейскихъ языковъ. Съ этого времени Лопецъ служилъ не только толмачемъ между Антоніо, королевой и высшими сановниками, но былъ также

* Источникомъ Lee приводитъ State Papers отъ 12 іюля 1589 г., въ которыхъ напечатано одно письмо Лопеца.

посвященъ въ дипломатическія тайны Португаліи и Испаніи. Еврей Лопецъ, (это ни для кого не было тайной), считался ближайшимъ довѣреннымъ лицомъ такъ называемаго португальскаго короля. Вслѣдствіе этого онъ пользовался довѣріемъ Эссекса и его друга, блестящаго лорда Сутгамптона (Southampton), особенною милостію котораго пользовался Шекспиръ. Въ этомъ-то обстоятельствѣ и можно подозрѣвать соотношеніе автора «Венеціанскаго Купца» съ «евреемъ». Предположеніе это дальнѣйшими фактами возводится на степень достовѣрности.

Довѣрчивыя отношенія между Антоніо и Лопецомъ стали понемногу омрачаться и наконецъ перешли въ открытую вражду. Антоніо собственно былъ человѣкъ ограниченный, одаренный больше надменностію, чѣмъ благоразуміемъ, и хотя въ первое время онъ охотно пользовался совѣтами и руководствомъ Лопеца, но мало-по-малу захотѣлъ освободиться отъ вѣрнаго и опытнаго совѣтника, чтобы дѣйствовать самостоятельно, сталъ къ нему относиться холоднѣе и держать его въ почтительномъ отдаленіи отъ себя. Лопецъ, уже старикъ и притомъ болѣзненный, очень раздражался и огорчался подобнымъ обращеніемъ, такъ что онъ даже жаловался на неблагодарность со стороны Антоніо. Отношенія стали натянуты. Молодые придворные, въ особенности Эссексъ, взяли сторону Антоніо и пользовались всякимъ случаемъ, чтобы унижить Лопеца, какъ «еврея», того самаго Лопеца, съ которымъ они прежде были въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ. Непріязнь Эссекса Лопецъ навлекъ на себя еще своею прямою.

Эссексъ, имѣвшій всегда въ головѣ великіе планы и не брезгавшій даже самыми гнусными средствами, настойчиво требовалъ отъ Лопеца, чтобы онъ вступилъ въ сношенія съ знакомыми марранами въ Испаніи и отъ нихъ разузналъ про оборонительныя и наступательныя приготовленія Филиппа противъ Англіи. Но Лопецу была противна роль шпіона, и онъ сообщилъ о предложеніи Эссекса королевѣ, которая не одобрила образа дѣйствія своего придворнаго, прибѣгавшаго къ такимъ гнуснымъ средствамъ. Это и послужило поводомъ къ разрыву

между Эссексомъ и Лопецомъ, а Антонио тоже все враждебнѣе сталъ относиться къ Лопецу, чтобы сохранить свою милость у Эссекса. Ненависть Лопеца къ Антонио, неблагодарность котораго превосходила всякую мѣру, была вполнѣ понятна, но онъ пошелъ дальше и въ порывѣ страсти поклялся отомстить этому неблагодарному человѣку *. Этотъ неосторожный порывъ и былъ главною причиною его позорной смерти, потому что испанскіе агенты, рыскавшіе тайкомъ въ Англіи, воспользовались враждою между Антонио и Лопецомъ и задумали уговорить послѣдняго устранить камень преткновенія для Филиппа. Марраны-спутники претендента, также возмущенные противъ него, играли роль посредниковъ между испанскими шпионами и Лопецомъ. Однажды Лопецъ имѣлъ неосторожность выразиться передъ своими знакомыми, что Антонио умретъ отъ первой болѣзни, которая его случайно постигнетъ. Испанскіе агенты, передавшіе ему въ качествѣ задатка драгоцѣнный перстень отъ короля Филиппа, подумали, что могутъ купить его для безчестнаго поступка и шепнули ему черезъ маррановъ изъ свиты Антонио, чтобы онъ посредствомъ яда устранилъ ненавистную испанцамъ королеву Елисавету. Но Лопецъ съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе и даже сдѣлалъ о немъ намекъ самой королевѣ, которая его однако не поняла. Антонио и Эссексъ между тѣмъ зорко слѣдили за каждымъ шагомъ маррановъ, и въ одинъ прекрасный день имъ попало въ руки письмо съ планомъ заговора, писанное къ двумъ изъ бывшихъ прежде въ свитѣ Антонио. Одинъ изъ нихъ былъ арестованъ въ квартирѣ Лопеца, но Эссексъ не успокоился, пока самаго Лопеца не привлекли по обвиненію въ государственной измѣнѣ и посадили въ Тоуэръ.

Происшествіе это вызвало въ Лондонѣ чрезвычайное волненіе. Говорили, что только еврей способенъ составить такой адскій планъ и посягнуть на жизнь двухъ дорогихъ лицъ, т. е.

* Lee, стр. 19: it was said, he (Lopez) swore an oath, that he would have his revenge. Ср. „Венеціанскій купецъ“, дѣйств. 1-ое, сцена III: Шейлокъ: cursed he my tribe, if I forgive him.

королевы и короля Антонио. Сама королева, правда, не вѣрила этому, потому что привыкла считать его благонадежнымъ, но Эссексъ не успокоился прежде, чѣмъ прокуроромъ въ этомъ политическомъ процессѣ не былъ назначенъ старшій судья Эдуардъ Кокеъ (Coke), извѣстный юридическій убійца. Этотъ неоднократно обзывать подсудимаго вѣроломнымъ евреемъ, предателемъ, который даже хуже Иуды. Наконецъ, при всеобщемъ одобреніи всей Англійи, Лопецъ былъ признанъ виновнымъ въ государственной измѣнѣ. Королева нѣсколько недѣль сряду отказывалась утвердить приговоръ, но Эссексъ такъ неотступно настаивалъ, что она ужъ болѣе не могла противиться казни. Весною 1594 года Родриго Лопецъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ былъ казненъ въ Тибуρνѣ. Но документы доказываютъ, что онъ былъ осужденъ и казненъ невинно. Тѣмъ не менѣе цѣлыхъ пять памфлетовъ поддерживали и усиливали возбужденіе англійскаго населенія. Лопеца всюду шельмовали «евреемъ». На одной картинѣ, гдѣ онъ изображенъ на висѣлицѣ, находится надпись: *proditorum finis funis*.

Послѣ постыдной смерти того, кто въ извѣстной мѣрѣ былъ представителемъ евреевъ въ Англійи, не удивительно болѣе, что евреевъ тамъ ненавидѣли и презирали. Въ томъ-же году, въ которомъ состоялась казнь Лопеца, были поставлены на сцену три драмы, изображающія евреевъ въ самомъ отвратительномъ видѣ, причемъ наплывъ публики былъ чрезвычайный. Тогдашній импрессаріо театра Blackfriars, нѣкій Генслоу * счумѣлъ эксплуатировать эту страсть публики къ сценическимъ позорнымъ дѣяніямъ и униженіямъ евреевъ и въ теченіи немногихъ мѣсяцевъ поставилъ на сцену двадцать разъ драму «Еврей

* Lee, стр. 195: For it cannot be merely fortuitous coincidence that caused him in 1594 to produce plays entitled „The Jew“ and „The Jew of Malta“ more frequently than any others within the same lapse of time, and to secure the greatest of his financial successes by these representations. The entries in his rough diary inform us, that „The Jew“ formed the subject of no less than twenty representations betwin May 1594 and the end of the year. The piece best liked by the populace and therefore most often produced on these occasions, was Marlowe's „Jew of Malta“.

изъ Мальты». Въ этой пьесѣ современнаго Шекспиру драматурга Марлова, въ которой демоническую роль играетъ еврей Барабасъ, формально скопированъ докторъ Лопецъ. Подобно ему, и Барабасъ является врачомъ, изучавшимъ медицину въ Италіи и, какъ онъ самъ хвасталъ, обогатившимъ духовенство многочисленными похоронами *. Онъ ловко умѣетъ употреблять тайно-дѣйствующій ядъ, отравляетъ всѣхъ монахинь въ одномъ монастырѣ и другихъ враждебныхъ ему лицъ.

Итакъ, теперь уже считается достовѣрнымъ, что первая грубая обработка драмы «венеціанскій купецъ» или, какъ глаголю первоначальное заглавіе, «Шейлокъ» была поставлена на сценѣ уже 23 августа 1594 г., т. е. послѣ казни Лопеца. Пьеса эта была заказана антрепренеромъ Генсловомъ, обѣщавшимъ себѣ отъ нея богатый сборъ. Ли выяснилъ, что Шекспиръ въ Шейлокѣ задумалъ бичевать доктора Лопеца и вообще евреевъ. Вотъ почему онъ называетъ противника Шейлока по имени противника Лопеца, *Антоніо*, который и вкладываетъ фунтъ своего мяса, между тѣмъ какъ въ повѣсти *Фиорентино*, которая вышла раньше Шекспира, противникъ называется *Ансальдо*. Шекспиръ зналъ возбужденное противъ Лопеца дѣло до мельчайшихъ подробностей, потому что былъ друженъ съ лордомъ Соутгемптономъ, который въ свою очередь былъ близокъ съ Эсексомъ, настаивавшимъ на арестѣ и казни Лопеца. Не лишено вѣроятія и то, что Шекспиръ изобразилъ Шейлока въ такомъ черномъ и демоническомъ видѣ въ угоду Эсексу. Ли еще доказалъ, что нѣкоторыя выраженія въ драмѣ прямо указываютъ на Лопеца. Артистъ *Ричардъ Бербеинъ*,

* Marlowe, the Jew of Malta, дѣйствіе II, стр. 157 (изд. Dice 1876 г., стр. 157 b).

As for mysell, J walk abroad o'nights
 And kill sick people
 Sometimes J go and about and poison walls

 Reing joun, J studied physic and began
 To practise first upon the Italian;
 There J enrich'd the priestes with burials.

игравшій впервые роль Шейлока, надѣлъ себѣ такую-же бороду, какую носилъ Лопецъ, и эта борода осталась традиціонной на англійской сценѣ при представленіи Шейлока *. Словомъ, въ лицѣ Шейлока поэтически изображается Лопецъ. Такимъ образомъ Шейлокъ не есть невинное созданіе фантазіи безъ фактической подкладки, а умышленная *карикатура*, написанная Шекспиромъ въ угоду своимъ аристократическимъ друзьямъ и для увеселенія публики. Фіорентино въ своемъ Ресогоне далъ Шекспиру одинъ фактъ, а Шекспиръ уже изъ него создалъ челоуѣка, вдохнулъ въ него душу и жизнь и въ эту душу вложилъ ту глубочайшую ядовитую ненависть къ христіанамъ, которую общественное мнѣніе навѣрно предполагало въ еврей Лопецѣ. Это-то ослѣпленное общественное мнѣніе и увѣковѣчилъ, къ несчастію для евреевъ, Шекспиръ.

Однако, при всей вопіющей несправедливости къ евреямъ со стороны великаго драматическаго художника, онъ все таки далъ въ своей пьесѣ господство правдѣ. Ненависть, которую Шейлокъ питаетъ къ Антонію и къ христіанамъ, не составляетъ прирежденнаго порока, а есть слѣдствіе и дѣйствіе униженія и презрѣнія, которыя христіане, считающіе себя благородными, оказывали ему и всему еврейскому племени.

. . . Святое наше племя
 Не терпитъ онъ (Антонію) . . .

 Вы меня
 Ругали псомъ, отступникомъ, злодѣемъ,
 Плевали вы на мой кафтанъ жидовскій...

Какъ часто, вѣроятно, Антонію послѣ разрыва съ Лопецомъ бранилъ его, называлъ проклятымъ жидомъ и плевалъ въ него! Характеръ Антонію въ драмѣ можно понять только, если сравнить его съ Антонію въ исторіи. Въ драмѣ онъ кротокъ, крайне благочестивъ и мягкосердеченъ, чуть-ли не плаксивъ какъ женщина. Какъ могъ, спрашивается, такой челоуѣкъ такъ сильно ненавидѣть и съ отвращеніемъ преслѣдовать Шейлока? Это противорѣчіе въ характерѣ можетъ быть объяснено только

* Lee, стр. 189.

тѣмъ, что ненависть и отвращеніе заимствованы отъ « короля Антоніо », который ихъ питалъ къ своему врагу Лопецу и, какъ правотѣрный португалецъ, простираетъ явно на всѣхъ евреевъ. Этимъ маневромъ Шекспиръ думалъ воздать справедливость и евреямъ. Такая-же справедливость видна и въ другомъ мѣстѣ. Одинъ изъ друзей Антоніо уводитъ дочь Шейлока, *Иессуку*, подговариваетъ ее обокрасть отца и, ужъ совѣмъ не по рыцарски, безъ всякой щепетильности присваиваетъ себѣ украденное. Вслѣдствіе этой кражи у еврея голышъ Лоренцо становится богачемъ. По этому поводу Гейне вѣрно замѣчаетъ: « Лоренцо—соучастникъ преступленія, за которое онъ по прусскому закону былъ-бы присужденъ къ пятнадцатилѣтнему заключенію въ смиренномъ домѣ и выставленъ къ позорному столбу »*. Этимъ Шекспиръ хотѣлъ показать безсовѣтность христіанъ въ ихъ поступкахъ съ евреями.

Но все таки онъ распредѣлилъ гѣни неравномѣрно. Если бы Шекспиръ удѣлилъ еврею роль государственнаго измѣнника, какъ это, напр., дѣлаетъ Марловъ въ « Евреѣ изъ Мальты », то его можно было-бы оправдать тѣмъ, что онъ вѣрилъ въ вину Лопеца, какъ и весь міръ, исключая главныхъ заправителей процесса. Если же онъ драматизируетъ Шейлока, матеріаломъ для котораго ему послужила не дѣйствительность, а легенда, то это уже прямо выдаетъ его намѣреніе заклеить вообще евреевъ въ общественномъ мнѣніи. Шекспиръ хотѣлъ дать поводъ злорадствовать театральной публикѣ или своимъ аристократическимъ друзьямъ, которые презирали и соплеменниковъ Лопеца, или, быть можетъ, думалъ даже вооружить противъ евреевъ королеву Елисавету, которая до того времени терпимо относилась къ переселенію въ Англію евреевъ, выдававшихъ себя за португальскихъ новохристіанъ. Этимъ онъ усилилъ въ Англіи ненавистные предразсудки противъ евреевъ, еще болѣе распространенныя вслѣдствіе обширнаго распространенія его драмы. Изъ всего вышеизложеннаго становится

* Heine, Shakespeare's Mädchen und Frauen, глава XII, Jessica.

очевиднымъ, что Шейлокъ-еврей фактически не существовалъ, что этотъ образъ первоначально даже не принадлежитъ легендѣ, но только съ теченіемъ времени, вслѣдствіе вымысла, былъ юдаизированъ. Шекспиръ-же, драматизируя Шейлока, погрѣшилъ въ томъ же, что онъ самъ такъ прекрасно высказываетъ противъ calumniare audacter: «будь чистъ какъ золото, будь бѣлъ какъ снѣгъ, и все таки не избѣгнешь клеветы».

Итакъ, ни легенда, ни баллада, ни драма не имѣютъ ни малѣйшаго основанія утверждать, что евреи или еврей когда-либо такъ жестоко настаивалъ на исполненіи договора о залогѣ куска мяса, изъ ненависти ли къ христіанамъ, или изъ жажды мести. Противоположный же этому фактъ доказанъ исторически, а именно, что однажды христіанинъ настаивалъ на томъ, чтобы вырѣзать фунтъ мяса у еврея изъ неудобоназываемой части тѣла, и, можетъ быть, сдѣлалъ бы это, еслибы очень строгій папа не воспротивился тому, въ грубой прозѣ, безъ поэтической замаскированности. Фактъ этотъ со всѣми подробностями, подтверждающими его достовѣрность, сообщаетъ не рассказчикъ легендъ, не пѣвецъ и не драматическій писатель, а историкъ. Въ 1585 году англійскій адмиралъ Дрэкъ завоевалъ городъ Санъ-Доминго на островѣ Гаити и получилъ тамъ богатую добычу. Извѣстіе объ этомъ дошло прежде всего до Рима въ письмѣ къ одному богатому купцу-христіанину, по имени *Паоло Марія Секки*, который былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы его распространить. Одинъ почетный въ римской общинѣ еврей, по имени *Сансоне Ченеда*, оспаривалъ вѣрность этого извѣстія и въ спорѣ безразсудно увлекся до того, что предложилъ купцу-христіанину такого рода пари: если извѣстіе о взятіи С.-Доминго подтвердится, то Секки имѣетъ право вырѣзать острымъ ножомъ фунтъ мяса изъ какой угодно части его тѣла. Секки принялъ пари и съ своей стороны на случай проигрыша ставилъ 1,000 скуди. Пари было заключено письменно, подписано сторонами и свидѣтелями. Когда оспариваемое извѣстіе было отовсюду подтверждено, и Ченеда принужденъ былъ признать свой проигрышъ, то христіанинъ Секки

настаивалъ на договорѣ и поклялся, что желаетъ вырѣзать у еврея изъ самаго чувствительнаго мѣста фунтъ мяса, не смотря на то, что еврей предлагалъ ему взаменъ этого 1,000 скуди. Ченедра въ страхѣ побѣжалъ къ коменданту города Рима, который далъ обо всемъ знать папѣ Сиксту V. Папа приказалъ привести обѣ стороны и потребовалъ отъ нихъ документа о заключенномъ пари. Затѣмъ онъ обратился къ христіанину со словами: «Ты имѣешь право вырѣзать изъ тѣла еврея фунтъ мяса, но берегись,—если ты вырѣжешь хоть одной драхмой больше или меньше, то лишишься жизни. Иди же, точи свой ножъ, но пусть вмѣстѣ съ тѣмъ принесутъ и вѣсы». Тутъ купецъ-христіанинъ задрожалъ, бросился въ ноги папѣ и извинялся, говоря, что онъ совсѣмъ не думалъ серьезно вырѣзать мясо. Тѣмъ не менѣе папа приговорилъ обоихъ къ смерти: христіанина за то, что онъ имѣлъ въ виду убить еврея, а еврея за то, что тотъ ставилъ на пари свою жизнь, которая принадлежитъ не ему, подданному, а государю. По ходатайству друзей обѣихъ сторонъ и съ помощію посредничества кардинала *Монтальто*, папа Сикстъ перемѣнилъ смертную казнь на каторжную работу въ галерахъ, причемъ они могли бы избавиться и отъ послѣдняго наказанія, еслибы каждый изъ нихъ пожертвовалъ по 2,000 скуди на постройку больницы. Такимъ строгимъ приговоромъ Сикстъ хотѣлъ вселить страхъ, и это было въ первый разъ, что онъ смягчилъ свой приговоръ. Вотъ историческій фактъ, доставленный историкомъ Грегоріо Лети *.

Критики усумнились въ исторической достовѣрности этого разсказа по двумъ причинамъ: во-первыхъ, оттого, что разсказъ о залогѣ куска мяса основанъ на легендѣ, а во-вторыхъ оттого, что правдивость Лети вообще сомнительна: онъ будто бы принималъ недостовѣрныя исторійки безъ надлежащей оцѣнки и вообще гналъ за пикантными анекдотами и инте-

* Leti, Vita di Sixto quinto, 1587 г. Въ первыхъ изданіяхъ этой исторіи нѣтъ, потому что авторъ узналъ о ней только впоследствии. Въ изданіяхъ 1693 г. она помѣщена въ третьей части, книгѣ II, стр. 135 и также въ позднѣйшихъ изданіяхъ, только на другой страницѣ.

ресными тирадами. Первое возраженіе совершенно неудовлетворительно. Разсказъ о фунтѣ мяса, начиная отъ самаго возникновенія его и до полной драматической обработки, говорить только о залогѣ мяса за денежную ссуду, а подобная вещь можетъ быть только фикціей, такъ какъ даже въ затруднительномъ положеніи и въ нуждѣ было бы неразумно принимать отъ должника такое тяжкое условіе или даже предложить его, потому что подобный должникъ вообще ненадеженъ въ смыслѣ уплаты долга. Тѣмъ менѣе можетъ должникъ согласиться заложить свое мясо, въ особенности если кредиторъ его врагъ, какъ изображается въ нѣкоторыхъ вариантахъ. Но съ другой стороны такое пари очень возможно у людей неуступчивыхъ или холерическиххъ. Лети самъ довольно вѣрно поясняетъ, какимъ образомъ Ченеда могъ держать такое бѣшенное пари: «Есть пари, заключаемыя между лицами, упорно настаивающими на своемъ, напимѣръ: даю голову на отрѣзъ, или: даю руку на отрѣченіе!» Въ пользу исторической достовѣрности разсказа говорить еще и то обстоятельство, что Ченеда не предлагаетъ этого бѣшеннаго пари спокойно, обдуманно, а оно, такъ сказать, срывается съ устъ его *. Отдача подъ залогъ части своего тѣла за долгъ можетъ только составлять фикцію, между тѣмъ какъ подобное пари можетъ быть и историческимъ фактомъ.

Второе возраженіе еще менѣе состоятельно. Еслибы описаніе Лети вообще было такъ удостовѣрено, какъ этотъ разсказъ, то онъ не могъ бы возбудить къ себѣ никакого подозрѣнія. Лети разсказываетъ о приключеніи изъ жизни папы Сикста, которое по крайней мѣрѣ въ Римѣ было, вѣроятно, всѣмъ извѣстно. Еслибы все это было выдуманно, то онъ побоялся бы быть уличеннымъ во лжи. Далѣе, онъ связываетъ эту исторію съ необычайной, всѣмъ извѣстной строгостію приговоровъ и

* Тамъ же, стр. 147. Ceneda si lascio scapar di bocca la parola: scometto une littra di carne... che questo non è vero, che per dire 'l vero sono scomesse che sogliono farsi da quei, che son duri nel loro sentimento, sivè: „scometto la mia testa, scometto una mano“, e casi simili.

дѣйствиі этого папы и при этомъ замѣчаетъ, что Сикстъ не имѣлъ обыкновенія отмѣнять разъ произнесенный приговоръ. Затѣмъ, Лети называетъ обѣ стороны полными ихъ именами: Paolo Maria Secchi, христіанинъ, и Sansone de Ceneda, еврей. Неужели же онъ ихъ выдумалъ? Къ тому же онъ называетъ еще и кардинала Монтальто, родственника папы, къ которому обратились друзья обѣихъ сторонъ, чтобы онъ исходатайствовалъ у папы смягченіе смертнаго приговора. Все это вѣдь признаки исторической достовѣрности. Наконецъ, несомнѣнная историческая достовѣрность разсказа подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что жестокость приписывается христіанину. Еслибы Лети всю эту исторію выдумалъ, то онъ, конечно, скорѣе удѣлили бы роль жестокаго человѣка еврею, какъ это сдѣлали Фіорентино, разсказчики легендъ и Шекспиръ.

Если сопоставить Секки съ евреемъ изъ Местре или съ Гернудомъ и Шейлокомъ, то нельзя ни на минуту усумниться, на чьей сторонѣ историческая реальность. Первый выступаетъ въ невинномъ, не возбуждающемъ никакого подозрѣнія разсказѣ, между тѣмъ какъ послѣдній съ самаго возникновенія своего носить на себѣ печать сказочной недѣйствительности и къ тому же оказывается продуктомъ полной предрасудковъ ненависти къ евреямъ. Не сумасбродно и не возмутительно ли было бы, на основаніи изображенія купца изъ Рима, утверждать въ поэзіи или въ серьезномъ произведеніи, что христіане вообще страстно жаждутъ мяса или жизни евреевъ? Тѣмъ возмутительнѣе, кажется, повторять подобное обвиненіе противъ евреевъ, особенно принимая въ соображеніе, что оно не имѣетъ и малѣйшей тѣни фактическаго основанія.

Г. Гретцъ.

САПОЖНИКЪ.

(Очеркъ).

I.

Юльскій полдень. Знойно. Жгучіе лучи солнца, пробиваясь сквозъ маленькія стекла окошечка, прямо падаютъ на низенькій, рабочій столикъ, раскаливая желѣзные и стальные инструменты. Таетъ воскъ, таетъ навощенная нитка въ мозолистой рукѣ «сапожнаго и башмачнаго мастера Исаака Вейхермана», какъ гласила жестянная вывѣска, прикрѣпленная бичевками у входной двери полуразвалившейся деревянной лачуги. Чихаетъ и потѣетъ, согнувшись, Исаакъ. Онъ сидитъ на обтянутомъ кожей чурбанѣ и, опустивъ трясущуюся сѣдую голову на сомкнутыя тощія колѣни, засаленныя и грязныя, шьетъ. Прижимая колѣнами къ голой, густообросшей волосами груди недошитый сапогъ, онъ острымъ ножомъ старательно, надувъ сухія губы, обрѣзываетъ края свѣжей подошвы. Солнечные лучи падаютъ ему прямо на макушку, нѣсколько защищаемую засаленной ермолкой. Сѣдые, сухіе волосы спускаются на лобъ и глаза; по вискамъ струится потъ. Насупротивъ его, на такомъ же чурбанѣ, сидитъ и воцѣтъ дратву мальчикъ дѣтъ четырнадцать. Тонкія, почти костлявыя руки неуклюже висятъ съ его худыхъ плечъ; неуклюже онъ ими и владѣетъ; сквозъ потную рубаху видны его костлявыя, угломъ торчащія лопатки; лицо у него желтое, грязное; глаза, по близорукости, вѣчно прищурены. Хозяинъ и ученикъ сидятъ молча, отдав-

пись работѣ. Комната, въ которой они находятся, единственная во всей квартирѣ; она раздѣлена деревянной, бѣлой перегородкой, за которой стоитъ большая, связанная веревками, кровать. Изъ «спальни» узкій проходъ ведетъ въ темную кухню, гдѣ за единственнымъ столомъ, среди всякаго кухоннаго хлама и гнилыхъ обрѣзковъ кожи, орудуетъ жена Исаака, Двоя. Въ «первой» комнатѣ, гдѣ работаетъ Исаакъ, у стѣны стоитъ диванъ обтянутый черной клеенкой; надъ диваномъ виситъ вдѣланный въ деревянную съ позолотой раму «аттестатъ» хозяина. Въ углу стоитъ покосившійся шкафъ, и рядомъ висятъ стѣнные, деревянные часы, съ росписнымъ циферблатомъ и порыжѣвшими тяжелыми гириями. Вотъ и вся обстановка нашего грошевого сапожника.

Медленно, однообразно, но вѣчно стучить длинный, желѣзный маятникъ; медленно, однообразно, но вѣчно ходить за нимъ его тѣнь по стѣнѣ. На полу разбросаны молотки, кожа, старая обувь; въ надтреснутомъ горшечкѣ на подоконникѣ горячій клей. Тамъ растянулась сѣрая кошка съ котятами, тутъ въ обрѣзкахъ кожи роется зашедшая изъ кухни грязная курица. Вдругъ изъ-за перегородки выскакиваетъ общипанный пѣтухъ, останавливается среди комнаты, грозно осматривается кругомъ и, замахавъ крыльями, безъ всякаго стѣсненія оретъ во всю глотку... А за столикомъ, въ это время, все работаютъ, все шьютъ и шьютъ; имъ некогда развлекаться, если они сегодня еще хотятъ хоть чѣмъ нибудь наполнить свой отоцавшій желудокъ...

Но вотъ утомленный и вспотѣвшій Исаакъ откладываетъ на минуту въ сторону сапогъ, чтобы перевести духъ. Разогнувъ спину, выпрямивъ впалую грудь, на которой, не исчезая, красуется надавленное сапогомъ круглое, красное пятно, онъ чихаетъ и звучно плюетъ тоненькой струей въ сторону; пѣтухъ испугался, отскочилъ и скрылся за перегородкой. Собрать ключья своей бороды, сѣдой и жесткой какъ щетина, Исаакъ громко вздыхаетъ и смотритъ черезъ окошечко. На улицѣ жарко, воздухъ удушливый. У порога, подъ палящими лучами

солнца, въ изорванной ситцевой рубашенкѣ валяется въ пыли годовой ребенокъ Исаака. По улицѣ раздается стукъ колесъ.

— Двоя, а Двоя! Гдѣ ты тамъ вѣчно копаешься, чтобъ тебя чортъ забралъ! Вонъ, иди, любуйся, дитя на улицѣ! Бдутъ! Что же, тебѣ хочется, чтобы его переѣхали? Двоя, а Двоя! кричить Исаакъ.

Изъ кухни, вся растрепанная, испачканная мучною пылью, выбѣгаетъ Двоя и бросается къ дверямъ.

— Ну а ты?!—сердито проговорила Двоя, возвратясь съ ребенкомъ на рукахъ.—Ты боишься подняться, чтобъ ребенка взять въ комнату... Надорвешься?!

Низенькая, круглая, лѣтъ тридцати восьми, Двоя была изъ бойкихъ евреекъ-торговокъ. Она занималась продажей куръ, яицъ и т. п., чѣмъ вносила въ семейство извѣстную «помочь». Характеръ по отношенію къ мужу она проявляла строгій, властительный. «Онъ у меня, старая кость, въ рукахъ! Съ такими старыми чертами нужно знать, какъ жить! Меня учить не нужно!» говорила она. Рѣзкій, молодой еще голосъ ея не разъ осаживалъ почему либо расходившагося старика.

— Ты же видишь, что я занятъ! я гуляю, что ли? Вѣдь я работаю! Есть у меня время смотрѣть за ребенкомъ! Мое это дѣло? Эхъ-хе-хе! хорошая мать, нечего сказать! Хорошо ты смотришь за ребенкомъ! ворчалъ старикъ, всаживая съ раздраженіемъ шпильки, которыя то и дѣло ломались подъ молоткомъ.

— Ну молчи уже, молчи! Ты же знаешь: я вѣдь не очень-то люблю, когда ты такъ разговоришься! Закрой ротъ, если не хочешь, чтобы я его закрыла! доносился изъ кухни голосъ Двояси.

Время уходитъ. Спустившееся солнце уже не такъ жгуче бросаетъ свои лучи въ окошечко сапожника. Работать легче. Потъ начинаетъ исчезать съ морщинистаго лица старика Исаака. Полегче вдыхается ему; а вотъ и сапогъ готовъ; время близится къ обѣду. Обѣдать бы можно, да десятилѣтній сынъ

Исаака, Лейбель, не вернулся еще изъ «хедера». Исаакъ взялъ понюшку-другую табаку, вкусно крикнулъ и, отдыхая, предался думамъ. Церковный колоколъ зазвонилъ къ вечернѣ. По улицамъ потянулись кучки мальчугановъ изъ «хедеровъ». Смотрѣлъ на нихъ Исаакъ сквозь окошечко, сложивъ покойно руки на животѣ, смотрѣлъ—и вдругъ вспомнилось ему его дѣтство, вспомнилось, какъ, будучи мальчикомъ, ходилъ и онъ въ «хедеръ» учиться. Какъ сынъ бѣдняка, какъ забытый оборвышъ, много претерпѣлъ онъ и отъ школяровъ и отъ старика-меламда. почти что даромъ его учившаго. Жутко ему было тогда. Онъ какъ теперь помнить еще свою жизнь въ «хедерѣ». Сидить, бывало, сердитый меламедъ на своемъ деревянномъ табуретѣ и, съ опущенными на носъ оловянными очками, смотритъ въ открытую библию. На дворѣ рѣзвятся школьники; идетъ драка, гвалтъ; несутся жалобы къ сердитому меламду.

— Ребе-а! * взываетъ, утирая слезы, прилично-одѣтый мальчикъ, изъ тѣхъ, которыхъ меламедъ называлъ «отъ благородныхъ родителей благородное дитя».

— Что, что-о?.. Что собачьи головы? Что у васъ опять, а?! спохватывается, какъ ужаленный, старикъ-меламедъ.

— Онъ дерется... онъ *меня* сюда вотъ ударилъ... нараспѣвъ, сквозь слезы тянетъ мальчуганъ.

— Кто?

— Онъ... тамъ...

— Кто же, кто же «онъ»? чортъ васъ возьми, а? бѣсятся меламедъ.

— Ицель...

— Какой Ицель? который? а?!

— Сапожника-а... Ицель...

— Позови его!

Войдетъ, бывало, Исаакъ весь блѣдный. Истрепавшаяся куртка, которую мальчишки еще больше разорвали, виситъ на его худыхъ плечикахъ, рубаха на груди растегнута, а брюки

* Учитель.

изорваны и обнажаютъ грязныя, истрескавшіяся колѣна. Утирая пальцами сопливый, грязный носъ, онъ трясется всѣмъ тѣломъ. Не впервые.

— Поди-ка сюда, собачья голова! поди-ка сюда, поди! грозно шипитъ меламедъ, растопыривъ колѣни и сжимая кулаки.

— Что это такое, а?! Я тебя спрашиваю, что это такое? а? Поди сюда поближе! Ты знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло? Оселъ ты, дуракъ! Много заплатилъ мнѣ твой отецъ-сапожникъ, а? Кажись, безъ гроша учишься! А ты драться!?. Тысячу разъ я тебѣ говорилъ, чтобы ты къ благороднымъ мальчикамъ и близко не подходилъ, а ты... Вонъ!! Сапожникъ и есть!...

И такъ дальше, все въ томъ же родѣ читалъ нотацію меламедъ, сопровождая ее подзатыльниками или взмахомъ ремня. Не разъ этотъ широкій, толстый, сухой ремень полосовалъ худое, голое тѣло Исаака; онъ вздрагивалъ подъ ударами, кусалъ до крови губы, но не плакалъ; плакалъ онъ уже потомъ, забившись подъ школьную скамью. Выплакавшись, онъ утиралъ ладонью слезы, вытѣзалъ изъ-подъ скамейки, и съ грязнымъ отъ размазанныхъ слезъ лицомъ садился за библию. А черезъ часъ онъ уже опять рѣзвился съ тѣмъ же мальчикомъ, изъ-за котораго только что былъ наказанъ. И его опять сѣкли... А во время самого ученія? Боже, какія красныя, круглыя пятна оставляла на его худыхъ щекахъ широкая ладонь сердитаго меламада!

— Чортъ его не возьметъ!—говорилъ меламедъ. --Развѣ ему больно? Лупи сколько влѣзетъ, ничего! Развѣ это мальчикъ? Это колода безчувственная, а не дитя! Сколько ни бьешь, сколько ни лупишь, хоть бы слезинку проронилъ!

Годъ, другой походилъ онъ въ «хедеръ», а потомъ его выгнали, и на этомъ онъ покончилъ свое образованіе. Отецъ тогда же посадилъ его за шитье. Съ самаго воскресенья и до самой пятницы вечера работалъ онъ вмѣстѣ съ отцомъ. Въ пятницу же предъ вечеромъ онъ бралъ подъ мышку чистое бѣлье, кусокъ сѣраго мыла и мочалку и плелся за отцомъ въ «еврей-

скую баню». А послѣ бани онъ съ большимъ молитвенникомъ шелъ за нимъ въ синагогу. Въ синагогѣ онъ, не отвлекаясь, смотрѣлъ въ молитвенникъ вмѣстѣ съ отцомъ, и оба вслухъ молились. Во все время богослуженія въ пятницу вечеромъ и въ субботу утромъ онъ не отходилъ отъ отца, который, какъ бѣдный сапожникъ, занималъ въ синагогѣ мѣстечко въ заднихъ рядахъ, почти у входа, среди такихъ же бѣдныхъ сапожниковъ, портныхъ и прочаго рабочаго люда. Отецъ его съ чувствомъ громко читалъ молитву, а онъ смотрѣлъ на него и учился, какъ нужно «горячо», «увлекаясь», молиться. Святой божій храмъ и горячая душевная молитва сотни евреевъ приводили его, мальчика, въ какое-то умиленное «божественное» настроеніе. Онъ безсознательно чувствовалъ тогда, что дѣлаетъ какое-то «святое дѣло». Чѣмъ-то такимъ особенно торжественнымъ наполнялась молодая душа его. Онъ зналъ только, или лучше ему безсознательно чувствовалось, что онъ молится кому-то Всесильному; не кто это, объ этомъ онъ тогда и не думалъ, да и не старался думать... Кончалось богослуженіе. Евреи расходились по одиночкѣ и кучками. Уходили съ ними и ихъ дѣти. Его же отецъ не «спѣшилъ изъ храма»; онъ любилъ всегда уходить послѣднимъ. Оставался охотно тогда и онъ съ нимъ. А потомъ они тихо, не спѣша, плелись домой. Отецъ его шелъ веселый, довольный сознаниемъ, что Богу принесена «молитва» и, разбирая клочья своей бороды, тихо напѣвалъ себѣ подъ носъ. Онъ и самъ чувствовалъ себя хорошо послѣ субботней молитвы.

— Отецъ,—спрашивалъ онъ, возвращаясь домой и всматриваясь въ его лицо,—скажи, зачѣмъ это молятся?

— Дуракъ! что значить «зачѣмъ»? сердито въ свою очередь спрашивалъ его отецъ.

— Т. е. зачѣмъ, на примѣръ, каждый человѣкъ молится? повторялъ Исаакъ.

— Совсѣмъ ты дуракъ! Ты знаешь, кому человѣкъ молится? а? ну скажи? ну вотъ: кому мы молимся?

— Богу... отвѣчалъ онъ тогда и вспоминалъ при этомъ,

какъ билъ его меламедъ еще «въ хедерѣ», когда объяснялъ, кому люди молятся.

— Ну, хорошо, Богу... ворчалъ отецъ.

— Но зачѣмъ же мы молимся Богу? приставаль онъ.

— «Зачѣмъ»?—пояснялъ отецъ:—а зачѣмъ, чтобы Онъ послалъ намъ работу и пищу, и здоровье для работы. Чтобы было чѣмъ жить; чтобы насъ громъ не убилъ, молнія не сожгла... Понимаешь? Все же отъ Него зависитъ...

Исаакъ опускалъ голову и задумывался. Онъ понялъ тогда... Онъ понялъ, что, находясь въ синагогѣ, онъ долженъ молиться и просить Бога, чтобы Богъ послалъ работу. И онъ просилъ, горячо просилъ и просить до настоящаго дня своей жизни. А бывали иногда такіе горькіе, горькіе дни, когда работы не было. Плохо было тогда. Голодный отецъ вымещалъ на немъ свою злобу. Доставалась ему иной разъ и сильная пощечина. Онъ молча сносилъ, будучи самъ голоднымъ, пропьявшись по морозу на посылкахъ отца,—и уходилъ въ кухню отогревать оконечившіе члены. Кричалъ, ругался голодный отецъ въ другой комнатѣ. Доставалось отъ него и матери. Мать рыдала, а онъ, забившись подъ печку, тоже плакалъ. Жутко было въ эти дни. А потому горячо, ото всей своей дѣтской, искренней души молился Исаакъ по субботамъ въ синагогѣ, чтобы Богъ послалъ работу...

Вечерній звонъ умолкъ; Лейбель явился изъ хедера.

— Двоя! давай обѣдать! крикнулъ Исаакъ, и маленькая семья сапожника усѣлась обѣдать, когда уже на дворѣ наступили сумерки.

— Ну, Лейбель, еще годъ проходишь въ хедеръ, а потомъ, потомъ, сынъ мой, пора и за работу... да и молиться Богу, чтобы онъ посылалъ ее... проговорилъ за обѣдомъ Исаакъ, находясь еще подъ впечатлѣніемъ своихъ воспоминаній.

— «За работу»!—вдругъ передразнила его Двоя—что тебѣ не ждется? Успѣешь «за работу»? строго возразила она.

— Что «успѣешь»? что ты говоришь? Еще не время? Пора

уже кажется... Я вѣдь уже... что я? Дряхль я, старь уже... Сколько проживу еще, Богъ одинъ знаетъ... могу и завтра умереть... что же ты тогда съ нимъ будешь дѣлать? Вѣдь онъ даже не знаетъ, какъ и дратву навошить! Кто же его тогда будетъ учить? ты?... То-то и есть. Надо подумать прежде, а потомъ уже... вознегодовалъ старикъ на жену.

— Ай-ай-ай! ва! Экое-то дорогое дѣло потеряешь твой сынъ! а! Сапожникомъ сдѣлаться! Драгоценность какая, видали!... иронически-злорадно перебила старика Двоя.

— Лучше бы мнѣ, скажи ты...—начала она серьезно,—лучше бы мнѣ Богъ помогъ, чтобы я дождалась, когда онъ уже научится читать и писать, вотъ что! Это было бы для насъ счастье, да! Вотъ хоть бы сейчасъ: еслибъ Лейбель уже умѣлъ читать и писать эту ариметику, такъ Балабановъ-лавочникъ сказалъ, что онъ бы его сейчасъ и принялъ въ лавку! Вотъ скажи,—это я понимаю, это было-бы радостью, счастьемъ, а то важность то какая, а? сапожникомъ дохлымъ сдѣлаться, видали? Да, старый чортъ, можно развѣ жить съ этого человѣку съ семействомъ, подумай—ты? Много ты сотень.... да что сотень? много-ли, спрашиваю я тебя, ты хоть рублей-то зарабатываешь, а? Много? издыхаемъ кажется съ голоду съ тобою, вѣдь еле живешь....

— Конечно.... если.... только и нашелся, что пробормотать старикъ—«Конечно»!—передразнивала его Двоя—нѣтъ, Лейбелю, учись, сынъ мой!—обратилась она ласково къ сыну—не слушайся своего дурака отца. Богъ тебѣ поможетъ, поступишь въ лавку и будешь человѣкомъ! А мальчикъ хлѣбалъ водянистый мутный супъ и молча глядѣлъ въ тарелку.

Пообѣдали и снова сѣли за работу. Двѣнадцать мѣрныхъ ударовъ церковнаго колокола возвѣстили полночь. Загасивъ разбитую, маленькую лампочку, и сотворивъ вечернюю молитву, Исаакъ улегся. Лежить старикъ на полу, закинувъ руку за голову; не спится что то ему сегодня.

— Двоя! обзываетъ онъ шепотомъ жену.

— Ну?! что еще? чуть не крикнула задремавшая уже было Двоя.

— Сейчасъ она и сердится... Чего ты сердишься? я хотѣлъ было два слова тебя спросить....

— Ну что тамъ? говори!

— Ты имѣешь какія нибудь мелкія деньги на завтра, на обѣдъ? а? Я и денежки одной не имѣю... Двадцать разъ я сегодня посылалъ Лейба за деньгами, а онъ мнѣ ни одной копѣйки не принесъ! Просто уже даже жалко ногъ бѣднаго мальчика, сколько ему пришлось бѣгать сегодня.... жалобно и шепотомъ проговорилъ старикъ.

— Ну спи уже, спи! Нечего ночью разговаривать, сердито сквозь сонъ ворчала Двоя.

— Такъ что-же... есть?... повторилъ Исаакъ.

— Есть, есть! Спи уже, наконецъ, сегодня.... Ахъ чтобъ тебя чортъ побралъ, какъ ты спать не даешь! проворчала Двоя, и, перевернувшись на другой бокъ, засвистѣла носомъ...

Откашлявшись еще и простонавъ наконецъ засыпаетъ и старикъ. Но чуть занимается заря, онъ уже опять на ногахъ, и опять садится за работу... Такъ жилъ наибъ сапожникъ Исаакъ съ своимъ семействомъ, жилъ и старѣлся...

Иногда Исаакъ выпивалъ; выпивалъ большею частью послѣ ссоры съ женою. Но онъ пилъ только тогда, когда относилъ работу. Боясь встрѣтиться съ знакомыми евреями, которые удивились бы его пьянству въ такія лѣта и, притомъ опасаясь, чтобы это не сдѣлалось извѣстнымъ Двосѣ, Исаакъ гдѣ-то отыскалъ кабачекъ въ дальнемъ, глухомъ переулкѣ, куда и ходилъ пить. Пробирался онъ туда, обходя предварительно много улицъ. Что онъ находилъ въ своей порціи водки, утѣшеніе ли или забытье—неизвѣстно. Выпьетъ одну, другую, а впослѣдствіи и третью, и четвертую и, наконецъ, и пятую рюмку, закуситъ и скажетъ, широко раскрывая ротъ и собирая морщины на лицѣ:

— А! а! Хорошо, хорошо! Вотъ видите: хорошо! ну до

свиданія, будьте здоровы!—и потомъ заплатитъ, сплунетъ въ сторону и бѣжитъ домой...

А между тѣмъ Двоя не переставала «ѣсть» старика. Укорамъ и ворчанью ея конца не было.

Лейбу минуло уже 14 лѣтъ. Онъ все еще ходилъ въ «хедеръ» въ ожиданіи, пока мать пристроитъ его въ лавку. За работу онъ и не садился: мать настояла на своемъ. Онъ все ходилъ за долгами къ заказчикамъ. Вѣчно его выгоняли, вѣчно ему говорили: «придешь завтра—получишь!» и на завтра опять все то же. Мальчикъ сдѣлался боязливымъ, нервнымъ, все раздражало его; малѣйшее вызывало у него слезы.

— Какое мягкое сердце у нашего Лейба: чуть что и онъ уже плачетъ! говаривала Двоя мужу въ рѣдкіе моменты своего добраго настроенія.

— Совѣмъ не отъ этого—поправлялъ старикъ—онъ просто боленъ, ну и щемитъ его сейчасъ!...

— Боленъ!—тотчасъ же съ укоромъ накидывалась она на старика—ты только говорить умѣешь, хныкать! Вонъ лучше смотри, какъ у него голые пальцы выглядываютъ изъ порванныхъ сапогъ? Это, небось, не твое дѣло? Ты вѣдь отецъ, да еще сапожникъ! Промочить мальчикъ ноги, простудится и, сохрани Богъ, сляжетъ! Вѣдь на немъ мяса нѣтъ, однѣ кости сухія торчатъ! Да-а! что-о?... Молчишь? Вотъ говорить-то ты мастеръ, это я знаю, а чтобы...

Но слова эти рвутъ уже на части больное сердце старика: рѣдко съ нимъ это случается, но онъ не выдерживаетъ и отвѣчаетъ съ сердцемъ:

— Чего ты хочешь отъ меня, чтобы уже меня чортъ забралъ отъ тебя! а? Что ты меня грызешь?! Что, я имѣю и не хочу дать? Ты же видишь, кажется, ты же имѣешь глаза: я вѣдь едва на ногахъ держусь! Я же, кажется, всю свою душу, которую ты у меня уже заѣла, вложилъ въ этотъ несчастный сапогъ! Я еле дышу! Зачѣмъ ты заѣдаешь меня живого? а? За что? Кажется и безъ тебя, и безъ твоихъ горькихъ словъ мое сердце обливается кровью, глядя на моего бѣднаго мальчика!

Да я крѣпче желѣза, если все выдерживаю, а она меня грызеть, да грызеть. Бестія ты, безъ сердца ты, безъ Бога... я старикъ... Что же ты меня мучаешь? «Купи», «сдѣлай!»—на что, изъ чего! Воровать идти? такъ у меня уже руки трясутся, я иголку еле держу въ рукахъ... Такъ чего же, чего ты хочешь? Возьми, разомъ убей меня, только не мучь каждый день!.. «Купи!» «сдѣлай!»—возьми вотъ и продай меня! Ну на-на-же продай, чертовка, продай мои старыя кости!—И старикъ дрожавшими руками рвалъ на себѣ передникъ на груди и протягивалъ его женѣ, точно онъ отдавалъ себя—На, продай, продай... повторялъ онъ ослабѣвшимъ голосомъ.

— Пусть тебя прежде ктонибудь купитъ, злобствовала Двоя.

У старика навернулись слезы; онъ утиралъ ихъ грязнымъ передникомъ.

Двоя вдругъ опомнилась и какъ будто нѣсколько смягчилась; ей становилось жалко старика, но, будучи не въ силахъ поборотъ свою натуру, она продолжала:

— Да, да... слезы.—вотъ это ты имѣешь...

— Перестань! Пусть уже будетъ довольно! Перестань, прошу я тебя! надорваннымъ голосомъ и съ отчаяніемъ въ глазахъ крикнулъ поблѣднѣвшій какъ полотно, Исаакъ.

Двоя не рѣшалась больше ему возражать и молча ушла въ кухню.

Такія и имъ подобныя сцены, повторявшіяся почти ежедневно, все сильнѣе и сильнѣе толкали старика Исаака въ кабакъ. И вотъ чѣмъ дальше, чѣмъ горше текла его жизнь подъ вліяніемъ этихъ сценъ, подъ гнетомъ вѣчной нужды, тѣмъ больше и больше рюмокъ прибавлялъ старикъ къ своей порціи. Но пьянымъ все-таки Исаака никто не видалъ. Пилъ онъ тихо, молча и тихо жгла водка его старое, измученное сердце...

Зима. Снѣгъ бѣлыми широкими простынями растиался по улицамъ. Рѣзко бушевала и свистѣла мятель. На западѣ горѣла огненной широкой лентой зимняя, ослѣпительная заря. Вечерній звонъ соборной церкви раздавался надъ городомъ и волны его замирали въ морозномъ воздухѣ. Кой-гдѣ тянулись по улицамъ деревенскія дровни. Народу на улицахъ было мало: пробѣжить ктонибудь, свернетъ за уголъ, каплянетъ, скроется, затѣмъ опять на улицѣ ни души. Вечерній звонъ умолкъ, горизонтъ побагровѣлъ и синевагья, туманныя сумерки постепенно спустились на окрестность. Въ комнатѣ сапожника Исаака, сквозь узорно-замороженныя стекла окошечка, показался тусклый огонекъ. Самаго Исаака не было дома. За рабочимъ столикомъ сидѣлъ, согнувшись, мальчикъ-подмастерье, и такъ какъ работы никакой не было, то онъ прогонялъ свою скуку, или навощая ненужную дратву, или замгрывая съ «Жулькой», тыча ей шиломъ въ обгрызанное, большое ухо. Жулька невыносимо визжала, что еще болѣе раздражало злившуюся уже и безъ того Двосю. Проклиная судьбу, связавшую ее съ Исаакомъ, она въ продолженіи цѣлаго дня ругалась и ругалась, а къ вечеру, ужъ совсѣмъ озлобленная, въ безсиліи заплакала... Дѣти сидѣли голодныя. Обѣда Двося сегодня не варила, потому что въ домѣ не было ни гроша. Исаакъ еще съ утра ушелъ съ готовыми сапогами и долженъ былъ принести цѣлыхъ четыре рубля, но ужъ и сумерки легли, а его все нѣтъ. Еще бы не заплакать!.. Цѣлый день Двося ждетъ старика, всѣ сидятъ голодныя, а его нѣтъ! Точно утонулъ. Она пошла бы искать Исаака, она уже знаетъ, что онъ попиваетъ, но больной ребенокъ лежалъ въ связанной бичевками люлькѣ и она отъ него не могла уйти ни на минуту. А ѣсть всѣмъ страшно хочется; дѣти приставали, плакали, но получали жестокіе побои отъ раздраженной Двоси. На дворѣ между тѣмъ становилось уже совсѣмъ темно. Двося сидѣла надъ люлькой и раздумывала.

— Что же это значить? Куда же его чортъ унесъ! — мысленно восклицала она. — Съ самаго вѣдъ утра!.. большое дитя

въ люлькѣ, другія дѣти голодны! Я голодна, какъ собака, а его чортъ забралъ! Боже-Боже! мука, а не жизнь!..

Голодная семья ждала отца, который долженъ былъ принести деньги, чтобы утолить ея голодь. Гдѣ-же Исаакъ? Куда пропалъ еле двигающийся дряхлый старикъ въ эту стужу? Гдѣ-же онъ, держащій въ голодѣ всю семью въ продолженіи цѣлаго дня?..

Рядъ предшествовавшихъ сценъ, въ родѣ вышеописанной, со слезами, а иногда и съ дракой, то изъ за сапоговъ, которыхъ нельзя было спить мальчику, то изъ-за обѣда, то изъ-за куска хлѣба—принялъ въ послѣдніе дни такой острый характеръ, что довелъ старика Исаака до совершеннаго остервененія. И вырвавшись изъ дому и попавъ въ свой завѣтный кабачекъ, онъ на этотъ разъ вмѣсто пяти рюмокъ выпилъ цѣлыхъ двѣнадцать.

Скверно, очень скверно было у Исаака на душѣ въ то утро, когда онъ, хлопнувъ дверью, въ своемъ дырявомъ пальтишкѣ ушелъ съ сапогами подъ мышкой изъ дому. Прозябши до костей, онъ, очутившись затѣмъ въ кабакѣ, въ какомъ-то забытьи сталъ выпивать залпомъ рюмку за рюмкой, сразу опьянѣлъ и вышелъ изъ кабака, не сказавъ даже курносому цѣловальнику своего обычнаго: «а! а! хорошо! ну, до свиданія!» и вышелъ пошатываясь.

— Видите, съ тѣхъ поръ какъ онъ у меня пьетъ, я въ первый разъ вижу его опьянѣвшимъ, ей Богу! — указалъ на него цѣловальникъ другимъ своимъ завсегдатаямъ, когда Исаакъ скрылся за дверью.

Исаакъ вышелъ на улицу, глаза его начали затягиваться какой-то туманной пеленой, а окружающіе предметы заколыхались вокругъ него. Онъ тихо пошелъ и вдругъ остановился у каменнаго забора. Голова у него не держалась на плечахъ. Водка начинала его сильно разбирать; слезы застывали на холодныхъ, морщинистыхъ щекахъ. Морозъ пробиралъ его насквозь и зубы его стучали. Силы оставляли старика. Но вѣдь ему нужно же идти домой: это онъ знаетъ. Онъ знаетъ, что

его ждуть; ему непремѣнно нужно идти домой. Да и холодный вѣтеръ рѣжетъ его старческія щеки. Попробовалъ Исаакъ пойти, но дряхлыя ноги подкашивались. Но онъ все таки пошелъ, и вдругъ опять остановился. Голова совершенно упала на грудь, глаза неустанно слезились. Къ ногамъ его наметало снѣгу, пальцы мерзли. Вдругъ Исаакъ нагнулся, полѣзъ руками въ карманы пальто. Долго рылся онъ, нагибаясь всѣмъ корпусомъ, то въ лѣвую сторону, то въ правую. Обернулся и назадъ лицомъ и все продолжалъ рыться. Его обсыпало уже снѣгомъ, трескучій морозъ началъ щипать ему его дряхлыя руки, а онъ все продолжалъ искать...

Исаакъ потерялъ деньги, тѣ деньги, которыхъ ждала го-
лодная семья.

— «Ахъ чертъ тебя возьми! Гдѣ же деньги?...» Въ глазахъ старика помутилось. Къ сильному дѣйствию водки примѣшалось страшное сознаніе безпомощности. Морозъ сковывалъ старика, но онъ все еще стоялъ на одномъ мѣстѣ. На улицѣ не было ни души; одна лишь снѣжная мятель кружилась по ней. Вдругъ онъ нагнулся и окоченѣвшими уже пальцами глубоко зашарилъ въ снѣгу. «Нѣту!» точно молотомъ стукнуло въ его головѣ. «Потерялъ!» Исаакъ поднялся, вяло стряхнулъ снѣгъ съ окоченѣвшихъ рукъ и остановился, неподвижно упершись мутными глазами въ даль улицы... Двѣ слезинки дрожали на его рѣсницахъ и упали... «Нужно-же идти домой... дѣти ѣсть хотятъ... Гдѣ-же онѣ? Вѣдь я никогда кажется не терялъ!» несвязно думалъ онъ, а въ это время замораживался у старика мизинецъ лѣвой ноги. «Боже же мой!! Не можетъ быть, чтобы я потерялъ... вѣдь я... вотъ... въ этомъ карманѣ»... и онъ опять сталъ шарить въ карманахъ. А водка разбирала все больше и больше старика. Мысли у него путались... Потомъ онъ уже не сознавалъ, зачѣмъ стоитъ тутъ и не идетъ домой. Онъ высвободилъ ногу изъ образовавшагося вокругъ него сугроба и пошелся. Прошелъ шаговъ пять и снова сталъ. Хотя смутно, но онъ все таки чувствовалъ, что есть что-то такое ужасное, не дающее ему смѣлости пойти домой, согрѣть окоченѣвшіе

члены. Онъ обернулся и поплелся обратно искать «потерянное»... Потомъ онъ уже рылся гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ въ снѣгу, потомъ пошелъ отыскивать свой кабачокъ, гдѣ вышилъ, но не могъ найти его; потомъ... потомъ голова его сдѣлалась еще тяжелѣе и онъ бродилъ, самъ не зная гдѣ и зачѣмъ...

Въ комнаткѣ сапожника было тихо. Двоя сидѣла у люльки и грустно раздумывала. Она начинала опасаться, не случилось ли чего съ старикомъ. Разбитая, маленькая лампочка коптилась и слабо освѣщала комнату. На улицѣ погода разыгрывалась все сильнѣе и сильнѣе. Около дверей, окошка и въ трубѣ вьюга пѣла свои заунывные пѣсни. Голодные дѣти въ тщетномъ ожиданіи отца заснули, гдѣ кто могъ. Двоя продолжала сидѣть у люльки и совершенно терялась въ мысляхъ и предположеніяхъ... Комнатную тишину какъ-то печально нарушалъ однообразный мягкій стукъ качающейся люльки. Вдругъ по мерзлomu окошечку медленно задвигалась тѣнь человѣка, затѣмъ раздалися шаги по хрустящему снѣгу. Черезъ минуту двери распахнулись, струя мерзлаго пара ворвалась въ комнату, пламя лампочки заколебалось и сильно закоптило, на порогѣ предстала бѣлая, вся въ снѣгу, фигура старика-сапожника.

— О! хозяинъ!... обрадованнымъ голосомъ вскрикнулъ сучавшій и томившійся, какъ и вся семья, подмастерье.

— Уже! Пришелъ! Наконецъ! вслѣдъ за нимъ крикнула также Двоя, выбѣжавъ изъ «спальни» и оставивъ качающуюся люльку. Она готова была немедленно накинуться на старика, но видъ его ужаснулъ ее. Она въ ужасѣ отскочила отъ него. Передъ нею стоялъ согбенный, дрожавшій отъ холода старикъ, обсыпанный съ ногъ до головы снѣгомъ. Борода и большія брови были покрыты инеемъ, съ усомъ спускались замороженные сосульки, а съ багроваго кончика носа текли потоки. Съ рукавовъ; спины и брюкъ талый снѣгъ падалъ каплями на полъ, образуя лужи воды. Старикъ неподвижно стоялъ въ дверяхъ и бессмысленно смотрѣлъ на жену.

— Ицель! обозвала его Двоя. Она не могла прійти въ

себя. И жалость, и злоба смѣшались и вмѣстѣ заговорили въ ней.

— Ицель!.. бессмысленно во второй разъ обозвала она мужа и подошла къ нему ближе, чтобы разглядѣть лучше его лицо.

— Двоя-а!.. хрипло пробормоталъ старикъ.

— Ицель! что съ тобой? — Двоя дернула старика за рукавъ; Исаакъ пошатнулся. — Гдѣ ты былъ?.. Цѣлый день?..

— Двоя-а!.. опять хриплымъ голосомъ бессмысленно пробормоталъ старикъ.

— Что такое?... теряясь, восклицала Двоя, оглядывая старика. — Гдѣ ты былъ цѣлый день? Что ты бормочешь? Скажи, гдѣ ты былъ?

— А?!.. Исаакъ широко раскрылъ ротъ и запахъ водки коснулся Двоя.

— Пьянь!.. Такъ я и знала!.. О, Богъ мой, Богъ мой! А! Цѣлый день... Цѣ-лый день все семейство издыхаетъ съ голоду!.. А онъ... онъ то что?... Старикъ, сѣдые волосы на головѣ... стыдись!.. Исаакъ пошатываясь, подошелъ между тѣмъ къ дивану и упалъ на него.

— Что же это такое! Что ты легъ? Гдѣ ты былъ, я тебя спрашиваю?!.. Старикъ лежалъ и молчалъ. Онъ зналъ, что ему нечего говорить. Сердце у него болѣзненно сжималось, изъ глазъ текли слезы. Онъ лежалъ не раздѣвшись, въ мокрой своей одеждѣ. Руки и ноги у него уже отходили, но въ замороженномъ мизинцѣ онъ только теперь ощутилъ жгучую боль. Двоя остановилась передъ нимъ, скрестивъ руки на груди. Молчаніе старика ее страшно озлобляло.

— Что ты легъ, я тебя спрашиваю? Нароботался цѣлый день? Отдыхаешь!... язвительно приставала она къ нему. Старикъ молчалъ.

— Я же тебя спрашиваю?! Ицель!... Душегубецъ мой! Ты вѣдь всю семью по міру пустишь!... Отвѣчай мнѣ, я тебѣ говорю!... Старикъ закрылъ лицо руками и продолжалъ мол-

чать... Это наконецъ уже совсѣмъ взбѣсило Двосю. Она бросилась на него съ сжатыми кулаками.

— Разбойникъ, варваръ ты! Отвѣча-ай! отвѣча-ай! неистово взвизгнула она сквозь слезы.

— Что я тебѣ отвѣчу? Ну что-о... ну что? болѣзненно простоналъ испуганный Исаакъ. Онъ поднялся и сѣлъ.

— Гдѣ ты былъ? Гдѣ деньги?

— Потерялъ!

— Что значитъ «потерялъ?»

— Такъ... только и могъ отвѣтить старикъ.

— «Потерялъ!» язвительнымъ, дрожащимъ голосомъ повторила Двося... Прошилъ, а не «потерялъ!» Прошилъ, чтобъ съ тебя ужъ кровь пили, прошилъ то, на что твои дѣти должны были накормиться!.. а? ну?.. Можно выдержать?.. Можно-ли жить, можно-ли жить? а?... О, Богъ мой, вѣчный, милосердный Богъ мой! Зачѣмъ ты далъ мнѣ жизнь?... Для чего я живу-у?.. не нужно мнѣ, къ чему мнѣ: возьми мою жизнь, возьми и не мучь меня съ моими маленькими дѣтьми... Двося плакала навзрыдь.

— Лежишь! Лежишь... А вонъ смотри дѣти... твои собственные дѣти издыхаютъ съ голода! Смотри, любуйся! отецъ... пьяница!.. а?... Нѣтъ, нѣ-ѣтъ! Лучше-бы я засохла въ утробѣ матери, чѣмъ родиться на такую жизнь! На такую ужасную, каторжную жизнь! Богъ мой, Богъ мой... возьми меня, возьми! я мать маленькихъ несчастныхъ дѣтей, пожалѣй меня!.. Не мучь меня... Боже, сердце разрывается... ноги не держатъ... Хотя ты, ты, отецъ мой, отзовись изъ гроба на мой зовъ!.. Ты тоже былъ сапожникомъ, ты не морилъ насъ, дѣтей твоихъ...

— Двосиню?! Невыразимыя муки глубокаго раскаянія съ ужасной силой заговорили въ старикѣ.

— Двосиню! Жена моя! Жизнь моя!.. —взмолился онъ;— На, бей меня, убей меня! Бей какъ самаго маленькаго ребенка! Сѣки, рви... На части рви меня! я стою... я старъ... я помѣшался... я съумасшедшій... не нужно мнѣ! Лучше бей, бей меня!.. Я

губитель, дѣтямъ ѣсть не даю, дѣти мои, дѣ-ѣти... идите бейте меня... зови... пусть всѣ... всѣ бейте меня! Бейте, убейте, разомъ всѣ-ѣ... всѣ-ѣ!!.. Старикъ упалъ и растянулся. Съ нимъ сдѣлался сильный обморокъ. Шапка слетѣла съ головы; лицо посинѣло и исказилось; глаза сперва закатились, затѣмъ закрылись и на лбу выступилъ холодный потъ.

Старикъ раза два вздрогнулъ, когда Двоя его обрызгала водой. Безумно блестящія глаза его убили въ ней всю ея злобу.

— Встань, Ицель... тихо и ласково будила она его, стараясь привести въ чувство. Старикъ открылъ глаза.

— Встань, Ицель... встань... Не я виновата, не я... наша жизнь... ѣсть нечего... цѣлый день дѣти голодали, плакали... Прости... что же мнѣ дѣлать, кара Божья... прости... Двоя тихо плакала, держа руку старика. Жалость, безконечная жалость къ мужу-старикѣ сжимала ея сердце... Проснулись дѣти и заплакали; подмастерье утирала слезы и изъ люльки доносился плачь больного малютки...

Все это было уже черезъ чуръ сильно для дряхлаго старика—и онъ слегъ совсѣмъ. Его отвезли въ больницу. Онъ хотя и выздоровѣлъ и опять сѣлъ за работу, даже бросилъ пить, но здоровье уже окончательно было подпошено.

Канунъ еврейскаго праздника Пасхи. Солнце давно уже закатилось. Еврейскія лавки давно были закрыты; еврей кучками потянулись въ синагогу. Изъ всѣхъ оконъ еврейскихъ домовъ свѣтились огни множества свѣчекъ, красиво вставленныхъ въ вычищенные подсвѣчники. Еврейскія жилища, всѣ безъ исключенія, приняли праздничный видъ; вездѣ вымыто и вычищено: вездѣ ново и бѣло. Богатый или бѣдный, всякій въ этотъ святой, великій вечеръ чувствуетъ себя свѣжимъ, довольнымъ, хорошимъ, честнымъ. Всякій еврей принимаетъ выраженіе какой-то особой праздничной серьезности. Въ домахъ спокойно, тихо; все накрыто бѣлымъ бѣльемъ, вездѣ опрятно и чистенько. Чистенько и опрятно въ бѣдной лачугѣ сапож-

ника Исаака Вейхермана; праздникъ и у него. Только плохо уже себя чувствуетъ Исаакъ. Блѣдно, измучено его лицо; жалобно смотрять мутные глаза, руки дрожать, а изъ груди, изъ впалой придавленной груди, раздается сухой мучительный кашель; онъ лежитъ на диванѣ, одѣтый въ чистое бѣлье, и, прижимая руки къ груди, стонетъ. Какъ больно, старчески хрипло стоналъ онъ еще вчера, когда заказчикъ спросилъ себѣ ботинки.

— Д-да-а, д-да-а! Готовы, готовы, любезный, стоналъ онъ, поднимаясь съ дивана, болѣзненно кряхтя и направляясь къ шкафу. Каждое движеніе, каждый шагъ стоилъ ему страданій...

Но это былъ уже послѣдній его разговоръ съ заказчикомъ. Черезъ два дня онъ лежалъ на полу подъ чернымъ покрываломъ. Наконецъ онъ успокоился, умокъ и разстался съ своимъ сапогомъ. Желтая, сморщившаяся кожа охватила сухія кости; губы посинѣли и вытянулись; глаза ввалились глубоко подъ сухой лобъ: грудь иссохла, упала и обнажила ребра, та грудь, къ которой сапожникъ такъ сильно прижималъ сапогъ въ теченіи всей своей жизни.

Передъ смертью онъ подозвалъ къ себѣ сына и сказалъ ему.

— Ты спрашивалъ меня, Лейбель—что значитъ молиться? Это значитъ—просить у Бога работы! На этомъ онъ смолкъ...

Богъ знаетъ, что думалъ, говоря это, умирающій старикъ; можетъ быть въ это время въ его воспоминаніи вставали картины его юной, рабочей жизни...

А. Чудновскій.

СВѢТЛЫЯ ТОЧКИ ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ МРАКѢ.

Въ жизни народовъ, точно также какъ и въ жизни отдѣльныхъ личностей, наблюдается постоянная смѣна свѣта и тѣни—въ самыхъ разнообразныхъ и неожиданныхъ сочетаніяхъ. На солнечномъ дискѣ государственнаго организма выступаютъ иногда, болѣе или менѣе явственно, темныя пятна, представляющія собой мѣста этого диска, еще не заполненныя свѣтомъ. По мѣрѣ того какъ свѣтъ, побѣждая тьму, расширяетъ сферу своего владычества, пятна эти снова исчезаютъ, хотя и не вдругъ, а въ нѣкоторой постепенности. Въ исторіи еврейскаго народа проявляется подобное же, въ высшей степени замѣчательное, смѣшеніе свѣта и тѣней. Еще одинъ изъ средневѣковыхъ ученыхъ весьма мѣтко замѣтилъ, что униженіе, которому евреи подвергаются въ какомъ либо одномъ государствѣ, всегда вознаграждается возвеличеніемъ ихъ въ другомъ. Справедливость этого замѣчанія подтверждается съ самой неопровержимой достовѣрностью также и въ настоящее время.

За послѣднія нѣсколько недѣль надъ еврействомъ нависло столько мрачныхъ тучъ и густыхъ тѣней, что весьма утѣшительно и пріятно встрѣтить одновременно также и нѣкоторыя свѣтлыя явленія.

Въ то самое время, когда въ Германіи и въ Россіи евреи подвергались враждебнымъ преслѣдованіямъ, когда тысячи еврейскихъ семействъ, лишившись всего имущества, доведены до

нищенской сумы, заставляющая въ Парижѣ международная монетная конференція выдвинула впередъ одного изъ послѣдователей іудейской религіи и привлекла на него общее вниманіе. Выѣстъ съ тѣмъ въ австрійской столицѣ признаны самымъ почетнымъ образомъ заслуги еврея на поприщѣ общественной и политической дѣятельности, а въ Италіи еврей назначенъ на одну изъ высшихъ государственныхъ должностей.

Такія свѣтлыя явленія имѣютъ несомнѣнно весьма важное значеніе, а потому заслуживаютъ общаго вниманія. Съ одной стороны они неоспоримо свидѣтельствуютъ о торжествѣ разума надъ предрасудками, а съ другой разсѣваютъ предубѣжденіе противъ евреевъ, возбужденное за послѣднее время опять съ новою силою. Выѣстъ съ тѣмъ они содѣйствуютъ также къ упроченію въ самихъ евреяхъ чувства любви къ отечеству и побуждаютъ послѣдователей іудаизма съ большимъ, чѣмъ когда либо, рвеніемъ исполнять общія гражданскія свои обязанности.

Личности, непосредственно подавшія поводъ къ свѣтлымъ явленіямъ, о которыхъ мы считаемъ долгомъ распространиться нѣсколько подробнѣе, дѣлаютъ честь, какъ государствамъ, гражданами которыхъ они состоятъ, такъ и всему вообще еврейству. Это—Мориць Леви, Игнатій Куранда и Луиджи Луццатти.

I.

Государственный совѣтникъ Мориць Леви.

Леви родомъ датчанинъ.

Въ Даніи евреи уже болѣе ста лѣтъ пользуются всѣми гражданскими и политическими правами. Еще при королѣ Христіанѣ IV даровано было нѣкоторымъ евреямъ право гражданства, и уже при Фридрихѣ IV многіе изъ нашихъ единовѣрцевъ занимали важныя должности въ государственной службѣ. Хотя также и въ Даніи, (правда уже 63 года тому назадъ), былъ возбужденъ еврейскій вопросъ, но онъ отличался отъ подобнаго же вопроса въ Германіи и другихъ государствахъ условіями, при которыхъ шло общее его развитіе. Въ Даніи

мы встрѣчаемъ въ спискѣ наиболѣе энергическихъ борцевъ за права еврейскаго народа много выдающихся христіанскихъ именъ, въ числѣ которыхъ есть пасторы, епископы и члены государственнаго совѣта. Весьма характеристическимъ фактомъ, свидѣтельствующимъ о вѣротерпимости датчанъ, можетъ служить слѣдующее замѣчательное заявленіе, сдѣланное около 50 лѣтъ тому назадъ въ датскомъ парламентѣ однимъ изъ весьма выдающихся представителей мѣстнаго духовенства. Онъ сказалъ въ засѣданіи рейхсрата: «Было время, когда евреи не допускались ни къ какимъ занятіямъ, кромѣ торговли; тогда всѣ были убѣждены, что они единственно лишь къ ней и пригодны. Время это минуло именно тогда, когда имъ была предложена возможность свободной гражданской дѣятельности. Теперь мы видимъ, что послѣдователи іудейской религіи занимаютъ почетное мѣсто въ спискахъ земледѣльцевъ, помѣщиковъ, художниковъ и ученыхъ».

Благодаря правамъ, которыми пользуются въ Даніи евреи, ставящіе себѣ съ своей стороны за честь быть истыми датчанами, они особенно отличаются успѣхами, какъ въ научной, такъ и въ практической дѣятельности на пользу датскаго своего отечества. При всемъ этомъ датскіе евреи хранятъ во всей строгости вѣру своихъ предковъ, какъ въ этомъ легко убѣдиться каждому, кто въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени будетъ имѣть случай прожить въ Копенгагенѣ.

Леви родился 16-го ноября 1824 года въ столицѣ Даніи. Отецъ его, обладавшій довольно скромнымъ достаткомъ, былъ купецъ и подготовлялъ своего сына также къ торговой дѣятельности. Молодой Леви посѣщалъ сперва высшее реальное училище, а затѣмъ, на пятнадцатомъ году отъ роду, поступилъ въ торговый домъ на островѣ Санта-Круцѣ (одномъ изъ принадлежащихъ Даніи вестъ-индскихъ острововъ). Вскорѣ однако онъ убѣдился, что не можетъ приобрѣсти тамъ надлежащаго коммерческаго образованія и два года спустя вернулся опять на родину. Пробывъ короткое время въ родительскомъ

домѣ, Морицъ Леви уѣхалъ въ Гамбургъ, гдѣ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ состоялъ на службѣ въ торговомъ домѣ Л. Берендса, пользующемся всемірной извѣстностью. Стремленіе къ самостоятельности побудило его на 23 году отъ рожденія снова отправиться въ Вестъ-Индію—на этотъ разъ на островъ Св. Оомы, гдѣ, какъ мы кстати замѣтимъ, существуетъ довольно значительная еврейская община. Поселившись на этомъ островѣ, онъ занялся тамъ коммерческими оборотами за собственный счетъ. Кризисъ, разразившійся въ 1848 году, оказалъ подавляющее вліяніе на вестъ-индскую торговлю, и вслѣдствіе того Леви вынужденъ былъ отказаться отъ плановъ своихъ на будущее и вернуться въ Копенгагенъ.

Датское королевство вело тогда войну съ Германіей, торговля совершенно остановилась, и Леви, чтобъ прискать себѣ занятіе, былъ вынужденъ поступить на государственную службу. Онъ получилъ административное назначеніе въ Шлезвигъ, имѣвшее въ слѣдствіи рѣшительное вліяніе на всю его дальнѣйшую карьеру. Два года спустя Леви былъ уже уполномоченнымъ представителемъ Шлезвига въ датскомъ министерствѣ финансовъ. Тамъ онъ сумѣлъ заслужить довѣріе тогдашняго министра графа Споннека, много содѣйствовавшаго реформѣ датскихъ финансовъ. Благодаря этому обстоятельству, Леви былъ назначенъ въ 1853 году въ Альтону на вновь учрежденную должность агента королевскаго монетнаго двора. Состоя въ этой должности ему удалось заключить за счетъ датскаго правительства нѣсколько весьма важныхъ финансовыхъ операций и въ награду за успѣшную свою дѣятельность онъ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена Даннеброга.

Четыре года спустя открылся для Леви другой, болѣе широкій кругъ дѣятельности.

Во время торговаго кризиса 1857 г., отразившагося на Даніи съ такою же силою, какъ и на всей остальной Европѣ, значительно пострадалъ, между прочимъ, и датскій національный банкъ въ Копенгагенѣ. Леви былъ тогда приглашенъ завѣдывать дѣлами этого банка, а съ 1861 г. официально ут-

верженъ тамъ въ должности короннаго директора. Стоя во главѣ національнаго датскаго банка, Леви обратилъ преимущественное вниманіе на регулированіе металлическаго денежнаго обращенія. Онъ настаивалъ на необходимости введенія въ скандинавскихъ государствахъ общей системы счета на золото и вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовалъ ввести въ Даніи десятичную монетную систему. Въ теченіи какихъ нибудь трехъ съ половиною лѣтъ ему удалось вполне осуществить всѣ эти реформы. За эти заслуги датскій король назначилъ Леви командоромъ ордена Даннеброга. Вскорѣ послѣ того шведское правительство пожаловало ему командорскіе знаки ордена Сѣверной Звѣзды.

Государственный совѣтникъ Морицъ Леви назначенъ представителемъ Даніи на международной парижской монетной конференціи, гдѣ его опытность и таланты уже оцѣнены по достоинству.

II.

Игнатій Куранда.

Куранда является одновременно государственнымъ дѣятелемъ и евреемъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Біографія его тѣсно связана съ исторіей Австріи за послѣднія десятилѣтія. Имя Куранды, если можно такъ выразиться, представляетъ цѣлую политическую программу.

Куранда родился въ злополучномъ 1811 году въ Прагѣ. Его отецъ былъ человѣкъ довольно бѣдный, но весьма благочестивый, торговавшій старинными книгами. Будучи самъ хорошо знакомъ съ талмудомъ, старикъ Куранда заставилъ своего сына также изучить библію и талмудъ, но книги, находившіяся въ лавкѣ отца, вскорѣ заинтересовали молодого Куранду несравненно болѣе талмуда, занятіе которымъ опротивѣло ему вслѣдствіе грубаго обращенія со стороны учителя. Игнатій Куранда читалъ очень много и самыя разнообразныя вещи безъ всякаго выбора и руководителя. Такимъ образомъ, благодаря блестящимъ способностямъ, ему удалось пріобрѣсти замѣчательныя познанія, хотя, строго говоря, онъ

нигдѣ и ничему не учился. Стремленіе обогатить себя дальнѣйшими знаніями побудило его оставить Прагу. Двадцати трехъ лѣтъ отъ роду Куранда переѣхалъ въ Вѣну, гдѣ познакомился съ кружкомъ тогдашнихъ поэтовъ—Ленау, Кастелли, Грильпарцеромъ, Анастасіемъ Грюномъ и др. Самъ Куранда въ этомъ кружкѣ нерѣдко также бряцалъ на лирѣ. Неутомимо работая надъ собственнымъ дальнѣйшимъ образованіемъ, Куранда занялся также и журналистикой. Онъ поступилъ сотрудникомъ въ художественно-литературную газету «Телеграфъ», гдѣ писалъ художественныя рецензіи, фельетоны изъ вѣнской жизни и т. п. Въ то же время онъ дебютировалъ какъ драматическій писатель трагедіей «Послѣдняя Бѣлая Роза», мотивомъ для которой послужилъ Шиллеровскій отрывокъ «Варвикъ». Трагедія эта произвела большой фуроръ въ южной Германіи и была встрѣчена въ высшей степени благопріятно также и вѣнской публикой.

При тогдашнихъ условіяхъ Курандѣ не было повода особенно долго оставаться въ Вѣнѣ. Онъ отправился въ Германію и послѣдовательно посѣтилъ Іену, Штутгардъ и Тюбингенъ, гдѣ вступилъ въ дружескія отношенія съ Давидомъ Штраусомъ, церковнымъ историкомъ Гфререромъ, съ Уландомъ, графомъ Александромъ Вюртембергскимъ и книгопродавцемъ Коттою. По порученію Котты онъ посѣтилъ въ 1838 г. Парижъ. Въ бытность свою во французской столицѣ Куранда приобрѣлъ замѣчательно вѣрный взглядъ на политическія событія, которымъ съ тѣхъ поръ постоянно отличался. Вскорѣ послѣ того онъ поселился въ Брюссель, гдѣ нѣмецкая колонія и весь дворъ короля Леопольда съ интересомъ слѣдили за его лекціями по нѣмецкой литературѣ, что доставило ему возможность основать газету «Grenzboten», предназначавшуюся для установленія духовной связи между Бельгіей и Германіей, между германской и латинской расою.

Въ непродолжительномъ времени Курандѣ пришлось оставить Брюссель. Онъ переѣхалъ въ Лейпцигъ и продолжалъ издавать тамъ свой «Пограничный Вѣстникъ»—литературную и

политическую газету, въ которой стали вскорѣ сотрудничать люди, занимавшіе самое высокое общественное положеніе: князья, графы, бароны, ученые и поэты. Вскорѣ газета Куранда приобрѣла серьезное политическое значеніе.

Въ достопримѣчательные мартовскіе дни 1848 г. Куранда вернулся на родину и въ маѣ того-же года поѣхалъ въ Франкфуртъ на Майнѣ представителемъ города Теплица въ германское Національное Собраніе. Тамъ онъ присоединился къ велико-германской партіи и высказывался противъ исключенія Австріи изъ числа германскихъ державъ.

Убѣдившись въ безцѣльности франкфуртскихъ парламентскихъ преній, Куранда вскорѣ вернулся въ Вѣну и основалъ тамъ «Восточно-Германскую почту», многіе изъ сотрудниковъ которой приобрѣли впослѣдствіи литературную извѣстность. Куранда держался долгое время вдалекѣ отъ непосредственной политической дѣятельности и лишь въ 1861 году вступилъ снова на парламентское поприще представителемъ самаго интеллигентнаго изъ австрійскихъ избирательныхъ округовъ, а именно столичнаго вѣнскаго округа сперва въ ландтагѣ, а затѣмъ въ имперскомъ Рейхсратѣ. Послѣ того Куранда въ продолженіи цѣлыхъ 10 лѣтъ постоянно избирался представителемъ города Вѣны въ австрійскомъ парламентѣ. Засѣдая въ Рейхсратѣ, онъ имѣлъ неоднократно случай проявить блестящія ораторскія свои способности. Рѣчи его, подобно его письменнымъ произведеніямъ, отличаются красотой слога и блестящимъ изложеніемъ. За послѣднее время Куранда принималъ выдающееся участіе въ преніяхъ по многимъ весьма важнымъ политическимъ вопросамъ, причемъ нерѣдко голосъ его имѣлъ рѣшающее значеніе.

Не слѣдуетъ забывать, что Куранда былъ всегда ревностнымъ защитникомъ своихъ единовѣрцевъ. Съ величайшей энергіей выступилъ онъ противъ нападокъ Себастіана Бруннера и не усумнился даже возражать съ парламентской трибуны кардиналу, который въ рѣчи своей нападалъ не на евреевъ, какъ отдѣльныхъ личностей, но вообще на іудейство. Впродолже-

ни послѣднихъ десяти лѣтъ Куранда состоитъ предсѣдателемъ вѣнской еврейской общины и ея уполномоченнымъ, какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ дѣлахъ.

Куранда принадлежитъ къ числу самыхъ любимыхъ и популярныхъ личностей въ австрійской столицѣ, муниципальный совѣтъ которой поднесъ ему недавно, по случаю исполнившагося семидесятилѣтія, дипломъ на почетное гражданство. При этомъ случаѣ многія еврейскія общины, а также многіе выдающіеся дѣятели въ Германіи и Австріи, безъ различія вѣроисповѣданій, сочли своимъ долгомъ выразить глубокое свое уваженіе чело-вѣку, долготѣтная дѣятельность котораго является украшеніемъ и славой для его соотечественниковъ и единовѣрцевъ.

По поводу Луиджи Луццати мы скажемъ всего лишь нѣсколько словъ, такъ какъ мы упоминаемъ о немъ довольно обстоятельно въ другомъ, имѣющемъ появиться на страницахъ «Восхода» очеркѣ. Этотъ, сравнительно молодой еще государственный дѣятель (ему теперь всего лишь 40 лѣтъ отъ роду), оказавшій значительныя услуги своему отечеству заключеніемъ торговаго договора между Италіей съ одной стороны и Австріей, Франціей и Швейцаріей съ другой, а также научными своими трудами по политической экономіи, — недавно назначенъ итальянскимъ министромъ торговли. Теперь въ Европѣ трое евреевъ занимаютъ министерскія должности: въ Голландіи — Годафруа, въ Баденѣ — министръ финансовъ Эльштедтеръ и въ Итали — министръ торговли Луццати. Фактъ этотъ самъ по себѣ представляетъ во всякомъ случаѣ отрадное явленіе въ нынѣшнее мрачное для еврейства время.

Д-ръ М. Кейзерлингъ.

Буда-Пештъ
Май 1881 года.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ДОКУМЕНТЫ *.

I.

„ПРОЕКТЪ ОБЪ УСТРОЙСТВѢ ЕВРЕЕВЪ“,

поданный въ 1856 г. Гродненскимъ губернскимъ стряпчимъ
I. К. Козаковскимъ.

При воцареніи покойнаго императора Александра II, подъ предсѣдательствомъ тогдашняго министра государственныхъ имуществъ генераль-адъютанта графа П. Д. Киселева, существовалъ при V отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи особый высшій „Комитетъ для устройства евреевъ“.

Императоръ, воодушевленный самыми возвышенными идеями, искренно желалъ, между прочимъ, и улучшенія быта евреевъ. Киселевъ, въ качествѣ предсѣдателя еврейскаго комитета, доложилъ покойному царю, что „достиженію сліянія евреевъ съ общимъ населеніемъ препятствовали разныя, временно постановленныя, ограниченія, которыя въ соединеніи съ общими законами, содержали въ себѣ многія противорѣчія и порождали недоумѣнія“. Тяготѣвшія надъ евреями стѣсненія графъ Киселевъ вкратцѣ намѣтилъ при этомъ слѣдующими одинадцатью пунктами: а) отсутствіе управления и надзора по дѣламъ вѣры евреевъ; б) пріостановленіе, частными распоряженіями, дѣйствія законовъ объ образованіи евреевъ; в) затрудненія къ опредѣленію на службу евреевъ,

* Въ распоряженіи редакціи нѣются нѣкоторыя весьма любопытныя записки и представленія объ устройствѣ русскихъ евреевъ, которыми она, подъ этимъ общимъ заглавіемъ, по мѣрѣ возможности намѣрена подѣлиться съ читателями.

получившихъ ученыя медицинскія и другія степени; г) раздѣленіе городскихъ обществъ при выборахъ на христіанскія и еврейскія; ограниченія евреевъ: д) въ мѣстахъ жительства и постройкѣ домовъ отдѣльными кварталами и улицами; е) въ приобрѣтеніи земли; ж) въ торговлѣ; з) въ фабричномъ производствѣ; и) въ ремесленной промышленности; к) въ различіи евреевъ отъ прочихъ сословій въ рекрутской повинности и л) въ противорѣчіяхъ между разными статьями свода законовъ. (Журналъ Комитета 31 марта 1856 г.)

Императоръ Александръ II повелѣлъ пересмотрѣть всѣ существовавшія о евреяхъ постановленія, для согласованія ихъ съ общими видами „слиянія сего народа съ коренными жителями, по колику нравственное состояніе евреевъ можетъ сіе дозволить“, для чего предоставилъ министрамъ, участвовавшимъ въ занятіяхъ комитета, составить, каждому по своей части, полныя предположенія о соглашеніи постановленій о евреяхъ, внести эти предположенія въ Комитетъ, для предварительнаго ихъ обсужденія и представленія, потомъ, на Высочайшее усмотрѣніе (5 іюня 1856 г.).

Обо всемъ этомъ сообщено было всѣмъ министрамъ, а они въ свою очередь адресовались за различными свѣдѣніями и мнѣніями къ генераль-губернаторамъ, губернаторамъ и губернскимъ комитетамъ о поселеніи евреевъ западныхъ и юго-западныхъ губерній Россіи.

Обстоятельствомъ этимъ въ числѣ первыхъ воспользовался тогдашній гродненскій губернскій стряпчій І. К. Козаковскій, представившій нижеслѣдующій „Проектъ объ устройствѣ евреевъ“.

«Правительство наше, желая распространить благотѣльное вліяніе образованія на евреевъ, искоренить ихъ предрасудки, улучшить бытъ и уничтожить ихъ вредное вліяніе на христіанъ,—издало много благоразумныхъ постановленій, которыя къ несчастію, по настоящее время, не имѣли того успѣха, который бы отъ нихъ слѣдовало ожидать.

«Вникнувъ подробно въ бытъ нашихъ евреевъ, и сообразивъ

его какъ съ правилами политической экономіи, такъ равно съ положеніемъ евреевъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, нельзя не заключить, что главнѣйшею, если не единственною причиною неуспѣха великихъ цѣлей правительства, есть *ограниченіе мѣстожителѣства* евреевъ нѣсколькими губерніями имперіи и изъ того проистекающее чрезмѣрное скопленіе ихъ въ сихъ послѣднихъ, которое съ одной стороны, давая имъ большую нравственную и матеріальную силу къ неисполненію предписаній правительства, съ другой стороны, дѣлая пропитаніе, путями дозволенными закономъ, *невозможнымъ*, заставляетъ ихъ приобѣгать къ промысламъ, воспрещеннымъ и приносящимъ вредъ правительству и мѣстнымъ жителямъ. Евреи наши-плѣнники предразсудковъ и рутины, переказанной имъ талмудистами, почитаютъ всѣ постановленія правительства, стремящіяся къ уничтоженію этихъ предразсудковъ противными правиламъ ихъ религіи и употребляютъ всѣ усилія, чтобы ихъ не исполнять, къ чему ихъ безчисленныя массы въ однихъ мѣстахъ и проистекающая изъ того физическая невозможность для мѣстныхъ властей имѣть надъ ними надлежащее наблюденіе, даютъ имъ средства. Если же кто нибудь изъ евреевъ, получивъ хорошее образованіе, станетъ выше предразсудковъ своихъ собратій и захочетъ идти согласно цѣли правительства, то онъ дѣлается предметомъ всеобщаго ихъ преслѣдованія, и не будучи въ состояніи выдержать борьбы одного противу тысячъ, — падаетъ жертвой ихъ невѣжества.

«Чтобы понять, какое вліяніе имѣетъ ограниченіе мѣстожителѣства евреевъ на занятія ихъ запрещенными промыслами, довольно взглянуть въ населенные ими города и мѣстечки: въ небольшомъ уѣздномъ городѣ 30—40 портныхъ; 10—20 скорняковъ; 20—30 сапожниковъ; 50 или даже болѣе факторовъ, сотни мелкихъ торговцевъ; откуда имъ достать столько заказовъ, гдѣ найти столько покупателей, чтобы приобрѣсти достаточныя средства къ существованію? Невозможность исполнить постановленія правительства даетъ имъ возможность не исполнять таковыхъ: они провозятъ контрабанду, торгуютъ горя-

чими напитками, занимаются конокрадствомъ, употребляютъ всякаго рода обманы, высасывающіе жизненные соки бѣдныхъ жителей. Тѣсная же между ними взаимная связь и огромное ихъ, въ одномъ мѣстѣ, населеніе, парализируютъ всѣ старанія мѣстныхъ начальствъ искоренить эти беззаконія.

«Послѣ вышесказаннаго, нельзя не заключить, что *лучшимъ средствомъ* для достиженія возвышенныхъ цѣлей правительства, было бы *разрѣшеніе жить евреямъ во всей имперіи*. Эта мѣра, прорѣдивъ евреевъ и этимъ освободивъ ихъ изъ подъ вліянія массъ, проникнутыхъ предрасудками, — дастъ возможность образованію излить на нихъ свои благодѣянія и принесетъ огромную пользу казнѣ, жителямъ какъ великороссійскихъ, такъ равно и западныхъ губерній и наконецъ самимъ евреямъ.

«Начнемъ съ выгоды казны: 1) Въ настоящее время, не смотря на все усердіе губернскихъ начальствъ, множество евреевъ не записано въ ревизскія сказки и при нынѣшнемъ непомѣрномъ стеченіи евреевъ записанныхъ въ разныя общества, въ городахъ и мѣстечкахъ западнаго края, при сбивчивости ихъ прозваній, недостаточности свѣдѣній о ихъ рожденіи и смерти, — нѣтъ возможности переписать ихъ всѣхъ, отчего казна лишена должныхъ съ нихъ поступить податей и повинностей. Съ распространеніемъ же евреевъ *по всей имперіи* всѣ эти неудобства, проистекающія отъ непомѣрнаго ихъ накопленія въ одномъ мѣстѣ, устранятся сами собою. 2) При настоящемъ положеніи на еврейскихъ обществахъ множество недоимокъ по причинѣ *крайней бѣдности* ихъ членовъ, чего никакъ нельзя ожидать при разрѣшеніи имъ жить въ великороссійскихъ губерніяхъ, потому что евреи народъ предприимчивый, трудолюбивый, довольствующійся малымъ заработкомъ и трезвый, найдутъ тамъ множество средствъ къ улучшенію своего быта и удовлетворенію лежащихъ на нихъ обязанностей въ пользу государства. 3) Въ великороссійскихъ губерніяхъ подряды и поставки обходятся казнѣ сравнительно вдвое противу западныхъ губерній; напр. полушубки въ за-

падныхъ губерніяхъ стоятъ вдвое болѣе, чѣмъ въ великоросійскихъ и даже большею частію привозятся изъ сихъ послѣднихъ въ первыя; поэтому слѣдовало бы предполагать, что при поставкѣ полушубковъ въ казну, они должны обходиться въ великоросійскихъ губерніяхъ вдвое дешевле, чѣмъ въ западныхъ, между тѣмъ практика убѣждаетъ насъ въ противномъ: полушубки обходятся казнѣ почти по той же самой цѣнѣ въ западныхъ губ., что и въ великоросійскихъ, т. е. стоятъ сравнительно вдвое въ сихъ послѣднихъ *. Причиной тому преобладающій у купцовъ великоросійскихъ губерній элементъ *монополиі*, который можетъ быть уничтоженъ лишь допущеніемъ совмѣстничества евреевъ.

«Указанный выше вредъ для казны отъ монополиі купцовъ въ великоросійскихъ губерніяхъ еще тягостнѣе для тамошнихъ жителей, которые, въ случаѣ продажи своихъ произведеній, получаютъ гораздо меньше, а въ случаѣ покупки должны платить несравненно больше, чѣмъ бы это слѣдовало, по недостатку совмѣстничества между купцами. Въ тѣхъ же губерніяхъ, гдѣ есть евреи, хлѣбъ едва собранъ, а уже къ земледѣльцу является множество ихъ, съ предложеніемъ покупки; такое же самое совмѣстничество и при продажѣ купцами равныхъ предметовъ, что производитъ всѣ сдѣлки чрезвычайно выгодными для мѣстныхъ жителей и служатъ достаточнымъ доказательствомъ той пользы, какую бы принесло въ этомъ отношеніи для жителей великоросійскихъ губерній совмѣстничество евреевъ съ тамошними купцами. Кромѣ того въ великоросійскихъ губерніяхъ большой недостатокъ въ хорошихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дешевыхъ и исправныхъ ремесленникахъ. Въ чемъ легко убѣдиться изъ слѣдующаго примѣра: въ бытность мою въ Пензѣ, въ дверяхъ моей квартиры испортился замокъ, вслѣдствіе чего я послалъ за слесаремъ, который отвѣтилъ, что ему некогда этимъ заниматься, потому что тогда была ярмарка; я послалъ за другими, но и тѣ тоже самое отвѣчали и я постав-

* Во время послѣдней войны полушубка въ Ковнѣ и Пензѣ поставлялись съ подрада около 5 р. за штуку.

лень былъ въ необходимость ждать окончанія ярмарки, но и тогда слесарь, находя, что изъ полтинника не стоитъ ему самому беспокоиться, — требовалъ, чтобы прислать ему замокъ на домъ и за самую незначительную поправку взялъ полтину серебр. — Если бы это было въ городѣ, гдѣ есть евреи, то ихъ бы тотчасъ *двадцать* прилетѣло не изъ полтинника, а изъ четвертака даже, и взяли бы съ меня вѣрно половину заплаченного мною русскому слесарю. Сказанное нами о слесаряхъ относится равнымъ образомъ и къ другимъ ремесленникамъ: портные напр., въ великороссійскихъ губерніяхъ берутъ за шитье куртука отъ 5 до 10 р. сер., иногда и болѣе, портные же евреи въ западномъ краѣ — отъ 2 до 4 р., а между тѣмъ пропитаніе въ западныхъ губерніяхъ стоитъ почти втрое больше, чѣмъ въ первыхъ, поэтому слѣдуетъ предполагать, что еврейскіе ремесленники, переселившись въ великороссійскія губерніи будутъ имѣть возможность брать тамъ за трудъ еще меньшую плату, чѣмъ въ первыхъ. Въ Россіи винокуръ на заводѣ, выкуривающемъ 10,000 ведеръ вина, получаетъ 400, 500 и даже 600 руб. въ годъ и притомъ трудно его сыскать; въ западныхъ же губерніяхъ всякій заводчикъ имѣетъ подъ рукой безчисленное количество евреевъ — винокуровъ, которые получаютъ самое большее по 2 коп. съ ведра, слѣдовательно винокуръ — еврей на заводѣ въ 10,000 ведеръ получаетъ самое большое 200 р. Наконецъ нельзя умолчать о томъ, сколько пользы приносятъ еврею, какъ факторы: помѣщикъ или купецъ пріѣзжаетъ на короткое время въ городъ, ему нужно съ многими видѣться, дѣлать продажи, покупки; факторъ — еврей отыщетъ тѣхъ, которыхъ нужно ему видѣть, приведетъ продавцевъ и покупателей, устроитъ однимъ словомъ всѣ его дѣла въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ за самую умеренную плату, между тѣмъ сколько времени, труда, хлопотъ, издержекъ нужно, чтобы достигнуть этого въ тѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ факторовъ. Въ этомъ отношеніи, въ настоящее время, когда съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ увеличится число всякаго рода дѣлъ, — они необходимѣе, чѣмъ когда либо.

«Польза же предлагаемой мною мѣры для жителей возвращеннаго отъ Польши края, которые будутъ этимъ отчасти освобождены отъ обременяющаго ихъ, по своей многочисленности, племени и для самихъ евреевъ получающихъ болѣе обширный кругъ дѣятельности, слишкомъ очевидна, чтобы о ней распространяться. Изложивъ выгоды снятія ограниченія мѣстожительствъ евреевъ, рассмотримъ теперь не можетъ ли эта мѣра принести вреда великороссійскимъ губерніямъ; не могутъ-ли евреи имѣть вреднаго вліянія на нравственность и благосостояніе русскаго народа? По послѣдней ревизіи евреевъ послѣдователей Талмуда считается 561,794 (?) души. Допуская, что при составленіи ревизскихъ сказокъ пропущено слишкомъ сто тысячъ душъ maximum еврейскаго населенія, можно считать около 700,000 душъ.—Что же значить 700,000 на огромное пространство Имперіи? это капля въ морѣ. Тѣмъ болѣе 1) что по крайней мѣрѣ половина этого количества, имѣя свои дома, хозяйства, устроенный бытъ въ нынѣшнихъ мѣстахъ своей осѣдлости,—не пожелаетъ оставить своихъ жилищъ; 2) что евреи, получая чрезъ эту мѣру пространный кругъ дѣятельности и множество средствъ приобрѣтеній, дозволенныхъ закономъ, — будутъ имѣть возможность оставить воспрещенные промыслы и 3) что при ограниченномъ количествѣ ихъ во всякой губерніи мѣстныя начальства будутъ въ состояніи слѣдить за ихъ дѣйствіями и удерживать ихъ въ опредѣленныхъ закономъ предѣлахъ.

«Послѣ вышесказаннаго можно смѣло заключить, что предлагаемая мною мѣра, кромѣ безчисленныхъ выгодъ, ни въ какомъ случаѣ вреда принести не можетъ.

«Въ этомъ насъ равнымъ образомъ убѣждаетъ наука и опытъ другихъ европейскихъ государствъ. Политическая экономія давно уже доказала вредъ всѣхъ подобнаго рода ограниченій. Исторія показываетъ намъ, что и другія европейскія государства прошли чрезъ подобныя фазы, и опытъ Испаніи, Португаліи, Франціи, Англіи, Германіи и Голландіи доказалъ, что какъ стѣсненіе правъ евреевъ приносило вредъ, такъ напро-

тивъ увеличеніе свободы ихъ приносило безчисленныя пользы этимъ государствамъ. Вслѣдствіе этого въ законодательствѣ Западной Европы видно постоянное стремленіе къ увеличенію правъ этого народа. Голландія первая подала имъ руку, вырывая ихъ изъ униженія, въ которое поставило ихъ невѣжество среднихъ вѣковъ,—она первая предоставила имъ полную свободу правъ, и благодарные евреи усовершенствованіемъ наукъ и искусствъ, оживленіемъ торговли и промышленности, увеличеніемъ народнаго богатства, во стократъ вознаградили Голландію за полученныя отъ нея благодѣянія.

«Наконецъ, нельзя здѣсь не упомянуть, сколько бы пользы принесло устройство коммерческихъ и ремесленныхъ училищъ для евреевъ. Народъ этотъ имѣетъ необыкновенныя способности къ торговлѣ, ремесламъ и промышленности. Къ чему заставлять ихъ заниматься земледѣліемъ, которому несоотвѣтствуютъ ни ихъ характеръ, ни способность, ни привычки? Русскіе же крестьяне болѣе способны къ земледѣлію, но по недостатку у нихъ евреевъ и легкости заработка, многіе изъ нихъ бросили земледѣліе и обратились къ легкой промышленности. Поэтому не трудно понять, сколько рукъ въ великороссійскихъ губерніяхъ возвратится къ земледѣлію, съ распространеніемъ тамъ евреевъ и поощреніемъ ихъ дѣятельности, не говоря уже о томъ, какую пользу принесутъ великороссійскимъ губерніямъ евреи, отвлекая крестьянъ тамошнихъ отъ несоотвѣтственныхъ имъ стороннихъ заработковъ, о которыхъ упоминаетъ г. министръ внутреннихъ дѣлъ въ своемъ отчетѣ за 1855 г. и которые легко могутъ произвести пагубный пролетаріатъ. Главнымъ условіемъ полезной дѣятельности есть, по правиламъ политической экономіи, раздѣленіе и соотвѣтственное распредѣленіе труда; поэтому отдача промышленности въ опытыя руки евреевъ, а земледѣлія—въ руки крестьянъ, не могутъ не произвести безчисленныхъ обоюдныхъ выгодъ.

«Итакъ, наука, опытъ, интересъ правительства, жителей какъ великороссійскаго, такъ и западнаго края и самихъ евреевъ, громогласно говорятъ въ пользу предлагаемой мною

мѣры: снесите ограниченіе правъ евреевъ, устройте для нихъ коммерческія и ремесленныя училища, и народъ, считавшійся по настоящее время бичемъ населенія западныхъ губерній— превратится въ артерію, разносящую жизненные соки во всѣ части Имперіи.—Торговля, промышленность, ремесла, земледѣліе Россіи, передадутъ дальнему потомству имена Александра II и достойныхъ исполнителей его возвышенныхъ цѣлей.»

Пока Козаковскій въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ составлялъ свой проектъ, многое измѣнилось. Киселевъ былъ назначенъ посломъ, V отдѣленіе было закрыто, а Еврейскій Комитетъ присоединенъ былъ ко II отдѣленію собственной канцеляріи, причемъ предсѣдательство въ комитетѣ перешло къ графу Н. Д. Блудову. Козаковскій, не зная вѣроятно о происшедшихъ перемѣнахъ, направилъ свой проектъ на имя министра государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьева, которымъ проектъ этотъ (вѣроятно, какъ „бумага къ нему не относящаяся“) былъ оставленъ „безъ послѣдствій“.

Сообщилъ В. Н.

БАРУХЪ СПИНОЗА.

П *.

Легкій туманъ еще носился надъ улицами Амстердама, и золотыя буквы словъ «Домъ Якова» на порталѣ синагоги были еще тусклы, а множество мужчинъ и женщинъ уже толпились между семью колоннами, составлявшими ея паперть. Тамъ уже были и Барухъ, и отецъ его, и чужеземецъ. При входѣ въ храмъ каждый останавливался передъ одной изъ двухъ большихъ мраморныхъ чашъ, расположенныхъ у обѣихъ дверей, поворачивалъ кранъ въ видѣ мѣднаго пѣтуха, и омывалъ себѣ руки; Барухъ, соблюдая при этомъ предписаніе Талмуда, омылъ прежде правую руку. Потомъ надо было спуститься на три лѣстницы внизъ, такъ какъ всякая синагога должна находиться въ глубинѣ, по писанію: «Изъ глубины взываю къ Тебѣ, Іегова» (Пс. 130. 1). Каждый изъ присутствующихъ накидывалъ на плеча большой шерстяной платокъ, по концамъ котораго пробѣгали три голубыя полосы, а по угламъ висѣли кисти; особенно благочестивые, и въ томъ числѣ Барухъ, покрывали имъ еще и шляпу. «Какъ прекрасны шатры твои, Яковъ, жилища твои, Израиль!» (IV кн. Моис. 24, 5), пѣлъ хорошо обученный хоръ мальчиковъ, и здѣсь эти слова не звучали ироніей, потому что возвышавшая душу, простая внутренность зданія была красива. Въ верхнемъ концѣ ея, со стороны, обращенной къ востоку, гдѣ нѣкогда стоялъ священный Іерусалимъ и куда еврей обращается лицомъ во время молитвы,

* См. „Восходъ“ Кн. I.

два каменныхъ льва держали скрижали, въ которыхъ были вырѣзаны десять заповѣдей. Они стояли надъ святымъ ковчегомъ, а около нихъ, полукругомъ, цвѣтуція миндальныя и лимонныя деревья въ пестро раскрашенныхъ кадкахъ. Ежегодно, съ самаго своего изгнанія изъ испанскаго отечества, евреи посылали на католическій полуостровъ за деревьями и отечественной землей, на которой они выросли, и украшали ими синагогу: тогда можно было забыться хоть на нѣсколько часовъ и вообразить себя на родныхъ своихъ поляхъ. Длинная утренняя молитва, которую громко читалъ канторъ, давала достаточно времени для всякаго рода наблюденій; но подъ конецъ вся община полными голосами вторила ему; то не было гармонически связанное пѣніе; все зданіе оглашалось какимъ-то дикимъ, браннымъ крикомъ—это былъ тотъ боевой кличъ, съ которымъ они много разъ побѣждали жизнь и самую смерть: «Внимай, Израиль, Адонай нашъ Богъ—единный Богъ!» Каждый стремился всею душой проникнуть въ невѣдомую бездну божественнаго бытія. И Барухъ крѣпко сомкнулъ свои дрожащія вѣки, его руки судорожно сжимались, по нервамъ пробѣгалъ священный трепеть, все сознаніе его съ своими лучами, устремленными на внѣшній міръ и привлекаемыми этимъ міромъ, уходило въ единственную свѣтлую точку, гдѣ оно обрѣтало себя въ Богѣ. Съ возведеннымъ къ небу взоромъ произнесъ онъ стихъ, созерцая внутреннимъ окомъ, по предписанію древнихъ мудрецовъ, всѣ тѣ смертныя опасности и мученія, которыя онъ готовъ радостно претерпѣть за вѣру въ единаго Бога. И какъ небесной росой напоило всю его душу это высокое настроеніе. Утренняя молитва кончилась, обѣ створчатыя дверцы священнаго ковчега были открыты, блестящіе свитки закона, обернутые въ золотую парчу и украшенные жемчю и драгоценными камнями, привлекали взоры собравшихся къ священному мѣсту, гдѣ три почетнѣйшихъ члена общины поочередно произносили имена городовъ, въ которыхъ твердые въ вѣрѣ евреи обрекли себя мученической смерти; главнѣйшіе изъ этихъ жертвъ были также названы по имени,

и въ заключеніе прочитаны поминки по умершимъ за истекшій годъ. Рахиль Спиноза, мать Баруха, была одною изъ первыхъ, ея имя было произнесено съ благословеніемъ и упоминаніемъ о пожертвованіи, завѣщанномъ ею въ пользу талмудической школы «Вѣнецъ Закона». Барухъ тревожно взглянулъ при этомъ на отца, потому что къ дорогой ему памяти матери примѣшивалось воспоминаніе о загадочномъ намекѣ на ея мавританское происхожденіе. Священный ковчегъ былъ снова затворенъ, и раввинъ Исаакъ Абоабъ подошелъ къ альмемору *, расположенному въ серединѣ синагоги. Это былъ худощавый, рябой человѣчекъ съ высокимъ лбомъ, выпученными сѣрыми глазами и рыжей бородой: «И странствуя хотя бы въ долину тѣней смерти, я не страшусь никакой напасти—твой жезлъ и твоя опора поддерживаютъ меня» (Пс. 23, 3), сказалъ онъ хриплымъ голосомъ. Къ этому тексту былъ еще прибавленъ двойной текстъ изъ Талмуда, и выраженіе: «твой жезлъ и твоя опора» остроумно объяснено въ томъ смыслѣ, что подъ словомъ «жезлъ» надо разумѣть писанный, а подъ словомъ «опора»—устный законъ. Проповѣдникъ спустился потомъ съ своими слушателями къ тому, «кто, заживо погребенный, томится въ тюрьмѣ; рѣдкіе волосы его—единственное его изголовье; день или ночь, разцвѣтаетъ ли весна или осенній вѣтеръ срываетъ съ деревъ желтыя листья, ему неизвѣстно; тлѣнный мракъ окружаетъ его, но внутри его сердца ясный, благодатный день, потому что Богъ живетъ въ немъ. Въ своемъ одиночествѣ онъ окруженъ несчетнымъ сонмомъ ангеловъ, уносящихъ его изъ неподвижныхъ стѣнъ тюрьмы далеко, далеко за предѣлы міровъ къ престолу божію, гдѣ онъ, молясь, отдыхаетъ». Раввинъ описываетъ своимъ слушателямъ всѣ виды пытки до той высшей ея степени, при которой затрогивается самая суть души, опусканіемъ капель воды на темя. «Горе!» воскликнулъ онъ, «наши глаза уже видѣли всѣ тѣ невыразимыя страданія, какія посылаетъ намъ Господь; нѣтъ, не будемъ

* Алтарь.

говорить: горе! будемъ лучше воздавать ему хвалу и благодареніе, потому что онъ далъ страдальцамъ вкусить сіяніе своего величія». Тутъ переводчикъ Герреровыхъ «Небесныхъ Вратъ» изобразилъ прелести вѣчнаго блаженства во всей его пышности, и воздалъ хвалу ученію, передъ которымъ преклоняются ангелы и трепещетъ вселенная; онъ превознесъ погруженіе себя въ то ученіе о Богѣ и его твореніи, которое уже здѣсь, на землѣ, посылаетъ небесное счастье проникшему въ его таинственную сущность - и даетъ силу творить и разрушать. Проповѣдь была заключена обычнымъ пожеланіемъ, чтобы Богъ вскорѣ послалъ своего Мессію и возвратилъ Израилю его наслѣдственное достоиніе.

Послѣ него подошелъ къ альмемору раввинъ Сауль Мортейра. «Онъ истребляетъ смерть на вѣки», сказалъ этотъ проповѣдникъ; «Богъ Господь утираетъ слезы съ каждаго лица, и онъ смеетъ со всей земли поношеніе своего народа» (Ис. 25, 8), началъ онъ тихимъ голосомъ. «Я озираю эту общину: годъ опять принесъ ей новыя утраты, и опять исполнится годъ, наступитъ этотъ день печали и радости, и иныхъ изъ насъ уже не будетъ здѣсь, быть можетъ и меня! И меня! Господь, я здѣсь, отвѣчаю я, если ты зовешь меня». И при этихъ словахъ раввинъ такъ ударилъ себя въ грудь обѣими руками, что голосъ его задрожалъ. Онъ говорилъ еще долго о внезапности смерти и о печали живыхъ; съ трудомъ сдерживаемыя рыданія слышались за рѣшетчатой галлереей, гдѣ помѣщались женщины, и кое-гдѣ изъ среды мужчинъ; не были взволнованы лишь немногіе, считавшіе печальную проповѣдь въ субботу противною закону. На глазахъ Баруха тоже показались слезы, слезы умиленія; онъ чувствовалъ себя такъ близкимъ къ своему Богу, что желалъ умереть, чтобы больше никогда не отрываться отъ него. Проповѣдникъ сильно говорилъ противъ христіанства, но еще сильнѣе противъ вольнодумцевъ, дерзающихъ стремиться къ постиженію непостижимаго. Заключая свою проповѣдь притчами изъ Талмуда, онъ примѣшалъ къ нимъ нѣсколько забавныхъ анекдотовъ, заставившихъ

паству невольно улыбаться. Въ то время церковь и ея служители еще не стояли въ холодныхъ и суровыхъ отношеніяхъ къ общинѣ. Всѣ были веселы и довольны проповѣдью; нѣкоторые, обращаясь къ сосѣду, выражали свое одобреніе жестомъ или короткимъ восклицаніемъ. Евреи рѣдко увлекаются до самозабвенія; они, напротивъ, измѣряютъ все, даже и слова своего учителя, мѣркой откровеннаго закона и собственнаго разсудка. Оттого имъ вовсе не хотѣлось слушать еще одну проповѣдь, а какой-то сгорбленный человѣкъ съ тонкими чертами лица, повидимому мірянинъ, уже занялъ мѣсто, покинутое раввиномъ Сауломъ Мортейрой.

Это былъ человѣкъ безпримѣрной преждевременной зрѣлости и универсальности, который уже восемнадцати лѣтъ былъ уважаемымъ раввиномъ; врачъ и политикъ, онъ спорилъ съ Гуго Гроціемъ о прелестяхъ Θεокритовыхъ идиллій, а съ раввиномъ Исаакомъ Абоабомъ о смѣшеніи металловъ въ статуѣ Навуходносора. Это былъ раввинъ Манассе-бенъ-Израиль, жена котораго, внучка знаменитаго Донъ-Исаака Абробанеля, вела свое происхожденіе, по прямой линіи, отъ Давида, царя израильскаго.

Приложивъ на нѣсколько секундъ лѣвую руку къ глазамъ, раввинъ Манассе началъ благозвучнымъ голосомъ, сильно раздававшимся во всѣхъ углахъ синагоги:

«Домъ Якова, придите и будемъ дѣйствовать въ свѣтѣ Господа (Ис. 2, 3). Сегодня вновь повторился тотъ день, въ который мы освятили этотъ храмъ, построенный нами Господу, такъ какъ онъ даровалъ намъ здѣсь покой отъ нашихъ притѣснителей; но не силой нашихъ рукъ достигли мы всего этого. Если самъ Богъ не выстроитъ дома, то напрасенъ трудъ рабочихъ. Мы построили здѣсь домъ Господу; но да растянутся и раздвинутся эти стѣны на всю землю, покрываемую небомъ, да проникнетъ мой голосъ во всѣ міры, да будетъ мнѣ дано съ громовою силой пробудить грозное эхо и вложить ему въ уста эти слова: Домъ Якова, придите и будемъ дѣйствовать въ свѣтѣ Господа. Я самъ, вы это знаете, имѣлъ знаменитаго

отца; онъ подвергся безконечнымъ пыткамъ и не спасъ ничего, кромѣ жизни, отъ рукъ людей, называющихъ себя христианами; но не смотрите болѣе назадъ въ мрачныя тюрьмы, а смотрите на свѣтъ, отовсюду намъ сіяющій».

Авторъ книги: «Спасеніе Израиля» продолжалъ доказывать въ воодушевленной, хотя и изысканной, рѣчи необходимость для евреевъ примкнуть къ современной образованности и ея стремленіямъ. Подъ «свѣтомъ Господа» онъ разумѣлъ столько же классицизмъ, сколько и законъ Моисея. Онъ горячо говорилъ противъ польскихъ и нѣмецкихъ евреевъ, которыхъ по мрачные нравы и низменное положеніе онъ приписывалъ недостатку истиннаго образованія и научнаго знанія, и наконецъ обрадовалъ общину тѣмъ, что заключилъ свою рѣчь.

Тогда, при радостномъ пѣніи, былъ вынуть одинъ свитокъ изъ священнаго ковчега, и когда его пронесли мимо Баруха, юноша ухватился за край золотой парчи, въ которую онъ былъ завернуть, и съ увлеченіемъ приложилъ его къ губамъ. Свитокъ былъ развернуть на альмеморѣ, и послѣ каждой его части, прочитанной специальнымъ чтецомъ, вызывался одинъ изъ троицъ проповѣдниковъ, чтобы произнесли надъ нимъ благословеніе. Затѣмъ чтець возвысилъ голосъ и громко произнесъ: «Пусть поднимется нашъ учитель и мастеръ (докторъ и магистръ) раввинъ Барухъ-бенъ-Веніаминъ».

Получивъ этотъ почетный титулъ при такой торжественной обстановкѣ, Барухъ вспыхнулъ, всталъ съ своего мѣста и пошелъ къ альмемору, гдѣ дрожащимъ голосомъ произнесъ благословеніе. Въ синагогѣ не было человѣка, который бы не удивился безпримѣрности случившагося: такая честь впервые оказывалась пятнадцатилѣтнему юношѣ; но лишь немногіе увидали въ этомъ неслыханное злоупотребленіе, потому что Баруха любили всѣ, кто его зналъ. Богослуженіе окончилось длинною, такъ-называемою дополнительной и нѣкоторыми обычными молитвами.

Въ дверяхъ была сильная давка. Всѣ поздравляли Баруха

и его отца. На порогъ своего дома отецъ опять возложилъ руки на голову сына и благословилъ его: «Господь да сдѣлаетъ тебя равнымъ Манассе и Эфраиму». На лѣстницѣ Миріамъ передала брату пергаментъ, присланный раввиномъ Сауломъ Мортейрой: это былъ раввинскій дипломъ. За обѣдомъ пили за его здоровье. Но послѣ обѣда, еще разъ читая про себя сегодняшній недѣльникъ съ комментаріями, онъ черезъ нѣсколько времени замѣтилъ, что читали только его губы и глаза, а душа не участвовала въ чтеніи. Онъ негодовалъ на мятежную силу, присутствіе которой онъ чувствовалъ въ себѣ, и въ горячей молитвѣ просилъ Бога помочь ему сохранить и укрѣпить свою вѣру. Слезы капали на открытую книгу, онѣ облегчили его душу. Громкимъ, сильнымъ голосомъ, точно передъ собравшейся общиной, произнесъ онъ въ эту минуту слова закона; и послѣ этого обращенія къ Богу, злые духи вышли изъ сердца, и чувство блаженства охватило все существо юности.

Къ нему вошелъ отецъ, и на радости между прочимъ спросилъ его:

— Нѣтъ ли у тебя какаго желанія, Барухъ? Скажи мнѣ прямо; мнѣ хотѣлось бы наградить тебя за радость, которую ты мнѣ доставилъ.

— Позволь же мнѣ, наконецъ, учиться языку всѣхъ мірскихъ наукъ—латинскому. Зачѣмъ мнѣ уступать въ этомъ моимъ товарищамъ Исааку Пинхеро, Арону де-Сильва и многимъ другимъ?

— Я согласенъ исполнить твою просьбу. Богъ, руководившій тебя до сихъ поръ, и въ будущемъ предохранитъ тебя и не допуститъ, чтобы ты заразился ядомъ этихъ книгъ. А больше ты ничего не желаешь?

— Правда ли, спросилъ Барухъ, потупившись,—правда ли то, что сказалъ вчера вечеромъ Родриго Кассересъ о мавританскомъ происхожденіи моей матери? Былъ ли я неправъ передъ Хисдаемъ Аструкомъ въ прошломъ году, ударивъ его по лицу за то, что онъ дразнилъ меня этимъ?

Смущенный отецъ взялъ изъ кармана ключъ, отперъ

шкапъ, вынулъ изъ него погребальное платье, всегда готовое у всякаго благочестиваго еврея, развернулъ его и отыскалъ въ немъ рукопись, которую далъ прочесть Баруху. Рукопись была озаглавлена: «Моему единственному сыну Баруху, одному», и предназначалась для Баруха по смерти его отца. Послѣдній рассказывалъ въ ней, какъ встрѣтился онъ въ Севильѣ съ дѣвушкой Мануэлой, которая потомъ согласилась быть его женой. Она жила съ старымъ отцомъ, мавромъ, принявшимъ христіанство только для вида, чтобъ избавиться отъ когтей инквизиціи. Дѣвушка раздѣляла религіозныя убѣжденія отца, но, полюбивъ своего будущаго мужа, который носилъ тогда имя Альфонса де-Эспиноза, не могла за него выйти, потому что считала его христіаниномъ. Случилось, что ихъ служанка донесла инквизиціи на отца Мануэлы; старикъ былъ схваченъ, брошенъ въ тюрьму и подвергнутъ пыткамъ; въ его домѣ былъ сдѣланъ строгій и не безкорыстный обыскъ. Альфонсу де-Эспиноза удалось выручить старика. Его братъ не только принялъ христіанство, разумѣется притворно, но, поступивъ на службу инквизиціи, помогалъ, какъ могъ, своимъ гонимымъ единовѣрцамъ. По просьбѣ Альфонса, онъ склонилъ агентовъ инквизиціи освободить старика; но благодарный мавръ и послѣ своего освобожденія не могъ безъ гнѣва слышать о желаніи Альфонса жениться на его дочери. Только по смерти его—старикъ кончилъ жизнь самоубійствомъ—Мануэла согласилась принять еврейскую вѣру и выйти за человѣка, котораго любила.

Рука Баруха дрожала, когда онъ, прочитавъ рукопись, клалъ ее на столъ. Опершись головой на руку, онъ почувствовалъ, что голова его горитъ. Что за путанница въ жизни человѣчества, разъединеннаго происхожденіемъ и вѣрой! Одна часть человѣчества преслѣдуетъ другую, считая только себя одну мудрой и угодной Богу, храмы обращаются въ палатки полководцевъ, откуда раздаются пароли, спасительные для однихъ и гибельные для другихъ...

Внутренній голосъ, еще сильнѣе и настойчивѣе чѣмъ въ

синагогѣ, призывалъ теперь Баруха произнести благословеніе надъ очевиднымъ неписаннымъ закономъ, котораго двѣ главныя основы — освобожденіе отъ всякой племенной и вѣроисповѣдной розни и любовь къ человѣчеству. И развѣ не училъ еще Маймонидъ: «Благочестивые люди всѣхъ религій достигаютъ вѣчнаго блаженства»? Барухъ уже не былъ сыномъ Израиля, онъ былъ сыномъ человѣчества. Его направляло въ эту сторону не только смѣшанное происхожденіе, — оно было только первымъ поводомъ къ тому—его объялъ духъ жизни, духъ Божій и вознесъ его надъ всякими гранями. Только на зовъ отца очнулся Барухъ и припомнилъ что и гдѣ онъ. Онъ возвратилъ отцу рукопись и поцѣловалъ ему руку. Отецъ крѣпко пожалъ руку сына и пошелъ съ нимъ въ синагогу. При входѣ въ храмъ юноша разсѣянно и только вполонину отвѣчалъ на поздравленія съ званіемъ раввина. Люди приняли это за гордость. Ихъ предположеніе отчасти подтвердилось въ воскресеніе утромъ, когда, послѣ ранняго богослуженія, онъ взялъ подъ мышку свой обитый жестью фоліантъ и пошелъ въ школу «Вѣнецъ Закона». Какъ весело проходилъ онъ прежде по этой дорогѣ, а теперь шелъ какъ растерянный и спотыкался почти на каждомъ шагѣ. Уныніе съ примѣскою гордости господствовало въ душѣ его; ему предстояло все ходить и ходить по этой дорогѣ, вѣчно вновь заучивать тѣже книги, которыя не могли дать ему ничего новаго. Онъ уже достигъ званія раввина, самаго высокаго, какое только было ему доступно, и однакоже остается, какъ прежде, ученикомъ въ тѣхъ областяхъ знанія, гдѣ предстояло доводить изобрѣтательность до сумасбродства. Еще мучительнѣе была для него мысль, что онъ сталъ иноземцемъ, потому что опытъ протекшихъ дней вознесъ его надъ всякимъ обычаемъ, и не дерзко-ли съ его стороны возвращаться опять къ еврейскому обычаю и разыгрывать прежнюю роль, какъ будто ничего не случилось? Еврейская народная община уже не была для него зерномъ всей міровой жизни, а все остальное—лишь наружной оболочкой. Но гдѣ-же жизненная сила? Юноша желалъ-бы проникнуть въ нее, а ему

открыты только двери «Вѣнца Закона».... Но раны первой юности заживаютъ быстро, сомнѣнія быстро сглаживаются, и Барухъ, переступивъ порогъ школы, юношески предался ближайшему школьному интересу, забывая все остальное.

Раввинъ Саулъ Мортейра посадилъ его подлѣ себя по лѣвую руку: по правую сидѣлъ, по старшинству, Хисдай. Остальные ученики размѣщались по возрасту и познаніямъ за длиннымъ столомъ; «у ногъ раввина». Учитель велѣлъ Баруху прочесть вслухъ одно мѣсто изъ Талмуда. Рѣчь была о смѣшанныхъ бракахъ съ плѣнными иноземками, и Хисдай объяснилъ прочитанное мѣсто въ смыслѣ ихъ безусловнаго запрещенія. потому что отъ такихъ браковъ рождаются безбожныя дѣти. Отсюда рѣзкій споръ между нимъ и Барухомъ. Прекративъ его съ Хисдаемъ, Барухъ обратился къ учителю съ вопросомъ:

— Остаемся ли мы при томъ выводѣ, что бракъ съ нееврейкой не составляетъ грѣха?

— Ты видишь самъ, отвѣчалъ учитель: такой бракъ не грѣшенъ только въ военное время.

— Но раввѣ можетъ Богъ дать одинъ законъ на военное, другой—на мирное время?

— Отчего-же нѣтъ? Оставайся при буквальной толкованіи: въ данномъ случаѣ говорится только о войнѣ, а не о мирѣ.

— Позвольте мнѣ еще одинъ вопросъ, сказалъ Барухъ. Въ писаніи дальше сказано: если человѣкъ имѣетъ двухъ женъ, онъ любитъ одну и не любитъ другой; позволеніе жениться на нѣсколькихъ женахъ было же дѣйствительно и въ мирное и въ военное время, въ Палестинѣ и въ другихъ земляхъ: отчего-же оно недѣйствительно теперь?

— Но вѣдь ты знаешь, что раввинъ Гершонъ, «свѣтъ изгнанія», навсегда проклялъ того, кто имѣетъ больше одной жены.

— Но какъ же могъ онъ это сдѣлать, когда многоженство не запрещено Священнымъ Писаніемъ и, по Талмуду, царю

Соломону было только запрещено имѣть больше восемнадцати женъ.

— Ты, кажется, думаешь, возразилъ учитель, что майнцскому сангедрину это не было такъ же извѣстно, какъ и тебѣ. Я не могу теперь же объяснить тебѣ все въ подробности, ты не одинъ здѣсь; если тебѣ пришла охота ставить задорные вопросы, то я не могу изъ-за нихъ задерживать другихъ. Читай дальше, Хисдай.

Хисдай повиновался. Онъ читалъ все въ одномъ тонѣ, который по своей общеупотребительности тоже считается преданіемъ; но этотъ на половину поющій, на половину молитвенно декламирующій тонъ было-бы такъ же трудно подвести подъ какія нибудь правила декламации или музыки; какъ вывести грамматику изъ вавилонскаго смѣшенія языковъ, представляемаго Талмудомъ. Каждый ученикъ старался слагать изъ многочисленныхъ и хитро сотканныхъ вопросовъ текста новые вопросы, которые тутъ же разрѣшались поразительными силлогизмами и т. д.

Барухъ сидѣлъ задумавшись въ школѣ, и потомъ дома, за обѣдомъ. Говорили о недавнемъ отъѣздѣ Родрига Кассереса и о приятностяхъ будущаго сожителства обоихъ семействъ.

— Что съ тобой сегодня, Барухъ? спросилъ отецъ послѣ обѣда. Прежде ты всегда заботился о томъ, что говорили «отцы»: сидѣть троимъ за столомъ и бесѣдовать не о божественномъ словѣ, все равно, что вкушать трапезу мертвыхъ. Неужели мнѣ надо просить тебя прочесть передъ обѣденной молитвой что нибудь изъ «Мишны»?

Барухъ всталъ, взялъ чистенькій томъ въ четвертку и пробормotalъ нѣсколько параграфовъ. Сегодня въ первый разъ показалось ему скучнымъ опять пережевывать старый законъ, почти не успѣвъ проглотить обѣденной пищи.

— Я уже позаботился о тебѣ сегодня, сказалъ отецъ, я нашелъ для тебя латинскаго учителя. Теперь читай дальше. Я расскажу объ этомъ послѣ.

Скорѣе обыкновеннаго сталъ Барухъ читать установленное число параграфовъ; чтобы не показать отцу, что онъ торопится окончить чтеніе, онъ даже прочелъ два лишнихъ параграфа; но мысль его была далека отъ тѣхъ строкъ, которыя онъ читалъ глазами и губами.

Послѣ заключительной молитвы, отецъ повелъ сына къ врачу Саломону де-Сильва, который обѣщалъ рекомендовать имъ «такого латинскаго учителя, какого не найти и во всей Европѣ». Отецъ и теперь неохотно сдавался на желаніе сына. Онъ былъ убѣжденъ, что еслибъ Акоста не учился по латыни и по-гречески, то оставался-бы, какъ и всѣ, правовѣрнымъ и благочестивымъ евреемъ. Онъ помнилъ изреченіе Талмуда: проклять тотъ, кто позволяетъ сыну учиться греческой наукѣ.

Но врачъ успокоилъ его. Барухъ такъ свѣдуешь въ Библии и Талмудѣ, что можетъ противопоставить каждому возраженію христіанина десятки своихъ возраженій. Да и истинная наука неизбѣжно ведетъ къ правовѣрію. Вскорѣ пришелъ и самый учитель, магистръ Нигриціусъ, маленькій, съ зеленовато-желтымъ лицомъ и въ такомъ-же халатѣ, закапанномъ чернилами. При самомъ своемъ появленіи онъ забросалъ несчастнаго доктора подробными объясненіями какого-то латинскаго текста. Оригиналь и страстный книжникъ, онъ беретъ учить Баруха, предлагаетъ новому ученику приходить къ нему каждый день около этого времени, но отнюдь не будить его, если застанетъ его спящимъ. Книгъ не нужно приносить съ собою—у магистра Нигриція есть всѣ книги, и никакихъ денегъ онъ за уроки не беретъ. Когда онъ ушелъ, отецъ Баруха не могъ воздержаться отъ вопроса:

— Откуда этотъ магистръ и чѣмъ-же онъ живетъ?

— Онъ изъ Гейдельберга, нѣмецкаго города на Рейнѣ, отвѣчалъ хозяинъ. Имя его собственно Шварцъ, но, какъ всѣ нынѣшніе ученые, онъ перевелъ его на латинскій языкъ и вышло Нигриціусъ. Человѣкъ онъ не отъ міра сего. Почти невѣроятно, какъ онъ умѣетъ довольствоваться малымъ заработ-

комъ по изданію классиковъ. Ему теперь далеко за шестьдесятъ лѣтъ, а онъ неопытенъ, какъ десятилѣтній мальчикъ; онъ скажетъ вамъ съ точностью, сколько сестерцій состоянія имѣлъ Крассъ, и совершенно безпомощенъ, когда ему приходится сосчитать свои двадцать штиверовъ. Не смѣйся надъ его странностями, Барухъ; онъ терпѣть не можетъ насмѣшекъ.

Барухъ сталъ ежедневно посѣщать оригинальнаго магистра, но обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Учитель педантски засадилъ его за грамматику Доната и не вдавался ни въ какія разсужденія о прелестяхъ классической мудрости. Но онъ совладалъ съ своимъ нетерпѣніемъ, подчинился наложенной на него учебной дисциплинѣ, и сталъ замѣчать, что магистръ Нигриціусъ видимо привязывается къ нему.

24 октября 1648 года весь городъ шумно и весело праздновалъ заключеніе «вѣчнаго мира», которымъ закончилась тридцатилѣтняя война, и который признавалъ и подтверждалъ свободу и независимость Нидерландовъ. А Барухъ, въ этотъ день, томился сомнѣніями въ библиотекѣ школы «Вѣнецъ Закона», погруженный въ толкованія Эбнъ-Эзры на Моисеево пятикнижіе, которыми учитель школы не совѣтовалъ ему заниматься, называя ихъ темными и очень трудными. Сомнѣніе Эбнъ-Эзры въ томъ, чтобы все пятикнижіе могло быть написано Моисеемъ по вдохновенію свыше, отвѣчало и его собственнымъ сомнѣніямъ. Въ глубокую думу погрузила его также мысль Эбнъ-Эзры, что существуетъ одна только субстанція, и эта субстанція—Богъ, что онъ есть первая изъ десяти категорій Аристотеля, какъ единица—корень всѣхъ чиселъ. Заслышавъ шаги, Барухъ быстро закрылъ книгу и сталъ перелистывать другую. Вошли Хисдай и Эфравмъ Кардово. Хисдай дружески протянулъ Баруху свою всегда потную красную руку, и заглянулъ въ книгу, чтобы посмотрѣть чѣмъ онъ занимается. Этотъ челоуѣкъ имѣлъ довольно длинную и нѣсколько согбенную фигуру; онъ постоянно стягивалъ свои длинные черныя брови, концы которыхъ торчали на лбу, поднимаясь какъ щетина;

недурной по очертанію лобъ почти весь покрывали черные, какъ уголь, нечесанные волосы; выраженія его темныхъ глазъ не было видно за очками съ большими круглыми стеклами. Эти очки имѣли свое особенное значеніе, потому что правовѣрные евреи, какъ и правовѣрные христіане, считали ношеніе ихъ не позволительнымъ, какъ неумѣстное новшество. Какія причины имѣли на это христіане, мы не знаемъ; евреи же, вѣроятно, основывались только на томъ, что Иисусъ Навинъ не носилъ очковъ и однако все видѣлъ. Постоянно оправдываясь передъ правовѣрными своею близорукостію, Хисдай очень желалъ, чтобы ношеніе очковъ внушало болѣе просвѣщеннымъ людямъ, которыхъ было много въ амстердамской общинѣ, выгодное о немъ мнѣніе, какъ о молодомъ человѣкѣ съ современнымъ образованіемъ. Въ жару разговора онъ постоянно поправлялъ эту знаменательную принадлежность постоянно спускавшуюся у него къ носовой горбинѣ, отъ которой носъ клювообразно загибался къ своей оконечности. Довольно широкой ротъ всегда улыбался только вполонину, такъ какъ Хисдай никогда не забывалъ наставленія талмудистовъ, что ни одинъ благочестивый человѣкъ не долженъ отъ всей души смѣяться, пока священный городъ Іерусалимъ лежитъ въ запустѣніи, дабы исполнилось писаніе (Пс. 126, 1, 2): «Когда Господь приведетъ обратно плѣнныхъ Сіона, тогда смѣхомъ наполнятся наши уста». Странный контрастъ съ постоянно кривлявшимся лицомъ Хисдая представлялъ его красивый, круглый подбородокъ, уже покрытый длинными волосами, потому что Хисдай былъ на четыре года старше Баруха. Онъ никогда не брилъ бороды. Кромѣ обычныхъ постныхъ дней, онъ постился еще по понедѣльникамъ и четвергамъ, а по пятницамъ, въ полдень, девять разъ погружался въ свѣжую воду, что однакоже не мѣшало ему имѣть неопрятный видъ. Гдѣ бы онъ ни проходилъ, гдѣ бы ни стоялъ, вездѣ онъ безпрестанно нашептывалъ чтонибудь изъ «Мишны» или повторялъ какойнибудь церковный наѣвъ, а сидя подергивалъ положенными одна на другую ногами, точно подагрикъ.

Раскланявшись съ Барухомъ, Хисдай предложилъ ему порѣшить споръ, завязавшійся у него съ Эфраимомъ. Они будто бы спорили о томъ, существуютъ ли ангелы и, если существуютъ добрые ангелы, то бываютъ ли и злые? Напрасно Барухъ отвѣчалъ, что самъ Хисдай знаетъ это не хуже его; напрасно старался онъ ставить вопросъ на почву формальнаго закона; Хисдай постоянно залѣзалъ ему въ душу, выспрашивая его личное мнѣніе объ этомъ предметѣ.

— Такъ ты не вѣришь въ существованіе злыхъ ангеловъ? спросилъ Хисдай въ концѣ ихъ разговора.

— Ты опять съ твоимъ вѣчнымъ вопросомъ: «вѣришь ли?», отвѣчалъ раздраженный Барухъ. Я знаю не хуже тебя: ежедневная молитва кадишъ потому и читается на халдейскомъ языкѣ, что злые ангелы его не понимаютъ, и потому не могутъ противодействовать ей у Бога; я знаю, что въ новый годъ трубятъ въ шофаръ, чтобы смутить сатану и тѣмъ доставить Израилю счастливый годъ...

Эфраимъ, съ своей стороны, объявилъ, что раздѣляетъ мнѣніе великаго ученаго Маймонида, который считалъ явленія ангеловъ пророческими видѣніями.

— Да это почти ересь! Это непозволительно! кричалъ Хисдай.

— Согласенъ, сказалъ Барухъ съ иронической улыбкой. Мнѣ представляется смѣшной и пустой болтовней все то, что говоритъ Маймонидъ, вымучивая изъ писанія свои собственныя измышленія и считая сверхъестественныя откровенія за нѣчто въ родѣ сновидѣній. Все это половинчатость, не больше. У него недостаетъ мужества сказать: такъ-то учить писаніе, а такъ-то учить разумъ.

Барухъ спохватился, что зашелъ уже слишкомъ далеко. Онъ порылся еще въ какой-то книгѣ и вскорѣ вышелъ изъ комнаты.

— Вотъ онъ каковъ! сказалъ Хисдай Эфраиму. Онъ хочетъ быть вторымъ Агостой.

— А ты ловко вызвалъ его на злыя рѣчи, замѣтилъ Эфраимъ. Пусть его идетъ своей дорогой.

— Нѣтъ, сказалъ Хисдай, и разразился словами изъ Талмуда: «въ дѣлахъ вѣры, всякій еврей—порука за другаго; на меня, на тебя, на всѣхъ насъ падаетъ вина въ грѣхѣ этого человѣка».

И онъ вышелъ изъ комнаты, по обыкновенію нашептывая что-то про себя.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

В. Коршъ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ПИРОГОВЪ

И ЕГО ОТНОШЕНІЕ КЪ ЕВРЕЙСКОМУ ВОПРОСУ.

(По поводу его пятидесятилѣтняго юбилея).

Наука и жизнь тогда только оставляютъ глубокіе слѣды въ человѣкѣ, когда все, добытое путемъ теоріи и опыта, дѣлается его достояніемъ, неразрывною частью его существа, его второю природою. Только при такомъ глубоко вкоренившемся и тщательно проверенномъ убѣжденіи все, что противорѣчитъ ему, становится ему враждебнымъ и вызываетъ на борьбу во имя идеи, во имя истины. Подъ вліяніемъ такого развитія, всѣ явленія жизни, носящія на себѣ отпечатокъ внѣшней обособленности, подводятся подъ болѣе общія рубрики, возводятся къ объединяющему ихъ началу, которое приводитъ ихъ въ связь съ общими явленіями жизни и даетъ имъ истинное значеніе и смыслъ. Такое глубокое проиньвовеніе во внутренній духъ общественныхъ жизненныхъ интересовъ приводитъ къ тому невзбѣжному результату, что человекъ считаетъ свое разумное и здоровое отношеніе къ нимъ не заслугою, а долгомъ, внутреннею потребностью, неизмѣнною никакими исключительными событіями.

Такимъ былъ Н. И. Пироговъ по отношенію къ еврейскому вопросу, и все, высказанное имъ въ концѣ пятидесятихъ и началѣ шестидесятихъ годовъ о евреяхъ, рѣдко выдвигалось изъ предѣловъ *увлеченія*, охватившаго тогда всю русскую печать и направившаго ее на путь *гуманныхъ* воззрѣній по отношенію къ еврейскому вопросу. Нѣтъ спору, что *увлеченіе* и *гуманность* весьма похвальныя качества; но первое имѣетъ въ своемъ осно-

ваніи нравственную заразительность примѣра, а вторая — примѣненіе человѣческихъ взглядовъ къ болѣе широкимъ сферамъ. Какъ заразительность примѣра бываетъ дѣломъ подражанія, вызываемаго даннымъ моментомъ и отличающагося стаднымъ характеромъ, такъ и гуманность бываетъ иногда дѣломъ моды, когда она является результатомъ не выработаннаго убѣжденія, а вѣянія времени, и въ этомъ отношеніи она имѣетъ общаго съ увлеченіемъ—во временности и стадности своего проявленія.

Сказанное нами имѣетъ основаніе въ прошедшемъ. Кто не помнитъ священной войны противъ евреевъ, объявленной въ «Иллюстраціи» устами нѣкоего Шилевскаго въ 1858 г.; кто не помнитъ отраженій гг. Чацкого и Горюхины и ополченія противъ нихъ редактора «Иллюстраціи» Зотова въ исполненной глумленія статьѣ подъ названіемъ «Ребе Чацкий» и «Ребе Горюхина»; кто не помнитъ единодушнаго почти протеста всѣхъ русскихъ литераторовъ противъ «Иллюстраціи», которые, во имя идеи гуманности, требовали признанія за евреемъ правъ человѣка? Съ того времени прошло уже около четверти вѣка, и что, спрашивается, осталось въ русской литературѣ изъ этого похвальнаго увлеченія и модной гуманности? Многіе изъ тѣхъ, которые въ то время такъ краснорѣчиво заговорили о человѣческихъ правахъ евреевъ, сами приложились къ знамени крестовыхъ противъ нихъ походовъ, и тотъ самый журналъ, который стоялъ особнякомъ среди всеобщаго увлеченія, доказывая необходимость развитія во всемъ обществѣ здравыхъ понятій объ общечеловѣческихъ интересахъ, которыми обнимаются и еврейскіе («Современникъ»), въ настоящее время, внѣшнимъ образомъ преобразившись въ «Отечественныя Записки», говорить о евреяхъ такимъ языкомъ, въ сравненіи съ которымъ языкъ Зотова и Шилевскаго дышетъ, какъ бахнетъ, нѣкоторою гуманностію. Вотъ почему увлеченіе и гуманность, если они не вытекаютъ изъ глубокаго, внутренняго убѣжденія, такъ скоро проходятъ, какъ скоро и появляются. Но не переходящи убѣжденія Н. И. Пирогова, потому что они основаны не на позаимствованномъ колеблющемся началѣ, а на вѣчной, непоколебимой истинѣ. Это знамя истины, какъ объединяющее начало, очень мѣтко указано профессоромъ Селинымъ на данномъ Н. И. Пирогову въ Кіевѣ обѣдѣ. «Когда разнеслась, сказалъ онъ, вѣсть, что Н. И. Пирогова не будетъ съ нами, студенты кіевского универ-

ситета, всегда дѣлившіеся на самые разнородные станы, какою-то невидимою силою вдругъ сливаются въ единую семью! Велико-россіяне, малороссы, литвины, поляки, болгары, сербы, нѣмцы, евреи—одинъ человекъ! Почему, спрашиваетъ Селянъ, они забыли всѣ личныя стремленія, частныя убѣжденія, въ основѣ своей, быть можетъ, неповинныя? Потому, отвѣчаетъ онъ, что въ эту торжественно-печальную минуту ясно видѣли, что подъ ихъ значками, на неизмѣримой высотѣ, въ яркомъ сіяніи, развивается *знамя истины*“.

Ознакомившись поближе съ внутреннею жизнію евреевъ въ новороссійскомъ и юго-западномъ краяхъ, Н. И. Пироговъ, какъ глубокий мыслитель и человекъ, заинтересовался ею въ такой степени, что подвергъ общественныя стороны ея всестороннему анализу и приложивъ къ нимъ выработанныя имъ общіе взгляды; первый высказался о нихъ сознательно и съ такою убѣдительною логикою, которая убила всякія беспочвенныя разсужденія о томъ, что еврей достоинъ гуманнаго отношенія какъ человекъ. Пироговъ *у насъ* первый увидѣлъ въ евреѣ не только человека, но и полезнаго гражданина; онъ первый указалъ на высокія добродѣтели еврейской народности (Одесская Талмудъ-Тора, Одесса, 1858 г.); онъ первый принялъ подъ свою защиту еврейскую молодежь, къ которой относился съ горячею любовью и которую поддерживалъ въ борьбѣ съ обскурантизмомъ; онъ первый обнаружилъ не пассивную, а активную дѣятельность на поприщѣ образованія евреевъ, пропандируя между ними единеніе силъ во имя идеи просвѣщенія.

Самое зарожденіе вопроса объ источникѣ національной вражды связано у Н. И. съ искреннею любовью къ людямъ. Кто не работалъ въ себѣ искренней любви къ людямъ, того мало интересуетъ и вопросъ о враждѣ между ними. «Всякому, кто искренно любитъ людей, вѣрно не разъ,—говорить Н. И.—приходилъ на мысль вопросъ: откуда происходитъ недружелюбіе, вражда и ненависть одной націи противъ другой?» Вопросъ этотъ и въ настоящее время, чрезъ 20 лѣтъ послѣ того, какъ поставилъ его Пироговъ, интересуетъ всю Россію, благодаря выступившимъ на югѣ ея грустными событіямъ, и разрѣшается на разные лады по тѣмъ вѣсамъ и мѣрамъ, которые въ данное время имѣются въ рукахъ того или другаго публициста. Но Н. И., какъ мыслитель-философъ, не можетъ примириться съ обычными взглядами, по

которымъ корень національной вражды заключается въ томъ, что убѣжденія одной націи противны челоѳвчности и стремленію къ истинѣ, а убѣжденія другой согласны съ ними. Н. И. находитъ, напротивъ, что ни одна изъ нихъ не можетъ похвалиться, что всѣ ея убѣжденія дѣйствительно основаны на этихъ двухъ высшихъ стремленіяхъ, и ни одна изъ нихъ не можетъ быть порицаема за то, что всѣ ея убѣжденія совершенно имъ противны. Точно также Н. И. не признаетъ источникомъ вражды различія въ религиозныхъ убѣжденіяхъ, потому что религія избирается только какъ предлогъ, которымъ вражда маскируется. Истинною же причиною Н. И. считаетъ ту, которая производитъ несогласіе, зависть и вражду между различными классами одного и того же народа, между бѣднымъ и богатымъ, между слабымъ и сильнымъ.

Причина національной вражды, по мнѣнію Н. И., лежитъ въ началѣ сословномъ, глубоко вкоренившемся въ челоѳвческое общество до того, что каждая нація въ глазахъ другой представляетъ собою и другое враждебно-настроенное сословіе. Н. И. находитъ въ исторіи подтвержденіе своему взгляду: самая сильная вражда христіанскихъ обществъ противъ еврееѳ замѣчалась въ періодъ господства кастоваго духа, когда сословія рѣзко отличались одно отъ другаго, — а сближеніе, дружба и правоуравненіе возможны тамъ, гдѣ сословное начало ослабѣваетъ. Такимъ образомъ челоѳѳѣ, глубоко проникнутый стремленіемъ къ истинѣ и ищущій разъясненія интересующаго его вопроса не въ частности, одинаково присущихъ, въ большей или меньшей степени, всѣмъ національностямъ, силою логическаго убѣжденія, основаннаго на историческихъ фактахъ, находитъ корень явленія въ болѣе общемъ началѣ, исключающемъ примѣненіе особыхъ мѣръ и вѣсовъ. При такомъ анализѣ исчезаетъ всякое личное, или національное пристрастіе, съ предубѣжденіемъ наклоняющее вѣсы въ одну сторону, а на мѣсто его выступаютъ общій, внутренней смыслъ явленія, неліцемерная и ничѣмъ не подкупаемая истина. Сочувствіе Н. И. къ евреямъ было основано не на увлеченіи и не на игрѣ въ гуманность: оно было, какъ говоритъ онъ, не заслугою его, а лежало въ его натурѣ. *«Я не могъ, говоритъ онъ, дѣйствовать противъ себя самого. Съ тѣхъ поръ, какъ я выступилъ на поприще гражданственности путемъ науки, мнѣ всего противнѣе были сословныя предубѣжденія, и я невольно перенесъ*

этотъ взглядъ и на различія національныя. Эти убѣжденія, какъ слѣдствіе моего образованія, выработавшись цѣлою жизнію, сдѣлались для меня уже второю натурою и не покинутъ меня до конца жизни».

Ник. Ив. не останавливается, однако, на своихъ собственныхъ убѣжденіяхъ: онъ идетъ въ другомъ мѣстѣ далѣе и доказываетъ, что даже точка зрѣнія, исходящая изъ противоположныхъ убѣжденій, не должна быть, во всякомъ случаѣ, недоброжелательна къ евреямъ. «Да и самый предубѣжденный изъ насъ, считающій еврея потому только злымъ и неправеднымъ, что онъ еврей, не имѣетъ все-таки права желать ему ничего другаго, какъ того, чего онъ себѣ желаетъ, потому что «Отецъ небесный велитъ восходить солнцу надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ». Изъ этого взгляда непосредственно вытекаетъ другой, что только отрeksiись отъ основныхъ истинъ христіанской вѣры, можно желать худого и тому, кого считаютъ злѣе и неправеднѣе самого себя. Это взглядъ истиннаго христіанина, у котораго религиозное ученіе не остается отвлеченною догмой, а получаетъ характеръ практическаго, житейскаго правила, проводящаго въ самую жизнь высокій нравственный принципъ. Н. И. до того проникнуть этимъ убѣжденіемъ, что онъ всякое предубѣжденіе, выходящее изъ границъ и дерзающее судить объ участи народа, какъ Праведный Судія, считаетъ стоящимъ *«въ явномъ противорѣчій со всеми нравственными началами»* и само себѣ подписывающимъ приговоръ. Если бы каждый имѣлъ глубокое сознаніе въ томъ, что онъ перестаетъ быть христіаниномъ, когда желаетъ еврею зла, и становится человѣкомъ безнравственнымъ, когда свисока судить объ участи цѣлой народности,—то не было бы никакого еврейскаго вопроса, національность исчезла бы въ болѣе широкой общечеловѣческой сферѣ, и люди перестали бы враждовать между собою. До проникновенія же высокихъ убѣжденій Н. И. въ русскій народъ, печальныя стороны еврейскаго вопроса не только не ослабнуть, но еще болѣе обострятся, и въ жизни все будутъ проявляться начала, рѣзко противорѣчащія ученію христіанства и принципамъ нравственности,—начала еще болѣе пагубныя тѣмъ, что прикрываются религиозными и нравственными идеями.

Нельзя не остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на томъ,

что Н. И. Пироговъ весьма близко принялъ къ сердцу интересы образованной еврейской молодежи. На его глазахъ въ юго-западномъ краѣ зародилась борьба молодежи съ обскурантизмомъ; онъ былъ посвященъ въ стремленія этой безкорыстной молодежи, которая въ крупныхъ центрахъ еврейства отдалась на служеніе народному дѣлу со всею пылкостью юныхъ сердець, открывая субботнія школы, въ которыхъ взрослые люди обучались грамотѣ и слушали поученія и нравственные бесѣды; подъ его руководствомъ и по его указаніямъ нѣкоторые молодые люди приняли на себя преподаваніе русскаго языка въ талмудъ-торахъ; онъ понималъ и оцѣнивалъ съ достоинствомъ благородныя стремленія молодежи: онъ воодушевлялъ и благословлялъ ихъ на путь просвѣщенія массы, сознавая всю важность послѣдствій такой работы. И вотъ почему, ставъ ближе къ этой молодежи, Н. И. пришелъ къ убѣжденію, имъ высказанному, что *долгъ сочувствія образованной еврейской молодежи вытекаетъ изъ любви къ отечеству*. Онъ считалъ дѣломъ патриотизма, дѣломъ простаго расчета каждаго истинно-русскаго человѣка—сочувствовать образованію русскіихъ евреевъ и просвѣщенной ихъ молодежи. Н. И. первый уразумѣлъ, что еврейская молодежь на пути своихъ стремленій стояла между Сциллою и Харибдой— между соплеменниками-консерваторами и предубѣжденнымъ русскимъ обществомъ. „Вѣда, говоритъ Н. И., если такому (образованному молодому еврею) и мы, русскіе, не оказжемъ сочувствія, — что же ему тогда дѣлать? Онъ останется виноватымъ въ глазахъ своихъ соплеменныхъ консерваторовъ, потому что захотѣлъ сдѣлаться прежде всего человѣкомъ; онъ виноватъ и въ глазахъ предубѣжденныхъ русскіихъ, потому что родился евреемъ. Гдѣ же религія, гдѣ нравственность, гдѣ просвѣщеніе, гдѣ современность, если тѣ еврей, которые отважно и съ самоотверженіемъ вступаютъ въ борьбу съ вѣковыми предубѣжденіями, не встрѣтятъ у насъ никого, кто бы имъ сочувствовалъ, поддержалъ ихъ и протянулъ-бы имъ дружески руку помощи? Нѣтъ, для кого изъ насъ рѣшенъ уже вопросъ: „кто мой ближній?“ , кто изъ насъ научился сочувствовать безпристрастно всему истинно-человѣческому, тѣ должны открыть свои передовые ряды для всѣхъ отягченныхъ борьбою за общечеловѣческое просвѣщеніе и терпимостью съ фанатизмомъ и тьмою. Это не заслуга, это долгъ“. Вы слышите, какъ мощный голосъ истиннаго человѣка

призываетъ на помощь все высокое, все святое для человѣчества— и религію, и нравственность, и просвѣщеніе и современность— для того, чтобы внушить русскому обществу симпатію къ просвѣщенной еврейской молодежи. Правда, великій ученый сомнѣвается — и не безъ основанія— въ томъ, всѣ-ли разрѣшили себѣ вопросъ: «кто мой ближній?», но всѣхъ тѣхъ, которые этотъ вопросъ для себя уже разрѣшили, онъ призываетъ на помощь людямъ, призваннымъ ввести въ среду своихъ единовѣрцевъ общеловѣческое просвѣщеніе, т. е. такіе просвѣтительные элементы, которые сами собою должны повести къ мирному уничтоженію всякой народной угловатости. «Просвѣщеніе, говоритъ Н. И., имѣетъ такое общительное, очеловѣчивающее свойство, что ему уступаютъ и еврейство, и славянство, и всякая другая, односторонне выразившаяся, народность». Проникнутый этою общеловѣческою мыслию, Н. И. не останавливается на одномъ пассивномъ отношеніи къ дѣлу просвѣщенія русскихъ евреевъ, на одномъ сочувствіи, а требуетъ отъ всѣхъ честныхъ русскихъ людей активнаго отношенія. Онъ говоритъ, что евреямъ, рѣшившимся на борьбу, нужно, кромѣ сочувствія и участія съ нашей стороны, еще *взаимное, дружное содѣйствіе*. «Съ нашей стороны, говоритъ Н. И., было-бы *непростительно* оставаться хладнокровными зрителями этой борьбы, нисколько не сочувствуя той сторонѣ, которая стремится къ одной дѣли съ нами. Это было-бы не только не гуманно, но даже *нестественно*, потому что такой индеферентизмъ съ нашей стороны, означалъ-бы пренебреженіе собственныхъ же нашихъ интересовъ». Онъ старается также убѣдить русское общество въ томъ, что содѣйствіе образованной еврейской молодежи есть дѣло расчета каждаго истиннаго патріота. Но предоставимъ лучше говорить самому Николаю Ивановичу. «Разсчетливо ли, спрашиваетъ онъ, оставлять людей безъ помощи, которые, вышедъ побѣдителями изъ борьбы съ фанатизмомъ и тьмою, могли бы принести существенную пользу и нашему обществу, и всему отечеству? Развѣ кто отвергаетъ въ евреяхъ хоть одинъ изъ тѣхъ даровъ Божіихъ, которые украшаютъ человѣчскій родъ? Развѣ исторія ихъ, изучать которую вмѣняется въ обязанность всѣмъ націямъ съ самаго малолѣтства, не свидѣтельствуетъ о высокахъ доблестяхъ націи? Развѣ наука не произноситъ съ уваженіемъ именъ многихъ евреевъ? Развѣ мало было евреевъ и между пе-

редовыми ея дѣятелями? И развѣ Россія не нуждается въ истинно-образованныхъ людяхъ для различныхъ поприщъ гражданской дѣятельности? Кто изъ знакомыхъ съ молодымъ поколѣніемъ образованныхъ евреевъ будетъ отвергать въ нихъ необыкновенное рвеніе къ научнымъ занятіямъ и способности къ изученію языковъ, математики, естественныхъ наукъ? Для чего-же обществу не пользоваться этими натуральными склонностями, этимъ стремленіемъ къ просвѣщенію, уже ясно обнаружившимся въ одной (хотя еще и не большой) части еврейскаго народа въ Россіи? Для чего не поддержать ее, для чего не усилить и не укрѣпить ея рвеніе, ея надежды, ея успѣхи въ борьбѣ съ противодѣйствующимъ невѣжествомъ и фанатизмомъ? Сколько наше общество, на своемъ пути къ развитію, приобрѣло-бы дѣльныхъ и полезныхъ людей, тогда какъ мы въ нихъ нуждаемся, и заинтересовало-бы ихъ къ дѣятельности въ нашу пользу? Уже не говоря о *высшихъ мотивахъ*, не будетъ-ли это *благоразумнымъ и хорошо обдуманымъ расчетомъ* съ нашей стороны? Мнѣ кажется, что всякій, не только гуманнѣйшій, но и просто *всякій истинный патриотъ* долженъ согласиться со мною въ томъ, что сочувствовать образованію евреевъ—и *долгъ нашъ и прямой расчетъ*. Вотъ голосъ истинно-русскаго патриота, который, двадцать лѣтъ тому назадъ, указалъ такъ убѣдительно, куда слѣдуетъ направлять даровитыя силы еврейской молодежи. Но голосъ уважаемаго всею Россіею человѣка, хотя и былъ услышанъ вначалѣ и сдѣлалъ то, что волею Государя, научно-образованная еврейская молодежь призвана была къ гражданской дѣятельности въ государствѣ,—впослѣдствіи затихъ, будучи заглушенъ другими государственными дѣятелями, которые, фактически преградивъ еврейской молодежи путь открытый ей закономъ, направили ее на другое поприще, на которомъ она прилагала свои силы и способности, и этимъ въ послѣднее время, возбуждали противъ нея, ропотъ и осужденіе. Былъ ли прозорливѣе Н. И., который совѣтовалъ дать выходъ молодымъ еврейскимъ силамъ на арену общепользующей гражданской дѣятельности, или тѣ, которые, не дождавшись осуществленія закона во всѣхъ сферахъ дѣятельности, на первыхъ же порахъ прекратили его дѣйствіе,—доказываетъ уже настоящее положеніе вещей, а въ будущемъ тотъ же вопросъ будетъ подлежать справедливой оцѣнкѣ исторіи.

Указывая русскому обществу на необходимость оказанія сочув-

ствія и содѣйствія интересамъ просвѣщенія евреевъ, Н. И. не мало дѣйствовалъ и на пользу сплоченія разсѣянныхъ сторонниковъ просвѣщенія изъ нихъ самихъ. Онъ совѣтовалъ имъ соединиться и дѣйствовать вмѣстѣ въ борьбѣ съ обскурантизмомъ, которая довольно ясно обозначилась тогда еще въ глазахъ Н. И. Но, призывая ревнителей просвѣщенія евреевъ къ образованію дружнаго союза, Н. И. остерегаетъ ихъ отъ употребленія въ дѣло средствъ противниковъ. «Если есть, говорить онъ, ходатаи за любителей тьмы, нужно искать ходатаевъ и за желающихъ просвѣщенія. Если первые сильны нетерпимостью, нужно вторымъ противоудѣйствовать самою гуманною терпимостью. Если первые всегда готовы прибѣгнуть ко всѣмъ средствамъ, считая всякое изъ нихъ позволеннымъ для достиженія цѣли, вторымъ необходимо быть чрезвычайно осторожными въ выборѣ, употребляя только оправдываемая нравственностью». Такимъ образомъ, изучивъ внутреннія стороны жизни евреевъ, среди которыхъ ему приходилось дѣйствовать, какъ представитель просвѣщенія въ краѣ, Н. И. не только считалъ преступнымъ оставаться хладнокровнымъ зрителемъ, но активно дѣйствовалъ на всѣ общественные элементы, призывая ихъ къ взаимной и дружной дѣятельности на пользу общаго отечества. Всѣ, которые были свидѣтелями того, какъ жилъ, чувствовалъ, думалъ и дѣйствовалъ Н. И., не могли не поддаваться его авторитетному вліянію, не могли не соединяться вокругъ него, какъ около *превосходительнаго чловѣка* (терминъ кievскаго обѣда), не могли не поддерживать вмѣстѣ съ нимъ гордо развѣвавшагося вокругъ него общечеловѣческаго знамени. Это всеобщее воодушевленіе высказалось тогда, когда Н. И. оставлялъ свой постъ: различныя партіи и національности торжественно заявляли ему о своихъ чувствахъ, и по всему юго-западному краю и Малороссіи пронеслась электрическая искра, которая озарила всѣхъ ярнымъ пламенемъ высокой любви и справедливости. Единодушіе, руководившее всѣми почитателями идей Н. И., были до того искренни, что всѣ одинаково почувствовали потребность выразить его въ какомъ нибудь внѣшнемъ актѣ. И вотъ, православная колыбель русскихъ городовъ—златоглавыи Кіевъ, въ лицѣ профессоровъ, дворянъ и купцовъ, шлетъ русскому Іерусалиму-Воршачеву, гдѣ данъ былъ обѣдъ Н. И., адресъ, исполненный братской любви и примиренія.

«Николаю Ивановичу Пирогову, пишутъ кіевляне, суждено было раскрыть ту истину, что для русскихъ христіанъ и русскихъ евреевъ существуютъ общіе, высшіе, духовные интересы, и что недалеко то время, когда различіе религій не будетъ болѣе мѣшать сынамъ одного общаго отечества слиться въ одну нераздѣльную народность. Истина эта ярво выразилась на недавнемъ, торжественномъ заявленіи сочувствія къ Николаю Ивановичу кіевскихъ жителей. Принимавшіе участіе въ этомъ торжествѣ видѣли, какъ горячо такое сочувствіе и между евреями; нынѣ узнали мы, что въ Бердичевѣ готовится торжественная встрѣча великому общественному дѣятелю; пользуясь этимъ, мы уполномочили г. купца и помѣщика Кисловскаго явиться отъ лица нашего между вами и заодно съ вами еще разъ выразить глубокое сочувствіе наше къ его человѣчнымъ и примирительнымъ стремленіямъ».

Кіевскій уполномоченный сказалъ, что подъ примирительнымъ знаменемъ Николая Ивановича склоняются и сглаживаются всѣ словесныя и религіозныя разногласія, и отерывается народамъ одного отечества будущность мира и братскаго согласія. «Я, продолжалъ г. Кисловскій, уроженецъ глубокой Россіи, нынѣ житель Кіева; сердце мое—сердце русское; голосъ мой—голосъ народа русскаго. Евреи! братья по одной матери, сыны одной съ нами земли, будьте жъ дружно пахать и сѣять на томъ полѣ, за воздѣлываніе котораго такъ энергически принялся одинъ изъ передовыхъ людей обновляющейся Россіи, Николай Ивановичъ Пироговъ!»

Какъ все это гармонируетъ съ тѣмъ, что въ настоящее время происходитъ на всемъ югѣ Россіи, именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ короткое время дѣятельности Н. И. стали прививаться и крѣпнуть въ обществѣ высокія примирительныя идеи Николая Ивановича! Въ томъ самомъ Кіевѣ, откуда 20 лѣтъ назадъ протянута была братская рука евреямъ во имя началъ правды и равенства, совершенно неслыханное насиліе противъ евреевъ и ихъ имущества, напоминающее собою всѣ ужасы среднихъ вѣковъ. На томъ самомъ югѣ, гдѣ гуманныя идеи г. Пирогова проникали чрезъ школу въ общество, оказывая высокое воспитательное вліяніе на родителей и дѣтей,—вліяніе, совершавшее перевороты въ дѣломъ міровоззрѣніи общества,—на томъ самомъ югѣ, говоримъ мы, не только возможны открытыя грабежи и насилія противъ евреевъ, но равнодушное къ нимъ отношеніе, а отчасти и одобреніе

ихъ со стороны интеллигентныхъ и полукультурныхъ людей всего края. Евреи ли измѣнились къ худшему? Нѣтъ! Они въ такой степени оправдали ожиданія Н. И. относительно стремленія къ просвѣщенію, что обратили на себя въ этомъ отношеніи вниманіе всего русскаго общества. Въ теченіе 20 лѣтъ со дня оставленія Н. И. своего поприща, евреи ушли впередъ, проникшись болѣе здоровыми и современными идеями, и тамъ, гдѣ прежде необходимо было бороться съ фанатизмомъ и тьмою, теперь общечеловѣческое просвѣщеніе сдѣлалось потребностью дѣльныхъ массъ. Вся бѣда въ отсутствіи въ настоящее время Пироговыхъ. Нѣтъ людей, которые бы на указанныхъ имъ судьбою поприщахъ дѣятельности вышли изъ предѣловъ официального служенія своему дѣлу, интересовались бы внутреннею жизнію тѣхъ сферъ, которыя поручены ихъ непосредственному руководству и направленію; нѣтъ ни на одномъ поприщѣ государственной и общественной дѣятельности въ провинціи людей съ авторитетомъ, которые въ состояніи были внушать собственнымъ примѣромъ довѣріе къ тѣмъ высокимъ государственно-общественнымъ принципамъ, приведеніе которыхъ въ жизнь и укрѣпленіе въ общественномъ сознаніи лежатъ на прямой ихъ обязанности въ силу принятаго на себя званія; нѣтъ людей безкоростныхъ, честно преданныхъ благу своего отечества, которые постоянно сознавали бы вредъ отъ водворяемаго ими сепаратизма интересовъ и которые бы умѣли съ достоинствомъ поддерживать примирительное направленіе во всѣхъ слояхъ общества. Воспитаніе общества во всѣхъ сказанныхъ направленіяхъ составляетъ великое благо для отечества, въ особенности въ тяжелыя години испытанія, когда трудно бываетъ на скорую руку сцементировать разнородные элементы, разьединенію которыхъ мы такъ усердно содѣйствовали собственными руками при помощи своей государственной близорукости. И замѣчательно, что, при полномъ сознаніи современнаго положенія вещей, констатированномъ на дняхъ важнымъ государственнымъ актомъ, нѣкоторые изъ провинціальныхъ дѣятелей не умѣли держаться съ тактомъ даже тогда, когда разразившаяся бѣда уже стала приближаться, когда тучи висѣли надъ нашими головами. Они и тогда не могли освободиться отъ своихъ личныхъ взглядовъ сепаративнаго свойства, подливая масла въ огонь неудовольствія и содѣйствуя обостренію вражды національной, не взирая

на то, что она уже стала проявляться наружу въ самыхъ отвратительныхъ формахъ. Эти дѣятели опомнились лишь тогда, когда среди всеобщей, неприглядной картины безобразій имъ показались болѣе острые когти, чѣмъ жидовско-національная вражда, и тогда лишь начали дѣйствовать въ примирительномъ духѣ. Но это измѣненіе въ направленіи могло бы сдѣлаться запоздалымъ, если-бы угрожаемые, понимавшіе характеръ и направленіе грозы, сами не старались дѣйствовать сдержанно, не возбуждая народныхъ страстей. Но люди, коимъ ввѣряется власть, не только важная, но и самая ничтожная, должны во всякое время ставить выше всего не взгляды, заимствованные изъ личныхъ экономическихъ отношеній къ евреямъ, а общее благо, гарантируемое закономъ всѣмъ безъ различія подданнымъ, и въ мирное время должны неуспшно дѣйствовать въ томъ направленіи, чтобы быть увѣреннымъ въ сочувствіи общества и въ солидарной связи всѣхъ разнородныхъ его элементовъ, и такимъ образомъ дружно работать съ цѣлю предупрежденія затрудненій при возникновеніи общей бѣды. Развѣ мыслимо допустить, чтобы въ то время, когда нужно принимать самыя интенсивныя мѣры къ предупрежденію и пресѣченію обнаружившагося зла, предстояли еще заботы о сдерживаніи враждебныхъ общественныхъ элементовъ, могущихъ совершенно затруднить исполненіе общихъ мѣръ? Представители всѣхъ государственно-общественныхъ сферъ стояли-бы на высотѣ своей задачи тогда, когда-бы они исполняли свои обязанности, какъ Н. И. Пироговъ; если-бы они не ограничивались однимъ формальнымъ исполненіемъ буквы закона, однимъ внѣшнимъ контролемъ подчиненныхъ имъ высшихъ сферъ, а старались-бы, каждый въ своей сферѣ, изучать внутреннюю жизнь входящихъ въ ея кругъ элементовъ, заинтересовываться тѣми выдающимися явленіями, направленіе которыхъ въ ту или другую сторону можетъ повлечь за собою очевидную выгоду для общественнаго дѣла. Такіе авторитеты, какъ Пироговъ, не только сдерживаютъ страсти и враждующіе элементы, но дѣйствуютъ убѣдительно въ смыслѣ положительномъ, руководя и направляя все на общій путь истины и примиренія. Если исчезаютъ такіе авторитеты, то теряется поддержка началъ честнаго служенія общественному дѣлу, самыя начала падаютъ и затаптываются. Во времена Н. И. Пирогова всѣ были убѣждены, что поддержаніе стремленія евреевъ къ просвѣщенію есть долгъ cadaго

русскаго человѣка, вытекающій изъ патріотизма, а въ настоящее время, когда желаніе лучшаго изъ людей стало осуществляться въ широкихъ размѣрахъ, начали кричать: «жидъ идетъ», и этотъ крикъ раздавался въ томъ самомъ Кіевѣ, въ которомъ дѣйствовалъ Н. И. Пироговъ, укрѣпившій въ общественномъ сознаніи совершенно противоположное убѣжденіе. А это происходитъ отъ того, что на мѣсто Н. И. Пирогова стали другіе дѣятели безъ нравственнаго авторитета, безъ научныхъ и твердо выработанныхъ общечеловѣческихъ принциповъ, безъ активныхъ стремленій гуманно воздѣйствовать на широкія общественныя сферы. Вотъ почему русскіе евреи такъ сочувственно относятся къ великому имени Николая Ивановича Пирогова: должны молиться за просвѣщеніе Россіи, за народненіе въ русской средѣ безкорыстныхъ, честныхъ и гуманныхъ дѣятелей съ такими широкими взглядами на жизнь, какъ Николай Ивановичъ Пироговъ. Да, побольше Пироговыхъ, и тогда все общерусское дѣло приметъ совершенно иное направленіе, а отъ этого направленія зависитъ также счастье и благоденствіе евреевъ.

М. Моргунисъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ЛОНДОНА.

I.

„Behold, now, this wast City!“

J. Milton.

„ — Denn, wenn, London die rechte Hand der Welt ist, die thätige rechte mächtige Hand, so ist jene Strasse — Chespside — als Pulsader der Welt zu betrachten“.

H. Heine.

Лондонъ вполне справедливо называютъ сердцемъ чело­вѣчества во всѣхъ отношеніяхъ; въ этомъ названіи нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія. Съ какой-бы точки зрѣнія ни рассмат­ривать его, этотъ великанъ городъ, безъ сомнѣнія, окажется и въ поли­тически-нравственномъ, и въ матеріально-экономическомъ, и въ научно-духовномъ отношеніи не только единственнымъ въ мірѣ по величинѣ своего пространства и количеству своего населенія, по формѣ и степени своего развитія и по общей своей физиономіи, но и весьма интереснымъ по своему разнообразію и поучительнымъ по своему характеру и вліянію. И еслибъ кто-либо, прожившій въ Лондонѣ достаточно долгое время, болѣе или менѣе близко ознакомившійся съ его содержаніемъ, съ формами жизни всѣхъ классовъ его населенія, какъ чистокровныхъ англичанъ, такъ и иностранцевъ, поднялся на высоту птичьяго полета, т. е. осво­бодился бы изъ подъ вліянія своихъ національныхъ и сословныхъ предразсудковъ и, бросивъ потомъ взглядъ на этотъ городъ, при­шелъ къ заключенію, что Лондонъ самый передовой городъ, а Англія самая передовая страна въ мірѣ, — и это не въ од­номъ лишь промышленно-торговомъ, а во всѣхъ вышеупомя-

нутыхъ отношеніяхъ, не исключая даже столь мало подвижной аристократіи (и она опередила, въ своемъ родѣ, конечно, аристократію всякой другой страны), — то подобное заключеніе скорѣе слѣдовало бы считать смѣлымъ, чѣмъ парадоксомъ; потому что эта страна, особенно столица ея, заключаетъ въ себѣ вмѣстѣ съ древними остатками, сохранившимися отъ самаго глубокаго прошлаго, и зародыши самаго далекаго будущаго. Рядомъ съ самыми древними обычаями, уцѣлѣвшими во всей своей первобытной чистотѣ, носящими на себѣ явный отпечатокъ самаго истиннаго варварскаго пошиба, — на примѣръ, возможность продать или вымѣнять свою жену, продать или вымѣнять своихъ дѣтей, тѣлесное наказаніе самаго чудовищнаго характера, извѣстное подъ именемъ «кошка о девяти хвостахъ» — рядомъ съ этимъ существуютъ усовершенствованія новѣйшаго времени, и послѣднія данныя науки и искусства съ блестящимъ успѣхомъ проводятся въ жизнь. И не только старое и новое нигдѣ такъ мирно не совмѣщаются, какъ здѣсь, но и разнообразія матеріальнаго свойства нигдѣ такъ рельефно; даже картинно, не бросаются въ глаза и недалеконидному зрителю; тутъ не только одинаково легко чувствуютъ себя и самый крайній, упорно стоящій на одномъ мѣстѣ, консерваторъ и крайній, опрометчиво бросающійся впередъ революціонеръ, но рядомъ уживаются гордый, величественный крезъ, полулишившійся ума отъ незнанія, что дѣлать съ своимъ богатствомъ, и нерѣдко кончающій свое пустое существованіе самоубійствомъ отъ скуки и пресмыщенія, — и униженный, давно уже потерявшій отъ тяжкаго непосильнаго труда всякое подобіе божіе, нищій, готовый броситься на любое преступленіе отъ незнанія, какъ иначе удовлетворить неотступныя требованія своего желудка, и нерѣдко кончающій свою полную горечи жизнь на висѣлицѣ — отъ отчаянія и съ голода... Грустныя мысли приходятъ въ голову, тяжелыя чувства проникаютъ въ грудь при встрѣчѣ съ этими страшными противоположностями, умѣщающимися на улицахъ Лондона. Не знаешь, кому позавидовать больше, о комъ сожалѣть? Презрѣнія, если о немъ можетъ быть рѣчь, одинаково заслуживаютъ и господствующій, безсердечный, полуумный лордъ и угнетенный, озлобленный безотчетный пролетарій. Какъ бы ни была заглушена мыслительная способность перваго возможностью ежеминутно удовлетворять самыя чудовищныя прихоти, скудный остатокъ пони-

манія непремѣнно долженъ переполнить его страхомъ за свое потомство, быть можетъ, даже самое близкое, непосредственное; и, съ другой стороны, какъ бы ни было велико отчаяніе послѣдняго, у него непремѣнно еще должно существовать въ какомъ-нибудь затаенномъ уголкѣ омраченной души, въ переполненной желчью груди, свѣтлый, теплый лучъ надежды на лучшее будущее, по крайней мѣрѣ, для потомства, хотя бы даже самаго отдаленнаго... Иначе вопросъ: для чего ему мучиться и страдать? — давно бы разрѣшился самоубійствомъ—до того горька его участь въ настоящемъ... На это противорѣчіе ясно указываютъ зданія и сами улицы: не далеко отъ высокаго, гордаго зданія, иногда на ряду съ такимъ домомъ, стоитъ ветхій, полусгорбленный домишко; позади какого-нибудь громаднаго, наполненнаго утонченнѣйшими издѣліями роскоши, магазина, надменно лоснящагося на солнцѣ днемъ и ярко освѣщеннаго ночью, какъ бы стыдливо прячется дворикъ, наполненный полунагими и полуголодными дѣвчонками съ болѣзненными опухшими лицами, законные или незаконные родители которыхъ ушедши на поиски за кускомъ хлѣба, оставили ихъ на попеченіе случая, на произволъ судьбы. Эти домишки и домики (Courts) столь же циничны своей нечистотой и вонью, какъ сосѣдніе съ ними дома и магазины горды своей опрятностью и благоуханіемъ. Конечно, наравнѣ съ этимъ и различіе и въ выраженіяхъ и обращеніи. Прибавьте къ этому разнообразіе племенное, и окажется чисто вавилонское столпотвореніе. Недавно появившаяся на сценѣ одного изъ лондонскихъ театровъ пьеса, въ которой представляется современная жизнь въ Лондонѣ, совершенно справедливо озаглавлена поэту авторомъ „Новымъ Вавилономъ“.

Естественно потому, что Лондонъ представляетъ поле весьма богатое и интересное, стало быть весьма благодарное даже для этнографическихъ изслѣдованій, живую школу, полный музей, въ стѣнахъ которыхъ заключается прошедшее, настоящее, будущее человѣческаго рода въ полномъ своемъ дѣйствіи. Сюда ежедневно стекаются и отсюда ежедневно отправляются вольные и невольные представители всѣхъ странъ и угловъ земного шара и всѣхъ ступеней цивилизаціи и лѣстницы общественнаго положенія и благосостоянія. Тутъ, на многочисленныхъ улицахъ Лондона, встрѣчаете, видите и изучаете, если хотите, и самыхъ передовыхъ, съ наиболѣе развитыми мозгами, членовъ кавказской расы, и вѣчно

странствующихъ, къ условіямъ обстановки приспособляющихся жидовъ, и давно уже остывшихъ на извѣстной точкѣ развитія китайцевъ съ длинными косами, и даже еще крѣпко напоминающихъ обезьянъ, кафровъ. Всѣ эти члены различныхъ расъ и народовъ, всѣ эти разнородные типы составляютъ одну общую массу, доходящую, по послѣднимъ статистическимъ даннымъ, до 4.534,000 единицъ. Всякій изъ этихъ типовъ придаетъ что-нибудь къ общей физиономіи Лондона; всѣ они состоятъ въ нѣкоторомъ сообщеніи какъ другъ съ другомъ, такъ и съ отдаленнѣйшими уголочками тѣхъ частей свѣта, откуда они вышли. Черезъ руки лондонской почты ежегодно проходитъ около 300 милліоновъ писемъ, или около одного милліона писемъ ежедневно,—если исключить воскресные и праздничные дни, когда лондонская почта не получаетъ и не отправляетъ писемъ, и въ гавани этого города среднимъ числомъ стоятъ около 1000 кораблей да около 90,000 матросовъ ежедневно. Временные посѣтители Лондона, по торговымъ ли, ученымъ ли, дипломатическимъ ли, или просто авантюристическимъ дѣламъ, прибывая сюда, вносятъ что-нибудь новое изъ своей родины, по физическому закону тренія оставляютъ что-нибудь здѣсь; но живя тутъ, усваиваютъ кой-что въ замѣтъ, или заимствуютъ и, возвращаясь потомъ домой, приносятъ съ собою это «кой-что» туда. Такимъ образомъ распространяются сѣмена, образовавшіяся въ этой великой химической ретортѣ, сѣмена дѣйствительной, благоразумной и необходимой универсальности, сѣмена истиннаго космополитизма—которыя всюду и всегда должны въ послѣдствіи непременно принести хорошіе, здоровые плоды. Даже въ головѣ кратковременнаго посѣтителя этого пятимилліоннаго гнѣзда разноплеменныхъ человѣческихъ существъ непременно вывѣтрятся кой-какіе предрасудки, нѣкоторые поблѣднѣютъ и мѣсто ихъ займутъ идеи болѣе прогрессивныя, чувства болѣе возвышенныя и скорѣе ведущія къ пониманію и обобщенію явленій, чѣмъ мѣстныя узкія понятія. Это результатъ неизбѣжный. На сравнительно небольшомъ клочкѣ земли—разумѣется, пространство въ 700 англійскихъ кв. м., весьма большое для одного города, но незначительно само по себѣ,—соединено чуть ли не все, чѣмъ цивилизація вправе гордиться и то, чего она должна стыдиться. Тутъ есть представители всѣхъ ступеней культуры, всѣхъ сторонъ религіи и всѣхъ степеней экономическаго состоянія. Тутъ атеисты и де-

исты, монотенисты и язычники, имѣя равныя права, обладаютъ возможностью сообщаться; протестанты, католики и евреи одинаково терпимы, и здѣсь больше католиковъ, чѣмъ въ самомъ Римѣ и слишкомъ въ три раза больше евреевъ, чѣмъ во всей Палестинѣ.

Вотъ одна изъ составныхъ частей этого громаднаго калейдоскопа живыхъ существъ—евреи—и будутъ предметомъ моихъ писемъ.

II.

На вопросъ—сколько именно евреевъ въ Лондонѣ? едва ли возможно дать точный, или хотя бы сколько нибудь удовлетворительный отвѣтъ. Народосчисленіе, произведенное здѣсь 4 апрѣля текущаго года, не смотря на всю его полноту во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, не опредѣлитъ состава лондонскаго населенія по вѣроисповѣданію, такъ какъ на бланкахъ, выданныхъ регистратскимъ комитетомъ домохозяйствамъ для выполненія, рубрика «религія» не была обозначена. По Кольбу во всей Англіи всего 40,000 евреевъ, а въ Лондонѣ только 8,000. По Мейэру—13,000 въ Лондонѣ и 50,000 слишкомъ во всей Великобританіи. Эти статистическія данныя относятся къ 1871 и 1872 годамъ, когда на весь Лондонъ ими полагается $3\frac{1}{4}$ милліона. Всѣ эти цифры болѣе скромны, чѣмъ вѣрны, если относить ихъ къ чисто англійскимъ евреямъ. Стоитъ только пройти по кварталамъ восточной части Лондона, ближе лежащимъ къ Сити, по кварталамъ, населеніе которыхъ состоитъ исключительно или большинствомъ изъ евреевъ, какъ кварталъ голландскихъ евреевъ, кварталъ польскихъ и т. подобныя,—стоитъ только разъ побыть въ нихъ, чтобы убѣдиться, что евреевъ въ Лондонѣ въ три, если не въ четыре раза больше, чѣмъ полагаетъ Кольбъ и что наибольшую часть ихъ составляютъ евреи, прибывшіе и прибывающіе сюда изъ Польши, изъ Россіи. Но сколько именно здѣсь тѣхъ и другихъ,—распредѣляются они на четыре группы съ нѣсколькими различными, болѣе или менѣе характеристическими особенностями, на англійскихъ, португальскихъ, голландскихъ и наконецъ польскихъ евреевъ,—это трудно сказать. Гораздо легче разсматривать ихъ по ихъ дѣятельности и степени ихъ благосостоянія. Въ общемъ можно сказать, что ан-

гліійскіе и португальскіе евреи насчитываютъ въ своей средѣ больше богачей и болѣе зажиточныхъ, чѣмъ остальные группы; большинство еврейскихъ обладателей банкирскихъ домовъ, крупныхъ фабрикъ и магазиновъ—англіійскаго или португальскаго происхожденія; голландскіе евреи въ общемъ зажиточны, содержатъ средней руки магазины, фабрики и принимаютъ живое участіе въ мелкой торговлѣ вообще; евреи же польскіе имѣютъ свою долю во всемъ этомъ, но главное, почти специальное ихъ занятіе—это трудъ, трудъ физическій во всѣхъ формахъ, трудъ тяжелый, но честный. Впрочемъ, чтобы быть справедливымъ, необходимо замѣтить, что польскіе евреи въ Лондонѣ предпочитаютъ трудъ не по первому и не по второму качеству его, а просто по необходимости. Способные къ большей подвижности и ловкости, они избрѣли болѣе легкій путь снискивать средства къ существованію, путь, на которомъ въ прежнія времена иногда, очень рѣдко конечно, удавалось сколотить капиталаецъ, и которому стали подражать не только евреи другихъ группъ, но и не-евреи, даже сами британцы. Этотъ болѣе легкій родъ занятія, который навѣрно не былъ извѣстенъ въ Англіи до усовершенствованія мореплаванія примѣненіемъ пароходовъ, называется здѣшними евреями «travelen», испорченное «to travel», означающее—путешествовать съ извѣстною цѣлью, торговли ради или для изученія чего либо, а также поэтому и трудиться, и подъ которымъ евреями подразумѣвается коробейничество. Но въ торговомъ свидѣтельствѣ, ставшемъ обязательнымъ съ недавнихъ поръ и стоящемъ, смотря по роду товаровъ, отъ 5 шиллинговъ до 5 фунтовъ стер., занимающійся этимъ обозначается словомъ: «hawker» или «pedlar», т. е. просто разносчикъ. Этотъ курьезный родъ торговли, въ которомъ основной почвой послужили обманъ и попрошайничество со стороны продавца и наивность и состраданіе къ «poor stranger», т. е. къ бѣдному иностранцу, со стороны покупателей, уже крѣпко дискредитированъ въ глазахъ послѣдняго за несостоятельность и слѣдовательно въ глазахъ перваго за недоходность, и быстро клонится къ своему исчезновенію, уступая мѣсто болѣе законному труду, труду физическому, производительному или непродизительному, но тяжелому, изнурительному, находящемуся въ большомъ почетѣ здѣсь даже у евреевъ—словомъ, труду рабочаго на мрачныхъ фабрикахъ, труду невольника XIX вѣка.

Эта свѣтлая сторона въ быту англійскихъ евреевъ вообще и лондонскихъ въ особенности, благодаря которой они пользуются тутъ уваженіемъ, даже любовью, не преминетъ произвести пріятное впечатлѣніе и на посторонняго, безпристрастнаго зрителя, хотя бы лишь поверхностно знающаго бытъ евреевъ другихъ странъ, какъ напримѣръ евреевъ русскихъ, выдѣляющихъ изъ своей среды такую массу индивидуумовъ „безъ опредѣленныхъ занятій“, безъ специальности, или просто праздношатающихся бѣдняковъ, или евреевъ германскихъ, среднимъ числомъ зажиточныхъ, занимающихся всегда чѣмъ нибудь, но непременно непродуцирующимъ, и старательно избѣгающихъ физическаго труда въ какой бы то ни было формѣ; въ Германіи не только не встрѣчаете евреевъ водовозовъ или водоносовъ, поденщиковъ, плотниковъ, каменщиковъ и т. п., какъ въ западныхъ губерніяхъ Россіи и въ Польшѣ, но не видите даже ремесленниковъ-евреевъ, исключая развѣ золотыхъ и часовыхъ дѣлъ мастеровъ, да рѣзчиковъ печатей; зато тамъ много ученыхъ, занимающихъ кафедры и пр.; но вѣдь одними философскими трактатами да медицинскими рецептами далеко не уйдешь. Тутъ же объ ученыхъ евреяхъ вовсе ничего не слышно, да и вообще тутъ евреи въ литературномъ отношеніи ничѣмъ особеннымъ не заявили себя; и полу-еврей Дизраели-Беконсфильдъ не романами своими приобрѣлъ себѣ популярность и славу. Отсутствие литературныхъ тузовъ и ученыхъ знаменитостей еврейскаго происхожденія отнюдь не вредитъ имъ въ общественной симпатіи туземцевъ. Даже темныя, неблаговидныя на самомъ дѣлѣ пятна шахерства, въ родѣ тревлерства, нисколько не роняютъ ихъ въ глазахъ практичныхъ англичанъ; съ одной стороны потому, что сами англичане не брезгаютъ этимъ, давно убѣдившись въ неизбежной необходимости употреблять всевозможныя средства къ удовлетворенію жизненныхъ потребностей, давно примирившись со зломъ, если хотите, побуждающимъ ничѣмъ не стѣсняться въ борьбѣ для поддержки своего существованія—making a living; съ другой стороны, потому что они имѣютъ прекрасный случай видѣть на живыхъ примѣрахъ, что другія національности, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, ничѣмъ не лучше евреевъ: они видятъ и ученыхъ нѣмцевъ, и вѣтренныхъ французовъ, и лѣнивыхъ итальянцевъ, и гордыхъ испанцевъ, да и многихъ другихъ одинаково готовыми, вслѣдствіе

нищеты, плутовать, попрошайничать, словомъ—ложью и униженіемъ, кривдой и правдой, добиваться куска хлѣба; а въ лицѣ гораздо болѣе здоровыхъ въ физическомъ отношеніи, чѣмъ евреи, итальянцевъ, они видятъ упорное стремленіе избѣгать физическаго труда, точно чумы. И итальянецъ-рабочій на фабрикахъ, гдѣ трудятся, и французы, и нѣмцы, да и всякія другія народности, принадлежатъ во всякомъ случаѣ къ чрезвычайнымъ рѣдкостямъ, къ исключеніямъ. Конечно, въ безирерывной борьбѣ за существованіе, которая по формѣ и развитію своему въ Лондонѣ, гдѣ столько же почти жителей, сколько въ Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Петербургѣ и Римѣ вмѣстѣ взятыхъ, бесспорно занимаетъ первое мѣсто въ мірѣ, не исключая и Америки (тамъ предложеніе рабочей силы, труда—еще не успѣло превзойти спросъ на него),—проявляются рельефнѣе всего тѣ стороны личности, какія въ народѣ, къ которому данная личность принадлежитъ, достигли наибольшаго развитія. Естественно, что соотвѣтственно съ этими качествами народный характеръ выражается въ той или другой формѣ; и вотъ утонченный французъ занимается всѣмъ, что можетъ послужить украшеніемъ наружности людей и вещей—они куаферы, содержатели модныхъ магазиновъ; ученые и послушные нѣмцы—учителя всякаго рода мудрости и искусства, содержатели книжныхъ магазиновъ и булочныхъ, но чаще всего лакеи, вельнеры да служанки; безпечные итальянцы—шарманщики и разнощники гипсовыхъ фигуръ, а лѣтомъ и мороженымъ торгуютъ; задумчивые турки—торгуютъ курительными продуктами и т. д. вплоть до самыхъ низшихъ представителей эіопскаго племени—негры занимаютъ уже различныя ступени общественной лѣстницы—до зулу-кафровъ, которые сами хоть и не торгуютъ, но которыми зато торгуютъ другіе и съ которыми обращаются, если не какъ съ рабами, то все таки нисколько не менѣе постыднымъ образомъ: ихъ показываютъ за деньги любопытнымъ, заставляя ихъ забавлять публику разными свойственными и несвойственными имъ жестами и звуками, и ненасытная рука служителей Маммона не пощадила даже дочерей взятаго въ плѣнъ Цетевая, принцессъ, которыхъ долгое время держали здѣсь на показъ въ королевскомъ акваріи—на забаву и посмѣшище публики... И это не съ цѣлью возбужденія патріотическаго чувства, а просто въ силу коммерціи, и подвер-

гаются посмѣянію не цивилизованные дикарями, а дикіе цивилизованными....

III.

Не смотря однако на всю разношерстность лондонскаго населенія по племенамъ и ступенямъ благо- и неблагосостоянія и на то, что всякая тутъ національность обыкновенно селится въ давно усвоенныхъ ими кварталахъ, трудно очень, по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ и особенно по внѣшности, распознать иностранца, отличить его отъ неиностранца, или француза отъ нѣмца: на всѣхъ жителяхъ Лондона лежитъ какая-то общая печать, даже въ лицахъ ихъ какое-то общее выраженіе и они, точно солдаты, похожи другъ на друга. Въ этомъ сходствѣ, подъ этой однообразной формой общей внѣшности блѣднѣютъ даже контрасты общественнаго благосостоянія,—исключая конечно крайности, имѣющія обыкновенно свои кварталы. Многія причины способствуютъ этому явленію: и неблагосклонность англичанъ къ иностранцамъ вообще, и вытекающее отсюда нежеланіе послѣднихъ быть признанными, и давленіе, производимое колоссальностью размѣровъ этого города на всякаго новоприбывающаго, пугая всякаго новичка мыслью потеряться въ этомъ безбрежномъ морѣ живыхъ существъ, и, наконецъ, мрачный видъ Лондона, куда кажется лучи солнца не охотно проникаютъ и гдѣ оно такъ рѣдко улыбается, радуясь само и радуя другихъ чистотой и спокойствіемъ неба. Нечего поэтому удивляться, что тутъ евреи исчезаютъ въ массѣ другихъ; даже почтенные нѣмцы (скорѣе часто, чѣмъ нерѣдко), старательно избѣгаютъ бесѣдовать на своемъ родномъ языкѣ и предпочитаютъ пить пиво въ англійскихъ кабакахъ; даже французъ, создатель моды, и тотъ легко и чуть ли не съ гордостью покоряется англійскому неподвижному тирану — обычаю, брѣтеть бороду à la John Bull, носить шляпу à la John Bull и т. д. Нечего поэтому удивляться, что хотя благочестивые, но болѣе другихъ нелюбимые сыны Авраама, Исаака и Якова, которые неоднократно были изгоняемы изъ Англии, начиная съ конца XIII столѣтія, во время царствованія Эдуарда I, въ 1290 г., на болѣе или менѣе продолжительные періоды, которые возвращены были только при Кромвелѣ, въ 1655 г., и которыхъ освободили окончательно отъ всякихъ преслѣдованій лишь въ началѣ второй по-

ловины нашего вѣка, пуще всѣхъ старались и тщательно стараются теперь еще скрыть свое происхожденіе различными путями подражанія—подражанія, искусство котораго, уже и безъ того достаточно развитое въ нихъ вслѣдствіе вѣковыхъ историческихъ давленій, они довели чуть ли не до совершенства, до тождества съ подражаемымъ предметомъ.

Однако главная причина того, что евреи теряются тутъ въ массѣ другихъ, лежатъ не въ этомъ, а скорѣе въ томъ, что здѣшніе евреи ничѣмъ не лучше и ничѣмъ не хуже другихъ національностей, ибо волны незнающей снисхожденія борьбы за существованіе одинаково влекутъ ихъ вмѣстѣ съ другими то въ ту, то въ другую сторону, смотря по обстоятельствамъ; и справедливо и несправедливо заслуженные ими упреки одинаково падаютъ и на выходцевъ изъ другихъ странъ. Исключая развѣ французовъ—этихъ вездѣ одинаково любимыхъ счастливецевъ, не любимыхъ лишь ревнивыми мужьями, не лишенными права на это, такъ какъ гордыя дщери Альбіона, благосклонныя къ иностранцамъ вообще, ужъ къ французамъ, конечно, льнутъ, какъ мухи къ меду—исключая ихъ, англичане одинаково косо смотрятъ на всѣхъ иностранцевъ, одинаково всѣхъ обвиняютъ въ скупости, а главное въ томъ, что иностранцы вообще работаютъ больше и дешевле и портятъ такимъ образомъ цѣну на трудъ. Послѣ итальянцевъ, слывущихъ здѣсь попрошайками, наименьшей благосклонностью, особенно со стороны массы рабочаго класса, безспорно пользуются нѣмцы, которые для Европы то же, что китайцы для Америки: какъ эти, такъ и тѣ обыкновенно оставляютъ свою родину только на время, и скопивъ, правда, тяжелымъ трудомъ и постояннымъ прилежаніемъ, кой-какія суммы, обратно спѣшатъ въ свой дорогой фатерландъ. Обвинять ихъ за это, конечно, велѣпо, и только невѣжество можетъ узрѣть въ этомъ посягательство на присвоеніе національнаго богатства чужеземцами; но рабочіе страны все же посредственно и непосредственно страдаютъ отъ этого вторженія, и чувство самосохраненія даетъ имъ право жаловаться. Евреевъ они этимъ попрекать не могутъ, ясно понимая девизъ послѣднихъ: *ubi bene ibi patria*. Правда, евреи болѣе другихъ изворотливы въ средствахъ пріобрѣтенія земныхъ благъ; но и тутъ англичане, удачно прозванные „рыжими жидами“,—если въ этомъ прозви-

щѣ и есть преувеличеніе, то оно скорѣе кроется въ прилагательномъ, чѣмъ въ существительномъ—не только имѣютъ много общаго съ ними, но ни въ чемъ рѣшительно не уступаютъ своимъ прототипамъ. Они не только не осуждаютъ, но даже восхваляютъ ловкую и хитрую манипуляцію, пока она не заслуживаетъ кары закона, считая это купеческой дипломатіей. Англичанинъ и самоуниженіемъ, не говоря уже о лжи, не пренебрежетъ для торговой цѣли. Единственная разница между евреями востока и запада—тутъ даже есть англичане, кажется, даже цѣлое общество, стремящіяся серьезно доказать свое происхожденіе отъ избраннаго народа, полагая, что они потомки одного изъ растерявшихся іудейскихъ колѣнъ—единственная разница та, что послѣднимъ столь же трудно удержать въ своихъ карманахъ звенящій металлъ, какии бы трудомъ онъ ни былъ добытъ, насколько первымъ трудно разстаться съ этимъ металломъ, съ какою бы легкостью онъ ни былъ добытъ. Но ихъ тщеславіе и страсть къ украшенію себя «благородными» металлами и камнями—и въ этой страсти англичане совершенно похожи на евреевъ—нѣсколько затемняютъ ихъ общую скупость. Алчность ихъ къ барышу и заработкамъ, находя себѣ достойныхъ и не болѣе ихъ разборчивыхъ состязателей на этой аренѣ въ лицѣ другихъ національностей, европейцевъ и неевропейцевъ, христіанъ и нехристіанъ, поставленныхъ тутъ въ совершенно тѣ же условія, какъ и евреи, и дѣйствующихъ, слѣдовательно, подъ тѣмъ же давленіемъ, уравнивается и теряется въ общемъ движеніи. Она не выдается такъ, какъ въ другихъ странахъ, гдѣ евреи стоятъ по правамъ болѣе или мевѣе ниже туземцевъ, гдѣ нерѣдко иностранцы, особенно болѣе цивилизованныхъ странъ, имѣютъ больше правъ, чѣмъ даже сами туземцы, или тѣ же права, но при гораздо меньшей отвѣтственности, при болѣе легкихъ обязанностяхъ—словомъ, гдѣ для иностранцевъ состязаться съ ограниченными въ правахъ евреями, нѣтъ ни расчета, ни удовольствія. Вотъ всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятая, и составляютъ общую причину, полное основаніе того, что англійскіе, по крайней мѣрѣ, лондонскіе евреи не хуже и не лучше какъ самихъ англичанъ, такъ и тѣхъ, которые наслаждаются гостепріимствомъ этой страны, гостепріимствомъ, равнымъ для всѣхъ, пока они не нарушаютъ законовъ ея уголовными преступленіями.

И если, наконецъ, послѣ всего этого, крайне строгій и болѣе тщательный изслѣдователь все-таки откроетъ на еврейской части англійскаго населенія больше общественно-нравственныхъ пятенъ, чѣмъ на какой-либо другой части его разноплеменнаго состава, то слѣдуетъ припомнить, что дѣйствительно полное уравненіе евреевъ въ правахъ политическихъ и общественныхъ юридически и фактически существуетъ только одну четверть столѣтія, и слѣдующій эпизодъ можетъ служить примѣромъ тому, что англичане не всегда такъ любезно смотрѣли на евреевъ. На обѣдѣ, данномъ недавно лучшими представителями англійскаго общества одному изъ самыхъ знаменитыхъ актеровъ лондонскихъ театровъ, Ирвингу, лучшая роль котораго — Шейлокъ въ «Венеціанскомъ купцѣ» Шекспира, одинъ изъ присутствовавшихъ, лордъ N., провозглашая тостъ за героя обѣда, торжественно сдѣлалъ наивное замѣчаніе: „теперь уже нѣтъ болѣе такихъ венеціанскихъ жидовъ, такихъ страшныхъ Шейлоковъ!“ Существовали ли когда-либо такіе субъекты—это вопросъ другой; вѣрно однако то, что ихъ теперь нѣтъ и не можетъ быть, потому что нѣтъ тѣхъ условій, которыя нарождали ихъ и воспитали. Сами евреи тутъ ни причемъ, они столь же мало заслуживаютъ похвалы за исчезновеніе и вымираніе этого типа изъ ихъ среды, сколько и порицанія за то, что этотъ типъ явился вообще; они столь же невиновны въ первомъ, сколько неотвѣтственны во второмъ: перемѣнилась обстановка, перемѣнился и продуктъ, ихъ перестали ненавидѣть и они перестали мстить. Наконецъ, физическій трудъ, сбросивъ съ себя характеръ постыднаго рабства, завоевалъ себѣ на мѣсто обиднаго презрѣнія, которому въ „доброе старое время“ подвергались всѣ физическіе труженники, прочное уваженіе и самостоятельность — и евреи работаютъ физически. Правда, порою нѣкоторые злоупотребляютъ той доброй дозой энергіи, выносливости и способности выйти побѣдителемъ изъ затруднительныхъ обстоятельствъ,—злоупотребляютъ этими хорошими качествами, вольно и неволью прибрѣтенными ими, благодаря благодѣтельнымъ и неблагоприятнымъ историческимъ условіямъ, въ своихъ долгихъ странствованіяхъ; но эти качества сами по себѣ отъ этого ничего не теряютъ, а остаются хорошимъ достояніемъ, не даромъ вызвавшимъ зависть къ себѣ нѣмцевъ — этихъ неудачныхъ

побѣдителей, хотя хорошихъ солдатъ, этихъ плохихъ экономовъ, хотя прилежныхъ труженниковъ; но можетъ быть одно обусловливаетъ другое, какъ причины и слѣдствія.

IV.

Политическое положеніе евреевъ Великобританіи, не смотря на нѣкоторыя ограниченія, слѣдовательно, на неполноту, на не совершенное равенство ихъ въ политическихъ правахъ съ другими натурализованными, однако таково, что не оставляетъ желать ничего большаго. Евреи въ этомъ отношеніи стоятъ совершенно наравнѣ съ католиками, и тѣ государственныя функціи, отъ отправленія которыхъ евреи устраниются закономъ, одинаково недоступны и католикамъ, такъ что видно, что эти исключенія прямо вытекаютъ изъ соображеній чисто религіознаго свойства. Такъ евреямъ, какъ и католикамъ, недоступны слѣдующіе посты: намѣстника или регента соеиненнаго королевства; лорда канцлера, или хранителя великой печати; лорда лейтенанта или другихъ главныхъ правителей (губернаторовъ) Ирландіи; высшаго депутата генеральнаго собранія при шотландской церкви, или какая бы ни была должность въ англиканской церкви, или въ шотландской, или въ церковныхъ (духовныхъ) судахъ, или въ университетахъ, гимназіяхъ, или въ публичныхъ школахъ этого государства *. Ограниченія эти исчислены въ такъ называемомъ «Catholic Emancipation Act.» — «Рѣшеніи объ Эмансипаціи Католиковъ», прошедшемъ въ парламентѣ при Георгѣ IV, въ 1827 или 1828 году и еще понынѣ сохраняющемъ свою силу. Въ другомъ мѣстѣ находится постановленіе, воспрещающее допущеніе евреевъ въ прямыя совѣтники короны (Prohibition of advice by Jews to Crown, въ 1857 — 58 г.). По всей вѣроятности и католикамъ отказано въ этомъ правѣ; такъ какъ и прогрессъ на пути приобрѣтенія политическихъ правъ совершался почти одновременно для тѣхъ и другихъ, а если и отыщется даже нѣкоторая разница во времени и успѣхахъ при этомъ процессѣ, то она безспорно клонится въ пользу евреевъ. Такъ еще въ 1753 году, во время царствованія Георга II, прошелъ въ парламентѣ законъ, извѣстный какъ «famous Jew Bill», и который постановилъ, что всѣ иностранцы, ис-

* Stephen's Comment, on the Jews of Engl. Vol. II. p. 711—712.

повѣдующіе еврейство, могутъ быть натурализованными безъ пріятія присяги» *, такъ какъ существовавшей тогда формой присяги требовалось не только повиновеніе законамъ страны, но и доктринамъ англиканской (протестантской) церкви; точно также изданный еще позже при Георгѣ же четвертомъ законъ, требуя совершенія бракосочетанія по обрядамъ англиканской церкви, исключилъ однихъ лишь евреевъ да квакеровъ. Впрочемъ первый законъ «знаменитый билль о евреяхъ», вызвавъ крайнее неудовольствіе народа, вскорѣ былъ отмѣненъ, а права, данныя вторымъ закономъ однимъ лишь евреямъ да квакерамъ, уже въ 1836 году признаются и за всѣми другими диссидентами вообще, т. е. за католиками, всѣми тѣми протестантами, которые расходятся съ ученіями англиканской церкви, какъ веслеянцы и тр. и наконецъ за сектантами вообще.

Вѣротерпимость однако еще не завершила здѣсь своего развитія. Что же касается до натурализаціи, то, послѣ разныхъ облегченій, только недавно, а именно въ 1870 — 72 гг., прошло парламентское рѣшеніе «Naturalisation Act.», по которому евреи, между прочимъ, получаютъ право давать афирмацію и декларацію вмѣсто присяги, и этимъ правомъ они могутъ пользоваться при натурализаціи, на судахъ, при вступленіи въ парламентъ, при занятіи какой-либо должности вообще и т. д., чѣмъ многіе другіе, даже сами англичане, вовсе не пользуются, какъ этому ясно свидѣтельствуется уже больше года продолжающаяся борьба мистера Брадлоу съ большинствомъ членовъ парламента. Конечно только съ окончательнымъ восторжествованіемъ абсолютной вѣроисповѣдной терпимости, противъ которой все еще ревниво охраняетъ себя всевозможными средствами англиканская церковь, но въ которой уже чувствуется потребность и необходимость и въ пользу которой уже ожесточенно ведется война („крестовый походъ противъ лицемѣрія“, защищаемаго даже порою и евреями, какъ нынѣшнимъ членомъ парламента, барономъ де-Вормсомъ)—только съ минуты, когда эта вѣротерпимость одержитъ побѣду надъ единственнымъ нынѣ врагомъ своимъ—лицемѣріемъ—въ виду узкихъ интересовъ, непремѣнно исчезнуть со страницъ англійскихъ кодексовъ и тѣ немногія, притомъ для массы совершенно ничтож-

* Ibid.

ныя ограниченія политическихъ правъ, которыя изложены выше и часть которыхъ скорѣе обидна, чѣмъ важна для католиковъ и евреевъ. Потому что масса насущныя права имѣеть, а опасности, вновь лишиться ихъ отъ дурныхъ совѣтниковъ, нѣтъ и никогда не будетъ: англійскій народъ, разъ принявъ какія-либо нововведенія, никогда уже не позволитъ отнять ихъ у него обратно. Этимъ свойствомъ англійскаго народа съ одной стороны, и его разумнымъ, практичнымъ взглядомъ на вещи, — съ другой, вполне обеспечиваются права разъ навсегда приобретенныя имъ или частью его. Поэтому тутъ невозможны такіе повороты, какъ въ Германіи, въ этой многоученой, философской Германіи, повороты и вѣянія, имѣвшія результатомъ пресловутѣе «анти-семитическое движеніе», которое было вызвано по наитію свыше съ цѣлью отвести глаза, какъ справедливо замѣчала англійская пресса, недовольнаго, со всѣхъ сторонъ тяжело угнетаемаго пролетаріата отъ дѣйствительнаго корня зла и которое нигдѣ не было такъ основательно и такъ обстоятельно осуждено какъ здѣсь, въ Англии, здравымъ разсудкомъ ея населенія. Вся пресса, безъ исключенія и безъ различія партіи политическаго, религіознаго или экономическаго характера, назвавъ это движеніе постыдной уловкой реакціонернаго узкоколбія и неомываемымъ пятномъ для современной Европы и краснорѣчиво выказавъ такимъ образомъ свое презрѣніе, упрекала нѣицевъ въ черной неблагодарности ихъ къ евреямъ за многія и частыя услуги, оказанныя послѣдними первымъ, и чрезвычайно радовалась благоразумному и болѣе просвѣщенному отношенію нѣмецкаго рабочаго класса къ этому искусственно-созданному вопросу. Сверхъ того, тутъ существующія права не урѣзываются, подобно тому, какъ во многихъ другихъ странахъ цивилизованной Европы, связями, акти-протекціями, традиціями да этикетками — словомъ брѣзгливостью къ смуглолицымъ, черноволосымъ „израэлитамъ“, и никакія права не остаются существующими лишь на бумагѣ.

И вотъ евреи ненарушимо пользуются здѣсь своими правами, принимая прямое и непосредственное участіе въ дѣлахъ великобританской Имперіи, и народъ не ропщетъ на нихъ, потому что они, очевидно, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не злоупотребляли этими правами вмѣшательства и участія, (что впрочемъ при англійскомъ государственномъ строѣ и едва ли возможно), и не

только не оказались вредными, но даже успѣли доказать свою годность и способность, опровергнувъ такимъ образомъ практикой тѣ обвиненія, которыя при вопросѣ въ 1857 — 58 гг. о допущеніи евреевъ въ парламентъ, это основное учрежденіе англійскаго государства, составляли главную силу, основную тему опоры противниковъ этой реформы, а именно, что евреи, не имѣя отечества, съ одной стороны давно отвыкли отъ государственныхъ дѣлъ, а съ другой стороны, поднимая глаза свои къ востоку, они припоминаютъ, что имъ обѣщано еще имѣть свое отечество въ будущемъ; туда и тянутъ ихъ эти воспоминанія о прошломъ и надежды на будущее и слѣдовательно, какъ временные гости, они могутъ быть и вредны. Но здравый разсудокъ и практичное пониманіе вещей англичанъ побѣдили опасенія на счетъ вредности евреевъ и не способности ихъ къ государственной дѣятельности, благодаря очень ясному сознанью, что лишенный отечества всего больше дорожить той страной, гдѣ ему лучше, а стало быть эту страну онъ больше всего любитъ, ей онъ больше всего вѣренъ; сюда же присоединялось сознаніе, что за преступленія существуютъ наказанія, и что небрежность не имѣетъ успѣха, потому что фантастическій бредъ объ устройствѣ отдѣльнаго для евреевъ государства на мѣстѣ стараго, вытекаетъ изъ головъ лишь очень немногихъ сумасбродовъ, и жалкія хлопоты нѣкоторыхъ жалкихъ адвокатовъ этого дѣла могутъ лишь вызвать презрительную улыбку *.

При нынѣшнемъ составѣ парламента, членовъ еврейскаго вѣ-

* Необходимо замѣтить, что здѣсь существуетъ довольно распространенное общество евреевъ, извѣстное подъ именемъ „Англійскихъ или Британскихъ Евреевъ“ (Anglo-jews or British jews). Основная идея этого общества — признаніе Англій своимъ абсолютнымъ отечествомъ и отрицаніе возможности и охоты, осуществить мысль объ устройствѣ новаго израильскаго царства на обѣтованной землѣ, въ Палестинѣ: пришествіе Мессіи прямо отрицается этимъ обществомъ; дѣль и стремленіе его — распространеніе этой идеи среди натурализованныхъ въ Великобританской имперіи евреевъ. Евреи этого направленія произвели нѣкоторыя необходимо вытекающія изъ такой идеи религіозныя реформы: они измѣнили текстъ и смыслъ нѣкоторыхъ молитвъ, установивъ такимъ образомъ гармонію между основной идеей своей и содержаніемъ молитвъ; кромѣ того произвели нѣкоторыя сокращенія въ праздникахъ; такъ они празднуютъ еврейскій новый годъ только одинъ день, вмѣсто принятыхъ двухъ и т. под. Эта идея — гораздо болѣе благоразумный шагъ на пути прогресса, чѣмъ сепаратизмъ; она вѣрнѣе ведетъ къ смѣшенію и сліянію съ другими.

Асторъ.

роисповѣданія 4, но еврейскаго происхожденія гораздо больше, а если принять во вниманіе количество евреевъ въ Англіи, и что, кромѣ громаднѣхъ расходовъ по выборамъ—(надо знать, что выборы здѣсь обходятся очень дорого, иногда одному члену стоитъ удовольствіе быть избраннымъ 3—4 тысячи фунтовъ стер. и больше)—необходимо еще народное сочувствіе, то эта цифра не только не окажется скромной, но даже очень уже представительной. Право возсѣдать въ англійскомъ парламентѣ безспорно самое высокое, какимъ евреи Англіи могутъ гордиться; спускаясь ниже, они также находятся на всѣхъ ступеняхъ и отрасляхъ общественной дѣятельности, начиная съ самыхъ почетныхъ мѣстъ, напр. лондонскаго лордъ-мэра,—нѣсколько лѣтъ тому назадъ еврей сэръ В. Филлипсъ былъ лордъ-мэромъ Лондона—и кончая полицменами: еврей-полицейскій—частое явленіе.

А между тѣмъ права евреевъ на общественныя должности, какъ уравненіе ихъ съ другими вообще, существуютъ только короткое время и какъ сказано уже въ одномъ изъ предидущихъ писемъ, даны имъ въ теченіи царствованія Викторіи, нынѣшней королевы Англіи. Такъ въ 1845 г. евреи получили право занимать муниципальныя должности съ нѣкоторыми ограниченіями, которыя уничтожены поправкой, введенной въ 1871 году; въ слѣдующемъ затѣмъ году, въ 1846, прошло въ ихъ пользу рѣшеніе, извѣстное подъ именемъ «Removal of jewish disabilities», т. е. «устраненіе неспособностей евреевъ ко владѣнію извѣстнаго рода имуществомъ»; эти имущественныя права были еще болѣе расширены добавленіями, произведенными въ 1854—5 гг., причѣмъ имъ дана была ббльшая свобода относительно мѣстъ для отправленія богослуженія (places of worship), а въ 1875 г. вычеркнуты были и оставшіяся послѣ добавленій ограниченія, такъ что евреи окончательно уравнены въ имущественныхъ правахъ съ другими всего только пять лѣтъ тому назадъ. Начиная съ 1836 г., при Вильямѣ IV, право заключенія брака все болѣе и болѣе (въ 1840, 1847 и 1856 гг. при Викторіи) освобождается отъ существовавшихъ затрудненій, затѣмъ упрощеніемъ формы присяги и замѣненіемъ впослѣдствіи самой присяги декларацией (въ 1857—8 и въ 1859 гг., да въ 1868 и 1871 годахъ) разрушены были и послѣдніе остатки затрудненій, порожденныхъ предразсудками.

Наконецъ самое важное приобрѣтеніе—право не только избирать, но и самимъ быть избираемыми въ члены англійскаго парламента—сдѣлано было евреями въ 1857—8 гг., а поправкой въ 1871 г. оно окончательно упрочилось.

Произведены были и многія другія измѣненія въ законахъ касательно евреевъ въ теченіе послѣдняго тридцатилѣтія, и всякое изъ этихъ измѣненій было въ ихъ пользу, но всѣ они второстепенной важности, почему и нѣтъ надобности распространяться о нихъ, тѣмъ болѣе, что существующія и нынѣ ограниченія уже извѣстны читателю. Было бы однако небрежностью и упущеніемъ, обойти молчаніемъ одно весьма интересное, даже важное обстоятельство, а именно, значеніе, какое тутъ въ Лондонѣ, какъ и во всей Англійи вообще, придается при выборахъ еврейскому населенію. Правда, во время избирательной борьбы употребляются кандидатами и ихъ агентами всѣ средства, пускаются въ ходъ всякія общанія, съ цѣлью привлечь на свою сторону симпатіи избирателей, сочувствія всемогущей въ ту пору массы; тѣмъ не менѣе напряженія, какія дѣлаются для того, чтобы понравиться и евреямъ, доказываютъ, что и за ними признается значеніе и даже вліяніе. Во время послѣднихъ выборовъ были тому многіе примѣры, но одинъ изъ нихъ до того поразителенъ, что нельзя не упомянуть о немъ: представители консервативной партіи, слѣдовательно, приверженцы лорда Биконфильда, — (смерть, недавно похитила этого человѣка и лишила консерваторовъ своего организатора и вождя, опоры и главы, а еврею—добраго друга, такъ какъ онъ много способствовалъ расширенію ихъ правъ)—желая съ одной стороны привлечь къ своимъ урнамъ самихъ евреевъ, а съ другой—и англичанъ (обыкновенно весьма гордящихся пасторами изъ выкрещенныхъ евреевъ, что тутъ вовсе не рѣдкость и выкрещенный еврей-пасторъ пользуется чрезвычайнымъ уваженіемъ прихода), издали прокламацію, гдѣ между прочими аргументами въ пользу своихъ кандидатовъ говорилось, что нынѣшній, т. е. консервативный образъ правительства ближе всего стоитъ къ государственному строю Іудеевъ, что даже во главѣ его—умные потомки этого возлюбленнаго Богомъ народа—Израиля, что мы стремимся къ водворенію у насъ государственнаго строя совершенно на основаніяхъ Священнаго Писанія, что нашъ строй уже и теперь во многомъ сходенъ съ древнимъ строемъ израильтян-

скаго государства и что слѣдуетъ поэтому вотировать въ пользу приверженцевъ главы ихъ, Д'Израэли. Это, конечно, одна изъ тѣхъ эксцентричностей, на какия такъ способны англичане; все же она доказываетъ, какое еврейскому населенію тутъ дается значеніе. Припоминается при этомъ невольню Германія, гдѣ, хотя евреевъ въ 12 разъ больше, чѣмъ въ Англіи, но при выборахъ имъ вовсе не придается значенія, вѣрно изъ боязни — жидофицироваться.

Г.

(Продолженіе будетъ).

ПИСЬМА ИЗЪ ГЕРМАНИИ.

Не добромъ помянуть еврей восьмой десятокъ XIX ст.! Окружающая среда черезчуръ ужъ долго относилась пассивно къ евреямъ, по понятіямъ нинхъ людей для того только и созданныхъ, чтобы служить громоотводомъ для страстей народныхъ. Относительный покой, который обрѣли еврей въ нынѣшнемъ вѣкѣ, оканчивается на самомъ дѣлѣ не болѣе какъ моментомъ, столь-же преходящимъ, какъ и все остальное въ сей юдоли горя и испытаній. Евреямъ дано было только время оправиться, такъ сказать починиться, послѣ тѣхъ увѣчій и ущербовъ, которые они унесли съ собою отъ двухтысячелѣтнихъ насилій. Дарованная милостью привилегированной части человѣчества, кратковременная пауза припла къ концу. Еврей не догадались, въ чемъ дѣло, и пренаивно вообразили, что рѣшено не на шутку оставлять ихъ въ покоѣ. Убаюканные этою законною увѣренностью, они повемножку стали таки приходить въ себя: они попробовали направиться по той самой дорожкѣ, по которой шествуютъ безмятежно и другіе люди рядомъ съ ними срывающіе цвѣты жизни, на той-же самой землѣ-кормилицѣ и подъ сѣнью общаго для всѣхъ, лучезарнаго небеснаго свода. Годы уходили, и конечно уходили не безслѣдно. Больной, разбитый, парализованный въ рукахъ и ногахъ Израиль началъ пресерьезно поправляться и подавать надежды на полное выздоровленіе. Энергія, природныя силы, разумное отношеніе къ новымъ условіямъ, въ которыхъ очутились еврей; наконецъ, и прежде всего, сама жизнь съ ея безпощадными требованіями, обращенными ко всѣмъ безъ различія существамъ, обладающимъ разумомъ и желудкомъ,—все это, вмѣстѣ взятое, стало

постепенно изглаживать роковые слѣды прошедшаго: евреи преобразовывались, улучшалась ихъ обстановка, измѣнялись повидимому къ лучшему и отношенія къ нимъ окружающей среды. «Довольно!» — раздался въ эту пору зловѣщій голосъ, ехидно взывавшій къ воскресенію сценъ средневѣковой эпохи: «довольно!... разжирѣвшимъ жидамъ пора и честь знать. Чего они суются, въ самомъ дѣлѣ, впередъ! Знай, молъ, сверчокъ свой шестокъ....» — Какъ вслѣдъ за симъ была поведена атака противъ евреевъ въ Германіи, какъ продолжаютъ ее вести — правда съ до-нельзя ослабленными силами — еще до сихъ поръ, все это нашимъ читателямъ уже извѣстно. Но здѣсь эта травля не ознаменовалась, къ счастью, никакими трагическими эпизодами. Ей не пришлось разростись до того предѣла, за порогомъ котораго оказываются кровь, увѣчья, грабежи и раззоренье. Германская травля не имѣла съ самаго начала ни корней, ни опоры въ народѣ — и въ этомъ состоитъ весь секретъ ея неуспѣха. Она насаждена усилиями высшихъ сферъ, для которыхъ еврей-гражданинъ составляетъ нѣкое неудобство, подлежащее по меньшей мѣрѣ временному устраненію. Правда, и германскіе евреи выстрадали въ нравственномъ отношеніи не мало изъ-за позорныхъ явленій, которыми ознаменовалъ себя направленный противъ нихъ походъ, но они все-таки остались поголовно на своихъ мѣстахъ; ихъ имущество не расхищено, ихъ жены и дѣти не вышвырнуты на улицу. Они вздыхали потихоньку и про себя, дѣлили другъ съ другомъ свои чувства и впечатлѣнія: у нихъ не доходило до стоновъ, до криковъ отчаянія, до взываній о помощи и обращеній къ благотворительности случайно пощаженныхъ братьевъ....

Мы не даромъ предпослали дальнѣйшему изложенію эту краткую, на первый взглядъ можетъ быть и немного сентиментальную рѣчь. Намъ предстоитъ въ настоящемъ очеркѣ познакомить читателя съ житьемъ-бытьемъ нашихъ нѣмецкихъ собратьевъ. Оно счастливиѣ, полнѣе и содержательнѣе горемычнаго житія русскихъ евреевъ, прочность положенія которыхъ сказалась на-дняхъ въ такой потрясающей, трагической формѣ. Отчего оно такъ, а не иначе — разъяснять не приходится. Параллель, которую мы набросили — хотя и намеками только — во вступленіи, да послужитъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ для тѣхъ тысячъ пострадавшихъ евреевъ, которые стали жертвою послѣдняго южно-русскаго погрома. Намъ нечего падать духомъ. Въ Германіи дѣла евреевъ были, до не-

давняго еще времени, немногимъ лучше. На ихъ долю выпало также не малое количество наитяжелѣйшихъ испытаній, которыя однако пронеслись какимъ-то чудомъ надъ ихъ головою, въ концѣ-концевъ нисколько ихъ не ослабивъ. Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ въ самой Германіи,—измѣнилось соотвѣтственно этому и положеніе евреевъ, ставшихъ на самомъ дѣлѣ почти что неуязвимыми. Они охраняются закономъ, наравнѣ со всѣми; ихъ общественныя учрежденія процвѣтаютъ и отличаются образцовою организаціею, содѣйствуя вмѣстѣ съ тѣмъ поддержанію среди нихъ той здоровой и производительной солидарности, которая отличнѣйшимъ образомъ уживается съ отношеніями ихъ къ государству и согражданамъ. Многое другое еще говоритъ намъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, о прочности условій, среди которыхъ работаютъ и пожинаютъ свой трудъ нѣмецкіе евреи. Пусть-же этотъ живой примѣръ ободритъ нашихъ русскихъ соплеменниковъ: ихъ ждуть также, и безъ сомнѣнія скоро, дни лучшіе и болѣе свѣтлыя, чѣмъ прошедшее и настоящее. Житье-же бытѣе нашихъ братьевъ-сосѣдей да послужитъ для насъ заблаговременно образцомъ, которымъ мы воспользуемся у себя дома въ томъ недалекомъ будущемъ, когда и намъ будутъ развязаны руки.

Переходя къ изложенію общественной организаціи германскихъ евреевъ, мы остановимся спеціально на берлинскихъ ихъ представителяхъ, наиболѣе выдающихся въ Германіи по своей численности и блеску. Берлинскіе-же евреи послужили, какъ извѣстно, по преимуществу мишенью для антисемитскихъ воинствъ.

Въ послѣднемъ письмѣ уже было мимоходомъ упомянуто объ исторіи возникновенія нынѣшней «берлинской еврейской общины», нѣсколько лѣтъ тому назадъ торжественно отпраздновавшей двухсотую годовщину своего существованія. Исторія эта поучительна въ высшей степени: она представляетъ собою ничто иное, какъ непрерывную борьбу, настолько-же печальную, насколько и осмысленную, которую пришлось вести притѣвленной и задавленной горсти еле-терпимыхъ паріевъ съ противникомъ мощнымъ и долгое время неумолимымъ. Историческій ходъ этой борьбы есть одновременно и исторія интеллектуальнаго и общественнаго развитія самихъ нѣмецкихъ евреевъ. Чтобы оцѣнить ее по достоинству, не мѣшаетъ бросить предварительно взглядъ на картину нынѣшней жизни, хотя-бы берлинскихъ евреевъ. Прошедшее высту-

пить тогда еще болѣе рельефно, какъ фонъ, на которомъ предстанутъ предъ нами во всемъ своемъ величїи заслуги прежнихъ поколѣній. Сопоставляя, въ этомъ отношенїи, исторїю берлинской общины съ тѣми безотрадными явленїями, которыя очертилъ впервые на страницахъ «Восхода» г. Л. О. Гордовъ, по вопросу о возникновенїи и дальнѣйшемъ развитїи еврейской-же общины въ Петербургѣ, приходишь къ заключенїю, что исторїя берлинскихъ евреевъ несравненно содержательнѣе и поучительнѣе. Здѣсь видны идея, сознательное стремленїе, желѣзная энергїя, выдержанность и—какъ награда за всѣ эти достоинства—полнѣйшее торжество и пожинанїе плодовъ. Не будемъ, однако, забѣгать впередъ, а расскажемъ сначала о современномъ строѣ берлинскихъ евреевъ. Приводимые ниже факты опираются на личныхъ наблюденїяхъ, на словесныхъ разъясненїяхъ компетентныхъ лицъ и на официальныхъ отчетахъ за цѣлое десятилѣтїе самой еврейской общины германской столицы.

Многимъ изъ нашихъ читателей суждено было, безъ сомнѣнїя, навѣстить проѣздомъ, или на болѣе продолжительное время, столицу германскаго государства, и при этомъ случаѣ познакомиться съ прекраснымъ и величественнымъ храмомъ еврейскимъ, на который встаетъ обращаютъ вниманїе туристовъ какъ печатные, такъ и устные гиды. Это грандіозное зданїе построено въ восточномъ стилѣ, съ модификаціями, внесенными въ искусство новѣйшею архитектурою: оно привлекаетъ изъ года въ годъ массу любопытныхъ, которые не могутъ не отдать справедливости его изяществу и богатству—скромному, но тѣмъ не менѣе поражающему. Все, до мельчайшихъ мелочей, взобличаетъ здѣсь твердую руку художника, который, отдавая дань безхитростной обстановкѣ еврейской церкви, сумѣлъ все-таки создать нѣчто оригинальное и гармоничное, приковывающее взоръ наблюдателя и награждающее его множествомъ высоко-эстетическихъ наслажденїй. Нынѣшняя германская кронпринцесса Викторїа, отлично владѣющая кистью, была настолько очарована берлинскою синагогою, что выразила желанїе срисовать ее собственноручно на полотнѣ. Она исполнила талантливо свое намѣренїе и, по просьбѣ представителей общины, преподнесла въ послѣдствїи свою работу въ даръ самой синагогѣ.

Берлинскїй еврейскїй храмъ построенъ для 3,000 прихожанъ—значить, размѣры его довольно солидны. Богослуженїе образцово.

Прекрасный хоръ, аккомпанируемый органомъ, придаетъ ему какую-то особенную торжественность и красоту. Вся обстановка не оставляетъ желать лучшаго. Заботливый взоръ умѣлаго хозяина видѣнъ на каждомъ шагу. Синагога эта служитъ, однимъ словомъ, прекраснымъ аттестатомъ, удостоверяющимъ корпоративную зрѣлость берлинскихъ евреевъ, которые — безъ шуму и разглагольствованій, безъ всякой посторонней помощи—сумѣли создать, за короткое время, какія-нибудь семь лѣтъ (1859 — 1866), такой прекрасный памятникъ, поглотившій не одну сотню тысячъ талеровъ и обязанный своимъ существованіемъ кооперативному усердію всей общины.

Но не одною только синагогою берлинскіе евреи отрекомендовываютъ себя пріѣзжему гостю, интересующемуся ихъ общественными дѣлами и учрежденіями. У нихъ есть и кромѣ того, на что посмотрѣть, на что полюбоваться. Больница, богадѣльни, училища, сиротское заведеніе и т. д. — все это заслуживаетъ не меньшаго вниманія, какъ по цѣлесообразности своей организація, такъ въ особенности по администраціи и по результатамъ, достигаемымъ каждымъ изъ этихъ учрежденій въ отдѣльности.

Какими-же средствами поддерживается существованіе этихъ послѣднихъ, въ чьихъ рукахъ находится ихъ завѣдываніе и кому принадлежить честь ихъ очевиднаго процвѣтанія?

Между многими грѣхами, которые профессиональные жидаѣды имѣютъ обыкновеніе навязывать нашему племени, нерѣдко приходится слышать подобнаго рода обвиненіе, недавно подхваченное, между прочимъ, и Дюрингомъ: «евреи, молъ, народъ такой, который не имѣетъ и понятія о дисциплинѣ. Они отличаются прежде всего кочевыми нравами. Разъединяющій элементъ—основная характеристическая ихъ черта; начало связующее, единеніе — имъ было, есть и будетъ чуждо». Исторія евреевъ давно уже осудила это голословное сужденіе, современная-же жизнь ихъ въ странахъ цивилизованныхъ, не стѣсняющая свободного развитія общественности и среди евреевъ, уличаютъ нашихъ благожелателей еще болѣе во лжи. Дѣло отнюдь не въ національныхъ какихъ-то особенностяхъ евреевъ, яко-бы идущихъ въ разрѣзъ съ понятіемъ о дисциплинѣ. Послѣдняя и среди нихъ пріобрѣтаетъ право гражданства, но разумѣется лишь тамъ, гдѣ и все остальное подчиняется этому основному началу благоустроеннаго общества. Нагляднымъ тому при-

мѣромъ служатъ именно нѣмецкіе евреи, которые какъ нельзя лучше освоились съ недаромъ хваленою дисциплиною, отличающею германскій народъ вообще и составляющею причину его могущества и процвѣтанія.

Механизмъ общественнаго устройства берлинскихъ евреевъ весьма простъ. Основу его составляетъ «Уставъ Берлинской еврейской общины», утвержденный законнымъ порядкомъ и свято соблюдаемый всѣми тѣми органами, которыхъ это непосредственно касается. Означенный уставъ, обнимающій собою 80 параграфовъ, существуетъ съ 31 августа 1860 г. и введенъ въ дѣйствіе послѣ долгихъ мытарствъ и пререканій, въ силу закона отъ 23 іюля 1847 г., служащаго первымъ по времени актомъ по вопросу о признаніи евреевъ равноправными гражданами. На основаніи устава, всѣ, проживающіе въ полицейскомъ районѣ города Берлина евреи совершеннолѣтніе и въ юридическомъ отношеніи правоспособные входятъ въ составъ столичной общины. Принадлежность къ общинѣ ни для кого, однако, не обязательна: выступленіе изъ ея состава, изъ за религіозныхъ или иныхъ побужденій, допускается даже и въ томъ случаѣ, если съ этимъ выступленіемъ не связанъ переходъ въ христіанство *. Берлинскіе евреи сдѣлали, однако, до сихъ поръ весьма ограниченное употребленіе изъ этой льготы, очевидно основанной на принципѣ полнѣйшей свободы совѣсти. Всего выступило до настоящаго времени изъ состава общины 33 члена, изъ коихъ лишь восемь платящихъ. Нѣкоторые изъ этихъ отщепенцевъ перешли къ классу такъ назыв. «Confessionslose», большинство-же приняло по-просту христіанство. Какъ видно уже изъ этого факта, нынѣшняя солидарность германскихъ евреевъ зиждется на прочныхъ основахъ и значительно отличается отъ той *обязательной* солидарности, къ которой принуждала ихъ прежде законодательная власть изъ фискальныхъ цѣлей.

Финансовыя средства общины слагаются изъ обязательныхъ платежей ея членовъ—платежей, взимаемыхъ по системѣ подоходныхъ налоговъ. За низшую норму участія въ коммунальныхъ платежахъ установленъ годичный доходъ въ 300 талеровъ: лица не-

* Законъ отъ 14 мая 1873 г. и отъ 28 іюля 1876 г.—См. „Zander. Handbuch, enthaltend die sämtlichen Bestimmungen ueber das Verhältniss der Juden im Preussischen Staate. Lpz. 1881“.

имушія, располагающія доходомъ меньшимъ, освобождаются совершенно отъ налога, не переставая притомъ считаться, по желанію, членами общины. Замѣтнѣе кстати, что коммисія, завѣдующая ежегодною раскладкою налоговъ, относится въ высшей степени гуманно къ имущественному положенію членовъ общины: отъ налога освобождаются очень часто лица, хотя и владѣющія установленнымъ цензомъ, но по семейнымъ или инымъ обстоятельствамъ не имѣющія возможности удѣлять на общественныя дѣла частицу изъ своихъ доходовъ. И однако финансовое положеніе общины отъ этого нисколько не страдаетъ, что доказывается отсутствіемъ у нея дефицитовъ *.

Къ началу настоящаго года платящихъ налоговъ членовъ числилось въ общинѣ 7,243, вклады коихъ, (не считая добровольныхъ приношеній), доставили немногимъ меньше 400 тыс. марокъ. Этотъ сборъ, вмѣстѣ съ регулярными доходами, поступающими отъ учреждений общины, и составляетъ ту сумму, въ предѣлахъ которой и вращается теперь бюджетъ ея расходовъ, (около 600 тыс. марокъ). На сколько нѣмецкіе евреи проникнуты сознаниемъ общественнаго долга, видно изъ того, что къ 1-му января пр. г. недоимокъ за членами общины числилось всего лишь 22 тыс. марокъ, которыя были внесены полностью въ послѣдующіе мѣсяцы. Неаккуратные плательщики принуждаются судебнымъ порядкомъ ко взносу установленнаго налога. Впрочемъ, число судебныхъ взысканій оказывается не особенно великимъ: въ 1877 г. ихъ было 55, въ 1878 г.—31, а въ 1879 г.—144. Если принять во вниманіе, что въ этомъ послѣднемъ году были введены новые государственные (косвенные) палогы и что германцамъ вообще, а въ томъ числѣ и евреямъ, приходится уже нѣсколько лѣтъ переживать тяжелый экономическій кризисъ, то цифра взысканій выходитъ по-ложительно даже ничтожною.

Обратимся теперь къ самому составу общины и къ тѣмъ лицамъ, которыя облечены отъ нея полномочіями.

* Община не только не имѣетъ понятія о дефицитахъ, но, напротивъ, включаетъ изъ года въ годъ свои счета съ наличными сбереженіями въ кассѣ. Раскладка налоговъ производится соответственно потребностямъ общины и согласно съ итогами ея бюджетовъ. Норма налоговъ, по каждому разряду, не можетъ, такимъ образомъ, быть постоянною, а зависитъ каждый разъ отъ результатовъ смѣты.

Члены общины представляютъ собою корпорацію избирателей. Они избираютъ изъ своей среды 21 представителя (Repräsentanten) и 15 намѣстниковъ къ нимъ. Послѣ каждаго трехлѣтія, одна половина изъ числа представителей и всѣ намѣстники подлежатъ новому избранію. Каждый представитель остается въ должности шесть лѣтъ. Въ свою очередь представители избираютъ на такой же срокъ такъ назыв. попечительство (Vorstand), состоящее изъ семи старшинъ (Aelteste) и трехъ намѣстниковъ. Попечительство поставлено въ такія-же точно отношенія къ совѣту представителей, какъ напр. берлинскій магистратъ къ городской общественной управѣ. Обязанности и прерогативы каждой изъ этихъ коллегій выяснены въ точности уставомъ общины. Постановленія совѣта представителей хотя и обязательны для попечительства, но послѣднее можетъ отказаться отъ исполненія тѣхъ рѣшеній, которыми оно, въ интересахъ общины, не сочувствуетъ. Въ такихъ исключительныхъ случаяхъ судьба неодобреннаго постановленія рѣшается спеціальною комиссіею, избираемою изъ членовъ обѣихъ корпорацій одновременно, и резолюція которой полагаетъ конецъ возникшему недоразумѣнію. Если-же почему-бы то ни было комиссіею все таки не достигнуто соглашеніе, то безапелляціонно-рѣшающую роль беретъ на себя, въ силу закона отъ 1847 г., правительственная власть (Aufsichts-Behörde), т. е. президентъ берлинской полиціи, которой еврейская община считается, по § 1 устава, подчиненною. Къ чести берлинскихъ евреевъ приходится однако заявить, что до сихъ поръ имъ не представлялось надобности прибѣгнуть не только къ вмѣшательству начальства, но и вообще къ созыванію экстренныхъ судейскихъ комиссій. Оба совѣта (представителей и старшинъ) уживаются отличнѣйшимъ образомъ между собою и ведутъ себя такъ, что недоразумѣнія почти что немислимы.

Во главѣ каждаго изъ совѣтовъ состоитъ президентъ, который, равно какъ и секретари, избираются изъ состава самихъ-же совѣтовъ. Представители обязаны сходиться разъ въ недѣлю: они ведутъ свои пренія гласно, на парламентскихъ началахъ; постановленія-же ихъ подлежатъ обнародованію, во всеобщему свѣдѣнію заинтересованныхъ членовъ общины. Сношенія между старшинами и совѣтомъ представителей письменныя. Въ засѣданія представительской попечительствомъ отражается каждый разъ одинъ изъ стар-

шинъ, для словеснаго разъясненія могущихъ понадобится справокъ и т. д. Чтобы судить объ усердіи хотя-бы представителей, (замѣтимъ въ скобкахъ, что какъ представители, такъ и старшины не получаютъ никакого гонорара за свои труды), приведемъ тотъ фактъ, что, за весьма рѣдкими исключеніями, собранія ихъ оказывались до сихъ поръ всегда въ полномъ сборѣ. Не слѣдуетъ упустить изъ виду, что коллегія представителей составляется, такъ сказать, изъ сливокъ общества—изъ аристократовъ денежныхъ и титулованныхъ: не гездѣ представители этого сословія считаютъ себя обязанными удѣлять столько времени общественному, и особливо еврейскому дѣлу...

Скажемъ еще нѣсколько словъ о старшинахъ. Они ведутъ свои дѣла на началахъ раздѣленія труда. Каждый изъ семи старшинъ имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи одну или нѣсколько отраслей по администраціи. Совѣтъ представителей сносится по каждому спеціальному вопросу съ подлежащимъ старшиною, отъ котораго получаетъ требующіяся разъясненія и которому поручается заснѣ исполненіе резолюцій, утвержденныхъ обоими совѣтами. На сколько обширна и хлопотлива дѣятельность иныхъ изъ этихъ «начальниковъ отдѣленій» можно судить по тому, что напримѣръ секція, заправляющей финансовою частью, приходится ежегодно изготовлять около 30,000 однихъ только квитанцій по взиманію налоговъ (взносы общественныхъ платежей производятся по кварталамъ)!

Въ подмогу старшинамъ учреждаются, по мѣрѣ текущихъ нуждъ, спеціальныя комиссіи (Verwaltungs-Commissionen), которыя отмежевываются извѣстныя отрасли администраціи. Каждая изъ этихъ комиссій имѣетъ во главѣ своей одного изъ старшинъ, а также, въ качествѣ непремѣннаго члена при совѣщаніяхъ, одного депутата изъ совѣта представителей. Остальные члены комиссій избираются изъ частныхъ лицъ, входящихъ въ составъ общины. Комиссіи эти подчинены непосредственно совѣту старшинъ, подлежатъ во всякое время контролю послѣдняго и представляютъ ему же свои отчетности. По § 75 устава, каждый изъ правоспособныхъ членовъ общины обязанъ, по первому-же приглашенію, примкнуть къ администраціи общины и исполнять въ случаѣ надобности возлагаемую на него общественную должность, притомъ безвозмездно и въ продолженіи не менѣе одного трехлѣ-

тія. Освобождаютъ отъ этой повинности лишь болѣзнь, преклонный возрастъ (свыше 60 лѣтъ) и т. п. исключительныя обстоятельства, предусмотрѣнныя уставомъ. Отступленіе отъ этого параграфа, т. е. «отклоненіе безвозмездной службы по дѣламъ общины, или пассивное отношеніе къ разъ уже принятымъ обязанностямъ», лишаетъ подлежащее лицо, по постановленію обоихъ совѣтовъ, избирательнаго права въ теченіи шести лѣтъ. Кромѣ того лицо это подвергается въ слѣдующемъ году платежу причитающагося съ него налога въ удвоенномъ размѣрѣ. Опять-таки приходится констатировать, что до сихъ поръ параграфъ этотъ не получилъ еще ни разу примѣненія, и что члены общины предлагаютъ наперерывъ свои услуги, каждый разъ когда наступаютъ выборы въ ту или другую комиссію. Послѣднихъ состоитъ въ настоящее время девять. Сюда входятъ: комиссія по дѣламъ синагогъ, раскладочная комиссія по взиманію налоговъ и попечительства по разнымъ учрежденіямъ общины — благотворительнымъ и воспитательнымъ.

Что каждая комиссія (или, вѣрнѣе, субъ-попечительство) получаетъ въ руководство регламентъ, опредѣляющій въ точности предѣлы ея правъ и функцій, разумѣется само собою. Точно также и опредѣлены границы ежегодныхъ смѣтъ, въ предѣлахъ коихъ комиссія производятъ свои обороты. Составъ комиссій не одинаковъ, а зависитъ отъ большей или меньшей сложности задачъ, которой онѣ служатъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ принимаютъ участіе и дамы. При изложенной выше организаціи, дамамъ этимъ не приходится, конечно, разыгрывать роли благотворительницъ и патронессъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ этотъ типъ пользуется еще правомъ гражданства въ мѣстахъ, гдѣ филантропія обуславливается капризомъ и гдѣ, поэтому, слово и дѣло пребываютъ вѣчно въ непримиримомъ антагонизмѣ.

Вотъ въ общихъ чертахъ остовъ, служащій фундаментомъ общественнаго устройства берлинскихъ евреевъ. Всѣ исчисленныя здѣсь инстанціи составляютъ одну общую неразрывную цѣпь, отдѣльныя звенья которой служатъ для поддержанія цѣлаго. Административно-хозяйственная часть сосредоточивается въ рукахъ комиссій; чрезъ посредство представителей послѣднихъ, которые суть въ тоже время старшины попечительнаго совѣта, всѣ пружины администраціи сходятся въ одинъ общій центръ, т. е. въ совѣтъ

тѣхъ же старшинъ. Въ свою очередь, названный совѣтъ получаетъ полномочія отъ главной центральной власти, именно—отъ коллегіи представителей. При той вышколенности, которая отличается нѣмцевъ вообще, а въ томъ числѣ несомнѣнно и нѣмецкихъ евреевъ, по части исполненія разъ принятыхъ на себя обязанностей, понятно само собою, что весь этотъ механизмъ поддерживается въ дѣйствиі съ педантичною аккуратностью. И въ самомъ дѣлѣ: все идетъ какъ по стрункѣ, нигдѣ не скрипитъ—нѣтъ разногласій, зависти, интригъ и всѣхъ прочихъ болячекъ, такъ нехотятъ тормозящихъ общественное дѣло въ другихъ мѣстахъ. Весь секретъ этого завиднаго процвѣтанія заключается въ сознаниі каждымъ своего общественнаго долга, въ стремленіи всѣхъ и каждаго поддержать дисциплину, послужить тѣломъ и душою дѣлу, на столько общему, на сколько въ сущности и собственному. Много труда стоило берлинскимъ евреямъ выбраться на эту гладкую дорожку, много пришлось имъ поучиться, страдать, бороться, экспериментировать, прежде чѣмъ былъ достигнутъ нынѣшній порядокъ вещей. Пошатнуть теперь это, созданное долгими усиліями прочное зданіе—немыслимо. Вся трудность состояла въ его возведеніи и въ укрѣпленіи тѣхъ устоевъ, на которомъ оно постоитъ: остальное дается ужъ само собою.

Бросимъ еще взглядъ на нѣкоторыя изъ наиболѣе выдающихся общественныхъ учрежденій берлинскихъ евреевъ. О главной синагогѣ уже была рѣчь. Помимо нея, въ вѣдѣніи общины состоитъ еще такъ называемая старая синагога, существующая съ 1712 г., засимъ третья синагога, пріютившаяся въ наемномъ домѣ, и нѣсколько молельнъ въ нецентральныхъ частяхъ города, получающихъ субсидіи изъ кассы общины. На богослужебныхъ порядкахъ въ каждой изъ этихъ синагогъ мы здѣсь пока останавливаться не будемъ, такъ какъ это уклонило-бы насъ въ сторону. Перейдемъ лучше къ училищамъ, принадлежащимъ общинѣ. Можетъ, пожалуй, показаться страннымъ, что германскіе евреи считаютъ въ настоящее еще время нужнымъ содержать изъ собственныхъ средствъ обособленныя школы. Помимо того, что *въ болышей части* народныхъ школъ (таковыхъ въ одномъ Берлинѣ цѣлыхъ сто, содержимыхъ на средства города!) есть и преподаватели еврейскаго законоученія, въ Германіи существуютъ еще

такъ называемыя интерконфессіональныя школы* (*Simultanschulen*), для всѣхъ одинаково доступны и заботящіяся объ удовлетвореніи религіознаго чувства родителей, безъ различія вѣроисповѣданія. Дѣйствительно, спеціальныя еврейскія школы, (мы говоримъ здѣсь объ элементарныхъ, общеобразовательныхъ), существуютъ теперь въ Германіи въ минимальномъ количествѣ и со временемъ окажутся, пожалуй, совершенно излишними. Но въ настоящее время они еще не потеряли права на существованіе, особливо въ большихъ центрахъ, тѣмъ болѣе, что государственные законы вмѣняютъ евреямъ прямо въ обязанность «заботиться о доставленіи своимъ дѣтямъ, за время обязательнаго посѣщенія ими школы, возможности обучаться и законамъ своей вѣры». Но и помимо этого, есть еще другія соображенія, заставляющія напр. берлинскую общину имѣть свои собственныя школы. Во первыхъ приходится еще вѣдаться съ незначительнымъ, правда, по числу своихъ представителей, контингентомъ родителей стараго закала, которымъ все еще жутко становится при мысли о необходимости отдавать своихъ отпрысковъ въ общія школы, гдѣ хотя и есть законоучители еврейскіе, но гдѣ все-таки предметъ Закона Божія не выдвигается на первый планъ. Засимъ не во всѣхъ общихъ школахъ еврейскія дѣти, родителямъ которыхъ это было бы пріятно, освобождаются съ одинаковою предупредительностью отъ письменныхъ работъ въ дни субботніе и отъ посѣщенія школы въ главнѣйшіе еврейскіе праздники. Наконецъ еще одинъ вопросъ играетъ здѣсь немаловажную роль. Согласно постановленію министерства отъ 30 апр. 1875 г. и отъ 18 января 1876 г., преподаваніе ев-

* *Simultanschule* — есть такая общественная школа, въ которой всѣ вѣроисповѣданія пользуются одинаковымъ правомъ гражданства. Законоучители назначаются соотвѣтственно вѣроисповѣданіямъ, къ которымъ принадлежатъ посѣщающія училще дѣти. По всѣмъ же другимъ предметамъ, составъ учителей смѣшанный. Католики, лютеране, евреи допускаются одинаково къ исполненію преподавательскихъ обязанностей, если только кандидаты отвѣчаютъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ установленнымъ требованіямъ. При министрѣ Фалькѣ (предшественникѣ нынѣшняго министра духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія), этотъ родъ школы пользовался со стороны правительства большимъ поощреніемъ. За семь лѣтъ число ихъ возросло въ Пруссіи съ 60 до 442, и всѣ онѣ давали блестящіе результаты. Евреи доставляютъ не малый контингентъ въ эти заведенія, особливо въ Познани, гдѣ интерконфессіональное начало въ учебномъ дѣлѣ явилось примѣнитъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо.

рейскаго законоученія въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, (не интерконфессиональныхъ, составляющихъ меньшинство), признается факультативнымъ, необязательнымъ, такъ что не вездѣ предметъ этотъ и имѣетъ своего представителя. Было много рѣчи о томъ, слѣдуетъ ли евреямъ хлопотать объ измѣненіи этого постановленія, чего они и добились бы, вѣроятно, безъ особенныхъ трудностей. Берлинская община рѣшила, однако, держаться въ этомъ вопросѣ нейтральной почвы. «Религиозная жизнь евреевъ—говорить по этому поводу составитель одного изъ отчетовъ общины—можетъ быть споспѣшествована лишь путемъ свободы, а не насилія. Родители-евреи имѣютъ полнѣйшую возможность дать своимъ дѣтямъ, помимо всякой школы, такое религиозное воспитаніе, какое они признаютъ сообразнымъ съ своими убѣжденіями и вѣрованіями». Другими словами: сами евреи выступаютъ антагонистами обязательнаго преподаванія Закона Божія въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ; они просто не желаютъ стѣснять тѣхъ изъ родителей-евреевъ, которымъ такое принудительное преподаваніе вовсе не по нутру. Какъ бы то ни было, но берлинская община—помимо субсидій, выдаваемыхъ ею нѣкоторымъ частнымъ еврейскимъ школамъ—продолжаетъ пока содержать три собственныхъ училища, изъ коихъ одно посвящено по преимуществу предметамъ еврейской вѣры (Religionsschule). Въ истекшемъ году въ этихъ училищахъ числилось 1222 ученика обоюго пола, изъ коихъ лишь около 40% самокоштныхъ. По программѣ своей и по методу преподаванія, два изъ этихъ учебныхъ заведеній не уступаютъ рѣшительно ни въ чемъ городскимъ столичнымъ школамъ, которыя пользуются, какъ извѣстно, въ высшей степени лестною репутаціею. Школы еврейской общины состоятъ подъ надзоромъ инспектора городскихъ училищъ, который неоднократно аттестовалъ ихъ съ весьма похвальной стороны. Содержаніе училищъ обошлось въ истекшемъ году въ слишкомъ 80,000 маровъ! Засимъ община содержитъ еще свою же учительскую семинарію, которая поставила до прошлаго года, (считая съ 1866 г., когда послѣдовалъ первый выпускъ), 120 преподавателей, облеченныхъ такими же правами, какъ и воспитанники подобныхъ правительственныхъ заведеній. Окончившіе курсъ въ этой семинаріи пристраиваются не только при общественныхъ еврейскихъ школахъ; мы ихъ встрѣчаемъ и въ интерконфессиональныхъ городскихъ-общихъ и иныхъ

училищахъ, гдѣ имъ охотно даютъ мѣсто. Наплывъ въ семинарію на столько великъ, что не всегда оказывается возможнымъ принять сейчасъ же всѣхъ являющихся кандидатовъ.

Перейдемъ теперь къ другой статьѣ—къ заботамъ общины о бѣдныхъ. Общественное мнѣніе привыкло почему то смотрѣть на евреевъ, какъ на классъ населенія поголовно зажиточный, захватившій въ свои руки всѣ блага міра. Этотъ предрассудокъ служилъ, и служить подчасъ еще и теперь, удобнымъ орудіемъ, при помощи котораго возбуждаются зависть и враждебныя отношенія къ евреямъ. Стоять, однако, присмотрѣться хоть сколько нибудь поближе, чтобы вывести совершенно другое на этотъ счетъ убѣжденіе. Въ Германіи, на примѣръ, дѣло выходитъ положительно такъ, что чуть ли не въ каждой провинціи можно указать на нѣсколько крупныхъ землевладѣльцевъ или фабрикантовъ-христіанъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности располагаетъ капиталомъ въ нѣсколько разъ большимъ, чѣмъ все еврейское населеніе этой провинціи, вмѣстѣ взятое. Зажиточность евреевъ только кажущаяся: капиталами обладаютъ лишь весьма немногіе, да и эти капиталы не прикованы къ недвижимостямъ, а находятся въ оборотѣ. Это послѣднее обстоятельство ведетъ къ тому, что даже и менѣе имущіе евреи кажутся со стороны болѣе зажиточными, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Такъ какъ евреи лишь съ очень недавняго времени пріобрѣли возможность расширить границы своихъ профессій, то они еще и теперь имѣютъ по преимуществу представителей въ коммерціи и мелкой торговлѣ. Тутъ же все дѣло въ кредитѣ, для поддержанія котораго приходится подчасъ употреблять и искусственныя мѣры, каковы: распространенность оборотовъ, изблнчающая достатокъ частная жизнь и т. д. Засимъ нельзя не упомянуть и о нѣкоей слабости, свойственной евреямъ, особливо средняго и низшаго сословія—пощеголять, гдѣ представляется случай, разными цѣнными (гораздо чаще—мишурными) бездѣлушками, или всякаго рода бьющимъ на эффектъ тряпьемъ. Эта черта имѣетъ, конечно, свое оправданіе, и именпо въ томъ, что евреямъ была прежде закрыта возможность выдвигаться чѣмъ бы то ни было въ общественной жизни. Человѣкъ же слабъ и инстинктивно хлопочетъ о вниманіи къ себѣ. Вотъ и развилась у нихъ постепенно страсть, правда безотчетная и въ сущности невинная, къ внѣшнему щегольству, которой они и удовлетворяютъ по своему,

особливо въ праздничные дни, на публичныхъ гуляньяхъ и т. д., гдѣ удобнѣе всего блеснуть передъ публикою. На дѣлѣ бѣдность евреевъ не можетъ подвергаться сомнѣнію, хотя она и не доходитъ до бѣющаго въ глаза пролетаріата, (мы оставляемъ здѣсь, разумѣется, въ сторонѣ западно-русскихъ евреевъ). Это же послѣднее обстоятельство объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что у евреевъ сильно развита благотворительность, общественная и частная, которая въ широкихъ размѣрахъ приходитъ на помощь немущей братіи. Въ Берлинѣ, гдѣ число бѣдняковъ-евреевъ очень велико, оказываемая имъ помощь отличается образцовою организаціею, вслѣдствіе чего и результаты ея весьма плодотворны. Сущствующая при общинѣ специальная комиссія о бѣдныхъ не только имѣетъ надзоръ и попеченіе объ общественныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ—члены комисіи заботятся также о бездомныхъ и голодныхъ, не попадающихъ въ эти учрежденія. Комитетъ наводитъ о нихъ справки, посѣщаетъ лачуги бѣдняковъ и оказываетъ такимъ горемычнымъ посылную помощь, въ весьма почтенныхъ размѣрахъ. На сей предметъ комиссіею расходуется изъ года въ годъ свыше 100 тыс. марокъ, изъ коихъ только $\frac{1}{4}$ часть ассигнуется изъ кассы общины; остальные деньги слагаются изъ частныхъ приношеній—ежедневныхъ и случайныхъ,—въ употребленіи которыхъ ведется строгая отчетность. Что касается собственно благотворительныхъ учреждений общины, то ими послѣдняя имѣетъ полнѣйшее право похвастать. На первомъ планѣ стоитъ больница, обязанная своимъ теперешнимъ цвѣтущимъ положеніемъ прежде всего незабвенному профессору Траубе, состоявшему главнымъ врачомъ при ней, до самой своей смерти. Больница обставлена всѣми новѣйшими медицинскими приспособленіями и не уступаетъ любой (но хорошо устроенной) клиникѣ. Медицинскіе ея отчеты—объемистые и толковые—находятъ себѣ регулярно мѣсто на страницахъ извѣстнаго «Архива Лангенбека». О достоинствѣ врачебнаго ея персонала можно судить по тому, что постояннымъ ординаторомъ больницы состоялъ, между прочимъ, до послѣдняго времени знаменитый профессоръ Лангенбекъ (лейбъ-медикъ и директоръ берлинской хирургической клиники). Больница пользуется такою популярностью, что она оказывается постоянно переполненною и приходится теперь заботиться о пристройкахъ. Послѣднія и приводятся въ настоящее время въ ис-

полненіе, по системѣ барачныхъ павильоновъ. При больницѣ существуетъ замѣчательное, по своему устройству, пневматическое отдѣленіе, обошедшееся въ слишкомъ 10 тысячъ марокъ и обязанное своимъ происхожденіемъ инициативѣ покойнаго Траубе. Это отдѣленіе приобрѣло себѣ такую славу, что посѣщается массою постороннихъ, зажиточныхъ пациентовъ, вслѣдствіе чего не только давно уже окупилась расходи по устройству, но получается ежегодно чистая прибыль, приобщаемая къ общему фонду больницы. Кромѣ того, недавно устроено при больницѣ еще одно полезное отдѣленіе—для хронически неизлечимыхъ больныхъ, лишенныхъ возможности снискивать себѣ пропитаніе (Siechenhaus). Эти несчастные получаютъ полное содержаніе и карманныя деньги, на какой предметъ расходуется ежегодно около 10 тыс. марокъ (отдѣленіе еще ново и устроено пока для ограниченнаго числа пациентовъ). Съ этимъ учрежденіемъ не слѣдуетъ смѣшивать дома призрѣнія старцевъ (Altersversorgungshaus), существующаго съ 1829 г. и считающаго въ настоящее время 92 пансіонеровъ. Императрица Августа, удостоивающая благотворительныя учрежденія евреевъ частыми посѣщеніями, препроводила въ названную только что богадѣльню, по случаю праздновавшагося 50-ти-лѣтія ея существованія, портретъ императора Вильгельма, при рескриптѣ, служащемъ краснорѣчивымъ аттестатомъ для заведенія. Последнее обходится общинѣ ежегодно приблизительно въ 100 тыс. марокъ.

Но помощь, оказываемая больнымъ и немощнымъ, не ограничивается призрѣніемъ тѣхъ, которые нашли пріютъ въ больницѣ, старческомъ домѣ и отдѣленіи для неизлечимыхъ. Комиссія, вѣдающая эту часть, располагаетъ еще спеціальными фондами, изъ которыхъ выдаются пособія немощнымъ больнымъ, оставляющимъ больницу не съ полными еще силами и нуждающимся въ лучшей діетѣ и т. д. (Reconvalescenten-Kasse). Кромѣ того существуетъ еще особая касса, для оказанія денежной помощи пришельцамъ изъ другихъ городовъ, но больнымъ и не имѣющимъ средствъ лечиться (Fremdenkrankenkasse). Вообще общественная благотворительность берлинскихъ евреевъ отличается замѣчательною цѣлесообразностью. Предусмотрѣны всякія нужды, причемъ каждый родъ требующейся помощи располагаетъ соответственнымъ фондомъ, составляющимся либо изъ частныхъ пожертвованій, либо непосредственно изъ общественныхъ суммъ. Такимъ образомъ есть специ-

альная касса (даже двѣ) для бѣдныхъ роженницъ, суммы для покупки топлива и хлѣба въ пользу неимущихъ евреевъ, для снабженія ихъ платьемъ и обувью, пасхальными опрѣсноками и т. д. и т. д. Заботливое око лицъ, стоящихъ во главѣ этой отрасли филантропiи, проникаетъ въ самыя темныя углы и закоулки раскинувшейся широко столицы: оно отыскиваетъ и тѣхъ горемычныхъ, которые сами, изъ чувства стыдливости, не рѣшаются протянуть руку (*verschaeumte Arme*). Всѣмъ дается, всѣмъ оказывается помощь—въ размѣрахъ положительно достаточныхъ. Да и отчего не давать, коли есть на то средства? Расходуемая деньги, помимо регулярныхъ приношеній и случайныхъ пожертвованій не оскудѣвающихъ благотворителей, доставляются еще щедрою рукою разными завѣщателями, которые даютъ заранѣе своимъ вкладамъ специальное назначеніе. Такихъ легатовъ въ распоряженіи общины не мало, и списокъ ихъ пополняется изъ года въ годъ. Есть между ними и такіе напр. почтенные, какъ легать умершаго банкира Гертеля, который завѣщаль въ пользу общины весь свой капиталъ, если не ошибаемся составляющій свыше 500 тыс. марокъ. Со смерти жены завѣщателя, которой община обязана была выдать ежегодно нѣкоторую сумму на содержаніе, весь капиталъ перешелъ въ ея (т. е. общины) распоряженіе. Изъ него-то и выдается, между прочимъ, пособіе въ пользу извѣстной еврейской берлинской академіи (*Hochschule für die Wissenschaft des Judenthums*), въ которой преподаютъ профессора Лацарусъ и Штейнталь, Штейншнейдеръ, Кассель и еще др. корифеи по части исторіи и литературы евреевъ. Мы не можемъ, конечно, входить здѣсь въ подробности, но изложеннаго уже будетъ достаточно, чтобъ составить себѣ понятіе объ обширности, разносторонности и производительности берлинскихъ евреевъ въ дѣлѣ исполненія своихъ обязанностей по отношенію къ обойденнымъ и страждущимъ единовѣрцамъ. Удивительно-ли, послѣ этого, что въ громадномъ городѣ Берлинѣ, гдѣ бѣдность и нужда свили себѣ такое-же тепленькое гнѣздышко, какъ и въ другихъ, особенно столичныхъ центрахъ Европы, неимущіе евреи не мозолятъ никому глазъ и исчезаютъ безслѣдно среди массы безкровнаго и бездомнаго люда, причиняющаго столько хлопотъ полиціи? Удивительно-ли, что сказка о поголовной зажиточности евреевъ передается изъ устъ въ уста, что она находитъ себѣ вѣру, опираясь на фактъ отсут-

ствія нищихъ у евреевъ? Берлинскіе евреи не ограничиваются наполненіемъ желудка голоднаго собрата; они хлопочуть съ немешшимъ усердіемъ и о томъ, чтобы въ средѣ ихъ не существовало паразитовъ-туеядцевъ. Снабжая неимущаго деньгами, они въ то же время прискиваютъ ему, по мѣрѣ силъ и возможности, и работу—если только онъ, по физической своей организаціи, оказывается еще способнымъ къ ней. Пролетаріату не даютъ просто развиться, и овъ не находятъ себѣ таки 'почвы при тѣхъ условіяхъ, которыя мы постарались здѣсь очертить. Но люди въ расчетъ этого не берутъ: не отдавая себѣ отчета въ причинахъ сравнительнаго благосостоянія еврейской массы, (обязаннаго, конечно, не одной только благотворительности), клика юдофобовъ знаетъ только одно: евреи грабятъ насъ, сосутъ нашу кровь, а поелику и не имѣютъ понятія о тѣхъ соціальныхъ язвахъ и болячкахъ, которыя разъдаетъ наше измучившееся тѣло...

Еще нѣсколько словъ о призрѣніи сиротъ-евреевъ. На первомъ планѣ приходится упомянуть о сиротскомъ домѣ, устроенномъ однимъ изъ покойныхъ членовъ общины, г. Райхенгаймомъ, и перешедшимъ въ вѣдѣніе общины-же, которая поддерживаетъ его частью изъ своихъ средствъ (20 тыс. марокъ въ годъ), частью на суммы, оставленныя на сей предметъ самимъ завѣщателемъ, равно какъ и поступаемыя отъ частныхъ жертвователей. Уже внѣшность сиротскаго дома, весьма почтеннаго по своимъ размѣрамъ, рекомендуетъ сразу это замѣчательное учрежденіе съ наилучшей стороны. Мы съ удовольствіемъ остановимся на немъ нѣсколько, такъ какъ Райхенгеймовскій сиротскій домъ отличается значительно отъ общаго типа подобныхъ ему учреждений. Въ основу его положена поистинѣ симпатичная идея, которая проводится съ рѣдкою систематичностью. Цѣль учрежденія—«замѣнить призрѣваемымъ дѣтямъ семейную обстановку, на сколько разношерстность и многочисленность питомцевъ дѣлаетъ возможнымъ проводить семейное начало въ такомъ институтѣ». Исходя изъ этого принципа, вся организація Райхенгеймовскаго учрежденія была съ самаго же начала приваровлена къ условіямъ жизни многочисленнаго семейства. Въ институтъ принимаются дѣти бездомныя, не получившія и зачатковъ какаго-либо воспитанія. Поступая въ сиротскій домъ, они сразу получаютъ родителей, въ лицѣ директора и его семьи, тогда какъ ровесники, съ которыми ихъ свела судьба, ста-

новятся отнынѣ ихъ братьями и сестрами. Сейчасъ-же начинается и дрессировка — дрессировка мягкая, заботливая и еле чувствуемая ребенкомъ. Директоръ и его домочадцы находятся постоянно при дѣтяхъ и съ ними; они изучаютъ характеръ cadaго изъ вѣрренныхъ имъ питомцевъ и всѣми силами стараются приобрести любовь и довѣріе послѣднихъ. Дѣти живутъ полною и вполне счастливою жизнью. Монотонность изгоняется всячески изъ стѣнъ заведенія. Праздники всякаго рода — съ музыкою, играми, декламациею и пѣніемъ — составляютъ здѣсь регулярное явленіе. Къ участию въ этихъ праздникахъ приглашаются и дѣти изъ лучшихъ семействъ еврейской колоніи, равно какъ прежніе воспитанники сиротскаго дома. Устраиваются гулянья, экскурсіи и т. д. при участіи тѣхъ-же юныхъ гостей, всегда отпускаемыхъ охотно своими родителями къ сиротамъ. Общеніе съ этими дѣтьми изъ привилегированныхъ сословій сближаетъ заблаговременно сиротъ съ вѣншимъ міромъ, вноситъ оживленіе въ ихъ среду и служитъ отличнмъ подспорьемъ въ дѣлѣ ихъ воспитанія. Въ особенные, торжественные дни (Ханука и Пуримъ, рожденіе понинѣ живущей супруги основателя дома и т. д.), эти чисто семейные праздники, устраиваются немного пошире. Въ качествѣ приглашенныхъ фигурируютъ и взрослые гости, которые одаряютъ дѣтей подарками. Дѣтямъ растолковываютъ предварительно, въ доступной для ихъ понятій формѣ, значеніе праздника; въ основу этихъ разъясненій кладется известная мысль, служащая для укрѣпленія въ дѣтяхъ національнаго чувства и чувства долга къ родинѣ, согражданамъ и человѣчеству вообще. Обыкновенно въ такіе праздники тотъ или другой изъ присутствующихъ гостей — литераторовъ прочитываетъ юному обществу какое нибудь произведеніе своего пера, принаровленное ко вкусамъ и понятіямъ аудиторіи. Въ числѣ этихъ литераторовъ мы можемъ указать на Бертольда Ауэрбаха, на доктора Левенштейна (юмориста-сказочника и поэта дѣтей) и др., неоднократно украшавшихъ праздники въ сиротскомъ домѣ своими мастерскими импровизаціями. Но праздники представляютъ собою разумѣется, лишь аксессуаръ. Главное дѣло — въ обыденной обстановкѣ дѣтей. Тутъ-то семейное начало имѣетъ предъ собою обширное поле. Прежде всего дѣло ведется такъ, что дѣти, сами того не замѣчая, участвуютъ въ проведеніи той общей мысли, въ достиженію которой стремится администрація института. Дѣти по-

старше и поразвитѣе получаютъ въ свое вѣдѣніе болѣе юныхъ: они заботятся о нихъ, ухаживаютъ за ними, защищаютъ, приучаютъ къ порядку и т. д. Эти отношенія ведутъ къ установленію чисто родственной связи между дѣтьми, которая, какъ показалъ опытъ, продолжается впослѣдствіи и за стѣнами пріюта. Уходъ за дѣтьми въ гигиеническомъ отношеніи доходитъ до педантизма, и не даромъ: онъ преслѣдуетъ одновременно и воспитательную цѣль. Частыя ванны зимою и лѣтомъ, гимнастика (для взрослыхъ мальчиковъ, кромѣ того, фехтованіе), регулярная смѣна бѣлья и платья и т. д. и т. д. — все это укрѣпляетъ дѣтей физически, не оставаясь безъ вліянія и на нравственную сторону ихъ натуры. Какъ мальчики, такъ и дѣвочки приучаются съ ранняго же возраста обходиться безъ чужихъ услугъ: они чистятъ сама свое платье, убираютъ свою постель и т. д. Дѣвочкамъ поручается смотрѣть за бѣльемъ и гардеробомъ всѣхъ домохозяевъ, чинить, штопать и исполнять всякія вообще, посильныя для нихъ, обязанности, входящія въ обиходъ большого семейства—прибавимъ для полноты, нѣмецкаго.

Но и духовная часть воспитанія не оставляется въ сторонѣ. Въ сиротскомъ домѣ находится въ настоящее время около 80 дѣтей, въ возрастѣ отъ 6 до 16 лѣтъ. Всѣ эти дѣти получаютъ образованіе—какъ это водится и въ другихъ семействахъ—внѣ своего дома, а именно въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, элементарныхъ и болѣе высшихъ, смотря по подготовкѣ и развитію. Дома слѣдятъ усердно за ихъ успѣхами, направляютъ ихъ занятія, дополняютъ послѣднія требующимися пособіями. Дѣти постарше помогаютъ своимъ младшимъ „братьямъ и сестрамъ“ готовить уроки; устраиваются совмѣстныя репетиціи, группами, на началахъ товарищескихъ. Администрація пріюта заботится всячески объ умственномъ развитіи дѣтей. Въ часы отдохновенія дѣти получаютъ для чтенія разныя книги; они читаютъ часто и въ слухъ, мѣняясь ролями въ діалогахъ. Воспитатели посѣщаютъ съ ними музеи, акваріи, кабинеты — какихъ не мало въ Берлинѣ, — ведутъ съ ними бесѣды, всячески поощряютъ къ наблюдательности и размышленію.

Что касается религіозной стороны воспитанія, то и тутъ избѣгается всякое насиліе, тенденціозность. Дѣти, посѣщающія такія учебныя заведенія, въ которыхъ не преподается еврейское за-

коноученіе, (мы говорили уже, что не во всѣхъ школахъ и гимназіяхъ предметъ этотъ обязателенъ и имѣетъ представителя), ходять въ послѣ-обѣденные часы въ общественную „Religionsschule“, гдѣ они знакомятся съ языкомъ и исторією своего народа и получаютъ надлежащія свѣдѣнія въ дѣлахъ вѣры. По всѣмъ этимъ предметамъ дѣти готовятъ дома уроки на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и по всѣмъ другимъ дисциплинамъ, которыя имъ приходится изучать внѣ пріюта. Утромъ и вечеромъ, а также послѣ трапезъ, дѣти читаютъ молитву, обыкновенно на нѣмецкомъ языкѣ, и только взрослые произносятъ ее по древне-еврейскому тексту. Въ субботніе и праздничные дни дѣти постарше посѣщаютъ храмъ, (дѣвочки рѣже). Въ самомъ пріютѣ не устроено никакого спеціальнаго богослуженія. Воспитатели избѣгаютъ всячески всего того, что могло-бы обособить дѣтей отъ внѣшняго міра, получить подобіе затворничества.

Какая же судьба ожидаетъ сиротъ по выступленіи изъ пріюта? И на этотъ счетъ администрація не дремлетъ. Уже въ стѣнахъ института воспитатели стараются заблаговременно выяснитъ себѣ наклонности и характеръ способностей своихъ питомцевъ. Соотвѣтственно этому и ведется воспитаніе. Профессія не навязывается дѣтямъ. Главная забота пріюта состоитъ въ созданіи гражданъ, здоровыхъ тѣломъ и душою, самостоятельныхъ въ своихъ дѣйствіяхъ и помыслахъ. Спеціальныя же таланты дѣтей, ихъ наклонности къ тому или другому призванію, получаютъ съ раннихъ поръ поощреніе. Дѣти совершенствуются въ той отрасли, которая имъ наиболѣе по душѣ. Къ концу пребыванія въ пріютѣ, будущая дѣятельность каждаго изъ питомцевъ уже болѣе или менѣе выяснена. Соотвѣтственно этому администрація и старается пристраивать ихъ впослѣдствіи къ тому или другому труду, имѣющему стать для нихъ профессиональнымъ. Проявившіе наклонность къ изученію техническаго дѣла — отдаются въ соотвѣтствующіе спеціальныя институты; другіе направляются по коммерческой карьерѣ, третьи обучаются ремесламъ и т. д. Дѣвочки готовятся къ чисто домашней дѣятельности. До сихъ поръ администраціи не приходилось встрѣчать особенныхъ трудностей въ дѣлѣ присканія должностей для удаляющихся изъ пріюта юныхъ гражданъ. Сочувствіе къ Райхенгеймовскому сиротскому дому на столько велико, результаты его дѣятельности такъ удовлетворительны, что

зажиточные члены общины охотно принимаютъ къ себѣ бывшихъ воспитанниковъ пріюта. Такимъ-то образомъ администрація спрашивается до конца мастерски съ своею отвѣтственною предъ всѣмъ обществомъ задачей. Она съ спокойною совѣстью можетъ взираетъ на плоды своего гуманнаго труда, въ сознаниі, что трудъ ея выражается въ концѣ-концевъ въ цѣлесообразной подготовкѣ для послѣдующей жизни полезныхъ и нравственныхъ членовъ общества.

Но содержаніемъ описаннаго пріюта не исчерпывается заботливость общины о сиротахъ. Не всѣ могутъ попасть въ это благодатное заведеніе. Община пристраиваетъ остальныхъ слѣдующимъ образомъ. Она отдаетъ ихъ на руки частнымъ семействамъ, хорошо извѣстнымъ ей по солидности своей въ нравственномъ и воспитательномъ отношеніи. За содержаніе этихъ дѣтей вносится регулярно извѣстная сумма, вполне достаточная по своимъ размѣрамъ. Другія дѣти остаются на рукахъ отца или матери, но подъ надзоромъ общины, которая даетъ отъ себя пособіе на ихъ содержаніе и образованіе. Такихъ стипендіатовъ община имѣетъ въ настоящее время свыше 90. Многія сироты находятъ себѣ, кромѣ того, покровителя въ лицѣ такъ назыв. еврейскаго „Frauenverein“, существующаго съ 1833 г. и заботящагося исключительно о сирыхъ дѣвочкахъ. Изъ другихъ благотворительныхъ учреждений этого рода упомянемъ еще о прекрасномъ сиротскомъ домѣ Баруха Ауэрбаха, нынѣ умершаго еврейскаго учителя, который пожертвовалъ *все* свои деньги, выигранныя имъ въ лотерею, на устройство этого пріюта. Послѣдній обставленъ весьма богато и даетъ въ настоящее время убѣжище 74 дѣтямъ.

Надѣмся, что читатель останется доволенъ нарисованною нами, въ общихъ чертахъ, картиною общественныхъ учреждений берлинскихъ евреевъ. Но не въ одномъ Берлинѣ эта сторона жизни нашихъ германскихъ соплеменниковъ можетъ указать на такіе отрядные результаты. Мы ужъ не говоримъ о такихъ богатыхъ общинахъ, какъ франкфуртская, майнцская и т. д. Маленькія даже гнѣзда не отстаютъ въ этомъ отношеніи отъ болѣе привилегированныхъ центровъ, соответственно находящимся въ ихъ распоряженіи средствамъ. Вездѣ найдется на чемъ остановить взоръ, что похвалить. Черезъ весь этотъ общественный механизмъ проходить одна общая идея: ей служить вѣрою и правдою, въ сознаниі долга, въ сознаниі наконецъ и выгоды, истекающей для всѣхъ

отъ подобнаго отношенія къ дѣлу. А все это вѣдь еще юно. Давно ли, въ самомъ дѣлѣ, нѣмецкіе евреи пріобрѣли возможность вести открыто свои общественныя дѣла, подъ сѣнію закона, долженствовавшаго наконецъ измѣнить свои отношенія къ нимъ?

Вотъ гдѣ, между прочимъ, кроется сила нѣмецкихъ евреевъ, вотъ гдѣ и залогъ ихъ большаго еще процвѣтанія въ будущемъ. Они не имѣютъ надобности въ специальныхъ обществахъ для распространенія между ними просвѣщенія и въ другихъ искусственныхъ двигателяхъ, которыя будили бы сознаніе евреевъ, въ Германіи и безъ того уже бодрствующее. Намъ сплошь да рядомъ подтверждаютъ это отрадныя цифры, которыя даютъ понятіе о степени растущаго между германскими евреями общеевропейскаго образованія *. Понятно, послѣ этого, что Штекеры и Ферстеры оказываются безсильны, въ виду такого толковаго отношенія самихъ евреевъ къ положенію своему въ обществѣ и государствѣ. Похожденія антисемитовъ доказали это нагляднѣйшимъ образомъ. Что случилось съ ихъ витіевою петлицею, о которой трубили въ рога, въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ, на всѣхъ площадяхъ и перекресткахъ великой германской земли? Она одна и осталась еще только отъ всей этой кукольной комедіи, почему-то окрещенной въ «антисемитское движеніе»,—какъ документъ, призванный увѣковѣчить въ исторіи это минутное заблужденіе извѣстной части нѣмецкаго народа. Ну вотъ петиція добралась, наконецъ, и до воротъ рейкстага. Распорядители внесли ее торжественно, въ ще-

* Штекеръ, въ своей извѣстной брошюрѣ: „Das moderne Judenthum in Deutschland, besonders in Berlin“. V Aufl. 1881, чуть-ли не со скрежетомъ зубовымъ констатируетъ фактъ усиленнаго посѣщенія евреями общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній. По его свѣдѣніямъ, одни только берлинскія гимназій насчитываютъ 1488 евреевъ при 4764 ученикахъ-лютеранахъ. Это составляетъ 30%, въ пользу евреевъ, тогда какъ—по показанію Штекера—еврейское населеніе столицы составляетъ лишь 5% общаго числа ея жителей. — Мы можемъ дополнять эти цифры еще слѣдующими данными, распространяющимися не на одинъ только г. Берлинъ. По оффиц. отчету Министра народнаго просвѣщенія, въ 1879 г. имѣлось въ одной только Пруссіи:

въ 245 классич. гимназіяхъ . . .	9228 евреевъ.
„ 34 прогимназіяхъ	446 „
„ 105 реальныхъ училищахъ . . .	3956 „

Въ общей сложности процентъ евреевъ *въ однихъ только среднихъ учебныхъ заведеніяхъ* Пруссіи составляетъ около 15%! Но мы вернемся еще при другомъ случаѣ къ этому интересному предмету.

гольскомъ переулкѣ, въ канцелярію германскаго канцлера, откуда имъ выдана установленная квитанція въ вѣрной сдачѣ этого сокровища. Означенное великое событіе совершилось еще мѣсяца два-три назадъ. Сессія рейхстага тѣмъ временемъ близится къ концу, а о петиціи — ни слуху, ни духу. Теперь ужъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что петиціи не суждено оставить того укромнаго уголка, который удѣленъ ей на полкахъ канцлерскаго архива. Читатель не забылъ еще, вѣроятно, что самъ авторъ петиціи, педагогъ Ферстеръ (кстати на-дняхъ не поладившій со своими коллегами по антисемитству и отъ одного изъ нихъ получившій нѣсколько чувствительныхъ пощечинъ), клялся въ началѣ марта, что число подписей подъ петиціею не далеко отъ милліона. Сколько на самомъ дѣлѣ удалось выклянчить подписей — доподлинно не выяснено, но что почтенный авторъ поусердствовалъ въ своемъ показаніи, въ размѣрахъ просто nepозволительныхъ, явствуетъ, между прочимъ, и изъ того, что о внесеніи петиціи въ рейхстагъ было заявлено имъ, въ подлежащихъ органахъ печати, черезчуръ ужъ скромно: объ итогахъ пропаганды въ этомъ заявленіи не упоминается ни словечкомъ. Во всякомъ случаѣ извѣстно доподлинно, что чуть-ли не 90% всѣхъ подписей добыто въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣетъ осѣдлость самая что ни на есть темная частица нѣмецкаго народа и гдѣ продолжаетъ еще благоденствовать и пользоваться громаднымъ вліяніемъ католическое духовенство. Да, жалка добыча поборниковъ ограниченія правъ евреевъ! Докторъ Ферстеръ, потратившій на пропаганду не менѣе девяти мѣсяцевъ и дѣйствительно отдавшійся всецѣло этому священному дѣлу, оказывается теперь въ недочетѣ и долженъ обращаться чрезъ печать къ христіанской Германіи, съ просьбою вернуть ему въ складчину 1200 марокъ, которыя онъ израсходовалъ по дѣламъ пропаганды изъ своего собственнаго кармана. Но Ферстеръ прибѣгаетъ къ кошелькамъ своихъ соотчичей, подъ предлогомъ хоть все-таки благовиднымъ. За то Марръ, знаменитый авторъ „Побѣды еврейства надъ германствомъ“, ужъ куда менѣе щепетилень. Онъ прямо приглашаетъ, чрезъ газету „Reform“, доставить ему по пяти марокъ на расходы „по продолженію борьбы противъ евреевъ“. Сколько такихъ пятимарковыхъ монетъ понадобится еще безкорыстному борцу — объ этомъ онъ, само собою разумѣется, благоразумно умалчиваетъ. Вообще гг. коноводы антисемитовъ оказались

порядочными гешефтмахерами. Дѣло шло просто о поправленіи этимъ путемъ своихъ тощихъ финансовъ, какъ это видно напр. изъ слѣдующаго разсказа, передаваемаго сегодня (№ 145) «Франкфуртскою газетою». Въ Касселѣ, гдѣ тоже въ послѣднее время устраивались антисемитскія сходки, деньги, ассигнованныя на этотъ предметъ, вмѣстѣ съ собранными на самихъ же сходкахъ приношеніями, оказались куда то безслѣдно улетучившимися. Подняли гвалтъ и подступили къ главному мѣстному дѣятелю, который орудовалъ все время этимъ дѣломъ. И что жъ? Сей мужъ и не думалъ отрицать факта похищенія имъ недостающихъ денегъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отказался на-отрѣвъ отъ дальнѣйшаго участія въ антисемитствѣ. «Коли не нажитья отъ этого дѣла — отрѣзалъ онъ откровенно своимъ товарищамъ по ремеслу, — то наплевать мнѣ совсѣмъ на васъ. Всѣ другіе набили карманъ; Генрици такъ даже разбогатѣлъ, какъ всѣмъ вамъ хорошо извѣстно, а мнѣ изъ-за какихъ то пустяковъ дѣлають неприятели. Знать васъ больше не хочу—вотъ оно что!» Такъ-то одинъ за другимъ складываютъ они свое тупое оружіе, возвращаясь—это разочарованный въ своихъ ожиданіяхъ и расчетахъ, а кто съ набитой мошной—въ невылазныя свои норы, откуда ихъ потянуло-было на общественную арену. Смиряются запѣвалы и стушевываются... Штекеръ продолжаетъ, правда, объѣзжать германскіе города, но повѣдь его ужъ не та: она ни единымъ уже словомъ не касается евреевъ, а посвящена исключительно вопросамъ церкви, толкованію слова Божія. Даже «Земледѣльческая Газета» — эта полуофициальная кумушка, съ безпримѣрнымъ усердіемъ все время подливавшая масло въ огонь — и та, по словамъ «Perliner Tageblatt», должна была сойти окончательно въ могилу и отказаться отъ дальнѣйшаго служенія неблагодарной публикѣ, въ послѣднее время совсѣмъ отвернувшейся отъ этой безстыдной знаменосицы.

Такимъ то конфузнымъ образомъ покончили со своею миссією антисемиты! Предъ разставаніемъ съ почтеннѣйшею публикою, они задумали еще устроить нѣчто въ родѣ елисаветградско-киевского погрома. Но какъ жалко прошла эта затѣя! Мы разумѣемъ здѣсь исторію въ Альтенау, которой почему то было оказано въ печати чрезчуръ много чести. Помянемъ и мы въ заключеніе, хоть нѣсколькими словами этотъ положительно неудавшійся водевилъ. Альтенау одно изъ тѣхъ патриархальныхъ гнѣздъ, куда лучъ

цивилизациі не проявляетъ еще даже поползновенія проникнуть своимъ свѣтомъ. Антисемитскіе agents-provocateurs съ особеннымъ усердіемъ отыскивали на картѣ Германіи именно такіе, благодатные для ихъ пропаганды уголки, гдѣ имѣютъ свое пребываніе люди безхитростные, довѣрчивые и лукаво не мудрствующіе. Цѣлые мѣсяцы употребили они на... то, чтобы обратить вниманіе мѣстной публики на свои прокламаціи и воззванія. Но пропаганда не прививалась въ виду добрыхъ отношеній, которыя издавна установились тамъ между христіанами и евреями. Однако и тамъ, какъ и вездѣ въ провинціи, есть грамотѣи, которые особенно охочи побаловаться политикою. Проводя чуть ли не цѣлые дни въ кнейпахъ, эти субъекты накидываются на всякій, попадающійся подъ руку случай, который обѣщаетъ внести хоть нѣкоторое разнообразіе въ ихъ пустую, бездѣятельную жизнь. Просвѣщать темный людъ, показать себя въ роли хлопотуна и наставителя—роль, во всякомъ случаѣ заманчивая. Эти то политиканы и оказались, какъ водится, посредниками между сѣрою толпою—съ одной, и перлами печатнаго, антисемитскаго слова—съ другой стороны. Тутъ же, къ несчастію, наступила еще пора дождей. Рабочій людъ, по большей части пробавляющійся тамъ сельскими промыслами, просиживалъ болѣе обыкновеннаго въ кнейпахъ, гдѣ читались вслухъ антисемитскія воззванія. На-лицо оказывались и евреи, которые не давали себя въ обиду и внушительнымъ образомъ выражали передъ публикою свое неудовольствіе. Завязывались дебаты, которые, подъ вліяніемъ разгорячающаго пива, принимали подчасъ и болѣе серьезныя размѣры. Но все-таки дѣло не выходило изъ границъ простодушія. На отдѣльныхъ лицъ эти сцены могли, однако, вознѣмѣть болѣе серьезное дѣйствіе, чѣмъ исключительно и объясняется вся эта альтенауская исторія. Собственно «безпорядки»—какъ принято называть на оффиціалномъ языкѣ насилія надъ евреями—начались и закончились выбитіемъ нѣсколькихъ стеколъ въ еврейскихъ домахъ, да непродолжительною суматохою, вызванною выстрѣломъ, который раздался неожиданно изъ одного дома, обитаемаго какимъ то не въ мѣру перепугавшимся евреемъ. Кѣмъ были пущены въ ходъ камни—до сихъ поръ неизвѣстно. Однако дѣло уладилось сейчасъ же, хотя толки о немъ продолжались еще нѣсколько дней. Да это и не удивительно: антисемиты столько ужъ заставляли говорить о себѣ въ послѣднее

время, что малѣйшее насиліе, произведенное гдѣ бы то ни было въ предѣлахъ Германіи надъ евреями, должно неминуемо вызвать тревогу, разнорѣчивые толки и пожалуй даже охранительныя мѣры. Происшествіе въ Альтенау не ознаменовалось, однако, никакимъ матеріальнымъ ущербомъ для мѣстныхъ евреевъ и погасло такъ же быстро, какъ зародилось. Не будь «спеціальныхъ корреспондентовъ» (страдающихъ, по мѣткому замѣчанію одной газеты, нѣкою слабостью, именующеюся по нѣмецки «Sensations-Bedürfniss»), оно, безъ всякаго сомнѣнія, обошлось бы даже безъ участія телеграфныхъ проволокъ....

Ад. Ц—мъ.

Гейдельбергъ,
25-го (13-го) мая 1881 г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I. Руководство къ преподаванію исторіи еврейскаго народа отъ самыхъ древнихъ до новѣйшаго времени, съ краткими очерками географіи Палестины, сочиненіе М. Элькана, перевелъ съ нѣмецкаго и дополнилъ краткими историческими очерками о евреяхъ въ Польшѣ, Литвѣ и Россіи—З. Миноръ (Москва, 1881.)

II. Основы Моисеева закона, руководство къ законоученію для еврейскаго юношества, Л. Берманъ. (Спб. 1881.)

Не далѣе какъ въ послѣднемъ нашемъ литературномъ обзорѣ-ніи, мы имѣли случай жаловаться на недостатокъ у насъ хорошихъ руководствъ и учебныхъ пособій при преподаваніи на русскомъ языкѣ еврейскихъ предметовъ; сочиненія, полныя заглавія которыхъ мы только-что выписали, нѣкоторымъ образомъ пополняютъ этотъ недостатокъ. Оба эти сочиненія, позаимствованныя въ главныхъ частяхъ своихъ у нѣмецкихъ авторовъ, хотя авторъ втораго сочиненія этого и не говоритъ, должны, до поры до времени, быть признаваемы лучшими изъ существующихъ у насъ учебниковъ этого рода. Г. Миноръ, въ краткомъ предисловіи къ своему переводу, какъ бы въ поясненіе вопроса, почему выборъ его остановился именно на книгѣ г. Элькана, говоритъ только, что книга эта обладаетъ несомнѣнными достоинствами, но не объясняетъ, въ чемъ именно заключаются они. Что книга г. Элькана имѣетъ достоинства и соотвѣтствуетъ своему назначенію, можно заключить уже изъ того, что уже въ 1870 году она появилась шестымъ изданіемъ и была просмотрѣна такими знатоками, какъ Цунцъ и магдебургскій раввинъ Рамеръ. Книга эта даетъ намъ дѣйствительно систематическій, относительно полный и весьма умѣло составленный обзоръ всѣхъ главныхъ моментовъ исторіи еврейскаго народа со времени его возникновенія до

1868 г., — времени эманципации евреевъ въ Австріи. Тѣмъ не менѣ *несомнѣнная* достоинства могутъ быть признаны за енигою г. Элькана только съ оговоркою. Дѣло въ томъ, что пользованіе этой книгою требуетъ предварительнаго знакомства съ источниками еврейской исторіи и богословія, и она, такимъ образомъ, отчасти только и хороша въ качествѣ ключа въ рукахъ опытнаго преподавателя. Послѣ каждой главы, вслѣдъ за изложеніемъ событій данной эпохи, авторъ даетъ простой перечень другихъ историческихъ фактовъ или моментовъ, предварительно имъ неизъясненныхъ, очевидно съ тою цѣлю, чтобы по этой номенклатурѣ были объяснены и тѣ второстепенные факты, отъ обстоятельнаго изложенія которыхъ, для краткости, авторъ счелъ возможнымъ воздержаться. Это дѣлается относительно фактовъ не только библейской эпохи, знакомство съ которыми можно предполагать у каждаго по книгамъ св. Писанія, но и побиблейской, даже поталмудической эпохи, которые многимъ могутъ быть вовсе неизвѣстны. Возьмемъ для примѣра на выдержку § 4. Вся исторія Іосифа, съ момента возникновенія его ссоры съ братьями до смерти Іакова и усыновленія Ефраима и Манасея, передается въ какихъ нибудь *тридцати* строкахъ, изъ коихъ четыре строки еще удѣляются на сообщеніе вѣроятнаго предположенія, что исторія съ Іосифомъ случилась во время господства надъ Египтомъ *Гиксовъ*; затѣмъ идетъ слѣдующая мнемоническая номенклатура:

„Сновидѣнія Іосифа.—Іосифъ устоялъ противъ искушенія и попалъ въ темницу, гдѣ онъ толкуетъ виночерпію и пекарю ихъ сновидѣнія. — Два сновидѣнія Фараона. — Обращенія Іосифа съ братьями и съ отцемъ. — Онъ умеръ на 110 году отъ рожденія“.

Всѣ эти моменты, изъ коихъ нѣкоторые весьма назидательны, предоставляются преподавателю растолковать своимъ слушателямъ по собственному внушенію, или читателю освѣжить въ своей памяти то, что ему извѣстно объ этихъ фактахъ изъ первобытныхъ источниковъ. — § 9, содержащій „образъ правленія“ еврейскаго народа по Моисееву уставу, заканчивается номенклатурою:

„Уримъ и Тумимъ.—Совѣтъ 70 старцевъ“.

Тутъ, пожалуй, и другой преподаватель будетъ затрудняться истолковать своимъ ученикамъ, что такое «Уримъ и Тумимъ», и авторъ оказалъ бы ему существенную услугу, еслибъ потрудился

дать какое нибудь рациональное изображение этого проблематическаго института.

Въ § 98 на стр. 43 читаемъ:

„*Иона жилъ также во время Иеровама II... Исторія этого пророка и его посланничество въ Ниневію должны поучать, что конечная цѣль и назначеніе пророчества состояли не въ буквальномъ исполненіи предсказанія пророковъ, но въ исправленіи людей, и что даже язычники истиннымъ покаяніемъ и исправленіемъ своихъ дѣяствій могутъ отклонить отъ себя грозящую имъ кару Божію“.*

Тутъ авторъ совершенно вышелъ изъ своей роли, какъ историкъ, и становится моралистомъ. Не говоря ни слова объ исторіи Іоны и его посланничествѣ, онъ даетъ о нихъ свое умозаключеніе, допуская, что факты, изъ которыхъ онъ дѣлаетъ свои выводы, сама собою будутъ извѣстны его читателямъ.

Тоже самое въ § 85 на стр. 51: сообщая о гоненіи на евреевъ сирійскаго царя Антіоха Епифана, онъ довольствуется однимъ упоминаніемъ имени «Елеазара» и «Матери съ семью сыновьями», воспринявшихъ мученическую смерть отъ рукъ гонителя. Но трагическая исторія этихъ мучениковъ можетъ быть извѣстна только изъ апокрифической книги Маккавеевъ, которая, какъ не вошедшая въ ветхозавѣтный канонъ, вовсе не такъ распространена и общезвѣстна между евреями.

Еще болѣе затруднительны могутъ оказаться для пользующихся книгою г. Элькана загадочные намеки на событія позднѣйшихъ эпохъ. Такъ, къ концу § 55, на стр. 75, значитъ: «Ренегатъ Элиса бенъ Абуіа, прозванный *Ахеръ*». Но не каждый изъ преподавателей въ состояніи будетъ толково излагать характеристику интересной личности *Ахера*, этого еврейскаго Фауста. То же самое слѣдуетъ сказать о «Раби Ханниъ и Маръ Зутръ», имена которыхъ авторъ приводитъ въ § 62, на стр. 82, и подробная исторія которыхъ едва ли извѣстна даже любому изъ преподавателей.

Изъ этого слѣдуетъ, что для пользованія книгою г. Элькана требуется предварительно спеціальное знакомство съ еврейскою исторіею, и мы должны смотрѣть на эту книгу не какъ на учебникъ исторіи, а какъ на ключъ къ такому учебнику. Къ составленію такого учебника книга г. Элькана дѣйствительно можетъ служить хорошею канвою.

Другая характерная особенность нашего автора есть способъ

объясненія имъ историческихъ явленій, коимъ въ первобытныхъ источникахъ приписываютъ причины сверхъестественныя. Это есть дѣйствительное затрудненіе, съ которымъ приходится считаться всякому историку-еврею. Для историковъ другихъ народовъ это затрудненіе не существуетъ. Даже у тѣхъ народовъ, у которыхъ въ жизни церковь не отдѣлена отъ государства, въ области исторіи это смѣшеніе больше не существуетъ и церковная исторія отдѣлена отъ исторіи политической. Такимъ образомъ церковный бытописатель, стоя всецѣло на почвѣ вѣрованій, сообщаетъ свѣдѣнія о чудесахъ и сверхъестественныхъ приключеніяхъ, не имѣя надобности отыскивать для нихъ раціональныхъ комментаріевъ и объясненій; историкъ же раціоналистъ прямо относитъ такія явленія къ области мифовъ и легендъ, если ему не удастся найти имъ толкованіе, согласное съ физическими законами предметовъ. Но гораздо труднѣе разрѣшеніе этой задачи для составителя еврейской исторіи, въ которой церковная исторія тѣсно и неразлучно связана съ политическою и элементы вѣры не могутъ быть обойдены безъ явнаго ущерба для объясненія историческаго теченія событій. Нашъ авторъ, желая, повидимому, всецѣло оставаться на почвѣ раціонализма, при встрѣчѣ съ историческими фактами, приписываемыми въ св. Писаніи сверхъестественнымъ причинамъ, находится въ видимомъ колебаніи, прибѣгаетъ къ недомолвкамъ, къ натяжкамъ, и является иногда непослѣдовательнымъ. Такъ, рассказывая о переходѣ израильтянъ чрезъ Черное море, онъ, не желая назвать это явленіе просто *чудомъ* и не рѣшаясь также объяснить его какимъ нибудь раціональнымъ путемъ, не объясняетъ ничего, а говоритъ просто (стр. 9): «Моисей съ жезломъ въ рукѣ шелъ впереди народа и *проложилъ ему* дорогу чрезъ морскія пучины», предоставляя такимъ образомъ читателю объяснить себѣ это явленіе по своему усмотрѣнію. Точно также неопредѣленно выражается онъ при сообщеніи приключенія съ царемъ *Узією*, который, вошедши самоуправно въ святилище, былъ сверхъестественнымъ образомъ пораженъ проказою. Онъ говоритъ: «священника, *замѣтивъ* на челѣ царя проказу, вытѣснили его изъ храма» (стр. 38), такъ, что можно подумать, что *Узія* съ этою проказою явился въ храмъ, но прежде она не была замѣчена.

Если въ этихъ случаяхъ авторъ тщательно избѣгаетъ упоминать о чудесахъ, которыя онъ однакожъ не въ состояніи объяс-

нить обыкновеннымъ ходомъ событій, то при другихъ случаяхъ онъ не затрудняется видимыя легенды безъ особой надобности передавать въ видѣ дѣйствительныхъ фактовъ. Такъ въ § 33 онъ наивно воспроизводитъ разсказъ Флавія Іосифа о томъ, какъ Птоломей Еввергетъ велѣлъ бросать непокорныхъ евреевъ въ ипподромъ со слонами, но *слоны вмѣсто того, чтобы напасть на евреевъ, бросились на зрителей*; или (§ 58) о томъ, какъ императоръ Юліанъ въ 363 г. по Р. Х. разрѣшилъ евреямъ возстановить іерусалимскій храмъ, но когда приступили къ работѣ, *то огненные шары, вылетѣвшіе изъ основанія храма* разогнали рабочихъ. Точно также онъ не задумывается приводить фантастическія цифры въ родѣ того, что при взятіи Іерусалима римлянами погибло въ городѣ 1,100,000 человекъ, что при покореніи Баръ-Кохбы было взято въ плѣнъ 580,000 чел., разрушены 985 мѣстечекъ и 50 крѣпостей. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ авторъ ни однимъ словечкомъ не намекаетъ на легендарный характеръ этихъ сказаній, какъ будто онъ имѣетъ дѣло съ точными, тщательно проверенными статистическими цифрами.

Кромѣ этихъ крупныхъ особенностей разсматриваемой книги, которыя всецѣло должны идти на счетъ автора, встрѣчаются въ ней еще другія неточности и несообразности, которыя не знаемъ кому приписать, автору или переводчику, такъ какъ подлинника у насъ нѣтъ. На стр. 9 авторъ опредѣляетъ цифру вышедшихъ изъ Египта израильтянъ, вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми, *около 2½ миллионѡвъ*. Намъ неизвѣстно, какими данными онъ руководствовался при этомъ вычисленіи. На стр. 10 объясняется причина приказанія Моисея смотрѣть на амалекитовъ, какъ на непримиримыхъ враговъ тѣмъ, что они «въ нарушеніе всякаго *международнаго права* напали на *безоружныхъ* израильтянъ». Не говоря уже о неумѣстности здѣсь выраженія *международнаго права*, которое звучитъ анахронизмомъ, въ его объясненіи содержится простая неправда, такъ какъ прямо говорится: «И *вооруженные* вышли сыны израилевы изъ Египта» (Исходъ XIII, 18). На стр. 11 говорится: «Обязанности священниковъ, *лежавшія прежде, по обычаю, на первородныхъ сыновьяхъ, были возложены на колено Левина*». Хотя право первородства дѣйствительно существовало еще въ домонсеевыя времена, мы находимъ это выраженіе все таки невѣрнымъ потому, что въ то время объ

обязанностяхъ священниковъ еще и рѣчи не было. Моисей же самъ сперва поручилъ священнодѣйствіе первенцамъ (Исходъ XIII), а впослѣдствіи замѣнилъ ихъ левитами (Числа III, 12—13). Слѣдовательно было бы вѣрнѣе сказать: «Обязанности священниковъ, возложенныя сначала на первородныхъ сыновей, были затѣмъ возложены на колѣно Леви». На стр. 75, намъ неизвѣстно на чемъ основывается утвержденіе автора, что «Тиверіада была почтена названіемъ Иерусалима, Сіона». Къ стр. 95, гдѣ говорится, что Саббатай Цеви умеръ въ Бѣлградѣ, замѣтимъ, что, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, гробница Саббатая Цеви находится въ Дульцино. Къ стр. 76 замѣтимъ: 1) что *сифра*, *сифри* и *Мехилта* не принадлежатъ къ числу *Мидрашимъ*, 2) при исчисленіи первыхъ родовъ Танаимъ, начиная съ рабби Іоханана бенъ Закаї, не слѣдовало бы опускать эпитетъ «рабби» и 3) говорится: «Около послѣдней трети 4-го столѣтія предпринято было, неизвѣстно кѣмъ, собраніе ученій извѣстное подъ названіемъ *Иерусалимскаго Талмуда*». Это не совсѣмъ вѣрно. Основаніе іерусалимскаго Талмуда относится къ р. Іоханану (баръ Нафха), жившему въ Тиверіадѣ (199—279 по^оР. Х.), хотя дальнѣйшая его редакція продолжалась учениками р. Іоханана долго послѣ его смерти. Если авторъ почему либо не согласенъ съ этимъ до сихъ поръ господствующимъ мнѣніемъ, то объ немъ слѣдовало бы меньшей мѣрѣ упомянуть. На стр. 137, упоминая о рѣкѣ *Белусъ*, авторъ или переводчикъ спрашиваетъ въ скобкахъ: не здѣсь ли изобрѣтеніе стекла? Но Флавій Іосифъ (*De Bell. jud.* II, 10, 2) говоритъ прямо, что на берегу рѣки *Beleos* изобрѣтено стекло, а по *Michaelis* (*Neue Oriental. Bibliothek*, 70), *Rosenmüller*, въ его комментаріи ко Второзаконію XXXIII, 19 и *Шварцу* (*d. Heilige Land* 29) это упоминаемая въ книгѣ Іошуа (XIX, 26) рѣчка *גַּרְזִי לַבְּנֵי*, прозванная такъ отъ *блѣзо* кварцоваго песка, находившагося по ея берегамъ и употреблявшагося для выдѣлки стекла.

Высказанныя нами замѣчанія, изъ коихъ нѣкоторыя, пожалуй, могутъ быть еще оспариваемы, не отнимаютъ у книги г. Элькана права считаться въ числѣ лучшихъ учебныхъ руководствъ по еврейской исторіи. Въ узкой рамкѣ (книга занимаетъ всего, вмѣстѣ съ приложеніемъ г. Минора, какихъ нибудь 200 страницъ) намъ представляется миниатюрная, но полная, и въ главныхъ штрихахъ вѣрно нарисованная картина народа великомученива и конечно

и годный матеріалъ о своемъ предметѣ. Но и тутъ переводчикъ рѣшился оставаться въ сторонѣ и ни за что не вмѣшиваться въ слова своего подлинника. Такъ въ первой же строкѣ этой статьи говорится «когда впервые явились евреи въ Польшу— неизвѣстно», между тѣмъ въ нашей же книгѣ (стр. 112) г. Эльканомъ обозначается выселеніе евреевъ изъ Германіи въ Польшу временемъ притѣсненія ихъ марк-графомъ Бранденбургскимъ Іоанномъ Георгомъ въ 1571 году. Переводчикъ не обратилъ вниманія на это противорѣчіе. Во II главѣ своего приложенія, трактующей о «евреяхъ подъ русскимъ правительствомъ» и принадлежащей всецѣло перу г. Минора, хотя и не говорится ничего о внутреннемъ бытѣ и экономической жизни русскихъ евреевъ, но дается тщательно составленный перечень законодательствъ о евреяхъ русскаго правительства за послѣднее столѣтіе, съ надлежащимъ освѣщеніемъ смысла и значенія этихъ законоположеній. Такая группировка правительственныхъ мѣръ и распоряженій касательно евреевъ даетъ безъ сомнѣнія годный матеріалъ для будущаго историка, но опять намъ не ясно, насколько такой сырой матеріалъ умѣстенъ въ учебникѣ.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ по поводу слога переводчика, къ сожалѣнію, не вездѣ достаточно правильнаго. Ограничимся самыми необходимыми указаніями. На стр. 15: «Гивеонитяне *поддались* Израилтянамъ» вм. *покорились*. На стр. 18 «Мѣсто засѣялъ, *такъ сказать, солью*», подчеркнутыя слова неумѣстны здѣсь. На стр. 39: Манасей, по возвращеніи изъ плѣна, «управлялъ государствомъ *уже лучше, чѣмъ прежде*», на стр. 77 «Еврейскія школы вмѣняли своимъ ученикамъ въ обязанность упражняться въ *отвѣчаніи на предосудительные вопросы*», на стр. 78: «*Современно этому государю евреи жили въ Римѣ*» и др., все это выраженія не русскія, по крайней мѣрѣ, не литературныя. На стр. 80: «Юстиніанъ *отказалъ имъ въ вѣръ какъ свидѣтелей*», просто безграмотно; надо сказать: *лишилъ ихъ права быть свидѣтелями*. Точно также на стр. 85: «*На восьмой день рожденія*» вм. «*Въ день рожденія, когда ему исполнится 8 лѣтъ*», на стр. 94 «*поститься въ два, въ память о разрушеніи Иерусалима, траурные дня*», вм. въ два траурные дня, установленные въ память и т. д. Въ приложеніи на стр. 11 «*За Сизизмунда сожгли нѣсколько евреевъ*» вм. *При Сизизмундѣ Августѣ, а то вы-*

ходить, что слѣдовало сжечь Сигизмунда а сожгли евреевъ. Намъ также непривычно употребленіе нарѣчія *теперь*, вм. *лишь*, напр. на стр. 79: «*Теперь тогда*, когда всякое сопротивленіе оказалось невозможнымъ», тоже самое на стр. 87, 93, 98, 103 и 104. Мы при этомъ допускаемъ, что на стр. 8 «въ домѣ *почетной* пастушской семьи», вм. *почтенной*, на стр. 28: «Тысячи женъ наполняли», вм. Тысяча женъ наполняла (такъ какъ у Соломона только и была одна тысяча женъ) (I Царей XI, 3), на стр. 47 «всачески этому *помышали*», вм. *мышали* и на стр. 115 «*возвышенный* р. Лейбъ», вм. *высокій* р. Лейбъ (*der hohe R. Leib*),—что всѣ эти неправильныя выраженія не болѣе какъ протстыя опечатки.

Объ руку съ преподаваніемъ еврейской исторіи должно идти преподаваніе еврейскаго закона Божія, такъ какъ эти два предмета неразрывно связаны между собою и другъ друга дополняютъ; поэтому естественнымъ дополненіемъ къ сей часъ разсмотрѣнному учебнику исторіи можетъ служить вторая вышеупомянутая нами книга: «Руководство къ законоученію для еврейскаго юношества, Л. Бермана».

Учебникъ г. Бермана составленъ съ знаніемъ дѣла. Главное достоинство книги г. Бермана состоитъ въ системачности ея изложенія. Объясняя въ введеніи предварительныя понятія о религіи вообще и сущность еврейскаго законоученія, раздѣляющагося на двѣ главныя части: на письменный и устный законъ, и изложивъ съ нѣкоторою подробностію содержаніе того и другаго, равно какъ и историческій обзоръ лицъ и учрежденій, съ помощью которыхъ до насъ дошло устное ученіе, авторъ посвящаетъ первую часть своей книги «ученію о *тортъ*», причемъ объясняетъ сперва такъ называемую *естественную* религію, затѣмъ религію *откровенія*; вторая же часть посвящена ученію объ обязанностяхъ, въ которыя входятъ: 1) обязанности въ отношеніи къ Богу, съ изложеніемъ законовъ о молитвѣ, о пищѣ, объ исполненіи разныхъ обрядовъ, о праздникахъ и ихъ значеніи; 2) обязанности человека въ отношеніи къ самому себѣ, и 3) обязанности къ ближнему, въ томъ числѣ и обязанности гражданина къ государству. Послѣ каждаго отдѣла поставлены вопросы для изустваго повторенія пройденнаго.

При пользованіи учебникомъ г. Бермана преподавателю предстоитъ работа противоположная той, которая ожидаетъ при пользованіи руководствомъ г. Минора. При обученіи еврейской исторіи по руководству г. Минора преподавателю, какъ мы уже замѣтили, придется много объяснить и прибавить отъ себя, между тѣмъ какъ обучающій закону Божію по учебнику г. Бермана хорошо сдѣлаетъ, если онъ кое-что опуститъ и убавитъ. Обиліе цитатъ и выдержекъ способны утомлять память ученика и не всегда съ пользою для предмета. Укажемъ на одинъ примѣръ: Догматы вѣры, или, какъ авторъ ихъ называетъ, члены вѣры, исчисляются имъ по двумъ системамъ, по системѣ Маймонида, насчитывающаго ихъ цѣлыхъ *тринадцать*, и по системѣ р. Юсифа Альбо, ограничивающаго ихъ число *тремя*. Спрашивается, умѣстно ли это въ учебникѣ? Къ чему ученику знать, что у богослововъ существуетъ разногласіе въ такомъ коренномъ вопросѣ? Учащейся молодежи ученіе вѣры должно быть внушено какъ аксіома, какъ истина недѣлимая. Сознаніе существованія двойственной системы въ исчисленіи догматовъ вѣры можетъ вызвать въ молодомъ умѣ сомнѣніе въ устойчивости и непреложности обѣихъ системъ и ставить его въ недоумѣніе, какой именно системы держаться, тѣмъ болѣе, что авторъ этого вопроса не разрѣшаетъ. Не лучше ли было бы, если авторъ привелъ бы догматы вѣры по одному только Маймониду, которыхъ евреи въ дѣйствительности и держатся и исчисленіе которыхъ повторяется имъ при ежедневной молитвѣ?

Если съ одной стороны замѣчается такимъ образомъ нѣкоторое излишество въ накопленіи матеріала, то въ другомъ отношеніи самъ авторъ обозначаетъ свой учебникъ неполнымъ. Такъ, трактуя о дозволенной и недозволенной пищѣ, авторъ говоритъ (стр. 109) «Дальнѣйшія подробности объ установленіяхъ о пищѣ изложены въ Библии (?), Талмудѣ и въ послѣднихъ (не вѣрнѣе ли: «*позднѣйшихъ*»?) кодексахъ». Далѣе, говоря о субботѣ, онъ точно также прибавляетъ (стр. 114): «Какія именно работы воспрещаются по субботамъ, и другія подробности относительно празднованія этого дня, излагаются въ спеціальныхъ сочиненіяхъ, какъ напр. въ Талмудѣ, Маймонидѣ, Шулханъ Арухъ и др.» Еще далѣе, по поводу Пасхи, онъ пишетъ въ примѣчаніи (стр. 121): «Въ спеціальныхъ кодексахъ опредѣляется подробно, что подразумѣвается подъ словомъ «Кваснаго». Впрочемъ этимъ подробностямъ

дѣйствительно нѣтъ мѣста въ учебникѣ, если ему не принимать размѣровъ самаго Талмуда съ его безчисленными сутниками. Удобнѣе всего ученикъ можетъ познакомиться съ этими специальными постановленіями на практикѣ въ родительскомъ домѣ, если только таковыя тамъ еще въ точности соблюдаются.

Слогъ автора, за исключеніемъ немногихъ шероховатостей, впрочемъ, легкоустраимыхъ, удобопонятенъ и довольно плавенъ. На стр. 14 слово «въ *Тиверіи*» считается опечаткою; городъ этотъ по-русски называется *Тиверіадою*. При упоминаніи шести отдѣловъ Мишны, автору слѣдовало бы ихъ поименовать и объяснить ихъ содержаніе, какъ онъ это сдѣлалъ относительно св. Писанія (стр. 9—11), для того, чтобы ученики имѣли понятіе о сути талмуда. Ошибочно говорится въ примѣчаніи на стр. 14: «Скоро послѣ этого (т. е. послѣ составленія талмуда вавилонскаго) составлены книги *Мехилта*, *Сифра*, *Сифри* и пр.» *Мехилта* приписывается р. Исмаилу Елисея, с. современнику *Рабби*, составителя Мишны; *Сифра*—р. Іегудѣ с. Илаи, а *Сифри*—р. Симеону с. Іохан, которые оба жили раньше еще *Рабби*. Не знаемъ также почему для обозначенія ученыхъ періода Мишны авторъ сохранилъ на русскомъ языкѣ еврейскую форму *тамнаимъ* = תנאים, названіе же ученыхъ періода Гемары סבורים онъ пишетъ не *амораимъ*, а *аморси*, что напоминаетъ совсѣмъ о народѣ אַמֹרִי, жившемъ нѣкогда въ древней Палестинѣ.

עין ספרות „*Юнв-сифрутъ*“ Размышленіе объ еврейской литературѣ, г. Шершевскаго (Вильна, 1881).

גלות עינים „*Глуй-эйнаимъ*“, *Взгляды на духовное состояніе евреевъ III. I. Земль-берштейна* (Варшава, 1881).

Что языкъ для отдѣльнаго человѣка, то литература для народа. Человѣкъ при нормальномъ состояніи ума говоритъ обыкновенно о томъ, что у него болитъ; онъ, значить, чувствуетъ свою бользнь и ищетъ средства отъ нея освободиться. Но если человѣкъ, одержимый недугомъ, тяжкимъ, опаснымъ скоротечнымъ недугомъ, дошелъ до такой степени, что не чувствуетъ боли, не сознаетъ опасности своего положенія, а толкуетъ о вещахъ въ нему не относящихся и неимѣющихъ практическаго смысла, то о такомъ человѣкѣ говоримъ, что онъ находится въ бреду. Въ такомъ именно положеніи долгое очень долгое время, сплошь до нашихъ

дней, находились евреи. Не смотря на страшно-жалкое экономическое ихъ положеніе, не смотря на страшныя невзгоды отъ внутренней и внѣшней неурядицы, литература ихъ занималась всевозможными вопросами, только не вопросами житейскими. Народъ голодаетъ, нищенствуетъ, поколѣніе за поколѣніемъ вырастаетъ какъ грибы на беспочвенномъ грунтѣ, питаясь воздухомъ, а равнинъ пишетъ новый фоліантъ о пресловутомъ яйцѣ, снесенномъ курицею въ день правдника, поэтъ воспѣваетъ весну и чириканье ласточки, издатель газеты сообщаетъ о бразильскомъ императорѣ или наполняетъ свои столбцы остроумнымъ истолкованіемъ темнаго мѣста въ агадѣ. Если грустно видѣть одного бредящаго больного, то тѣмъ тяжелѣе впечатлѣніе отъ созерцанія цѣлаго народа въ бреду.

Объ этомъ предметѣ трактуетъ брошюра г. Шершевскаго. Она содержитъ полемику съ бывшимъ суб-редакторомъ журнала «Гакармея» и старается растолковать ему необходимость заниматься въ журналистикѣ разъясненіемъ жгучихъ бытовыхъ вопросовъ. Этотъ своеобразный публицистъ, стоя на преемственной точкѣ зрѣнія, защищалъ рутинное направленіе литературы. Не слѣдуетъ, молъ, касаться больныхъ мѣстъ въ еврейскомъ національномъ организмѣ, во первыхъ потому что больно, во вторыхъ потому что это язвы хроническія, наслѣдственныя,* значить, *священныя*; въ третьихъ потому что, по его мнѣнію, отъ раскрытія нашихъ ранъ и недуговъ пользы не будетъ, а будетъ только глумленіе злорадныхъ; въ четвертыхъ, опять по его же мнѣнію, исцѣленіе этихъ язвъ вовсе не желательно, такъ какъ отъ этого можетъ произойти возобновленіе организма, въ пятыхъ, въ шестыхъ и т. д. все въ этомъ же духѣ. Авторъ брошюры мѣтко и побѣдоносно возражаетъ противъ анахроническихъ аргументовъ своего противника. Содержаніе брошюры г. Шершевскаго для здравомыслящаго человѣка вообще ничего новаго представить не можетъ, но интересенъ живой слогъ автора, который придаетъ не мало убѣдительной силы его здравой и трезвой логикѣ. Въ этомъ духѣ составлена и брошюра г. Зильберштейна, написанная стихами. Онъ ни съ кѣмъ не полемизируетъ, а просто рисуетъ въ довольно плавныхъ стихахъ безотрадную картину еврейскаго быта, нищету народной массы, безсердечность кагалныхъ мироѣдовъ, ростовщиковъ, сборщиковъ и содержателей коробочныхъ сборовъ, вздорность и не-

современность занятій равнинноъ казуистикою и схоластическимъ крючкотворствомъ, неприглядность обветшалыхъ порядковъ въ синагогѣ и въ общинномъ строю. Онъ объясняетъ все это укоренившимся у евреевъ фаталистическимъ мировоззрѣніемъ, мѣшающимъ имъ взяться за переустройство основъ и активное воздѣйствіе на жизнь. Конечно подобное изліяніе всемірной скорби настолько поможетъ дѣлу, насколько вздохъ больного поможетъ его исцѣленію, но для окружающихъ больного отрадно и то, когда они видятъ, что бредъ проходитъ и что больной начинаетъ говорить о томъ, что у него болитъ.

Меваккеръ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Ни о чемъ другомъ, кромѣ пресловутыхъ безпорядковъ.— Что особенно въ нихъ возмущаетъ.— Толпа и интеллигенція, увлеченіе и расчетъ, бушующая ярость и мелкая гадливость.— Подготовители и поощрители — Что ожидается отъ военнаго суда въ принципъ и что онъ иногда представляетъ на практикѣ.— Не въ мѣру усердствующій прокуроръ, занимающійся перетасовкою ролей, ставящій потерпѣвшихъ на мѣсто подсудимыхъ и сочиняющій для послѣднихъ политико-экономическое alibi.— Г. Стрѣльниковъ, превосходящій всякія фантастическія ожиданія.— Полемиическія красоты противъ потерпѣвшихъ въ обвинительной рѣчи противъ подсудимыхъ и трибуна военнаго суда, какъ мѣсто для политической пропаганды.— Впечатлительнѣ, мораль и возможныя послѣдствія образа дѣйствій г. военнаго прокурора.— Генералъ Стрѣльниковъ и елисаветградскій прѣставъ г. Чернявскій.— Въ чемъ особенно обнаружилось знергія кievской администраціи и кievскаго городского представительства.— Ихъ заботливости объ облегченіи участи пострадавшихъ.— Участіе въ этомъ дѣлѣ другихъ русскихъ городовъ и сферѣ официальныхъ и общественныхъ.— Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ.— Молитва.

Ни о чемъ другомъ, разумѣется, говорить нельзя, кромѣ пресловутыхъ безпорядковъ.

Нужно обладать по истинѣ канатными нервами, чтобъ сохранить хоть относительное спокойствіе духа, хоть нѣкоторое самообладаніе въ виду всего того, что совершалось и совершается, творилось и творится на глазахъ нашихъ. И не потому только, что „въ человѣкѣ проснулся звѣрь“, какъ выразился князь Урусовъ въ кievскомъ военно-окружномъ судѣ, и что этотъ звѣрь изображаетъ собою тысячную толпу, бушующую не въ одной только мѣстности, а въ разныхъ довольно отдаленныхъ другъ отъ друга пунктахъ. Пробужденіе въ человѣкѣ звѣрскихъ инстинктовъ, конечно, вещь опасная.

Ибо

... das schrecklichste der Schrecken—
Das ist der Mensch in seinem Wahn!

Но обыкновенно такія вспышки народной ярости и необузданности также быстро исчезаютъ. Конечно, несчастье великое, опасность большая, но такъ сказать минутная, мимолетная. Дѣло не обходится безъ жертвъ, безъ трагическихъ моментовъ. Но гроза проходитъ, небо проясняется, и водворяется вновь миръ и тишина. При томъ, при такихъ необычайныхъ порывахъ народной страсти не существуетъ розни, не бываетъ партій, и все общество, вся въ особенности интеллегенція, какъ одинъ человекъ, сплывается, чтобъ остановить этотъ порывъ. Кромѣ огульнаго осужденія такого рода необузданности, принимаются, прежде всего, всевозможныя мѣры, чтобы словомъ и дѣломъ содѣйствовать восстановленію мирнаго теченія жизни. При такомъ порядкѣ вещей, при такомъ направленіи умовъ, даже та среда, на которую обрушивается подобное несчастье, по крайней мѣрѣ тѣ люди изъ этой среды, которые по тому или другому обстоятельству, по той или другой причинѣ призваны или считаютъ себя призванными стоять на стражѣ ея интересовъ, могутъ еще сохранить извѣстное самообладаніе, въ виду того сознанія или хотя надежды, что бѣда скоро минуетъ, и что жизнь пойдетъ своей обыкновенной колеей. Въ такихъ случаяхъ по крайней мѣрѣ есть утѣшеніе, что толпа—вездѣ толпа, и что она также скоро остываетъ, какъ быстро разгорячается, есть надежда, что она отрезвится и сознаетъ свою вину!.. Но возможно-ли сохранить хоть нѣкоторое спокойствіе духа при видѣ всего того, что совершается у насъ? Возможно-ли сохранить самообладаніе, возможно ли не возмущаться до глубины души при видѣ того, что жизнь и имущество десятковъ тысячъ людей подвергаются разрушенію и разграбленію, не вслѣдствіе какогонибудь минутнаго порыва дикой разгоряченной толпы, а вслѣдствіе такъ сказать систематически выработаннаго ненормальнаго положенія съ одной, и образа дѣйствій и отношенія къ дѣлу извѣстной части такъ называемой интеллегенціи съ другой стороны. Это, значить, уже не дѣло толпы, не дѣло минутнаго „увлеченія“ или разгоряченія

массы, это не наивпѣвшая злоба ищетъ себѣ исхода въ мрачномъ буйствѣ и неистовствахъ,—какъ это стараются на всѣ лады увѣрить мнимые народолюбцы—не та злоба, о которой можно надѣяться, что она утихнетъ и погаснетъ. Какъ мало свѣту ни пролито еще на все это южнорусское движеніе, одно ясно, что инициатива его во всякомъ случаѣ принадлежитъ не народной массѣ, не толпѣ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, и что оно не дѣло внезапной вспышки, вслѣдствіе давно затаеннаго чувства, а дѣло систематическое, подготовленное. На судѣ и въ корреспонденціяхъ вы то и дѣло слышите о какихъ то „приказахъ“ бить жидовъ. Народъ шелъ бить и грабить, какъ будто вовсе не по своей волѣ, а по приказанію начальства. Мы не имѣемъ еще возможности съ полною достовѣрностію сказать, кѣмъ и какъ было подготовляемо это движеніе, и къ кому, поэтому, должно относиться то чувство омерзенія и презрѣнія, которое вызоветъ оно въ устахъ будущаго его историка. О томъ, что извѣстная часть нашей печати не чужда этому подготовленію и что вообще такое движеніе могло быть вызвано лишь при тѣхъ ненормальныхъ отношеніяхъ, въ которыя евреи поставлены у насъ законодательствомъ, при тѣхъ противорѣчіяхъ, которыя въ этомъ отношеніи существуютъ у насъ между закономъ и жизнью—мы уже говорили въ прошлый разъ. Но если у насъ можетъ еще оставаться какое либо сомнѣніе на счетъ подготовителей движенія, то съ тѣмъ большею ясностію выступаютъ теперь предъ нами тѣ, которыми это движеніе на руку и которыми оно, поэтому, всевозможнымъ образомъ одобряется и поощряется, разумѣется не прямо и откровенно,—на это не хватаетъ мужества,—а косвенно и вполнѣ ясными инсинуаціями противъ евреевъ, возводятъ на нихъ завѣдомо ложныя обвиненія за обвиненіями. И это дѣлаетъ не только печать вольная (т. е. независимая, можетъ быть въ финансовомъ, но за то холопская въ нравственномъ отношеніи), но и печать такъ сказать казенная, офиціозная, субсидиро-

ванная, такъ что она, такимъ образомъ, даетъ возможность ловкимъ злоумышленникамъ распространять нелѣпые слухи, будто избіенія и разграбленія евреевъ официально допускаются. Это дѣлаетъ уже, значить, наша quasi-интеллегенція, и не въ порывѣ дикой страсти, а съ тонкимъ, хорошо обдуманымъ расчетомъ, не изъ бушующаго отчаянія, а изъ за самыхъ низменныхъ, подленькихъ и гадливыхъ инстинктовъ мелкой зависти и низкаго любостязанія. Это уже не гроза, которая, разразившись, исчезаетъ безслѣдно, послѣ чего въ воздухѣ становится ясно и свѣжо. Это мелко накрапывающій октябрьскій дождикъ, превращающій все въ слякоть и грязь, наводящій тоску и уныніе—и которому, главное, не предвидишь конца. Вотъ это то и возмущаетъ, это то и не даетъ успокоиться.

И благо бы одна эта, лишенная всякихъ нравственныхъ принциповъ, печать занималась благороднымъ дѣломъ наускиванія и подстрекательства, благо бы въ этомъ изоцрѣялась одна эта — *soi-disant* культурная — гля, для которой не писанъ законъ, ни божескій, ни человѣческій. Для насъ это было бы не ново, мы къ этому уже привыкли. Но возмутительнѣе всего, что такіа поползновенія обнаруживаются въ тѣхъ сферахъ, которыя, такъ сказать, трижды призваны блюсти законъ, и блюсти его съ особенною строгостью, въ виду тѣхъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, которыя грозятъ опасностью цѣлому краю, которыя деморализируютъ массу и способны превратить ее въ дикое стадо. И вотъ въ эти то чрезвычайные моменты, когда, говоря словами князя Урусова, давленіе закона ослабло, и гдѣздящіеся въ каждомъ человѣкѣ инстинкты злобы и чувства стяжанія разлились, приняли невиданныя доселѣ формы и грозили сокрушить все и вся; когда въ Россіи появился новый персонажъ—бушующая толпа, разрушительная стихійная сила, которая въ состояніи сокрушить все: порядокъ, культуру, собственность, безопасность и... государство,—въ эти то чрезвычайные моменты, изъ устъ тѣхъ самыхъ сферъ, которыя призваны стоять на стражѣ закона, изъ тѣхъ самыхъ устъ, которыя грознымъ, возмущеннымъ неслышанными беззаконіями, голосомъ карающаго судьи не только должны требовать строгаго суда надъ тѣми, кто совершилъ эти беззакон-

ныя дѣянія, но и поставить къ позорному столбу тѣхъ, нравственнымъ вліяніемъ и подстрекательствомъ которыхъ были вызваны эти дѣянія,—изъ этихъ же самыхъ устъ раздаются рѣчи, которыя очень легко могутъ навести на мысль, что произносящимъ ихъ поручено не установить фактъ преступнаго дѣянія и требовать заслуженной за него кары, а сочинить для подсудимыхъ, если и не юридическое, то, если можно такъ выразиться, политическое или вѣрнѣе экономическое *alibi*.

Мы живемъ въ эпоху всякихъ невѣроятныхъ событій, всякихъ случайностей и неожиданностей, къ которой поистинѣ можно приложить латинское *nil admirari*. Тѣмъ не менѣе, едва ли даже самая извращенная фантазія могла бы подсказать мысль, что русскій генералъ съ высоты военно-прокурорской трибуны въ состояніи произнести тѣ рѣчи и пуститься въ тѣ эквилибристическія препирательства съ свидѣтелями, которыя въ кіевскомъ военно-окружномъ судѣ позволилъ себѣ г. Стрѣльниковъ, въ особенности, послѣ слѣдующихъ словъ, сказанныхъ въ незадолго предъ тѣмъ обнародованномъ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ:

„Движенія противъ евреевъ,—сказано въ этомъ циркулярѣ—проявившіяся въ послѣдніе дни на югѣ, представили печальный примѣръ того, какъ люди, преданные престолу и отечеству, подаваясь внушеніямъ злонамѣренныхъ, разжигаютъ дурныя страсти въ народной массѣ, впадаютъ въ своеволіе и самоуправство и дѣйствуютъ, сами того не понимая, согласно замысламъ крамольниковъ. *Подобныя нарушенія порядка не только должны быть строго преслѣдуемы, но и заботливо предупреждаемы, ибо первый долгъ правительства охранять безопасность населенія отъ всякаго насилія и дикаго самоуправства*“.

Г. Стрѣльниковъ, очевидно, по отношенію къ евреямъ держится другихъ взглядовъ, чѣмъ тѣ, которые высказаны въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ, выражающемъ собою программу правительственной дѣятельности. Неизвѣстно только, слѣдуетъ-ли объяснить это несогласіе гражданскимъ мужествомъ г. Стрѣльникова и его твердо выработанными независимыми убѣжденіями, или же его уже чрезъ чуръ ревностнымъ усер-

діемъ, происходящимъ изъ того же источника, изъ котораго черпалъ свое усердіе и управляющій казенною палатою г. Гиляровъ, нашедшія слова того же самаго циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ не цензурными. Мы лично твердо увѣрены, что ничѣмъ не объяснимое обращеніе г. Стрѣльникова слѣдуетъ приписать именно этому послѣднему, т. е. его чрезъ чуръ ревностному усердію, заставляющему его, по старой французской поговоркѣ, быть *plus royaliste* и т. д. Твердо памятуя, что наше законодательство по общему духу своему далеко не одинаково относится къ евреямъ и неевреямъ, онъ вѣроятно полагалъ, что слова циркуляра объ евреяхъ сказаны только такъ свазать для красоты слога, а что ему, прокурору, слѣдуетъ дѣйствовать по духу закона, такъ, какъ онъ, т. е. г. Стрѣльниковъ, его разумѣетъ. И поэтому онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ согласиться съ княземъ Урусовымъ, что „дѣло суда возстановитъ порядоки внутренній, порядоки въ мысляхъ и сознаниіи, чтобы знали и вѣдали всѣ, что евреи—такіе же вѣрнопопанные Государя Императора, какъ и всѣ мы (русскіе)“... Точно также онъ вѣрно не могъ согласиться съ его положеніемъ, что на счетъ азбуки гражданственности не можетъ быть двухъ мнѣній и что личность и имущества гражданъ, кто бы эти послѣдніе ни были, должны быть охраняемы...

Мы рѣшительно не въ состояніи подыскать хоть приблизительно подходящихъ словъ для характеристики образа дѣйствій г. Стрѣльникова и того впечатлѣнія, которое онъ долженъ былъ произвести какъ на самихъ подсудимыхъ, такъ и во всей странѣ и даже за границей. Потрудитесь только выикнуть въ данное положеніе: цѣлый край объять пламенемъ разбоя и грабежа въ такихъ неслыханныхъ размѣрахъ, что это дѣлается даже предметомъ толковъ не только въ иностранной печати, но и въ иностранныхъ законодательныхъ собраніяхъ. снаряжается чрезвычайный судъ, судъ военный, судъ скорый и не въ примѣръ строже обыкновеннаго суда,—для того именно, чтобы съ большею строгостью и внушительностью подѣйствовать на умы, чтобы съ большею быстротою и рѣшительностью не только положить конецъ неистовамъ, но именно, какъ выразился князь Урусовъ,

„возстановить порядокъ въ мысляхъ и сознаниі“. Подсудимыхъ одна уже внѣшняя обрядность военнаго суда, одно сознание, что они сидятъ на скамьѣ этого чрезвычайнаго судилища, дѣйствующаго съ особенною, чрезвычайною строгостью, заставляеть отрезвиться. Раскаяніе овладѣваетъ ими еще прежде, чѣмъ этотъ чрезвычайный, строгій судъ приступаетъ къ отправленію своей функціи. Нравственное оцѣпененіе ихъ еще болѣе усиливается, когда съ своего мѣста поднимается тотъ, кто грознымъ, могучимъ голосомъ набросить яркую и рельефную картину тѣхъ неистовствъ, которыхъ они были виновниками, тотъ, кто возмущеннымъ отъ справедливаго негодованія голосомъ потребуетъ строгой кары за то неслыханное попіраніе человѣческихъ правъ, которое они себѣ позволили—по собственной-ли инициативѣ или по наущенію другихъ. И вдругъ они изъ устъ этого самаго грознаго судіи ихъ—не вѣрятъ своимъ ушамъ ни публика, ни самые подсудимые—узнають, что подсудимыми являются въ этомъ дѣлѣ вовсе не они, не тѣ, которые били, разоряли и грабили, не тѣ, которые неистовствовали и безчеловѣчно попірали права своихъ ближнихъ, и не тѣ даже, которые военнымъ образомъ побудили ихъ къ этому,—а тѣ, противъ которыхъ эти неистовства были направлены, тѣ именно, чьи человѣческія права возмутительнѣйшимъ образомъ были попрапы!!!... Публика, подсудимые, наконецъ и вся Россія, съ изумленіемъ услышали, что уста этого грознаго судіи раскрылись не для того, чтобы установить факты преступленія, не для того, чтобы громить нравственную развужданность и показать ея сугубую опасность для всего края, для всей страны, а для того, чтобы вступить въ полемическія препирательства съ свидѣтелями на языкѣ той самой литературной и культурной тли, которую ему слѣдовало поставить къ позорному столбу и громить больше чѣмъ самихъ подсудимыхъ. Публика, подсудимые и вся Россія съ изумленіемъ услышала, что г. прокуроръ военнаго суда въ своей *обвинительной* рѣчи задалъ себѣ цѣлью доказать не то, что „русская земля—не безсудная земля“, а что Россія есть государство, которое должно стремиться къ изгнанію своихъ поданныхъ „черезъ западныя границы“ и къ тому, какъ этого

требуютъ гг. Пихно, Суворины, Баталины, и Озмидовы, чтобы „сдѣлать имъ жизнь по возможности трудною и невыносимою“.

Внимайте только въ смыслъ этого необычайнаго явленія, уясните себѣ значеніе этого конкретнаго факта—превращенія военнымъ прокуроромъ трибуны военного суда въ арену для возбужденія политическихъ страстей, въ аудиторію для пропагандированія взаимной ненависти между одною частью населенія и другой—и, скажите, можетъ ли что либо дѣйствовать болѣе деморализующимъ образомъ на однихъ и болѣе удручающимъ на другихъ?! И у кого, скажите, послѣ подобныхъ рѣчей гг. прокуроровъ, хватить духа винить евреевъ, если они, извѣрившись въ желаніе подлежащей власти и суда защитить ихъ священнѣйшія человѣческія права, на будущее время не захотятъ оставаться пассивными зрителями направленныхъ противъ нихъ неистовствъ и при первомъ, даже воображаемомъ только, нападеніи на нихъ, сами ринутся въ бой и превратятъ мирныя улицы и дома въ кровавое поле сраженія, въ арену междуусобной рѣзни?... И въ печати и въ обществѣ многіе удивлялись тому благородію, той сдержанности, которую обнаруживало еврейское населеніе на югѣ Россіи во время послѣднихъ направленныхъ противъ нихъ беспорядковъ, не оказывая нападающимъ напраснаго сопротивленія, которое могло бы повести къ еще большей разнужданности и разгораченію толпы и, вслѣдствіе этого, къ еще большимъ бѣдствіямъ. Это благородіе и сдержанность очень близко уже граничили съ трусостью, такъ что нѣкоторые, и пожалуй не безъ основанія, усмотрѣли въ этомъ печальные признаки рабскаго униженія,—плодъ многовѣковаго гнета, убившаго въ человѣкѣ сознаніе своего человѣческаго достоинства, своихъ человѣческихъ правъ. Но что бы то ни было, благородіе-ли, рабская-ли трусость заставила евреевъ играть такую поистинѣ непонятную пассивную роль при совершаемыхъ на нихъ нападеніяхъ—вѣдь на это не всегда можно рассчитывать. И благородіе теряется и исчезаетъ при сознаніи и убѣжденіи, что оно ни къ чему не ведетъ, и рабъ возмущается, когда цѣпи, физическія-ли, нравственныя-ли, становятся невыносимыми, и онъ приходитъ къ сознанію, что ему все равно терять нечего. А вѣдь по-

добныя рѣчи подобныхъ гг. прокуроровъ, каковъ г. Стрѣльниковъ, съ которымъ можно развѣ поставить на одну доску лишь восклицаніе почтеннаго елисаветградскаго пристава, г. Чернявскаго: „Не будь на мнѣ этихъ погонь, я бы самъ пошелъ разорять васъ жидовъ, грабить и бить“—именно въ состояніи внушить евреямъ мысль и сознаніе, что для нихъ нѣтъ защиты власти и суда и что единственное ихъ спасеніе въ самозащитѣ и самооборонѣ...

И не однимъ своимъ военнымъ прокуроромъ, отличилась на этотъ разъ „мать городовъ русскихъ“, богоспасаемый Кіевъ, по отношенію къ своимъ еврейскимъ дѣтямъ. Не менѣе характерны и циркуляръ г. кіевскаго губернатора, обращенный къ раввинамъ по поводу еврейскаго погрома *, и та

* Въмѣсто подробнаго разбора этого любопытнаго документа приводимъ здѣсь письмо г. М. Г. къ издателю „Московскихъ Вѣдомостей“ подъ заглавіемъ „Эпизодъ къ еврейскому погрому“, въ которомъ говорится и объ этомъ циркулярѣ.

Вотъ это письмо:

„Едва ли уже настало время произнести окончательное сужденіе о недавнемъ погромѣ евреевъ на югѣ Россіи. Откуда сорвался этотъ внезапный порывъ бурныхъ и дикихъ страстей, кто его вызвалъ и направлялъ, и все ли было сдѣлано для предупрежденія такого ужасающаго безпорядка,—объ этомъ пусть судитъ будущій историкъ.

Что касается пишущаго эти строки, то болѣе душой за свое отечество и за своихъ несчастныхъ разоренныхъ единоплеменниковъ, онъ не сомнѣвается въ томъ, каковъ будетъ безпристрастный судъ исторіи надъ самымъ фактомъ и надъ тѣми изъ нашихъ общественныхъ и газетныхъ дѣятелей, кои вызвали этотъ дикій порывъ народныхъ страстей своею долголѣтнею и злою агитаціей противъ безотвѣтнаго, ибо лишеннаго національныхъ атрибутовъ племени. Не время однако теперь, да и бесполезно, вступать съ этими господами въ теоретическій споръ.

Но одно дѣло—историческое *сужденіе*; другое—*дѣйстви* государственной власти. Власть не можетъ въ этихъ случаяхъ терять времени на раздумье, и опытъ уже показалъ, что немногихъ распоряженій правительства было достаточно, чтобы положить конецъ дикому буйству и грабежу. Властное и отрезвляющее слово правительства подѣйствовало, быть можетъ, еще болѣе благотвѣтельно, нежели самыя распоряженія. Царское вниманіе, оказанное евреямъ, положило конецъ всякимъ недоумѣніямъ, возникшимъ было въ виду слишкомъ замѣтныхъ колебаній органовъ власти на мѣстѣ безпорядковъ. Циркуляръ новаго министра внутреннихъ дѣлъ и воззванія генераль-губернаторовъ указали обществу съ тою ясностью, что правительство, въ лицѣ своихъ высшихъ руководителей, имѣетъ опредѣленный взглядъ на совер-

энергія, которую по отношенію къ евреямъ обнаружила вдругъ кіевская администрація купно съ городскимъ представительствомъ. Читатель вправѣ ожидать, что мы сообщимъ ему о тѣхъ энергическихъ мѣрахъ, которыя кіевская администрація вмѣстѣ съ городскимъ представительствомъ предприняли для того, чтобы облегчить участь подвергшихся разграбленію и разоренію евреевъ. Такое предположеніе оказывается однако нѣсколько рискованнымъ. Энергія, обнаруженная отеческою

павшіяся событія и твердо намѣрено не допускать долѣе никакихъ недоразумѣній и тѣхъ пагубныхъ жетолкованій, конми пользовались тайные руководители, чтобы направить темную толпу на дѣло разрушенія.

Но и тутъ, увы, не обошлось безъ проявленія той болячки нашихъ дней, на которую вы неоднократно указывали, справедливо находя въ ней главный источникъ всѣхъ неурядицъ и смутъ. Расхатанность правительственной дисциплины проявилась и въ настоящемъ случаѣ въ такихъ фактахъ, на которые нельзя не обратить вниманія.

Въ Кіевѣ наряженъ былъ строгій судъ надъ виновниками открытаго уличнаго разбоя и явнаго сопротивленія властямъ. Это не ординарный судъ, а судъ военный, прииѣняющій законы чрезвычайные. Формы и обряды этого суда сами по себѣ также рассчитаны на то, чтобы произвести впечатлѣніе особой строгости въ виду нарушенной общественной безопасности, ради которой и приносятся временно въ жертву обычныя гарантіи и обычная снисходительность регулярной судебной процедуры. И вотъ, на этомъ-то судѣ, открытомъ чрезъ три недѣли послѣ неурядицъ, среди неостывшихъ еще страстей и далеко неулегшагося броженія, обвинитель направляетъ всѣ свои усилія не къ тому, чтобы выяснить на сколько данная кучка обвиняемыхъ, и каждый изъ нихъ въ отдѣльности, виновный въ разбоѣ, участвовалъ надъ данною горстью потерявшихъ евреевъ-поданныхъ Русскаго Царя, которые вываны въ судъ чтобы давать показанія насчетъ виновности подсудимыхъ... Нѣтъ, г. военный прокуроръ задается совсѣмъ иною дѣлюю: онъ сидится доказывать, что евреи, всѣ три миллиона евреевъ, обитающихъ въ Россіи, сами виновны въ томъ, что ихъ грабили и разоряли. Это положеніе обвинитель старается всячески подтверждать посредствомъ допроса свидѣтелей-евреевъ. Легко представить себѣ, каковъ былъ тонъ и характеръ такого допроса. Когда же одинъ изъ свидѣтелей-евреевъ, немольно впадая въ тонъ допрашивающаго, въ свою очередь уклоняется отъ своей задачи судебного свидѣтеля и по своему объясняетъ причины „еврейской эксплуатаціи“, указавъ на обязательную черту осѣдлости евреевъ, г. военный прокуроръ возражаетъ свидѣтелю на это слѣдующимъ аргументомъ: „Если для евреевъ закрыта восточная граница западнаго края, то съ другой стороны западная граница этого края имъ вполне открыта.

заботливостью объ участи кievскихъ евреевъ, нѣсколько инаго свойства. Кievская администрація, купно съ городскимъ представительствомъ, немедленно послѣ погрома, энергически приступила къ строжайшему разслѣдованію или вѣрнѣе выслѣживанію—тѣхъ лицъ еврейскаго происхожденія, которыя по строгой буквѣ закона не имѣютъ права проживать въ Кievѣ, и стяжавшій уже на этомъ поприщѣ безсмертную славу кievскій полицій-местеръ г. Гюббенетъ вновь издалъ строгій приказъ приставамъ

Почему же“ спрашиваетъ г. прокуроръ все того же свидѣтеля Розенбаума, „они не пользуются этимъ обстоятельствомъ?“

Не знаемъ, что отвѣтилъ на это г. Розенбаумъ. Намъ извѣстно лишь, что и рѣчь свою противъ обвиняемыхъ г. прокуроръ также превратилъ въ обвинительный актъ противъ пострадавшихъ. Логическимъ выводомъ изъ такой „постановки обвинения“ предъ полевымъ военнымъ судомъ было бы то, что евреи за свою „эксплуатацію“ подлежатъ поголовно отдатѣ на *поточкѣ* и *рачгравленіи* разнуданной толпѣ, или по меньшей мѣрѣ *принудительному* переселенію чрезъ ту границу, которую, къ прискорбію г. прокурора, евреи не хотять перешагнуть добровольно.

Я вправѣ спросить: согласно ли съ закономъ и съ видами правительства, чтобы трибуна *полеваго военного суда* стала ареной для припирательства по вопросамъ высшей государственной политики, которые не имѣли прямого отношенія къ дѣлу, и мѣстомъ для агитационныхъ рѣчей, возбуждающихъ ненависть одного населенія противъ другаго? .

Позвольте мнѣ встать сопоставить еще слѣдующіе два факта, касающіеся того же злополучнаго предмета и также характеризующіе отсутствие важнѣйшаго условія успѣшной дѣятельности правительственной машины: единства духа и полнѣйшаго согласія подчиненныхъ органовъ между собой и съ указаціями идущими свыше.

Послѣ погрома, постигнаго 6 мая евреевъ, живущихъ въ Конотопѣ, черниговскій губернаторъ обратился къ мѣстному населенію со слѣдующимъ возваніемъ:

„Въ одномъ изъ нашихъ городовъ сдѣлано толпой нападеніе на евреевъ, имущество ихъ истреблено или расхищено; увлеченное дурнымъ примѣромъ, и сельское населеніе иныхъ, по счастью немногихъ, мѣсть совершило то же безобразіе.

„Дабы оправдать такое дѣло, достойное злодѣевъ и хищниковъ, стали толковать о томъ, что обижать евреевъ не грѣшно, что даже свыше приказано такъ поступать и, прибавивъ ложь къ сдѣланному злу, ужъ стали безъ стыда глазѣть на разоренныя жилища обездоленныхъ евреевъ.

„Тяжкое преступленіе предъ закономъ и смертный грѣхъ предъ Богомъ приняли на себя устроители сего безбожнаго дѣла; но преступны также и тѣ неразумные, которые, слѣдуя за ними, осквернили руки насиліемъ и грабежомъ.

о немедленномъ удаленіи этихъ „безправныхъ“ изъ Кіева. Какъ знать, можетъ быть кіевская администрація и кіевская дума полагаютъ, что такая мѣра именно въ настоящій моментъ самая своевременная, и что этимъ путемъ легче и удобнѣ помочь подвергшимся разоренію и разграбленію кіевскимъ евреямъ, чѣмъ напримѣръ устройствомъ благотворительныхъ концертовъ или чтеній въ пользу пострадавшихъ, сборомъ пожертвованій или назначеніемъ вспоможенія изъ городскихъ суммъ, какъ это обыкновенно дѣлается при на-

„Затѣяли лихіе люди безобразіе и много изъ народа къ нимъ пристало. Вѣрится съ трудомъ!

„Честные люди стали воры и грабители; православные отцы семействъ заслужили ссылку и острогъ.

„Опомнитесь, остановитесь! Не гнѣвите Бога, не огорчайте Царя, который одинаково любитъ всѣхъ своихъ вѣроподданныхъ, а своеволія и насилія не потерпитъ.

„Остановитесь! чужое добро въ прокъ не пойдетъ. Отольются обидчивамъ пролитыя слезы и не избѣгнуть имъ суда и наказанія“.

Около того же самаго времени г. кіевскій губернаторъ обнародовалъ въ *Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* слѣдующій циркуляръ, обращенный къ раввинамъ:

„По свѣдѣніямъ, мною полученнымъ, слухъ о прискорбныхъ безпорядкахъ въ Кіевѣ и Смѣлѣ, распространившись по губерніи, навелъ панической страхъ на все еврейское населеніе и отовсюду оно обращается съ просьбой о присылкѣ войскъ для огражденія своей (его?) безопасности. Присылка войскъ въ каждое мѣстечко немыслима, а возможные мѣры приняты. Между тѣмъ я также (?) имѣю свѣдѣнія, что во многихъ мѣстахъ *само* еврейское населеніе усиливаетъ тревожное положеніе неумѣстнымъ поведеніемъ, распространяя преувеличенные слухи, толками (sic) о возможности повторенія безпорядковъ, укоряя крестьянъ разными *предположеніями*, которые въ населеніи, доселѣ спокойномъ, возбуждаютъ неудовольствіе и враждебность. Евреи не должны забывать, что обособляясь въ обыденной жизни отъ прочаго кореннаго населенія, они въ извѣстной степени своего благосостоянія (sic) обязаны добродушію этого населенія; въ виду этого, для избѣжанія столкновеній, особенно въ настоящее время, евреи тѣмъ паче должны быть чутки въ своихъ отношеніяхъ къ окружающему ихъ коренному населенію. Обращаясь къ вамъ для воздѣйствія въ этомъ смыслѣ на еврейское населеніе, въ средѣ котораго вы состоите раввиномъ, способствуя къ успокоенію умовъ и къ водворенію порядка“.

Я не стану указывать на стилистическія „особенности“ послѣдняго документа и вовсе не согласился бы если бы кто сталъ утверждать, что смыслъ онаго не совсемъ ясенъ. То, что циркуляръ обнародованъ въ официальномъ изданіи доказываетъ, что онъ предназначался не для однихъ раввиновъ. А для тѣхъ „умовъ“, коихъ настроеніе играло первенствующую роль въ событіяхъ на югѣ Россіи, языкъ этого циркуляра доступенъ вполне.

Да и пишущему эти строки многое изъ казавшагося доселѣ необъяснимымъ въ повсемѣстномъ погромѣ евреевъ по Кіевской губерніи стало понятнымъ по прочтеніи этого циркуляра“.

родныхъ бѣдствіяхъ. Кіевскіе дѣятели такія мѣры очевидно считаютъ недостаточно радикальными! Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы и другіе русскіе города особенно выдѣлились на этотъ разъ своей филантропіей и чтобы добродушіе русскаго народа сказались здѣсь съ особенною силою. Даже официальные сферы, даже Общество Краснаго Креста, наконецъ, въ кассы котораго не мало потекло и еврейскихъ денегъ, не сочли нужнымъ хоть тѣмъ или другимъ путемъ вызвать въ жизни или подать поводъ къ организаціи какой либо помощи для подвергшихся разоренію евреевъ. Такое убійственное равнодушіе къ совершающимся на нашихъ глазахъ бѣдствіямъ ближняго, объяснимаго лишь тѣмъ, что этотъ ближній—еврей, не говоритъ особенно въ пользу нашей многохваленной вѣротерпимости. И оно, если хотите, можетъ даже показаться довольно страннымъ и непонятнымъ, въ особенности, если вспомнить съ какою готовностью русскіе евреи двадцать лѣтъ тому назадъ приносили свои лепты въ пользу пострадавшихъ христіанъ, подвергшихся въ Сиріи неистовствамъ мусульманской черни. И странно, а если хотите и оскорбительно для нашего русскаго чувства, что эти бѣдствія, совершившіяся въ самомъ сердцѣ Россіи, нашли себѣ откликъ на далекомъ западѣ, въ столицахъ Франціи и даже Германіи *, и лишь одни мы, русскіе, остались ихъ хладнокровными зрителями.

* Въ Парижѣ на фестивалѣ, устроенномъ въ пользу евреевъ, пострадавшихъ на югѣ Россіи, собрано слишкомъ 80,000 франковъ и въ немъ участвовалъ весь парижскій большой свѣтъ, и даже ех-королева Изабелла Испанская.—Въ Берлинѣ также образовался комитетъ для вспоможенія пострадавшимъ русскимъ евреямъ, и обнародованное этимъ комитетомъ воззваніе подписано лучшими представителями германской интеллигенціи. Редакціи всѣхъ берлинскихъ газетъ принимаютъ пожертвованія для передачи этому комитету.—Подумаешь, какая разница между „здѣсь“ и „тамъ“!...

Тутъ же кстати будетъ сообщить слѣдующее извѣстіе, „Кельнской газеты“.—Къ испанскому посланнику въ Константинополь, явился еврей, съ просьбою принять его и еще 60,000 русскихъ евреевъ подъ покровительство Испаніи. Посоветовавшись съ министрами, король Альфонсъ телеграфировалъ испанскому посланнику въ Константинополь, что всѣ евреи, желающіе переселиться въ Испанію, могутъ быть увѣрены въ томъ, что они будутъ пользоваться желаемымъ покровительствомъ въ своемъ прежнемъ отечествѣ.

Грустно читатель. Но сердце еще больше сжимается, на душѣ становится еще тоскливѣе, когда вспомнишь какой еще длинный „скорбный листъ“ приходится намъ развертывать предъ вами. Но будьте милосерды, читатель. Позвольте перевести духъ—до слѣдующаго раза, а пока дайте остановиться хоть на чемъ нибудь отрадномъ.

Точно лучъ свѣта въ этомъ темномъ царствѣ представляетъ собою милостивый приѣмъ, оказанный Государемъ Императоромъ представившейся Его Величеству въ Гатчинѣ еврейской депутаціи. Русскіе евреи впервые удостоились отъ Русскаго Царя такого истинно-отеческаго приѣма. Царское слово, что Онъ смотритъ одинаково на всѣхъ, вѣрноподанныхъ безъ различія вѣроисповѣданія и племени, успокоили скорбящія сердца и взволнованные послѣдними горестными событіями умы русскихъ евреевъ. Остается пожелать, чтобы эти высокомилостивыя слова Русскаго Царя были услышаны тѣми ослѣпленными Его подданными, которые не хотятъ смотрѣть на русскихъ евреевъ, какъ на равныхъ себѣ согражданъ, и чтобы высокогуманныя слова Его Величества проникли въ сознаніе тѣхъ исполнителей Его высокой воли, которые все еще дѣлаютъ различіе между человѣкомъ и—человѣкомъ!...

Успокоенные Высочайшею милостью, ободренные Царскою ласкою, здѣшніе евреи собираются изложить въ особой запискѣ нужды и потребности русскихъ евреевъ. Въ добрый часъ! Остается только вознести къ Небу молитву *שמע ישראל*, которая возносится ежегодно въ день Новаго Года и въ день всепрощенія, и просить Бога, чтобы онъ былъ съ устами тѣхъ посланниковъ еврейскаго народа, которымъ поручено испрашивать милости для народа израильскаго, чтобы онъ училъ ихъ, что они должны говорить, и внушилъ имъ то, о чемъ они должны просить, и чтобы молитва и просьбы ихъ были услышаны...

А. Л.

Содержаніе 4-й книги „Восходъ“.

I. Р. ИГУДА ГАЛЕВИ. Читаво 21-го Марта 1881 г. въ помѣщеніи временной синагоги въ Петербургѣ. А. Гаркави.	1
II. ПРОРОКЪ. Стихотвореніе. В. Бегана.	47
III. ТИПЫ И СИЛУЭТЫ. Воспоминаніе школьника сороковыхъ годовъ. Л. О. Леваиды.	49
IV. О ХАРАКТЕРЪ И ЗНАЧЕНІИ ЕВРЕЙСКОЙ ЭТИКИ. Ф. Гетца.	95
V. МОШКО ПАРМСКІЙ. Исторія еврейскаго солдата. Разсказъ К. Э. Францоа. Переводъ Петра Вейнберга.	113
VI. ПРЕСТУПНИКИ. Стихотвореніе. Я. Штейнберга.	159
VII. ЕЩЕ О САРАТОВСКОМЪ ДѢЛѢ. П. Я. Левенсона.	163
VIII. ОТЪ РЕДАКЦІИ.	179

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

IX. ИНОСТРАННАЯ ХРОНИКА. Еще антисемитическое движеніе въ Германіи. — Антисемиты въ парламентѣ и на сходкахъ. — Открытіе памятника Кремье. — Премія Исаака Перейра. — Вопросъ о равноправности евреевъ въ Венгріи. — Общество пособія евреямъ въ Англии. — Кутаисское дѣло... въ Александріи. Э. К. Ватсона.	1
X. ПИСЬМА ИЗЪ ГЕРМАНИИ. Ад Цед-ма.	15
XI. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ. ОБОЗРѢНІЕ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖУРНАЛИСТИКИ. I. Полный Русско-еврейскій словарь, составленный О. Н. Штейнбергомъ. Вильна, 1881 г. II. Три еврейскихъ путешественника XI и XII ст. Эльдадь Давитъ, Вениаминъ Тудельскій и Цетакій Регенбургскій. Еврейскій текстъ съ русскимъ переводомъ П. Марголина. (Спб., 1881). III. אהבת ישראל (Агаватъ Иешаритъ) «Чистая любовь», романъ изъ совре-	

менной жизни евреевъ въ двухъ частяхъ, сочиненіе Сары-
Фейги Мейнкинъ изъ Риги. Часть I. Вильна 1881.
IV. טוּבַּת בּוֹנִים «Тифьереть Бонимъ» (Краса сыновей),
трактатъ о филактеріяхъ, М. Д. Гордона. Спб., 1888.
Меваккера

29

XII. СУДЕБНАЯ ХРОНИКА. Дѣло отставного рядового Терентьева о совращеніи въ іудейство.

45

XIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Человѣкъ предполагаетъ, а судьба располагаетъ. — Елисаветградскій погромъ. — Въ чемъ его сущность. — Первопричины возникновенія нелѣпныхъ слуховъ и взгляда народной массы на евреевъ, какъ на людей низшихъ и безправныхъ. — Источники разлада между стремленіемъ евреевъ съ одной и жизнью и закономъ съ другой стороны. — Чѣмъ объяснить дѣйствія кондуктора и иныхъ властей на ст. Тевли. — Какое сознаніе слѣдуетъ привить народу и какими путемъ. — Дѣятельность извѣстной части печати. — Исходъ. А. Л.

48

XIV. Объявленія.

Содержаніе восьми томовъ „Еврейской Библіотеки“.

Содержаніе I-го тома. I. Отъ издателя. — II. Горячее время. Романъ. Часть первая. Л. Леванды. — III. Колыбельная пѣснь Гителди. Л. Мандельштама. — IV. Еврей о христіанинѣ. Стихотвореніе. П. Вейнберга. — V. Мысли о хасидизмѣ. М. Оршанскаго. — VI. Библейское государство. Л. Мандельштама. — VII. Къ исторіи образованія русскихъ евреевъ. Періодъ первый. М. Моргулиса. — VIII. Изъ автобіографіи Соломона Маймона. Очерки быта польско-русскихъ евреевъ во второй половинѣ XVIII вѣка. А. Л. — IX. Рейхлинъ и Шфефферкорнъ. Борьба изъ-за Талмуда. Страница изъ исторіи евреевъ. По Гретцу. X. Молодая Палестина. Изъ книги „Жизнь и сочиненія Гейне“. А. Штротмана. — XI. Подслушанное. Изъ посмертныхъ стихотвореній Гейне. П. Вейнберга. — XII. Что такое Еврей? М. Гутмана. — XIII. Обзоръ современной еврейской литературы. Л. Гордона. — XIV. Русскій переводъ Ветхаго Завета. Р. Нулишера. — XV. Гаазину. Предсмертная пѣснь Моисея. Л. Мандельштама.

Содержаніе II-го тома. I. Отъ издателя. — II. Горячее время. Часть 2-я. Жюндъ народный и еврей. Часть 3-я. Павъ Тенчинскій. Л. Леванды. — III. Еврей и юдаизмъ временъ возникновенія Талмуда. Альберта Ревилы. — IV. Изъ новѣйшей исторіи евреевъ въ Россіи. М. Оршанскаго. — V. Изъ автобіографіи Соломона Маймона. А. Л. — VI. Къ вопросу о землѣдѣіи у евреевъ въ Россіи. В. Леванды. — VII. Еврейская пѣсня (Изъ Барри Корнуэля). Стихотвореніе. Д. Миная. — VIII. Цвѣта Іудей. (Изъ Франкеля). Стихотвореніе. Д. Миная. — IX. Къ исторіи образованія русскихъ евреевъ. Періодъ второй. М. Моргулиса. — X. По поводу постройки синагоги въ Петербургѣ. В. Стасова. — XI. Обзоръ современной еврейской литературы. Л. Гордона. — XII. Списокъ подписчиковъ на I томъ „Еврейской Библіотеки“.

Содержаніе III-го тома. I. Моисей. Восточная поэма Альфреда де-Виньи. Д. Миная. — II. Горячее время, Ромалъ. (Окончаніе). Л. Леванды. — III. Братьямъ. Изъ народныхъ стихотвореній Л. О. Гордона. Д. М. — IV. Субботняя пѣснь. Изъ Франкеля. Д. Миная. — V. Русское законодательство о евреяхъ. М. Оршанскаго. — VI. Мордхе Кизовичъ. Рассказъ. М. Брандштетера. — VII. Прозелитизмъ съ точки зрѣнія іудейства. Д. Слонимскаго. — VIII. Геръ Цедекъ. Быль. А. Крашевскаго. — IX. Высшее Берлинское общество и еврей. А. Гильбранда. — X. Еврейское племя въ создающихъ европейскаго искусства. В. Стасова. — XI. Къ исторіи образованія русскихъ евреевъ (окончаніе). М. Моргулиса. — XII. По поводу статьи М. Г. Моргулиса. Л. Леванды. — XIII. Брафманскіе виды еврейской эксплоатации. Г. Рабиновича. — XIV. Вѣчно-новый вопросъ. А. Л. — XV. Списокъ подписчиковъ на II томъ „Еврейской Библіотеки“.

Содержаніе IV-го тома. I. Пойманникъ. Быль. Г. Богрова. — II. Нахумъ Ишъ-Гамзу. Талмудическая легенда. Д. Миная. — III. Къ исторіи западно-русскихъ евреевъ. (Изъ соч. Сод. Беннета). А. Л. — IV. Русское законодательство о евреяхъ. М. Оршанскаго. — V. Кто виноватъ? (Изъ жизни одной еврейской колоніи 1835 — 1845). М. Нулишера. — VI. Представленія и резолюціи о курляндскихъ евреяхъ при Павлѣ I. (Историческая замѣтка). З. Минора. — VII. Дочь Іефея. Восточная поэма Альфреда де-Виньи. Д. Миная. — VIII. Путевыя впечатлѣнія и замѣтки. Л. Леванды. — IX. Вѣкъ перейти — не поле перейти. (Изъ рассказовъ отставнаго солдата). В. Нинитина. — X. Вольтеръ и еврей. (По Гретцу). М. Бейлина. — XI. Современная еврейская беллетристика. А. Новнора. — XII. Статистика евреевъ въ Австріи. И. Науфмана. — XIII. По-неволѣ запоздавшій отвѣтъ газетѣ „Голосъ“. Л. Гордона. — XIV. Свообразное положеніе еврейскаго вопроса въ русской журналистикѣ. А. Л. — XV. Библиографія еврейскаго вопроса. В. Мемова.

Содержаніе V-го тома. I. Отъ издателя. — II. Иуда Маккавей. Драма Лонгфелло. Петра Вейнберга. — III. Еврейское племя въ создающихъ европейскаго искусства. В. Стасова. — IV. Искатель счастья. Рассказъ. В. Нинитина. — V. Еврейскій вопросъ и интересы Россіи. *.* — VI. Притча. Съ пѣмедкаго. Стихотвореніе. Петра Вейнберга. — VII. Русское законодательство о

евреяхъ. И. Оршанскаго.—VIII. Школоглязнь. Очеркъ прошлаго. А. Леваиды.—XI. Плянъ реформы польскихъ есреевъ. Б. Павловича.—X. Присяга и ея разръшеніе. И. Шершевскаго.—XI. Національность. Рабство. Положеніе женщинъ. А. Гейгера.—XII. Авраамъ Гейгеръ Бергольда Ауэрбаха.—XIII. Къ предыдущей статьѣ. А. А.—XIV. По поводу перевода Натана Мудраго. В. Стасова.—XV. Значеніе Лесинга для евреевъ. А. А.—XIV. Еврей въ Вѣнѣ. А. А.—XVII. Л. И. Липкинъ. Некрологъ, X.—XVIII. Циркляръ Кіевскаго генералъ-губернатора. А. А.—XIX. Библиографія еврейскаго вопроса В. Момова.

Содержаніе VI-го тома. I. Илья Григорьевичъ Оршанскій. Биографическій очеркъ. *.*.—II. Къ предыдущей статьѣ. А. А.—III. Еврейское племя въ созданіяхъ европейскаго искусства. В. В. Стасова.—IV. Римское Гетто. Изъ воспоминаній Э. Кастеляра. Петра Вейнберга.—V. Исторія выдѣлки. И. Оршанскаго.—VI. Еврей въ среднѣе вѣка съ точки зрѣнія торговой подятки. В. Рошера.—VII. Коробочный сборъ. М. Моргулис. — VIII. Мордахай Иерусалими. Г. Богрова.—IX. взглядъ на юридическое положеніе евреевъ въ Россіи и за границей. А. С.—XIII.—X. Значеніе евреевъ въ дѣлѣ сохраненія и возрожденія наукъ. М. Шлейдена.—XI. Безъ подписи. Разсказъ. И. Францоza.—XII. Дитя искупленія. Разсказъ. К. Францоza.—XIII. Карлъ Эмиль Францоzъ. А. А.—XIV. Наши домашнія дѣла. Письмо изъ сѣверо-западнаго края. IV.—XV. Христіане въ защиту евреевъ. А. А.—XVI. Памятникъ И. Г. Оршанскому. В. Стасова.—XVII. Забѣтки. 1) Берлинскій конгрессъ А. А. 2) Отзыви нашей печати объ иностранныхъ евреяхъ А. А.—3) Одному изъ нашихъ судей А. А.—XVIII. Iudaica. Библиографическое сообщеніе А. Гарнави.—XIX. Объявленія.

При этомъ томѣ прилагается портретъ и факсимиле покойнаго И. Г. Оршанскаго.

Содержаніе VII-го тома. I. Отъ издателя.—II. Опытъ новой постановки нѣкоторыхъ вопросовъ по исторіи евреевъ въ Литвѣ и Польшѣ. С. А. Бершадскаго.—III. Подражаніе Исаян. Стихотвореніе. Графа А. Голицына-Нутцова.—IV. Изъ романа: „Походъ въ Колхиду“. А. О. Леваиды.—V. Шейлокъ изъ Барнова, въ пер. А. Н. Плещеева.—VI. Обзоръ законодательства относительно евреевъ за послѣднее десятилѣтіе. Я. Л. Розенфельда.—VII. Хазарскія письма. А. Я. Гарнави.—VIII. Изъ средневѣковой жизни евреевъ. Э. Н. Ватсона.—IX. Священное присутствіе и его релігиозные акты. А. Е. Ландау.—X. Послѣ всемірной выставки. В. В. Стасова.—XI. Обзоръ дренне-еврейской журналистики и литературы. Бенъ-Иосифа.—XII. Кутаиское дѣло. Стенографическій отчетъ.—XIII. Матеріалы по исторіи евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ. Съ предисловіемъ, С. Бершадскаго.—XIV. Еврейская періодическая печать и литературные сборники. А. Я. Гарнави.—XV. Объявленія.

Содержаніе VIII-го тома. I. Моисей Мендельсонъ. По поводу его 150 лѣтняго юбилея. В. О. Морша.—II. Къ вопросу о враждѣ между еврейми и другими народами. Профессора М. Г.—III. Историческій очеркъ мѣръ водворенія между еврейми земледѣльческаго труда. М. И. Мыша.—IV. „Баронъ Шмуцъ“. Разсказъ К. Э. Францоza. Пер. Петра Вейнберга.—V. Хаимъ I громовержецъ. Картинки недавняго прошлаго С. С.—VI. Современное her! her! Джоржа Еллиота.—VII. Ошейникъ. Стихотвореніе. М. С. Абрамовича.—VIII. Сообщеніе о хазарахъ. А. Я. Гарнави.—IX. А. Б. Лебенсонъ. Его литературная дѣятельность и значеніе для русскихъ евреевъ. А. О. Гордона.—X. На акціонерномъ вечерѣ. Отрывокъ. Ула.—XI. Изъ Іезикиля. Стихотвореніе. М. С. Абрамовича.—XII. Императоръ Александръ I и корчмаръ Гирша. Историческій курьезъ—она—она—XIII. О правѣ евреевъ пріобрѣтать недвижимыя имѣнія въ западномъ краѣ. М. П. Шафира.—XIV. Литература по исторіи евреевъ за послѣднее десятилѣтіе. Д-ра М. Найзерлинга.—XV. Обзоръ дренне-еврейской литературы. Бенъ-Иосифа.—XVI. Дѣло Айзенберга.—XVII. Антисемитическая лига. Э. Н. Ватсона.—XVIII. Матеріалы по исторіи евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ. Сообщилъ С. А. Бершадскій.—XIX. Еврейская періодическая печать и литературные сборники. А. Я. Гарнави.—XX. Объявленія.

ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО

РАЗСКАЗЫ

Л. Р. Леванды.

Содержаніе: I. Пэшка.—II. Переполохъ въ Н—ской общинѣ.—III. Пейсы моего меламда.—IV. Школобоязнъ.—V. Еврейскій Вертеръ.—VII. За границей.

Цѣна 1 руб.

I. РУССКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ЕВРЕЯХЪ.

Соч. И. Г. Оршанскаго.

Содержаніе: Русское законодательство о евреяхъ: Исключительность юридическаго положенія евреевъ въ Россіи.—Борьба съ еврейскимъ прозелитизмомъ.—Характеръ въротеримости русскаго законодательства.—Охраненіе христіанства отъ вліянія еврейской религіи.—Организація еврейскаго религіознаго быта.—Еврейская семья.—Изолированность евреевъ.—Необходимость реформы нашего гражданскаго права по отношенію къ еврейской семьѣ.—Заботы государства о спасеніи евреевъ.—Христіанская буржуазія и еврейская конкуренція.—Казенный интересъ и еврей.—Царствованіе Екатерины.—Мотивы русскаго законодательства о евреяхъ.—Къ исторіи „положенія для евреевъ“ 1804 г.—Замѣтки о юридическомъ бытѣ евреевъ: Очеркъ законодательныхъ мѣръ относительно евреевъ въ послѣдніе годы.—О предполагаемой реформѣ законодательства о евреяхъ.—Юридическій бытъ евреевъ земледѣльцевъ.—О положеніи евреевъ-ремесленниковъ во внутреннихъ губерніяхъ.—Еврей на Бессарабской границѣ.—Еврей въ Прибалтійскомъ краѣ.—Сто лѣтъ тому назадъ.—Еврей крѣпостные.—Къ вопросу о положеніи евреевъ внѣ черты ихъ осѣлости.—По поводу новаго городоваго положенія.—Нѣсколько словъ о рекрутской повинности у евреевъ.—Продесуальное положеніе еврейской религіи въ Россіи.—Полиція и меламды.—О еврейской присягѣ свидѣтелей.—О значеніи еврейской подписи на актахъ.

Цѣна 2 руб.

II. ЕВРЕИ ВЪ РОССІИ

ОЧЕРКИ ЭКОНОМИЧЕСКАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО БЫТА РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

соч. И. Г. Оршанскаго

Содержаніе: Отдѣлъ I. Очерки экономическаго быта русскихъ евреевъ: Взглядъ на экономическій бытъ русскихъ евреевъ.—Что такое еврейская торговля и промышленность.—Еврейская торговля и внутреннія губерніи.—Еврей и торговля путями.—Земледѣльческій трудъ у евреевъ.—Благосостояніе евреевъ въ Западномъ краѣ.—Къ характеристикѣ одесскаго погрома.

Отдѣлъ II. Очерки общественнаго быта русскихъ евреевъ.—Обрусеніе евреевъ.—Политическое значеніе евреевъ въ Польшѣ.—Еврейское землевладѣніе въ Западномъ краѣ.—Мысли о хасидизмѣ.—О книгѣ гагала.—Раввинскій судъ.—О замкнутости евреевъ.—Простонародныя пѣсни русскихъ евреевъ.—Исторія выключки.—Талмудическія сказанія объ Александрѣ Македонскомъ.

Цѣна 2 руб.

ЕВРЕИ И ИХЪ УЧЕНІЕ ОБЪ ИНОВѢРЦАХЪ

Д. И. ФЛИСФЕДЕРА.

Содержаніе: Часть Первая.—Взглядъ на отношеніе нашей прессы къ еврейскому вопросу.—Еврейская эксплуатація съ экономической точки зрѣнія.—О солидарности и замкнутости евреевъ.—О распаваніи евреями крестьянъ.—Объ арендованіи и покупкѣ евреями земли въ югозападномъ краѣ.

Часть Вторая.—Еврейская эксплуатація съ религіозной точки зрѣнія:—I. Мовсеевы законы объ иновѣрцахъ.—II. Талмудъ и позднѣйшій раввинизмъ объ иновѣрцахъ.—III. „Бесдинъ“ или судъ у евреевъ.—IV. Нѣсколько словъ о Мессіи.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ПОВѢСТИ

А. Фернштейна.

Содержаніе: I. Мендель Гибборъ.—II. Фейгелс Маггидъ.—переводъ съ нѣмецкаго.

Цѣна 1 руб.

О КНИГѢ КАГАЛА

И. И. Шершевскаго.

Цѣна 50 коп.

ГИГИЕНА ВОЛОСЪ

И СРЕДСТВА ПРОТИВЪ ПРЕЖДЕВРЕМЕННАГО СЪДѢНІЯ
И ВЫПАДЕНІЯ ИХЪ.

Д-ра Пинкуса.

Цѣна 40 коп.

Сочиненія О. А. Рабиновича, Т. I.

Содержаніе: Предисловіе: I. Картины прошлаго: а) Штрафной. б) Наслѣдственный подсвѣчникъ. II. Морицъ Сефарди. III. Исторія о томъ, какъ Ребъ-Ханиъ Шулинь Фейгисъ путешествовалъ изъ Кишинева въ Одесу и что съ нимъ случилось. Цѣна 2 руб. 50 коп.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

1329

Издаваемый А. Е. Ландау

Юнь.—Книга шестая.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Плон. Больш. Театра, д. № 2.
1881.

НА СУДЪ ИСТОРИИ.

*«...Подъ тремя содрогается земля: Подъ
работъ, ставшимъ господиномъ...» etc.*

(Proverbia, Cap. 30, XXI, XXII).

Не на шумномъ пиру, средь веселыхъ друзей,
Не на праздникъ славной побѣды,
Средь торжественныхъ пѣсень и громкихъ рѣчей
Собрались мы для мирной бесѣды.

Нѣтъ, иные намъ слышались звуки: съ полей
Обищало, голодной Россіи
Доносились къ намъ стоны отцовъ и дѣтей,
Ставшихъ жертвою дикихъ, разгульныхъ страстей...

Тамъ, средь бѣшенной, грозной стихіи,
Гибли тысячи нашихъ родныхъ очаговъ,
И неслышной, но быстрой стопою
Вслѣдъ за дикой толпой разъяренныхъ враговъ
Нищета пробиралась съ сумою...

Кто-же въ сердцѣ народномъ вражду поселилъ,
Разгораться далъ дикому пылу?
Снова къ жизни призывалъ, снова въ жизнь воплотилъ
Эту страшную, темную силу?..

Были годы... Въ то время, какъ гимномъ любви
 Оглашались во храмахъ престолы, —
 Всѣ въ тѣрахъ, съ крестами, въ еврейской крови
 Утопали потомки Лойолы.

И безправный холопъ, и вичливый сатрапъ,
 И владѣтель могучей короны —
 Вслѣдъ за мрачной толпою фанатиковъ-папъ
 Шли туда, гдѣ подъ вопли и стоны,
 Гдѣ средь дыму и гари зловѣщихъ костровъ
 Воспѣвались прощеніе, кротость, любовь...

Эти годы прошли. Подъ печатью стыда,
 Въ заклеянной позоромъ могилѣ,
 Улеглись запятнавшіе имя Христа,
 Проливавшіе кровь у подножья креста,
 Признававшіе истину — въ силѣ.

Было время... Толпа феодаловъ — пановъ
 Разгулялась надъ польской землею;
 Средь чудовищныхъ оргій, средь пьяныхъ пировъ,
 Гдѣ вино разливалось рѣкою, —
 Какъ презрѣнная тварь, пресмыкаясь въ пыли
 Передъ сонмищемъ пьяницъ-зоиловъ,
 Погибали несчастные братья мои
 На потѣху душъ Радзивилловъ.
 Безъ суда, безъ возмездія — въ чашахъ лѣсовъ
 Гибли жертвы вина и разврата...

Быль ужасенъ разгуль этихъ дивихъ пировъ,
Безпощадна—рука уніата!..

Но тогда—всё стонало подъ тяжкимъ ярмомъ;
Всѣ заказаны были дороги;
Все плелось этимъ жалкимъ, постыднымъ путемъ
И безмолвно, покорно все стлалось кругомъ
Подъ тяжелыя панскія ноги...

Кто-жъ теперь, въ сердцѣ русскомъ вражду поселилъ,
Разгорѣться далъ дикому пылу?
Снова къ жизни призывалъ, снова въ жизнь воплотилъ
Эту страшную, темную силу!
Кто-же, кто?!

Этотъ жгучій, тревожный вопросъ

Мы другъ другу тогда задавали,
И онъ жегъ нашу грудь, съ каждымъ часомъ все росъ,
И мы жадно отвѣта искали...

А предъ нами великая „книга вѣковъ“
Въ это время раскрытой лежала
И на жгучій вопросъ нашъ—безъ звуковъ, безъ словъ
Намъ такъ громко она отвѣчала...

Я читалъ... Постепенно тогда предо мной
Оживали былого страницы,
И событій исчезнувшихъ—длинной чредой
Возставали и шли вереницы...

Изъ за темныхъ лѣсовъ, изъ за дальнихъ полей—
Какъ изъ тихихъ гробницъ —исполины, —

Возставали видѣнья исчезнувшихъ дней,
Рисовались былыя картины...

Но средь тысячъ картинъ взоръ тревожный упалъ
На одну вѣковую картину...

И я долго предъ этой картиной стоялъ, —
Въ ней я повѣсть о тяжкихъ ударахъ читалъ,
Упадавшихъ на русскую спину...

.

Вотъ надъ бѣдной, безпомощной русской землей
Понеслись разрушенья стихія...

То князья „за удѣлы“ дрались межъ собой,
На куски разрывалась Россія...

Гибла Русь отъ раздора семейныхъ враговъ;
Отверзалась предъ нею могила,
И, почувавъ добычу, какъ стая волковъ,
На нее ото всѣхъ устремилась концовъ
Безпошадная, дивая сила...

Вотъ надъ слабой, разшатанной русской землей,
Какъ шакалы полночной порою,
Разбредили оравы Орды Золотой,
И склонились знамена Руси молодой
Подъ тяжелою ханскою рукою...

Разгулялся татаринъ!.. Какъ пѣснѣ внималъ
Онъ глубокому русскому стону
И чрезъ русскіе трупы онъ быстро шагаль
Къ беззащитному русскому трону...

Эти годы гоненiй и рабства прошли,
 Заронивъ плодоносное сѣмя
 Въ сердце кровью пропитанной русской земли:
 Въ это долгое, тяжкое время —

Плодъ семейной вражды и татарскихъ оковъ,
 Нарождался тотъ типъ грандіозный,
 Чтѣ кровавыми буквами въ книгѣ вѣковъ
 Обозначился именовѣ „Грозный“...

Вотъ онъ мчится по улицамъ стоальной Москвы,
 Сѣя гибель на землю родную;
 Не щадить онъ безсильной, сѣдой головы
 И не милуетъ жизнь молодую...

Здѣсь онъ Царь! Все трепещетъ подъ грозной рукой,
 Все покорно ей, все подневольнѣ,
 А въ лѣсахъ костромскихъ, а надъ Волгой-рѣкой,
 Надъ кормилицей Волгой привольной,

Тамъ не Грозный царитъ, нѣтъ, — уставши стенать
 Подъ желѣзной московской неволей,
 Удальца-Ермака молодецкая рать
 Широко разгулялась на волѣ!..

Тихо Волга катится въ крутыхъ берегахъ,
 Тихо дремлютъ лѣса и дубравы,
 Внемя пѣснѣ про вольный, про русскiй размахъ,
 Въ часъ лихой, молодецкой забавы...

Было время... Подъ игомъ тяжелыхъ оковъ
 Напрягались мужицкія груди,

Работали на пользу „россійскихъ пановъ“
 На гумнахъ и на нивахъ, и въ чашахъ лѣсовъ
 Подневольные русскіе люди...

Величавы во власти и силѣ своей—
 Эти громкіе русскіе баре
 Были тѣ же—лишь съ именемъ „русскихъ людей“
 И рожденные Русью—татаре...

Какъ рабыня, покорно, въ грязи и въ пыли,
 Русь несла это тяжкое бремя,
 Заронившее въ нѣдра несчастной земли
 Ядовитое, горькое сѣмя...

Это сѣмя—расправа и судъ кулакомъ...

.

Годы шли, —сынъ Россіи „свободный“,
 Къ той расправѣ привыкли подъ долгимъ ярмомъ,
 Самъ охотно теперь судить тѣмъ-же судомъ...

Этотъ судъ мы зовемъ — „судъ народный“...

Судъ народный—гдѣ сильный надъ слабымъ царить
 И по волѣ преступной расправу творить,
 Произволъ называя забавой!..
 Судъ народный—гдѣ гибель встрѣчаешь что шагъ,
 Судъ народный—разнузданный, русскій кулакъ,
 Освященный татарской расправой!...

С. Фругъ.

НЕРАЗГАДААННЫЙ БОГАТЫРЬ.

(Памяти Биконсфильда-Дизраэли.)

Forti nihil difficile.

Отрезвляющее значеніе смерти, по своему подводящей итоги житейскимъ балансамъ, нигдѣ, намъ кажется, не сказалося съ такою силою, какъ въ тотъ день, когда читающій міръ обоихъ полушарій познакомился съ содержаніемъ лаконической телеграммы, гласившей, что «Биконсфильдъ скончался». Извѣстіе о смерти могучаго борца, вырваннаго изъ среды своихъ согражданъ, въ такое время, когда его пѣсня еще далеко не была спѣта, поразило всѣхъ, ошеломило многихъ. Въ виду свѣжей могилы, принявшей въ свои нѣдра бранные останки человѣка, долгое время приковывавшаго къ своей дѣятельности, можно сказать, всемірное вниманіе, совершился замѣчательный переворотъ въ общественномъ мнѣніи страны. Притихли враги и худители; замолкли противники и завистники; ступевались лицемѣры и святоши, всю свою жизнь травившіе покойнаго всевозможными инсинуаціями, неумолимо-гнавшіе его сквозь строй злобныхъ насмѣшекъ и бѣшенннй брани. Одно чувство овладѣло всѣми—друзьями и врагами, своими и чужими—въ одномъ сознаніи слились всѣ партіи парламента, всѣ классы народа. Это—чувство скорби объ утратѣ знаменитаго гражданина, сознаніе громаднй потери, понесенной страной, въ лицѣ оплакиваемаго ею Биконсфильда, на смерть ко-

торого смотреть теперь какъ на національное горе, поразившее Англию.

Иныя рѣчи раздаются теперь съ трибуны, иными словами заговорила англійская печать—эта неллицепріятная выразительница общественнаго мнѣнія свободной страны. «Англія лишилась одного изъ своихъ знаменитѣйшихъ государственныхъ людей; консервативная партія — своего вождя; парламентъ—лучшаго оратора; литература—недужиннаго таланта; XIX вѣкъ—одного изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей». Вотъ что приходится слышать о человѣкѣ, котораго, годъ тому назадъ, терзали и поносили на всѣ лады, которому не полагалось другаго эпитета, какъ только: «жидъ, ренегатъ, пришлецъ, выскочка, авантюристъ, джинго» и тому подобныя, болѣе или менѣе язвительныя, клички.

Составляетъ ли этотъ переворотъ въ общественномъ мнѣніи дѣйствительный результатъ искренняго горя и сознательной оцѣнки заслугъ, оказанныхъ Биконсфильдомъ своей родиной, или это не болѣе, какъ временное затишье, необходимое для соблюденія внѣшнихъ приличій, безъ наличности которыхъ истому, щепетильному англичанину и жизнь не въ жизнь? Не говоря ужъ о томъ, что въ такой свободной странѣ, какъ Англія, не предоставляется обывателямъ радоваться или скорбѣть, по указаніямъ начальства, слѣдующіе факты говорятъ въ пользу перваго предположенія.

Биконсфильдъ, какъ извѣстно, прославился на двухъ поприщахъ общественной дѣятельности—политической и литературной. Благодаря этой-то двойственной дѣятельности, онъ нажилъ себѣ массу враговъ въ обоихъ лагеряхъ,—въ особенности въ журнальномъ мірѣ. Къ числу самыхъ ожесточенныхъ политическихъ противниковъ его принадлежалъ безпорно теперешній премьеръ—Гладстонъ. Первое же мѣсто между журнальными супостатами усопшаго занималъ извѣстный лондонскій сатирической листокъ «Punch», никогда не дававшій покою своему излюбленному «Диззи»*. Кто изъ читателей этого рас-

* Уменьшительное имя Дизраэли. Съ легкой руки „Понча“, вся Англія не

пространеннаго листка не помнитъ многочисленныхъ каррикатуръ, изображавшихъ характерную фигуру саркастическаго «Диззи», въ образѣ то клоуна, то Мефистофеля, то рыцаря, то сановника? Казалось, что «Пончъ» немислимъ безъ своего неизбѣжнаго «Диззи», какъ «Kladderradatsch» — безъ Бисмарка, съ тремя волосками на голомъ черепѣ.

Но вотъ смерть скосила богатыря.... Замолкъ навсегда вѣщій голосъ трибуна, разившаго литературныхъ и иныхъ филистимлянъ не бичами, а скорпіонами своего безопаднаго сарказма, мѣтко попадавшаго не въ бровь, а прямо въ глазъ. Опасный соперникъ, крѣпкій силою своего таланта и непреоборимой энергіи, исчезъ съ лица земли. Поприще для ослинаго ляганія павшаго льва очистилось безпрепятственно. Какъ же воспользовались этимъ событіемъ вчерашніе благопріатели ненавистнаго Диззи, для котораго они, въ теченіи 30-ти лѣтъ, неустанно сплетали терновый вѣнецъ самыхъ язвительныхъ каррикатуръ?

Чувство правды мигомъ указало на трудно-замѣнимый пробѣлъ, оставленный усопшимъ въ государственной жизни страны. Патріотизмъ этихъ людей подсказалъ имъ, что англійскій народъ не даромъ оплакиваетъ смерть Биконсфильда, немало потрудившагося на пользу Британіи. И вотъ, тотъ же самый «Пончъ» явился выразителемъ истиннаго настроенія своей родины, наглядно изобразивъ его въ самой рельефной формѣ, производяще на читателя несравненно сильнѣйшее впечатлѣніе, чѣмъ всѣ хвалебныя журнальныя статьи, вмѣстѣ взятыя. Рисунокъ, окаймленный траурнымъ бордюромъ, изображаетъ неутѣшно-плачущую Великобританію, ломающую руки въ отчаяніи, возлѣ надгробной плиты, усыпанной вѣнками, на которой начертано только одно слово — «Биконсфильдъ» — имя одного изъ лучшихъ ея сыновъ.

иначе называла покойнаго, какъ Диззи. Подобной уменьшительной клички удостоился, кромѣ Дизраэли, лордъ Пальмерстонъ, котораго звали просто: „Памъ“.

Высококрáвственный предводитель либеральной партіи, стоящей, въ данную минуту, у кормила правленія, пуритански-суровый Гладстонъ, какъ извѣстно, посвятилъ большую часть своей парламентской дѣятельности на страстное веденіе неутомимой борьбы съ Биконсфильдомъ, платившимъ ему тою же монетою. Въ парламентѣ, на митингахъ, въ клубахъ, на избирательныхъ сходкахъ въ печати Гладстонъ не оставлялъ живого мѣста на репутаціи своего противника и—*vice versa*. Борьбою этихъ двухъ государственныхъ дѣятелей самаго крупнаго калибра чуть ли не исчерпывается большая часть парламентской исторіи Великобританіи, за послѣднія 30 лѣтъ. Чтожъ мы видимъ теперь, когда вчерашній соперникъ уже покоится вѣчнымъ сномъ на Юнденъ-Манорскомъ кладбищѣ? Правительство желало устроить въ столицѣ торжественныя похороны, на государственный счетъ, но это не удалось, потому что «высочка» предпочелъ быть похороненнымъ въ глуши, возлѣ своей жены. Гладстонъ, сдавшій въ архивъ свои прежніе счеты съ Биконсфильдомъ, внесъ предложеніе органу народнаго представительства—воздвигнуть памятникъ своему умершему врагу въ пантеонѣ великихъ людей, прославившихъ Англію, въ усыпальницѣ знаменитаго Уэстминстерскаго аббатства. Возваніе премьера не осталось гласомъ вопіющаго въ пустынь. Предложеніе его принято единогласно палатой лордовъ, громаднымъ большинствомъ голосовъ—въ палатѣ общинъ.

Осиротѣлая партія торіевъ все еще не можетъ остановиться на выборѣ лица, которому-бы она могла безобязанно вручить свои судьбы, который-бы дисциплинировалъ ее такъ умѣло и успѣшно, какъ ея покойный вождь. Три отпрыска именитѣйшихъ родовъ древнихъ сподвижниковъ Вильгельма-Завоевателя, принадлежащихъ къ фамиліямъ самыхъ выдающихся дѣятелей исторической жизни Англии, тщетно добиваются этой чести, доставшейся поруганному семиту, потомку испанскихъ изгнанниковъ-евреевъ, такъ называемыхъ «*Сефардимъ*». Самый фактъ главенства плебей-жида надъ независимомъ англійскою аристократіею, не безъ основанія гордящейся своимъ славнымъ прош-

лымъ, представляется небывалымъ въ исторіи не одной Англии. Передъ всеокрушающею силою необыкновенныхъ дарованій, которыми судьба такъ щедро надѣлила Биконсфильда, воплотившаго въ себѣ всѣ расовыя достоинства и, пожалуй, недостатки племени, изъ среды котораго онъ вышелъ, преклонили свою гордую, ни передъ кѣмъ не сгибающуюся выю представители партіи, играющей такую могущественную роль въ народномъ правленіи, имѣвшей нѣкогда вожаками такихъ людей, какъ напимѣръ побѣдитель Наполеона I, герцогъ Уэллингтонъ, графъ Дерби и другіе. Биконсфильдъ исключительно обязанъ своимъ величіемъ самому себѣ, своимъ достоинствамъ—наслѣдственнымъ, такъ сказать, племеннымъ, и прирожденнымъ—своей гениальной натурѣ, своей безконечной энергіи, стойкости, выдержкѣ и выносливости. Передъ такую нравственную мощью падаютъ всѣ твердыни—не одной родовой исключительности, но и національной антипатіи и религіозной нетерпимости. Онъ имѣлъ право начертить на своемъ знамени стихъ Горация, красовавшійся на его гербѣ, стихъ, служившій ему девизомъ во все продолженіе долгой трудовой жизни, преисполненной боевыхъ тревогъ и волненій. Этотъ девизъ, гласящій, что «для сильнаго ничего нѣтъ труднаго» прекрасно характеризуетъ покойнаго экс-премьера. Вся жизнь его протекла въ борьбѣ за доказательство того, что для сильной личности—единичной или собирательной, индивидуальной или народной—нѣтъ ничего недостижимаго.

Посмотримъ же теперь на своеобразный и въ высшей степени поучительный процессъ саморазвитія и разцвѣта этой «сильной» личности, побѣдоносно доказавшей на дѣлѣ непререкаемость правила, давно провозглашеннаго поэтомъ классической древности—что, дѣйствительно,

Forti nihil difficile.

I.

Наслѣдіе, оставленное почившимъ авторомъ «Вивьена Грея» и «Эндиміона»—этихъ альфы и омеги его 54-хъ лѣтней лите-

ратурно-общественной дѣятельности — такъ значительно, что его надолго хватитъ будущимъ біографамъ и историкамъ, романистамъ - психологамъ и мыслителямъ, которые займутся анализомъ соціального строя современнаго западно-европейскаго общества. На ихъ долю выпадетъ не малый трудъ разобраться въ массѣ разнорѣчивыхъ мнѣній, составившихся о Биконсфилдѣ; намѣтитъ всѣ типическія особенности богато одаренной природы этой загадочной личности; отрѣшится отъ предвзятыхъ идей, мѣшающихъ разглядѣть цѣльный образъ одного изъ самыхъ крупныхъ историческихъ двигателей нашего времени; подвести объективный итогъ его жизненной дѣятельности—словомъ, показать намъ Биконсфилда такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, а не такимъ, какимъ изображали его до сихъ поръ два крайніе полюса его цѣнителей: тори и виги. Какъ бы ни былъ великъ пробѣлъ, оставленный покойнымъ противникомъ Гладстона; какъ бы ни было единодушно искреннее соболѣзнованіе его соотечественниковъ о незамѣнимой уtratѣ подобной умственной силы, тѣмъ не менѣе говорить, въ данную минуту, о всестороннемъ и, главное, безпристрастномъ жизнеописаніи Биконсфилда представляется, по нашему мнѣнію, дѣломъ почти невозможнымъ.

Страсти, вызванныя министерскою дѣятельностью покойнаго, какъ на родинѣ, такъ и за ея предѣлами, далеко еще не улеглись. Воспоминанія объ этой дѣятельности еще слишкомъ свѣжи въ памяти современниковъ, чтобы совершенно забыть о нанесенныхъ оскорбленіяхъ, уколотыхъ самолюбіяхъ, задѣтыхъ интересахъ. Время, отдѣляющее насъ отъ момента паденія торійскаго кабинета, еще слишкомъ незначительно, чтобы вполне отрѣшиться отъ извѣстныхъ предубѣжденій, симпатій и антипатій, чтобы удалиться на извѣстное разстояніе, откуда удобнѣе разсматривать дѣятельность даннаго лица, во всей его совокупности. Эти-то общія причины осложняются спеціальными трудностями, вытекающими изъ, характеристическихъ особенностей, составляющихъ неотъемлемый удѣлъ изображаемаго лица.

Во всѣхъ проявленіяхъ своей частной жизни и общественной дѣятельности, Биконсфильдъ представляетъ необычное явление, не легко поддающееся анализу. Первоклассный ораторъ, писатель и государственный человѣкъ, онъ рѣзко выдѣляется изъ сонма аналогическихъ талантовъ, обыкновенно хорошо размежеванныхъ, между которыми жизнь всегда проводитъ точную демаркаціонную линію. Хорошій ораторъ зачастую плохо пишетъ; рѣдкій писатель умѣетъ говорить публично не только красно, но просто связно. Сановники же, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, — по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи, — свободны отъ подозрѣнія въ писательствѣ или краснорѣчіи. Любій ученый, профессоръ, кабинетный мыслитель, оставляющій глубокій слѣдъ въ наукѣ, благодарное воспоминаніе у своихъ слушателей, изъ числа которыхъ многимъ суждено впоследствии быть гордостью своей страны, вырванный силою сложившихся обстоятельствъ изъ тиши своего кабинета на форумъ, или очутившись на министерской скамьѣ, очень рѣдко прославляется на новомъ поприщѣ. Напротивъ, онъ чаще всего теряетъ прежнюю популярность, добытую свойственною его натурѣ кабинетною дѣятельностью. Такіе люди, какъ Тьеръ или Манчини, въ счетъ не идутъ. Это рѣдкостныя исключенія, а извѣстно, что исключеніе и правило — двѣ вещи разныя. *Exsertio non fit regulam.*

Мѣриломъ для оцѣнки характера дѣятельности болѣе или менѣе выдающагося сановника служатъ обыкновенно официальные акты и документы, объясняющіе какъ степень практической пригодности, предлагаемыхъ мѣропріятій, такъ и развитіе мотивовъ, которые легли въ основу даннаго законопроекта или административнаго распоряженія. Въ обоихъ случаяхъ современники видятъ лишь внѣшнюю, такъ сказать, официальную оболочку акта, вызваннаго къ жизни тѣми или другими соображеніями. Видѣнъ казовый конецъ — закулисная сторона покрыта густой завѣсой, — конечно, до поры, до времени. Завѣса, тщательно закрывавшая отъ нескромныхъ взоровъ современниковъ внутренній міръ виновника извѣстнаго историче-

скаго событія, падаетъ по большей части лишь тогда, когда самаго автора уже нѣтъ въ живыхъ, когда событіе перешло въ область исторіи, когда о немъ составилось уже рѣзко-опредѣленное, категорическое мнѣніе. Позднѣйшее разоблаченіе таинственныхъ пружинъ, направлявшихъ сложный государственный механизмъ, раскрытіе внутренняго міра человѣка, давно покончившаго свои счеты съ жизнью, приобрѣтаютъ въ большинствѣ случаевъ характеръ слишкомъ субъективный, страстный и поэтому рѣдко достигаютъ цѣли—безпристрастнаго возстановленія цѣльнаго нравственнаго облика историческаго лица, котораго при жизни захвалили друзья, а послѣ смерти растерзали враги. Такова судьба большинства мемуаровъ, оставленныхъ умершими, какъ на примѣръ появившіяся недавно записки Меттерниха, или обнародованныхъ его сверстниками. Въ первомъ случаѣ они являются запоздалыми «оправдательными документами»; во второмъ—просроченнымъ обвинительнымъ актомъ, потерявшимъ значеніе, за смертью обвиняемаго.

Поэты и писатели, которымъ, по счастливой случайности, удается попасть въ заколдованный кругъ государственной машины, захватывающей ихъ цѣликомъ, рѣдко достигаютъ «степеней извѣстныхъ» въ этомъ омутѣ, гдѣ воспоминанія о Парнассѣ мгновенно испаряются. Долго желѣянные художественные идеалы находятся въ такомъ непримиримомъ противорѣчьи съ мало-поэтической обстановкой охватившей ихъ живой дѣйствительности, что не только не представляется физической возможности приняться за дѣло примѣненія этихъ идеаловъ къ жизни, но сами-то носители стараются изо всѣхъ силъ—если только не хотятъ окончательно окунуться въ мутныхъ волнахъ житейскаго моря—поскорѣе выбраться изъ этой адской сутолоки на старое пепелище.

Тревожное сознаніе слишкомъ близкаго сосѣдства Капитолія съ Тарпейской скалой не даетъ имъ возможности долго засиживаться въ непривѣтливой чуждой сферѣ. Міръ, населенный произведеніями творческой фантазіи, представляется имъ обѣтованною землей, гдѣ они чувствуютъ себя дома, а

не въ гостяхъ. Быстро совершается желанное переселеніе изъ постылой, прозаической халдейской земли въ поэтическую землю ханаанскую, гдѣ они вскорѣ забываютъ о своихъ житейскихъ разочарованіяхъ, бесплодной борьбѣ, разбитыхъ надеждахъ и даромъ потраченномъ времени. Искать въ ихъ позднѣйшихъ твореніяхъ объясненія минувшей практической дѣятельности все равно, что разбудить у отшельника воспоминанія о грѣховномъ мірѣ, отъ котораго онъ разъ навсегда сознательно и безповоротно отрекся.

Не то мы видимъ у Веніамина Дизразли. Вся жизнь его прошла въ твердомъ, неуклонномъ преслѣдованіи одной цѣли, въ служеніи одной идеѣ. Какова бы ни была эта идея—фантастическая, несбыточная, по мнѣнію однихъ, смѣлая и грандіозная, по мнѣнію другихъ—она находила въ немъ страстнаго поборника, посвятившаго ей все свои силы, не отступавшаго ни разу предъ трудностями ея осуществленія. Красною нитью проходитъ преобладающая идея, озарявшая его жизнь, въ любомъ его романѣ, парламентской рѣчи и официальныхъ актахъ министерской дѣятельности. Для достиженія разъ намѣченной цѣли все у него пошло въ ходъ: литературный талантъ, ораторское искусство, энергія пронизательнаго правителя! Литература не была у него баловствомъ, чѣмъ-то въ родѣ пріятнаго послѣобѣденнаго отдыха, а служила программой его грядущей государственной дѣятельности. Въ неясныхъ образахъ юноши-романиста, только что выступавшаго на литературное поприще, сказывается мысль, получившая осуществленіе полвѣка спустя. Многие съ изумленіемъ обращались за разъясненіями загадочныхъ предпріятій престарѣлаго премьера не къ его дипломатической перепискѣ, заключавшейся въ такъ называемой «синей книгѣ», а къ раннимъ литературнымъ произведеніямъ красавца-писателя, Веніамина Дизразли. Дизразли-романистъ намѣчалъ идею—министръ Биконфильдъ приводилъ или старался привести ее въ исполненіе. Этимъ-то взаимодѣйствіемъ умственныхъ силъ и талантовъ, другъ друга восполняющихъ и развивающихъ, пожалуй, и объ-

ясняется тайна успѣховъ Дизраэли, рельефно выдѣлявшася изъ круга своихъ сверстниковъ, друзей и враговъ. Нельзя съ точностью указать, гдѣ оканчивается писатель и начинается практическій дѣятель—и наоборотъ. Фантазія получаетъ у него въ послѣдствіи реальныя формы; многія изъ его дѣяній носятъ, подчасъ, сказочный, фантастическій характеръ.

Не менѣе поучительны черты индивидуальнаго характера этой оригинальной и самобытной личности, воплотившей въ себѣ идею неустанной борьбы. Борьба, которую онъ велъ непрерывно, чуть ли не съ школьной скамьи, не ожесточала, а только закаляла этого желѣзнаго человѣка, знавшаго себѣ цѣну и никогда не сдававшася на капитуляцію. «Я—независимый человѣкъ и никогда не надѣну ливреи какой бы то ни было партіи» — смѣло провозгласилъ онъ въ своей первой рѣчи, обращенной къ избирателямъ.—«Бросьте весь этотъ политическій жаргонъ—торіевъ и виговъ—и составьте лучше одну большую національную партію, которая спасла бы страну отъ гибели». Полный сознанія своей силы, онъ счумѣлъ отстаивать свою «независимость», во все продолженіе своей долгой политической карьеры. Онъ всегда шелъ на проломъ, не заботясь о томъ, какъ отнесется къ нему окружающая среда, ни въ комъ не заискивая и не обезличиваясь, а напротивъ, всюду внося нѣчто оригинальное, свое, дизраэлевское. Даже гордую партію, избравшую его въ послѣдствіи своимъ вождемъ, онъ какъ-то счумѣлъ передѣлать по образу и по подобію своему.

Такъ не поступаетъ ни «выскачка», ни «ренегатъ». Истинный выскачка бьется изъ всѣхъ силъ, чтобы самому забыть и заставить другихъ позабыть о своемъ прошломъ, происхожденіи, и прежнихъ симпатіяхъ. Дорвавшись, всякими правдами и неправдами, до цѣли своихъ вождедвній, выскачка весь уходитъ въ интересы пригрѣвшей его касты, страстно проникается ея узко-сословными интересами, дѣлается *plus royaliste que le roi*, болѣе католикомъ нежели римскій папа и неукоснительно старается передать накопленное богатство и другіе трудно добытые трофеи своимъ потомкамъ. Ни одинъ зако-

рузлый померанскій юнкеръ не относится такъ враждебно къ интересамъ обездоленной, вѣчно-голодающей черни, какъ именно выскочка, котораго дрожь пронимаетъ, при одномъ намеѣ на его происхожденіе отъ предковъ, щеголявшихъ въ латахъ....

Биконсфильдъ поступалъ какъ разъ наоборотъ. Мало воспріимчивый къ деспотическимъ требованіямъ казеннаго кодекса условной морали своихъ единомышленниковъ, онъ никогда не вступалъ въ компромиссы съ представителями обветшалыхъ традицій, которыя ему были антипатичны, къ которымъ не лежала его душа. Его взглядъ на консерватизмъ или аристократизмъ имѣлъ мало общаго съ окаменѣлыми понятіями разныхъ накрахмаленныхъ герцоговъ и лордовъ, князей и бароновъ, игнорирующихъ каторжную долю своихъ кормильцевъ-чернорабочихъ, ограждающихъ свои кастовые интересы отъ соприкосновенія съ массою недоступнымъ пергаментнымъ карантиномъ изъ дипломовъ, грамотъ и привилегій. Быть консерваторомъ, по его мнѣнію, не значило безцѣльно топтаться на одномъ мѣстѣ, а богатому потомку крестonosцевъ — думалъ онъ — не подобаетъ любоваться только своими гербами. Исходя изъ того положенія, что сумма правъ прямо пропорціональна суммѣ обязанностей, Биконсфильдъ постоянно рекомендовалъ своимъ единомышленникамъ, въ интересахъ своей же партіи, имѣть въ виду положеніе рабочаго класса населенія, посылно содѣйствовать улучшенію его положенія, отъ котораго зависитъ будущность страны. И это говорилось, по обыкновенію, прямо, рѣзко, что, конечно, не служило къ уменьшенію численности его враговъ, съ которыми онъ не особенно церемонился, частенько поглаживая ихъ противъ шерсти.

Сынъ безправнаго, поруганнаго племени, сохранившій на своемъ замѣчательно-красивомъ лицѣ ничѣмъ не смываемыя рѣзкія типическія черты чисто-семитическаго происхожденія; плебей, исключительно жившій литературнымъ трудомъ, — онъ имѣлъ мужество постоянно высказывать представителямъ гордой британской знати такія вещи, которыя врядъ ли отважился бы

говорить заурядный карьеристъ изъ породы Молчалиныхъ. Горькой ироніей звучать эти слова, обращенныя къ людямъ, у которыхъ обыкновенно всѣ заискиваютъ: парламентскіе дебаты и многоопытные члены кабинета. «Знатность рода! Эка невидаль!—говорилъ онъ устно и печатно, обращаясь къ своимъ вельможнымъ друзьямъ и врагамъ.—Да я куда знатнѣе васъ, господа лорды! Вы ведете свой родъ отъ сподвижниковъ Вильгельма Завоевателя, а я веду свой родъ отъ *«сефардимъ»*, происхожу, по прямой линіи, отъ потомковъ царя Давида, принадлежу къ самому древнему народу въ мірѣ. Радуюсь своей принадлежности къ народу, нѣсколько тысячъ лѣтъ назадъ игравшему такую роль во всемірной исторіи, и которому—я въ этомъ глубоко убѣжденъ—предстоитъ еще великая будущность». И это не было бравадой со стороны мощнаго таланта, вѣрящаго лишь въ свою силу, глумящагося надъ смѣшными притязаніями людей, полагающихъ всю свою гусиную гордость лишь въ томъ что «ихъ предки Римъ спасли». Онъ искренно любилъ своихъ разсѣянныхъ и кое-гдѣ еще загнанныхъ соплеменниковъ, глубоко скорбѣлъ объ ихъ долѣ, преклонялся передъ загадочными судьбами этого народа—чего не избѣгъ даже такой юдофобъ, какъ Вольтеръ — и не только мечталъ, но провидѣлъ грядущее возрожденіе ничѣмъ не искореняемыхъ потомковъ Авраама. Не забывалъ онъ многострадальныхъ соплеменниковъ, ни въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, ни въ своихъ путешествіяхъ по Палестинѣ, ни въ залѣ засѣданій берлинскаго конгресса.

Это ли молчалинскій карьеризмъ? Это ли ренегатство?

Безсмысленность послѣдняго обвиненія, которымъ его травили при жизни, слишкомъ очевидна, чтобы говорить о немъ. Изъ дальнѣйшаго изложенія нашего очерка читатель можетъ убѣдиться, что Биконсфильдъ никогда не былъ ренегатомъ, въ политическомъ отношеніи. Что касается религіознаго отщепенства, то этотъ укоръ имѣетъ еще меньшее право на основательность. Веніамина Дизраэли присоединили къ англиканской церкви въ такомъ возрастѣ, когда ребенокъ имѣетъ такое же по-

нтіе о превосходствѣ новаго вѣроученія, какъ и о недостаткахъ прежняго. Пожалуй еще меньше, потому что послѣдствія болѣзненной операціи, совершаемой надъ 7-ми дневнымъ младенцемъ оставляютъ болѣе глубокой слѣдъ, на всю жизнь, нежели водное крещеніе... Веніамина окрестили вмѣстѣ съ братьями и сестрою, когда ему «едва минулъ 12-й годъ», какъ гласитъ метрическое свидѣтельство, выданное причтомъ церкви, гдѣ былъ совершенъ этотъ обрядъ надъ ребенкомъ, игравшимъ въ этомъ дѣлѣ болѣе нежели пассивную роль....

Въ виду громаднаго значенія въ жизни Биконсфильда его литературной дѣятельности, мы не будемъ отдѣлять эту дѣятельность отъ обще-государственной, т. е. сначала знакомить читателя съ романистомъ, затѣмъ съ ораторомъ и, наконецъ, главой торійской партіи, первымъ министромъ королевы Викторіи. Всѣ эти разнообразныя роды дѣятельности покойнаго такъ близко соприкасались или, вѣрнѣе, переплетались между собою, взаимно восполняя и развивая другъ друга, что нѣтъ возможности отдѣлить писателя отъ главы кабинета. Паралельнымъ изложеніемъ многообразной дѣятельности Биконсфильда намъ, кажется, удобнѣе будетъ прослѣдить шагъ за шагомъ всѣ фазы развитія сложнаго характера этого замѣчательнаго чловѣка, выступившаго на арену литературной славы съ хорошими рекомендаціями—лестными отзывами Гете и Гейне.

II.

Судьбѣ угодно было избавить благопріятелей эксъ-премьера, копавшихся въ его прошломъ и семейныхъ традиціяхъ, отъ излишняго труда найти тамъ преемственныя, родственныя черты, свойственныя выдающимся семитамъ, ближайшіе предки которыхъ должны были, по мнѣнію юдофобовъ всѣхъ временъ и народовъ, такъ или иначе соприкасаться съ дѣятельностью обитателей базарной площади и портерныхъ. Ни одинъ изъ предковъ Дизраэли не торговалъ ни водкой, ни ваксой, ни ста-

рымъ платьемъ. Напротивъ. Ненавистный «высочка» былъ — увы! — отпрыскъ несомнѣнно древняго рода, сынъ известнаго литератора и внукъ богача, мнѣвшаго затмить восходившую звѣзду своихъ конкурентовъ—Ротшильдовъ. Мало того. Нашелся даже услужливый писатель, взявшій на себя трудъ доказать царственное происхожденіе Веніамина Дизраэли слѣдующими соображеніями:

Испанскіе предки Дизраэли—говоритъ онъ—принадлежали къ знаменитому дому Мендизибаль-и-Мендоза, давшему странѣ множество князей и епископовъ. Мендизибаль же ведетъ свой родъ отъ іудейскаго князя Мешезавела, который, по свидѣтельству пророка Нееміи, въ числѣ другихъ «князей, левитовъ и священниковъ», подписалъ известное обязательство «съ клятвою и проклятіемъ, поступать по закону Божію, который «данъ рукою Моисея, раба Божія, и соблюдать и исполнять «всѣ заповѣди Господа Бога нашего, и уставы Его и предписанія Его*. Для вящаго доказательства справедливости своей гипотезы, курьезный бужвоѣдъ нашелъ, что даже имя и фамилія усопшаго министра—Benjamin Disraeli—составляетъ еврейскую анаграмму слова «Mendizibal».

Какъ бы то ни было, но до появленія инквизиціи, предки Дизраэли жили безмятежно въ Испаніи, гдѣ положеніе евреевъ было болѣе чѣмъ удовлетворительно. Когда кровавыя гоненія на евреевъ достигли своего апогея въ концѣ XV вѣка, послѣдніе массами перебрались въ Венецію, подъ сѣнь республиканскихъ законовъ, по тогдашнему времени, довольно толерантныхъ. Въ числѣ переселенцевъ были и предки Биконфильда. Семейное преданіе гласитъ, что какъ только они вступили на почву своей новой родины, то немедленно, «изъ чувства благодарности къ Богу Іакова, который ихъ вывелъ изъ непримѣрныхъ испытаній и неслыханныхъ опасностей»—отказались отъ своего испанскаго прозвища и приняли новую фамилію: «Дизраэли». Около двухъ вѣковъ прожило это се-

* Книга Нееміи, X, 21, 29.

мейство въ Венеціи, благословляя судьбу за то неожиданное счастье, которое они обрѣли въ новомъ отечествѣ, оказавшемся въ отношеніи къ нимъ родною матерью, а не злой мачихой.

Прадѣду автора «Эндиміона» пришло на мысль отправить въ концѣ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка одного изъ женатыхъ сыновей, именемъ Веніамина, въ Англію. Сравнительная терпимость, постепенная отмѣна ограничительныхъ законовъ, долго тяготѣвшихъ надъ евреями, характеризующая правленіе Георга II, первый министръ котораго лордъ Пельэмъ былъ очень расположенъ къ евреямъ—были причиною значительнаго прилива еврейскихъ семействъ, промѣнявшихъ столицу дождей на туманные берега Альбіона. Живой, дѣятельный, энергическій Веніаминъ скоро устроился въ новомъ отечествѣ. Поселившись въ купленномъ имъ близъ Лондона имѣніи, гдѣ жилъ въ роскоши, онъ занялся промышленными предпріятіями въ обширныхъ размѣрахъ, значительно увеличившими его прежнее состояніе. Семейное положеніе смѣльчака, бонвивана и жуира, отъ котораго внукъ унаслѣдовалъ много типическихъ чертъ, было довольно странное. Вращаясь постоянно въ порядочномъ обществѣ, онъ оставался вѣрнымъ своимъ семейнымъ и племеннымъ традиціямъ и мечталъ лишь объ основаніи финансовой династіи, которая за поясъ заткнула бы появившихся на Божій свѣтъ Ротшильдовъ. Но его честолюбивые планы не нашли отклика въ семьѣ. Жена его терпѣть не могла евреевъ, гнушалась своимъ происхожденіемъ и краснѣла при одномъ воспоминаніи объ уничтоженномъ положеніи своихъ соплеменниковъ. Единственный сынъ его, на котораго возлагались надежды успѣшнаго одолѣнія враговъ и супостатовъ, въ образѣ Ротшильдовъ, не оправдалъ этихъ надеждъ. Вотъ какъ характеризуетъ Биконсфильдъ своего дѣда. «Поселившись—говоритъ онъ—въ 1765 году близъ Энфильда, онъ развелъ итальянскій садъ, окружилъ себя друзьями, игралъ въ вистъ съ своимъ давнишнимъ пріателемъ сэромъ Горасомъ Мэномъ, съ которымъ познакомился еще въ Венеціи у своего брата-банкира, объѣдался макаронами, приготовленными венеціанскимъ

«консуломъ, распѣвалъ итальянскія пѣсенки (canzonetta); и, «несмотря на присутствіе жены, никогда не прощавшей ему «своего имени, и сына, разрушившаго всѣ его планы, остав- «шагося для него загадкой, до конца дней его дожилъ без- «мятежно до 90-лѣтняго возраста и скончался въ 1817 году, «насладившись вдоволь долгою жизнью.».

Единственный сынъ престарѣлаго любителя макаронъ, ти- хій, сосредоточенный, меланхолическій Исаакъ Дизраэли * со- ставлялъ какъ нельзя болѣе рѣзкій-контрастъ съ своимъ ультра- практическимъ сангвиникомъ-отцемъ и взбалмошной матерью. Предназначенный къ широкой банкирской дѣятельности и еди- новластію на всесвѣтномъ биржевомъ Олимпѣ, юный Исаакъ съ молодыхъ лѣтъ пристрастился къ занятіямъ, отъ которыхъ приходили въ ужасъ его чадолюбивые родители. Онъ сталъ— *horribile dictu*—пописывать стишки... Желая предотвратить юношу отъ грозившей ему гибели, родители отправили его учиться въ Амстердамъ, гдѣ, какъ они надѣялись, пройдетъ эта блажь. Занятія коммерческими науками отрезвять юношу и изъ него выйдетъ, по ихъ мнѣнію, «дѣльный» человекъ.

Этимъ надеждамъ не суждено было осуществиться. Учеб- ный персоналъ той школы, гдѣ воспитывался Исаакъ, былъ пропитанъ идеями развѣдающей философіи XVIII-го вѣка. Предполагавшійся противникъ Ротшильдовъ съ жадностью на- бросился на творенія энциклопедистовъ. Передъ чарующимъ вліяніемъ Вольтера и Байля спасовали жрецы вексельнаго устава и двойной бухгалтеріи. Подъ родительскій кровъ вернулся изъ Амстердама не прилизанный благонравный негодянтъ, готовый, по первому трубному гласу, ринуться въ бой за повышеніе или пониженіе денежной валюты и консолидированныхъ акцій, а восторженный почитатель Руссо, бредившій захватывающими духъ доктринами автора «*Contrat social*». Отчаянію родите- лей не было предѣла. Угрожающее развитіе болѣзни требовало

* Онъ писалъ свою фамилію „d'Israeli“. Находя, что она слишкомъ напоми- наетъ венеціанское происхождение, сынъ его сталъ писать ее на англійскій ладъ „Disraeli“.

радикальнаго леченія. Сынъ былъ немедленно отправленъ въ Бордо, для занятій въ одномъ значительномъ торговомъ домѣ. Неисправимый Исаакъ, скрѣпя сердце, покорился волѣ родителей и отправился во Францію. Но вмѣсто Бордо онъ очутился въ Парижѣ, откуда послалъ отцу обширное стихотвореніе, изображавшее растлѣвающее вліяніе торговли на челоѣчество...

4289
Въ Парижѣ обозначилась его дальнѣйшая карьера, которой онъ оставался вѣренъ всю жизнь. Онъ жилъ, собственно говоря, не въ Парижѣ—городская жизнь французской столицы была ему совершенно неизвѣстна—а въ библіотекахъ и тѣсномъ кружкѣ ученыхъ и писателей. Чтеніе и собраніе книгъ сдѣлалось его единственною житейскою потребностью, и онъ не бесполезно провелъ свое время во Франціи. Вернувшись на родину, за годъ до начала французской революціи, вполне сформировавшимся литераторомъ, Исаакъ такъ мало походилъ на грядущаго биржеваго владыку, что старики-родители махнули на него рукой. Въ особенности убивалась его матушка, не могшая помириться съ предстоящею горемычною долею сына. Мало того, что онъ жидъ, но еще писатель! Одно горе стоило другаго. Такой напасти не ждала надменная венеціанская синьора.

Во всякомъ случаѣ его оставили въ покоѣ, и онъ предался своимъ излюбленнымъ занятіямъ, какъ истый отшельникъ. Эта страсть къ книгамъ и библіотекамъ не покидала его нигдѣ, ни въ Лондонѣ, ни въ деревнѣ. По выраженію его славнаго сына, онъ не измѣнялъ своимъ привычкамъ и послѣ женитьбы; онъ жилъ книгами, лучшимъ его развлеченіемъ было возиться съ книгопродавцами и букинистами, которыхъ онъ навѣщалъ очень часто. Политика его не занимала, онъ ея не понималъ, повседневныя новости его не интересовали. Это былъ, дѣйствительно, отшельникъ, не выходившій изъ своего кабинета, гдѣ онъ короталъ время, то за письменнымъ столомъ, то у полокъ своего обширнаго книгохранилища. Сочиненія этого дѣтища XVIII вѣка, изданныя впоследствии Биконсфильдомъ, искренно чтившимъ память своего отца, которому онъ дѣйстви-

тельно былъ много обязанъ своимъ раннимъ развитіемъ — подъ заглавіемъ: «Isaac d'Israeli. Curiosities of literature», пользуются и доннынѣ почетною репутаціею въ англійской литературѣ.

Въ 1802-мъ году Исаакъ женился на сестрѣ извѣстнаго архитектора-еврея Джорджа (Іошуа) Басеви, оставившаго по себѣ хорошую память выстроеннымъ въ Кембриджѣ музеемъ, такъ называемымъ «Fitz-William Museum». Отъ этого брака родилось четверо дѣтей: одна дочь, Сара, и три сына: Веніаминъ, Ральфъ и Джемсъ. Оставляя въ сторонѣ остальныхъ членовъ этого семейства, мы займемся исключительно судьбой Веніамина, которому впоследствии суждено было стать у кормила правленія великой страны, пріютившей его дѣда, какъ и множество другихъ гонимыхъ искателей религиозной свободы и поправныхъ человѣческихъ правъ. И онъ не остался въ долгу у свободной страны, пріютившей его предковъ и присныхъ. Памятникъ, нынѣ сооруженный «Диззи» усиліями лучшихъ представителей англійскаго общества, служитъ вразумительнымъ поясненіемъ того, какого свойства была эта расплата*.

III.

Веніаминъ Дизраэли родился близъ Лондона 21 декабря 1804 года**. Скудныя свѣдѣнія, оставшіяся о его дѣтствѣ и

* По сообщенію „Times“ стоимость памятника, который будетъ сооруженъ лорду Биконсфилду въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, опредѣленъ въ 5,000 фун. стер. около 50,000 рублей.

** Годъ рожденія Веніамина, до недавняго времени, служилъ яблокомъ раздора между его биографами. Душеприкащика покойнаго не могли, вслѣдствіе этого разногласія, помѣстить на могилѣ день и годъ рожденія. Теперь всякое сомнѣніе разсѣяно. Представители лондонской еврейской общины доставили одному изъ душеприкащикевоу, барону Натаніелю Ротшильду, засвидѣтельствованную копію изъ метрическихъ книгъ мѣстнаго раввина. Вотъ что гласитъ эта выписка: „Бюро синагоги испанскихъ и португальскихъ евреевъ, Левисъ Марко. Лондонъ. *Имя ребенка* Веніаминъ. *Имя отца*: Исаакъ. *Имя матери*: Мярк. *Фамилія*: Дизраэли. *День рожденія ребенка*: Пятница. *Еврейское число*: 19 тевета 5565. *Христіанское число*: 21 декабря 1804. Операция обрѣзанія совершена Д.

отрочествѣ, о его школьныхъ годахъ и дальнѣйшихъ фазахъ развитія многообщающаго юноши мы большею частью находимъ въ его первыхъ романахъ, въ особенности въ Contarini Fleming, и очень мало—въ біографіяхъ и мемуарахъ. Большинство замѣчательныхъ людей обыкновенно обязаны своимъ раннимъ развитіемъ материнскому вліянію. Дизразли, въ этомъ отношеніи, составляетъ исключеніе. Мать его, Марія Басели, была безцвѣтная личность, которая никоимъ образомъ не могла повліять на Веніаміна. Вообще женское вліяніе въ семействѣ Дизразли, было отрицательное или равнялось нулю. Бабушка была вздорная, взыскательная особа; мать—ничтожество. За то мужская линія имѣла неоспоримое вліяніе. Между двумя крайними полюсами, воплотившимися въ двухъ оригинальныхъ образахъ эпикурейца-дѣда и мечтателя-отца, Веніаминъ составлялъ посредствующее звѣно, близкое къ обоимъ, позаимствовавшее у нихъ все, что было хорошаго и даровитаго въ этихъ типическихъ представителяхъ двухъ противоположныхъ направленій—реальнаго и идеалистическаго. Практическая сноровка, житейскій здравый смыслъ, энергія, настойчивость, предприимчивость и эпикуреизмъ стараго дѣда цѣликомъ перешли къ внуку, унаслѣдовавшему отъ отца его просвѣтленное міровоззрѣніе, любовь къ наукѣ, литературѣ и отчасти порядочную дозу мечтательности и скептицизма. Бесѣды съ отцомъ, жившимъ въ какомъ-то заоблачномъ мірѣ, непрерывное чтеніе книгъ, наполнявшихъ отцовскую бібліотеку правда, безпорядочное, не систематическое, но страстное, — имѣли громадное вліяніе на рановременное развитіе необыкновенныхъ умственныхъ способностей мальчика.

Въ этомъ отсутствіи школьной дисциплины и систематическаго выбора книгъ для чтенія многіе біографы усматриваютъ явленіе, достойное подражнія и порицанія. Поклонники знаменитаго министра находятъ, что нестѣсняемое внѣшними, чи-

А. Ландо 26 тевета 5565. Засвидѣтельствовалъ Д. І. де-Кастро^а. Послѣ того, какъ день и годъ рожденія лорда Баконсфильда вполнѣ констатированы, числа эти помѣщены въ эпитафіи на гробѣ и могилѣ.

сто условными препонами, вліяніе такого отца, какимъ былъ Исаакъ Дизраэли—этотъ идеальный типъ литератора по призванію, вольтерьянца по своимъ воззрѣніямъ, свободнаго отъ всяческихъ предразсудковъ, тѣмъ болѣе религіозныхъ — было неоцѣненное. Ему-то сынъ обязанъ своимъ умственнымъ достоинствомъ, давшимъ ему впоследствии возможность господствовать въ странѣ, требующей отъ своихъ правителей аристократіи не только рода, но и ума. По мнѣнію противниковъ его всѣ несимпатичныя стороны характера Дизраэли развились только благодаря отсутствію преданій школьной дружбы, университетскаго товарищества, сглаживающаго всѣ личныя неровности и шероховатости каждой единицы, поглощаемой общностью кружковыхъ интересовъ. Онъ слишкомъ рано зажилъ внутреннею жизнью, свободною отъ мертвящей рутины, не справляясь съ требованіями обыденной дѣйствительности, строго относящейся ко всѣмъ дерзновеннымъ, переступающимъ за черту молчалинской «умѣренности и аккуратности». Но всѣ мнѣнія сводятся къ одному знаменателю: отецъ имѣлъ рѣшающее вліяніе на дальнѣйшую судьбу гениальнаго Веніамина.

Религіозный индифферентизмъ царилъ въ этомъ домѣ. Вернувшись изъ Парижа отъявленнымъ вольтерьянцемъ, Исаакъ Дизраэли, хотя не порвалъ своихъ связей съ вѣрованіями своихъ предковъ, но относился къ нимъ слишкомъ формально. Аккуратнымъ взносомъ невысокаго цѣна, налагаемаго еврейскою общиной на своихъ сочленовъ, исчерпывались всѣ его отношенія къ синагогѣ, которую онъ почти что не посѣщалъ. Разъ онъ даже былъ выбранъ въ должность «Парнеса», но вскорѣ отказался отъ этого непосильнаго для него бремени. По временамъ возникали кой-какія пререканія между нимъ и общиной; но до окончательнаго разрыва дѣло не доходило. Такимъ образомъ Веніаминъ росъ и развивался при полнѣйшемъ отсутствіи не только елериальной, но вообще какой бы то ни было вѣроисповѣдной опеки.

Въ числѣ близкихъ друзей дома былъ извѣстный поэтъ Роджерсъ, совмѣстившій въ своей особѣ двѣ функціи, пови-

димому, несомѣстимыя: миллионера-банкира и поэта. Много-обѣщающій Веніаминъ пользовался неограниченными симпатіями поэта-эпикурейца. Роджерсу, принимавшему теплое участіе въ судьбѣ своего любимца, жалко было видѣть Веніамина шагающимъ по тернистому пути, пріуготовленному каждому исповѣднику моисеева закона. Онъ не могъ помириться съ мыслью, что лучшія права гражданина будутъ недоступны даровитому мальчику, дорогу котораго долго, если и не на всегда, будетъ задерживать безсмысленный шлагбаумъ разныхъ метрическихъ свидѣтельствъ. Не много труда стоило Роджерсу и женѣ извѣстнаго писателя г-жѣ Эллисъ уговорить индифферентнаго Исаака, которому сильно надоѣли пререканія съ синагогой, окрестить своихъ дѣтей и этимъ разомъ покончить свои счеты съ неудобной въ житейскомъ отношеніи религіею. Въ концѣ іюля 1817 года, вскорѣ послѣ смерти старика Дизразли, Роджерсъ воспользовался разрѣшеніемъ Исаака. Обрядъ крещенія былъ совершенъ въ церкви св. Андрея надъ всѣми дѣтьми и, между прочимъ, надъ Веніаминомъ, едва достигшимъ 12-ти лѣтняго возраста. Крестнымъ отцемъ былъ Роджерсъ, а крестною матерью г-жа Эллисъ.

Школьные годы, проведенные Веніаминомъ въ одномъ частномъ пансіонѣ въ Уинчестерѣ, имѣли для него отрицательное значеніе, если судить по тѣмъ поразительно правдивымъ характеристикамъ ненормальныхъ отношеній, установившихся между имъ и его товарищами, которыя сдѣланы въ романѣ «Контарини Флемингъ». Дизразли, какъ извѣстно, не посѣщала университетскихъ лекцій или, выражаясь словами одной лондонской газеты *, ни одинъ англійскій «университетъ не можетъ гордиться честью считать его своимъ сыномъ». Блестящія способности выдвинули мальчика впередъ на первый планъ. Его успѣхи въ наукахъ, и въ особенности въ словесности, ставились въ примѣръ прочимъ школьникамъ. Онъ сдѣлался гордостью

* См. „The Graphic“ № 595.—„The late earl of Beaconsfield, k. g.“.

училища, любимцемъ преподавателей. Но за розами скрывались шипы; рядомъ съ благоволеніемъ наставниковъ начались гоненія товарищей. Тутъ-то онъ впервые позналъ горечь своего исключительнаго положенія, о которомъ не имѣлъ понятія въ родительскомъ домѣ, гдѣ онъ, пожалуй, и не подозрѣвалъ о томъ, что существуетъ на свѣтѣ различіе между евреемъ и не-евреемъ. Положеніе иновѣрнаго или иноплеменнаго мальчика въ школѣ, имѣющей рѣзко-національный или религіозный характеръ, представляетъ мало заманчиваго даже теперь—о тѣхъ уже временахъ и говорить нечего. Жизненные условія сложились такимъ образомъ, чтобы сдѣлать его пребываніе въ школѣ сугубо мучительнымъ. Изошренная жестокость сверстниковъ-школяровъ, столь свойственная этому возрасту, находила благодарную почву для непрестаннаго уязвленія самолюбиваго, смѣлаго жиденка, слишкомъ рано познавшаго мучительную прелесть буквальнаго примѣненія Моисеева правила: «око за око, зубъ за зубъ». Черноволосый, курчавый мальчуганъ, дерзкій пришлецъ, потомокъ «хриstopродавцевъ», подавлявшій своимъ превосходствомъ дѣтей мѣстныхъ неуклюжихъ, бѣлобрыныхъ аборигеновъ, взаправду исповѣдующихъ Христову вѣру—долженъ былъ испытывать на своей шкурѣ всю тяжесть многовѣковаго «грѣха», тяготѣющаго надъ его братьями по крови. Мученія и всяческія терзанія должны были стать удѣломъ этого «чужестранца», тѣмъ болѣе, что онъ не мирился съ своею участью, никому не давалъ спуска и подчасъ весьма больно мстилъ за обиды. Но Веніамину приходилось страдать вдвойнѣ, когда оскорбляли его товарищей-евреевъ, менѣе его зубастыхъ, тупо переносившихъ насмѣшки, пожалуй, мирившихся съ отвратительною долей безотвѣтныхъ souffre-douleur. Онъ горѣлъ отъ стыда и негодованія, когда въ классѣ читались отрывки изъ избранныхъ сочиненій представителей отечественной литературы или когда приходилось ему видѣть евреевъ на сценѣ. Какую роль игралъ этотъ парія на сценѣ и въ литературѣ? Самую позорную или комическую. Плутъ, трусъ, предатель, кровопійца, отребье человѣчества—вотъ какими выставляли его родичей, въ

жилахъ которыхъ текла благородная кровь псалмопѣвца и Макаввеевъ, ветхозавѣтныхъ пророковъ и апостоловъ Галилеи.

Съ беззавѣтною искренностью ранней молодости бросился онъ на изученіе исторіи и литературы своей горячо любимой родины, уносясь въ мечтаніяхъ, какъ онъ ей будетъ служить въ послѣдствіи, когда настанетъ его очередь: «Прочь! — раздавалось кругомъ змѣиное шипѣніе хора его товарищей — не твое это дѣло, чужестранецъ! Твои вѣрованія не наши; между твоимъ племенемъ и нашимъ народомъ не можетъ быть ничего общаго. Ты не нашъ и никогда имъ не будешь. Проваливай откуда пришелъ!» Но за что-же его такъ грубо отталкиваютъ, что онъ совершилъ, за что его преслѣдуютъ безпричинно, въ чемъ именно онъ, Веніаминъ, провинился, за что тяготѣетъ надъ всѣми его соплеменниками этотъ злой рокъ, эта несмыслимая печать отверженія? мучительно допытывался юноша. Неужели этому безобразному порядку вещей никогда конца не будетъ? Нѣтъ! будетъ и непремѣнно долженъ быть. Я ихъ заставлю принять меня въ свою среду, и не только меня, но и всѣхъ насъ, несправедливо гонимыхъ. И я отомщу не за одного себя, но за всѣхъ своихъ. Эта пора не за горами. Вы насъ вознаградите сторицей за всѣ муки пережитыхъ обидъ. А пока да здравствуетъ Моисеевъ талионъ! *.

Послѣдствія доказали, что Веніаминъ не ошибся въ своихъ надеждахъ. Но какою дорогою цѣною ему досталось осуществленіе его юношескихъ мечтаній! Страшно становится, когда вспомнишь, до чего доводитъ бессмысленная ненависть, религіозная и племенная, извращающая лучшіе инстинкты любвеобильнаго отрочества, болѣе чуткаго и воспримчиваго къ безсердечнымъ оскорбленіямъ, наносимымъ, въ его лицѣ, цѣлому народу или культу. Нельзя читать равнодушно мастерское описаніе развитія зародившейся мести, ни въ время не остановленной и не атрофированной, мести, разрѣпившейся въ такой уродливой формѣ, какъ на примѣръ единоборство Контарини съ

* Talion — возмездіе.

коноводитомъ своихъ обидчиковъ, лучшимъ школьнымъ боксеромъ.

Контарини побѣдилъ—противникъ его былъ поверженъ на землю, почти бездыханный. «Я быстро вскочилъ—продолжаетъ Контарини—и колѣнкомъ придавилъ его грудь.

— Оставь, я больше не буду драться, прошепталъ онъ слабо.

— Проси у меня прощенія—крикнулъ я,—проси прощенія. Онъ молчалъ.

— Проси прощенія—сказалъ я—не то... я не знаю, что съ тобою сдѣлаю...

— Никогда...

Я поднялъ кулакъ. Многіе бросились къ намъ, желая разнять насъ.

— Назадъ! крикнулъ я не своимъ голосомъ.—Прочь отъ меня! Я схватилъ своего павшаго противника въ охапку, потащилъ его вонъ, какъ Ахиллесъ мертваго Гектора. Дотащивъ его до навозной кучи, я швырнулъ тамъ этотъ бездыханный трупъ. Справившись съ нимъ такимъ образомъ, я отправился бродить по своимъ любимымъ мѣстамъ. Я былъ спокоенъ и обезсиленъ. Лицо и руки были въ крови. Я нагнулся къ колодцу и жадно припалъ къ живительной влагѣ. Богъе сладостнаго напитка я не пилъ во всю свою жизнь».

Строго говоря, врядъ ли у кого поднимется рука—бросить камнемъ въ мальчика, систематическими преслѣдованіями доведеннаго до того неестественнаго состоянія, когда утоленная жажда мщенія представляется ему «сладостнымъ напиткомъ». Личный характеръ страстнаго самолюбиваго Веніамина тутъ ни при чемъ. Вся отвѣтственность за такое коверканіе несомнѣнно хорошихъ юношескихъ задатковъ должна безраздѣльно и всецѣло падать на безсердечныхъ виновниковъ порядка вещей, въ силу котораго религія «любви и всепрощенія» обратилась въ орудіе безпричинныхъ страданій для племени, откуда вышли первые провозвѣстники новаго ученія, избравшаго своимъ девизомъ эти человѣчныя слова, къ сожалѣнію, вскорѣ за-

бытыя именно тѣми, которые должны были служить ихъ олицетвореніемъ въ жизни...

По выходѣ изъ пансіона, Веніаминъ продолжалъ свое воспитаніе подѣ двойнымъ руководствомъ: профессора Когена, преподававшаго ему, между прочимъ, древніе классическіе языки, и отца, посвящавшаго его во всѣ таинства служенія музамъ. Отцовская неоскудѣвающая бібліотека довершила остальное. Когда ему минуло 18 лѣтъ, Веніаминъ поступилъ въ контору одного лондонскаго адвоката, атторнея Суэйнъ и К^о, для практическаго изученія права, предварительно записавшись членомъ одной изъ адвокатскихъ корпорацій, такъ называемыхъ «Inn», гдѣ, по странной случайности, онъ впервые познакомился съ новымъ товарищемъ, съ которымъ всю жизнь велъ самую ожесточенную борьбу. Этотъ молодой человекъ былъ—мистеръ Гладстонъ *. Адвокатура, служащая на Западѣ первую житейскою школой, черезъ которую проходятъ почти всѣ парламентскіе борцы и государственные люди, не пришлась по душѣ Веніамину, мечтавшему объ иной будущности, нежели безконечная возня съ своеобразными исполнительными органами примѣненія отвлеченныхъ правовыхъ нормъ — съ черезчуръ прозаическими судебными приставами.

Онъ вскорѣ бросилъ адвокатскую контору и, по примѣру всѣхъ британскихъ джентльменовъ, отправился путешествовать по континенту. Посѣтивъ Францію, Италію, онъ поселился на довольно продолжительное время въ Германіи, гдѣ собственно окончилъ свое образованіе, основательно изучивъ ея языкъ, литературу и философію. Снабженный рекомендательными письмами отца, литературная репутація котораго стояла довольно высоко, онъ безъ труда вошелъ въ кругъ ученыхъ и писателей. Особенно цѣнными была для него рекомендація къ старику Гете, такъ сказать, благословившему юношу на литературное сподвижничество, и къ Гейнриху Гейне, сразу

* См. „Law Times“, за апрѣль 1861 г.

открывшему въ немъ задатки недюжиннаго таланта. Продолжительное пребываніе въ Германіи, знакомство съ великими выразителями ея духовнаго роста не прошли безслѣдно для пытливаго юноши. Страсть къ отвлеченнымъ теоріямъ и обобщеніямъ, пріобрѣтенная Дизразли въ отчизнѣ Канта и Гегеля, отразилась въ позднѣйшихъ не чуждыхъ туманныхъ намековъ и мистическихъ тенденцій творенійхъ человѣка, рожденнаго для борьбы съ конкретными врагами и невымысленными предубѣжденіями. Присутствіемъ этого чисто-германскаго элемента нѣсколько разнообразится мощный талантъ этого замѣчательнаго человѣка, неумѣренно пользовавшагося въ своей литературной и парламентской дѣятельности врожденнымъ даромъ неизсякаемой прони и желчной, бичующей сатиры.

Съ богатымъ запасомъ пріобрѣтенныхъ знаній вернулся 20 лѣтній красавецъ на родину, чтобы попробовать свои силы на тернистой аренѣ общественной дѣятельности. Смѣло ринулся онъ въ водоворотъ этой кипучей жизни—и первый литературный дебютъ былъ первымъ, но далеко не послѣднимъ торжествомъ его бурной жизни.

Alea jacta est!

(Продолженіе будетъ).

П. Левенсонъ.

МОШКА ПАРМСКІЙ.

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКАГО СОЛДАТА *.

Разсказъ К. Э. Францоza.

(Окончаніе).

XIV.

Безотрадный пріемъ встрѣтилъ у барновцевъ бѣдный инвалидъ. Онъ не ждалъ и самъ ничего хорошаго, но дѣйствительность превзошла ожиданія.

Лучше всѣхъ отнеслись къ нему мертвецы. Безмолвные жильцы «добраго мѣста», какъ весьма характеристически называетъ восточный еврей кладбище, по крайней мѣрѣ терпѣли новаго посѣтителя и не прогоняли его прочь, хотя онъ приходилъ къ нимъ довольно часто. Мошко любилъ сидѣть на могилахъ своихъ родителей, а еще больше—подъ тѣнью красиваго памятника, воздвигнутаго барновцами на общественный счетъ человѣку, который былъ бѣденъ земными благами, но богатъ любовью и только за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ закрылъ навѣкъ умные и веселые глаза—Исааку Тюркишгельбу. Маршалекъ, не смотря на свою вражду къ спиртнымъ напиткамъ, достигъ глубокой старости; ему удалось еще несчетное число разъ побѣдить молдавское вино, равно какъ и печальное настроеніе и неблагоразуміе своихъ согражданъ, — но наконецъ пробилъ и его часъ. Праздновалась свадьба, устроенная его

* См. „Восходъ“, кн. I—V.

стараніями; въ этотъ вечеръ онъ былъ особенно веселъ и остроуменъ и до такой степени очаровалъ всѣхъ гостей, что они проводили его до дому съ музыкой и факелами. Въ блаженномъ расположеніи духа легъ маршалекъ въ постель, а на слѣдующій день его нашли въ ней холоднымъ и неподвижнымъ. Но на губахъ его сохранилась та самая улыбка, которая не оставляла его при жизни, и можно безошибочно сказать, что въ это утро его лице было единственно—веселымъ лицемъ въ городѣ: рѣдкій покойникъ вызывалъ такую глубокую и искреннюю печаль. Каменьщикъ, изготовившій для него памятникъ, вѣроятно былъ его близкимъ другомъ: на надгробномъ камнѣ онъ высѣкъ изображеніе виноградной лозы...

Много и другихъ добрыхъ знакомыхъ нашелъ Мошко въ «доброе мѣстѣ». Тутъ покоились Нухимъ Гельштейнъ и его супруга Гольда, и эти богачи были теперь также бѣдны, какъ водоносы и пономари; тутъ улегся Фроимъ Луттингеръ, обладатель невѣжливаго прозвища, — и онъ былъ теперь также мудръ, какъ самый мудрый раввинъ. Беръ Блицеръ и Луизеръ Вонненблумъ тоже давно умерли, но тѣла ихъ лежали не здѣсь, а на Тарнопольскомъ кладбищѣ. Въ Тарнополь скончался и тотъ, и другой, — и притомъ въ одномъ изъ самыхъ красивыхъ домовъ, надъ дверями котораго парилъ императорскій орелъ. Судебная власть открыла заслуги обоихъ дѣятелей и наградила ихъ даровою квартирою и пищею.

Братьевъ и сестеръ Мошко засталъ еще въ живыхъ, но и это обстоятельство не доставило ему особенной радости. Мендель давно утратилъ послѣдніе остатки нѣкогда окружавшаго его золотого блеска и въ настоящее время занимался первою, второю и третьею профессіею своего отца: онъ былъ пономаремъ, ходилъ за больными и сторожилъ мертвыхъ. Манассе продолжалъ четвертое занятіе Авраама, но его познанія въ закройкѣ принесли ему мало пользы, потому что онъ никакъ не могъ добиться возможности доказать ихъ на дѣлѣ, и навсегда остался жалкимъ портняжкой, годнымъ только заплатавать старыя дыры. Не менѣе тяжело приходилось и се-

страмъ—и вслѣдствіе этого всѣ дѣти Авраама, оставшіяся въ Барновѣ, сверхъ своихъ вышеупомянутыхъ занятій, практиковали и пятую профессію покойнаго отца. Станемъ-же ли мы винить этихъ людей, очерствѣвшихъ въ ежедневной и тяжелой борьбѣ изъ за насущнаго хлѣба, что возвращеніе безпомощнаго инвалида не особенно порадовало ихъ и что между ними немедленно начался благородный споръ—кому изъ нихъ дать пріютъ нежданному пришельцу? Каждый хотѣлъ представить это богоугодное дѣло другому. Наконецъ выборъ палъ на Манассе. «Вѣдь у тебя есть стойло для двухъ коровъ!» воскликнули, обращаясь къ нему, остальные члены семейнаго совѣта, и такъ какъ отрицать этотъ фактъ онъ не могъ, то пришлось изъявить великодушное согласіе на помѣщеніе брата въ одномъ изъ угловъ коровьяго стойла. «Но кормить его я рѣшительно отказываюсь!—заявилъ онъ при этомъ;—ни единого кусочка хлѣба...»

Старый солдатъ безмолвно слушалъ нѣжныя совѣщанія родственниковъ на счетъ устройства его жизни и только по временамъ ворчалъ свое любимое: «Корпакъ-басма!» Это загадочное восклицаніе онъ составилъ себѣ самъ, во время своихъ походовъ, изъ итальянскаго ругательства «Corro di Vasso!» и венгерскаго «Bassama!» Такъ какъ каждое изъ этихъ словъ въ отдѣльности казалось ему недостаточно браннымъ и устрашающимъ, то онъ обыкновенно сливалъ ихъ вмѣстѣ. Если это соединеніе и не всегда производило желанное дѣйствіе на другихъ, то въ отношеніи къ самому Мошкѣ оно постоянно приносило самый удовлетворительный результатъ, потому что значительно облегчало ему душу. Такъ и теперь: послѣ долговременнаго молчанія онъ не выдержалъ:

— Корпакъ-басма!—вылетѣло изъ его горла съ такою силою, что окна задрожали;—это вотъ такъ принимаютъ брата, который только что вернулся домой? Да вы что думаете—что я у васъ милостыни просить намѣренъ? Захоти я нищенствовать,—такъ я пошелъ-бы къ богачамъ, у которыхъ вы сами побираетесь, а не къ вамъ!

И съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты и сильно захлопнулъ за собою дверь.

То было безъ сомнѣнія весьма эффектное удаленіе, но бѣдный инвалидъ поступилъ-бы благоразумнѣе, еслибы обошелся безъ этого эффекта. Правда, семейный совѣтъ просидѣлъ нѣсколько минутъ какъ ошеломленный, но затѣмъ единогласно принялъ предложеніе своего старѣйшины, Манассе—отложить всякія заботы и попеченія объ этомъ «чудовищѣ». И черезъ часъ вся община знала, что даже братья и сестры отреклись отъ «зельнера», потому что онъ обнаружилъ непомятую грѣховность и высокомеріе.

Но и безъ этого извѣстія передъ бѣднымъ Мошкой закрылись-бы всѣ двери, въ которыя онъ рѣшился постучаться. Будь онъ кротокъ какъ овечка и набоженъ какъ кающійся, барновцы все таки смотрѣли-бы на него очень косо. Возвращающагося на родину стараго солдата сограждане его никогда не встрѣчаютъ съ особеннымъ радушіемъ; онъ остается для нихъ бесполезнымъ человѣкомъ, который часто приноситъ съ собою изъ чужихъ краевъ весьма дурныя привычки и не можетъ снова втиснуть себя въ узкія рамки той жизни, среди которой онъ выросъ. Но кромѣ этихъ причинъ, на барновскихъ евреевъ дѣйствуютъ еще въ этомъ случаѣ религіозныя предрассудки. Возвратившійся былъ «зельнеръ», онъ стало быть, дѣлалъ вещи, представляющіяся правовѣрному еврею смертнымъ грѣхомъ: онъ нарушалъ постановленія на счетъ пищи и проливалъ человѣческую кровь; онъ почти никогда или совсѣмъ никогда не молился и присутствовалъ съ колѣнопреклоненіемъ на христіанскомъ богослуженіи. Правда, его единоверцамъ хорошо извѣстно, что всѣ эти грѣхи онъ совершалъ по неволѣ; они и скорбятъ о страшной участи, на которую его обрекла судьба, но тѣмъ не менѣе нѣчто зловѣщее навѣки пристало къ нему въ ихъ глазахъ,—они не могутъ смотреть на него иначе какъ на «нечистаго человѣка». Такой взглядъ относительно всякаго еврея, отбывшаго воинскую повинность, существуетъ и въ настоящее время, хотя въ мень-

шей степени чѣмъ въ ту пору, когда Мошко вернулся на родину; три десятилѣтія, прошедшія съ того времени, внесли въ мрачное гетто если не полный свѣтъ, то хотя слабое мерцаніе, первые лучи прогресса. Но въ тѣ годы старый «зельнеръ», уже благодаря своему прошедшему, былъ рѣзко отдѣленъ отъ всѣхъ остальныхъ жителей; и если прекраснѣйшія черты еврейскаго народнаго духа—семейное чувство и милосердіе, практиковались относительно его въ такой-же степени, какъ относительно всякаго неимущаго, если община и родственники не отказывали и ему въ посильномъ подаваніи,—то для ихъ сердца онъ все таки оставался чужимъ.

Мошко очутился въ худшемъ положеніи: ему нельзя было рассчитывать на помощь. Возвратись онъ на родину черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ своего ухода, барновцы не встрѣтили-бы его съ особымъ радушіемъ, но охотно оказали-бы пособіе милостынею или займомъ для того, чтобы онъ могъ приняться за какое нибудь дѣло. Согласившись прослужить второй срокъ, слѣдовательно оставшись по доброй волѣ солдатомъ дольше, чѣмъ слѣдовало по закону, — онъ лишилъ себя этой помощи. Онъ, значить, согрѣшилъ не по принужденію, а по собственному желанію. Такое преступленіе, по возвращенію этихъ людей, не допускало никакого оправданія.

Все это Мошко говорилъ самъ себѣ въ то время, когда онъ тащилъ свое брѣнное и больное тѣло на родину. И не на одномъ мосту, встрѣчавшемся ему по пути, останавливался онъ и устремлялъ печальный взоръ въ волны. Но затѣмъ онъ снова продолжалъ свой путь; не боязнь смерти удерживала его отъ самоубійства, а неодолимое желаніе увидѣть мѣсто, гдѣ онъ былъ нѣкогда молодъ и счастливъ, и — своего сына! Что Казя «съ поворомъ родила мальчика и, не смотря на это, любила и рядила его словно обезьянку» — это было послѣднее извѣстіе, принесенное ему изъ дому заповѣдавшими рекрутами. Вслѣдъ затѣмъ Мошку перевели въ другой батальонъ, гдѣ барновцевъ встрѣчалъ онъ очень рѣдко, и ему всегда удавалось преодолѣвать въ себѣ искушеніе освѣдомиться о возлюбленной,

потому что онъ боялся такимъ путемъ выдать ея тайну. «Я хочу увидѣть моего сына» непрерывно говорилъ онъ себѣ во время этого длиннаго, длиннаго пути. Это была единственная связь, посредствомъ которой онъ еще чувствовалъ себя соединеннымъ съ людьми. Далеко не такъ сильно было въ немъ желаніе увидѣть еще разъ возлюбленную. «Ахъ—со вздохомъ думалъ онъ—какое право имѣю я на нее? А что она имѣетъ право на меня, такъ какой мнѣ изъ этого прокъ?»

По счастливой случайности, его желаніе осуществилось еще прежде, чѣмъ онъ достигъ городка. Ошеломленный счастьемъ и горемъ, оставилъ онъ кузницу. Его сынъ былъ живъ и сдѣлался такимъ славнымъ парнемъ; Казѣ тоже жилось хорошо, — ну, пускай теперь съ нимъ самимъ будетъ что будетъ!... Но къ этому блаженному чувству примѣшивалось страшно горькое сознаніе, что онъ для своего сына никто иной, какъ старый бродяга, котораго юноша готовъ терпѣть около себя только ради его занятыхъ небылицъ.

Эта мысль была для него самымъ тяжелымъ бременемъ; все остальное представлялось ему незначительнымъ. «Корпакъ-басма!—ворчалъ онъ про себя, вступая на городскую землю;— капитанъ вѣдь знаетъ законы, а онъ мнѣ положительно сказалъ, что моя община должна для меня сдѣлать хоть что нибудь! Притомъ я вѣдь могу исполнять какую нибудь легкую службу—быть посыльнымъ, сторожемъ... Ну, и Богъ не можетъ же не вмѣшаться наконецъ въ мое дѣло!...»

Съ гордымъ видомъ, съ надменно поднятою головою вошелъ бѣднякъ въ городокъ. Его мало задѣвало то, что всѣ жители, послѣ перваго взрыва изумленія, встрѣчали его съ мрачными лицами и язвительными словами. Только первое впечатлѣніе было болѣзненное: ему стало грустно и тяжело, когда онъ увидѣлъ, въ какой нищетѣ жили его братья и сестры. Но ихъ жесткость не сломила его гордости, гнѣвъ его разразился вышешприведенною краткою рѣчью.

— Корпакъ-басма!—проворчалъ онъ послѣ того, какъ дверь Менделевой комнаты, гдѣ былъ собранъ семейный совѣтъ, за-

хлопнулись за нимъ,—корпакъ басма! Подальше отъ евреевъ! Сперва потребую себѣ того, что община обязана мнѣ дать!

И Мошко направился къ барновскому бургомистру, аптекарю Людвигу Зуранскому, очень маленькому и очень толстому человѣчку, занимавшему въ Барновѣ въ 1848 г. постъ капитана національной гвардіи и при этомъ случаѣ, къ общему прискорбію, открывшему въ себѣ ораторскій талантъ. Съ тѣхъ поръ этотъ добродушный боченокъ не могъ произнести ни одного слова просто и пользовался всякимъ малѣйшимъ случаемъ для обнаруженія своихъ риторскихъ способностей. Поэтому и Мошкѣ, въ качествѣ «согражданина, оказавшаго почтенныя услуги императору, государству и отечеству», пришлось выслушать эффектную рѣчь и даже получить приглашеніе садиться. Но вслѣдъ затѣмъ бургомистръ съ смущеніемъ почесалъ у себя за ухомъ и продолжалъ:

— Высокоуважаемый господинъ Фейльхендуфтъ! Храбрый воинъ! Изъ вашихъ документовъ, а равно изъ другихъ фактовъ и наконецъ изъ вашихъ собственныхъ, почтенныхъ разъясненій я усматриваю, что вы имѣете честь принадлежать къ еврейскому вѣроисповѣданію; а такъ какъ наши многоуважаемые еврейскіе сограждане составляютъ въ средѣ нашей общины особую корпорацію, то было-бы умѣстно и цѣлесообразно, если-бы вы были такъ обязательны и пожаловали къ моему почтенному другу, г. Натану Грюну, для того, чтобы внушить ему...

— Евреи не сдѣлають для меня ровно ничего,—коротко перебилъ его Мошко.

— ...Чтобы внушить ему,—продолжалъ вошедшій въ паеосъ бургомистръ, — что воинъ, надъ головою котораго такъ часто развѣвались побѣдоносныя знамена Австріи, имѣетъ прежде всего право на сочувствіе своихъ собственныхъ...

— Корпакъ-басма!—нетерпѣливо крикнулъ Мошко, чѣмъ напугалъ маленькаго человѣчка и заставилъ его быстро отступить за стойку. Но нашъ ораторъ скорѣе пожертвовалъ-бы

жизнью, чѣмъ оставилъ-бы недоконченнымъ одинъ періодъ въ своей рѣчи.

— ...Своихъ собственныхъ единовѣрцевъ, — продолжалъ онъ изъ своего надежнаго убѣжища, — и конечно не напрасно будетъ взывать къ испытанному патриотизму, къ просвѣщенной гуманности...

— Это ваше дѣло! крикнулъ Мошко и подвинулся къ стойкѣ.

Бургомистръ поблѣднѣлъ и ретировался къ двери сосѣдней комнаты.

— ...Просвѣщенной гуманности высокоуважаемаго комитета, — пролепеталъ онъ и затворилъ за собою дверь.

— Я еще вернусь къ вамъ! сердито крикнулъ ему въ слѣдъ Мошко.

Долго послѣ того, не зная, что предпринять, бродилъ онъ по городу, окруженный уличными мальчишками и обмѣниваясь съ ними самыми утонченными любезностями; но наконецъ рѣшился все таки послѣдовать совѣту бургомистра и отправился къ представителю еврейской общины.

Старый и набожный Натанъ Грюнъ также былъ въ 1848 г. поручикомъ національной гвардіи, но реторику онъ за это время не изучилъ и вообще безъ шума довольствовался своею должностью, давашею ему привилегію носить не ружье, а гораздо менѣе опасную саблю, такъ какъ она не могла же сама собою выстрѣлить!

— Проваливай! — коротко скомандовалъ онъ Мошкѣ; — мы взяли на себя обязанность заботиться о нашихъ бѣдныхъ, — а ты не нашъ!

Мошко съ минутой не отвѣчалъ. Онъ зналъ, что дѣло идетъ о его участіи и потому сдержалъ гнѣвъ, кипѣвшій въ его груди.

— Отчего же это вы не считаете меня больше евреемъ? — спросилъ онъ; — я все еврей и довольно вытерпѣлъ за это. А развѣ у насъ въ книгахъ не написано: «будь сострадательнъ къ безпомощнымъ?»

Натанъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него; онъ не ожи-

даль этого тона. И этот старикъ былъ добрый, благотвори-
тельный человѣкъ, ежегодно совершавшій множество добрыхъ
дѣлъ. Будь человѣкъ, стоявшій передъ нимъ въ настоящую
минуту, христiанинъ, турокъ, язычникъ, Натанъ не допустилъ-
бы, чтобы вышеупомянутыя слова рабби Гиллеля были произ-
несены даромъ. Но передъ нимъ находился еврей, «изъ упрям-
ства огорчившій Бога»,—а такого грѣха онъ никакъ не могъ
оправдать. «Ступай, ступай!» повторилъ онъ жестко и рѣзко.

На это Мошко возразилъ также однимъ словомъ—такимъ
титоломъ, какого до сихъ поръ никто не давалъ старику На-
тану,—и снова вышелъ съ гордымъ и надменнымъ видомъ на
улицу. Но бодрость его сокрушилась. Теперь онъ убѣдился,
что не зачѣмъ больше ему обращаться къ своимъ единовѣрцамъ,
а выслушивать новую рѣчь г. бургомистра для него тоже не
было особенно желательно. «Ну, чтожь, пусть будетъ такъ!—
ворчалъ онъ;—коли Богу кажется, что Онъ еще мало наказалъ
меня, коли Онъ хочетъ еще, чтобъ старый солдатъ кинулся съ
отчаянiя въ воду, какъ собака,—пусть будетъ такъ!»

Но и этотъ порывъ отчаянiя продолжался у него недолго.
Снова сталъ онъ ломать себѣ голову надъ придумыванiемъ ка-
когонибудь спасительнаго исхода. Не обратиться-ли ему къ
Гаврилѣ? Мошко зналъ, что старый товарищъ, не смотря на
сопротивленiе своей голубки, сдѣлаетъ для него все возможное,
но гордость не позволяла ему остановиться въ концѣ концовъ
на профессiи нищаго. И еще болѣе возмущало его перспекти-
ва—просить подаянiя въ присутствiи Федьки; въ этомъ случаѣ
дѣйствовало то самое чувство, которое подавляло въ немъ вся-
кую мысль о свиданiи съ Казей.

— Лучше умереть, чѣмъ идти къ ней въ такомъ видѣ!—
говорилъ онъ про себя, шагая по рыночной площади въ са-
момъ мрачномъ настроенiи и подымая голову только при встрѣчѣ
съ кѣмънибудь. Вдругъ онъ услышалъ свое имя.

— Мошко!—крикнулъ кто-то хриплымъ голосомъ, — здорово,
старина, какъ поживаешь?

Инвалидъ оглянулся вокругъ, но на всей площади не было

ни души; только одинъ уличный мальчишка издалека показывалъ ему языкъ.

— Мошко! обозвали его снова,—и тутъ онъ догадался, что голосъ раздавался въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ отъ него. Онъ стоялъ въ эту минуту передъ городскимъ пожарнымъ депо, двери котораго были отворены.

— Ступай сюда, старина!—донеслось до него изъ глубины темнаго помѣщенія.

— Валеріанъ!—воскликнулъ инвалидъ и, дрожа отъ радости, ступилъ на порогъ;—неужто это ты, мой старый шлофъ? (шлофъ на славянскомъ солдатскомъ жаргонѣ значитъ товарищъ по постели).

— А кто же иной?—послышалось въ отвѣтъ, и съ постели, стоявшей въ заднемъ углу комнаты, поднялась длинная фигура, направившаяся къ Мошкѣ. Это былъ Валеріанъ Стримко, сынъ крестьянина изъ Стараго Барнова, служившій въ одномъ полку съ Мошкой и десять лѣтъ спавшій съ нимъ на одной постели; совершили они вмѣстѣ походъ подъ начальствомъ Радецкаго, пока наконецъ въ сраженіи при Новарѣ неприятельская пуля не раздробила у Валеріана правую ногу. Мошко вынесъ его на собственныхъ плечахъ изъ огня и потерялъ всякую надежду когда-либо снова встрѣтиться съ нимъ. И вотъ Валеріанъ снова стоялъ передъ старымъ товарищемъ, такой здоровый, упитанный! Толстый носъ такъ весело блисталъ на кругломъ лицѣ! Только сѣрый пожарный мундиръ, облекавшій его фигуру, оставлялъ много желать на счетъ блеску и изящества; надо было даже удивиться, какъ эти лохмотья еще держались на тѣлѣ. Но это была вина не обладателя ихъ, а барновскихъ градоправителей, со своимъ Демосееномъ во главѣ.

Товарищи крѣпко обнялись и были оба глубоко растроганы.

—Ахъ, ты старина, старина!—сердито говорилъ Валеріанъ и отиралъ слезы;—три дня какъ вернулся, и до сихъ поръ

ко мнѣ ни ногой! А ужь конечно никого ты не порадовалъ своимъ возвратомъ такъ какъ меня!

— Вѣрю, очень вѣрю! отвѣчалъ Мошко съ грустной улыбкой и рассказалъ, какой пріемъ нашель онъ въ Барновѣ. Честный Валеріанъ сильно разсердился и поклялся, что скажетъ бургомистру и Натану серьезное словечко на этотъ счетъ, — «только одно словечко, Мошко, но они его зарубятъ себѣ на носу!» — «Потому что—гордо прибавилъ онъ—не послушаться меня они не смѣютъ,—я вѣдь городской брандмейстеръ, бассама—ленка!» Но Мошко повидимому не возлагалъ особенно большихъ надеждъ на это посредничество; онъ продолжалъ свои жалобы и сѣтованья, и Валеріану пришлось согласиться, что тутъ дѣло нешуточное.

— Это все проклятые штафирки!—пояснилъ онъ. — Мнѣ они дали это мѣсто оттого, что оно въ ту пору какъ разъ освободилось и я запросилъ съ нихъ дешевле, чѣмъ бралъ прежній. Мнѣ платятъ два гульдена въ мѣсяць; съ моею пенсіей это составляетъ четыре крейцера въ день. Какъ разъ, стало быть, столько, сколько нужно на хлѣбъ, и я могъ бы околѣть съ голоду, еслибы по вечерамъ не находилъ въ кабакѣ добрыхъ пріятелей или молодыхъ олуховъ, которые очень любятъ, чтобъ имъ рассказывали сказки про войну и за это охотно угощаютъ водкой! Прошедшею зимой, когда стояли у насъ жестокіе холода, мнѣ пришлось такъ жутко, что я съ отчаянья завелъ шуры-муры съ одной старой кухаркой. Какъ эта штука меня допекала, ты и представить себѣ не можешь, любезный мой Мошко; конечно, чуть холода минули, я бросилъ ее, но теперь время идетъ опять къ зимѣ, и я боюсь—охъ, ужасно боюсь,—что придется опять связаться съ Магдусей!

Онъ глубоко вздохнулъ и понурилъ голову. И долго сидѣли оба инвалида въ грустномъ, уныломъ молчаніи. Наконецъ Валеріанъ страхнулъ съ себя это настроеніе и снова заговорилъ:

— Тяжело намъ, Мошко, но мы станемъ дѣлится все по братски. Само собою, что ты поселишься у меня; въ этомъ сараѣ

столько мѣста, что на цѣлый батальонъ хватило бы. А на счетъ хозяйства, такъ мы будемъ складывать вмѣстѣ наши шесть крейцеровъ и на нихъ кормиться...

— Или на нихъ вдвоемъ голодать,—перебилъ его Мошко; —нѣтъ, такую жертву я отъ тебя принять не могу....

— Бассама-ленка! — крикнулъ Валеріанъ; — замолчи ты, глупая голова! Мало, что-ли, хлѣба ты подѣлилъ со мной на своемъ вѣку?.. А по вечерамъ мы станемъ ходить вмѣстѣ въ кабаки и рассказывать исторіи про войну... Только одно условіе, Мошко,—что бы я ни выдумалъ, ты ни гу-гу! Оттого что ты и представить себѣ не можешь, какіе кровожадные всѣ эти олухи! Попробуй ты смилоститься хоть надъ ребенкомъ во чревѣ матери, ни капли водки не получишь!

—Такъ ради этого ты побывалъ и на моихъ похоронахъ въ Веронѣ? спросилъ Мошко и рассказалъ то, что слышалъ на этотъ счетъ отъ кузнеца.

—Да, ради этого,—серьезно и живо подтвердилъ Валеріанъ. —Въ тотъ вечеръ мнѣ понадобился такой герой, который сперва изрубилъ бы дюжины три итальянцевъ, а потомъ дался бы въ руки только цѣлой ротѣ. Вотъ я и выбралъ тебя, тѣмъ болѣе, что ты и здѣшній, и мой лучший пріятель. Всѣ ужасно растрогались, когда я рассказалъ о твоей смерти и богатыхъ похоронахъ, а Грицко Стесякъ заплатилъ за все, что я выпилъ. «Этотъ жидъ былъ славный малый,—сказалъ онъ—я его зналъ очень близко!» Ну, какъ я увидѣлъ, что эта исторія такъ всѣмъ понравилась,—такъ и сталъ пересказывать ее почаще. Все изъ дружбы къ тебѣ! Собственно говоря, мнѣ слѣдовало бы разсердиться на тебя за то, что ты вдругъ сыгралъ со мною такую штуку—вернулся живой! Но я прощаю тебѣ—и мы заживемъ по братски. Не унывай!—кое-какъ перебиваться будемъ. А коли зимою опять придется круто, такъ вѣдь и ты можешь....

Онъ остановился, осмотрѣлъ товарища и, покачавъ головой, продолжалъ съ добродушной улыбкой:

— Нѣтъ, на этотъ счетъ твое дѣло плохо! Такого какъ

ты и осьмидесятилѣтняя не захочетъ! Да къ тому-же ты и еврей! Но не кручинься объ этомъ: я заставлю Магдусю посылать сюда щи на двоихъ!.. И такъ, по рукамъ!..

Такимъ образомъ, дѣло было улажено. Въ тотъ-же вечеръ Мошко перенесъ свою котомку въ пожарный сарай и расположился въ одномъ изъ угловъ его. Но остальные пункты прекрасной программы Валеріана выполнены только отчасти. Мошко рѣдко соглашался брать на свою долю половину «хозяйства»; онъ довольствовался крохами, которыхъ однако не хватало для предохраненія его отъ голода. Еще рѣже удавалось Валеріану склонять его въ кабакъ къ изложенію въ популярной формѣ событій изъ послѣдней эпохи австрійской исторіи и къ принятію за это угощенія отъ благоговѣйно внимательныхъ слушателей. Мошко былъ отнюдь не прочь рассказывать о своихъ геройскихъ похожденияхъ, но ни грубая солдатская жизнь, ни нищета не убили въ немъ врожденной деликатности настолько, чтобъ онъ согласился обратить должъ въ профессію. «Я не хочу, чтобъ на меня смотрѣли, какъ на стараго бездѣльника, который выманиваетъ себѣ всякими небывлицами рюмку—другую водки»—возражалъ онъ своему изумленному товарищу.

Когда же холодъ и потребность въ подкрѣпленіе приводили его въ кабакъ, всѣ посѣтители-крестьяне приходили въ восторгъ, и на устахъ хозяина показывалась радостная улыбка: ужъ коли Мошко рѣшался пуститься въ сочиненіе небывлицъ, то онъ лгалъ невообразимо, и негодованіе, стыдъ, наполняли при этомъ его душу, подбивали его фантазію на самыя необыкновенныя измышленія. Въ одной изъ этихъ исторій, на примѣръ, ефрейторъ Мошко Пармскій, находясь во главѣ трехъ солдатъ, взялъ въ плѣнъ короля Карла Альберта, посадилъ его на свинью и въ такомъ видѣ доставилъ императору въ Вѣну; это повѣствованіе привело въ неописанный энтузіазмъ даже Валеріана, и онъ воскликнулъ: «Много умѣю я самъ рассказать и не мало выслушалъ рассказовъ на своемъ вѣку, но съ Мошкой сравниться не можетъ никто на свѣтѣ! Съ нынѣшняго дня буду

держатъ свой языкъ на привязи, и пусть говоритъ онъ одинъ, — хотя бы мнѣ пришлось издохнуть отъ жажды!» Но до этого печальнаго положенія ему не пришлось дойти; Мошко по прежнему рѣдко вступалъ съ нимъ въ конкуренцію и проводилъ длинные, холодные вечера въ своемъ сараѣ, совершенно одинокій и погруженный въ мрачныя мысли.

Плохо, очень плохо жилось бѣдному инвалиду; какъ ни старался онъ выказать, что относится съ полнымъ презрѣнiемъ къ обращенiю съ нимъ его согражданъ, но на самомъ дѣлѣ онъ сильно страдалъ отъ этого, а еще сильнѣе — отъ голода и холода. Единственнымъ утѣшительнымъ лучемъ въ этой печальной тьмѣ была радость, которую онъ ощущалъ, глядя на своего сына, отношенiя къ которому принимали у него все болѣе и болѣе дружескiй характеръ. Правда, Мошко тщательно подавлялъ въ себѣ проявленiе всей той любви, которая наполняла его сердце, но Федька чувствовалъ ее, или, можетъ быть, въ немъ говорилъ таинственный голосъ крови; онъ относился къ странному старику привѣтливо, и каждый разъ, какъ Мошко приходилъ къ нимъ въ гости, просилъ навѣщать ихъ почаще. Казя поддерживала сына въ этихъ чувствахъ, насколько это было возможно безъ обнаруженiя ея тайны; она относилась съ глубокимъ состраданiемъ къ милому другу своихъ молодыхъ лѣтъ, неоднократно предлагала ему, чрезъ посредство Гаврилы, денежную помощь и просила навѣстить ее. Но отъ помощи Мошко постоянно отказывался, а визитъ тоже все откладывалъ, хотя каждый разъ обѣщалъ побывать непременно. Мало того: онъ избѣгалъ даже встрѣчи съ Казей и когда однажды завидѣлъ ее издалека, то пустился бѣжать. Какъ знать, что руководило имъ въ этомъ случаѣ! Быть можетъ, — сердце человѣческое неисповѣдимо! — быть можетъ, тщеславіе? Его пугала, можетъ быть, мысль — появиться передъ женщиною, нѣкогда любившею его, въ такомъ жалкомъ видѣ?..

На кузницѣ онъ бывалъ часто, хотя конечно рѣже, чѣмъ влекло туда его сердце. Причиною того была голубка; каждый разъ какъ появлялся онъ въ ея жилищѣ, начиналась бу-

ря, длившаяся до тѣхъ поръ, пока онъ не уходилъ, — а эти оскорбленія были слишкомъ тяжелы для него, потому что онъ долженъ былъ переносить ихъ въ присутствіи Федьки! Но не одно это обстоятельство омрачало и единственную радость его горемычной жизни. Федька очень любилъ «приключенія», и хотя инвалиду лгать здѣсь было еще тяжелѣе чѣмъ въ кабацѣ, но онъ все таки охотно исполнялъ желанія сына. «Богъ проститъ мнѣ! — думалъ онъ; — вѣдь только этимъ я и могу порадовать моего ребенка!» И въ каждое свое посѣщеніе онъ рассказывалъ парню столько правды и небылицъ, сколько тотъ могъ выслушать. Но смертельный ужасъ овладѣлъ имъ, когда однажды Гаврило отвелъ его въ сторону и шепнулъ ему: «Послушай ты, неблагодарный жидъ, я не хочу упрекать тебя, а только знаешь, что ты здѣсь нехотя надѣлалъ много бѣды! Правда, ты никогда не былъ такой догадливый, какъ я, а твой теперешній шрамъ на головѣ еще больше пришибъ тебя, но все таки можно бы тебѣ догадаться, какія штуки сотворилъ ты съ нашимъ парнемъ. Онъ вѣдь теперь только и бредитъ что о солдатскомъ мундирѣ! Въ прошедшій наборъ мнѣ съ трудомъ удалось удержать его, надѣюсь, что устрою это и будущей весной, но коли эта мысль засядетъ у него въ мозгу слишкомъ плотно, такъ въ концѣ концовъ онъ, чего добраго, уйдетъ добровольцемъ! Прежде онъ слушался совѣтовъ и моихъ и своей матери, но съ той поры, какъ ты сталъ ему рассказывать свои небылицы, малый опять и рветъ, и мечетъ! Недавно я говорилъ на этотъ счетъ съ сестрой. — «Казя — говорю — коли нужно, я этого проклятаго жида вытолкаю отъ себя, хоть онъ мнѣ и пріятель». А она, такая добрая, говорить: «Нѣтъ, не тронь его; онъ и безъ того такой убогій, жалкій! Лучше ты потолкуй съ нимъ по пріятельски, онъ намъ самъ поможетъ образумить Федьку!» Ну, вотъ я и толкую; а теперь, Мошко, или исправляй ты бѣду, что надѣлалъ, или проваливай ко всѣмъ чертямъ!»

Никакими словами не выразишь, какъ забилось сердце несчастнаго, когда онъ выслушалъ эту рѣчь. «Сдѣлаю все, что

въ моихъ силахъ» — чуть слышно проговорилъ онъ и вышелъ, но черезъ минуту упалъ на скамейку, стоявшую передъ кузницей и поднялъ руку къ небу. Изъ устъ его не вылетѣло ни одного звука, но сердце молило: «Господи! сжался, сжался же наконецъ надо мною и не дай мнѣ дожить до того, чтобы мои собственныя слова втокнули моего сына въ то бѣдствіе, отъ котораго я самъ такъ страдаю! Сжался! Я не могу предложить себя въ жертву Тебѣ, потому что все, что у меня было, Тобою же отнято, — но крѣпко, крѣпко молюсь: сжался!»

Съ этого дня — то было въ январѣ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его возвращенія — Мошко сталъ посѣщать кузницу чаще. Чтобы избѣгать встрѣчъ со злою Вероней и имѣть возможность безпрепятственно оставаться съ сыномъ, онъ всегда приходилъ по вечерамъ, когда Федька работалъ одинъ и затѣмъ проводилъ все въ порядокъ. Молодой человѣкъ съ удовольствіемъ принималъ эти посѣщенія и почти каждый разъ ухитрялся чѣмъ нибудь угостить своего новаго пріятеля.

— Ышь, ѣшь, — говорилъ онъ, — я вѣдь утощаю отъ сердца, да и ты щедро платишь мнѣ твоими чудесными рассказами.

Рассказы эти по прежнему имѣли основною темою солдатскую жизнь, — только теперь Мошко выставлялъ на видъ темныя стороны ея. Молодой человѣкъ терпѣливо выслушивалъ сѣтованія, часто высказывалъ вздохами и искреннее сочувствіе къ нимъ, но затѣмъ желалъ и награды за печально проведенныя минуты.

— Ну, теперь давай приключеньице! — воскликнулъ онъ; — расскажи-ка, какъ ты посадилъ на свинью и привелъ въ Вѣну итальянскаго короля?

Однажды Мошко рѣшился наконецъ повернуть дѣло.

— Федька, — смиренно сказалъ онъ, — все это я тебѣ лгалъ и лгу! Коли бы мнѣ вправду удалось поймать Карла Альберта и привести его въ Вѣну, на свиньѣ-ли, на лошади ли, это все равно, — я не сидѣлъ бы теперь здѣсь, императоръ щедро

наградилъ бы меня. Ты только самъ подумай—можетъ ли ефрейторъ взять въ плѣнъ короля?

Федька былъ сильно изумленъ.

— Такъ ты это все лгалъ? спросилъ онъ.

— Да,—чуть слышно отвѣчалъ солдатъ, но черезъ секунду снова собрался съ духомъ, и продолжалъ:— Меня утѣшаетъ только то, что ни одинъ мало-мальски разумный человѣкъ не вѣрилъ мнѣ! Развѣ такой вотъ, какъ ты, молодой простакъ, которому самому хочется влѣзть въ эту всю скверность!

— Гм! въ смущеніи произнесъ Федька и замолчалъ.

Онъ и всю остальную часть вечера оставался молчаливымъ и угрюмымъ и при прощаньи со своимъ собесѣдникомъ не попросилъ его, по обыкновенію, не забывать ихъ. Но Мошко, несмотря на это, ушелъ гордый и веселый. «Я надѣлалъ бѣду—думалъ онъ—я и исправлю ее!»

Но предстоявшая ему работа была не изъ тѣхъ, которыя дѣлаются въ одно мгновеніе.

Въ слѣдующее посѣщеніе инвалида Федька снова принялъ его очень дружески, но когда Мошко снова принялся рассказывать о своихъ бѣдствіяхъ, онъ остановилъ его словами:

— Этого уже не исправишь, старина! Расскажи лучше что нибудь веселенькое изъ твоихъ похожденій... Ну, стало быть, исторія съ итальянскимъ королемъ—вранье? Но по крайней мѣрѣ Радецкаго въ одной рубашкѣ ты на самомъ дѣлѣ видаль?

— И это неправда,—отвѣчалъ Мошко,—да если бы и видаль, что могло въ этомъ быть такого радостнаго для меня?

На этотъ вопросъ Федька не нашелся что отвѣчать, но тѣмъ не менѣе настоятельно продолжалъ:

— Но въ плацѣ ты его навѣрно видѣлъ и онъ говорилъ съ тобою?

— Говорилъ? Да ты подумай: станетъ маршалъ разговаривать съ ефрейторомъ?

— Такъ даже и это неправда?—сердито проворчалъ Федь-

ка;—ну, ужъ послѣ того не знаю, чему еще изъ твоихъ словъ можно вѣрить...

— Только тому, что я говорю теперь, успѣвши замѣтить Мошко.

Подобныя бесѣды возобновлялись часто, но у инвалида все не хватало духу поговорить съ юношей совершенно откровенно. Срокъ рекрутскаго набора приближался, и все больше и больше страшился бѣдный отецъ, что Федька воспользуется этимъ случаемъ и пойдетъ въ добровольцы. Теперь Мошко уже каждый вечеръ приходилъ на кузницу, не смотря на очень значительное разстояніе, не смотря на ужасную погоду, такъ какъ наступилъ уже мартъ и наступленіе весны, какъ всегда бываетъ въ этой мѣстности, возвѣщалось безконечными бурями и ливнями. Напрасно вѣрный товарищъ, Валеріанъ, старался удерживать его. «Бассама-ленка!—ругался онъ,—этихъ прогулокъ, подрядъ каждую ночь, не выдержать никогда гнилыя кости! Ты на себя не похожъ, старина, и я боюсь, что когданибудь ты такъ на дорогѣ и останешься!» Но Мошко качалъ головой, со вздохомъ повторяя: «нельзя, надо!» и пускался въ путь. Рвеніе его усилилось, когда онъ замѣтилъ, что Федька начинаетъ не довѣрять ему и обращаться съ нимъ все суровѣе и суровѣе. «Господи!—продолжалъ молить онъ,—повторяю Тебѣ, что мнѣ нечѣмъ отблагодарить Тебя, но—сжался!»

Съ этою молитвою отправился онъ однажды на кузницу въ такую ночь, когда шелъ проливной и холодный какъ ледъ дождь, а ночь была такъ темна, что даже ему, наизусть знавшему эту дорогу, приходилось идти ощупью. Тѣло его дрожало какъ въ лихорадочномъ ознобѣ, голова горѣла, старая рана на лбу причиняла адскую боль. Съ каждымъ новымъ шагомъ усиливалась въ немъ боязнь лишиться чувствъ, но онъ дѣлалъ сверхъестественныя усилія надъ собою и пробирался все дальше и дальше.

Наконецъ блеснулъ передъ нимъ свѣтъ изъ кузницы, но прежде чѣмъ Мошко дошелъ туда, онъ погасъ. Федька запи-

раля дверь какъ разъ въ ту минуту, когда бѣдный инвалидъ, едва держась на ногахъ, очутился передъ нимъ.

— Господи Іисусе!—въ испугѣ и крестясь крикнулъ юноша;—это ты старина? Такъ поздно—и въ такую ночь!

— Я запоздалъ въ дорогѣ!—отвѣчалъ инвалидъ.—Вѣдь ты знаешь, что я прихожу сюда каждый вечеръ!

Федька подвелъ его къ печкѣ и усадилъ на стулъ; потомъ поднесъ лампу къ его лицу и, опять перекрестившись, сказалъ:—Господи! на кого ты похожъ!

— Это пустяки!—возразилъ Мошко;—я привыкъ ко всякой погодѣ... Я пришелъ сюда... оттого что...

— Оттого что ты хотѣлъ поговорить со мною—перебилъ Федька, и глаза его наполнились слезами,—оттого что тебѣ хочется урезонить меня не идти въ солдаты!... Всѣ эти дни ты вѣдь только за этимъ приходилъ сюда, бѣдный ты, убогій человѣкъ!.. Все только изъ-за любви ко мнѣ!.. О, пусть ка теперь кто нибудь попробуетъ сказать мнѣ, что у еврея нѣтъ сердца...

Мошко съ изумленіемъ смотрѣлъ на него. Совсѣмъ не такимъ былъ Федька ни вчера, ни третьяго дня. Но не обманывался ли старикъ на счетъ этой внезапной задумчивости и привѣтливости? Не звучала ли въ этихъ словахъ молодого человѣка только горькая насмѣшка?

— Я... съ добрымъ намѣреніемъ... нерѣшительно началъ Мошко.

— Я знаю,—перебилъ его Федька;—знаю съ нынѣшняго утра. Прости мнѣ, добрый человѣкъ, что я обидѣлъ тебя! Видишь ли, когда ты вдругъ повелъ иные разговоры, чѣмъ прежде, и сталъ приходить сюда каждый день и давать мнѣ разные совѣты, я,—тяжело, а нечего дѣлать, надо со стыдомъ совнаться,—я и подумалъ, особенно какъ сообразилъ, что не изъ-за чего тебѣ мною особенно интересоваться и что ты одобряешь еврей и нищій: вѣрно—подумалъ я—Гаврило и моя мать наняли тебя за деньги отговаривать меня отъ солдатчины. Оттого-то я въ послѣднее время былъ съ тобою такой

непривѣтливый! Но сегодня и дядя, и мать всѣми святыми покліялись мнѣ, что ты дѣлаешь это по доброй волѣ, и тутъ-то у меня въ душѣ все совѣтъ перевернулось...

— Оставь, это все пустяки!—сказаль старый солдатъ, дрожа отъ радости;—скажи мнѣ лучше, какъ ты рѣшился?

— А какъ мнѣ было не рѣшиться послѣ того, какъ ты принесъ моей матери такую вѣсть отъ моего умирающаго отца?...

— Отъ... твоего... отца? едва могъ выговорить Мошко.

— Вѣдь ты его зналъ?

— Какже... я... былъ его пріятель...

— Ахъ ты, мой старый, добрый Мошко!—воскликнулъ Федька, смѣясь сквозь слезы,—опять ты принялся за старое? Мой отецъ былъ знатный полякъ и потомъ служилъ офицеромъ въ твоемъ полку... какъ же онъ могъ быть твоимъ *пріятелемъ*?

У бѣднаго старика въ головѣ мутилось. Но онъ призывалъ на помощь всѣ свои силы, потому что чувствовалъ, какое рѣшительное значеніе должны были имѣть въ эту минуту его слова.

— А все таки мы были съ нимъ пріятели,—потвердилъ онъ,—не смотря на разницу и въ положеніи, и въ вѣрѣ! Будь иначе, развѣ онъ повѣрилъ бы мнѣ, умирая на полѣ битвы, свою тайну, развѣ поручилъ бы мнѣ передать твоей матери...

— Господи!—перебилъ Федька въ величайшемъ волненіи и подымая руки къ небу,—благодарю тебя за то, что это правда!.. Надо тебѣ знать, Мошко,—продолжалъ онъ,—что я повиненъ еще въ одномъ грѣхѣ: до сихъ поръ съ самаго моего рожденія я вѣрилъ каждому слову моей матери, никогда не считалъ ее лгуньей,—но когда сегодня, чтобы сломить мое упрямство, она наконецъ сказала мнѣ ту вѣсть, что ты принесъ изъ Италіи, у нея былъ такой сконфуженный видъ, что я до сей минуты все подозрѣваю, не выдумала ли она все это нарочно? Слава Тебѣ Господи, ты говоришь тоже самое, что и она! Скажи, ты не условливался съ моею матерью?

— Нѣтъ!

— Какъ Богъ святъ, нѣтъ?

— Какъ Богъ святъ!

— Ну, такъ стало быть, все, что она рассказала мнѣ, *непременно* правда! А теперь и я тебѣ скажу, отчего мнѣ всегда такъ сильно хотѣлось быть солдатомъ. Все изъ-за моего отца! Видишь ли, когда я былъ еще совсѣмъ неразумный мальчикъ, то разъ спросилъ мать: «Скажи ты мнѣ наконецъ, кто мой отецъ?» Она горько заплакала и говоритъ: «Имени его я тебѣ сказать не смѣю,—но онъ солдатъ! Уже ребенкомъ былъ онъ очень пристрастенъ къ военной службѣ; потомъ разхотѣлось, да ужъ ничего нельзя было подѣлать: взяли его въ рекруты и долженъ онъ по неволѣ служить!»—«А когда онъ вернется?»—спрашиваю. — «Господь знаетъ! — отвѣчаетъ она, — вѣрно совсѣмъ останется тамъ, у солдатъ!» Я въ ту пору былъ маленькій, а когда выросъ, то уже ни разу не спросилъ мать объ отцѣ, потому что зналъ, какъ тяжело ей было это; но ея слова навсегда засѣли у меня въ памяти. Вотъ отъ этого, Мошко, мнѣ такъ хотѣлось сдѣлаться солдатомъ. Отцу всякій сынъ хочетъ подражать, и мнѣ казалось, что у меня тоже большая страсть къ военной службѣ. А притомъ—ты только не смѣйся надо мною, старина,—я думалъ, что когда пойду въ солдаты, то, можетъ быть, гдѣ нибудь встрѣчусь со своимъ отцемъ. Сегодня я сознался въ этомъ моей матери и сказалъ ей: «Я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не найду его!» Ты понимаешь, что послѣ этого она должна была все рассказать мнѣ... Но пожалуйста, повтори мнѣ еще разъ тѣ слова, которыя прислалъ мнѣ черезъ тебя мой умирающій отецъ. Что говорилъ онъ?

Старикъ выпрямился во весь ростъ, все тѣло его дрожало какъ въ лихорадкѣ, но по лицу былъ разлитъ какой-то особенный блескъ.

— Передай моему сыну,—сказалъ онъ торжественно—что я желаю, чтобы онъ остался при своемъ ремеслѣ и не шелъ,

очертя голову на свою же гибель. Передай моему сыну, что дай Богъ ему быть лучше и счастливѣе своего отца!

— Да, да,—воскликнулъ Федька,—тоже самое рассказала мнѣ мать, хотя собственно слова она не такъ хорошо запомниша... Ну, послѣ этого я конечно навсегда распрощусь съ бѣлымъ мундиромъ добровольцевъ. Миръ праху моего отца!

— Миръ его праху! торжественно повторилъ Мошко, между тѣмъ какъ слезы обильно текли по его щекамъ. Потомъ онъ успокоился и спросилъ:

— И такъ ты останешься здѣсь и, на сколько это будетъ зависѣть отъ твоей доброй воли, никогда не пойдешь въ солдаты?

— Никогда!

— Какъ Богъ святъ?

— Да!

— Хорошо... Теперь, стало быть, я могу идти!

— Идти?—крикнулъ Федька. — Нѣтъ, ты останешься! Я не пущу въ такую ночь слабаго, больного человѣка... Ты переночуешь у меня!

— Нѣтъ! За это тебѣ сильно достанется отъ твоей тетки Верони. Я не хочу, чтобъ изъ-за меня у тебя выходили неприятности!

Никакія увѣщанія и возраженія Федьки не помогли.

— Такъ я по крайней мѣрѣ провожу тебя! просилъ молодой человѣкъ.

— Къ чему?—сказалъ Мошко, съ улыбкой отворяя дверь;— я знаю дорогу лучше тебя.

Ливень ударилъ ему въ лице такими крупными каплями, что онъ отступилъ на одинъ шагъ, — но тутъ-же плотнѣе завернулся въ свой дырявый плащъ, сказалъ: «Спасибо!» и исчезъ въ темнотѣ.

— За что спасибо?—крикнулъ ему во слѣдъ Федька;—это мнѣ слѣдуетъ благодарить тебя! До завтра, конечно?

Но ему отвѣчало только завываніе бури. Мошко, повидимому, уже не слышалъ послѣднихъ словъ.

XV.

Буря и ливень не хотѣли прекратиться ни на минуту въ эту ужасную ночь; однообразный и зловѣщій шумъ продолжался непрерывно. Федька не могъ заснуть отъ душевнаго волненія, и каждый разъ какъ вѣтеръ стучалъ въ окно съ особенною силою, онъ въ испугѣ вскакивалъ съ постели; ему все казалось, что гдѣ-то, въ темной степи, раздается голосъ инвалида, зывающій о помощи... Юноша горько упрекалъ себя въ томъ, что отпустилъ старика, и чуть только стало свѣтать, онъ, побуждаемый необъяснимымъ страхомъ, поспѣшилъ въ городъ, чтобы убѣдиться, что Мошко благополучно вернулся домой.

За отвратительною ночью послѣдовало отвратительное утро; дождь пересталъ, но густыя тучи еще висѣли надъ землею, и сырой, холодный вѣтеръ проносился короткими, рѣзкими порывами по грязной степи. Молодой человѣкъ испытывалъ весьма тяжелое ощущеніе, быстро шагая по дорогѣ и по временамъ останавливаясь для того, чтобы окинуть взоромъ окружавшее его пространство на столько, на сколько это было возможно для глаза въ такомъ сѣромъ и густомъ сумракѣ. «И что это я выдумалъ?—говорилъ онъ громко самъ себѣ;—ничего не могло случиться съ нимъ! Совсѣмъ напрасное безпокойство!» — Тѣмъ не менѣе его все влекло впередъ, и по прежнему останавливался онъ и осматривался далеко вокругъ себя. Ему казалось, что вотъ-вотъ онъ увидитъ на самомъ дѣлѣ то, что рисовала ему разгоряченная фантазія: жалкую фигуру въ сѣромъ плащѣ, безжизненно лежащую въ грязи... Но ничего такого не попалось ему на глаза, и онъ вздохнулъ свободнѣе, когда поровнялся съ первыми домами городка. На улицахъ не было еще замѣтно ни малѣйшаго движенія, онѣ оставались пустыми, всѣ двери были затворены. Только во дворѣ доминиканскаго монастыря шевелилась прислуга. «Эй, Федька! — крикнули ему оттуда, — куда такъ рано?»

Но Федька не отвѣчалъ; сильно поблѣднѣвши, остановился

онъ передъ человѣкомъ, поспѣшно шедшимъ къ нему на встрѣчу. Это былъ Валеріанъ. И онъ тоже испугался, увидѣвъ Федьку.

— Развѣ онъ не остался ночевать у тебя?—крикнулъ солдатъ и, получивъ отрицательный отвѣтъ, перекрестился и продолжалъ:—Господи помилуй! Съ нимъ, стало быть, случилась бѣда; идемъ скорѣе!

Они поспѣшили за городъ, оба блѣдные и взволнованные.

— Онъ, можетъ быть, сбился съ дороги, — успокоивалъ Федька.

— Дай Богъ! Только не думаю... Меня страхъ разбираетъ, что онъ самъ съ собою сдѣлалъ что нибудь недоброе...

— Нѣтъ! Нѣтъ! крикнулъ Федька въ ужасѣ и пошелъ еще быстрѣе.

На томъ мѣстѣ, гдѣ ведущая къ кузницѣ тропинка отдѣляется отъ лембергской большой дороги, имъ попался на встрѣчу «чумакъ», украинскій извозчикъ, шагавшій около своего воза, высоко нагруженного солью. Они проходили мимо него не обращая на эту встрѣчу никакого вниманія, когда онъ крикнулъ имъ:

— Эй, вы, послушайте, вы барновцы, что-ли?

— А тебѣ чего?

— Вы барновцы, говорю?

— Бассама-ленка, да!

— Ну, такъ это будетъ ваше дѣло—медленно сказалъ чумакъ; — шагахъ во ста отсюда, на большой дорогѣ, лежитъ старый солдатъ...

— Гдѣ? — закричали оба въ ужасѣ; — отчего ты не подглянь его?

— Да я нешто барновець? Да впрочемъ, спѣшить нечего: старикъ ужъ мертвый! Онъ тамъ у краснаго креста лежитъ!

Погоняемые ужасомъ, кинулись они къ указанному мѣсту. Федька добѣжалъ первый—и съ пронзительнымъ крикомъ упалъ на колѣни передъ недвижнымъ тѣломъ. Зрѣлище было точно то, которое онъ видѣлъ въ своемъ испуганномъ воображеніи:

Мошко лежалъ въ грязи съ почернѣвшимъ лицомъ и закрытыми глазами.

— И это изъ-за меня бѣдный умеръ!—со слезами воскликнулъ молодой человѣкъ;—онъ ночью сбился съ дороги, и упалъ здѣсь безъ чувствъ, и пропалъ!...

Валеріанъ медленно подошелъ къ нимъ; губы его дрожали, но оставались безмолвны. Онъ опустился на колѣни, раскрылъ плащъ товарища и началъ ощупывать его члены. Потомъ приложилъ ухо къ сердцу.

— Федька!—закричалъ онъ;—еще живъ! Надо какъ можно скорѣе снести его домой и позвать доктора!

— Только снести не въ вагъ сарай!—возразилъ юноша,—ему нужна постель, нужна теплая комната. Понесемъ въ кузницу.

— Глухой! А что скажетъ твоя тетка?

— Это ужъ мое дѣло!.. Ну, бери!

Они взвалили тѣло на себя и понесли къ кузницѣ, тою самою дорогой, по которой Мошко шелъ за нѣсколько часовъ до того.

Кузница была заперта, обитатели ея еще спали. Поэтому принесеннаго положили на скамеечку у воротъ и, между тѣмъ какъ Валеріанъ поддерживалъ его, Федька отправился въ домикъ. Старый солдатъ напряженно прислушивался, но тишина длилась довольно долго. Наконецъ, понеслись изъ комнаты громкіе крики, проклятія, жалобы; Гаврило и Вероня орали наперерывъ другъ передъ другомъ, но ихъ голоса покрывались голосомъ Федьки: «Если вы его не примете, я еще сегодня отправлюсь въ рекрутское присутствіе и, какъ Богъ святъ, забрюю себѣ лобъ!» Послѣ этого продолжала ворковать только голубка, а Гаврило замолчалъ и, нѣсколько минутъ спустя, тайкомъ прокрался на улицу, къ Валеріану. «Ахъ!—пробормоталъ онъ со вздохомъ,—что за дѣла такіа! Бѣдный мой Мошка! Я бы тебя сейчасъ всей душой оставилъ у себя, да скажи ты самъ, можетъ развѣ человѣкъ ладить съ бабушкой чорта?»

Мошка не слышалъ этихъ сѣтованій, онъ по прежнему лежалъ

безъ сознанія, и только по временамъ легкое хрипѣніе вылетало изъ его груди.

Наконецъ и Вероня выбушевалась.

— Ахъ!—воскликнула она въ заключеніе, горько рыдая,— кто бы могъ подумать, что я этого парня рошу только для того, чтобы онъ таскалъ ко мнѣ въ домъ мертвыхъ жидовъ! По крайней мѣрѣ снеси ты его въ хлѣвъ, а не на свою постель! Не бери на свою душу хоть этотъ грѣхъ!

Но Федька остался непреклоненъ, уложилъ больного въ своей комнаткѣ и затѣмъ побѣждалъ въ городъ позвать доктора. Валеріанъ и Гаврило остались около Мошки и старались привести его въ чувство, намачивая водкою губы. Больной началъ дышать легче и легче, но глаза были по прежнему закрыты. «Дурной знакъ!—замѣтилъ Валеріанъ;—бѣднякъ ужъ такъ долго не бралъ въ ротъ ни капли чего нибудь вкуснаго, что будь онъ теперь хоть мало-мальски живъ, сейчасъ бы открылъ глаза отъ радости!»

Черезъ часъ пріѣхалъ городской врачъ, очень серьезный, но пріятливый человѣкъ среднихъ лѣтъ. Онъ наклонился къ больному, внимательно осмотрѣлъ его и прописалъ укрѣпляющее средство.

— Это его лихорадка ошеломила,—сказалъ онъ;— она пройдетъ, но упадка силъ, который за этимъ слѣдуетъ, ничѣмъ не поправить. Онъ погаснетъ, какъ лампа, въ которой выгорѣло все масло!

Федька громко зарыдалъ и тревожно спросилъ доктора:

— А еслибъ не эта ночь, могъ бы онъ прожить дольше?

— Конечно! Для человѣка, страдающаго изнурительной лихорадкой, такая прогулка—самое худшее, что только можно себѣ представить. Но эта болѣзнь вообще очень скверная, почти неизлечимая болѣзнь. Нынѣшняя ночь только ускорила конецъ, а не была причиной его...

— И это ради меня приходится ему умереть!—въ отчаяніи воскликнулъ молодой человѣкъ и рассказалъ врачу все, что произошло въ послѣднее время.

Докторъ слушалъ его со вниманіемъ и изумленіемъ. Можетъ быть, этотъ человѣкъ, надѣленный большимъ умомъ и въ тоже время большою добротою и хорошо знавшій человѣческое сердце, догадался уже теперь, что такъ неотступно привлекало Мошку на кузницу. Онъ однако не сказалъ ни слова, но еще разъ подошелъ къ постели и положилъ руку на горячій лобъ больного. «Я завтра буду»,—обѣщаль онъ. И когда Вероня, стоявшая все время у дверей, закричала своимъ пронзительнымъ голосомъ: «не трудитесь ѣздить г. докторъ, я не заплачу вамъ ни гроша»,—онъ и ей не отвѣтилъ ни слова, а только сказалъ Гаврилѣ, провожавшему его до экипажа: «Мнѣ не нужной никакой платы!»

Но толстое лице честнаго кузнеца не прояснилось отъ этого заявленія.

— Ахъ, г. докторъ,—со вздохомъ отвѣчаль онъ,—тутъ рѣчь совсѣмъ не о деньгахъ. Но скажите сами, развѣ можно осквернить христіанскій домъ, допуская въ него умирающаго жида? Вѣдь у насъ въ городѣ есть еврейскій госпиталь,—нельзя ли его туда препроводить? Вамъ это сдѣлать легче, а расходы я на себя возьму!

— Я поговорю съ старшиной, обѣщаль докторъ, сѣлъ въ экипажъ и поѣхаль обратно въ городъ. Сердце его снова ощущало ту скорбь, которая была неизмѣннымъ спутникомъ его въ жизни. Онъ родился въ Подоліи отъ зажиточныхъ еврейскихъ родителей, и собственный горькій опытъ рано познакомилъ его съ двойнымъ гнетомъ, лежавшимъ на евреяхъ его родины—гнетомъ религіозной ненависти другихъ и собственнаго фанатизма. Именно, когда онъ рѣшился образовать себя по нѣмецки, т. е. по европейски, его единовѣрцы провозгласили его еретикомъ, а братья-піары не хотѣли допустить жида въ свою гимназію. Но воля молодого человѣка была сильнѣе этихъ препятствій; онъ отправился въ Вѣну, въ Германію, окончилъ курсъ и затѣмъ началъ практиковать въ Мюнхенѣ. Но сердце неодолимо влекло его на родину; ему жадно хотѣлось увидѣть своихъ стариковъ-родителей, а еще болѣе—сдѣлаться спасите-

лемъ и помощникомъ своихъ угнетенныхъ братьевъ. И вотъ онъ избралъ маленькій, жалкій городокъ мѣстомъ своей дѣятельности и энергически принялся за осуществленіе своей двойной задачи относительно больныхъ и здоровыхъ. Человѣкъ, привыкшій къ яркому свѣту, не легко уживается съ темнотою; но это нисколько не смущало нашего доктора. Безотрадность положенія, окружавшая его со всѣхъ сторонъ, только укрѣпила въ немъ бодрость, и когда друзья называли его мечтателемъ, онъ съ улыбкой качалъ головой и возражалъ: «Оставьте меня, со временемъ вы заговорите иначе!» Но это время не приходило, и лучшіе годы благороднаго дѣятеля проходили въ бесполезной борьбѣ съ слишкомъ сильными врагами и препятствіями. Ему пришлось даже порядочно потрудиться для того, чтобы побѣдить предрасудокъ относительно его собственной личности: христіане ни на минуту не забывали, что онъ «все таки жидъ», а евреи горько упрекали его въ «образованности», только съ большими усиліями успѣлъ онъ, благодаря своимъ высокимъ нравственнымъ качествамъ и своей энергіи въ исполненіи обязанностей, добиться пріязни и уваженія обѣихъ сторонъ. Практика у него была очень большая, — всѣ охотно довѣряли его попеченіямъ свое тѣлесное здоровье; но авторитета нравственнаго онъ не добился. Двѣ практическія цѣли были у него въ виду: основаніе благотворительнаго общества, долженствовавшаго заботиться о немощныхъ больныхъ безъ различія вѣроисповѣданія, и устройство еврейско-нѣмецкой школы. Ни то, ни другое дѣло не удавалось; какъ христіане, такъ и евреи, были противъ всякой совмѣстной дѣятельности, и послѣдніе слышать не хотѣли о школѣ, которая, по ихъ убѣжденію, должна была убить въ ихъ дѣтяхъ всю истинную набожность. Но не даромъ этого молодого человѣка признавали «мечтателемъ»; онъ ясно видѣлъ, что отдѣльный человѣкъ не можетъ сокрушить общій предрасудокъ, но это сознаніе не озлобило его сердца и не лишило его всей энергіи: онъ оставался вѣренъ себѣ въ своей чистой, истинно-благотворительной любви къ людямъ, въ своихъ надеждахъ на лучшіе дни. Оттого-то

рассказъ Фёдки произвелъ на него глубокое впечатлѣніе. Мошку онъ до тѣхъ поръ ни разу не видѣлъ и только кое-что слышалъ о немъ; но ему было отрадно встрѣтить здѣсь чисто-человѣческія отношенія, пренебрегавшія всякими религіозными предрассудками. Умиравшій еврей въ домѣ христіанина,—это было для нашего доктора нѣчто совершенно невиданное! Но прекрасное ощущеніе продолжалось не долго: объ устраненіи его позаботилась Вероня со своимъ визгомъ и Гаврило со своею просьбою. Такимъ образомъ боль, которую чувствовалъ докторъ на обратномъ пути домой, была таже, которая уже столько лѣтъ не оставляла его ни на одинъ день; только теперь она дѣйствовала на него сильнѣе, чѣмъ обыкновенно, потому что слѣдовала за свѣтлою и отрадною минутой. Обѣщанію, данному имъ кузнецу, онъ придавалъ серьезное значеніе, потому что не хотѣлъ, чтобы умирающаго даже въ послѣднія минуты его мучили насмѣшками, укорами, бранью. И онъ остановилъ свой экипажъ передъ домомъ старшины еврейскаго общества и объяснилъ Натану Грюну все дѣло.

Натанъ Грюнъ почтительно выслушалъ его и сказалъ:

— Господинъ докторъ, изъ этого ровно ничего не выйдетъ. Вы знаете, я человѣкъ не крутой. Когда вы вознамѣрились основать благотворительное общество, я объявилъ, что членомъ его не сдѣлаюсь, но платить ежегодно тридцать гульденовъ буду. И когда вы обращались ко мнѣ за пожертвованіемъ въ пользу какого нибудь больного, я постоянно давалъ, не спрашивая, еврей это или христіанинъ. Но человѣка, о которомъ вы хлопчете теперь, принять въ нашъ госпиталь нельзя; онъ давно самъ отрѣшился отъ насъ и отрѣшеннымъ долженъ остаться навсегда. Умереть онъ—мы не откажемъ ему въ мѣстечкѣ на кладбищѣ, потому что благородіе побудитъ насъ сдѣлать добровольно то, что, въ противномъ случаѣ, насъ сдѣлать бы заставили. Вотъ и все!

Объ эту твердость разбивались всѣ доводы, всѣ просьбы доктора.

— Я поступаю такимъ образомъ не изъ мести,—увѣрялъ

Натанъ,—хотя онъ и назвалъ меня, стараго человѣка, собакой. Я поступаю такъ изъ страха Божьяго. За обиду собственно меня я охотно бы простилъ ему; за грѣхъ противъ Бога простить не могу!

— Хорошо,—возразилъ докторъ,—я стану на вашу точку зрѣнія. Допустимъ, что этотъ несчастный совершилъ страшное преступленіе противъ Бога тѣмъ, что остался добровольно служить второй срокъ; допустимъ, что ухаживать за нимъ въ болѣзни было бы грѣшно. Но не считаете ли вы еще болѣе сильнымъ грѣхомъ—дать еврею умереть одинокому, не имѣя около себя единовѣрца, который выслушалъ бы его послѣднюю исповѣдь и читалъ бы умирающему: «внемли, Израиль!..»

— Нѣтъ, г. докторъ. Выслушать исповѣдь умирающаго—дѣло богоугодное, но только потому, что этимъ оказывается ему благодѣяніе. Тутъ цѣль одна—облегчить умирающему сердце. Вы хорошо знаете, что у насъ ни одинъ человѣкъ не можетъ отпустить другому его грѣхи,—передъ Богомъ всѣ мы равны и каждый отвѣчаетъ за себя. И точно также считаетъ за благодѣяніе умирающій, когда въ послѣднюю минуту свою слышитъ онъ подлѣ себя «внемли, Израиль!»—потому что этими словами напоминаетъ ему, что умираетъ только его тѣло, душа же возвращается къ Господу. Но оказывать благодѣяніе «зельнеру» Моше мы находимъ совершенно излишнимъ. И притомъ, откуда вы знаете, что для грѣшника было бы благодѣяніемъ напоминаніе о безсмертіи его души?.. Я знаю, что вы въ настоящую минуту думаете: «Жестокій человѣкъ!» Но иначе я не могу поступить, и если говорить такъ, какъ я говорю съ вами—грѣхъ, то пусть Богъ наказываетъ меня!

— Нѣтъ,—возразилъ врачъ,—не грѣхъ, а печальное заблужденіе! И лѣтъ черезъ пятьдесятъ ваши сыновья и внуки убѣдятся, что вы заблуждались!

— Отъ этого сохранить ихъ Богъ! воскликнулъ Натанъ.

Но оправдалось предсказаніе не его, а его благороднаго противника. Уже теперъ въ Подоліи есть много евреевъ, не менѣе богобоязненныхъ, чѣмъ Натанъ, но иначе относящихся къ по-

добнымъ просьбамъ. Правда, они еще составляютъ исключеніе, но недалеко время, когда и здѣсь одержитъ побѣду чело-вѣчественность!

... Пріѣхавъ въ кузницу на слѣдующій день, докторъ услышалъ неожиданную радостную вѣсть. Гаврило въ смущеніи встрѣтилъ его и сказалъ:

— Вчера, г. докторъ, я, кажется, сдѣлалъ порядочную глупость. Простите, но вѣдь это можетъ случиться и съ такимъ умнымъ чело-вѣкомъ, какъ я,—правда?.. Только что вы вчера уѣхали, я пошелъ прямо къ нашему всендзу въ Коровлю и рассказываю ему все. Онъ какъ крикнетъ: «Что? Жиды къ себѣ въ домъ? Сію минуту выбрось его на улицу,—пусть другіе жиды подберутъ!» Мнѣ, однако, это кажется неладно и я прошу: «Не позволите ли по крайности подержать его, пока за нимъ придутъ изъ города?»—Да что онъ тебѣ, близкій что ли? спрашиваетъ батюшка. «Немножко»—говорю и рассказываю, какъ это мы старые товарищи, и для Федьки что онъ сдѣлалъ. Священникъ съ минуту подумалъ и говоритъ: «Гм! Ну въ такомъ случаѣ кое-какъ можно уладить!» Пошелъ онъ къ своему столу, вынулъ изъ ящика маленькій образокъ св. Гаврила и ласково говоритъ: «Если я продамъ тебѣ этотъ образокъ и напишу на задней сторонѣ мое имя, такъ пусть жидъ даже умираетъ у тебя въ домѣ,—грѣха на душу не возьмешь. Только стоитъ это пять гульденовъ!» Я и сталъ соображать: образокъ стоитъ всего пять крейцеровъ, а какая цѣна имени батюшки,—это вѣдь неизвѣстно!—Хорошо, говорю, батюшка, я подумаю!—Пошелъ домой и на дорогѣ встрѣчаю Казю, сестру мою; она ужъ издали стала грозить мнѣ кулакомъ, а какъ я подошелъ поближе, накинулась на меня и давай кричать: «Развѣ Мошко не былъ всегда твоимъ близкимъ пріятелемъ? Развѣ ты не христіанинъ, которому его Господь и Спаситель приказалъ: возлюби ближняго какъ самаго себя? Чело-вѣкъ умираетъ,—а ты его выбросить хочешь!» Ну, словомъ, перевернула всю мою душу, а сама горько плачетъ, и я самъ сталъ плакать, потому что припомнилъ старое вре-

мя... Тутъ-то я, г. докторъ, образумился. Прихожу къ моей женѣ и говорю ей совсѣмъ по дружески, но рѣшительно: «Если ты скажешь еще хоть одно слово или не будешь варить супъ такъ, какъ слѣдуетъ,—не останется у тебя въ тѣлѣ ни единой цѣлой косточки!» И теперь у насъ въ домѣ тишина и покой, какъ нужно для больного... Хорошо вѣдь я поступилъ, г. докторъ?

— Хорошо и разумно,—отвѣчалъ врачъ и вошелъ въ комнату. Около больного сидѣлъ только Валеріанъ.

— Я послалъ Федьку спать,—доложилъ онъ, отдавая честь по военному;—онъ всю ночь просидѣлъ тутъ, не смыкая глазъ.

— А какъ велъ себя нашъ Мошко?

— Совсѣмъ какъ сумасшедшій, ваше высочородіе! Весь вчерашній день всю ночь только и дѣлалъ, что рубилъ направо и налево, да увѣрялъ, что Федька его сынъ, а я—фельдмаршалъ Радецкій! Гаврилу принялъ за пушку, а Веронию—за древо отъ штандарта... Ну, однимъ словомъ, помѣшанный! Въ себя онъ не пришелъ до сихъ поръ, но шумѣть пересталъ!

Когда докторъ нагнулся къ подушкѣ, Мошко раскрылъ глаза и устремилъ въ пришедшаго дикій взглядъ.

— Нѣтъ,—прошепталъ онъ тревожно,—Федька никогда не долженъ узнать объ этомъ!...

Врачъ снова прописалъ нѣсколько средствъ и, уходя, сказалъ Гаврилъ:

— Не думаю, что онъ умретъ въ этомъ горячечномъ состояніи. Сознаніе вернется прежде, чѣмъ наступитъ смерть.

— Это очень порадуешь мою сестру,—замѣтилъ кузнецъ;—ей такъ хочется поговорить съ нимъ еще разъ и поблагодарить за вѣсти... которыя... я тутъ тоже промахнулся... думалъ, что Яцекъ Глина... а выходитъ... вѣсти...

Между тѣмъ какъ онъ путался такимъ образомъ въ словахъ вслѣдствіе сильнаго смущенія, въ сѣни вбѣжалъ оборванный мальчишка.

— Что тебѣ? сердито крикнулъ Гаврило.

— Меня прислалъ батюшка изъ Коровли. Онъ приказалъ сказать, что для васъ уступаетъ образокъ за три гульдена!

— Благодари батюшку!—отвѣчалъ Гаврило;—образка ужъ не надо!

Докторъ снова погрузился въ размышленія.

— Ахъ,—думалъ онъ,—какая это печальная дилемма, не представляющая никакого выхода! Нѣтъ сомнѣнiя, что этимъ бѣднымъ людямъ необходима религiя и что они упали бы страшно низко, еслибъ ее стали насильственно отнимать у нихъ! А между тѣмъ, одному его религiя повелѣваетъ отказать умирающему во всякой помощи, а другому—выбросить несчастнаго на улицу, если при этомъ нельзя какъ нибудь заработать нѣсколько гульденовъ... Въ настоящемъ случаѣ побѣдила, правда, человѣчественность, но часто ли повторяются такіе случаи? Неизбѣженъ ли такой порядокъ вещей? Дѣйствительно ли вѣра безъ суевѣрiя ничто иное какъ мечта?

Предаваясь этимъ мыслямъ, благородный человѣкъ не подозрѣвалъ, что тотъ же самый поводъ заведетъ его еще глубже въ размышленія о вопросахъ, на которые нѣтъ одного, общаго для всѣхъ, отвѣта, и что въ тоже самое время въ сердцѣ бѣднаго, невѣжественнаго страдальца найдетъ онъ указаніе, какъ каждый отдѣльный человѣкъ долженъ отыскивать подходящій собственно къ нему отвѣтъ изслѣдованіемъ своего собственнаго сердца, наблюденіемъ надъ своею собственною участью...

... Болѣзнь инвалида приняла тотъ ходъ, который предусмотрѣлъ докторъ. Сознаніе возвратилось, жаръ уменьшился, но ослабѣли вмѣстѣ съ тѣмъ силы. Спокойный, съ такимъ кроткимъ и просвѣтленнымъ выраженіемъ, какого нельзя было предположить возможнымъ на этомъ огрубѣломъ лицѣ, лежалъ Мошко, устремивъ взглядъ на сына. «Мнѣ такъ хорошо!—постоянно шепталъ онъ,—я никогда бы не думалъ, что умирать такъ прiятно! Будь надъ Федькою Божье благословеніе за это!» И къ врачу обращалъ онъ слова и взгляды, исполненные глубочайшей благодарности.

Этотъ превосходный человѣкъ прѣзжалъ каждый день. Однажды онъ нашелъ Мошку болѣе слабымъ, но болѣе веселымъ, чѣмъ обыкновенно.

— Что вы за человѣкъ такой! — сказала ему больной, улыбаясь; — вамъ не хуже меня извѣстно, что помочь мнѣ нельзя уже ничѣмъ, а между тѣмъ вы даете себѣ трудъ бывать здѣсь каждый день, только для того, чтобы облегчить старому солдату послѣднія минуты. Вы думаете себѣ: если я буду прѣзжать каждый день и прописывать все новые рецепты, — старикъ повѣритъ, что надежда не потеряна, что его можно спасти! Господи благослови васъ за этотъ обманъ, г. докторъ!

Врачъ принудилъ себя принять веселое выраженіе.

— Обманщикомъ, — сказалъ онъ — меня не называлъ еще ни одинъ изъ моихъ больныхъ! Такъ-то вы благодарите меня, Мошко?... Впрочемъ — прибавилъ онъ уже не столь увѣреннымъ тономъ — я дѣйствительно не убѣжденъ въ опасности...

Но при этихъ словахъ старый солдатъ встревожился.

— Нѣтъ, г. докторъ, — заговорилъ онъ; — не пугайте меня! Мнѣ не слѣдуетъ выздоровѣть, этого не должно быть!... Теперь мы совершенно поквитались съ *Пимъ*; я не желаю, чтобы наши счеты снова начались...

Докторъ покачалъ головой и сталъ щупать пульсъ у больного.

— Вы думаете, у меня опять начался бредъ? — спросилъ Мошко. — Ахъ, докторъ, такимъ умнымъ и разумнымъ, какъ теперь, я не былъ всю мою жизнь! Развѣ вы не понимаете, что я говорю о счетахъ между мной и Богомъ...

— Съ Богомъ не ведутъ счетовъ! — торжественно произнесъ докторъ; — Онъ всеблагъ...

Мошко сдѣлалъ отрицательное движеніе рукою.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — Онъ всеправеденъ. И поэтому съ тѣми людьми, которые этого хоть немно заслуживаютъ, Онъ сводитъ окончательный счетъ уже здѣсь, на землѣ, — а на томъ свѣтѣ пользуетесь только миромъ и спокойствіемъ. Такой счастливецъ и я. Но только теперь, въ настоящую минуту.

Выздоровѣй я, опять пошла бы долги и уплата, опять счета нескончаемые!

Единственный свидѣтель этой бесѣды, добрый Гаврило, до этихъ поръ сидѣлъ у постели, не говоря ни слова. Онъ слушалъ разговоръ, не понимая его: Мошко говорилъ на еврейско-нѣмецкомъ жаргонѣ, докторъ—на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ. Но когда Мошко вошелъ въ такой паеосъ, кузнецъ счелъ долгомъ вмѣшаться.

— Побереги себя, старина, — сказалъ онъ; — вѣдь господинъ докторъ тебѣ добра желаетъ.

— Мы не ссоримся, — съ улыбкою возразилъ врачъ и перевелъ ему слова больного.

— Да, да, г. докторъ, — сказалъ Гаврило — вотъ всегда у него такія смѣшныя рѣчи! По моему все это сумасшествіе, а вотъ Казя, которой я передавалъ его слова, увѣряетъ, что въ нихъ есть свой смыслъ и толкъ. Богъ его знаетъ, можетъ быть, оно и такъ!

И онъ повелъ плечами такъ энергически и скорчилъ такую мрачную физиономію, какъ будто высказанное Казею мнѣніе было для него тяжкимъ личнымъ оскорбленіемъ.

Но докторъ повидимому раздѣлялъ это мнѣніе Кази. Онъ взялъ руку больного и, держа ее въ своей, сказалъ съ грустной улыбкой:

— На сколько мнѣ извѣстна ваша жизнь, вы напрасно навязываете себѣ эту заботу! Если ужъ непременно нужно сводить тѣ счета, о которыхъ вы говорите, то мнѣ кажется, что у васъ, бѣдный мой Моше, остается еще такой изрядный капиталъ, которымъ вы можете жить долго!

— Нѣтъ, г. докторъ, вы ошибаетесь!.. Нисколько вамъ моя жизнь неизвѣстна!

Онъ хотѣлъ приподняться, но тотчасъ же опять упалъ на подушку и закрылъ глаза. Въ такомъ положеніи пролежалъ онъ нѣсколько минутъ, и такъ какъ дыханіе его было ровное и спокойное, то докторъ подумалъ, что онъ уснулъ и хотѣлъ

высвободить свою руку. Но Мошко при этомъ движеніи открылъ глаза.

— Я не спалъ,—проговорилъ онъ,—я только соображалъ, не сдѣлать ли мнѣ этого сегодня же... Да, рѣшусь,—завтра, можетъ быть, будетъ поздно... Видите-ли, докторъ, вы всегда были такъ добры ко мнѣ... Могу я васъ попросить еще объ одномъ? Знаю, что вы нынче проработали весь день и устали, и что дома ждуть васъ дѣти и жена... Знаю, а все таки прошу: подарите мнѣ теперь еще часочекъ!

— Охотно, очень охотно!

— Покорно благодарю... Любезный Гаврило, оставь насъ однихъ!

— Это еще что за выдумка!—пробормоталъ добрый толстякъ;—опять ты себя забудоражить хочешь? Ужъ и такъ ты меня совсѣмъ съ толку сбиль,—ничего не понимаю!

Но и докторъ сдѣлалъ ему рукой знакъ выйти, послѣ чего онъ, продолжая ворчать, оставилъ комнату.

— Сядьте подлѣ меня, попросилъ больной, указавъ на стоявшій у кровати стулъ. Затѣмъ онъ схватилъ руку врача и устремилъ на него пристальный взглядъ.

— Господинъ докторъ,—сказалъ онъ,—я черезъ нѣсколько дней умру!

Врачъ снова хотѣлъ уклониться отъ прямого отвѣта, но когда онъ посмотрѣлъ на это спокойное, почти просвѣтленное лицо, у него не хватило духу повторить свою великодушную ложь.

— Да, прошепталъ онъ.

— Благодарю васъ! А теперь второй вопросъ. Вамъ вѣдь хорошо извѣстно, что я не переставалъ служить все въ одномъ полку...

— Въ Пармскомъ?

— Ахъ, нѣтъ... Въ Пармскомъ тоже, но я теперь не о томъ полку думаю... Простите пожалуйста, я разговариваю съ вами такъ, какъ въ другое время только съ самимъ собою.

Видите-ли, это я о томъ полку говорю, въ который меня записали съ самого рожденія...

— Вы хотите сказать, что до настоящаго времени остались евреемъ?

— Да, хотя уже давно знаю, что, поступи я иначе, у меня оказался бы только новый полковой командирь. Главнокомандующій для всѣхъ полковъ одинъ и тотъ-же. Но я не перемѣнилъ рода оружія, хоть черезъ это могъ бы попасть въ кавалерію, которая всегда сидитъ высоко на лошади... Опять, однако, заговорилъ я по своему...

— Ничего, ничего, я понимаю васъ...

— Ну, такъ вотъ, остался я навсегда въ бѣдной пѣхотѣ, которая постоянно тяжело навьючена и которой всегда круче приходится на свѣтѣ, чѣмъ другимъ. Оттого-то мнѣ хотѣлось бы, чтобъ и умеръ я, и былъ похороненъ, какъ всѣ остальные въ этомъ полку... Слышалъ я отъ Валеріана, а ему рассказали объ этомъ въ городѣ, что вы говорили обо мнѣ съ Натаномъ Грюномъ. Что же онъ сказалъ вамъ?

Врачъ изъ жалости снова хотѣлъ уклониться отъ отвѣта, но выраженіе этихъ блестящихъ глазъ снова заставило его сказать правду. Онъ боялся, что этимъ вызоветъ въ своемъ пациентѣ болѣзненное волненіе, но тотъ остался спокоенъ и съ улыбкой замѣтилъ:

— Такъ Натанъ полагаетъ, что я человекъ отрѣшенный? Не удивляюсь его отвѣту,—это тоже входитъ въ мой «счетъ»! Да и съ чего ему думать иначе,—вѣдь онъ совсѣмъ не знаетъ Бога! Весь вѣкъ ему жилось хорошо, и онъ ни разу не высунулъ носа изъ Барнова,—тутъ Бога не узнаешь!.. Я и не сержусь на Натана: будь онъ сперва кузнецъ, какъ я, а потомъ рядовой въ Пармскомъ полку, прошляйся онъ столько по свѣту, да постои въ сраженіи подъ огнемъ,—въ сраженіи то, г. докторъ, и узнаешь Бога лучше всего,—дѣло бы вышло иначе!.. Однако, какъ тамъ ни разговаривай, а рѣшить все таки надо,—гдѣ меня похоронять?

— Въ «добромъ мѣстѣ». И Натанъ ничего не имѣеть противъ этого. О памятникѣ для васъ позабочусь я...

— Очень благодаренъ, объ этомъ я не прошу,—перебилъ инвалидъ.—Могила необходима, камень на ней—нѣтъ; а я всю жизнь довольствовался только необходимымъ. Изъ-за чего вамъ расходоваться? А притомъ, если они и позволяютъ вамъ поставить камень, то ужъ надписи на немъ никакъ не допускать! Я вѣдь «грѣшникъ», стало быть, «имя мое не должно проноситься!» Я этимъ вполне доволенъ; буду себѣ спать совершенно спокойно. Люди думаютъ, правда, что безъ надгробнаго камня и надписи обойтись нельзя, потому что вѣдь иначе тотъ ангелъ, который будетъ будить для страшнаго суда, не найдетъ мертвеца и не позоветъ его къ Богу. Но это опять-таки показываетъ только одно—что эти люди не бывали никогда въ сраженіи. Тамъ сотни мертвыхъ сваливаютъ въ одну яму, потомъ насыпаютъ одну могилу—и дѣлу конецъ! А однакожь, когда ангелъ позоветъ Натана Грюна, то онъ навѣрно не позабудетъ и этихъ храбрыхъ солдатъ! Мнѣ не желательно имѣть предпочтеніе передъ моими товарищами... И такъ, дѣло съ могилой устроено. Но надо поговорить еще о двухъ вещахъ. Когда еврей умираетъ, при немъ долженъ находиться ктонибудь, чтобы сказать ему: «Шема Исраэль, Адонай Элогени, Адонай эходъ!» (внемли, Израиль, Господь, нашъ Богъ—единный Богъ!). Около моего смертнаго одра этихъ словъ не скажетъ никто, но и это меня не печалитъ. Только отъ одного не хотѣлось бы мнѣ отказаться—отъ послѣдней исповѣди...

Мошко глубоко вздохнулъ и устремилъ умоляющій взглядъ на лицо врача.

— Говорите, говорите,—въ волненіи сказалъ докторъ,—я охотно буду васъ слушать. И если сверхъ того вы, можете быть, оставите мнѣ какое нибудь порученіе, я исполню его какъ только могу!

— Нѣтъ, нѣтъ! И безъ того уже много милости! Не одно благодареніе сдѣлали вы на своемъ вѣку, но такого большого, какъ для меня—никогда! Впрочемъ, я не долго задержу васъ.

Мнѣ хочется только разсказать вамъ про мои счеты съ небомъ. •

И онъ началъ:

— Вы еще знали моего отца, царство ему небесное?

— Нѣтъ.

— Ну, о немъ, все равно, мало есть что сказать. Онъ былъ человѣкъ набожный, и трудно ему приходилось на свѣтѣ. Не хочу обвинять или упрекать его; не онъ виноватъ, что я родился младшимъ сыномъ пономаря Аврумеле, но уже одно это я могу поставить на счетъ небу, устроившему такую штуку. Вы меня только, г. докторъ, поймите какъ слѣдуетъ. Я не виню *Ею* за то, что *Онъ* записалъ меня при рожденіи именно въ этотъ полкъ. Полкъ старый, хороший, и если ему придется бѣдствовать больше, чѣмъ остальнымъ, то въ итогѣ выходитъ на одно, потому что тутъ всѣ усердно помогаютъ другъ другу нести тяжелую ношу. Въ былое время я думалъ, что родиться евреемъ—несчастіе, но теперь сталъ умнѣе: это и не несчастіе, и не счастье, а просто судьба, какъ всякая другая. Не ропщу я на *Нею* и за то, что Онъ далъ мнѣ такихъ бѣдныхъ родителей: нельзя же всякому быть богатымъ. Но не слѣдовало навязывать меня имъ на шею самымъ младшимъ, шестымъ! Это было горько для бѣдныхъ моихъ стариковъ, а еще горше—для меня. Дитя должно быть для своихъ родителей радостью, а не бременемъ, оттого что иначе нужда да забота убиваютъ любовь. Мои родители *не имѣли возможности* любить меня,—и это я опять имѣлъ право поставить на счетъ *Ему* уже съ самаго моего рожденія, потому что любовь родительская такое счастье, которымъ должны пользоваться рѣшительно всѣ, какъ пользуются солнечнымъ свѣтомъ. Мнѣ оно не выпало на долю!

«Это почувствовалъ и Онъ, и потому началъ соображать, что бы такое дать мнѣ въ замѣнъ. И придумалъ Онъ вотъ что: «Устрою я его судьбу такъ, чтобы онъ узналъ Меня какъ слѣдуетъ. Остальные барновцы принимаютъ Меня за еврейскаго или христіанскаго Бога, тогда какъ я Богъ всѣхъ людей безъ

различія. Другіе думаютъ, что Меня мольбами можно разжалобить, тогда какъ Я веду счетъ каждому человѣку и воздаю каждому по заслугамъ. Я не Богъ мести, не Богъ милосердія, а Богъ справедливости! И если никому другому это неизвѣстно, пусть узнаетъ это Моше Фейльхендүфтъ!» Да, г. докторъ, такое рѣшеніе принялъ Онъ на мой счетъ, и выполнилъ его ненарушимо.

«Первымъ дѣломъ Онъ выростилъ меня сильнымъ и здоровымъ, стало быть, отличилъ отъ остальныхъ. Съ силою и здоровьемъ приходитъ отвага, а съ отвагой—странныя мысли. Когда я въ былое время раздумывалъ о моей жизни, мнѣ казалось, что моя сила приносила мнѣ несчастье. Теперь я понимаю лучше: и тутъ, какъ въ моемъ еврейскомъ происхожденіи, не было ни счастья, ни несчастья, а опять-таки—судьба! Отъ этого и долженъ я былъ неминуемо сдѣлаться кузнецомъ, отъ этого и червякъ долженъ былъ начать грызть, отъ этого и любовь...»

— Какой червякъ? съ изумленьемъ спросилъ докторъ.

Мошко подробно объяснилъ, какъ возникли въ немъ сомнѣнія—сперва на празднествѣ въ домѣ «золотого Менделе», потомъ на улицѣ, когда баронъ Старскій оскорбилъ Вера Влищера, наконецъ въ бесѣдахъ съ Гаврилой и старымъ Василюемъ. Съ такою же откровенностью рассказалъ онъ, какъ «получилъ онъ любовь», и умолчалъ только имя дѣвушки.

— Все это—продолжалъ больной—только оттого пришло ко мнѣ, что я выросъ сильный и здоровый. Самый путь Онъ указалъ мнѣ, но всякаго отдѣльнаго шага не предписывалъ. Этого Онъ вообще не дѣлаетъ,—Онъ предоставляетъ людямъ свободу поступать хорошо или дурно и довольствуется только тѣмъ, что ведетъ счетъ и отъ времени до времени сводитъ его. Долго, почти семь лѣтъ, по отношенію ко мнѣ въ этомъ не представлялось надобности,—счетъ и безъ того былъ ровный и ясный. Маленькіе грѣшки мои я искупалъ «червякомъ» и тою болью, что дѣлала у меня въ сердцѣ моя любовь. Но вотъ тутъ-то, г. докторъ, совершилъ я тяжкое преступленіе:

захотѣлось мнѣ обладать этой дѣвушкой, и я довелъ ее до этого. На это не имѣлъ я никакого права: быть счастливымъ на счетъ другихъ людей не дозволено никому, а я именно сдѣлался счастливъ на счетъ бѣдной дѣвушки. Мой старый пріятель маршалекъ — миръ его праху! — считалъ мою любовь грѣхомъ оттого, что эта дѣвушка была христіанка, — и я тоже по временамъ соглашался съ нимъ. Видите, такимъ эгоистомъ человѣкъ бываетъ всегда, когда смотритъ на Бога, какъ на своего собственнаго, а не какъ на Бога всѣхъ людей! Грѣхъ мой тутъ состоялъ въ томъ, что она была честная дѣвушка!

«Я его и искупилъ скоро. Совсѣмъ тихо, безъ шуму воздалъ Онъ мнѣ за мою вину — отдачею меня въ солдаты. Черезъ это мнѣ досталось то, что я заслужилъ — дурное, а дѣвушкѣ — то, что ей слѣдовало — хорошее: отправивъ меня странствовать по свѣту, Онъ далъ ей возможность забыть меня и сдѣлаться счастливою съ другимъ. Для ребенка такой поворотъ дѣла былъ тоже самый благоприятный. И послѣ этого находятя люди, которые осмѣливаются роптать на Его рѣшенія, — не видятъ, что Онъ всеправедный!

«Конечно, на душѣ у меня, когда я уходилъ, было очень печально, и много помогало мнѣ то, что я долженъ былъ постоянно повиноваться какъ машина, — иначе отъ всяческихъ мрачныхъ мыслей въ головѣ и горечи въ сердцѣ пришлось бы мнѣ ужъ очень плохо. Все было противно мнѣ: и мои товарищи, и моя новая служба, и больше всего — я самъ. На первыхъ порахъ жизнь моя была дѣйствительно самая скверная: евреевъ не жалуютъ ни солдаты, ни офицеры, ихъ считаютъ лѣнтяями и трусами, и такимъ образомъ мнѣ приходилось платиться за грѣхи, въ которыхъ я былъ нисколько не повиненъ. Пища тоже приходилась мнѣ не по вкусу; никогда я не забуду, какъ тяжело мнѣ было, когда въ первый разъ заставили съѣсть сала! Но хуже всего было то, что я никакъ не могъ понять, къ чему собственно нужна военная служба. Какимъ это родомъ мнѣ, здоровому ремесленнику, пришлось проводить жизнь въ этой бесполезной, а въ тоже время и такой утоми-

тельной, праздности? Однимъ словомъ, все сердило меня, даже мое новое имя. Дома звали меня Моше, въ кузницѣ—Мошко, а тутъ вдругъ я сдѣлался «Мовесъ». Я ненавиждѣлъ это имя, и каждый разъ, какъ произносили его, возмущался тѣмъ, что меня переименовали противъ моего желанія, точно собаку какуюнибудь. Но возмущаться и сердиться рекруту не зачѣмъ,—проку отъ этого мало: сколько получилъ я отъ своего начальства пинковъ и зуботычинъ—и пересчитать нельзя! Только это—такая ужъ моя натура—сдѣлало меня еще суровѣе и сердитѣе. Прошли мы между тѣмъ всю Австрію и добрались до Милана, а я почти и не замѣтилъ этого,—потому что не смотрѣлъ ни на что окружающее, смотрѣлъ только въ самаго себя и въ мои невзгоды. Совсѣмъ бы скверно пришлось мнѣ, еслибъ въ ту пору случайно не поступилъ въ нашъ полкъ новый священникъ, капуцинъ. Этотъ маленький и толстый человѣчекъ занялся мною и хотѣлъ обратить меня въ христіанство. Онъ не взялъ на себя труда уговаривать и убѣждать меня, а просто спросилъ однажды:—«Послушай-ка, жидъ, чего бы ты особенно желалъ?»—«Домой—отвѣчалъ я—и опять работать въ кузницѣ!» Онъ говоритъ: «Первое невозможно, а второе устроить не трудно; я тебя помѣщу въ походную кузницу, тамъ у тебя будетъ знакомое дѣло, хорошее жалованье и полная свобода!» Я его поблагодарилъ отъ всего сердца, онъ отправился, а на слѣдующее утро опять приходитъ ко мнѣ и говоритъ: «Все улажено, тебѣ только надо выкреститься. Кстати, тутъ есть одна графиня, которая готова быть твоею крестною матерью и подарить тебя пятьдесятъ гульденовъ». Я и слышать не хотѣлъ: «это—говорю—было бы грѣхомъ противъ Бога моихъ отцевъ!» Такъ и остался на своемъ, какъ онъ ни убѣждалъ меня. Я и по сю пору въ этомъ не раскаиваюсь, я поступилъ честно и разумно, потому что тяжело согрѣшилъ бы противъ Него, если бы согласился выкреститься. Ему, конечно, все равно, какимъ именно способомъ вѣруешь въ Него и служишь Ему, но призывать Его имя для того, чтобы изъ рядо-

вого перейти въ полевые кузнецы—это можетъ сдѣлать только негодный человѣкъ!

«Теперь-то наступило скверное время, самое скверное за всю мою службу. Веселому, толстому и всегда пьяному капуцину не было никакого дѣла до моей души, но старуха-графиня платила ему по сто гульденовъ за каждаго новообращеннаго, и эти деньги онъ хотѣлъ заработать на мнѣ во что бы то ни стало. Оттого-то, какъ онъ увидѣлъ, что добромъ со мной ничего не подѣлаешь, такъ и сталъ орудовать черезъ офицеровъ, и до того прижалъ меня, что я каждый день отчаявался—доживу ли до слѣдующаго. Но именно эти притѣсненія пошли мнѣ въ прокъ. Я подумалъ себѣ: «по крайней мѣрѣ пусть у нихъ не будетъ никакихъ причинъ мучить меня»,—и сдѣлался, опять-таки изъ упрямства, самымъ усерднымъ, самымъ образцовымъ солдатомъ всей роты. Товарищи стали уважать меня, офицеры даже начали обращаться очень хорошо, оттого что увидѣли, что попикъ только клеветалъ на меня, чтобъ добыть себѣ новыхъ денегъ на пьянство. Ну, а затѣмъ, что дѣлалось мною сперва только по упрямству, по злобѣ, то сталъ я теперь дѣлать по привычкѣ, а наконецъ—и по доброй волѣ. Службу исполнялъ я охотно и чувствовалъ себя хорошо. Этому помогла еще жизнь въ Италіи, гдѣ мы пробыли нѣсколько лѣтъ и гдѣ солдатамъ было привольно и весело. Только въ тѣ минуты, когда я думалъ о родинѣ, сильно щемило у меня сердце; но мало по малу и это стало повторяться все рѣже и рѣже...

Мошко замолчалъ и прилегъ; длинный разговоръ утомилъ его.

— И такъ дѣло шло до вашего возвращенія домой? спросилъ докторъ.

— Ахъ, нѣтъ!—со вздохомъ отвѣчалъ онъ;—тутъ еще много всякаго: тяжкій грѣхъ и тяжкая эпитемія, а самое главное—какимъ образомъ я вполнѣ узналъ Его. Изволите видѣть, г. докторъ, солдатская служба—служба прекрасная, даже когда служишь рядовымъ въ Пармскомъ полку; но есть тутъ одна опасность для всякаго: императоръ даетъ ежедневно хлѣбъ и жалованье,

даетъ вчера, сегодня, завтра, — и ты живешь себѣ безъ всякихъ заботъ, весело и не думаешь о будущемъ. Такъ было и со мною: я занимался только тѣми вещами, о которыхъ писалось въ полковыхъ приказахъ; а о Богѣ, о моемъ будущемъ въ нихъ никогда не было рѣчи. Когда мои товарищи отправлялись по командѣ къ обѣднѣ, я оставался дома одинъ, и тутъ однако не вытаскивалъ изъ сумки маленькихъ «тефиллимъ» (молитвенные ремни), которые мнѣ подарилъ еще въ ту пору, какъ я былъ рекрутомъ, одинъ набожный еврей, — а напѣвалъ веселыя пѣсни или думалъ о капитанской кухаркѣ, которая, не смотря на мою еврейскую вѣру, не брезгала мною. Когда мнѣ вспоминались наши барновскіе «хассидимъ» (набожные), меня разбиралъ смѣхъ при мысли, какъ чудно они смотрѣли на людей, какъ по дурачки знали свѣтъ! Совсѣмъ я возгордился отъ моей «образованности» и кое-какое право гордиться на самомъ дѣлѣ имѣлъ. Когда живешь цѣлые годы, день въ день, съ христіанами въ братской компаніи, и несешь съ ними однѣ тяготы и имѣешь съ ними однѣ радости, — такъ можно ли все продолжать кичиться своей вѣрой и, точно хассидъ, считать себя лучше всѣхъ другихъ только оттого, что ты еврей? Но нехорошо съ моей стороны было то, что я забылъ не только «тефиллимъ», но и Бога. Чѣмъ дольше я служилъ, тѣмъ хуже у меня шло это дѣло, — и наконецъ наступило такое время, когда я сталъ стыдиться моей вѣры и, изъ глупаго тщеславія, отрекаться отъ нея.

«Это случилось такъ. Насъ изъ Италіи перевели въ Штирію, въ городъ Марбургъ. Тамъ евреи не имѣли права жить; марбургцы страдали сильнымъ «ришкусомъ» (юдофобія) и каждый разъ, какъ кто нибудь изъ моихъ товарищей кричалъ мнѣ на улицѣ: «Мозесь!» — всѣ прохожіе останавливались, изкоса смотрѣли на меня и бранились. вмѣстѣ съ ротою натурально переѣхали въ Марбургъ нашъ ротный командиръ и его кухарка, — и представьте, что эта женщина, нисколько не брезгавшая мною, какъ я вамъ докладывалъ, въ Веронѣ, теперь дала мнѣ отпускную на всѣ четыре стороны. Все это, само собою

разумѣтся, не могло мнѣ быть пріятно. И вотъ разъ собираюсь я съ духомъ, иду къ нашему командиру и прошу—нельзя-ли мнѣ дать какое нибудь другое имя. Онъ засмѣялся и спрашиваетъ: «Это для чего?» Я рассказываю все. «Такъ ты выкрестись!» говоритъ онъ. Я отвѣчаю: «Это не идетъ, я не охотникъ до обѣденъ и исповѣдей, да и не желаю вратъ передъ попами!» Тутъ онъ вдругъ разсердился, да какъ крикнетъ: «Тысяча чертей! Ты развѣ не знаешь, бестія, что солдатъ долженъ быть богобоязненъ,—это даже въ уставѣ написано!» Но потомъ опять успокоился и спрашиваетъ: «Ты чего же собственно хочешь?»—«Просиль-бы, чтобъ меня называли Морицомъ!»—«Больше ничего?»—говоритъ онъ и смѣется;—будь, коли хочешь. Морицъ!» И такимъ манеромъ это дѣло уладилось.

«Этимъ Морицемъ я и сталъ служить второй срокъ. Вы знаете, какъ разовлились на меня барновцы за это, да и я долженъ признать свой поступокъ преступленіемъ, хоть и по другимъ причинамъ,—потому что только по тщеславію, по легкомыслію, по своей порочности рѣшился я присягнуть на вторья семь лѣтъ. Что меня манило ефрейторство, награды да деньги—ну, это я еще могъ простить себѣ. Но я вѣдь остался въ военной службѣ и для того, чтобы продолжать жить праздно и безопасно, а когда по временамъ приходила мнѣ въ голову мысль о сынѣ—(Мощко съ трудомъ выговорилъ эти слова)—я утѣшалъ себя: «мать о немъ позаботится!» О, господинъ докторъ, случалось вамъ когда нибудь встрѣчать другаго таково преступника?

— Четырнадцать лѣтъ большой срокъ — кротко отвѣчалъ врачъ;—вѣдь вы никогда не видѣли своего ребенка! И притомъ, какъ тяжело искупили вы этотъ проступокъ!

— О, да!—воскликнулъ больной, съ волненіемъ приподнявшись на постели,—да, благодарю моего Создателя, я совсѣмъ искупилъ мою вину и не ухожу на тотъ свѣтъ съ этимъ неуплаченнымъ долгомъ изъ моего счета!

Онъ снова опустился на подушки и продолжалъ болѣе тихимъ, но болѣе твердымъ голосомъ:

— Моя расплата началась четыре года спустя, въ первомъ сраженіи, которое пришлось выдержать въ Италіи. Когда объявили войну, я нимало не встревожился и даже смѣялся, видя, какъ многіе изъ товарищей вдругъ сдѣлались набожны. О Богѣ я, конечно, думалъ, но въ какого Бога слѣдовало мнѣ вѣрить? Богу «хассидимовъ» я молиться не могъ, распятому на крестѣ — еще меньше. Смѣло пошелъ я въ первый огонь и нисколько не боялся смерти. Но во время сраженія, между тѣмъ какъ смерть косила направо и налево, а еще больше — позже, когда мы зарывали въ одну и ту же яму христіанъ и евреевъ, напихъ и итальянцевъ, — у меня въ сердцѣ начались тѣ же самыя сомнѣнія и тревоги, какъ въ молодые годы, и тутъ позналъ я Его, Всеправеднаго, и прильнулъ къ Нему. Не боязнь смерти дѣйствовала въ этомъ случаѣ: вѣдь послѣ того, какъ я позналъ Его, послѣ того, какъ для меня сдѣлалась ясною вся жизнь моя, во мнѣ уже не оставалось сомнѣній, что я не имѣю права ожидать Его милосердія, а долженъ испытывать только гнѣвъ Его! Да, докторъ, это я зналъ, а все таки сгибался подъ Его руку и старался съ каждымъ днемъ все лучше и лучше познать Его распоряженіе моею жизнью и жизнью другихъ. Отчего это? А отчего во время длинныхъ походовъ по Италіи, когда солнце жгло и сушило такъ сильно, что у насъ языкъ прилипалъ къ нѣбу, мы, всякій разъ, какъ полкъ проходилъ мимо холодной, глубокой воды, почти всѣ кидались къ ней и жадно пили ее, хотъ и знали, что пьемъ, можетъ быть, лихорадку и даже смерть? Когда человѣкъ истомился отъ жажды и наконецъ увидѣлъ источникъ... ахъ, г. докторъ, могъ-ли я не преклониться передъ Всеправеднымъ, хотъ и зналъ, въ какомъ положеніи находится мой счетъ у Него?

«Но теперь—теперь я заплатилъ мой долгъ! Еслибъ Ему угодно послать мнѣ смерть отъ пули, смерть быструю и безъ боли, мы не были бы квиты. Но вышло иначе: Онъ послалъ мнѣ раны, отъ которыхъ я страдалъ страшно, и лихорадку,

которая истощила всё мои силы, и въ сорокъ лѣтъ Онъ сдѣлалъ изъ меня безпомощнаго старика, —счесть, стало быть, оказался уплаченнымъ. Но послѣ этого я вернулся домой, и начали меня гонять отъ двери къ двери, какъ нечистое животное, и для собственнаго моего сына я долженъ былъ оставаться чужимъ! Это увидѣлъ Всеправедный и вознаградилъ меня. Онъ послалъ мнѣ возможность послѣднимъ остаткомъ моихъ силъ оказать еще одну услугу моему ребенку и...

Онъ вдругъ остановился въ испугѣ, потому что хотѣлъ сказать: «и умереть у него на рукахъ!» Но развѣ уже и безъ того не высказалъ онъ уже слишкомъ много? Какъ ни безгранично было его довѣріе къ этому благородному человѣку, — эту тайну, принадлежавшую не ему одному, онъ считалъ себя не вправѣ выдать. Но взглядъ, брошенный имъ на лице доктора, снова успокоилъ его. Въ этихъ умныхъ, свѣтлыхъ глазахъ блестѣли слезы.

— Докторъ, — прошепталъ больной, — этого я не заслужилъ. Врачъ всталъ и взялъ руку инвалида.

— Вы правы! — торжественно произнесъ онъ; — Онъ — Всеправедный!

— И на томъ свѣтѣ будутъ миръ и спокойствіе!

— Аминь! сказалъ докторъ и вышелъ изъ комнаты въ глубокомъ волненіи.

Это была послѣдняя длинная бесѣда Мопки. На слѣдующее утро онъ почувствовалъ себя гораздо слабѣе и движеніемъ руки подозвалъ Гаврилу.

— Любезный товарищъ! — сказалъ онъ, — ты часто говорилъ мнѣ, что Казя желала бы повидаться со мною. Я каждый разъ просилъ ее отсрочить это посѣщеніе, оттого что... оттого что чувствовалъ слишкомъ большую слабость. Но сегодня я достаточно силенъ...

— Сегодня? спросилъ Гаврило, и губы его задрожали. Онъ вѣдь зналъ, что передъ нимъ находился умирающій!

— Да, сегодня! Если можно, позови ее. Мнѣ нужно передать ей еще кое-что...

— Отъ поляка? Понимаю... Я оставлю васъ однихъ.

Часъ спустя здоровая, все еще красивая женщина входила въ комнату. Уже за нѣсколько дней до того она взглянула на него тайкомъ, когда онъ спалъ. Она уже знала, что у этого старика не осталось ни одной черты, которая напоминала бы юношу, продолжавшаго жить въ ея воспоминаніи; но когда теперь снова раздался передъ нею его голосъ, она упала на полъ у его кровати и горько заплакала.

А у него на душѣ было такъ, какъ будто его молодость вернулась къ нему для того, чтобы проститься съ нимъ передъ смертью. Давно, давно уже онъ не плакалъ, но теперь опять почувствовалъ на своихъ рѣсницахъ утѣшительницу-влаго.

— Казя!—сказалъ онъ,—я знаю, что ты мнѣ простила. Но я не хотѣлъ умереть, не услышавъ этого отъ тебя самой!

— Бѣдный мой! Добрый мой!—говорила она рыдая;—мнѣ не за что прощать тебѣ, ты ни въ чемъ не виноватъ!..

— Неправда! Но ты добра и милостива... На счетъ Федьки мнѣ нечего говорить тебѣ: онъ обраумился и ему будетъ хорошо. Только на счетъ... самого себя... есть еще у меня просьба къ тебѣ... У насъ въ обычаѣ, чтобы сынъ въ день смерти своего отца постоянно читалъ молитву. Напоминай Федькѣ, чтобы онъ каждый годъ въ этотъ день говорилъ «Отче Нашъ!» Это молитва христіанская, а я еврей,—но Онъ все таки услышитъ ее, а, можетъ быть, и я услышу!

Она обѣщала это съ горячими слезами. Тутъ вошелъ Гаврило и вывелъ плачущую сестру изъ комнаты.

Съ часу на часъ ослабѣвали силы умирающаго. Трогательными словами благодарилъ онъ Гаврилу, Валеріана и доктора за всѣ ихъ попеченія и любовь. Только съ Федькой онъ еще не простился, но, покончивъ съ остальными, попросилъ молодого человѣка: «останься около меня.»

Просьба эта была совсѣмъ лишняя. Никакимъ земнымъ силамъ не удалось бы оторвать юношу отъ этого смертнаго одра.

Такъ прошелъ день; спустились сумерки. Мошко все время лежалъ съ закрытыми глазами и тихимъ дыханіемъ. Вдругъ онъ зашевелился, попытался приподняться и оцупью схватилъ руку сына.

— Федька, — прошепталъ онъ, — прощай!..

Молодой человекъ съ испугомъ обнялъ его и, поддерживая, спросилъ:

— Не нужно ли за докторомъ?

— Нѣтъ... твою руку... спасибо...

И такимъ образомъ Мошко Пармскій скончался на рукахъ своего сына.

На слѣдующее утро члены «священнаго братства» похоронили его въ «добромъ мѣстѣ». Онъ лежитъ на краю кладбища, какъ разъ у большой дороги.

Надъ могилой его нѣтъ никакого памятника. Но за нею смотрять очень старательно, и съ первыхъ дней весны до поздней осени на ней цвѣтутъ самые красивые, самые благоухающіе цвѣты.

Перев. Петръ Вейнбергъ.

ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНИИ *.

V.

Самозванные депутаты; возобновленіе перечисленія въ земледѣльцы; неудавшееся увольненіе земледѣльцевъ въ мѣщане и прикрѣпленіе ихъ къ землѣ; быстрый наплывъ переселенцевъ, не свирая на разныя стѣсненія и вторичное прекращеніе переселенія въ Новороссію.

Пока велась переписка объ отсрочкѣ льготъ евреямъ-земледѣльцамъ, среди нихъ распространилась вѣсть, что Голицынъ принимаетъ въ нихъ живое участіе. Этимъ обстоятельствомъ нѣкоторые изъ нихъ и вздумали воспользоваться для достиженія личныхъ цѣлей. И вотъ, почти одновременно съ воспослѣдовавшимъ Высочайшимъ утвержденіемъ отсрочки льготъ, нѣкоторые поселенцы, именовавшіе себя еврейскими «депутатами», прислали Голицыну, для доклада Александру I, чрезвычайно характерное по своему содержанію прошеніе, въ которомъ доказывали, что миссія евреевъ на землѣ—торговля, а отнюдь не земледѣліе.

«Опытомъ доказано,—сказано въ этомъ прошеніи, — что сколько хлѣбопашество необходимо для человѣчества, столько же оно почитается самымъ простымъ занятіемъ, требующимъ болѣе тѣлесныхъ силъ, нежели изощренности ума и потомукъ этому занятію на всемъ земномъ шарѣ всегда отдѣлялись такіе токмо люди, кои по простотѣ своей не способны къ важнѣйшимъ упражненіямъ, составляющимъ классъ промышленни-

* См. „Восходъ“ Кн. V.

ковъ, или купцовъ; симъ же послѣднимъ, какъ требующимъ способностей и образованія, какъ служащимъ главнымъ предметомъ обогащенія державъ,—во всѣ времена отдаваемо было предпочтеніе и особенное уваженіе предъ хлѣбопашцами и всегда, во всѣхъ державахъ, старались еще поощрять, просвѣщать и всемѣрно усовершенствовать людей, для торговли и промысловъ, а не отклонять ихъ отъ оныхъ. На семъ основаніи евреевъ, яко, по всей справедливости, имѣющихъ отъ природы наиболѣе *способностей къ торговымъ оборотамъ*—древнее польское правительство, какъ видно изъ привилегій, даровало всякія права свободной торговли. Но клеветническія представленія на евреевъ предъ русскимъ правительствомъ предуслѣли лишить евреевъ свободы упражняться въ преимущественнѣйшихъ ихъ, по торговымъ оборотамъ, занятіяхъ и заставило ихъ перейти въ званіе носящихъ на себѣ имя *чернаго народа* хлѣбопашцевъ. Выгнанные въ 1807—1809 г. изъ деревень болѣе 20000 чел.; по городамъ и мѣстечкамъ не могшіе доставать себѣ безбѣдное пропитаніе, принуждены были идти на поселеніе и на мѣстахъ дотолѣ никѣмъ не обитаемыхъ, заводить хозяйство и упражняться въ хлѣбопашествѣ, тогда какъ въ первобытномъ еще жительствѣ своемъ—они не пріобрѣли достаточнаго состоянія, а при переходѣ чрезъ большія пространства—лишились и остатковъ своего имущества. Хотя мѣстное начальство и помогло имъ построить хижины и снабдило ихъ, первоначально, земледѣльческими орудіями, для хлѣбопашества, на ихъ же счетъ, но поелику они къ этому многотрудному роду занятія,—какъ съ давняго времени не имѣвшіе собственныхъ земель,—вовсе не обькли, а отведенная имъ дикая земля требовала величайшихъ усилій, долгаго времени и опытныхъ знаній, свойственныхъ землепашцамъ, изъ рода въ родъ въ этомъ упражнявшихся, то и поставлены были въ совершенную невозможность пропитываться, и потому половина ихъ перемерла отъ голода и крайностей, а остатки сихъ бѣдныхъ переселенцевъ, по неволіи имъ отлучаться отъ своихъ жилищъ, для заработковъ, въ другія мѣста, находятся въ жалостнѣйшемъ положеніи, безъ хлѣба, одежды, а будучи зрителями томимы непрестанными земельными работами, принудясь къ онымъ во всѣ праздники,—доведены до того, что даже нарушаютъ, во всѣхъ частяхъ, вѣру свою. Сверхъ сего увеличиваетъ ихъ изнуреніе то, что зрителя, по собственному произволу, наказываютъ ихъ, безъ пощады. Храмовъ, по бѣдности своей, они

имѣть не могутъ, а юношество, по стѣсненности, остается безъ всякаго обученія вѣрѣ и просвѣщенію. Къ вящей же ихъ горести, неизвѣстно по какому поводу, начальство обложило ихъ новою податью по 1 рублю 5 к. съ души, съ тѣмъ, чтобы эту сумму живые внесли за себя и за мертвыхъ, которыхъ гораздо больше, нежели существующихъ, а ежели кто не въ силахъ платить,—заставляютъ наниматься въ тяжкія работы къ христіанамъ, не разсуждая, что тѣмъ приводятъ ихъ въ еще большее раззореніе».

«И такъ, — заключаютъ означенные «депутаты» — остатокъ евреевъ принужденъ влачить горестнѣйшую и мучительнѣйшую жизнь, а отечеству сіе не приноситъ никакой пользы. Таковыя обстоятельства побуждаютъ еврейскую націю всеподданнѣйше просить о прекращеніи сихъ бѣдствій слѣдующимъ: а) отнынѣ никто изъ смотрителей и высшаго начальства да не дерзаетъ принуждать евреевъ тому, что противно ихъ вѣрѣ, ни сами собою наказывать ихъ, ибо сила закона повелѣваетъ: «никто безъ суда, да не накажется»; б) наименовать евреевъ вмѣсто поселенцевъ *мѣщанами*, съ правомъ по паспортамъ безпрепятственно отлучаться куда кто пожелаетъ, на работы, чѣмъ хоть отчасти подкрѣпится жизнь несчастныхъ ихъ семействъ; в) за умершихъ казенныя недоимки сложить, а живымъ разсрочить ихъ на 15 лѣтъ: отъ свободнаго заработка найдется заплатить всю сумму; г) до того же времени не обременять ихъ никакими податями; д) тѣмъ изъ нихъ, которые раньше уплатятъ долги и пожелаютъ переселиться изъ сей въ другую часть Россіи—предоставить это право. Таковыя токмо мѣры возмогутъ евреямъ улучшить хозяйство, завести фабрики, *дать ходъ своей промышленности* и быть полезными какъ себѣ, такъ и казнѣ».

Докладывалъ ли Голицынъ это прошеніе Александру I или нѣтъ—изъ дѣла неизвѣстно, но директоръ департамента духовныхъ дѣлъ, А. И. Тургеневъ, по приказанію Голицына переслалъ прошеніе для дальнѣйшаго направленія къ Джунковскому, а послѣдній представилъ прошеніе Козодавлеву со справкою, что: а) по паспортамъ евреи безпрепятственно увольнялись на заработки; б) изъ нихъ 231 ч. разбѣжались неизвѣстно куда и ихъ розыскивали; в) на наказанія смотрителями евреевъ никто изъ нихъ министерству никогда не жаловался;

г) о постройкѣ для нихъ храмовъ они не просили и д) на земскія повинности съ нихъ, какъ съ жителей Херсонской губерніи, положено не болѣе, какъ по 25 к. съ души въ годъ, ибо отъ этой повинности они не были изъяты.

Къ чести петербургскихъ властей надо отмѣтить, что и прежде никакія прошенія евреевъ не оставались безъ вниманія, а по каждому изъ нихъ, напротивъ, требовались отъ мѣстнаго начальства объясненія и затѣмъ дѣлались соответственныя распоряженія. Прошеніе же «депутатовъ» произвело въ министерствѣ сильное впечатлѣніе какъ рѣзкостью тона, такъ и тѣмъ, что оно рѣшительно возставало противъ прикрѣпленія евреевъ къ земледѣлію, въ тотъ именно моментъ, когда имъ только-что было оказано, какъ правительство вѣрило, благодѣяніе—отсрочкою льготъ. Къ тому же прошеніе читаль Голицынъ, (приближенный къ Александру I), и въ случаѣ спора, надлежало дать ему категорическій по этому предмету отвѣтъ. Козодавлевъ и велѣлъ «строжайше разслѣдовать» степень правдоподобности претензій и домогательствъ депутатовъ. Въ этихъ видахъ послали запросы генераль-губернатору графу Ланжерону, главному попечителю всѣхъ колоній генераль-лейтенанту Инзову и Конторѣ.

Ланжеронъ, Инзовъ и Контора, для разслѣдованія, командировали въ колоніи довѣренныхъ лицъ, образовавшихъ особую комиссію (отъ Конторы былъ Девельдѣвъ); потомъ, опираясь на ея доводы, Ланжеронъ и Инзовъ вкратцѣ сообщили Козодавлеву, что по 1 р. 5 к. евреи дѣйствительно были обложены на земскія повинности, по установленной раскладкѣ; всѣ остальные жалобы, выраженные въ прошеніи, или слишкомъ мелочны, или даже выдуманы сочинителями его, *самозванно* назвавшимися депутатами, такъ какъ никто ихъ не уполномочилъ; сами же сочинители лѣнтяи и бездѣльники, отбившіеся отъ всякаго труда кляузники. Въ подтвержденіе мнѣній Ланжерона и Инзова, Контора приложила «экстрактъ» изъ дѣлъ о взаимныхъ обвиненіяхъ, взведенныхъ зрителями—противъ евреевъ, а евреями—противъ зрителей.

Контора удостовѣряла, что хотя 18 п. положенія 1804 г. евреи и обязывались участвовать въ земскихъ повинностяхъ все время бытности ихъ въ Новороссіи, но ихъ обложили *слер-ые* только въ 1816 г., по 25 к. съ мужской души, и, лишь по недостатку средствъ на покрытіе земскихъ расходовъ, депутатское собраніе набавило на нихъ, впослѣдствіи, еще по 80 к. съ души, причемъ обѣ раскладки были своевременно Высочайше утверждены. Деньги взыскивались съ нихъ по числу душъ, значившихся по ревизіи 1811 г., потому что это была послѣдняя узаконенная ревизія. Подать эту Контора признавала, правда, отяготительною для евреевъ, но она не могла ихъ облегчить, вслѣдствіе Высочайшаго утвержденія раскладокъ. Тѣхъ, которые не были въ состояніи платить этой подати, заставляли «наниматься не въ тяжкія, а въ обыкновенныя работы, по ихъ *собственному* избранію». Оттого никто изъ нихъ, по словамъ Конторы, и не жаловался на тяжесть работы, тогда какъ евреи о «малѣйшихъ своихъ неудовольствіяхъ безотлагательно жаловались, и, когда были правы, получали, чрезъ Контору, удовлетвореніе». Контора не получала также никакихъ жалобъ и на стѣсненіе евреевъ въ ихъ богомоли, а школы у нихъ заведены. Евреи, какъ Контора «давно уже примѣтила, всегда преувеличивали свои претензіи по внушеніямъ нѣкоторыхъ, безпокойнаго нрава, ихъ соплеменниковъ, считавшихъ жестокостью то, что смотрителя заставляли ихъ заниматься хозяйствомъ, но въ будничные, а не въ праздничные дни». Унять кляузниковъ смотрителя были не въ силахъ: еврейскіе старосты и общества всячески уклонялись постановлять приговоры о взысканіи съ ихъ подстрекателей и нерадивыхъ, тогда какъ колонисты другихъ націй это дѣлали охотно. Поэтому сама Контора принуждена была «обсуждать различные проступки евреевъ и подвергать виновныхъ наказаніямъ, которыя и она, впрочемъ, назначала въ крайнихъ только случаяхъ и со всевозможною умѣренностію».

Въ «экстрактѣ» разсказано содержаніе самихъ проступковъ

евреевъ и ихъ жалобъ на смотрителей. Расскажемъ на выдержку сущность нѣкоторыхъ самыхъ крупныхъ фактовъ.

Къ смотрителю Кузему явились для разбора претензій евреи: Давидъ Харитоновъ и Левинъ Берлинъ, бывший «въ пьяномъ образѣ» и не перестававшій бранить Харитонова. За это Кузевъ велѣлъ посадить Берлина въ «колоду». Тогда Берлинъ схватилъ Кузема за грудь, ударилъ нѣсколько разъ по виску, разорвалъ на немъ рубашку и убѣжалъ въ домъ шульца Юдки Гинзбурга. Кузевъ отправился за нимъ, но Гинзбургъ, его жена и родные разругали Кузема и не допустили арестовать Берлина. Впослѣдствіи Берлинъ хвалился всѣмъ, что «хорошо поколотилъ Кузема», а Гинзбургъ, многократно подстрекавшій евреевъ не повиноваться Кузему, — говорилъ ему: «мало Берлинъ тебя билъ, такъ еще больше будешь бить». Шавель Бугаръ жаловался смотрителю Хоменко на то, что Йосель *Кунишка* оклеветалъ его, Бугара, замужнюю дочь въ прелюбодѣянніи. Это дошло до раввина и старшинъ, которые «призвали Ривку и *драми ее розіами*, пока вынудили у нея ложное признаніе», а основываясь на немъ «разводятъ ее съ мужемъ, безъ его желанія». Хоменко приказалъ розыскать и привести Кунишку, но вмѣсто него къ нему «ворвались Гуровичъ, Ковнецкій, Надсонъ, Треблешъ, Вовринскій, Крутикъ и другіе, болѣе 12 чел., и стали кричать на него: «какъ смѣешь защищать Бугаръ? Что намъ ваши законы, когда имѣемъ свои? И ты долженъ покоряться нашему обществу: оно велико, сильно и до послѣдней капли крови защитить свои права. Ты ложный доноситель на насъ конторѣ» и проч. Мало того: Требишъ схватилъ Хоменко за волосы и угрожалъ ему худшими послѣдствіями. Вслѣдствіе этого Хоменко не могъ защитить невинно пострадавшую молодую женщину.

Юдка Гинзбургъ и Нохимъ Бродовскій жаловались на Кузема за то, что распаханная еврейскія земли онъ засѣялъ своимъ хлѣбомъ, а выросшую по берегу рѣки лозу употребилъ на свою надобность; сжатымъ еврейскимъ хлѣбомъ и скошеннымъ сѣномъ—рабочіе Кузема варили себѣ въ степи пищу;

изъ ихъ огородовъ таскали овощи; самъ же Кузёмовъ заставлялъ евреевъ окапывать около его гумна ровъ; не называлъ ихъ иначе, какъ «жиды» и колотилъ ихъ. На Хоменко же жаловались на то, что онъ принудилъ евреевъ выбрать въ старшины Нохима Базера, которому отдалъ оставшіеся послѣ умершаго Мушина пару воловъ за 200 р. въ кредитъ на годъ, когда за эти волы предлагали наличными 200 р.

Каждую изъ многихъ мелочныхъ жалобъ обслѣдовали, какъ мы отмѣтили выше, особые чиновники, а для ихъ провѣрки ѣздилъ на мѣста товарищъ главнаго судьи Фадѣевъ, дознавшійся, что претензіи евреевъ «совершенно неосновательны», а жалобы смотрителей вѣрны. Поэтому Контора приговорила: а) дравшихъ еврейку шестерыхъ евреевъ, за самосудъ, каждаго къ 50 ударамъ розгами; б) Гинзбурга, Брадовскаго, Табакова и Кавнацкаго, «замѣченныхъ въ ябидничествѣ и подстрекательствѣ собратій, хотя также заслужившихъ строжайшее наказаніе, но дабы дать имъ возчувствовать снисходительность Конторы лишить право голоса на сходкахъ, до тѣхъ поръ, покуда исправятся»; в) Литовскаго и Позена—выдержать въ колодкѣ, въ приказной избѣ, по трое сутокъ и г) Берлина, за нанесеніе побоевъ Кузёмову,—предать уголовному суду.

Министерство, основываясь на отзывахъ Ланжерона, Инзова и Конторы, а также и на «экстрактѣ», успокоилось, а прошеніе мнимыхъ депутатовъ оставило безъ всякихъ послѣдствій*.

Между тѣмъ евреи, узнавъ о вліяніи Голицына на дѣла еврейскихъ обществъ,—начали присылать ему прошенія о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, въ томъ числѣ и о переселеніи ихъ изъ разныхъ губерній въ Новороссію. Чтобы достоверно знать какъ въ какихъ случаяхъ поступать,—Голицынъ затребовалъ отъ Козодавлева обстоятельныя свѣдѣнія о колоніяхъ. Козодавлевъ удовлетворилъ его желаніе «подробною запискою», вкратцѣ обнимавшею основанія учрежденія и poste-

* По документамъ отъ 1 Ноября, 7, 14 и 21 Декабря 1817 г. и 8 Февраля и 17 Юля 1818 г.

пеннаго устройства колоній, причѣмъ по вопросу: пригодны ли евреи къ земледѣлю,—высказалъ, что хотя «поселеніе шло медленно и съ большими затрудненіями, но нѣкоторые изъ водворенныхъ евреевъ, а особенно *ихъ дѣти*, познавъ, на опытѣ, всѣ выгоды своего положенія, *успѣшно занимаютъ земледѣліемъ*, потому и ожидать можно, что учрежденныя, изъ сихъ людей, поселенія, прочно устроятся, по крайней мѣрѣ, во второмъ и третьемъ поколѣніяхъ, не хуже другихъ поселенцевъ». Что же касается земельного владѣнія колоній, то Козодавлевъ оговорился, что онѣ еще формально не обмежеваны, слѣдовательно трудно опредѣлить: сколько именно въ нихъ излишней земли противъ причитающихся по 15 дес. на мужскую ревизскую душу. Впрочемъ «для видимости» Козодавлевъ препроводилъ Голицыну двѣ вѣдомости, вотъ что показывавшія.

	Число душъ		Земли вообще десятинамъ		За надѣломъ по 15 дес. на семью осталось		
	мужск.	женск.	Обоего поля	удобной	неудобн.	удобной	неудобн.
Въ Израилевкѣ	98	92	190	5,800	200	4,300	200
„ Камянкѣ	400	293	693	11,700	300	5,265	300
„ Ингульдѣ	332	300	632	8,800	200	3,955	200
„ Большомъ Нагартовѣ	292	225	517	5,372	118	1,547	118
„ Маломъ Нагартовѣ	109	96	205	11,400	600	9,075	600
„ Эфенгарѣ	147	123	270	5,094	200	2,754	200
„ Бобровомъ Кутѣ	332	259	591	14,000	1,000	8,200	1,000
„ Сейдеминухѣ	293	266	559	5,600	400	1,250	400
Итого	2,003	1,654	3,657	67,766	3,018	36,346	3,018

Итакъ, на 2003 м. было одной удобной земли 104.112 дес., т. е. по 50 дес. слишкомъ на каждого земли, значить было достаточно. Но въ колоніяхъ чувствовался сильный недостатокъ рабочихъ рукъ. Недостатокъ этотъ объяснялся тѣмъ главнымъ фактомъ, что отъ эпидеміи, голода, климата и прочихъ невзгод умерло, въ теченіи послѣднихъ 7 лѣтъ, чрезвычайно много евреевъ. Это наглядно свидѣтельствуютъ сравненія числа ихъ по годамъ.

	м.	ж.	всего.
Въ 1811 г. ихъ было . . .	5,289	4,468	9,757.

А въ 1818 г. осталось . . .	2,003	1,654	3,657.
-----------------------------	-------	-------	--------

т. е. убавилось м. 3,268, женщ. 2,814, итого 6,100 чел. Если изъ этой цифры исключить разбѣжавшихся — самое большее 1,000 чел., то все таки до 5,000 чел. легло костыми въ Новороссійскихъ степяхъ, для ихъ удобрѣнія!... *.

Пополнить огромную убыль положительно было не кѣмъ: вслѣдствіе матеріальныхъ лишеній—народонаселеніе разросталось очень слабо, а принимать новыхъ переселенцевъ возбранялось закономъ 6 апрѣля 1810 г. Но степное приволье нѣсколько выручило евреевъ. Оно отовсюду привлекало къ себѣ бѣглыхъ крѣпостныхъ людей, которые платили осѣдлымъ колонистамъ: за преслѣдованіе—грабежемъ, воровствомъ скота и «красными пѣтухами», а за гостепрѣимство—прилежнымъ, привычнымъ физическимъ своимъ трудомъ. Земледѣльцы-евреи, какъ люди смышленные и практичные, изъ самохраненія встрѣчали бродягъ ласкою и привѣтомъ, за что бродяги охотно помогали имъ пахать, сѣять и жать. Но, скрываясь въ колоніяхъ, бродяги, лишенные возможности исполнять православныя свои религіозныя обязанности, по своему невѣжеству, естественно совсѣмъ ихъ забывали; иные же, чтобы окончательно уклониться отъ правосудія, а можетъ быть и по подговору фанатическихъ своихъ хозяевъ, даже присоединялись и къ ихъ религіи. Случаи эти обнаруживались, и Херсонскій губернаторъ довелъ объ нихъ до свѣдѣнія Голицына. Тогда правительство воспретилъ евреямъ «принимать къ себѣ для какихъ бы то ни было услугъ крѣпостныхъ и свободныхъ обоюга пола христіанъ, подѣ страхомъ взысканія по суду» (22 апрѣля 1820 г.).

Сперва ловля бродячихъ рабочихъ и привлеченіе евреевъ къ отвѣтственности за пристанодержательство, а потомъ—запретъ имъ брать христіанъ въ услуженіе,—очень ощутительно отразилось на ихъ преуспѣяніи въ земледѣліи, тѣмъ болѣе, что они уже дожили до урожаявъ и увидѣли воздѣланную ими землю

* По документамъ отъ 9 мая 1817 г., 28 іюля, 18 и 28 сентября 1818 г.

плодородною, а слѣдовательно и работу свою выгодною. И вотъ, чтобы не терять этой выгоды, адресовались они къ землякамъ въ Бѣлоруссію и Литву, приглашая ихъ переселиться къ нимъ. На ихъ призывъ первыми откликнулись Шкловскіе евреи. Могилевскій губернаторъ, отъ имени 34 семействъ, въ 74 души, обратился къ Голицыну, прося его исходатайствовать имъ разрѣшенія переселиться къ собратіи, съ условіемъ, чтобы вслѣдствіе ихъ нищеты: а) издержки ихъ переселенія и обзаведенія хозяйствомъ — были отнесены на счетъ мѣстнаго еврейскаго общества, избавлявшагося отъ бесполезнаго бремени и б) земская полиція снабжала бы ихъ подводами отъ уѣзда до другаго, по всему пути до Новороссіи.

Тургеневъ, по порученію Голицына, переслалъ губернаторское представленіе съ еврейскимъ прошеніемъ въ департаментъ государственнаго хозяйства, при запискѣ, которая, принимая во вниманіе личность Тургенева, имѣетъ особенное значеніе. Не смотря на свои большія познанія, глубокой умъ и либерализмъ, — онъ, относительно евреевъ держался однако общаго господствовавшаго тогда на нихъ взгляда. Такъ, онъ писалъ, что «переселеніе евреевъ надежнѣйшее средство къ удаленію ихъ отъ вредныхъ промысловъ и праздної жизни, — главныхъ причинъ ихъ неосѣдлости и бѣдности, до того вовлекающихъ ихъ въ преступленія, что почти всѣ тюрьмы Бѣлоруссіи и Литвы наполнены ими, а суды — завалены уголовными, объ нихъ, дѣлами»; что «при польскомъ королѣ Станиславѣ-Августѣ евреямъ, желавшимъ обратиться въ земледѣльцы, — дарована была свобода отъ податей, а это имѣло свое дѣйствіе: по свидѣтельству Чацкаго 14 семействъ удовлетворительно упражнялось въ земледѣліи», что хотя сами колонисты-евреи «лѣниво занимаются хлѣбопашествомъ, но ихъ дѣти — старательны, а третье поколѣніе вѣроятно сравнится съ прочими колонистами»; что еврей-земледѣльцы получили «довольно прочное основаніе, почему гораздо удобнѣе именно къ нимъ присоединять новыхъ колонистовъ;» что «Могилевское еврейское общество не отвѣтило: принимаетъ-ли издержки переселенія на свой счетъ, по-

этому, если-бы казна сдѣлала этотъ расходъ, — она получила бы вознагражденіе — самою пользою переселенія»; наконецъ, что князь А. Н. Голицынъ, какъ и онъ, полагаютъ, что «казна должна, на этотъ предметъ, затратиться, въ интересахъ общегосударственныхъ».

Послѣдній пунктъ записки Тургенева равнялся приказанію департаменту, со стороны Голицына, какъ направить дѣло: за смертію Козодавлева Голицынъ самъ управлялъ тогда временно и Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Основываясь на этомъ пунктѣ, департаментъ прямо запросилъ Инзова для доклада Голицыну о томъ: во 1-хъ, въ какомъ вообще положеніи находятся еврейскія колоніи; во 2-хъ, какъ привидось въ нихъ земледѣліе; въ 3-хъ, сколько изъ еврейскихъ семействъ: а) въ наличности и б) въ отлучкахъ по паспортамъ; въ 4-хъ, есть ли въ колоніяхъ свободная земля, для будущихъ поселенцевъ; въ 5-хъ, когда и какъ выгоднѣе переселить упомянутыя 34 семейства и въ 6-хъ, сколько понадобится денегъ на ихъ обзаведеніе полнымъ хозяйствомъ? *.

Инзовъ отвѣтилъ, что: 1) на устройство семьи нужно, по самому умѣренному расчету, отъ 7 до 800 р.; 2) въ первый годъ прибытія ихъ на мѣсто, куда сами сдѣлаются хозяевами — могутъ пропитаться заработками у собратіи, для чего полагають размѣстить ихъ между хорошими хозяевами; 3) если нельзя обратить издержки переселенія на еврейское общество, то предоставить губернатору на мѣстѣ сообразить: во что обойдется транспортированіе еврейской партіи, ибо попечительный комитетъ, вдали — затрудненъ это сдѣлать; 4) отправить евреевъ совѣтоваль онъ весною, когда дорога лучше и они прибудутъ къ лѣту, а тогда удобнѣе и выгоднѣе произвести для нихъ постройки, да и сами они могутъ заняться сѣнокошеніемъ и овимовымъ засѣвомъ хлѣба; 5) полезно обязать губернатора-же предварительно отсылки евреевъ удостовѣриться: не состоятъ ли они изъ престарѣлыхъ, больныхъ, либо вообще неспособныхъ

* По документамъ отъ 24 августа, 18 сентября и 30 октября 1819 г.

научиться земледѣлю, такъ какъ еврейскія общества сбывали, случалось, въ земледѣльцы именно подобныхъ людей, во избѣжаніе платежа за нихъ податей и числившихся на нихъ недоимкахъ и 6) при личномъ обзорѣни колоній онъ, Инзовъ, нашелъ «довольно трудолюбивыхъ, устроившихся хозяевъ, видѣлъ какъ всѣ они старались приучиться къ хлѣбопашеству, — а самые бѣднѣйшіе изъ нихъ занимались ремеслами въ колоніяхъ и разными промыслами въ ближайшихъ городахъ». Наконецъ предложенныя Инзовымъ вѣдомости показывали слѣдующее:

Дер.	Владѣли землею					Посѣяли въ 1819 г. хлѣба.		Имѣли имущества				
	улобои	неудоб-новод.	издан-нею про-тивъ 15 дес.	Было въ нихъ се-мействъ.	Изъ нихъ нахо-дилось на зѣра-бочахъ по нас-портѣмъ.			лошадей.	рогатаго скота.	пауговъ.	боронъ.	телегъ.
	десят.	дес.	десят.			четв.	чеп.					
Ингульцы	5652	300	672	91	39	228	2	63	690	18	33	85
Камянка	12409	—	300	71	95	68	3	49	702	17	13	75
Израилевка	5800	200	4515	6	4	11	4	12	94	1	1	8
Бобровый Куть				41	24	109	2	26	342	13	17	56
Сейдеинуха	20706	1234	12596									
Эфенгаръ	5064	190	2859	84	20	357	1 1/2	15	676	28	30	84
Большой Нагартовъ	5372	118	—	39	4	76	7	17	370	13	12	38
Малый Нагартовъ	11400	600	—	67	8	197	2 1/2	21	728	30	21	73
Итого	65773	2642	27297	417	204	1086	3 1/2	208	3833	128	132	141

Когда получился отвѣтъ Инзова, — Министерствомъ уже опять управлялъ графъ В. П. Кочубей, при которомъ началось обращеніе евреевъ въ земледѣльцы, такъ, что ему оставалось только освѣжить въ своей памяти прошлое. Какъ нѣкогда дѣйствовалъ онъ чрезъ губернаторовъ, такъ и теперь, по содержанію бумаги Инзова, потребовалъ онъ заключенія Могилевскаго губернатора. Губернаторъ донесъ, что всѣ евреи просившіеся въ земледѣльцы «способны къ этому дѣлу, знаютъ хозяйство, поведенія честнаго и ни въ какихъ порокахъ не замѣчались», а для переселенія ихъ требуется: кормовыхъ по 25 к. въ сутки на человѣка, на 30 сутокъ 64 м. и 39 ж. — 772 р. 50 к.; для своа ихъ и ихъ имущества — 35 подводъ въ одну лошадь по 45 р. на каж-

дую, на 900 верстъ—1,575 р., а всего 2,047 р. 50 к.; расходъ-же этотъ считать онъ неизбѣжнымъ отнести на счетъ казны, потому что «общество, будучи обременено недоимками—ничего не можетъ принять на себя».

Такъ какъ по повелѣнію 6 апрѣля 1810 г. увеличивать колоніи новыми пришельцами считалось положительно невозможнымъ, то Кочубей и предложилъ Голицыну, по почину котораго поднялся вопросъ о дальнѣйшемъ переселеніи,—испросить отъ себя, если желаетъ, разрѣшенія какъ на отпущеніи запрещенія евреямъ переходить въ земледѣльцы, такъ и на отпускъ денегъ, для перевозки въ Новороссію и водвореніе ихъ. Черезъ мѣсяцъ Голицынъ отозвался, что Министръ Финансовъ графъ Е. Ф. Канкринъ уже далъ ему согласіе на ассигнованіе денегъ для бѣднѣйшихъ переселенцевъ; имущіе же по его мнѣнію вправѣ были переселяться на свой счетъ, безъ всякаго новаго разрѣшенія, ибо въ 1810 г. «переселеніе было приостановлено единственно вслѣдствіе *недостатка* тогда, на этотъ предметъ, казенныхъ *денежныхъ средствъ*». Голицынъ, впрочемъ, прибавилъ, что ежели Кочубей не согласенъ съ его мнѣніемъ, то онъ «не замедлитъ доложить обо всемъ Александру I, потому что считаетъ земледѣльческій трудъ для бѣдныхъ евреевъ самымъ существеннымъ спасеніемъ отъ нужды». Кочубей принялъ толкованіе Голицынымъ смысла закона 1810 г. за непреложную истину и извѣстилъ Бѣлорусскихъ и Литовскихъ губернаторовъ, что на собственные источники евреи безпрепятственно *могутъ переселяться* въ Новороссію въ земледѣльцы; относительно-же перевозки ихъ на казенный счетъ совѣтовалъ имъ ждать особаго распоряженія, т. е. до отпуска, по настоянію Голицына, денегъ.

Въ то самое время, когда сверху расширялось право перехода евреевъ въ земледѣльцы,—снизу вспомнили совершенно забытый было вопросъ о томъ, можно ли выпускать земледѣльцевъ въ мѣщане? Дѣло въ томъ, что на ходатайство объ этомъ Конторы отъ 12 декабря 1811 г., Козодавцевъ 15 января 1812 г. предписалъ Рижелье—выработать и представить про-

ектъ особыхъ правилъ, — а Конторѣ — впредь до утверженія этихъ правилъ о каждомъ просящемся въ мѣщане доносить въ министерство, съ подробными справками и ждать разрѣшенія. Покамѣсть Контора собирала справки, — Контеніусу поручено было разсортировать евреевъ (14 апрѣля 1814 года). Тогда Контора (12 ноября 1814 же года) спросила Контеніуса: удовлетворятъ ли желаніе просителей? Контеніусъ увѣдомилъ Контору (13 марта 1815 года), что ей слѣдуетъ руководствоваться предписаніемъ министерства 1812 г. Затѣмъ Козодавлевъ (16 іюля 1815 г.) объявилъ Конторѣ, что евреевъ нельзя увольнять изъ земледѣльцевъ иначе, какъ порядкомъ, формулированнымъ Контеніусомъ, т. е., чтобы дѣйствительно неспособные колонисты напередъ внесли числившіеся на нихъ казенные долги и представили на свои мѣста семейныхъ же надежныхъ евреевъ.

Весь этотъ вопросъ Контора представила (въ 1818) г. попечительному комитету, со спискомъ евреямъ, одновременно просившимся въ мѣщане и съ отиѣтками о времени истеченія для нихъ льготныхъ лѣтъ; о количествѣ числившихся на нихъ казенныхъ долговъ и о срокахъ, въ которые общества, принимавшія ихъ въ свою среду, — обязывались уплатить за нихъ казнѣ долги, причемъ просила объ исключеніи ихъ, такъ какъ они, признанные неспособными къ земледѣлію «уже нѣсколько лѣтъ сряду пребывали въ городахъ, снова укрѣпились въ мѣщанскихъ промыслахъ, а колонистскія общества согласились уволить ихъ, передавшихъ свои хозяйства другимъ семейнымъ евреямъ». Выпускъ же изъ колонистовъ на будущее время Контора признавала нужнымъ воспретить, ибо какъ примѣры показывали, евреи впоследствии «могутъ сдѣлаться полезными хлѣбопашцами», тогда какъ «перечислившись въ мѣщане, — они умножатъ собою число городскихъ тунеядцевъ».

Попечительный комитетъ одобрилъ преположеніе Конторы и отъ себя вставилъ еще ограничительное условіе, чтобы общества еврейскихъ колоній, изъявлявшія согласіе на увольненіе въ мѣщане домогавшихся того евреевъ, — вмѣстѣ съ тѣмъ обя-

зывались заплатить по раскладкѣ и казенные долги, числившіеся за умершими колонистами. Относительно же перечисленія въ мѣщане тѣхъ колонистовъ, которые будутъ объ этомъ просить,—Комитетъ полагалъ ограничиться лишь «малосемейными и неизлѣчимо больными», ибо онъ сильно сомнѣвался, чтобы «для принятія отъ исключенныхъ хозяйствъ—являлись евреи изъ другихъ сословій: это подвергло бы ихъ двойному платежу податей», а передачу хозяйствъ между земледѣльцами—онъ не допускалъ: это «открывало бы зажиточнымъ хозяевамъ возможность уступить хозяйства бѣднѣйшимъ, а отъ этого колоніи могли со временемъ разстроиться». Всѣ эти стѣсненія Комитетъ проектировалъ съ цѣлію «отнять у евреевъ надежду когда либо освободиться изъ колоній и тѣмъ самымъ побудить ихъ непремѣнно заниматься земледѣліемъ, которому они, однажды, себя посвятили».

До министерства дѣло это дошло отъ Комитета при Кочубеѣ (въ 1820 г.), который не поддался на доводы Конторы и Комитета, а приказалъ послѣдному еще разъ тщательно проверить, черезъ особыхъ довѣренныхъ чиновниковъ: а) не происходило ли исканіе евреевъ увольненія въ мѣщане для уклоненія отъ земледѣльческаго труда и б) дѣйствительно ли они подходили подъ правила, изданныя 27 ноября 1812 г., для исключенія въ городскія сословія нѣмецкихъ колонистовъ. Но въ то же время усмотрѣвъ изъ справки департамента, что отлучившіеся изъ колоній по паспортамъ на заработки еще въ 1817 г. 86 чел. пропали безъ вѣсти,—Кочубей поставилъ это «на видъ» Комитету и предписалъ ему принять мѣры къ розыску бѣглецовъ и къ водворенію ихъ въ колоніи; за шатанье же разыскать съ нихъ и больше никуда ихъ не отпускать, а о тѣхъ, которые не найдутся—сообщить, кому слѣдуетъ, о ихъ бродяжничествѣ, съ тѣмъ, чтобы по поимкѣ ихъ предали уголовному суду.

Комитетъ повторилъ, что евреи, признанные неспособными и бесполезными къ земледѣлію, были именно таковыми. Тогда Кочубей внесъ на разрѣшеніе Комитета министровъ предполо-

женіе объ исключеніи просившихся въ мѣщане и о воспрещеніи на будущее время подобныхъ перечисленій. Въ докладѣ своемъ Кочубей, между прочимъ, прибавилъ, что на устройство 9 существовавшихъ колоній затрачено правительствомъ болѣе 300,000 р., что «большая часть поселенцевъ занимается земледѣліемъ; имѣеть: порядочный урожай хлѣба, огородныхъ овощей, достаточное количество рабочаго скота, земледѣльческихъ орудій и хозяйственныхъ принадлежностей», но закончилъ тѣмъ, что евреевъ, о которыхъ идетъ рѣчь слѣдуетъ уволить по слѣдующимъ пунктамъ: 1) «всѣ евреи, просившіеся въ мѣщане, — дѣйствительно признаны къ земледѣльческому званію неспособными; 2) считающійся на нихъ казенный долгъ обезпеченъ поручительствомъ евреевъ тѣхъ обществъ, къ которымъ они приписаны; 3) хозяйства ихъ переданы семейнымъ же евреямъ, а на ихъ увольненія колонистскія общества согласились; 4) они не составляютъ такого числа семействъ, выходъ которыхъ могъ бы разстроить колоніи, и наконецъ 5) они уже давно находятся внѣ колоній, а возвращать ихъ, посредствомъ полиціи, было бы затруднительно и для будущаго ихъ устройства въ колоніяхъ—безполезно». На основаніи этихъ мотивовъ Кочубей полагалъ удовлетворить желаніе просителей, съ тѣмъ, однакожъ, условіемъ, чтобы «предварительно разыскать казенный долгъ съ нихъ самихъ, или съ обществъ, за нихъ поручившихся». Такимъ образомъ вышло, что обусловленные для перечисленія евреевъ въ мѣщане Конторою различными затрудненія—Комитетъ увеличилъ, а Кочубей еще болѣе усилилъ.

Далѣе, по вопросу о *будущихъ* претендентахъ на мѣщанство въ докладѣ излагалось, что «цѣль правительства, положившаго намѣреніе основать колоніи хлѣбопашцевъ изъ евреевъ, не будетъ никогда достигнута, если не сдѣлать непремѣнной преграды таковымъ переселеніямъ евреевъ изъ мѣсть ихъ водворенія: еврей столь расчетливъ во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ, что подъ предлогомъ намѣренія заниматься хлѣбопашествомъ,—легко стануть искать, отъ казны, ссуды, а получивъ ее—чрезъ нѣсколько времени будутъ стараться оставить

хлѣбопашцевъ, дабы предаться обыкновеннымъ своимъ промысламъ въ такихъ мѣстахъ, въ коихъ они и права жительства не имѣютъ. Сіе неудобство можетъ быть отвращено, заключая Кочубей, только *воспрещеніемъ* евреямъ, въ хлѣбопашцы записавшимся и на казенныхъ земляхъ поселившимся, перемѣнять свое состояніе, а чтобы они оставались на мѣстахъ жительства—всемѣрно затруднить имъ выдачу паспортовъ для промысловъ, такъ какъ опытъ доказалъ, что сіе служитъ только къ подлогамъ, удаляя евреевъ отъ той цѣли, для которой правительство назначило имъ и земли и денежное пособіе*».

Комитетъ министровъ утвердилъ мнѣніе Кочубея, но Александръ I, на журналѣ Комитета собственноручно написалъ: *«будетъ имѣть видъ пристрастія къ однимъ и стѣсненія для прочихъ»* (12 февраля 1821 г.), т. е. оставилъ все въ прежнемъ видѣ.

Вслѣдствіе резолюціи Александра I, Кочубей предписалъ попечительному комитету, между прочимъ, наблюдать, чтобы евреи *ни подъ какимъ видомъ* не уклонялись отъ земледѣлія, чтобы разошедшіеся по паспортамъ вернулись по домамъ и чтобы въ мѣщане отнюдь не увольнялись, а о каждомъ просящемся, съ подробными справками, представлялъ бы министерству.

Изъ отказа выпускать колонистовъ въ мѣщане и изъ дозволенія принимать новыхъ переселенцевъ, попечительный комитетъ вывелъ необходимость точнаго опредѣленія поземельнаго владѣнія колоній. Онъ и поручилъ изслѣдовать этотъ предметъ Фадѣеву. Фадѣевъ дознался, что при всѣхъ еврейскихъ колоніяхъ излишней земли, противъ положенныхъ 15 дес. на душу—27.166 дес., которую мѣстная казенная палата отдавала въ оброчное содержаніе евреямъ, а отчасти и русскимъ по 4—7 к. за дес. въ годъ. Поселить на этой свободной землѣ новыхъ русскихъ поселенцевъ Фадѣевъ нашелъ невозможнымъ: она *«прилегалъ къ еврейскимъ участкамъ, находилась*

* По документамъ отъ 20 января, 28 февраля, 8 и 13 марта, 12, 21 и 26 іюля, 20 сентября, 31 октября и 20 ноября 1820 г.

на возвышенныхъ мѣстахъ и только узкими полосами примыкала къ рѣчкамъ». Между тѣмъ въ еврейскихъ колоніяхъ были уже «изрядные земледѣльцы; отвращеніе къ хлѣбопашеству въ нихъ сильно уменьшилось, а стремленіе бросить земледѣліе—совсѣмъ прекратилось». Одна только Израилевка показала Фадѣву совершенно неустроенною, но потому, что ея «поселенцы были своекопитные, считали себя вправѣ занимать-ся легкими промыслами, а поселились лишь для того, чтобы пользоваться льготами». Изъ 32 семействъ въ колоніи жило только 13; остальные самовольно отлучившись, шинкарили въ сосѣднихъ уѣздахъ; наличныя же 13 семействъ владѣли всего однимъ плугомъ, засѣяли въ 1821 г., только для вида, 14¹/₂ ч. разнаго хлѣба. Такъ какъ колоніи удовлетворили Фадѣва, то онъ и полагалъ всю излишнюю землю навсегда укрѣпить за ними, съ тѣмъ, чтобы изъ нея отводить участки евреямъ же, которые пожелаютъ приселиться къ собратіи, а покуда это состоится—предоставить ее въ пользованіе колонистамъ, за плату, по 5 к. съ дес. въ годъ, но съ воспрещеніемъ передавать ее, ради барыша, въ переобработку и со вмѣненіемъ имъ въ обязанность разводить скотоводство и овцеводство, на что дать имъ ссуду. Израилевскихъ же поселянъ, удаленныхъ отъ всякаго за ними наблюденія, Фадѣвъ считалъ нужнымъ перевести въ Бобровый Куть (тамъ жилъ смотритель), надѣлить землею, изъ числившейся при этой колоніи свободной земли и построить для нихъ другой рядъ домовъ, «поелику деревня состояла изъ одного ряда». Увѣренный, что Израильскіе евреи знали гдѣ именно находились ихъ соплеменники, —Фадѣвъ совѣтовалъ привести ихъ домой, подъ карауломъ и «не выпускать изъ колоніи дотолѣ, поколь не оснуютъ себѣ жилищъ и не сдѣлаются осѣдлыми».

Взглядъ Фадѣва одобрилъ самъ Контеніусъ (онъ уже служилъ экстра-ординарнымъ совѣтникомъ Комитета), въ томъ-же году осматривавшій колоніи и подтверждавшій доводы Фадѣва. Все это Комитетъ представилъ на утвержденіе Кочубея. Въ переводѣ израилевскихъ поселянъ въ Бобровый Куть Кочубей

отказалъ, во избѣжаніе разстройства ихъ быта, а велѣлъ назначить въ Израилевку особаго смотрителя, для руководства евреевъ. Затѣмъ, по соглашенію съ Министромъ Финансовъ, Кочубей утвердилъ за колоніями всю свободную землю, потому что а) доходъ за нее въ казну поступалъ «малозначащійся» и б) по настоянію Голицына надлежало принять новыхъ переселенцевъ, для которыхъ требовалась земля *.

И дѣйствительно, потребность въ землѣ вдругъ почувствовалась весьма большая: вслѣдствіе плодородія въ Новороссіи и неурожаевъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи — множество еврейскихъ семействъ уже отправились къ собратіи, на свой счетъ, а прошенія о переселеніи на казенный счетъ — повалились, точно градъ, къ Кочубею, Голицыну, генераль-губернаторамъ и губернаторамъ. Губернаторы, препровождая прошенія евреевъ къ министрамъ, присовокупляли, что просители «по крайней нищетѣ не могутъ долше оставаться въ Бѣлоруссіи». Къ началу 1822 г. изъ Витебской губерніи просились въ земледѣльцы 121 семейство (въ 586 чел. 319 м. и 267 ж.). Кочубей, не довѣряя даже удостовѣреніямъ губернаторовъ о нищетѣ евреевъ, категорически отказывалъ имъ въ какой бы то ни было казенной помощи, а желавшимъ перебраться на собственные средства — приказалъ объявить, чтобы ни на какую поддержку не рассчитывали ни въ дорогѣ, ни на мѣстѣ поселенія. Кромѣ того предварялъ ихъ, что по прибытіи въ колоніи ихъ «никуда оттуда не будутъ отпускать, а тамъ предстоитъ имъ навсегда упражняться въ земледѣліи». Мало того Кочубей поручилъ губернаторамъ отпускать въ путь только тѣхъ евреевъ, которые обяжутся подписками, что подчинятся всѣмъ перечисленнымъ ограниченіямъ ихъ правъ. Губернаторы отзывались, что подписки не только никого не останавливали, но еще увеличивали число претендентовъ; въ подтвержденіе же своихъ словъ прилагали кипы подписокъ; Могилевскій же губернаторъ пояснить

* По документамъ отъ 4 апрѣля, 1 марта, 31 августа, 1 и 21 сентября и 9 декабря 1821 г.

еще, что согласно подпискамъ онъ уже отправилъ 1,490 семействъ, въ 6,598 чел. (м. 3501, а ж. 2,997).

Вслѣдъ затѣмъ Инзовъ сообщилъ Кочубею, что въ Новороссію прибывало множество еврейскихъ семействъ, которыя не смотря на данныя ими подписки, ни въ дорогѣ, ни на мѣстѣ поселенія никакихъ пособій отъ казны не требуютъ, — прямо утверждали, что вышли изъ Бѣлоруссіи во 1-хъ, по договоризнѣ тамъ хлѣба и недостаточности промысловъ, лишившихъ ихъ возможности исправно платить подати, а во 2-хъ, вслѣдствіе настоянія кагаловъ, для избавленія мѣстныхъ обществъ отъ взноса за нихъ, неимущихъ, повинностей. Далѣе, евреи эти, не имѣя, по удостовѣренію Инзова, «ничего не токмо на обзаведеніе хозяйствъ, но и на дневное пропитаніе, не въ силахъ не только основаться въ земледѣліи, но и личнымъ трудомъ снискивать, въ колоніяхъ, пропитанія». Поэтому они и просили, какъ Инзову донесъ Фадѣевъ, увольне^ніе ихъ по паспортамъ для пріисканія заработка въ города. Комитетъ стѣснялся удовлетворять эти просьбы, потому что «неминуемымъ этому послѣдствіемъ, судя по его опыту, было бы то, что они пребыли-бы въ краѣ такими-же туеядцами, какими были въ Бѣлоруссіи, съ тою лишь разницею, что пользуясь 10-лѣтнею льготою — освободились-бы, въ продолженіи сего времени, отъ взноса податей». Оставлятъ ихъ въ колоніяхъ — Инзовъ тоже затруднялся, такъ какъ «старые поселенцы далеко еще не столь зажиточны, чтобы всѣхъ пришельцевъ кормить, а зимою въ работникахъ они вовсе не нуждались*».

Такимъ образомъ въ отвращеніе умноженія въ еврейскихъ колоніяхъ бесполезныхъ людей, Инзовъ полагалъ нужнымъ, чтобы правительство (если само не будетъ дѣлать новымъ переселенцамъ вспоможенія) обязало начальство тѣхъ губерній, откуда они отправлялись, строжайше слѣдить, чтобы одинокіе,

* Это было совершенно основательно и потому еще, что на земляхъ колоній появились, какъ Комитетъ извѣстлялъ, насккомыя, называемыя кузнечиками и „поѣли хлѣбъ, огородныя овощи, перегрызали на многихъ рабочихъ во время жатвъ, шерстяное и холщевое одѣяніе“ (26 августа 1822 г.).

престарѣлые и больные ни подѣ какимъ предлогомъ вовсе не переселялись, а здоровыхъ, способныхъ и семейныхъ—отпускали-бы не раньше, какъ по представленіи отъ ихъ обществъ на каждое семейство на построеніе дома, покупку пары воловъ, плуга и сѣмянъ на производство перваго засѣва, въ сложности по 400 р. на семейство, съ тѣмъ, чтобы деньги пересылались по почтѣ въ Екатеринославскую Контору, а изъ нея выдавались надежнымъ еврейскимъ старшинамъ для употребленія по назначенію, подѣ надзоромъ и попеченіемъ всего колоніальнаго общества, смотрителей и самой Конторы. Такими лишь мѣрами, заключилъ Инзовъ, можно будетъ надѣяться, что «люди сіи, не обладая уже никакими изворотами къ удаленію изъ колоній и увидѣвъ въ нихъ благосостояніе своихъ собратій, достигшихъ онаго трудолюбіемъ и прилежаніемъ къ хлѣбопашеству,—могутъ укорениться въ землѣ мѣстныхъ занятіяхъ и сдѣлаться, впоследствии, изъ вреднѣ для общества людей,—полезными поселянами».

Подѣ давленіемъ всѣхъ указанныхъ исключительныхъ обстоятельствъ, Кочубей обратился въ Комитетъ министровъ съ особымъ представленіемъ, въ которомъ писалъ, что переселеніе евреевъ на счетъ казны съ 1810 г. Высочайше воспрещено, а по затрудненіямъ государственнаго казначейства и въ 1822 г. не предвидѣлось ни малѣйшей возможности оказать новымъ переселенцамъ хоть какое либо казенное вспоможеніе, но назначеніе имъ пособія отъ еврейскихъ мѣстныхъ обществъ «послужить надежнымъ средствомъ къ прочному ихъ устроенію на новыхъ мѣстахъ и къ отвращенію безпорядковъ, случавшихся отъ сихъ людей, старавшихся подѣ видомъ исканія заработковъ внѣ колоній,—бродяжничать и тѣмъ самымъ избѣгать платежа податей, въ продолженіи дарованной имъ льготы».

Кочубей и спрашивалъ разрѣшенія Комитета министровъ подписать губернаторамъ: 1) еврейскія общества, избавляющіяся платежа за переселенцевъ податей, обязать оказать имъ пособіе на первое обзаведеніе по 400 р. на семейство, пересылая деньги по мѣрѣ отправления людей, въ Контору, для

употребленія по назначенію; 2) объявить обществамъ, что они обязаны давать это же пособие и всѣмъ, до нынѣ переселившимся, если они, по прибытіи на мѣсто, окажутся въ бѣднѣйшемъ состояніи; 3) поелику прибывшіе въ Новороссію евреи предприняли переселеніе не столько по собственному желанію, сколько по убѣжденію ихъ обществъ, для избѣжанія взноса за нихъ податей, то обязать губернаторовъ, чтобы ни одинъ еврей, безъ собственнаго желанія не былъ отправленъ, въ чемъ брать съ нихъ подписки; и 4) доколѣ вышеозначенныя мѣры не будутъ приведены въ точное исполненіе переселеніе *вовсе остановить*.

Отъ всѣхъ этихъ распоряженій Кочубей ждалъ «успѣха въ предпріятомъ евреями водвореніи въ Новороссійскомъ краѣ, а общественное имъ пособие на устройство хозяйствъ, не могло обременить общества, избавлявшіяся, чрезъ переселеніе ихъ единовѣрцевъ, взноса за нихъ податей».

Здѣсь нельзя, кстати, не прибавить, что мысли Инзова такъ понравились Кочубею, что онъ безотлагательно же увѣдомилъ, что «въ уваженіе весьма основательнаго мнѣнія его», онъ представилъ обо всемъ Комитету министровъ, а моголевскаго и витебскаго губернаторовъ предварилъ, чтобы «при выпускѣ евреевъ въ Новороссію сверхъ прежнихъ обязательствъ и свидѣтельствъ—требовали удостовѣренія, что переселяются добровольно; чтобы отъ каждаго семейства внесено было 400 р. и чтобы при невыполненіи этихъ условій—приостановили самое переселеніе». Короче Кочубей собственною властію привелъ въ исполненіе все то, на что самъ же ждалъ разрѣшенія Комитета министровъ.

Точно также рѣшительно отнесся Кочубей и къ другому законодательному вопросу: съ какого именно времени слѣдовало исключить переселенцевъ изъ оклада казенныхъ податей по губерніямъ, изъ которыхъ они ушли, или уйдутъ? Онъ объявилъ моголевскому губернатору, что освободить ихъ отъ податей должно съ тѣхъ поръ, когда попечительный Комитетъ увѣдомить о прибытіи ихъ на мѣсто, въ сосчитанномъ числѣ

ревизскихъ душъ, ибо правительство «дѣлая переселенцамъ пожертвованіе податями на льготные 10 лѣтъ,—не можетъ дальше простирать своего къ нимъ снисхожденія, въ явный для себя ущербъ и для соблюденія порядка».

Строгость Кочубея къ евреямъ вызывалась въ немъ отчасти и неповиновеніемъ его распоряженіямъ. Такъ, не взирая на его категорическія предписанія губернаторамъ—безъ денегъ не позволять евреямъ переселяться,—онъ вдругъ узналъ изъ донесенія Инзова, что по присланнымъ отъ бѣлорусскихъ губернскихъ начальствъ вѣдомостямъ переселенцевъ отправлено 1049 семействъ, въ 2865 м. и 2382 ж., всего въ 5245 душъ; а изъ числа прибывшихъ уже въ колоніи «большая часть находилась въ такой крайней бѣдности, что нуждалась въ пропитаніи», причемъ всѣ они единогласно заявляя, что «обмануты своими кагалами, постаравшимися сбыть ихъ съ рукъ, дабы не платить за нихъ податей и не кормить ихъ, по недостатку тамъ хлѣба и работъ; существо же данныхъ ими подписокъ—имъ вовсе объявлено не было».

Кромѣ того, попечительный Комитетъ располагалъ 27,000 дес. свободной земли, которой хватало по 15 дес. на мужскую душу, только на 1,800 душъ, тогда какъ ихъ предвидѣлось 2,865 душъ. Комитетъ и просилъ бѣлорусскія губернскія правленія о немедленномъ пріостановленіи дальнѣйшаго выпуска евреевъ изъ губерній, но правленія этой просьбѣ не внимали. Отсюда Инзовъ и выводилъ заключеніе, что принятыя правительствомъ «мѣры не предупредили послѣдшаго, въ неожиданномъ множествѣ, переселенія нищихъ евреевъ» изъ бѣлорусскихъ губерній, а вслѣдствіе этихъ фактовъ онъ основательно «опасался, чтобы еврейскія общества внесли на каждое переселившееся семейство не только по 400 руб. (это составило бы болѣе 400 т. руб.), но и по 100 р., хотя 100 р. едва ли достаточно было на одно ихъ продовольствіе въ теченіи зимы».

Между тѣмъ, быстрый, ежедневный наплывъ массы евреевъ совершенно смутилъ Инзова, не знавшаго куда ихъ дѣвать. Онъ и поручилъ Фадѣеву подробно изслѣдовать на мѣстѣ ихъ

положеніе и изыскать мѣры «къ предотвращенію важныхъ издержекъ казны; къ устраненію гибельныхъ послѣдствій, могущихъ произойти среди нихъ отъ голода и болѣзней и къ дѣйствительному обращенію ихъ къ земледѣлію».

Изъ изслѣдованія Фадѣева обнаружилось, что по спискамъ доставленнымъ въ Комитетъ и Контору витебскимъ губернаторомъ и моголевскимъ губернскимъ правленіемъ значилось отправленными въ Новороссію изъ

	сем.	мужч.	женщ.	итого
Бѣлоруссіи	1786	4470	3938	8708

Изъ нихъ къ декабрю 1822 г. прибыло въ Екатеринославъ и въ еврейскія колоніи

	435	1282	1012	2294
--	-----	------	------	------

Изъ 435 семействъ только 115 семействъ показали свое имущество: денегъ—1,253 руб., лошадей—122; воловъ—8; повозокъ—118; но вполне состоятельныхъ къ водворенію на собственный счетъ было лишь 2 семейства; затѣмъ имѣли отъ 50 до 100 р., лошадей, повозки, а нуждались въ приобрѣтеніи однихъ домовъ—13; владѣли деньгами отъ 10 до 50 р.—54; имѣли по повозкѣ и по 1-й, а нѣсколько—по 2 лошади—92; совершенно ничего не имѣли—274 семейства. Изъ послѣднихъ было ремесленниковъ: красильщиковъ—13; портныхъ—43; сапожниковъ—29; каменщиковъ—5; ткачей—4; столяровъ—5; шапошниковъ—5; цырюльниковъ—3; винокуровъ—5; шлифовщикъ—1; стекольщиковъ—3; пивоваровъ—3; типографщикъ—1; ватопниковъ—2; переплетчиковъ—4; серебрянниковъ—2; гребенщикъ—1; плотникъ—1; кузнецовъ—4; штукатуръ—1; токарей—3; итого 183, а остальные 297 семействъ, незнавшихъ никакихъ ремеселъ, питались въ Бѣлоруссіи шинкарствомъ, факторствомъ, промѣномъ денегъ и другими мелкими промыслами. Кромѣ того, списки и сами прибывшіе удостовѣряли, что еще идутъ 1,350 семействъ. Евреи эти повторяли и Фадѣеву, что старшины и кагалы, по указанной уже причинѣ, выпроводили ихъ на поселеніе и даже «скрыли отъ нихъ содержаніе подписокъ, или увѣрили ихъ, что относятся токмо къ нетребованію *путевыхъ* издержекъ, но, что, по при-

бытіи на мѣсто—правительство не откажетъ имъ въ обзаведеніи, на томъ же основаніи, какъ сіе чинилось прежде, сообразно постановленію 1806 г.», почему имъ дали и паспорта съ отмѣтками только «переселиться на собственномъ иждивеніи», слово же и «*водвориться*» было пропущено. Между тѣмъ крайняя нищета и неурожай въ Бѣлоруссіи съ одной, и слухи о урожаѣ въ Новороссіи, о благосостояніи нѣкоторыхъ изъ прежде обратившихся въ земледѣльцы—съ другой стороны, побудили ихъ идти туда; иные же въ чаяніи выгоды продали за безцѣнокъ, или вовсе бросили свои дома. Въ пути все было дорого, слѣдовавшіе водою и задержанные непогодю, пробывши въ дорогѣ, вмѣсто 3-хъ, 9 недѣль и на пропитаніе издержали всѣ деньги, продали вещи и лошадей, которыя у многихъ пали или были украдены.

Просившихся на заработки, по 1-е марта 1823 г., въ ближайшія уѣзды Екатеринославской губерніи и городъ Кременчугъ—Фадѣевъ отпустилъ, ибо они «оставляли свои семейства въ колоніяхъ», а находившихся еще въ пути онъ совѣтовалъ, въ предупрежденіе болѣзней, размѣстить на зиму въ Екатеринославѣ, Верхнеднѣпровскѣ, Крюковѣ, Александровскѣ, Елисаветградѣ, Херсонѣ и Бериславѣ, у евреевъ, или въ казенныхъ селеніяхъ. А для пріуроченія пришельцевъ къ земледѣлію Фадѣевъ призналъ необходимымъ выдавать имъ ссуду: на построеніе дома отъ 130 до 135 р., на покупку: пары воловъ—55—60 р., одной коровы—25—30 р., овцы—8 р. и т. д., но въ сложности на каждое семейство высчиталъ онъ до 500 р. Съ этимъ пособіемъ проектировалъ онъ водворять ежегодно, не болѣе *двухсотъ* семейство, для лучшаго надзора за ними. Эти 200 семействъ рассчитывалъ онъ избирать, ежегодно же изъ числа тѣхъ, которые выкажутъ наибольшую охоту къ земледѣлію, изъ находившихся со времени прихода въ колоніи въ работникахъ у старыхъ поселенцевъ. Какъ эти семейства, такъ если приселятся къ существующимъ уже колоніямъ, то и старыхъ поселенцевъ Фадѣевъ находилъ нужнымъ обязать подписками въ вѣрномъ и непремѣнномъ воз-

это годовою сродъ, если не пожелають устроиться въ колоніяхъ, для обращенія въ хлѣбопашцы. Переходъ къ обезпеченію ихъ землю Фадѣевъ излагалъ, что хотя «при водвореніи со вспоможеніемъ не болѣе 200 семействъ въ годъ, да при слабомъ, въ первые годы, хозяйственномъ состояніи евреевъ, — существенная надобность въ отводѣ для нихъ другихъ земель послѣдуетъ чрезъ нѣсколько лѣтъ, — но какъ они скоро размножаются, то надо заблаговременно предназначить для будущаго водворенія еще до 50 т. десятинъ земли, съ отдачею ея до основанія сего поселенія въ оброкъ, въ пользу казны». Наконецъ, «для надзора за ними назначить знающихъ сельское хозяйство чиновниковъ, по мѣрѣ умноженія водворенія, до укорененія ихъ въ званіи хлѣбопашцевъ». Въ заключеніе Фадѣевъ считалъ нужнымъ испросить ассигнованія, вначалѣ каждаго года, доколѣ всѣ дѣйствительно способные и благонадежные евреи водворятся, — по 50 т. руб. въ годъ.

Инзовъ раздѣлялъ всѣ соображенія Фадѣева и потому отъ себя написалъ Кочубею, что «остерегаясь несоразмѣрной прибыли евреевъ, предписалъ Херсонскому и Екатеринославскому губернаторамъ немедленно увѣдомить отъ себя Екатеринославскую Контору о томъ, какое именно число евреевъ изъ отправленныхъ и имѣвшихъ прибыть можетъ быть помѣщено на квартирваніи въ городахъ и селеніяхъ, дабы Контора могла заблаговременно распорядиться о направленіи ихъ, по мѣрѣ прибытія, въ тѣ мѣста». Затѣмъ онъ считалъ также неизбѣжнымъ оказать евреямъ вспоможеніе на ихъ водвореніе, сообразно вычисленіямъ Фадѣева и «всепокорнѣйше просилъ» Кочубея «скорѣе исходатайствовать утвержденія этого расхода, чтобы съ весны 1823 года положить начало водворенія». Инзовъ думалъ, что «взаимнъ сихъ издержекъ на *будущее время* слѣдовало постановить, чтобы изъ отправленныхъ на поселеніе евреевъ исключать изъ мѣщанскихъ окладовъ по бѣлорусскимъ губерніямъ и причислять на льготу токмо тѣхъ, кои будутъ дѣйствительно водворяемы въ земледѣльческое званіе» (о чемъ Контора и должна будетъ увѣдомить бѣлорусскія казенныя

палаты); точно также обязать еврейскія общества «производить и за явившихся и бывшихъ еще въ пути полностью взносъ по прежнему ихъ мѣщанскому званію, до того времени, пока они будутъ дѣйствительно водворены на мѣстахъ непремѣннаго жительства, съ тѣмъ, чтобы къ облегченію поселяемыхъ евреевъ обращать въ счетъ возвратнаго съ нихъ долга токмо то количество денегъ изъ выдаваемыхъ имъ на вспоможеніе къ обзаведенію, которое будетъ превосходить мѣру податнаго взноса». А чтобы не встрѣтилось затрудненія изъ-за недостатка свободной земли, Инзовъ просилъ отвести еще до 50 т. десятинъ, изъ отходившихъ въ Екатеринославской губерніи, отъ владѣнія Маріупольскихъ грековъ, чтобы по смѣжности съ участкомъ, назначеннымъ для водворенія прусскихъ колонистовъ, былъ удобенъ надзоръ и за евреями. Наконецъ, для самаго надзора Инзовъ спрашивалъ разрѣшенія опредѣлить нѣсколько дополнительныхъ чиновниковъ, съ жалованьемъ изъ суммъ, на водвореніе колонистамъ отпускаемыхъ.

Стѣсненное положеніе края, въ который привалила такая масса евреевъ, вынудило Кочубея приказать отвести земли, когда надобно будетъ, изъ колоніальныхъ земель, потому что отобранная отъ грековъ излишняя земля, еще въ 1817 г., по настоянію Голицына, назначена для водворенія общества израильскихъ христіанъ *, а по остальнымъ предметамъ Кочубей обратился въ комитетъ министровъ (на первую записку еще не было отвѣта). Записка содержала въ себѣ повтореніе предшествовавшей, домогательства Инзова и заключеніе. Отвергая доводы Инзова о водвореніи евреевъ на казенный счетъ, Кочубей писалъ: «поелику изъ донесенія Инзова видно, что еврейскія общества изъ собственныхъ выгодъ поощряли единоувѣрцевъ къ переселенію, ручались за нихъ, дали невѣрныя свидѣтельства и даже содержаніе подписокъ, кои взяты были

* По документамъ отъ 13, 14 и 26 апрѣля, 22 и 23 мая, 15 іюля, 30 августа, 5, 12 и 22 сентября, 7 октября, 30 ноября, 7, 16 и 29 декабря 1822 г.

съ переселенцевъ, отъ нихъ скрыли, то и обязаны сдѣлать имъ пособіе, для устройства на новомъ жительство».

Исходя изъ этого принципа, Кочубей, въ дополненіе изложенныхъ въ прежней запискѣ соображеній,—находилъ нужнымъ постановить слѣдующее: 1) какъ изъ числа прибывшихъ въ Новороссійскій край болѣе 400 семействъ только два могли водвориться собственнымъ иждивеніемъ, а всѣ остальные требовали необходимаго пособія не токмо въ водвореніи, но даже и въ прокормленіи ихъ, то дабы въ ожиданіи сбора съ еврейскихъ обществъ нужной на обзаведеніе ихъ хозяйствомъ, суммы, не привести переселенцевъ въ большее разстройство и не подать повода къ бродяжничеству, каковымъ примѣрамъ легко могутъ послѣдовать и преждеводворенные евреи,—ассигновать изъ государственнаго казначейства на первый разъ хотя 50,000 р., которые предоставить министру финансовъ распорядиться немедленно собрать съ еврейскихъ обществъ Могилевской и Витебской губерніи, по числу выпедшихъ изъ каждаго общества семействъ, полагая на каждое по 250 р.; 2) переселеніе вновь евреевъ въ Новороссійскій край, до совершеннаго водворенія туда отправленныхъ—*вовсе прекратить*; 3) Попечительному Комитету предоставить устройство переселенцевъ по усмотрѣнію мѣстныхъ обстоятельствъ и удобностей,—съ такимъ, притомъ, наблюденіемъ, чтобы къ водворенію изъ прибывшихъ и прибыть имѣющихъ евреевъ, назначались такіе только, кои объявятъ прямое желаніе заниматься полевыми работами или ремеслами, для земледѣльцевъ нужными. Тѣмъ же, кои окажутся вовсе неспособными къ сельской жизни и къ земледѣлію,—предоставить записываться въ мѣщанское званіе по городамъ Екатеринославской губерніи, со строгимъ наблюденіемъ, чтобы они въ крестьянскихъ и колонистскихъ селеніяхъ на жительство не оставались; въ противномъ же случаѣ отправлять ихъ обратно въ тѣ губерніи, изъ коихъ они прибыли, на счетъ тамошнихъ обществъ, которыя письменно за каждое семейство ручались въ способности къ земледѣлію; 4) для ближайшаго надзора за водвореніемъ употреб-

лять временныхъ чиновниковъ, знающихъ сельское хозяйство, опредѣляя имъ жалованье по трудамъ изъ остатковъ штатныхъ суммъ по колонистской части отпускаемыхъ; 5) что касается до отвода переселенцамъ земель, то принимая въ уваженіе: а) что водвореніе евреевъ будетъ производиться не вдругъ, а постепенно и не въ большомъ количествѣ семей; б) что изъ отправленныхъ 1786 семей вѣроятно половина окажутся вовсе неспособными къ земледѣлію и в) что на земляхъ Мариупольскихъ частію предназначенныхъ для поселенія израильскихъ христіанъ (принявшихъ православіе евреевъ) совершенно неудобно селить евреевъ, придерживающихся своей вѣры,—Кочубей полагалъ употребить на первый разъ излишнія, при еврейскихъ колоніяхъ состоявшія земли, въ числѣ 25,000 дес., исключивъ ихъ изъ оброчнаго содержанія и обративъ въ вѣдомство колонистскаго начальства, съ тѣмъ, чтобы вновь прибывшимъ переселенцамъ отводить на каждое семейство не болѣе 40 дес., каковаго количества земли и будетъ достаточно болѣе, нежели на 600 семей, если она окажется вся удобною и б) въ дополненіе къ этой землѣ, когда дѣйствительно настоитъ будетъ надобность, назначить два участка въ 24,000 дес. въ Мариупольскомъ уѣздѣ Таврической губерніи, при оврагѣ Тащанакѣ».

Едва отослали въ Комитетъ Министровъ цитированное нами второе представленіе Кочубея, — какъ онъ получилъ выписку изъ журнала Комитета объ одобреніи имъ (3 октября 1822 г.) и объ утвержденіи Александромъ I (9 января 1823 г.) перваго представленія о вмѣненіи еврейскимъ обществамъ въ непремѣнную обязанность вносить на каждое, пожелавшее переселиться въ Новороссію еврейское семейство по 400 р. и о воспрепятствованіи имъ переселяться туда безъ предварительной отправки денегъ въ Контору. Такъ какъ послѣднее представленіе Кочубея находилось въ тѣсной связи съ первымъ, то Комитетъ Министровъ заслушалъ его на другой же день послѣ его поступленія и постановилъ: «безотлагательно привести таковое въ исполненіе; поелику же переселеніе евреевъ въ столь зна-

чительномъ числѣ произошло съ крайною неосмотрительностью мѣстнаго начальства губерній, изъ коихъ они были отправлены, то предоставить Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ подтвердить, кому слѣдуетъ, дабы впредь подобныя переселенія были производимы не иначе, какъ по предварительному сношенію съ начальствомъ, въ вѣдомствѣ котораго переселенцы назначаются» (16 января 1823 г.). Это постановленіе Комитета, въ качествѣ дополнительнаго, не представлялось уже на утвержденіе Александра I, а прямо было обращено къ исполненію.

Кочубей тотчасъ же увѣдомилъ губернаторовъ и Инзова объ обоихъ постановленіяхъ Комитета Министровъ, причемъ поручилъ Инзову тщательно рассортировать переселившихся евреевъ (согласно 3 п. утвержденного Комитетомъ 15 января 1823 г., представленія Министерства) на желавшихъ: а) заняться земледѣліемъ; б) приписаться въ мѣщане южныхъ городовъ и в) вернуться на родину съ тѣмъ, чтобы о послѣдствіяхъ этого раздѣленія доставилъ подробныя свѣдѣнія; первую же категорію евреевъ устроилъ бы на ассигнованные на этотъ предметъ 50,000 руб.

И такъ Кочубею вторично пришлось прекратить переселеніе евреевъ въ Новороссію. Въ 1810 г. это произошло вслѣдствіе развившейся среди нихъ въ колоніяхъ громадной смертности, а равно отсутствія помѣщенія и удобствъ, теперь же въ 1823 г. потому, что трехгодичный неурожай въ Бѣлоруссіи побудилъ ихъ стремиться въ Новороссію, гдѣ ихъ опять некуда было дѣвать. Мало того: изъ Могилевской и Витебской губерній безпощадно тѣснилъ ихъ еще грозный указъ (отъ 11 апрѣля 1823 г.), чтобы къ 1824 г. «прекратили содержаніе въ деревняхъ арендѣ, шинковѣ, постоянныхъ дворовъ и почтѣ, а къ 1825 г. непременно выселились бы въ города и мѣстечки, или обратились бы въ хлѣбопашество на помѣщичьихъ свободныхъ земляхъ».

(Продолженіе будетъ).

ЗУРИХЪ И ГЭЛЛА.

(Разсказъ).

I.

Печать грусти лежала еще на блѣдномъ, исхудаломъ лицѣ Зуриха. Горе, постигшее его, было настолько сильно, что семидневнаго траура было куда недостаточно для оплакиванія утраты, которую онъ понесъ въ лицѣ своей дорогой супруги. Бѣдная Яхна! знай она при жизни, что Зурихъ будетъ такъ сильно убиваться, она навѣрное не умерла бы. Но Зурихъ былъ скрытный человѣкъ и никогда громко не выражалъ своихъ чувствъ, въ особенности по отношенію къ Яхнѣ, и бѣдная женщина такъ и умерла, не испытавъ ни разу нѣжной ласки суроваго Зуриха. Тѣмъ не менѣе Зурихъ былъ неутѣшенъ и горько оплакивалъ смерть своей жены, не смотря на то, или, можетъ быть, даже именно и потому, что она была у него третья по счету. Въ этомъ отношеніи Зурихъ былъ несчастный человѣкъ. Жены какъ-то у него не держались, точно кто его слазилъ. Первой жены своей онъ совсѣмъ не зналъ. Ему было всего пятнадцать лѣтъ, когда его повели къ вѣнцу съ дѣвушкой, которой онъ ни разу въ жизни не видалъ, хотя она года три была его невѣстой. До вѣнца шло все благополучно, и пылкому воображенію мальчика въ самыхъ яркихъ краскахъ представлялась та минута, когда онъ вдругъ останется наединѣ съ той самой дѣвушкой съ закрытымъ лицомъ, съ которой онъ сидитъ теперь рядомъ. Но вдругъ въ сосѣдней ком-

натѣ послышался какой-то споръ и въ ту же минуту къ нему подбѣжала его мать, схватила его за руку и насильно увела изъ за стола; тоже сдѣлала мать невѣсты, при общемъ удивленіи всѣхъ присутствующихъ. На другое утро онъ увидѣлъ свою мнимую жену въ приѣмной раввина, гдѣ писался бракоразводный актъ. Второй бракъ его былъ также несчастливъ, какъ и первый, но тутъ уже дѣйствовала его собственная воля, и онъ никогда не жалѣлъ о второй своей женѣ, не смотря на то, что она ему оставила наслѣдника въ лицѣ маленькаго Янкеле. И вотъ бѣдный Зурихъ, испытавшій столько разочарованій въ супружеской жизни, рѣшился—не отказаться отъ новаго брака—нѣтъ; онъ рѣшился жениться въ третій разъ, но не на дѣвушкѣ, а на вдовѣ. И дѣйствительно, Яхна вполнѣ оправдала его надежды, и бѣдный Зурихъ чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ, пока новое несчастіе не постигло его: Яхна заболѣла и умерла. Горе было еще тѣмъ сильнѣе, что отъ Яхны остались у него четверо дѣтей малъ-мала меньше, что съ мальчикомъ отъ второй жены составляло цѣлый полдесятокъ, съ которыми онъ положительно не зналъ, что дѣлать. Къ тому же суровый Зурихъ теперь только почувствовалъ, какъ дорога была его холодному сердцу Яхна. Это внезапное открытіе положительно поразило его. Онъ никогда и не подозрѣвалъ, чтобы сердце его могло чувствовать къ женѣ нѣчто другое, кромѣ суровыхъ обязанностей мужа. А между тѣмъ это съ нимъ случилось, и въ эти семь дней, въ которые ему приходилось, сидя на полу, оплакивать свою утрату, онъ настолько измѣнился, что когда теперь въ первый разъ послѣ траура открылъ двери своей лавочки и взглянулъ на Божій міръ, сердце его какъ-то болѣзненно сжалось. Все ему казалось не такимъ, какъ прежде. Ни ясное лазуревое небо, ни ярко блестящее солнце, ни даже базаръ со своимъ вѣчнымъ гамомъ и шумомъ, базаръ, къ которому онъ привыкъ съ дѣтства, на которомъ онъ выросъ, на которомъ онъ получилъ весь умственный и нравственный балластъ, составлявшій орудіе въ его борьбѣ за существованіе, не могли разсѣять его

грустнаго настроенія. Бѣдная Яхна! шептали его блѣдныя уста въ то время, когда онъ, копошась за прилавкомъ, приводилъ въ порядокъ свою лавочку, далеко не изобиловавшую богатствомъ товаровъ. И каждый кусочекъ мыла, каждая коробочка спичекъ, каждая сальная свѣчка,—все до чего онъ ни дотрогивался, все наводило его на грустную мысль о бѣдной Яхнѣ, преждевременно сошедшей въ могилу. И за что его Всевышній такъ преслѣдуетъ! Сколько такихъ Зуриховъ, какъ онъ на свѣтѣ, однако ни у кого еще ихъ Яхны не умирали такъ не кстати, какъ у него, именно въ то самое время, когда у него зарождались такіе широкіе и богатые планы, что если бы хоть одинъ изъ нихъ исполнился, онъ былъ бы счастливѣе самаго Ротшильда. Вотъ хоть бы снятіе въ аренду сосѣдняго съ его лавочкой шинка. Какое золотое дѣло! Уже давно мечталъ о немъ Зурихъ и только и ожидалъ той минуты, когда старый бездѣтный Хаимъ, хозяинъ этой фирмы, отправится въ Иерусалимъ. И какое бы это было счастье! Онъ въ лавочкѣ, а Яхна въ шинкѣ... или нѣтъ—онъ въ шинкѣ, а Яхна въ лавочкѣ, или оба и тутъ, и тамъ попеременно. Объ этомъ оба супруга не разъ вели длинные переговоры и даже разъ поссорились, когда Яхна заявила, что для шинка нужна женщина, а для лавочки мужчина. «Сальную свѣчку, или 4 лота сахару всякій можетъ отпустить, а поднести рюмку водки не всякій можетъ, тутъ нуженъ женскій глазъ и женская рука», утверждала Яхна... И послѣ долгихъ и жаркихъ преній по этому вопросу, Зурихъ наконецъ долженъ былъ согласиться съ мнѣніемъ своей жены... «Такъ и быть» рѣшилъ онъ въ своемъ умѣ, заранѣе предвкушая сладость тѣхъ барышей, которые посыпятся въ его карманы съ расширеніемъ торговли. И вдругъ Яхна умерла! И все болѣе и болѣе погружаясь въ мысли о бѣдной Яхнѣ и своихъ лопнувшихъ надеждахъ, онъ и не замѣтилъ, какъ въ лавку вошелъ Шмиль-Беръ, одинъ изъ популярнѣйшихъ гражданъ мѣстечка, котораго всѣ знали и который всѣхъ зналъ. Шмиль-Беръ былъ очень странный чело-вѣкъ. Ему было уже лѣтъ за пятьдесятъ, но на видъ онъ

казался гораздо старше. Сгорбленная, сутуловатая фигурка его никогда не знала покоя, а кислое, подвижное лицо всегда было чѣмъ-то озабочено, какъ будто на его обязанности лежало рѣшеніе всѣхъ важныхъ вопросовъ міра. Чѣмъ занимался Шмилъ-Беръ, на какія средства онъ живетъ, никто съ положительностью не могъ бы сказать. Его видѣли вездѣ и всегда; на базарѣ ли во время ярмарки, на свадьбѣ, на похоронахъ, на обрядѣ обрѣзанія, — вездѣ бывалъ Шмилъ-Беръ, вездѣ слышенъ былъ его голосъ, пискливый, дребезжащій, но убѣдительный и настойчивый, всюду онъ вмѣшивался, всѣмъ распоряжался, но ничего опредѣленнаго, ничего положительнаго у него не было. Посредничество во всѣхъ возможныхъ видахъ было однако преобладающимъ его занятіемъ. Онъ никогда не являлся къ комунибудь такъ себѣ, а всегда съ какимънибудь предложеніемъ, всегда озабоченный, точно важныя и неотложныя дѣла ждали его и не давали ему покоя.

— Съ добрымъ утромъ, ребъ Зурихъ, окликнулъ онъ его своимъ дребезжащимъ, крикливымъ голосомъ.

Зурихъ испуганно оглянулся.

— Съ добрымъ утромъ, — повторилъ Шмилъ-Беръ, — миръ вамъ.

— И вамъ миръ, ребъ Шмилъ-Беръ; что хорошаго скажете? произнесъ Зурихъ.

— Слава Всевышнему, что мы живы и здоровы; чего вамъ еще лучше? проговорилъ добродушно улыбаясь Шмилъ-Беръ; — не такъ ли?

Зурихъ вздохнулъ.

— Бога гнѣвить нельзя, ребъ Зурихъ, — наставительнымъ тономъ произнесъ Шмилъ-Беръ, отъ вниманія котораго не ускользнулъ вздохъ Зуриха. — Онъ знаетъ, что дѣлаетъ и всякое Его дѣйствіе ведетъ насъ къ лучшему.

Зурихъ снова вздохнулъ. Не смотря на его благочестіе, у него какъ-то невольно промелькнуло сомнѣніе въ справедливости этой истины; ему какъ-то не вѣрилось, чтобы смерть его Яхны повела его къ лучшему.

довѣртесь только Ему. Не забывайте, что у васъ хорошая заступница предъ Его престоломъ. Развѣ Яхна допустить, чтобы ея сиротки остались безъ матери... Развѣ даромъ она вела благочестивую жизнь, соблюдала законы и раздавала милостыню бѣднымъ?.. Если Онъ призвалъ ее къ Себѣ, значитъ такъ и нужно. Иначе кто бы молился за васъ, кто бы заботился о вашихъ сироткахъ? Она не допустить, чтобы они остались сиротами.

Легкая краска выступила на блѣдномъ лицѣ Зуриха. Съ затаеннымъ дыханіемъ прислушивался онъ къ словамъ Шмилъ-Бера. Подобная мысль никогда не приходила ему въ голову. Чтобы Яхна, его бѣдная Яхна, которая теперь, можетъ быть, прогуливается въ эдемѣ и пробуетъ вкусъ райской рыбы (что касается приготовленія фаршированной рыбы—она была первая мастерица въ мѣстечкѣ), чтобы она заботилась... Но чѣмъ больше онъ вдумывался въ эту мысль, тѣмъ больше она казалась ему правдоподобной. Да, да, она не оставитъ бѣдныхъ сиротокъ... какъ бы про себя повторилъ онъ слова Шмилъ-Бера. Бѣдная Яхна! И онъ глубоко вздохнулъ.

— Не только сиротокъ—она и васъ не оставитъ... все болѣе и болѣе воодушевлялся Шмилъ-Беръ. Имѣть мать для своихъ дѣтей, значитъ имѣть хорошую жену, хорошую хозяйку. Развѣ вы этого не заслуживаете?.. Повѣрьте мнѣ, ребѣ Зурихъ—и при этомъ Шмилъ-Беръ нѣсколько приблизился къ нему.—повѣрьте мнѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ съ вами случилось это несчастье, я еще ни одной ночи не провелъ спокойно. Я все думалъ о васъ, думалъ о томъ, какъ бы уменьшить ваше горе, смягчить ваше несчастье... И Всевышній помогъ мнѣ... Шмилъ-Беръ остановился на минуту, чтобы перевести духъ; затѣмъ онъ продолжалъ.— Не говорите, что васъ постигло несчастье: имѣть такую жену какъ Гэлла—это настоящий кладъ... Самъ Господь ее посылаетъ вамъ за вашу добродѣтель.

— Но, ребѣ Шмилъ-Беръ, попытался сказать что-то Зурихъ.

— Не говорите и не возражайте, — энергически остановил его Шмиль-Беръ. — Счастье идетъ вамъ на встрѣчу и вы не должны его отталкивать. Вы сами убѣдитесь, увидя ее, что это за женщина! И при этомъ старый Шмиль-Беръ не могъ удержаться, чтобы не моргнуть однимъ глазомъ.

— Я ли не знаю, что нужно Зуриху! — съ усмѣшкой продолжалъ онъ полутономъ ниже. — Какой же я послѣ этого Шмиль-Беръ! Слава Богу, вы меня не первый годъ знаете... Ужъ если я говорю что нибудь, то уже конечно не на вѣтеръ... Не такъ ли? А теперь прощайте, мнѣ некогда, я уже и такъ засидѣлся у васъ. И быстрыми шажками Шмиль-Беръ выбѣжалъ изъ лавочки, оставивъ Зуриху на разрѣшеніе не советѣмъ powerful для него задачу.

II.

Гѣлла пріѣхала въ N въ тотъ самый день, когда бѣдная Яхна переселилась въ вѣчность. Это случайное совпаденіе, которое, казалось, ничего общаго не имѣло съ ея пріѣздомъ въ достославный N, породило въ душѣ бѣдной женщины столько различныхъ мыслей, что она всю ночь не могла сомкнуть глазъ. а когда къ утру все-таки заснула, къ ней вдругъ явилась какая-то женщина, вся въ бѣломъ, и сказала: «ты хорошо сдѣлала, что пріѣхала; прощай...» Но когда она въ испугѣ проснулась и открыла глаза, предъ нею уже никого не было. Этотъ чудный и загадочный сонъ, который какъ нельзя болѣе гармонировалъ съ настроеніемъ мыслей молодой женщины, еще болѣе вызвалъ ее на серьезныя размышленія. Что въ этомъ крылось нѣчто необыкновенное, Гѣлла была болѣе, чѣмъ увѣрена. Да иначе и быть не могло: жить съ мужемъ столько лѣтъ, и повидимому въ ладу, и вдругъ взять да развестись! Правда, между ними произошла ссора; но вѣдь подобныя ссоры бывали у нихъ если не каждый часъ, то по крайней мѣрѣ каждый день, а все-таки жили... И вдругъ ни съ того ни съ сего развелись! И пріѣздъ въ N въ тотъ самый день, когда Яхну похоронили, наконецъ сонъ...

Появленіе женщины въ бѣломъ, которая, по мнѣнію Геллы была никто иная, какъ Яхна, не выходило у нея изъ головы, и, не смотря на свое собственное умѣніе толковать сны, она все-таки рѣшилась обратиться къ кому нибудь за истолкованіемъ этого загадочнаго сновидѣнья. Она вспомнила о Шмиль-Берѣ, который и въ этой области былъ также свѣдущъ и опытенъ, какъ и во всѣхъ другихъ, и порѣшила отправиться къ нему, тѣмъ болѣе, что ей съ нимъ еще кое о чемъ нужно было поговорить.

Незатѣйливый туалетъ ея на этотъ разъ однако отнялъ нѣсколько больше времени, вслѣдствіе зародившагося въ ней сомнѣнія, скрыть ли ей уши подъ шелковымъ платочкомъ или дать имъ полную свободу... Будь у нея ея длинныя серебряныя серьги съ рубинами, рѣшеніе этого вопроса не представляло бы трудности и уши ея получили бы полную свободу... Но увь! эти самыя серьги съ блестящими рубинами, которыя служили постояннымъ поводомъ къ пререканіямъ между нею и ея мужемъ—не существовали, а безъ серегъ Гелла ни за что бы не рѣшилась выставить на показъ свои уши. И при мысли о томъ, что ея драгоценность осталась въ рукахъ ея бывшаго мужа, добрая женщина запылала такимъ гнѣвомъ, что будь теперь здѣсь несчастный Янкель, ни одинъ волосъ не остался бы въ его длинныхъ пейсахъ. Но къ счастью Гелла была разсудительная женщина и не любила попусту портить себѣ кровь. Пославъ мысленно нѣсколько вѣскихъ проклятій своему бывшему мужу, она успокоилась и бросила послѣдній взглядъ въ миниатурное зеркальце, желая уловить въ немъ отраженіе своей персоны,—какъ вдругъ дверь отворилась и на порогѣ показался Шмиль-Беръ.

Неожиданность его появленія сильно смутило Геллу, тѣмъ болѣе, что онъ ее засталъ надъ такимъ занятіемъ, которое совсѣмъ не идетъ къ дочери Израиля. Проницательный Шмиль-Беръ уловилъ ея смущеніе.

— Нечего конфузиться, милая Гелла, — произнесъ онъ снисходительно;—въ твоемъ положеніи простительно иногда совѣто-

ваться съ зеркаломъ, и Богъ тебя проститъ за этотъ маленькій грѣшокъ.

— Добрый ребѣ Шмилъ-Беръ!—съ чувствомъ благодарности произнесла Гэлла;—вы пришли какъ нельзя болѣе кстати; я сама только что собиралась къ вамъ.

— Кому-же, какъ не Шмилъ-Беру приходится кстати, тѣмъ болѣе, когда я знаю, что ты во мнѣ нуждаешься?

— Какъ это вы узнали? удивилась Гэлла.

— Я какъ узналъ? Да вѣдь раньше, чѣмъ ты развелась съ мужемъ, я уже думалъ о твоей судьбѣ; на то я и Шмилъ-Беръ.

И онъ засмѣялся добродушнымъ смѣхомъ.

Гэлла рассказала ему о своемъ загадочномъ снѣ, причѣмъ однако ни словомъ не намекнула на возникшія у нея по этому поводу размышленія.

Шмилъ-Беръ внимательно выслушалъ ея рассказъ. Нѣсколько мгновеній просидѣлъ онъ молча, какъ бы находясь подъ его обаяніемъ.

— Все отъ Бога, произнесъ онъ наконецъ торжественно; ты будешь его женою, это вѣрно, какъ сегодня день.

Гэлла потупила глаза и ничего не сказала. Быть женою вообще пріятно, а тѣмъ болѣе женою Зуриха. Почему ей Зурихъ нравился, она бы конечно этого не могла сказать, такъ какъ она его совсѣмъ не знала. Да и зачѣмъ ей было знать его, когда всѣ обстоятельства складывались такъ, какъ будто само небо вмѣшалось въ это дѣло? А идти противъ неба, тѣмъ болѣе въ брачномъ дѣлѣ, было совсѣмъ не въ правилахъ Гэллы.

Шмилъ-Беръ между тѣмъ продолжалъ:

— Да, да это уже свыше предопредѣлено. Бѣдная Яхна! Еслибы она по крайней мѣрѣ знала, что ее замѣнитъ такая добродѣтельная женщина, какъ ты, Гэлла, она бы спокойно умерла, въ увѣренности, что ея дѣти попадутъ въ руки доброй мачихи.

При этихъ словахъ, Гэлла какъ то невольно закусила губы.

— А ты знаешь, Гэлла, — продолжалъ Шмиль-Беръ такимъ тономъ, какъ будто все между ними уже улажено, — какая высокая обязанность будетъ лежать на тебѣ, когда ты сдѣлаешься женою Зуриха... У него вѣдь дѣти...

Гэлла вспыхнула, но во время удержалась.

— Трудно, что и говорить; но съ другой стороны, сколько выгодъ... Вѣдь Зурихъ у насъ славится, какъ образцовый хозяинъ, у него всегда полонъ домъ... А у тебя дѣтей вѣдь нѣтъ?

Гэлла отрицательно покачала головой, причѣмъ глаза ея наполнились слезами.

Развѣ она бы развелась съ Янкелемъ, еслибы у нея были дѣти!.. Онъ, правда, дурной человѣкъ и она давно думала съ нимъ развестись, но все ждала, можетъ быть Всевышній смиловится...

При этомъ воспоминаніи бѣдная Гэлла не выдержала и залилась горячими слезами.

Шмиль-Беръ сталъ ее утѣшать. Онъ давно уже видѣлъ, что Янкель ей не пара... Но противъ судьбы не пойдешь... Видно, такъ Богу угодно было... Теперь же совсѣмъ другое... Зурихъ такой человѣкъ, какихъ рѣдко найдти... Еслибы бѣдная Яхна не умерла, онъ бы съ ней жилъ до гроба и навѣрное прижилъ бы еще съ полдесятка ребятишекъ... Насчетъ потомства Богъ не обидитъ. Тебѣ лучшаго мужа и не нужно! закончилъ онъ наконецъ.

— Но у него вѣдь дѣти — отъ первыхъ женъ, проговорила Гэлла.

— Чтоже, что дѣти?

— Но я не привыкла... Чужія дѣти... Мачиха... Еслибы хоть одинъ или двое...

— И не больше! успокоилъ ее Шмиль-Беръ. А самъ въ это время думалъ: зачѣмъ ее запугивать, послѣ сама узнаетъ... Онъ всегда держался этой системы, и очень часто она давала ему хорошіе результаты. — Что толку въ томъ, если онъ ей сразу скажетъ, что у Зуриха не двое, а четверо или пятеро

дѣтей? Она по глупости испугается и дѣло проиграно... Да и не въ его характерѣ было пугать людей, это было, противно его доброму сердцу. Люди глупы, рассуждалъ Шмиль-Беръ, а думаютъ что умны. Можно ли укрыться отъ Бога: что Онъ положить, то будетъ! И выходя изъ этого положенія, онъ рѣдко относился строго къ людскимъ поступкамъ, а тѣмъ болѣе къ своимъ, видя въ нихъ только проявленіе высшей силы... Къ тому же онъ слишкомъ сильно любилъ своихъ ближнихъ, чтобы судить ихъ строго... При всемъ томъ онъ былъ очень честный человѣкъ, и если въ его дѣйствіяхъ и можно было иногда находить что нибудь несомнѣнное съ установленной моралью, то это прямо объяснялось излишнею ревностью и желаніемъ угодить своему ближнему... Такъ поступилъ онъ и теперь при видѣ слезъ бѣдной Гэллы.

— Все будетъ хорошо, не печалься, — утѣшалъ онъ ее, — нужно только дѣйствовать съ умомъ. Конечно все въ Его рукъ...

Затѣмъ Шмиль-Беръ перешелъ къ болѣе существенному вопросу. Ему нужно знать, сколько она можетъ дать приданого Зуриху. Зурихъ человѣкъ не бѣдный, а потому и захочетъ не мало. Конечно, и тутъ воля Всевышняго, но все-таки нужно имѣть въ виду матеріальную сторону и во всякомъ случаѣ дѣйствовать разумно.

При словѣ «приданое» Гэлла вся превратилась въ слухъ. Тутъ ей предстояла возможность показать, что и она понимаетъ толкъ въ дѣлахъ, и что, хотя Шмиль-Беръ умный человѣкъ, но и она не уступитъ ему.

— Я думала совсѣмъ иначе, — проговорила она съ скромностью, подобающею молодой женщиной, — вдовецъ и съ дѣтьми — ктоже ему дастъ приданое?

— Какъ кто? — вскричалъ Шмиль-Беръ, точно Гэлла обидѣла не Зуриха, а его самого. — Да знаешь ли, что не только ты, но любая дѣвушка пойдетъ за него и приданое свое принесетъ ему? А ты все-же таки не дѣвушка!

— Но у меня дѣтей нѣтъ.

— Все же таки безъ приданого и думать нечего.

— Сколько же онъ требуетъ? проговорила Гэлла, видя, что Шмиль-Беръ не шутить.

— Я точно тебѣ не могу сказать, но предупреждаю тебя, что не мало... Шмиль-Беръ былъ неумолимъ, и еслибы онъ въ эту минуту взглянулъ на Гэлла и увидѣлъ ея блѣдное лице и глаза наполненные слезами, то навѣрное бы смягчился и обозвалъ бы себя тираномъ; но онъ былъ слишкомъ занятъ разговоромъ, чтобы смотрѣть на свою собесѣдницу.

— Вовсякомъ случаѣ, — продолжалъ онъ, — мнѣ слѣдовало бы знать, сколько ты можешь ему предложить.

Гэлла собрала всѣ свои силы... Требованіе Шмиль-Бера не гармонировало съ ея интересами, и она рѣшилась не сказать ему ничего опредѣленнаго, пока онъ не принесетъ рѣшительнаго отвѣта отъ Зуриха.

— Зачѣмъ я вамъ скажу, — проговорила она съ усмѣшкой, — можетъ быть Зурихъ требуетъ меньше, чѣмъ у меня есть...

Шмиль-Беръ тоже усмѣхнулся и кокетливо пригрозилъ ей пальцемъ. — Я давно говорилъ, что ты не глупа, Гэлла, а теперь я въ этомъ окончательно убѣдился. Ну хорошо, объ этомъ мы еще потолкуемъ. Помни только, что Шмиль-Беръ не желаетъ тебѣ зла.

III.

По уходѣ Шмиль-Бера Зурихъ задумался. Весь разговоръ, происходившій между ними, имѣлъ такой странный характеръ, былъ такой неожиданностью для него, что онъ не успѣлъ еще хорошенько переварить въ своемъ мозгу то, что наговорилъ ему почтенный Шмиль-Беръ. Развѣ мыслимо теперь думать о мірскихъ, суетныхъ вопросахъ, — теперь, когда душа его благочестивой жены, можетъ быть, витаетъ еще надъ его домомъ, надъ всѣмъ тѣмъ, что было для нея дорогого въ этомъ мірѣ! И отчего онъ прямо наотрѣзъ не сказалъ старому Шмиль-Беру, что онъ и въ помыслахъ ничего подобнаго не имѣлъ, что никто въ свѣтѣ не въ состояніи замѣнить ему его Яхны?.. Но, думалъ онъ, съ другой стороны — что станется съ его бѣдны-

ми дѣтьми, что станется съ его хозяйствомъ... Не правъ ли Шмиль-Веръ, говоря, что Яхна не допустить, чтобы ея дѣти остались безъ матери... А ему-то самому развѣ легко будетъ жить такъ, какъ не живетъ ни одинъ благочестивый еврей? Развѣ не тяжкій грѣхъ предъ Богомъ жить бобылемъ?.. И теченіе мыслей Зуриха приняло вдругъ совершенно новый, неожиданный для него оборотъ. Мысль о женитбѣ сдѣлалась у него вдругъ чѣмъ то въ родѣ *conditio sine qua non*. Да, ему теперь было странно, какъ это онъ, такой умный человѣкъ, не пришелъ къ этому заключенію раньше; ему бы тогда не пришлось столько томиться и провести столько грустныхъ часовъ!

И чѣмъ то свѣтлымъ, новымъ повѣяло вдругъ на Зуриха. Все вдругъ перемѣнилось, и прежнія надежды, рухнувшія было со смертью его жены, снова воскресли и еще съ большею силою стали осаждать его.

Вотъ онъ видитъ себя обладателемъ сосѣдняго шинка, гдѣ за стойкой стоитъ его новая жена. Торговля идетъ бойко, очень бойко... руки устаютъ, принимая деньги... А какая искусница его жена, какъ она ловко умѣетъ обходиться съ покупателями!.. И какъ всѣ ему завидуютъ!.. Онъ уже теперь не тотъ Зурихъ, что прежде—мелкій лавочникъ, торгующій салными свѣчками и спичками... Онъ теперь питейный хозяинъ, пользуется почетомъ не менѣе перваго богача... Въ школѣ у него первое мѣсто съ восточной стороны, а по праздникамъ онъ жертвуетъ столько, сколько никто въ городѣ.

Всѣ эти мысли толпились въ его головѣ въ то время, когда, стоя у порога своей лавочки, онъ разсѣянно смотрѣлъ на открывавшуюся предъ его глазами базарную площадь, залитую мягкими лучами утренняго солнца.

Базаръ сталъ все болѣе и болѣ наполняться народомъ. То тамъ, то здѣсь толпились кучки людей съ озабоченными лицами; то тамъ, то здѣсь раздавались отдѣльные голоса, слышался шумный говоръ, порой переходившій въ легкую брань. Жизнь разливалась по площади все болѣе и болѣе и захватывала каждою, кто бы ей ни попался на встрѣчу.

бытка чувствъ, прихлынувшихъ къ его сердцу... Бѣдная Яхна! Какъ мало она знала своего Зуриха! Ей совсѣмъ не было извѣстно, что у него такое мягкое, впечатлительное сердце, способное воспламениться даже при видѣ живописно ниспадающихъ складокъ женскаго платья. Она такъ и умерла въ увѣренности, что Зурихъ суровый человѣкъ.

А Зурихъ между тѣмъ думалъ о своемъ. Для него не было никакого сомнѣнія, что это была Гэлла. Да кто-же другой, какъ не Гэлла!.. Во первыхъ она шла съ Шмиль-Беромъ, во вторыхъ они смотрѣли на его лавку—это онъ хорошо замѣтилъ; а кого какъ не Гэлла можетъ интересовать его лавочка! Въ третьихъ... и сердце у Зуриха опять по прежнему забилося. Да, это она—какъ сегодня понедѣльникъ на землѣ—это она. Развѣ другая женщина одѣлась бы въ понедѣльникъ такъ нарядно!..

Но его размышленія были прерваны появленіемъ Шмиль-Бера.

IV.

— Совсѣмъ въ горлѣ пересохло,—заговорилъ онъ, вытирая вспотѣвшее лицо рукавомъ своего кафтана;—съ ранняго утра на ногахъ. Что съ ранняго утра!—поправился онъ;— всю ночь не спалъ, все думалъ и соображалъ... Вы думаете, ребъ Зурихъ, что это шуточное дѣло! Были бы вы въ шкурѣ Шмиль-Бера, тогда бы почувствовали, что значить... ну хоть, наприкладъ, вы. Я вѣдь очень хорошо знаю, какой вы ученый и благочестивый человѣкъ, знаю всю вашу жизнь, какъ свои пять пальцевъ—причемъ онъ указалъ на свои тонкіе, не совсѣмъ изящные пальцы съ короткими ногтями, обрамленными черными каемками;—также хорошо знаю Гэлла—такой хозяйки, такой умницы во всемъ мірѣ не сыскать—а о всемъ прочемъ и говорить нечего... Вы ее развѣ не видѣли? мы съ ней прежде прошли мимо вашей лавочки.

Зурихъ покраснѣлъ какъ школьникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія.—Нѣтъ, не видѣлъ, проговорилъ онъ въ замѣша-

тельствѣ; не до того мнѣ... А сердце такъ и колотилось... Такъ это была она! Значить я не ошибся, думалъ онъ въ это время.

Шмилъ-Беръ нахмурился на минуту, но, видя замѣшательство Зуриха, понялъ въ чемъ дѣло и прибавилъ:

— Ну, да это все равно, народу много проходитъ мимо вашей лавочки, всѣхъ не усмотришь. А я только къ тому веду рѣчь, какъ трудна наша работа... И вы мнѣ вѣрите, и Гэлла мнѣ вѣрять, а все таки не вѣрять... Не правду ли я говорю?... Товаръ лицомъ! И я вполне съ этимъ согласенъ, свой глазъ лучше чужого. А вѣдь вы, ребѣ Зурихъ, надо отдать вамъ справедливость, не промахъ... Бѣдная Яхна, миръ праху ея, тому живой свидѣтель...

Зурихъ слегка вздохнулъ.

Вздохнулъ и Шмилъ-Беръ.

— Однако зачѣмъ вспоминать прошлое... проговорилъ онъ какъ бы оживляясь, —если Всевышнему будетъ угодно, вы въ лицѣ Гэллы будете имѣть такую мать для своихъ сиротокъ и такую жену... И вмѣсто дальнѣйшихъ разъясненій, лице его приняло такое выраженіе, какъ будто онъ пробовалъ искусно приготовленную рыбу или дорогое вино, купленное на свѣтлый праздникъ.

Наступила минутная пауза, въ продолженіи которой у Шмилъ-Бера не сходило съ лица выраженіе, вызванное живымъ представленіемъ о Гэллѣ, а Зурихъ упорно молчалъ, но по слегка дрожащимъ губамъ его видно было, что онъ собирается сказать что-то серьезное.

— Что мнѣ назначено свыше, безъ сомнѣнія сбудется здѣсь, — произнесъ онъ наконецъ слегка взволнованнымъ голосомъ. — Если Гэлла должна быть моею женою, если Всевышній назначилъ ее мнѣ вмѣсто моей бѣдной Яхны, —миръ ея праху — то могу ли я, жалкій человѣкъ, сопротивляться Его предначертаніямъ...

— Вы говорите, какъ истинный сынъ Израиля!.. воскликнулъ съ пафосомъ Шмилъ-Беръ.

— Но мои дѣла, —продолжалъ, не слушая его, Зурихъ, —

такъ запутаны... Развѣ такую торговлю я бы велъ, если бы...

— Нужно быть довольнымъ тѣмъ, что есть, замѣтилъ Шмиль-Беръ.

— Я доволенъ, да вонъ тѣ недовольны,—возразилъ Зурихъ, указавъ на дверь, за которой слышенъ былъ пискъ нѣсколькихъ ребятшекъ.—Могу ли я не думать о нихъ? Сколько они уже теперь требуютъ... а когда выростутъ! Когда придется ихъ всѣхъ женить, отсчитывать приданое...

— Ну, до этого еще далеко, перебилъ его Шмиль-Беръ, видимо недовольный такимъ оборотомъ разговора.

— Время летитъ, ребъ Шмиль-Беръ,—какъ-то меланхолически сказалъ Зурихъ—не успѣешь оглянуться, какъ маленькому Янкелю нужно будетъ дать невѣсту, а тамъ черезъ годъ и Бурихъ... Понимаете ли вы теперь,—началъ онъ вдругъ серьезнымъ тономъ и приблизившись къ Шмиль-Беру,—понимаете ли вы теперь, почему я... да и кто на моемъ мѣстѣ поступилъ бы иначе!—продолжалъ онъ еще болѣе серьезнымъ, дѣловымъ тономъ;—вотъ я теперь женюсь, пойдутъ другія дѣти, новыя заботы, а мои капиталы... Вы сами знаете, ребъ Шмиль-Беръ, какъ трудно безъ приданого. Зурихъ свободно вздохнулъ, точно цѣлая гора свалилась съ его плечъ. Онъ наконецъ высказалъ то, что лежало у него на душѣ, что занимало его съ той самой минуты, какъ Шмиль-Беръ заикнулся о возможности вступленія въ новый бракъ...

Шмиль-Беръ все это время сидѣлъ какъ на иголкахъ. Онъ настолько сознавалъ важность сказаннаго Зурихомъ, что даже не рѣшился перебивать его довольно длинную и запутанную рѣчь, что съ нимъ случалось очень рѣдко. Къ тому же этотъ вопросъ составлялъ самую слабую сторону во всемъ этомъ планѣ, такъ искусно имъ составленномъ. И онъ напрягъ всѣ свои дипломатическія способности, чтобы поискуснѣе устранить всѣ могущія случиться недоразумѣнія.

Онъ нѣсколько разъ провелъ рукою по своей жиденькой, клиномъ торчащей бородеѣ, погладилъ свои всклокоченные сѣ-

доватые пейсы, никогда не знавшіе гребня и о которыхъ трудно было сказать, происходитъ ли просѣдь отъ сѣдыхъ волосъ, или отъ обильно покрывавшаго ихъ нѣжнаго пуха,—и когда Зурихъ, глубоко вдохнувъ, произнесъ свое послѣднее слово, онъ воскликнулъ:

— Безъ приданаго! Да кто же вамъ говорилъ, что безъ приданаго! Шмиль-Беръ ли я, или пересталъ имъ быть? Неужели вы могли думать, что я вамъ предложу нѣчто подобное... Я не то, что вы; можно сказать, старикъ въ сравненіи съ вами, и если бы Всевышнему угодно было призвать къ себѣ мою Хану и дать мнѣ молодую жену, то и я бы безъ приданаго не согласился...

Эти слова, произнесенныя съ такимъ паэосомъ, такъ подействовали на Зуриха, что онъ чуть не запрыгалъ отъ радости; но такъ какъ это было бы неприлично, то онъ ограничился только тѣмъ, что сломалъ коробочку со спичками, которую держалъ въ рукахъ, отчего онѣ разсыпались по полу.

— Зачѣмъ вы портите товаръ? замѣтилъ ему среди паэоса Шмиль-Беръ.

— Это ничего, это я такъ... пробормоталъ Зурихъ.

— Да, да, это я вамъ истину говорю,—продолжалъ тѣмъ же тономъ Шмиль-Беръ,—но съ другой стороны,—и онъ нѣсколько понизилъ тонъ—съ другой стороны мы не должны быть слишкомъ требовательны; хотя вы молодой человѣкъ, но все таки уже не такой молодой... Къ тому дѣти—у васъ вѣдь ихъ кажется—чтобы не солгать—сколько?..

— Пятеро, проговорилъ Зурихъ,—самъ чувствуя всю силу этой почтенной цифры:—одинъ отъ второй жены, а четверо отъ третьей.

— Пять! вскрикнулъ съ изумленьемъ Шмиль-Беръ;—а я ей сказалъ, что у васъ всего двое...

Наступила непріятная пауза.

— Совсѣмъ изъ головы вышло... бормоталъ какъ бы про себя Шмиль-Беръ.—Она на трехъ съ трудомъ согласится...

— Мои дѣти ей не могутъ мѣшать,—проговорилъ съ до-

стойнствомъ Зурихъ;—они мнѣ дороже всего въ мірѣ, и никогда я не рѣшусь отказаться отъ нихъ ради кого бы то ни было... Онъ замолчалъ и отвернулся къ прилавку.

Обстоятельства стали обостряться.

Шмилъ-Беръ тоже всталъ и въ задумчивости сталъ ходить взадъ и впередъ по лавочкѣ. Онъ думалъ о томъ, какъ бы устранить возникшія затрудненія, и планы, одинъ другаго блистательнѣе, планы, которымъ позавидовалъ бы любой дипломатъ, одинъ за другимъ рождались въ его мозгу.

Вдругъ онъ остановился посреди лавочки и съ сіяющимъ лицомъ взглянулъ на Зуриха.

— Вы не знаете Гэллы,—проговорилъ онъ торжественно,—если вы можете такъ на отрѣзъ говорить... Или вы хотите наперекоръ нашимъ законамъ навсегда остаться вдовцомъ... Подумайте только, какая женщина согласится сразу взять на себя обузу изъ пяти дѣтей? Съ женщинами не такъ нужно обходиться...

— Но что же я могу дѣлать? почти съ отчаяніемъ въ голосѣ воскликнулъ Зурихъ.

— Можно уладить, можно уладить... На то человѣку данъ умъ, дидактически проговорилъ Шмилъ-Беръ.

— Не знаю какъ... пробовалъ возразить Зурихъ.

— Уже не учите меня—остановилъ его Шмилъ-Беръ; — чѣмъ инымъ, а умомъ меня Господь Богъ не обидѣлъ... А вотъ вы сперва скажите, какое приданое могло бы васъ удовлетворить,—а тамъ и о прочемъ подумаемъ...

Зурихъ нахмурился. Вопросъ былъ поставленъ такъ прямо, что онъ рѣшительно не зналъ, что отвѣчать. Какую цифру назначить? Знай онъ хоть приблизительно, какимъ капиталомъ обладаетъ Гэлла, онъ бы могъ говорить рѣшительнѣе, но хитрый Шмилъ-Беръ до сихъ поръ держалъ это въ тайнѣ.

— Какъ бы вамъ сказать!—началъ Зурихъ:—въ такомъ вопросѣ нужно многое обдумать и взвѣсить... Наконецъ, вы вѣдь знаете, сколько мнѣ Яхна принесла...

— То было прежде, отрѣзалъ Шмиль-Беръ; — тогда у васъ и дѣтей не было...

— Былъ уже Янкеле, поправилъ его Зурихъ.

— Одинъ Янкеле; а теперь у васъ цѣлый пятокъ.

— Ну, разумѣется, я это самъ чувствую, сказалъ Зурихъ,—а все же хоть сотни полторы.

— Заранѣ вамъ говорю, что столько не будетъ; если до половины дотянетъ, то и за то спасибо скажете...

— Такъ нельзя... сказалъ Зурихъ.

— Но вы прежде взглянете на Гэллу, а послѣ рѣшайте, даже разсердившись проговорилъ Шмиль-Беръ.

— Могу ли я согласиться взять меньше, посудите сами... заговорилъ съ оживленіемъ Зурихъ... И онъ сталъ приводить свои доводы Шмиль-Беру. Одни расходы на свадьбу... Вѣдь она не дѣвушка, а разводка, слѣдовательно всѣ свадебныя издержки долженъ дѣлать онъ, Зурихъ: далѣе, хотя ей подарка и не полагается, но все же нельзя не купить чего нибудь молодой женѣ на другой день послѣ свадьбы! А потомъ сколько денегъ требуетъ старикъ Хаимъ за свой пинокъ, который онъ непремѣнно долженъ взять въ аренду... Одинъ новый патентъ чего стоитъ!.. И много другихъ подобныхъ соображеній, не менѣе вѣскихъ и достойныхъ вниманія, были высказаны Зурихомъ.

— Вы совершенно правы,—прервалъ его Шмиль-Беръ, вполнѣ согласившись съ доводами Зуриха;—но столько у нея нѣтъ, это я знаю вѣрно... За половину я ручаюсь, а можетъ быть и дотянетъ до ста. Вѣдь у всякой женщины найдете припрятанный узелокъ... вы это знаете, ребъ Зурихъ. И добродушная самодовольная улыбка проскользнула по его морщинистому лицу.

Улыбнулся и Зурихъ. Условія были не дурны и онъ внуренно уже согласился на нихъ.

— Опять же небольшія драгоцѣнности,—продолжалъ въ томъ же тонѣ Шмиль-Беръ.—Каяться не будете, ребъ Зурихъ—это говорить вамъ Шмиль-Беръ, который прошелъ и

огонь, и воду. Будь я на вашемъ мѣстѣ... И маленькіе глазки его забѣгали, какъ у кота, завидѣвшаго мышь.

Зурихъ окончательно просіялъ. Его расчетливый умъ успѣлъ уже объять всѣ выгоды этого брака, и мысль о томъ, что Гэлла съ ея приданнымъ и драгоценностями, даже съ капиталомъ, который вѣроятно глубоко запрятанъ отъ любопытныхъ глазъ, перейдетъ къ нему, въ его собственность, приводила его въ неописанный восторгъ. Къ тому же воспоминаніе о живописныхъ складкахъ, обхватывающихъ не совсѣмъ тонкую талію Гэллы, которыя онъ видѣлъ сегодня утромъ, окончательно завладѣли его сердцемъ, и попадись теперь тутъ случайно Яхна и взгляни она на сверкающіе глаза своего суроваго супруга, она бы ни за что въ мірѣ не согласилась возвратиться въ благоухающій эдемъ.

V.

У бѣднаго Шмиль-Бера дѣйствительно пересохло въ горлѣ. Мало того, что онъ всю ночь провелъ безъ сна и все утро былъ на ногахъ, ему теперь пришлось такъ много говорить, что имѣй онъ даже глотку самого N-скаго кантора, приобрѣвшаго славу своимъ зычнымъ голосомъ, и то бы онъ спасовалъ. За то Шмиль-Беръ былъ вполнѣ доволенъ собою—нѣтъ, не вполнѣ, такъ какъ онъ не успѣлъ еще все сдѣлать, а онъ не любилъ заранѣе праздновать побѣду; но то что ему уже удалось, давало ему полное право быть довольнымъ собою.

Развѣ легко уговорить Зуриха сдѣлать такъ, чтобы не его просили, а онъ просилъ? А вѣдь это онъ, Шмиль-Беръ, сдѣлалъ! Теперь остается Гэлла... но это пустяки... Она, правда, категорически заявила, что ни за что не выйдетъ за вдовца, у котораго болѣе трехъ дѣтей... но это не трудно уладить... Правда и Зурихъ артачится и ни за что не хочетъ утаить... Но вѣдь это ему не поможетъ... Ужъ что-что, а Янкеле долженъ будетъ на нѣсколько дней исчезнуть съ лица земли... Буриха же Гэлла согласится признать... Гораздо труднѣе казалось ему уладить съ денежной стороною вопроса.

И зачѣмъ онъ, старый дуракъ, доторопился... Не нужно было горячиться и пообѣщать такъ много. Шутка ли, обѣщаль цѣлую сотню! а у нея кажется и половины нѣтъ... Все это соображалъ и обдумывалъ Шмиль-Беръ въ то время, когда подходилъ къ питейному заведенію старика Хаима.

Это былъ самый лучший шинокъ въ городѣ. Онъ помѣщался на самомъ бойкомъ мѣстѣ противъ базарной площади и не смотря на то, что предъ дверьми этого заведенія вѣчно стояла непроходимая грязь, публика предпочитала его всѣмъ остальнымъ шинкамъ, не менѣе, впрочемъ, изобиловавшимъ грязью. Но ребъ Хаимъ умѣлъ выкапывать изъ подъ земли самую лучшую водку и доставлять ее своимъ посѣтителямъ, въ особенности же разнообразныя закуски, которыя искусная Двоя, уважаемая супруга ребъ Хаима, заготовляла въ такомъ изобилии. Начиная съ фаршированной рыбы и кончая голубцами изъ мяса съ оболочкой изъ вкусныхъ виноградныхъ листьевъ, съ жареной печенки съ мелко изрубленнымъ лукомъ, обильно пропитаннымъ гусинымъ жиромъ и кончая маленькими, издающими такой великолѣпный аромать, пампушками, предъ которыми не устоялъ бы ни одинъ гастрономъ, начиная съ... Но и этого кажется совершенно достаточно, чтобы доказать искусство Двоя и понять, почему всѣ такъ уважали шинокъ Хаима,—а въ томъ числѣ и Шмиль-Беръ. Только тонкій вкусъ и изощренное обоняніе привлекали туда Шмиль-Бера. Водку Шмиль-Беръ, какъ всѣ его единовѣрцы, не особенно уважалъ, и если его можно было чаще встрѣчать у ребъ Хаима, чѣмъ дома, то это вовсе не потому, чтобы онъ питалъ особенную привязанность къ спиртнымъ напиткамъ, а потому что и пилъ онъ только ради закуски. Къ тому же гдѣ, какъ не у ребъ Хаима, можно было встрѣчать столько народа,—а общество для Шмиль-Бера было также необходимо, какъ запахъ пампушки и чеснока для его обонянія!

И теперь, войдя въ шинокъ, онъ прежде всего вдохнулъ своимъ длиннымъ носомъ воздухъ, стараясь уловить пріятный

это балластъ не тяжелый и съ нимъ легче пробраться въ рай, чѣмъ съ жемчугами и брилліантами... А сколько такихъ добрыхъ дѣлъ она сотворила уже на своемъ вѣку!.. Не одна бѣдная невѣста, благодаря ея жемчугамъ и кольцамъ, удачно выходила замужъ и послѣ весь вѣкъ свой благословляла добрую Двою. Но благословляли ли ее мужа этихъ невѣсть... это остается тайной, потому что на другой же день послѣ вѣнчанья Двоя требовала обратно свои драгоценности и такъ сказать развѣнчивала невѣсту...

Но какъ бы то ни было, а за Двоюю всегда останется та заслуга, что она способствовала соединенію не одной пары сердецъ, которыя безъ ея содѣйствія, или вѣрнѣе безъ содѣйствія ея драгоценностей, блуждали бы по міру, мучась холоднымъ одиночествомъ.

Двоя и на этотъ разъ согласилась, разузнавъ конечно сперва всѣ подробности предстоящаго событія, и, не смотря на уклончивые отвѣты Шмилъ-Бера она успѣла все-таки кое что вывѣдать. И когда по уходѣ послѣдняго, она опять принялась за вытаскиванье горячихъ пампушекъ, то не могла уже всецѣло отдаться своему занятію: предъ ея глазами носился образъ невѣсты, разукрашенный жемчугами и серьгами, а она, мысленно стоя предъ судомъ Всевышняго, указывала ему на дѣла свои земныя.

Шмилъ-Беръ, между тѣмъ выйдя изъ кухни и опорожнивъ у стойки еще небольшую рюмку, пожелалъ ребъ Хаиму добраго дня и поспѣшилъ удалиться, но на порогѣ остановился.

— А я и по вашему дѣлу хлопоталъ, проговорилъ онъ въ торопяхъ.—Повѣрите ли, сколько мнѣ труда стоило уговорить Зуриха...

— Но вѣдь онъ меня самъ просилъ уступить ему дѣло! произнесъ удивленный и нѣсколько встревоженный ребъ Хаимъ.

— Такъ-то, такъ, но безъ уговариванья никакъ нельзя. Покупщика не такъ легко найти.

— Тысячу вмѣсто одного! воскликнулъ раздосадованный ребъ Хаимъ:—такое ли мое дѣло, чтобы не найти покупщика.

— Найдти-то найдете, но не съ такими деньгами, какъ у Зуриха...

— Тоже не Богъ вѣсть что...

— У него будутъ деньги.

— Развѣ онъ женится?

— Такъ или иначе. Но я вамъ говорю, что такого покупателя вы не найдете; а уже безъ моего содѣйствія вы тѣмъ болѣе не обойдетесь. Съ этими словами онъ выбѣжалъ изъ шинка, оставивъ бѣднаго ребѣ Хаима въ сильномъ недоумѣніи.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

С. Я.

КЪ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНІЯ ПЕРВАГО ОРГАНА РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ОЧЕРКЪ.

(По поводу 50-ти лѣтнаго юбилея Н. И. Пирогова) *.

I.

Это было въ концѣ пятидесятихъ годовъ, т. е. «въ то время, когда и т. д.» Объ этомъ времени вполнѣ, какъ извѣстно, принято было вспоминать съ какою-то ѣдкою ироніей; надъ этимъ временемъ не мало глумились и остряли, по большей части плоско и стереотипно. Говорили и, повидимому, съ полнымъ убѣжденіемъ, будто время, о которомъ идетъ рѣчь, не оправдало возлагавшихся на него надеждъ. Но нужно было быть слѣпымъ или сильно предубѣжденнымъ пессимистомъ, чтобы находить хоть тѣнь правды въ этомъ голословномъ утвержденіи. Ошканный время дѣлало свое великое дѣло добросовѣстно и неукоснительно; оно двигало жизнь впередъ, перекраивало строй ея, созидало для нея новыя, лучшія формы, вносило въ нее здоровыя сѣмена, обѣщавшія обильные всходы;—а что вся эта великая, гигантская работа пронеслась *мимо* или *надъ* головою «благополучнаго россиянина», не задѣвъ его *нутра*, то въ этомъ не «время» было виновато, а та инертность русскаго человѣка, воспитанная на барствѣ,

* Статья эта была предназначена для майской книги „Восхода“, но, по недостатку мѣста, была отложена.

гается репликантовъ въ монодрамѣ, въ которой одно лицо должно продѣлывать все, что требуется: и мыслить, и чувствовать, и говорить, и дѣйствовать. Подъ сурдинку этихъ сплошныхъ и плавныхъ монологовъ, произносившихся монотонной дикціей, мы спали крѣпко, хоть на очень жесткомъ ложѣ: они насъ не оглушали, а убаюкивали, все болѣе и болѣе погружая насъ въ сонъ, угрожавшій превратиться въ летаргическій. И чѣмъ крѣпче мы спали, тѣмъ мы чувствовали себя лучше, если лучшимъ чувствомъ можетъ называться безчувственное состояніе, мертвое для всѣхъ живыхъ впечатлѣній извнѣ... Мы впервые очнулись, когда услышали вокругъ себя человѣческіе голоса, голосъ русскаго общества, говорившаго устами русской печати. На насъ со всѣхъ сторонъ посыпались стрѣлы, но за насъ, здѣсь и тамъ, ломались и копья. Пировъ на югѣ, а «Русскій Ивалидъ» на сѣверѣ были первыми, которые, не побуждаемые ничѣмъ, кромѣ чувства гуманности и справедливости, выступили въ защиту нашего человѣческаго достоинства и нашихъ естественныхъ правъ, многими оспаривавшихся. Въ наши присяжные защитники предлагалъ себя одинъ заграничный органъ, — брюссельскій «Nord», — разсылавшій въ еврейскія общины печатные о томъ циркуляры, — но, разумѣется, съ условіемъ... хорошей подписки между евреями, долженствовавшей покрывать расходы по содержанію рубрики *Emancipation des juifs*, которую предполагалось вести параллельно съ рубрикой *Emancipation des serfs*. Но это условіе не было принято, и мы такимъ образомъ остались безъ краснорѣчиваго защитника въ «прекрасномъ далекомъ». Мы однакоже ничего не потеряли отъ этого, точно такъ какъ не Богъ знаетъ сколько выиграли отъ того, что въ прекрасномъ близкомъ у насъ было не мало защитниковъ, препиравшихся съ нашими обвинителями совершенно безкорыстно. Дѣло въ томъ, что какъ въ нападкахъ на насъ, такъ равно и въ отраженіяхъ этихъ нападковъ было очень много непосредственнаго творчества, вдохновенія и ретивости, но очень мало знанія и пониманія дѣла. Изъ обоихъ лагерей палили холостыми заря-

дами; было много дыму, но мало толку, какъ во всякомъ «примѣрномъ сраженіи». Да и чего другаго можно было ожидать отъ диллетантовъ, для которыхъ нападки на евреевъ и отпариваніе этихъ нападокъ были болѣе или менѣе благородной забавой, сезоннымъ спортомъ? Словомъ, было ясно, что мы на этихъ «двухстороннихъ маневрахъ» не далеко уѣдемъ...

II.

Пишущій эти строки, тогда еще очень молодой человекъ, зорко и съ интересомъ слѣдившій за перемѣною счастія «воюющихъ сторонъ», пришелъ къ убѣжденію, что примѣрная пальба ни къ чему не ведетъ и не поведетъ, что за израсходованіемъ патроновъ, прекратится и пальба; «стороны» подадутъ другъ другу руки — и еврейское дѣло опять будетъ сдано въ архивъ — впредь до востребованія. Этого можно было ожидать тѣмъ болѣе, что даже самыя либеральныя газеты и журналы, которые, по видимому, готовы были распинаться за евреевъ, рѣшительно отказывались печатать сколько нибудь серьезныя статьи по еврейскому вопросу, говоря, что это дѣло—слишкомъ для нихъ спеціальное и оно ихъ вовсе не касается. Значить, полиберальничали малую толику, какъ того требовалъ духъ времени, даже пресловутый «литературный протестъ» подписали—и съ плечъ долой. Не было поэтому сомнѣнія, что для того, чтобы «дѣло» двигалось впередъ, необходимо постоянное, а не временное, случайное ристалище, съ бойцами настоящими, а не вольнопрактикующими, словомъ, необходимъ «еврейскій органъ», посвященный еврейскимъ интересамъ во всѣхъ ихъ видахъ. Мы еще больше укрѣпились въ этомъ убѣжденіи, когда на страницахъ «Русскаго Инвалида» появилась очень теплая статья (г. Думашевского), трактовавшая объ этомъ же предметѣ, приводившая мнѣнія *за* и *противъ* спеціально-еврейскихъ органовъ и все-таки приходившая къ заключенію, что такіе органы полезны и, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, даже необходимы. Слѣдовательно, потребность въ еврейскомъ

органъ чувствуется уже многими, и о несвоевременности его рѣчи быть не можетъ. Правда, такой органъ для русскихъ евреевъ почти уже существовалъ; но онъ издавался въ Пруссіи и на древне-еврейскомъ языкѣ, т. е. языкѣ, рѣшительно недоступномъ для русскаго общества, съ которымъ главнѣе и слѣдовало объясняться. Кромѣ того, затѣянный почти исключительно съ меркантильною цѣлью, онъ прилаживался къ понятіямъ, вкусамъ и возрѣніямъ темныхъ еврейскихъ массъ, всячески льстилъ имъ, поддерживалъ въ нихъ самыя отсталыя стремленія и идеалы, убаюкивалъ ихъ самыми глупыми сказками, словомъ, шель съ ними, съ массами, но не впереди ихъ. Такимъ образомъ, вмѣсто свѣта, онъ вносилъ еще больше тьмы и въ безъ того затемненные умы нашихъ единовѣрцевъ, нуждавшихся въ свѣтѣ, просвѣщеніи, умственномъ и нравственномъ перерожденіи. А потому настояла нужда не въ еврейскомъ органѣ вообще, а въ такомъ, который былъ-бы живымъ, честнымъ проводникомъ здравыхъ мыслей, понятій и идей и который, притомъ, издавался бы на понятномъ для нашихъ согражданъ языкѣ, дабы наше дѣло не было для послѣднихъ книгой за семью печатами; словомъ, настояла нужда въ *еврейскомъ* органѣ на *русскомъ* языкѣ.

Но кому взяться за такое новде и во всякомъ случаѣ не легкое дѣло, сопряженное даже съ нѣкоторымъ рискомъ? Хотя въ каждой, сколько нибудь значительной общинѣ, уже можно было насчитать десятокъ — другой людей интеллигентныхъ и благомыслящихъ, жаждавшихъ прогресса, но эти люди принадлежали по большей части къ купеческому сословію, всегда и вездѣ отличающемуся консервативнымъ духомъ и инертностью въ дѣлахъ, выходящихъ за рубежъ меркантильныхъ интересовъ; а потому почина отъ людей этого сословія невозможно было и ожидать. Кромѣ того, интеллигенція этихъ интеллигентовъ, воспитавшихся на традиціяхъ Мендельсоновой школы конца прошлаго столѣтія, была какая-то неопредѣленная, международная, не то еврейская, не то нѣмецкая, сильно отзывавшаяся поверхностнымъ диллентантизмомъ, кабинетнымъ ра-

ціонализмомъ, возившимся съ уже давно преодоленными и оставленными на западѣ штампдпунктами; словомъ, интеллигенція эта, при всей своей почтенности, была сплошнымъ анахронизмомъ и для жизни уже вовсе не годилась. не говоря уже о томъ, что русская культура была ей совершенно чужда и принципиально ею игнорировалась, какъ предметъ невозможный и не существующій даже въ зародышѣ. Было ясно, что эти «люди прошлаго столѣтія» не могутъ, еслибъ даже и хотѣли, взяться за разрѣшеніе задачи, выставленной новѣйшею жизнью нашихъ единовѣрцевъ въ Россійской Имперіи: оно было имъ не по плечу и не по ихъ вкусу. Ихъ, можетъ быть, хватило-бы на литературный сборникъ, въ родѣ «Меасефа» или тому подобныхъ благодушныхъ «упражнений въ слогѣ», составлявшихъ для нихъ самый высшій идеаль въ жизни; но для живого современного органа, для энергическаго обмѣна мыслей по поводу «злѣбъ дня» они оказались бы несостоятельными, да они этихъ злѣбъ не понимали или имѣли о нихъ очень наивныя понятія. Требовались люди новые, свѣжіе, идущіе съ вѣкомъ и понимающіе его требованія.

«Выборъ» нашъ палъ на проживавшаго въ Одессѣ О. А. Рабиновича, имя котораго, какъ талантливаго русскаго литератора-еврея, пользовалось уже большою извѣстностью между *русскими* евреями, т. е. между евреями, въ воспитаніи которыхъ уже было много русскаго и которые поэтому не могли не смотрѣть на своего собрата, отлично владѣющаго русскимъ перомъ, какъ на единственнаго человѣка, который въ состояніи и *обязанъ* осуществить воодушевляющую всю еврейскую молодежь мысль о еврейскомъ органѣ на русскомъ языкѣ. Къ нему-то пишуцій эти строки и обратился съ письмомъ или, точнѣе, съ цѣлымъ трактатомъ объ интересовавшемъ насъ всѣхъ дѣлѣ, въ предположеніи, что человѣкъ, на которомъ покоились всѣ наши надежды по этому дѣлу, вовсе о немъ и не думаетъ, такъ-какъ о приготовленіяхъ къ нему вовсе не слышно было... Оказалось, однакоже, что мы ошибались, т. е. оказалось, что О. А. Рабиновичъ не только думалъ, но уже и

сдѣлать кое-что для интересовавшаго насъ дѣла. Вотъ что онъ писалъ намъ отъ 13-го июня 1858 года, въ отвѣтъ на наше къ нему посланіе:

«Письмо ваше, слишкомъ лестное для меня, я имѣлъ удовольствіе получить. Радуюсь, что мы дожили, наконецъ, до эпохи, когда можно высказать хоть частицу того, что такъ давно лежитъ у насъ свинцовымъ бременемъ на сердцѣ; еще болѣе радуюсь, что мое слабое начало нашло отголосокъ у моихъ братьевъ по вѣрѣ. Надѣюсь, что Богъ, Который хранилъ насъ среди неслыханныхъ несчастій и непримѣрныхъ испытаній и теперь не оставитъ насъ безъ своей помощи. Мы, наконецъ, дожили до момента сознанія собственныхъ силъ и достоинства; мы излечились отъ того страшнаго равнодушія, съ которымъ принимали всякую брань и упреки, сыпавшіяся на насъ досужими бумаго-марателями; *мы начали чувствовать обиды*, — это важное начало; стало быть, въ насъ есть сознаніе, что мы заслуживаемъ лучшей участи, а если есть въ насъ такое сознаніе, то мы дѣйствительно постараемся ее заслужить. Меня всегда пугала апатія нашего народа; но, какъ видно, я ошибался: онъ не спалъ, а глоталъ свои стоны, слышимо для другихъ, какъ больной, разбитый параличемъ. Приходя мало по малу въ чувство отъ этой страшной болѣзни, этотъ больной ощущаетъ боль въ каждомъ своемъ суставѣ. *A la bonne heure!* Это доказываетъ, что исцѣленіе близко, или, по крайней мѣрѣ, возможно.

«Вопросы ваши о журналѣ для нашего народа только растравили мои раны: я получилъ ваше письмо, какъ разъ черезъ день послѣ объявленія мнѣ разрѣшенія по этому предмету, разрѣшенія, убившаго мои лучшія мечты. Вотъ въ чемъ дѣло. Вы напрасно полагаете, что мы здѣсь не думали о журналѣ: напротивъ, мы думали, и еще крѣпкую думу думали мы объ этомъ. Въ декабрѣ 1856 года обратились мы—г. Тарнополь и я—къ попечителю здѣшняго учебнаго округа, г. Пирогову, извѣстному великому оператору, ученому и человѣку добра и прогресса. При запискѣ представили мы ему программу жур-

нала для евреевъ, на русскомъ языкѣ, подѣ названіемъ: «Разсвѣтъ». Не имѣю теперь времени описывать вамъ все содержаніе программы, но скажу о главномъ ея основаніи. Выставляя на видъ, что испорченный жаргонъ, которымъ говорятъ евреи въ Россіи, не можетъ споспѣшествовать просвѣщенію, потому что на немъ не только что невозможно выразить отвлеченнаго понятія, но даже нельзя высказать ни одной порядочной мысли, мы высказали всю пользу изданія для евреевъ журнала на русскомъ языкѣ, тѣмъ болѣе, что онъ и вообще грамотность довольно распространены между евреями въ Россіи. Мы указали на благія послѣдствія, могущія произойти оттого, что евреи сроднятся съ русскимъ языкомъ, сблизятся съ русскимъ народомъ, узнаютъ его поближе, и наоборотъ—русскіе покороче узнаютъ евреевъ. Мы указывали на Францію, Англію, Германію, Италію, гдѣ евреи усвоили себѣ языкъ ихъ христіанскихъ братій и гдѣ, вслѣдствіе этого, они достигли высокой степени на поприщѣ просвѣщенія и гражданственности. Однимъ словомъ, мы указывали на многія, смѣю сказать, очень дѣльные обстоятельства, о которыхъ не могу теперь распространиться. Затѣмъ мы изложили семь рубрикъ журнала, въ которыхъ объяснили его направленіе и цѣль. Содержаніемъ для него должны были служить: религіозные вопросы, общественные интересы, исторія и другія науки, критика, беллетристика, біографіи, путешествія, правительственныя распоряженія, промышленность, земледѣліе и проч., — все разумѣется, въ консервативномъ и вѣрноподданническомъ духѣ. Но главнымъ условіемъ, не забудьте, былъ *русскій языкъ*. Пошла переписка; Пироговъ сдѣлалъ самое благопріятное представленіе, замѣтивъ, что подобный журналъ долженъ принести много пользы. Я забылъ вамъ сказать, что мы предположили издавать его каждую недѣлю одинъ разъ, по формату «Augsburg. Allgem. Zeitung». Начались сношенія съ разными вѣдомствами; нашъ генералъ-губернаторъ далъ тоже хорошее мнѣніе. Дѣло тянулось до настоящаго времени,—и вотъ, нѣсколько дней тому назадъ, получаемъ мы разрѣшеніе издавать «Разсвѣтъ», но, представьте себѣ: не на

русскомъ языкѣ, а на еврейскомъ или жидовско-нѣмецкомъ языкѣ, употребляемомъ евреями въ Россіи и Польшѣ. Это собственные слова разрѣшенія. Такимъ образомъ всѣ наши свѣтлыя мечты рушились и всѣ наши приготовленія и работы обратились въ ничто. Присовокупите къ этому еще одну величайшую несообразность. Въ отношеніе цензуры сказано, что пропускать этотъ журналъ долженъ кievскій цензурный комитетъ. Типографіи еврейской здѣсь имѣть нельзя: евреямъ дозволено ихъ имѣть только двѣ — въ Вильнѣ и Житомирѣ. И такъ: мы, редакторы, будемъ жить въ Одессѣ, одобрять къ печатанію будутъ въ Кіевѣ, а печатать должно будетъ въ Житомирѣ. Каковъ будетъ еженедѣльный журналъ? Не правда-ли, хорошъ?

«Мы разсчитывали много на Вильну и Минскъ, какъ въ отношеніи подписчиковъ, такъ равно и сотрудниковъ, — и не ошиблись-бы, потому что изъ вашего письма я вижу, что недостатка не было бы ни въ тѣхъ, ни въ другихъ. Итакъ, не обвиняйте меня въ молчаніи и равнодушіи; я употреблялъ всѣ старанія, но если они не увѣнчались успѣхомъ, то вина, конечно, не моя.

«Надобно, однакожъ, прибавить, что мы не унываемъ. Я przygotowляю новую записку г. Пирогову, въ которой хочу сказать, что мы религіозныхъ вопросовъ касаться не будемъ. Въ упомянутомъ разрѣшеніи министра именно сказано, что *допущеніе разсужденій о религіозныхъ вопросахъ евреевъ на русскомъ языкѣ найдено неудобнымъ*. Авось, удастся намъ провести журналъ безъ религіозныхъ разсужденій. Разумѣется, это послѣднее усиліе, на которое я очень мало разсчитываю; но я не хочу оставлять поля, пока не буду окончательно побѣжденъ».

III.

У насъ и руки опустились: препятствіе встрѣчено было съ той стороны, съ которой, кажется, меньше всего можно было ожидать его. Мы были не только опечалены, но и въ высшей

было спѣться. Рѣшено было дѣйствовать оборонительно и наступательно,—*оборонительно* противъ нападокъ извнѣ, когда дѣло идетъ о защитѣ нашихъ человѣческихъ и конфессіональных интересовъ, а *наступательно* противъ нашего внутренняго врага: мракобѣсія, рутины, общинныхъ неурядицъ, нашихъ племенныхъ пороковъ, слабостей и т. д. Даже роли были распределены между нами: *онъ* долженъ былъ дѣйствовать въ первомъ смыслѣ, а пишущій эти строки—во второмъ. Мы тѣмъ болѣе должны были принять на себя роль обличителя, что какъ намъ сообщалось, «матерьяль, которымъ располагаетъ редакція, имѣеть характеръ преимущественно апологетическій, такъ что очень легко навлечь на себя обвиненіе въ односторонности, въ потворствѣ евреямъ даже въ томъ, что заслуживаетъ порицанія». А потому было условлено, что нѣчто обличительное должно появиться въ первомъ-же номерѣ, дабы всѣ знали, чего намѣрено держаться новорожденное изданіе. Оттуда наша пресловутая статья: «Нѣсколько словъ о евреяхъ западнаго края Россіи», надѣлавшая въ свое время много, слишкомъ много шуму во всѣхъ мѣстахъ еврейской осѣдлости. Но подробности объ этомъ послѣ.

15-го февраля 1860 г. выпущено было объявленіе объ изданіи «Разсвѣта, органа русскихъ евреевъ», въ которомъ редакція заявляла между прочимъ: «Журналъ этотъ долженъ раскрывать всѣ особенности и всѣ замѣчательныя явленія въ бытѣ евреевъ—матерьяльномъ, общественномъ и нравственномъ, противодѣйствуя черствому обскурантизму и распространяя здравыя современныя понятія. «Разсвѣту», быть можетъ, предстоитъ разсвѣять мракъ, родившійся отъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ во времена давно минувшія, и вмѣстѣ съ тѣмъ способствовать къ устраненію тѣхъ препятствій, внѣшнихъ и внутреннихъ, которыя до сихъ поръ сковывали нашихъ единовѣрцевъ на пути прогресса. Мы употребимъ всѣ усилія, чтобы для евреевъ журналъ этотъ былъ органомъ самопознанія и совершенствованія, органомъ, въ которомъ каждый свѣдущій и благонамѣренный еврей можетъ во всеуслышаніе заявлять различ-

«Гамагидъ» въ переложеніи на русскій языкъ пушкинскими стихами,—что можетъ быть лучше этого?... Это наивныя чаянія еврейской публики и были тою капитальною ошибкою, которая повела потомъ къ колоссальнымъ недоразумѣніямъ, значительно парализировавшимъ энергію просвѣщенной и талантливой редакціи, не мало обманувшейся и съ своей стороны относительно умственного уровня и настроенія публики, которой она взялась служить.

IV.

Первый номеръ «Разсвѣта», который ожидался всѣми русскими евреями съ весьма понятнымъ любопытствомъ и нетерпѣніемъ вышелъ 27-го мая 1860 года, — и, Боже мой! какое разочарованіе и недоумѣніе!... Древніе израильтяне, вышедшіе изъ Египта для того, чтобы войти въ обѣтованную землю, текущую молокомъ и медомъ, и внезапно очутившіеся въ арабской пустынѣ, гдѣ они не нашли не только молока и меда, но даже простой воды для питья, были, можетъ быть, не болѣе разочарованы и озадачены, чѣмъ русскіе евреи, когда они познакомились съ первымъ номеромъ ихъ перваго органа на русскомъ языкѣ. Правда, почти весь номеръ состоялъ изъ статей «хорошихъ», редактированныхъ совершенно въ еврейскомъ духѣ и вкусѣ, съ соотвѣтственными lamentаціями о томъ и другомъ, но... наши «нѣсколько словъ!» Въ этихъ нѣсколькихъ словахъ, занимавшихъ около пяти столбцовъ in quarto, мы коснулись экономическаго, нравственнаго и общественнаго положенія евреевъ въ западномъ краѣ, коснулись слегка, поверхностно и какъ-бы мимоходомъ, но и этого было слишкомъ много для непривыкшихъ къ критическому отношенію къ своему положенію единоплеменниковъ нашихъ, любящихъ воображать и увѣрять другихъ, что все у нихъ шито и крыто, хотя внутри они убѣждены въ противномъ. Эти «нѣсколько словъ» испортили пріятное впечатлѣніе всѣхъ остальныхъ «хорошихъ» статей: они были ложкой дегтя въ бочкѣ меда или даже, по мнѣнію дру-

насъ посыпались письма съ превыспренними похвалами и вездѣрчивыми благодарностями за какія-то оказанныя заслуги, которыхъ мы за собой вовсе не знаемъ. Однимъ словомъ: агитація была хоть куда. Удерживая за собой право мнѣнія и отраженія всякихъ словесныхъ выговоровъ, мы свято чтимъ право на собственное мнѣніе въ каждой личности. Задумавъ наше дѣло, мы знали, съ какими трудностями оно сопряжено, и ко всему приготовились, запасшись достаточной дозой терпѣнія и хладнокровія. Намъ не запугаютъ уличные толки, возбуждаемые господами-образчиками, принадлежащими именно къ тѣмъ личностямъ съ „задоромъ“, которыя, благодаря Бога, составляютъ значительное меньшинство. Но намъ бы захотѣлось и это самое меньшинство избавить отъ напрасной траты времени на сбивчивыя понятія и сужденія, касательно назначенія нашего журнала, — и потому мы нужнымъ считаемъ вступить въ маленькое объясненіе.

„Журналъ нашъ не есть органъ какой нибудь партіи и никогда имъ не будетъ. Онъ издается совсѣмъ не для отдѣльныхъ личностей, которымъ вольно соглашаться и не соглашаться съ его направленіемъ. Его предметъ несравненно обширнѣе, — это вся еврейская нація въ нашемъ отечествѣ; его цѣль гораздо святѣе, чѣмъ минутное угожденіе, — это неподкупная истина. Онъ взялъ себѣ задачей освѣщать по возможности и съ должнымъ приличіемъ все то, что доселѣ покрывалось мракомъ, предвидя оттого пользу въ будущемъ и мало заботясь о томъ хорошій ли эффектъ въ настоящемъ произведетъ этотъ долго-скрывавшійся матеріалъ, или нѣтъ. Удастся ли нашему журналу выполнить эту задачу — это другой вопросъ; но во всякомъ случаѣ онъ твердо держится того убѣжденія, что постоянное восхваленіе нашей націи и куреніе ей виміама ни къ чему ее не поведетъ. Панегирики и хвалебныя оды не принадлежать къ области той гласности, которая можетъ служить нашему дѣлу. Если мы думаемъ принести какую нибудь пользу, то должны раскрывать больныя мѣста, какъ бы ни было больно святіе повязокъ, прилипшихъ къ этимъ мѣстамъ. Мы знаемъ очень хорошо, что съ появленіемъ свѣта между совами и летучими мышами поднимается страшная суматоха; но было бы чрезвычайно смѣшно упрекать утреннюю зарю въ томъ, что эти обиженные природой созданія не могутъ выдержать ея мерцанія. Нашъ лозунгъ — свѣтъ, наша цѣль — впередъ, наша награда — сознаніе исполненія долга. Въ дѣлѣ самомъ мы надѣемся находить опору, и лучше согласимся не существовать, чѣмъ отступиться отъ своихъ убѣжденій“.

Намъ-же онъ писалъ, чтобы мы не падали духомъ отъ под-

языкъ, выходящаго въ Одессѣ еженедѣльно. Всѣ евреи негодуютъ на то, что путь, избранный редакторами для блага русскихъ евреевъ посредствомъ журналы, не тотъ истинный путь, который приличевъ поборникамъ добра, желающимъ привести благо своимъ братьямъ съ спокойствіемъ и совершенною и чистою любовью,—ибо они (редакторы) даютъ у себя мѣсто такимъ статьямъ, которыя только издѣваются надъ ихъ братьями. Вмѣсто славы, они расточаютъ посрамленіе братьямъ своимъ, своей кости и плоти. Каждый, кто любитъ своихъ братьевъ, обязанъ говорить имъ о ихъ погрѣшностяхъ и показывать имъ прямой путь и средства къ исправленію упущеній въ дѣлахъ, требующихъ исправленій сообразно мѣсту и времени; но понуждать къ этому слѣдуетъ рѣчами кроткими, выходящими изъ чистаго сердца и входящими въ сердце слушателя, а не насмѣхаться словами проникающими во внутренность, не распространяться о вещахъ, которыхъ гласное высказываніе имѣетъ только цѣлью унижить имя Израиля передъ народами, какъ это видно изъ многихъ статей, напечатанныхъ въ «Разсвѣтѣ», которыя по справедливости заслужили гнѣвъ всѣхъ истинныхъ друзей Израиля. Какъ мы сначала радовались при извѣстіи о появленіи *разсвѣта* и для нашихъ братьевъ на сѣверѣ, и не скрывали тогда нашего восторга, такъ упали мы духомъ и заболѣло наше сердце при видѣ, что ожиданія насъ обманули. «Разсвѣтъ», вмѣсто освѣщенія, затмилъ имя Израиля въ странѣ сѣверной. Даже иностранные журналы перевели у себя злобныя статьи на нашихъ братьевъ изъ «Разсвѣта», для публичнаго ихъ осрамленія; имя еврея чрезъ это сдѣлалось посмѣшищемъ въ Россіи. Что можетъ дать и прибавить подобный журналъ, который съ начала своего появленія оказался врагомъ своихъ братьевъ? И онъ уже пожалъ плоды,—братья обратились къ нему тыломъ: онъ не попалъ въ цѣль».

Рабиновичъ отвѣтилъ:

„Выходя на публичную работу, мы напередъ знали, что насъ ждутъ не лавры, а тернія; мы напередъ знали, что извнѣ и извнутри намъ предстоитъ такая борьба, какая спокойному читателю столбцовъ нашего журнала и во свѣ не представляется. Но напоръ волнъ, который мореходецъ ждетъ и къ которому готовится, и въ половину не такъ опасенъ, какъ напоръ неожиданный, настигающій врасплохъ. Мы потому и давали замѣтить неоднократно, что будемъ идти спокойно своею дорогой, не падая духомъ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ завываній. Мы также говорили и о томъ, что не будемъ вдаваться въ бесплодную полемику, и, конечно, сдержимъ слово; но мы не лишаемъ себя права уяснить по временамъ нашу задачу, такъ какъ она все еще остается загадкой для нѣкоторыхъ.

Считая наше предпріятіе не личнымъ дѣломъ, а общеюеврейскимъ, мы не вправѣ молчать тамъ, гдѣ нѣкоторые, можетъ быть, изъ однихъ только личныхъ видовъ стараются подавить только что начавшееся пробужденіе нашего народа. Этотъ случай нашъ во весь ростъ предсталъ передъ нами.

„Уже не разъ читали мы нападенія на „Разсвѣтъ“ въ журналѣ „Гамагидъ“. Но пока „Гамагидъ“ нападалъ на насъ устами своихъ корреспондентовъ изъ Россіи, это еще могло имѣть смыслъ: корреспонденты эти можетъ быть читали «Разсвѣтъ», не могли переварить его направленія и швырнули въ насъ своими театральными громами. Но, когда самъ журналъ, въ лицѣ своего редактора, пруссака, неуиѣющаго по всей вѣроятности прочесть и двухъ словъ по-русски, берется чернить наше изданіе, котораго онъ и въ глаза не видалъ,—это уже выходитъ изъ всѣхъ границъ приличія. Очернить насъ однимъ взмахомъ пера для этого журнала казалось очень удобнымъ: его приговоръ прочтется всѣми евреями земного шара, тогда какъ наши возраженія или оправданія заглохнуть въ безвѣстности, потому что кругъ нашихъ читателей ограничивается одной Россіей. Но такъ какъ мы не стремимся ко всемірной извѣстности, то для насъ главное и заключается въ томъ, чтобъ наши читатели въ Россіи постигли все неприличіе поступка прускаго «декламатора», которому подсказываютъ наши отечественные суфлеры.

„Итакъ, нашъ журналъ *издѣвается надъ евреями, унижаетъ и затмѣваетъ имя Израиля* передъ народами, помѣщаетъ злобныя статьи противъ нашихъ братьевъ, приноситъ имъ *посрамленіе*, дѣлаетъ ихъ *посмѣшищемъ* въ Россіи. Съ чистою совѣстью отвѣчаемъ мы, что во всемъ этомъ нѣтъ ни капли правды. Мы говоримъ это не изъ-за квадратныхъ баррикадъ ассирійскаго шрифта, а открыто, на языкѣ, на которомъ существуетъ богатая журналистика, могущая предъ милліонами обличить насъ въ неправдѣ, если бы мы рѣшились изворачиваться ею. Виѣсто опроверженія клеветъ, на насъ возводимыхъ, свидѣтельствуемся нашими здравомыслящими читателями, знакомыми съ духомъ современной литературы. Мы ни на шагъ не отступали отъ нашей программы, въ которой во всеуслышаніе объявляли, что „будемъ выставлать и свѣтлыя, и темныя стороны нашего народа“, что „мы будемъ безпристрастны“, что „пора нашему народу перестать прятаться въ уголъ“. Когда же мы злобно издѣвались надъ именемъ Израиля, и чѣмъ осрамили мы его и сдѣляли посмѣшищемъ въ глазахъ народовъ? Неужели же правдой и полнымъ безпристрастіемъ, которыми дышитъ вся современная русская литература, еврейскій журналъ можетъ посрамить имя еврея въ глазахъ русскаго народа“.

Но вышеприведенныя слова «Гамагида», что «Разсвѣтъ» «уже пожалъ плоды, — братья обратились къ нему тыломъ», — были вообще далеки отъ истины. Дѣло въ томъ, что когда были сказаны эти слова, т. е. въ октябрѣ мѣсяцѣ 1860 года, въ умахъ большинства русскихъ евреевъ уже замѣчался большой переворотъ къ лучшему и они обратились къ «Разсвѣту» лицомъ, находя его содержание и направленіе не только не вредными, но положительно полезными во многихъ отношеніяхъ. Нумера журнала ожидались съ нетерпѣніемъ; появленіе ихъ было истиннымъ праздникомъ для подписчиковъ; накидывались на нихъ съ жаждою долго алкавшихъ, рвали ихъ изъ рукъ. Таково-то могущество искренняго слова правды и глубокаго убѣжденія! Въ шесть мѣсяцевъ оно, такъ сказать, перевоспитало публику, поставивъ на нее другую голову съ другими мыслями и понятіями. Никакой другой еврейскій журналъ, ни до, ни послѣ «Разсвѣта», не могъ похвалиться тѣмъ громаднымъ, осязательнымъ вліяніемъ, какое имѣлъ этотъ первый въ Россіи еврейскій органъ на еврейскую публику, совершенствовавшуюся подъ этимъ вліяніемъ, въ своихъ понятіяхъ не по днямъ, а по часамъ. Воспитательное значеніе этого органа не отрицалось даже его противниками. И это, вѣроятно, потому, что «слово, выходящее изъ сердца, проникаетъ въ сердце». «Разсвѣтъ» не лавировалъ, не льстилъ, не угодничалъ, не хитрилъ, не лукавилъ, а шелъ прямо къ намѣченной себѣ цѣли, ни минуты не забывая принятой на себя задачи. Онъ не былъ афферой, а гражданскимъ подвигомъ, который требовалось совершить на пользу коснѣвшей во тьмѣ и рутинѣ еврейской массы, — и онъ совершалъ этотъ подвигъ добросовѣстно, по своему крайнему разумѣнію. Это признавали даже враги его, которые сильно ненавидѣли его, но глубоко уважали, сознавая, что носитель и знамени, натурализовавшійся въ Пруссіи темный польскій жидокъ, усердствуетъ не столько изъ ревности къ знамени, сколько изъ трогательной привязанности къ своему карману, который долженъ былъ наполняться «во славу Божию и Его первороднаго

сына Израиля». Это просвѣчивало сквозь самыя торжественныя библейскія фразы, такъ какъ шила въ мѣшкѣ не утаишь.

Вотъ почему русскіе евреи самыхъ противоположныхъ лагерей ахнули и съ непритворнымъ сожалѣніемъ заломали руки, когда редакторъ «Разсвѣта» объявилъ въ 45 № о близкомъ прекращеніи этого изданія, такъ что *первый* годъ его существованія будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и *последнимъ*. «Намъ встрѣтились такія *препятствія*,—сказано было въ этомъ заявленіи, которыя преодолѣть мы не въ силахъ. Это заставляетъ насъ прекратить журналъ послѣ перваго года его существованія, потому что мы предпочитаемъ мужественную смерть за одинъ разъ медленному и мучительному разрушенію. Да не подумаютъ, что мы потеряли силу и энергію,—ничуть: онѣ при насъ и именно, благодаря имъ, мы дѣйствуемъ рѣшительно. Нѣтъ возможности идти впередъ къ предначертанной нами цѣли,—такъ къ чему-же бесплодно истощать свои силы, когда онѣ могутъ еще пригодиться? Болѣе подробное и обстоятельное объясненіе по этому предмету мы откладываемъ до другаго времени».

Пишущему эти строки редакторъ «Разсвѣта» далъ это объясненіе тогда же, «такъ-какъ очень многое,—сказано было въ письмѣ къ намъ,—даетъ вамъ неотъемлемое право на полнѣйшую откровенность съ моей стороны въ дѣлѣ закрытія журнала». Но и теперь, по прошествіи двухъ земскихъ давностей, мы не считаемъ еще своевременнымъ—подѣлиться этимъ объясненіемъ съ читателями, а потому... не взыщите.

Изъ разныхъ пунктовъ еврейской осѣдлости полетѣли въ редакцію письма и телеграммы, единичныя и коллективныя отъ цѣлыхъ общинъ, съ выраженіемъ сожалѣнія, убѣдительнѣйшими просьбами о продолженіи такого общепользнаго изданія и самыми торжественными обѣщаніями матеріальной поддержки; но редакторъ былъ непоколебимъ въ принятомъ имъ рѣшеніи, такъ-какъ дѣло шло не о металлѣ, а о чемъ нибудь болѣе твердомъ и болѣе непреложномъ, чѣмъ металлъ... Дѣло шло о кровныхъ убѣжденіяхъ, которыя для нѣкоторыхъ чудаконъ дороже самого дорогого металла. Осипъ Рабиновичъ былъ

ЕВРЕЙСКІЕ ТИПЫ ВЪ ПОВѢСТЯХЪ І. И. КРАШЕВСКАГО.

(Książka Jubileuszowa I. I. Kraszewskiego. Warszawa, 1880).

Съ тою-же ясностью, съ которою Крашевскій смотрѣлъ на ошибки и недостатки прошлаго своей родины, говорилъ онъ всегда въ своихъ повѣстяхъ о евреяхъ. Въ цѣломъ рядѣ еврейскихъ фигуръ, взятыхъ имъ изъ бытовой жизни народа, нѣтъ ни одной, которая бы заставляла насъ думать, что у этого писателя дѣло больше шло о каррикатурѣ и шаржѣ, нежели объ объективномъ рисункѣ. Обладая врожденною быстротою взгляда и поэтическимъ пониманіемъ, Крашевскій представлялъ еврейскія фигуры чрезвычайно вѣрно съ дѣйствительностью и, помимо этого, безъ малѣйшаго признака той ироніи или фальши, которую мы издавна привыкли встрѣчать въ тѣхъ же фигурахъ въ повѣстяхъ другихъ писателей. Если въ современную намъ эпоху появляются такіа повѣсти, какъ напр., „Жидъ“, „Эли-Маковеръ“ и „Меиръ Езофовичъ“; если на народной сценѣ появляются иногда фигуры еврейскаго происхожденія, разговаривающія уже не ломаннымъ, а чистымъ польскимъ языкомъ («Еврей» Аспика, «Еврей» Любовскаго); если на картинахъ *Матейки*, *Герсона*, *Горовица*, *Готлиба*, *Лессера*, на рисункахъ *Гротера* и *Андріолли* находимъ облагороженные типы евреевъ въ старосвѣтскихъ костюмахъ, напоминающіе поэтической образъ Мицкевичевскаго Янкеля, то въ этомъ не можетъ быть ничего удивительнаго: свѣжая идейная пряжа, выработанная подъ вліяніемъ духа времени и общественныхъ реформъ, доставила этимъ фигурамъ право гражданства, уравнивъ ихъ съ дру-

гимн общественными элементами въ области искусства. Но сорокъ или около того лѣтъ тому назадъ, еврейскія фигуры въ произведеніяхъ фантазіи принадлежали къ рѣдкимъ исключеніямъ. Читателю большинству не приходилось по вкусу этого рода картинки и оно извиняло ихъ авторамъ лишь на столько, на сколько рисунокъ не слишкомъ отступалъ отъ понятій и представленій, господствовавшихъ о евреяхъ, напримѣръ, въ XVI-мъ вѣкѣ, въ эпоху, когда поэтъ Клоновичъ пѣлъ о нихъ въ *Victoria Deorum*:

„Haec est Abraami (si displicet) unica proles,
Justitiam, et primi mores imitata parentis,
Sed jam degeneres missos faciamus Hebreos,
Sordibus urbanis latent caenoque profundo,
Fortinus hominum simul insidentur, et ipsi
Intima qui fuero in viscera sponte raptant.
Qui tineas hominum propriis in manibus abduunt.
A quibus admissis ingenio arroditur orbis,
Et velut a veteri pereunt aerugine gentes“.

Намъ, можетъ быть, возразятъ, что наши писатели прежнихъ временъ не могли имѣть лучшаго понятія о евреяхъ, потому что окружающее, которое было у нихъ предъ глазами, не настраивало ихъ на болѣе привѣтливый взглядъ въ этомъ отношеніи. Но это мнѣніе ошибочно. Не восходя къ эпохамъ слишкомъ отдаленнымъ, мы уже въ XVI-мъ вѣкѣ встрѣчаемъ патриотическіе и патриархальныя образы изъ рода Езофовичей и Иссерлесовъ, людей съ сильной вѣрой, глубокой ученостью и благородными характерами, которые во всякомъ другомъ обществѣ, при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, могли бы украшать собою страницы исторіи умственнаго развитія народа и служить общимъ типомъ нравственной физіономіи презираемаго и живущаго въ обособленности племени. Почему, спрашивали мы не разъ, иностранцы-путешественники, люди противоположныхъ религіозныхъ лагерей, какъ напр., кардиналъ-легатъ Коммендони, представили своимъ землякамъ польскихъ евреевъ въ симпатичныхъ образахъ, а польскіе писатели видѣли ихъ всегда въ свѣтѣ невыгодномъ, какъ напр. Кмита, Мичинскій, Слешковскій?

Только новѣйшія времена вызвали спасительный переворотъ въ понятіяхъ. Безсмертный Чацкій, своимъ ученымъ трактатомъ, далъ первый толчокъ къ перемѣнѣ взгляда на характеръ поль-

дуетъ искать не столько въ фантазіи несравненнаго бытописателя, сколько въ сердцѣ мыслящаго обывателя края. Что это мнѣніе не преувеличено, доказываютъ собственные слова Крашевскаго, высказанныя имъ въ прочувствованномъ предисловіи ко второму изданію *Повѣсти безъ заглавія*, отражающей въ себѣ семейный бытъ евреевъ въ Литвѣ.

„Еврейскіе типы изъ Нѣмецкой улицы (въ Вильнѣ), — писалъ Крашевскій въ 1872-мъ году, — современны моменту, когда гениальный сотрудникъ *Revue des Deux Mondes* воспитывался въ суконой лавочкѣ на этой же улицѣ. *По тогдашнему времени, было почти дерзостью введеніе ихъ въ повѣсть*. Упоминаемъ объ этомъ въ доказательство того, что авторъ рано предчувствовалъ это равноправіе. Только десять лѣтъ спустя, ему дава была возможность пропагандировать въ журналѣ ту самую идею, которая уже жила въ народномъ сознаніи и въ одно прекрасное утро осуществилась на дѣлѣ“.

Что Крашевскій смотрѣлъ безпристрастно и самостоятельно на вопросъ о равноправіи евреевъ, можетъ служить доказательствомъ то, что ему уже въ 1842-мъ году не была чужда та выгодная разница, которая существовала тогда между евреями Царства и евреями сосѣднихъ провинцій. Быстрымъ глазомъ изслѣдователя авторъ *Волшебнаго фонаря* предвидѣлъ уже тогда, что „евреи Царства помышляли о сліяніи съ общимъ населеніемъ, котораго они въ другихъ мѣстахъ такъ энергически чужаются“, и что въ очень короткое время они сдѣлаются рассадникомъ прогрессивныхъ стремленій между своими единовѣрцами.

Приходится не разъ удивляться холодному и объективному взгляду на разные экономическіе вопросы, замѣчаемому у писателя, одареннаго такою поэтической фантазіей, точно также какъ и развитію на фонѣ легкой повѣствовательной ткани такихъ теорій, которыя строгія начала науки могутъ только апплодировать. Только разносторонностью таланта неопѣнимаго художника можетъ быть объясненъ этотъ дивный даръ проникновенія въ запутаннѣйшія экономическія задачи съ тою же легкостью, съ которою онъ начерталъ бы планъ дѣйствія въ повѣсти. Правда, Крашевскій не есть исключительно труженикъ идеи, но и человѣкъ дѣйствія: все, что онъ писалъ и о чемъ писалъ, онъ пережилъ и перечувствовалъ собственнымъ опытомъ; но такое объясненіе его удивитель-

теперь причина — недостатокъ энергіи и инициативы съ одной и изворотливости съ другой стороны.

Посмотримъ теперь, какъ мѣтко Крашевскій рисуетъ условія жизни бѣднаго класса еврейскаго населенія: «Кусокъ хлѣба съ солью и лукомъ удовлетворяетъ ихъ. Только въ субботу они ѣдятъ больше и отваживаются на кусокъ мяса и вареной рыбы; въ остальные дни недѣли еврейская воздержность и бережливость почти непонятны. Этимъ объясняется, отчего малая прибыль удовлетворяетъ людей, которые довольствуются такимъ малымъ. Требующій для себя больше тѣмъ самымъ претендуетъ на большія прибыли отъ торговли, а въ одномъ дѣлѣ при равныхъ выгодахъ еврей всегда больше сбережетъ, потому что жизнь обходится ему дешевле. Если бы еврей захотѣлъ пользоваться лучшею ежедневною пищею, то это стоило бы ему гораздо больше, чѣмъ намъ, потому что матерьялы обходятся ему сравнительно дороже: кошерное мясо и всякій кошеръ получается не безъ извѣстныхъ обрядовъ и возни, а потому и дороже оплачивается».

Какъ поэтъ, одаренный горячей фантазійей и какъ вѣрный живописецъ обычаевъ и характеровъ, Крашевскій умѣлъ въ рисованіи поэтической стороны еврейскихъ фигуръ возвышаться до высоты идеала.

Въ одной изъ своихъ лучшихъ повѣстей, именно въ «Сфинксѣ» (1847 г.), Крашевскій представляетъ намъ дотолѣ невиданный въ литературѣ образъ—еврея-художника.

„Еврей — живописецъ! Что-то удивительное въ самомъ дѣлѣ“. Этими словами герой повѣсти, живописецъ Янъ, выражаетъ свое удивленіе, когда Маммоничъ, его пріятель, сопровождающій его въ странствованіяхъ по мастерскимъ виленскихъ живописцевъ, предупреждаетъ его о посѣщеніи мастерской жида Іоны.

— „По истинѣ — необычайное явленіе! отвѣчаетъ ему на это Маммоничъ. — Ты знаешь и понимаешь, что у насъ значитъ жидъ. Жидъ—это еще существо заклейменное, проклятое, какъ въ среднихъ вѣкахъ, презираемое и стоящее ниже всѣхъ... Что до меня, то я на этого бѣднаго парію никогда не могу смотрѣть безъ глубокаго сочувствія. Стоя по своему образованію далеко выше своихъ здѣшнихъ братій, онъ однакоже не отрекся ни отъ народа несправедливо презираемаго многими, ни отъ ненавистной всѣмъ религіи...

домъ шагу встрѣчалъ непріятныя преслѣдованія. Онъ никогда не скрывалъ, что онъ еврей, и когда узнавали объ этомъ, его выгоняли изъ школы, такъ какъ никто не хотѣлъ учиться съ нимъ вмѣстѣ, сидѣть около него на скамейкѣ. Онъ учился по большей части по книгамъ, гравюрамъ и художественнымъ произведеніямъ, разсыпаннымъ во множествѣ по Франкфурту и другимъ нѣмецкимъ городамъ.

Пальмеръ временно пребываетъ въ Вильнѣ. Привело его сюда неожиданное наслѣдство по бабушкѣ, которая жила бѣдно, «занимаясь продажей гнилыхъ яблокъ и кислыхъ вишенъ, ходя въ грязныхъ, набитыхъ соломою сапогахъ по грязнѣйшимъ закоулкамъ города, но у которой нашли зашитыми въ тряпкѣ больше тысячи червонцевъ, по одному накопленныхъ ею для внука».

Предъ смертью старушка призвала раввина и передала ему свою рухлядь, что бы она дошла въ цѣлости къ Іонѣ. Послѣдній изъ благодарности къ бабушкѣ и изъ желанія познакомиться съ краемъ, въ которомъ онъ родился, приѣзжаетъ въ Вильну. Но жить здѣсь онъ не можетъ: онъ ежедневно бываетъ возмущенъ несчастнымъ положеніемъ своихъ бѣдныхъ собратій и говоритъ, что хотя онъ и поступить подло, но всетаки уйдетъ съ поля битвы, потому сердце его готово разорваться отъ созерцанія ихъ уродства и нравственнаго убожества“.

Герой повѣсти Янъ приближается съ Маммоничемъ къ дверямъ бѣднаго грязнаго еврейскаго домика обѣ одномъ этажѣ. Оборванный еврейчикъ отворяетъ прибывшимъ полу-стеклянные двери. Они быстро проходятъ затхлую комнату, «въ которой цѣлое семейство скучилось на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ аршинъ, учась, ссорясь, дѣлая счеты, торгуя, любя и хозяйничая въ тѣсномъ и страшно удушливомъ воздухѣ. „Черезъ лотки съ лапшой, черезъ ушаты съ помоями, задѣвая разорванные пологи и множество стоящихъ и висящихъ люлекъ, Маммоничъ съ Яномъ протискиваются наконецъ ко входу плотно запертой комнатки. Іона — молодой человѣкъ низкаго роста, нѣжнаго сложенія, худой, бѣлый какъ женщина, съ прозрачной кожей, чрезъ которую просвѣчиваютъ синія жилки. Типъ его лица былъ восточный. Большіе, оживленные, черные глаза, сидѣвшіе глубоко, были отбѣнены бровями красивыхъ очертаній; онъ имѣлъ меланхолическія, но пурпурныя губы, маленькую бородку и усм тѣм-

наго цвѣта, курчавые волосы съ спнимъ отливомъ и высокій и гладкій лобъ. Послѣ первыхъ привѣтствій, Іона весело пожимаетъ руку Ява и говоритъ:

— Какъ я счастливъ! Вы не брезгаете бѣднымъ паріей, вы меня посѣщаете, меня, жида! Да вознаградитъ васъ Богъ за это!

— Позволь, коллега, сказать тебѣ, — живо отвѣчаетъ на это Явъ, — что нынѣ по справедливости окрещено именемъ *варварскаго предрассудка* то старое презрѣніе, съ которымъ несправедливо относились къ цѣлому народу...

— Это только слова, — говоритъ Іона. — Мы для васъ все еще тотъ легендарный Агасферъ, которому вашъ Богъ сказалъ: «Иди вѣчнымъ странникомъ и ѣшь хлѣбъ свой въ слезахъ и презрѣніи». Для васъ мы — осужденные потомки богоубійцъ.

— Потомки избраннаго народа!

— Да, избраннаго, но свергнутаго. Но, — прибавилъ Іона съ нѣкоторою гордостью, — народы, какъ люди, умирать должны; нужно умѣть мириться съ судьбой и уважать приговоры Господни. Есть великіе непреложные законы, противъ которыхъ ничего не подѣлаешь. Никто какъ Богъ! Надъ нами десница Его. Сѣтовать не годится. Мы были народомъ избраннымъ, давшимъ всему остальному человѣчеству своего Бога, Бога Единаго, теперь мы послѣдніе изъ послѣднихъ. Жизнь наша засохла, какъ трава, и исчезла, какъ тѣнь. Кто знаетъ, что выражалъ тотъ египетскій, еивскій идолъ, который подъ именемъ сфинкса былъ великой загадкой всего древняго міра? Можетъ быть, онъ выражаетъ судьбу павшаго племени, уступившаго силѣ кулака и сросшагося съ звѣремъ и которое въ этомъ видѣ, имѣя крылья, но каменные, не можетъ ни двигаться, ни вознестись головою человѣческою, но тѣломъ звѣриннымъ. Этотъ сфинксъ мнѣ всегда напоминаетъ нашу долю въ Палестинѣ. Евреи, которые дали міру библію — слуги мусульманскаго меча! Не есть ли это голова человѣческая, подчиняющаяся тѣлу звѣриному? А бессильныя жалобы наши, раздающіяся въ пустынѣ, не изображаютъ ли онѣ каменные крылья таинственнаго животнаго, на которыхъ не улетишь изъ тяжелой дѣйствительности?... Еврею трудно быть даже художникомъ: доступъ къ великимъ произведеніямъ искусства для него затрудненъ, къ святынямъ вашимъ онъ подходитъ со страхомъ, Римъ для него запертый городъ, въ которомъ ему пельзя даже плакать на ра-

звалинахъ своихъ старыхъ побѣдителей. Страдать, молиться и молчать—вотъ удѣлъ нашъ!»

Пропускаемъ дальнѣйшія подробности этой, поэтическимъ языкомъ написанной бесѣды, дабы обратить вниманіе на слѣдующій отрывокъ этой прекрасной сцены, заключающій въ себѣ пророческое провидѣніе эпохи, до которой мы дожили уже въ наши дни,—эпохи, въ которой уже не идеальныя, вымышленныя фигуры, но живыя руки людей враждебныхъ дотолѣ лагерей соединились въ пожатіи во имя прощенія обидъ, единенія и любви къ общей матерн-землѣ.

— Повѣрь,—говоритъ еврей, прощаясь съ Яномъ,—я по гробъ не забуду твоего визита. Свѣтъ относится къ побѣжденнымъ, павшимъ, съ презрѣніемъ. Они виноваты предъ нимъ, потому что пали,—а какое паденіе не марааетъ? Они виноваты, когда съ отчаянною рѣшимостью хотятъ подняться изъ грязи; виноваты, когда покорны; виноваты, когда молчатъ, всегда виноваты... А когда изъ толпы тѣхъ, которые провозглашаютъ: «виноваты!» вырывается искренній голосъ сочувствія и состраданія,—о, какъ мы за то благодарны! Вы не доживете, но кто знаетъ, можетъ быть, дѣти ваши или внуки,—не трудно быть пророкомъ,— доживутъ до той минуты, когда и для васъ, какъ нынѣ для меня, слово утѣшенія, протянутая рука, искреннее сочувствіе будутъ дорогимъ подаркомъ! Не дай этого Боже, но народы падаютъ и исчезаютъ, какъ люди, и отъ смерти нѣтъ спасенія. Это мечъ ангела Божія!»

И, можетъ быть, нѣсколько долго остановился надъ фантастическою личностью Іоны, но трудно, читая «Сфинксъ», оторваться отъ образа, свидѣтельствующаго не только о мастерствѣ Крашевскаго въ изображеніи характеровъ, но и о благородномъ сердцѣ писателя, которое въ эпоху всеобщаго враждебнаго настроенія противъ еврейскаго элемента въ жизни и искусствѣ, вездѣ искало идеала и чуюло его даже тамъ, гдѣ другія мастерскія перья не могли его отыскать. Чтобы рисовать съ такою обстоятельностью низшіе слои евреевъ, этотъ замкнутый въ себя, какъ улитка въ скорлупѣ, міръ, отвратительный снаружи, но великій, поэтический и занимательный для мыслящаго ума своимъ содержаніемъ, мало обладать даромъ проникновенія; нужно еще быть достаточно знакомымъ со сферой вѣрованій, духовнымъ настроеніемъ и богатымъ запасомъ преданій того племени, которое описываешь.

И подобно тому, какъ въ „Хатѣ за селомъ“, въ „Яривѣ“, „Ермолаѣ“ и „Будникѣ“ есть слѣды серьезнаго изученія народныхъ нравовъ и обычаевъ, такъ точно и въ картинкахъ изъ еврейскаго быта замѣтно глубокое знакомство Крашевскаго съ разными оттѣнками еврейскихъ характеровъ и типовъ, начиная отъ мѣстечковаго арендатора и кончая ученымъ талмудистомъ, весьма близкимъ къ тому типу, который рисуетъ намъ преданіе.

У кого изъ насъ не вѣзались навсегда въ памяти чудные силуэты евреевъ стараго закала въ перлѣ повѣствовательнаго творчества Крашевскаго, въ «Повѣсти безъ заглавія»? Кто изъ насъ въ мечтахъ пылкой фантазіи сумѣлъ выдумать себѣ типъ дѣвочки прелестнѣ Сары? «Можно было подумать,—говоря словами Крашевскаго, — что это воскресла одна изъ тѣхъ библейскихъ героинь, одна изъ тѣхъ прелестныхъ дочерей Израилевыхъ, которыхъ священныя книги рисуютъ намъ въ огненныхъ выраженіяхъ». А этотъ библейскій старецъ Авраамъ, дѣдъ Сары, заклятый врагъ всякаго прогресса и новшества въ домашнемъ быту своего племени! Слова этого старца, каждое появленіе его на страницахъ «Повѣсти безъ заглавія» наводятъ на читателя страхъ загробными фантомами средневѣковыхъ заклятій и представлений. Кажется, что это образъ, выхваченный изъ глубины прошлаго и освѣщенный таинственнымъ свѣтомъ блуждающихъ могильныхъ огоньковъ.

— Чему ты учишься, Сара! говоритъ Авраамъ, увидѣвъ въ ея рукахъ поэта Шарскаго.— Не *Хумешу*, не *Тортъ*, не *Танаху*, а *Авода-Заро* (чужой вѣрѣ), вѣрѣ *акумской* (звѣздопоклоннической). Хотятъ стыда, хотятъ позора нашего, хотятъ праведныхъ превратить въ *мешумедовъ* (перекрестовъ)!... Глупы, глупы тѣ, которыхъ *дасъ* (вѣра) неудовлетворяетъ и которые въ наукѣ, происходящей отъ *клиттесъ* (навожденія) ищутъ добра, въ ней никогда не бывшаго. Изъ огня черпаютъ воду! Зачѣмъ ты пришелъ сюда сынъ *акумовъ*? День, въ который ты переступилъ порогъ нашъ,— *іомъ-этъ* (былъ роковымъ) для тебя и для насъ... Говорю тебѣ, возьми посохъ и сандалии свои и иди, пока живъ, и не поворачивай своей головы и своихъ очей, дабы ты не умеръ.... Ты развѣ думаешь, что какой нибудь голось человѣчeskій, выходящій изъ сердца, можетъ остаться неслышаннымъ, недойдя до престола Того, имя Котораго недостойны произносить уста смертнаго? Ты развѣ думаешь, что,

будучи ветронуть рукой, ты не можешь быть сожранъ глазами, переваренъ ненавистью и погубленъ на вѣки проклятіемъ? Иди, говорю тебѣ; уходи, тихо покрывъ голову свою, и краемъ плаща своего заметай слѣдъ ногъ своихъ, дабы не находили тебя мысли мои и посланные Того, Который мститъ за дѣтей Израилевыхъ... Иди!»

Мы привели эти отрывки изъ произведеній, писанныхъ въ эпоху, предшествовавшую выступленію Крашевскаго на публичную арену въ качествѣ писателя съ примирительнымъ направленіемъ. дабы показать, что журнальная дѣятельность Крашевскаго въ духѣ терпимости и прогресса не была новымъ переворотомъ въ образѣ мыслей заслуженнаго писателя, противорѣчившимъ направленію его прежнихъ убѣжденій, но явилась выраженіемъ и воплощеніемъ въ дѣло взглядовъ мыслителя на одну изъ болѣе выдающихся и животрепещущихъ соціальныхъ задачъ, — взглядовъ не разъ имъ выраженныхъ въ произведеніяхъ фантазіи. Крашевскій въ повѣстяхъ дѣйствовалъ, какъ апостоль мира и примиренія между разными, враждебно настроенными другъ противъ друга, классами населенія. Достаточно, напр., припомнить тѣ возвышенные образы изъ повѣстей «Остаѣ Бондарчукъ» и «Ярина», въ которыхъ Крашевскій такъ горячо выступилъ въ защиту обиженныхъ правъ человечества, чтобы придти къ убѣжденію, что въ то время, когда крестьянскій вопросъ «лежалъ еще подъ паромъ», — былъ мыслитель, который имѣлъ смѣлость говорить обществу слова правды и указывать ему на надлежащій образъ дѣйствія въ отношеніи презираемаго класса народа. Единственнымъ побужденіемъ Крашевскаго къ этимъ спасительнымъ и вліятельнымъ дѣйствіямъ было пламенное желаніе всеобщаго блага, — эта высшая филантропія, которая черпаетъ свои оживляющіе соки изъ сердца, проникнутаго любовью ко всякимъ благороднымъ стремленіямъ. Крашевскій былъ по истинѣ вторымъ златоустымъ Скаргой для своего народа. Въ минуты упоенія и всеобщаго бѣснованія торжественно провозглашая: «Memento!» будилъ онъ уснувшія въ народѣ силы, пріохочивалъ къ исправленію и сѣялъ вездѣ сѣмя здоровыхъ началъ на пользу живущаго и будущихъ поколѣній.

Тоже самое побужденіе обнаружилось и въ первыхъ шагахъ Крашевскаго на поприщѣ публицистической дѣятельности. Уже давно съ журнальной трибуны не слышно такихъ словъ и рѣчей, съ ка-

кими Крашевскій имѣлъ смѣлость обращаться къ обществу. Журналъ, ошибочно считаемый мимолетнымъ шелестомъ бумажки однодневной цѣнности и прочности, сдѣлался въ рукахъ Крашевскаго могущественнымъ двигателемъ прогресса, развивателемъ здоровыхъ началъ, совѣтникомъ, руководителемъ и агитаторомъ въ духѣ человѣколюбія, главнѣе-же—стражемъ добродѣтелей, народныхъ традицій и неперорочной чистоты народного духа.

«Въ области матеріи властвуетъ сила, въ области духа—одна любовь, — говорилъ Крашевскій въ 1859-мъ году.—Человѣкъ можетъ обладать человѣкомъ только посредствомъ любви,—безъ нея обладаніе не будетъ дѣйствительнымъ, совершеннымъ. Любовь и, какъ разумѣютъ ее, готовность на самопожертваніе—вотъ критерій прогресса... То, въ чемъ она есть, ведетъ къ добру, а въ чемъ ея нѣтъ—обращаетъ насъ вспять и отдаляетъ отъ главной цѣли. А потому признакъ прогресса есть пробужденіе чувства всеобщей любви, солидарная связь не только между единицами, но и между всѣми классами народа. Тамъ-же, гдѣ господствуютъ предубѣжденія сословныя, ненависть, обособленность, прогресса быть не можетъ».

Нѣсколько лѣтъ спустя по оставленіи редакціи „Газеты“. Крашевскій соединилъ въ одно систематическое цѣлое свои взгляды на еврейскій вопросъ въ Царствѣ. Какъ для музыканта *тѣмъ*, для поэта лирическое *стихотвореніе*, такъ для Крашевскаго *повѣсть* составляла единственную форму, въ которой ему легче всего было высказывать свои религіозныя, эстетическія, философскія и соціальныя взгляды на задачи жизни. Еврейскіе типы въ повѣстяхъ Крашевскаго были до сихъ поръ аксесуарами, болѣе или менѣе необходимыми для болѣе вѣрной характеристики мѣста и времени изображаемой картины. Въ повѣсти-же, о которой теперь будетъ рѣчь, евреи, ихъ домашній и религіозный бытъ составляютъ главный фонъ, а оттѣнки разныхъ характеровъ, типовъ и фигуръ—матеріалъ для главной постройки и завязки драмы. Въ польской литературѣ Крашевскій въ первый разъ попробовалъ здѣсь представить еврея не въ образѣ бородача въ балахонѣ, или фанатическимъ лакомъ покрытаго азіятца, но въ образѣ человѣка просвѣщеннаго, европейскаго, воспитаннаго въ условіяхъ новѣйшей цивилизаціи.

Яковъ Крашевскаго, помимо всей своей свѣтскости, есть однакоже человекъ въолнѣ религиозный, уважающій традиціи своего племени, жаждущій политическаго сліянiя своихъ едино-вѣрцевъ съ окружающимъ ихъ обществомъ, но твердо стоящій на почвѣ ненарушимости тѣхъ специальныхъ особенностей въ религиозной жизни, которыя его родное племя, не смотря на историческія бури и несчастія, удержало и удерживаетъ до сихъ поръ среди иноплеменныхъ обществъ, благодаря своей привязанности къ традиціямъ предковъ.

„Я, — говоритъ о себѣ Яковъ, — своимъ воспитаніемъ сперва еврейскимъ, а потомъ европейскимъ и человѣческимъ, сдѣлался другимъ, чѣмъ-то новымъ для себя и для моихъ собратіи; я еврей, уважающій традиціи, но безъ предрасудковъ; въ глубинѣ сердца сохранилъ я чувства и вѣру, какъ драгоценнѣйшее сокровище, но не отталкиваю свѣта разума и права прогресса, не обособляюсь отъ остальнаго человѣчества. Все это мирится во мнѣ и доставляетъ мнѣ совершенное спокойствіе“.

Я сказалъ выше, что этотъ типъ былъ въ польской литературѣ чѣмъ-то новымъ, оригинальнымъ, и именно по поводу этой-то оригинальности упрекали Крашевскаго, что онъ понялъ Якова слишкомъ идеально, такъ какъ, по мнѣнію критики, такая двойственность характера прогрессиста и консерватора въ еврей невозможна. Не здѣсь мѣсто указывать на ошибочность этого взгляда. Объясняется онъ единственно привычкою общества представлять себѣ евреевъ всегда подъ одной и той-же формой: немножко азіятской, немножко средневѣковой съ примѣсью извѣстной дозы расчетливой честности и большой довы смысленности и ловкости въ эксплуатированіи ближнихъ. Польская литература, какъ мы сказали выше, знала до сихъ поръ нѣсколько симпатичныхъ еврейскихъ типовъ и—безчисленную массу карриатуръ.

Прототипомъ первой категоріи былъ Мицкевичевскій *Янкель* изъ „Пана Тадеуша“; типическими были также фигуры *Аарона* изъ комедіи Корженевскаго: „Еврей“—*Авраама* и *Соломона* изъ картинокъ Ходзькаго и еврейскіе типы въ повѣстяхъ Крашевскаго. Эти типы, не исключая и живописца *Іоны*, были представлены вѣрно, списаны съ натуры, но... со времени ихъ возникновенія произошелъ большой переворотъ въ домашнемъ и, такъ сказать, политическомъ быту польскихъ евреевъ. Крашевскій, въ своей по-

вѣсти изъ современной намъ эпохи, долженъ былъ принять и дѣйствительно принялъ въ расчетъ то вліяніе просвѣщенія и цивилизаціи, которое изъ массы евреевъ, прозябавшихъ до сихъ поръ въ застоѣ и обособленности, выдѣлило значительный контингентъ людей съ новѣйшими понятіями, съ европейскими и гражданскими взглядами на задачи жизни. Цѣлью Крашевскаго въ представленіи такой именно фигуры было — вѣрное отраженіе новыхъ отношеній, выработанныхъ силой постепеннаго, но непреложнаго воздѣйствія просвѣщенія на всѣ безъ изыятія слов и классы народа. Независимо отъ этого, Крашевскій имѣлъ еще въ виду этическія соображенія, а именно желаніе показать на картинѣ, списанной съ натуры, что между людьми различныхъ религіозныхъ убѣжденій и вліяній можетъ и должна существовать связь одинаковыхъ гражданскихъ стремленій и одинаковой любви къ родному краю.

Пріятели и школьный товарищъ Якова, Ваня, шляхетское дитя, воспитанное въ шляхетскихъ предубѣжденіяхъ противъ людей не-шляхетскаго происхожденія, несмотря на доброжелательныя чувства, питаемая имъ къ своему товарищу-жиду, иногда возмущается и возстаетъ противъ принципа равенства правъ и обязанностей всѣхъ обитателей одной страны, принципа, поддерживаемаго Яковымъ въ своихъ разговорахъ, какъ главное условіе благополучія края и нормальнаго развитія всѣхъ его факторовъ.

— Вы, еврей, — говоритъ Ваня, — не можете имѣть и не имѣете того чувства, которое питаемъ мы относительно нашего края.

— Ошибаешься; — отвѣчаетъ ему Яковъ, — если для кого этотъ край можетъ считаться вторымъ отечествомъ, то именно для насъ, потому что тутъ нашли мы пристанище, тутъ разможилось наше число и развился нашъ трудъ. Если это чувство живетъ покамѣстъ не во всѣхъ насъ, то со временемъ такъ должно быть и будетъ. Я, по крайней мѣрѣ, чувствую себя настолько же израильтяниномъ, насколько и полякомъ.

— Это такъ, — возражаетъ Ваня, — но такихъ людей, какъ ты, нѣтъ и не можетъ быть много. Вообще-же можно упрекнуть васъ, что вы не совсѣмъ преданы краю, въ которомъ прожили долгое время довольно счастливо и свободно, который кормилъ васъ, носпитывалъ, обогощалъ... и призналъ своими дѣтьми.

— Не торопись, — отвѣчаетъ Яковъ, — размотри исторію немножко безуристрастнѣе. Религіозный фанатизмъ—правда, общій намъ съ другими народами—и шляхетское высокомѣріе долго препятствовали признавать евреевъ гражданами края. Но виноваты были и сами евреи тѣмъ, что не старались усвоить себѣ языкъ и обычаи, обособлялись, образуя *status in statu*, народъ въ народѣ, и не хлопотали усердно о гражданствѣ, которое пріобрѣтается самопожертвованіемъ и кровью... Равно виноваты поэтому обѣ стороны; слѣдовательно, съ обѣихъ сторонъ должно быть искреннее прощенье и забвеніе прошлаго. Вѣкъ теперь другой, просвѣщеніе распространено, человѣческія идеи намъ общи, — все должно теперь сближать насъ и соединять. Мы простираемъ руки... не отталкивайте ихъ!“

Вокругъ свѣтлой личности Якова, человѣка прогресса и вмѣстѣ сильной вѣры, группируются и отрицательные характеры людей свободномыслящихъ, маловѣрующихъ, безъ уваженія къ традиціи, возводящихъ расчетъ въ нравственный принципъ, а разумъ—въ единственные руководители своего образа дѣйствій относительно людей. Такою личностью въ повѣсти Крашевскаго является отецъ симпатической, нѣсколько мечтательной Тильды.

Крашевскій, какъ человѣкъ самъ сильно вѣрующій, считающій вѣру неотъемлемымъ атрибутомъ человѣчности, бичемъ сатиры хлещетъ личностей этого покроя. Мѣстами слова его гремятъ всею силою возмущенія противъ матеріализаціи душъ и охлажденія всякаго чувства почтительности къ предметамъ святымъ и возвышеннымъ.

«Какъ бы то ни было, — говоритъ онъ устами главнаго героя повѣсти, — человѣкъ не есть только болѣе усовершенствованное животное. За нимъ чувствуешь другіе міры, существа и пространства духа. Кромѣ тѣла, онъ имѣетъ въ себѣ душу, которая соединяется съ божествомъ, изслѣдуетъ, предчувствуетъ и возносится выше земли и далѣе чувственной области. Матеріализмъ и атеизмъ недостаточны для жизни ни цѣлаго общества, ни единичныхъ личностей; предметы, оторванные ими отъ цѣлаго подобны цвѣтамъ, сорваннымъ со стеблей: они—засыхаютъ. Отними у нихъ Бога, вѣру въ безсмертіе духа, высшія чувства и стремленія и, ты, при самой утонченной матеріалистической цивилизаціи, создашь нѣчто уродливое, какъ вынѣшній приличный, холодный, мертвый вѣкъ,

который побѣждаетъ стихіи, доискивается сокровеннѣйшихъ тайнъ природы, но уже забылъ, что такое добро и что зло, называя добродѣтель и преступленіе умомъ или глупостью, неловкостью или практичностью. Мѣриломъ для него служить успѣхъ, божествомъ—сила, и вае victis опять раздается громкимъ эхомъ по пустынѣ, перерѣзанной желѣзными дорогами и телеграфами».

Консервативный элементъ, стоящій вдали отъ проевѣщенія и держащійся обѣими руками за старыя формы и обычаи, представленъ въ повѣсти Крашевскаго въ образѣ Янкеля Мевеса, еврея, который «хотя по уму и добытой около людей опытности могъ бы занимать другое положеніе въ свѣтѣ, не сбросилъ однакоже съ себя, чтобы втереться въ болѣе цивилизованное общество, ни одежды, ни вѣры». Противуположный этому типъ—сосѣдъ Янкеля, мѣстечковый банкиръ Давидъ Зеебахъ, домъ котораго не былъ ни еврейскимъ, ни христіанскимъ, и хотя по наружности въ немъ еще держались старыхъ правилъ и обычаевъ, но въ дѣйствительности имъ уже не придавали никакого значенія: дѣлалось это только для виду, равнодушно и не безъ насмѣшливости... Сынъ Давида, тоже Давидъ, называемый младшимъ, еще больше отдалился отъ традиціи. Крашевскій представляетъ его человѣкомъ, съ виду хорошо воспитаннымъ, но на самомъ дѣлѣ окончательно испорченнымъ, жаднымъ, какъ отецъ, въ сколачиваніи копѣйки и не разборчивымъ на средства...

На фонѣ этой то разноцвѣтной ткани еврейскихъ типовъ и характеровъ, между фигурами, обрисованными живо и съ свойственнымъ Крашевскому остроуміемъ, между скептиками въ родѣ Симона, умственными и нравственными хамелеонами въ родѣ Манна, двусмысленными личностями Вторковской и ея дочери Музы—происходитъ дѣйствіе драмы.

Яковъ, какъ апостолъ правды, старается въ это общество, пропитанное атмосферой безвѣрія и космополитизма, влить духъ самопожертвованія и любви къ общему благу, но на этомъ пути онъ вездѣ встрѣчаетъ равнодушіе и насмѣшки. Набожные евреи считаютъ его маловѣрующимъ, относятся съ презрительнымъ сомнѣніемъ къ его посланничеству и отплевываются отъ всякой мысли о реформѣ. Онѣмеченные евреи корчатъ изъ себя гегелианцевъ, офранцузенные—позитивистовъ. Иные же, безъ всякой философіи,

вершено спокойными.

«На этомъ безплодномъ полѣ обращеніе было невозможно. Это общество понимало свое іудейство съ его поэтической и живописной стороны: оно апплодировало ему въ «Жидовкѣ» Галеви, въ музыкѣ Мендельсона и Мейербеера, въ остроуміи Гейне и Берне, въ милліонахъ и всемогуществѣ Ротшильдовъ, но все это было воспоминаніе какого то развалившагося проплаго... Борьба большинства за европеизмъ, за французничанье, за тонъ, соединялось съ отреченіемъ отъ всего своего и краскою стыда за свои воспоминанія».

Есть въ этой повѣсти Крашевскаго восхитительные отрывки, какъ бы свидѣтельствующіе, что авторъ вслушивался въ историческую драму племени, которое онъ взялъ сюжетомъ для разсказа, что онъ прочувствовалъ сердцемъ поэта и умомъ мыслителя его красивыя стороны, что, осмѣивая достойное смѣха, онъ умѣлъ подняться на возвышенную точку философа при разсматриваніи печальнаго прошлаго того народа, который, переставъ быть народомъ, медленно ассимилируется съ другими общественными организмами.

Какъ великолѣпно слѣдующее описаніе картины Рюисдала въ Дрезденской галлерей, изображающей старое еврейское кладбище!

«Цѣлые часы можно простоять предъ этою странщею, предъ этою поэмою невыразимой печали, глубокой, таинственной грусти, поражающею, какъ исторія Атридовъ, заклеянная вѣковнымъ фатализмомъ неумолимыхъ судьбъ... Что за чудесное твореніе,—этотъ клочекъ чернаго полотна, на которомъ сначала видишь только клубящіяся облака и нѣсколько почернѣвшихъ деревьевъ, оголенныхъ бурей! Всматривайся однакоже... небо темно, нѣсколько камней, нѣсколько пней, таинственная и глубокая чаща... черезъ какую-то извилистую трясиину сочится гнилой ручей... Вотъ весь матеріалъ картины, созданной изъ нѣсколькихъ обыкновенныхъ вещей съ необыкновенною силою выраженія. Недоучившійся врачъ, но восхитительный художникъ Рюисдалъ, этотъ живописатель угрозныхъ скалъ, руинъ, воды, ни въ своемъ монастырѣ, ни въ замкѣ, ни въ лѣсахъ и озерахъ, можетъ быть равно великолѣпныхъ, но менѣе краснорѣчивыхъ, не выказалъ всего своего генія такъ какъ здѣсь... здѣсь онъ мастеръ, возвышающійся до эпопеи...

ясно говорящей, величественный и красивый... Никакой свѣтлый Клодь Лорренъ, улыбка котораго—игра полуденныхъ лучей солнца, никакой Сальваторъ Роза со своимъ разбойничьимъ шатромъ, взерошенными деревьями и земляными глыбами не смѣли высказать такъ много... Это грустная страница роковыхъ судебъ народа отверженнаго, гонимаго, которому даже на кладбищѣ, среди гнили и руинъ, нѣтъ покоя.. Здѣсь людей нѣтъ, а есть буря, ливень, потокъ, уничтожающій, выкалывающій даже кости, спящія въ гробахъ.

«Фатализмъ и здѣсь ихъ настигаетъ... Желая обрисовать участь израильтянъ, живописецъ не могъ выбрать ничего лучшаго, какъ кладбище изъ кладбищъ... Отдыхъ и здѣсь еще не надежный:—подъ развалинами разрушенной святыни, на мусорѣ, двое людей молятся, ожидая, чтобы буря улеглась и засвѣтило солнце... Но въ концѣ XVII-го столѣтія, когда эта картина была писана, радуга была еще далека, солнце находилось за облаками, лучъ его едва проникалъ сквозь нихъ, падая на могилу, на которой, какъ бы изъ жалости, цвѣлъ дикій кустарникъ. Какая грусть, какой ужасъ господствуетъ на всей картинѣ!... Это мѣсто послѣдняго отдыха изгнанниковъ кажется преслѣдуемымъ негостеприимною землею... вода подмываетъ могилы... деревья наполяютъ ихъ сыростью своихъ тѣней... буря срываетъ и разметаетъ вѣтви... а двое людей молятся, и бѣлый цвѣтокъ распускается предвѣстникомъ весны...»

Говорять, что когда Крашевскій приступаетъ къ сочиненію, которымъ онъ сильно проникнуть, тогда онъ въ костелѣ при звукахъ органа, или вглядываясь въ картину религіознаго содержанія, или фантазируя на фортепьяно въ вечернюю тишину, черпаетъ въ уединеніи вдохновеніе. Повѣсть, о которой идетъ рѣчь, судя по ея основѣ и по многимъ возвышеннымъ отрывкамъ, могла возникнуть только подъ вліяніемъ картины Рюисдаля, такъ какъ отъ нея вѣетъ тою же грустью, тою же атмосферою, тѣмъ же сѣтованіемъ наболѣвшей души, тоскующей по недостигнутымъ идеаламъ и разочарованной отъ тяжелыхъ условій жизни. Повѣсть Крашевскаго невольно приводитъ на мысль книгу англійской писательницы Эліотъ, которая въ своемъ «Даніэлѣ Деронда» тоже хотѣла выставить апостольскую миссію своего героя между массою зачерствѣвшихъ въ материализмѣ потомковъ Израиля. Но сов-

повенную задачу! Даниэль тоже мечтаетъ о возрожденіи своего племени, но его руководящая идея есть поэтическая мечта о сооруженіи древняго храма и воскрешеніи царства іудейскаго. Яковъ Крашевскаго есть тоже апостоль, но онъ прежде всего гражданинъ своей земли, сынъ своей эпохи. Возрожденіе едино-вѣрцевъ, по понятіямъ Якова, означаетъ не воскресеніе того, что вѣка и прошлое похоронили на всегда, но пробужденіе въ сердцахъ его братій разумной любви къ тому, что новѣйшія времена вмѣстѣ съ цивилизаціей и научными приобрѣтеніями принесли въ даръ духу человѣческому, т. е. принципу необходимости выйти изъ заколдованнаго круга одностороннихъ возрѣній на жизнь и взяться сильною рукою за тѣхъ факторовъ, ничтожныхъ на взглядъ, но очень важныхъ въ сущности, изъ которыхъ сплетается цѣпь нашихъ дѣйствій, нашихъ стремленій и цѣлей.

Яковъ Крашевскаго есть типъ гражданина, любящаго человѣчество и все человѣческое, но ставящаго выше всего чувство любви къ родной землѣ,—любви, связанной съ жизнью нашей тысячами воспоминаній о нашей злой и доброй долѣ. Въ этомъ же духѣ недавно очерчена была г-жей Оржешко симпатическая личность Мейера Езофовича въ прекрасной повѣсти изъ еврейскаго быта. Даниэль г-жи Эліотъ есть мечтатель, поэтическое созданіе, непонятное для большинства современнаго общества, Якововъ же и Мейеровъ множество и, дастъ Богъ, со временемъ число ихъ будетъ—легіонъ.

А. Краусгааръ.

ОТВѢТЪ Г. МЕВАККЕРУ.

Въ майской книжкѣ «Восхода» г. Меваккеръ рецензируетъ переведенную и дополненную мною книгу Элькана: «Руководство къ преподаванію исторіи еврейскаго народа». Я искренно благодаренъ почтенному рецензенту какъ за все лестное, высказанное имъ о моей книгѣ, такъ и за его замѣчанія, которыми я не премину воспользоваться при новомъ изданіи, насколько, разумѣется, эти замѣчанія основательны. Ибо есть и такія, которыя, какъ допускаетъ самъ рецензентъ, подлежатъ оспариванію.

Замѣчанія рецензента касаются какъ самой книги Элькана, такъ и приложеннаго мною къ ней краткаго историческаго очерка о евреяхъ въ Польшѣ, Литвѣ и Россіи. Относительно самой книги рецензентъ замѣчаетъ, что не всякому преподавателю доступно будетъ давать своимъ ученикамъ обстоятельныя объясненія того, что авторомъ сообщается лишь въ видѣ номенклатуры. Но подобныя лица не должны вѣстись за преподаваніе, и совѣстливый преподаватель не приступитъ къ дѣлу, не запасшись библіею, апокрифами и исторіею Юста, Гретца или какаго либо иного автора. Правда, лучше было бы, по Элькану, написать болѣе подробную исторію, но тогда это было бы не переводъ, а совсѣмъ новая книга,*

* Рецензентъ вовсе не требуетъ отъ переводчика составленія новой книги. Онъ констатируетъ только, что книга г. Минора не есть учебникъ исторіи, а ключъ къ учебнику, такъ какъ для пользованія ею требуется предварительное знаніе еврейской исторіи, съ чѣмъ соглашается и г. Миноръ. Конечно, было бы лучше, если бы г. Миноръ не довольствовался скромною ролью переводчика, а дополнилъ бы книгу Элькана до степени настоящаго учебника. Что до цѣны, то, какъ вамъ кажется, лучше имѣть что нибудь дороже, но хорошее,

я долженъ былъ исправить Чацкаго тамъ, гдѣ онъ ошибается, и какъ бы въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ продолжаетъ: «Такъ въ первой же строкѣ этой статьи говорится: «Когда впервые явились евреи въ Польшу—неизвѣстно», между тѣмъ въ нашей же книгѣ г. Эльканомъ обозначается выселеніе евреевъ изъ Германіи въ Польшу временемъ притѣсненія ихъ маркграфомъ Бранденбургскимъ Іоанномъ Георгомъ въ 1571 г. Переводчикъ не обратилъ вниманіе на это противорѣчіе». Подумаешь, не въ шутку-ли писалъ это почтенный рецензентъ! Эльканъ, рассказывая судьбу евреевъ въ разныхъ странахъ въ 16-мъ столѣтіи, говоритъ, между прочимъ: «Маркграфъ Бранденбургскій Іоаннъ Георгъ предоставилъ имъ въ 1571 г. на выборъ или принять христіанство, или выселиться. Они переселились въ Богемію, Моравію и Польшу. Неужели здѣсь сказано, что евреи въ 1571 г. *первые* выселились въ Польшу? Вѣдь тотъ же Эльканъ рассказываетъ:—«со времени Отона (X столѣтіе) евреи прибыли отчасти въ Венгрію изъ Италіи, отчасти же въ Польшу изъ Германіи (стр. 98), а на стр. 99 онъ же говоритъ: «самымъ главнымъ послѣдствіемъ этихъ страданій (во время крестовыхъ походовъ) было частое переселеніе нѣмецкихъ евреевъ въ Силезію, Моравію и *Польшу*»—а на стр. 112 онъ говоритъ, что евреи переселились изъ Германіи въ Польшу въ 1571 г. Все это, по мнѣнію нашего почтеннаго рецензента, противорѣчія, да противорѣчія!—Вообще рецензентъ, кажется, нѣсколько несправедливъ по отношенію къ моему «Приложенію», ибо для знакомаго съ исторіей евреевъ въ Польшѣ, Литвѣ и Россіи, при чтеніи 1-й главы легко выяснится насколько я дополнилъ статью Чацкаго на основаніи новыхъ обнаруженныхъ актовъ, особенно что касается литовскихъ евреевъ.—По поводу сообщенія Элькана, что Петръ Великій впустилъ евреевъ въ Россію, а прибавилъ въ примѣчаніи: „неизвѣстно, откуда авторъ взялъ это“. Рецензентъ, по этому поводу говоритъ: «Изъ статьи г. Гордона „Къ исторіи поселенія евреевъ въ Петербургѣ“, помѣщенной въ январской книжкѣ «Восхода», можно, кстати, усмотрѣть, какъ Петръ I отнесся къ вопросу о допущеніи евреевъ въ Россію. Точно также могъ переводчикъ исправить и дополнить свѣдѣнія автора относительно хазарскихъ евреевъ на основаніи обстоятельныхъ изслѣдованій г. Гаркави». Изъ словъ рецензента

сообщенія Элькана о Петрѣ I на основаніи вышеупомянутой статьи г. Гордона, — но моя книга явилась въ свѣтъ въ концѣ 1880 г., а январская книжка «Восхода» вышла изъ печати въ срединѣ января 1881 г.!—Но и безъ статьи г. Гордона мнѣ было извѣстно (изъ Revue de Paris —какого года не помню) сказаніе будто Амстердамскіе евреи ходатайствовали предъ Петромъ I о допущеніи евреевъ въ Россію, на каковое ходатайство воспослѣдовалъ будто бы отвѣтъ Петра, приведенный въ «Русской Старинѣ», и поэтому именно я и прибавилъ къ тексту Элькана упомянутое примѣчаніе. Но опровергнуть Элькана совершенно я не считалъ себя въ правѣ, такъ какъ разсказъ о ходатайствѣ Амстердамскихъ евреевъ и отвѣтъ Петра носить на себѣ печать легенды. Эльканъ же, быть можетъ, воспользовался въ этомъ отношеніи какимъ нибудь источникомъ, мнѣ неизвѣстнымъ.

3. Микоръ.

Москва.

тестъ противъ евреевъ въ такой остроумной и «правдивой» формѣ? . Вотъ ужъ второй годъ, какъ агитація противъ евреевъ въ Германіи приняла острый характеръ. На страницахъ „Восхода“ выслены съ достаточною полнотою мотивы и происхождение этой агитаціи, равно какъ и образы тѣхъ над- и подпольныхъ силъ, которыя посвятили себя ея служенію, или поощряли ея развитіе. Если до сихъ поръ находились еще недалновидные или умышленные скептики, которые, вопреки вопіющей дѣйствительности, объясняли эти позорныя явленія какими-то ненормальными экономическими отношеніями евреевъ къ ихъ германскимъ согражданамъ, то, съ приближеніемъ выборовъ въ рейхстагъ, голоса этихъ скептиковъ должны поневолѣ умолкнуть. Имперскій рейхстагъ, четвертый по числу со времени объединенія Германіи и самый печальный изъ нихъ по своей обстановкѣ и по результатамъ своей дѣятельности, закончилъ на дняхъ свою дѣятельность. Заинтересованные въ будущемъ его составѣ правительственные органы и политическія партіи взялись, по всѣмъ правиламъ искусства, за подготовку почвы. Въ газетахъ только и читаешь объ избирательныхъ сходкахъ и рѣчахъ, о разбѣздахъ депутатовъ и кандидатовъ, о чрезвычайныхъ мѣрахъ правительства, хлопочащаго о своихъ фаворитахъ и т. д. и т. д. Медоточивыя рѣчи такъ и сыплются изъ устъ ораторовъ, зазывающихъ въ свою лавочку народъ честной, до котораго имъ въ обыкновенное время и дѣла-то мало. Но для насъ суть дѣла не въ этихъ маневрахъ, повторяющихся по одному и тому-же шаблону во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ происходятъ періодически публичные выборы. Нынѣшняя избирательная кампанія интересна въ томъ отношеніи, что она, вмѣстѣ съ тѣмъ, составляетъ продолженіе и — смѣемъ надѣяться — заключительный актъ черезчуръ ужъ затянувшейся антиеврейской агитаціи. Теперь должна наступить борьба на жизнь и на смерть. Подставными воротилами изъ разряда мелкотравчатыхъ гешефтмакеровъ, подпольнымъ священнодѣйствіемъ и науськиваніемъ — далеко не уйти. Полеми дѣйствія завладѣли на этотъ разъ, главнымъ образомъ, консерваторы всѣхъ фракцій и дѣпляющееся за нихъ правительство. Эти-то ревнители и друзья народа и орудуютъ больше всего. „Долой либераловъ и прогрессистовъ! Долой евреевъ, идущихъ съ ними рука объ руку!“ — гласитъ ихъ пароль, во

Ласкера». Справедливо замѣтила по этому поводу «Национальная Газета», что сыну канцлера не мѣшало-бы быть посдержаннѣе на языкъ, въ виду того, что такъ неделикатно третируемый имъ Ласкеръ успѣлъ оказать неоцѣнимыя и всѣми признанныя услуги государству еще въ то время, когда кн. Вильгельмъ Бисмаркъ — личность и до сихъ поръ никому неизвѣстная и ни о чемъ о себѣ не заявившая—изволилъ торчать на школьной скамьѣ, не дерзая и мечтать о счастіи порисоваться передъ сотнею-другою галдящихъ бюргеровъ. Впрочемъ, послѣдніе остались вполне довольны своимъ «енараломъ» и сдѣлали ему, какъ водится, овацію. Предсѣдатель-же собранія закрылъ засѣданіе коротенькою рѣчью, въ которой высказался приблизительно такъ: «Отнынѣ мы знаемъ доподлинно, что кн. Бисмаркъ, государственный канцлеръ—*нашъ*, что онъ идетъ *съ нами*, солидаренъ съ нашими стремленіями и тенденціями!» Теперь ужъ ясно, откуда дуетъ въ Германіи антисемитскій вѣтеръ. «Кн. Бисмаркъ—*нашъ*!»: въ этомъ радостномъ заявленіи предсѣдателя антисемитской сходки лежитъ много смысла.... Увѣряютъ, что кн. Бисмаркъ, прочитавъ въ газетахъ резюме сыновней рѣчи, остался вполне доволенъ ею и разрѣшилъ сыну повторить свой подвигъ въ другихъ еще мѣстахъ, которыя молодой князь намѣренъ посѣтить въ текущемъ сезонѣ, въ качествѣ публичнаго оратора. Послѣ всего этого вполне естественно, что антисемиты пользуются теперь силою да рядомъ авторитетною фирмою своего протектора, кн. Бисмарка. Еще на дняхъ только одинъ изъ антисемитскихъ ферейновъ разсылалъ открыто листки, въ которыхъ можно было прочесть слѣдующую фразу: „мы можемъ теперь смѣлѣе напирать на евреевъ! Самъ канцлеръ стоитъ за нами Къ чорту евреевъ! и т. д.“ Эта прокламація появилась вслѣдъ за телеграммою, которою кн. Бисмаркъ отвѣтилъ на какую-то патріотическую любезность со стороны указаннаго нами кружка. Должно быть очень ужъ обнадеживающею оказалась эта телеграмма, коль скоро она послужила поводомъ для столь безцеремоннаго пользованія именовъ князя.

О другихъ избирательныхъ сходкахъ, съ оттѣнкомъ антисемитства, говорить пока не стоитъ. Вездѣ одна и та же исторія.

жизни, это явное не представлять, впрочемъ, ничего загадочнаго. Онъ неминуемо долженъ будетъ говорить о гоненіяхъ противъ евреевъ, въ связи съ общимъ положеніемъ дѣлъ въ тѣхъ самыхъ странахъ, гдѣ происходили эти гоненія. Больше и не требуется. Какой прекрасный матеріалъ заготовляетъ, напримѣръ, Германія по этой части будущему лѣтописцу ея теперешнихъ скорбей и недуговъ! Намъ завело-бы слишкомъ далеко, если-бы мы возмѣнили намѣреніе воспользоваться хотя-бы частицею этого матеріала, наглядно рисующаго современную Германію, со всѣми прелестями ея политической и соціальной жизни. Возьмемъ лишь нѣсколько интересныхъ цифръ, украшавшихъ именно въ послѣдніе дни столбцы почти всѣхъ нѣмецкихъ газетъ. Какъ тяжела и неприглядна жизнь въ Германіи, можно судить, напримѣръ, изъ слѣдующей таблицы статистики самоубійствъ. Оказывается, что изъ всѣхъ странъ Европы, Германія занимаетъ, по числу совершающихся здѣсь самоубійствъ, самое почетное мѣсто. Число это составляетъ здѣсь 400 на 1 мил. человѣкъ населенія—втрое больше чѣмъ въ Англии, въ шестеро чѣмъ въ Италіи и т. д. Но этого мало. Самоубійства въ Германіи возрастаютъ по мѣрѣ удаленія изъ южныхъ ея окраинъ, такъ что въ Саксоніи и Пруссіи они достигаютъ своего максимума. Тогда какъ въ Баваріи, напримѣръ, цифра самоубійствъ не превышаетъ 70 (на 1 мил. населенія), она доходитъ въ Саксоніи, среднимъ числомъ, до рокового числа 400 (въ Лейпцигѣ даже 450), а въ рѣдко населенной Пруссіи до 285! Составитель этой таблицы, проф. Эттингенъ, восклицаетъ даже по этому поводу: „да это настоящее Чимборассо по высотѣ самоубійствъ! Изъ всѣхъ странъ міра сего, въ Саксоніи люди больше всего лишаютъ себя жизни“. Не мѣшаетъ замѣтить по этому поводу, что именно Пруссія и Саксонія составляютъ тѣ центры, гдѣ антисемитскіе застрѣльщики устроили свою главную квартиру. Оказывается-же, что въ той самой Саксоніи, гдѣ люди такъ легко расстаются съ жизнью, число осѣдлыхъ евреевъ очень не велико и, во всякомъ случаѣ, уступаетъ значительно въ этомъ отношеніи другимъ, густо населеннымъ мѣстностямъ Германіи, вошедшимъ однако въ означенную таблицу съ крайне скромными цифрами. А вотъ и еще небезынтересныя данныя, не менѣе рельефно рисующія экономическое положеніе дѣлъ въ Германіи. По вышедшему недавно официальному отчету (см. „National Zeit.“ № 280),

ступлений, возросло въ Германіи съ 1871 по 1880 г., значить за десять только лѣтъ, на 89%! *. Убѣдительно, кажется, нельзя и засвидѣтельствовать, что благосостояніе возросло въ Германіи за послѣднее десятилѣтіе. При ежегодномъ расходѣ въ 345 мил. марокъ на одно только войско, изъ 549 мил. марокъ, составляющихъ теперь государственный бюджетъ Германіи, лучшихъ результатовъ, впрочемъ и требовать не приходится! Но если и этого недостаточно еще, то вотъ интересный фактъ другаго рода. Что нѣмцы стали въ грандіозныхъ размѣрахъ оставлять свою родину— фактъ общезвѣстный, занимающій теперь не мало и правительство, и общество. По послѣднему отчету о выселяющихся выходить, что за одинъ только годъ (съ мая 1880 г.) высадилось въ Америкѣ около 170,000 нѣмцевъ! Въ только что истекшемъ, (по новому стилю) іюнѣ мѣсяцѣ, прибыло, по показаніямъ американскаго правительства, въ одинъ только Нью-Йоркъ (откуда приѣзжающіе отправляются уже дальше) 60,200 поселенцевъ, между которыми было 24,000 нѣмцевъ. Вычислено, что за 30 лѣтъ (съ 1849 по 1879 г.) ушло изъ Германіи 2.165,332 гражданина, и что страна лишилась, такимъ образомъ, цѣлыхъ 11 мил. марокъ денегами и рабочими силами!

Достаточно, кажется, этихъ данныхъ, (многое другое еще мы оставляемъ въ сторонѣ), чтобы сказать себѣ, что помимо случайно подвернувшихся чисто-политическихъ резонансовъ, (подготовки къ выборамъ), есть и другія причины, въ евреевъ лежащія, которыя отличнѣйшимъ образомъ объясняютъ отношенія къ нимъ нѣмцевъ

* Антисемиты, въ порывѣ увлеченія прибѣгающіе охотно къ всевозможнымъ подтасовкамъ и къ лживой лжи, воспользовались этимъ отчетомъ, чтобы издать брошюру и написать нѣсколько статей, въ которыхъ цитируются несуществующія цифры и доказываются, что главный контингентъ для мѣстъ заключенія въ Германіи поставляютъ все тѣ же евреи. Эти инсинуація были, конечно, должнымъ образомъ опровергнуты; антисемиты ужъ не возвращались впоследствии къ этому опасному маневру. На дѣлѣ оказывается, что даже въ самые урожайные по числу преступленій годы, евреи, въ общемъ итогѣ, участвовали въ послѣднихъ максимумѣ въ 18—20%. Особенно интересны результаты, къ которымъ пришелъ въ этомъ отношеніи статистикъ Берлина, докторъ **Безъ**, который счелъ себя тоже обязаннымъ выступить съ убѣдительными цифрами за оклеветанныхъ евреевъ. Мы возвратимся еще къ этому предмету при другомъ случаѣ.

испортили нѣмцамъ ихъ существованіе. «*Spiegel im Iehne:*» — совѣтуеть А. Дюма для всѣхъ тѣхъ случаевъ, когда рѣчь заходить о какомъ нибудь преступленіи. Нѣмцамъ подсказываютъ, что и искать то нечего, что настоящий виновникъ на лицо. Пѣсня объ эксплуататорѣ-евреѣ такъ стара, и поется она изъ рода въ родъ такъ безнаказанно, что не подхватить и теперь—было бы болѣе чѣмъ несообразно. Въ этомъ современномъ хорѣ прославляющемъ на свой ладъ добродѣтели еврейскаго племени, участвуютъ представители разныхъ сословій и профессій. Даже старикъ Рихардъ Вагнеръ, и тотъ не могъ устоять предъ соблазномъ и откликнулся тоже, послѣ долгихъ лѣтъ молчанія. На этотъ разъ онъ не издалъ еще отдѣльной брошюры о евреяхъ, имѣющей служить дополненіемъ къ его знаменитому произведенію «*Die Juden in der Musik*»; онъ ограничился на первыхъ порахъ хлесткою статьею, подъ громкимъ заглавіемъ: «*Ausführungen zu Religion und Kunst. Erkenne dich selbst*», которую напечаталъ въ своемъ же журналѣ «*Bayreuther Blätter*». Что евреямъ достается въ этой статьѣ и такъ, и сякъ («это люди, неимѣющіе ни отечества, ни національнаго языка, ни идеаловъ, ни религіи, ни вѣры въ загробную жизнь» — аттестуеть насъ, между прочимъ, творецъ музыки будущаго) — понятно само собою. Но вотъ что интересно: Вагнеръ не щадитъ на сей разъ и своихъ соотчичей-христіанъ, которые, судя по его аттестациі, выходятъ пожалуй похуже еще евреевъ. Если это такъ, и если разсужденія Вагнера имѣютъ дѣйствительно какое нибудь значеніе, то ему можно-бы указать на извѣстную русскую пословицу, которая гласитъ, что «каковъ попъ, таковъ и приходъ». На статью Вагнера, озадачившую даже нѣкоторыхъ изъ его болѣе разсудительныхъ почитателей, появились многія возраженія. Укажемъ здѣсь, между прочимъ, на мѣткую статью въ № 27 «*Musikalische Welt*» и въ особенности на только-что появившуюся въ печати прекраснѣйшую брошюру пзвѣстнаго ученаго, д-ра Пауля Касселя: «*der Judengott und Richard Wagner*».

Однако и въ самой Германіи, гдѣ теперь въ нѣкоторыхъ сферахъ, творится нѣчто въ родѣ того, что напоминаетъ собою Содомъ и Гоморру, не всѣ еще, къ счастью, заразились юдофобствомъ. Евреи имѣютъ еще видныхъ и славныхъ протекторовъ, которые

дружина и символически представляется в этом смысле. Мы говоримъ здѣсь о заслуженномъ естествоиспытателѣ и ученомъ, профессорѣ Шлейденѣ, двѣ брошюры котораго о евреяхъ всѣмъ достаточно извѣстны. Штекеръ возмимѣлъ даже неосторожность заподозрить его по этому поводу публично въ принадлежности къ еврейству. Мы упомянули здѣсь о Шлейденѣ въ виду общей скорби, которую вызвала въ Германіи его смерть и въ виду того еще, что и специально-еврейскому журналу подобаетъ вспомнить объ этой прекрасной личности. Шлейденъ умеръ на 76-мъ году жизни, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Тамошніе евреи приняли участіе въ его похоронахъ и положили лавровый вѣнокъ на его могилу, отъ имени мѣстнаго Мендельсоновскаго ферейна.

Разные нашлись защитники у евреевъ, и между прочимъ довольно курьезные. Кто бы, напримѣръ, могъ расчитывать, что противниками антисемитства выступятъ протестантскіе миссіонеры, поставившіе себѣ специальною задачею обращать евреевъ въ христіанство? Чего только на свѣтѣ не бываетъ! 17-го іюня происходило въ Берлинѣ общее собраніе членовъ этого богоугодна-

„ферейномъ гражданахъ-консерваторовъ“, съ партією католикъ и съ тѣми дѣятелями, которые участвовали въ социалистско-консервативномъ конгрессѣ отъ 18 и 19 мая с. г. Съ Божьею помощію и при содѣйствіи добрыхъ людей мы въ самомъ короткомъ времени будемъ вправѣ воскликнуть: въ Германіи существуетъ отнынѣ лишь одна партія, это партія христіанская!—Чтобы достигнуть этого идеала и добиться, особливо во время избирательной агитаціи, желаемыхъ результатовъ, нужны деньги и деньги. Такъ какъ наши христіанскіе братья въ Берлинѣ буквально высосаны (ausgezogen) евреями, то мы вынуждены обратиться къ богачамъ, къ тѣмъ вмуцамъ, которые пощажены еще евреями и располагаютъ отзывчивымъ сердцемъ. Въ этомъ и состоитъ дѣль моего посланія, съ которымъ я приѣмлю здѣсь смѣлость предстать предъ вами. Оба названные выше ферейна оказываются теперь, благодаря постоянно возрастающимъ расходамъ, на мели (in die Brüche geraten), такъ что скорая помощь была бы очень и очень желательна. Г-нъ придворный проповѣдникъ Штекеръ жительствоуетъ (слѣдуетъ адресъ), а гг. Ферстеръ и Либрманъ-фонъ-Зоннебергъ (опять адресъ). По желанію гг. жертвователей, имена послѣднихъ будутъ сохраняться втайнѣ.—
При этомъ случаѣ позволяю себѣ, въ качествѣ представителя оптовой винной торговли Г. Т. Пфлигъ Младшій въ Любекѣ, приложить при семъ экземпляръ своего прейс-куранта. Примите и проч. A. Lodomez; Berlin, 52, Behrenstr. 1. № 64.

Комментаріа, конечно, не требуются...

радушная Румынія распорядилась заранѣе о предотвращеніи наплыва въ ея страну со стороны спасавшихся къ ней русскихъ евреевъ. Евреи направилась дальше—въ Австрію и Германію. Вотъ по этому то поводу и пошли о нихъ толки въ парламентахъ. (Впрочемъ, переселеніе русскихъ евреевъ въ означенныя государства происходитъ и непосредственно, чрезъ западную нашу границу).—Германіи какъ разъ въ это время пришлось возобновить какой то трактатъ съ Румыніею, по каковому случаю нѣкій депутатъ фонъ-Шальша и выступилъ съ упомянутымъ выше предложеніемъ. Впрочемъ, этому мужу хотѣлось и не того еще. Онъ настаивалъ, чтобы обязать Румынію затруднить еще больше натурализацію русскихъ евреевъ, для того чтобы послѣдніе, поселившись тамъ массами и разочаровавшись впоследствии въ своихъ ожиданіяхъ, не перешли уже оттуда въ Германію. Что то ужъ очень замысловато! Дѣло обошлось, однако, благополучно. Специальнаго параграфа въ трактатъ о евреяхъ не включено, и вся исторія ограничилась нѣсколькими полемическими рѣчами, которыя не стоятъ даже особеннаго вниманія.—Не мѣсто вновь прибывающимъ евреямъ ни въ Румыніи, ни въ Пруссіи, ни даже въ Австріи: на этотъ счетъ ужъ лучше себя не обманывать. По крайней мѣрѣ въ данную минуту не мѣсто здѣсь новымъ поселенцамъ-евреямъ. Имъ, и помимо тѣхъ ненормальныхъ отношеній къ евреямъ которыя въ послѣднее время появились въ этихъ государствахъ, просто невыгодно переходить сюда съ своимъ скарбомъ,—невыгодно именно теперь, по причинамъ, на которыя вскользь уже было указано выше. Въ Германіи, напримѣръ, мы уже видѣли, что самимъ нѣмцамъ приходится въ настоящее время до того тошно, что они почитаютъ за лучшее убираться массами, главнымъ образомъ, въ Америку—эту необъятную страну млека и меда, въ которой еще долго будетъ находиться мѣсто для трудовыхъ силъ представителей какихъ угодно національностей.

Что есть еще, даже и въ самой Европѣ, такія области, гдѣ—по всѣмъ даннымъ—евреевъ ожидалъ бы радушный приѣмъ, можно видѣть изъ сообщеній политическихъ газетъ о дипломатической перепискѣ, по поводу приглашенія сыновъ Израиля въ Испанію. Первый слухъ объ этой перепискѣ, принятый сначала съ нѣкоторымъ скептицизмомъ, оказывается теперь заслуживающимъ болѣе

реяхъ, (правда стѣсненныхъ, какъ извѣстно, до послѣдней степени), не проявила себя рѣшительно ничѣмъ ни на одномъ изъ поприщъ ума и физическаго труда. Для Румыніи, гдѣ евреи составляютъ теперь 13% населенія, это навѣрное было-бы ударомъ. Но даже просвѣщенная Германія, та самая Германія, которая такъ некрасиво поступаетъ теперь съ евреями и какъ будто тяготеетъ ими, безъ сомнѣнія не очень была-бы рада утратить ихъ, особливо въ настоящее время, когда евреи оказываются для нея болѣе чѣмъ когда-либо полезными. Евреи сильны здѣсь не въ торговлѣ только, несмотря на то, что имъ съ недавняго лишь времени открытъ доступъ и на другія поприща. Стоять, напримѣръ, пройти по открытой теперь во Франкфуртѣ-на-Майнѣ общегерманской, весьма содержательной и разнообразной выставкѣ, чтобы оцѣнить по достоинству значеніе евреевъ для Германіи. Какъ извѣстно, Германія сосредоточиваетъ теперь свои главныя производительныя силы на промышленности. Франкфуртская выставка и имѣетъ задачей представить всѣ новѣйшіе продукты нѣмецкой изобрѣтательности по части усовершенствованій и самодѣятельности, особливо въ фабричномъ дѣлѣ (выставка и носитъ названіе: «Allgemeine Deutsche Patent-und Musterschutz Ausstellung»). Газета «Israelit» составила списокъ экспонентамъ-евреямъ, участвующимъ въ этомъ національномъ турнирѣ, и дополнила его нѣкоторыми весьма интересными объясненіями, касающимися выставленныхъ евреями произведеній. Очень назидателенъ этотъ списокъ, безъ сомнѣнія свидѣтельствующій только въ пользу предприимчивости, энергіи и умственной самостоятельности евреевъ! Перебирать всѣ поприща, на которыхъ подвизаются съ несомнѣнною пользою для государства евреи въ Германіи, не входитъ въ программу настоящей хроники. Позволимъ себѣ еще только сообщить одинъ интересный фактъ, свидѣтельствующій о заслугахъ, которыя оказываютъ евреи хотя-бы германской торговлѣ и потребителямъ. Во время извѣстныхъ преній о евреяхъ въ берлинскомъ рейхстагѣ, въ концѣ прошлаго года, депутатъ Бахумъ изволилъ голословно выразиться, что манипуляціи берлинскихъ коммерсантовъ-евреевъ составляютъ единственную причину непомѣрнаго вздорожанія хлѣба въ Германіи. По этому поводу явилась сейчасъ-же въ газетахъ (см. «Фоссову Газету» отъ 24 ноября пр. г.) выпис-

ка изъ разныхъ казенныхъ вѣдомостей, изъ которой обнаружено, что за извѣстный промежутокъ введено водою, въ предѣлы Германіи, изъ одной только Россіи: 650,000 центн. ржи и 208,000 ц. овса. Изъ числа-же этого количества поступило (разумѣется для внутренняго употребленія) *чрезъ еврейскія фирмы* 530,000 ц. ржи и 170,000 ц. овса! Понятно само собою, что подлежащія къ уплатѣ на эти зерновые продукты таможенныя пошлины, *въ размѣръ 325,000 марокъ*, и идущія въ пользу покровительствуемыхъ аграріевъ, не могли никомъ образомъ удешевить бѣдному человѣку кусокъ хлѣба...

Рядомъ съ перспективою, отрывающеюся для евреевъ на крайнемъ западѣ Европы, выступаютъ теперь, какъ слышно, на сцену и проекты о доставленіи имъ средствъ къ переселенію, на національныхъ началахъ, въ Америку. На-дняхъ появилось даже сообщеніе, что на первыхъ порахъ образовалась уже небольшая колонія въ одной изъ сѣверныхъ областей Америки и что колонія эта, въ видѣ опыта, сформирована пока изъ 20—30 русско-еврейскихъ семействъ. Лица, инициативѣ которыхъ новая колонія обязана своимъ происхожденіемъ, думаютъ однако пойти гораздо дальше и развернуть свою гуманную дѣятельность въ этомъ отношеніи все больше и больше. Въ добрый часъ!—скажутъ навѣрное иные изъ нашихъ толерантныхъ друзей, и въ томъ числѣ либеральный и во всемъ остальномъ дѣйствительно почтенный «Русскій Курьеръ», который на-дняхъ еще только (№ 257) выразилъ иронически надежду и увѣренность, что евреи не преминутъ воспользоваться какъ можно скорѣе любезнымъ приглашеніемъ короля Альфонса. Что-жъ дѣлать? Ужъ времячко подошло такое.

Отмѣтимъ, на страницахъ нашей хроники, еще одинъ проектъ, касающійся все того-же вопроса о созданіи для евреевъ новаго уголка, новаго отечества. Проектъ этотъ предлагается, впрочемъ, гласно не впервые, но на этотъ разъ онъ обставленъ большею солидностью. Исходитъ онъ отъ чистокровнаго англичанина, не-еврея, члена парламента сэра Лауренса Олифанта. Этотъ покровитель и почитатель еврейскаго племени задумалъ планъ, который съ перваго раза можетъ показаться не только курьезнымъ, но и утопичнымъ, несбыточнымъ. Ему хочется не только содѣйствовать улучшенію участи тѣхъ евреевъ, которые фактически все еще не обрѣли отечества въ нѣкоторыхъ населяемыхъ ими европейскихъ

ПИСЬМА ИЗЪ ЛОНДОНА*.

V.

Евреи, какъ уже можно было заключить изъ прежнихъ писемъ, не имѣютъ здѣсь никакихъ особенныхъ специальностей національнаго характера, никакихъ особенныхъ орудій для удачнаго веденія борьбы за существованіе; самъ по себѣ юдаизмъ вовсе не представляетъ выгоднаго продукта для сбыту на всемірномъ рынкѣ. Они поэтому вынуждены участвовать во всѣхъ отрасляхъ и вѣтвяхъ промышленности и нести всякаго рода трудъ. И вотъ почему они въ экономическомъ отношеніи не могутъ быть отдѣлимы отъ остальнаго населенія вообще. Благодаря этому результату ихъ дѣятельности съ одной стороны, политическому равенству ихъ съ прочими частями населенія съ другой, и релігіозной толерантности вообще—смѣшанный бракъ между евреями и христіанами въ Англіи нисколько не считается предосудительнымъ. Релігіозные предрасудки, какъ оно ни странно въ такой набожной націи, какъ англійская, уступаютъ, покоряются требованіямъ экономической необходимости. Все это вмѣстѣ взятое, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что евреи возвращаются тутъ во всѣхъ сферахъ и что ихъ встрѣтите на любой ступени общественнаго благосостоянія и неразрывнаго съ этимъ нравственнаго состоянія. Трудно найти какуюнибудь экономическую особенность въ быту здѣшнихъ евреевъ; какъ сами англичане и другія національности, такъ и евреи имѣютъ въ своей средѣ и чрезмѣрныхъ богачей, и умирающихъ съ голоду нищихъ; этихъ послѣднихъ въ истекшемъ году въ Лондонѣ было 101 человекъ,

* См. Восходъ кн. V.

самъ бѣднякъ. И вотъ новичекъ вначалѣ мучится, тянетъ покорно лямку, но потомъ привыкаетъ, приобретаетъ ловкость и цѣнность, (подъ обоими этими словами слѣдуетъ понимать быстроту въ работѣ, а не качество ея, тутъ работаютъ съ изумительной быстротою и это качество цѣнится выше всего). Тогда хозяинъ прибавляетъ, но не много. Этимъ пользуется сосѣдъ и предлагаетъ большую плату. Но новичку неловко бросить пріютившаго его сострадательнаго хозяина, сейчасъ послѣ того, какъ онъ научился работѣ. Онъ конечно рассказываетъ иногда хозяину, что ему предлагаютъ больше; иной мастеръ и набавитъ—и то больше потому, чтобы не достался онъ его конкуренту Шмулю, а иной все еще не въ состояніи платить столько, сколько предлагаютъ другіе. Тѣмъ не менѣе часто случается—въ общемъ тутъ существуетъ полнѣйшее взаимное недо-вѣріе между хозяиномъ и работникомъ—, что работникъ все таки остается у стараго хозяина, потому что не всякій вѣдь охотникъ заклеить себя пятномъ „черной неблагодарности“, а хозяину такая признательность въ пользу.

Подъ еврейскими рабочими Лондона надо понимать главнымъ образомъ, если не исключительно, «евреевъ польскихъ», какъ называютъ на западѣ, по старой привычкѣ, всѣхъ евреевъ Россіи. Нѣмецкіе евреи и тутъ не занимаютъ физическимъ трудомъ. Евреи другихъ странъ прибываютъ сюда въ весьма незначительномъ количествѣ или живутъ здѣсь уже такъ долго,—какъ евреи голландскіе или португальскіе,—что успѣли совершенно обангличаться. Только польскій еврей работаетъ, то согнувшись надъ маленькимъ верстакомъ сапожника, то стоя цѣлый день съ пилою или другимъ инструментомъ у столярнаго станка, то сидя по-турецки на широкомъ портняжномъ столѣ съ иглой и ниткой, то на швейной машинѣ, дѣйствуя больше ногами чѣмъ руками и т. д.—словомъ во всѣхъ формахъ. Это, по справедливому замѣчанію одного наблюдателя, происходитъ оттого, что русскіе евреи, живя прежде среди поляковъ и малороссіянъ, т. е. народа, въ которомъ не было мѣщанскаго сословія, посвятили себя ремесламъ; да еще отчасти потому, что евреи, прибывающіе сюда изъ Россіи, большею частію бѣдняки, не имѣютъ чѣмъ просуществовать первые дни, и берутся поэтому за всякую работу. Окрещенные именемъ „польскихъ евреевъ“ представляютъ здѣсь не только особую группу,

зуются уваженіемъ, почетомъ и любовью своихъ прихожанъ. Необходимыя для этого знанія приобрѣтаются тутъ же, въ этой семинаріи. Въ послѣдствіи большинство такихъ новообращенныхъ оказывается ревностными дѣятелями въ распространеніи христіанскаго ученія—очень часто, конечно, потому, что получаютъ хорошія жалованья и живутъ припѣваючи. Больше всего они дѣйствуютъ, конечно, среди евреевъ: читаютъ проповѣди въ различныхъ капеллахъ и публичныхъ мѣстахъ, устраиваютъ митинги — лѣтомъ подъ открытымъ небомъ, въ садахъ, на улицахъ и площадяхъ, и при всемъ этомъ пользуются древне-еврейскимъ и нѣмецкимъ языками, жаргономъ польскихъ евреевъ и даже русскимъ языкомъ. Такъ на дняхъ, въ воскресенье, въ одномъ изъ переулковъ, гдѣ по воскресеньямъ происходитъ до 2-хъ часовъ по полудни самая оживленная торговля, (почему этотъ узенькій, грязный переулокъ «Petticoat Lane» (Юбочный переулокъ, звѣстенъ во всей Англій) и гдѣ въ это время толпятся люди различнѣйшихъ націй, раздавали, разумѣется даромъ, евангеліе на русскомъ языкѣ въ довольно красивомъ переплетѣ, напечатанное въ С.-Петербургѣ въ 1877 г. въ 16 долю листа. О даровой раздачѣ съ этой цѣлью библій и брошюръ на другихъ языкахъ и говорить нечего.

Но бывають нерѣдко примѣры черной неблагодарности; попадаютъ, и довольно часто даже, такіе субъекты, которые весьма практично эксплуатируютъ это заведеніе. Дѣло въ томъ, что въ него принимаютъ всякаго еврея, который изъявляетъ готовность вступить туда — принимаютъ безъ разбора пола и возраста, если только замѣчается со стороны этого охотника или охотницы нѣкоторая наклонность къ принятію въ послѣдствіи христіанства. Формальнаго общанія не требуютъ, а если бы и требовали, то нашлись-бы такіе, которые дали бы его, но не сдержали. Вступившихъ туда содержатъ очень хорошо—ихъ тамъ не только обуваютъ, одѣваютъ и кормятъ, но обучаютъ еще англійскому языку, нѣкоторымъ другимъ предметамъ и какому-нибудь ремеслу. И вотъ практическіе люди, извлекая отсюда всю пользу, т. е. подготовившись тамъ въ томъ, безъ чего невозможно или крайне трудно пристроиться въ Англій, оставляютъ это заведеніе—и слѣдъ простылъ. Иной однако открыто заявляетъ, что собирается оста-

препровождения. Ужъ не благоразумнѣ ли въ самомъ дѣлѣ подражать англичанамъ, которые безъ различія пола и возраста приносятъ жертвы въ болѣе интересной формѣ, чтобы скоротать какъ нибудь свободное отъ труда время; у нихъ ужъ болѣе большой выборъ—англійскій портеръ, шотландскій эль, ирландскій виски, ямайскій ромъ, французскія, нѣмецкія, венгерскія вина, всякіе другіе туземные и иностранные нектары. Къ чтенію полезныхъ книгъ и тѣ и другіе не чувствуютъ особенной охоты, о потребности же въ этомъ отношеніи и говорить нечего; чрезмѣрный трудъ такихъ роскошныхъ потребностей не развиваетъ; а пойти некуда, кромѣ церкви; но въ тѣ дни, когда у массы есть свободное время, весь городъ представляетъ какъ бы одну громадную церковь со многими буфетами, такъ какъ кабаки открыты; театры же и даже музеи закрыты, хоть объ открытіи послѣднихъ и хлопочутъ уже десятки лѣтъ.

Въ умственномъ отношеніи еврей живой широкой дѣятельности не выказываютъ; участіе ихъ въ общей прессѣ обуславливается общими мотивами. Изъ періодическихъ изданій спеціально еврейскаго направленія, какъ обнаруживается уже въ названіяхъ, которыя они носятъ, заслуживаютъ вниманія, по большей своей распространенности, издающіеся въ Лондонѣ *Еврейскій Миръ* (Jewish World) да Еврейская Лѣтопись (Jewish Chronicle). Оба эти органа, за неимѣніемъ, повидимому, чего либо болѣе достойнаго, тратятъ многія, если не главныя силы свои въ борьбѣ съ миссіонерствомъ, которое не безъ успѣха увлекаетъ израильтянъ въ *палестинскій дворъ*, обѣщая имъ лучшее будущее на небѣ, а главное—большій комфортъ на землѣ.

КЪ ГЛАВѢ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХЪ ПОГРѢШНОСТЯХЪ.

Письмо къ редактору.

Во „внутреннемъ обозрѣніи“ январской книжки „Восхода“ говорится, между прочимъ, о той, какъ выражается авторъ, системѣ бессистемности, которая проглядываетъ во всемъ нашемъ законодательствѣ о евреяхъ. Указаніе это сдѣлано въ общихъ чертахъ—о политикѣ по отношенію къ еврейскому вопросу вообще. Намъ кажется небезынтереснымъ остановиться на подробностяхъ, подтверждающихъ упомянутое положеніе автора, и на нѣкоторыя изъ нихъ вы позволите мнѣ указать въ нижеслѣдующихъ строкахъ.

Въ русскомъ законодательствѣ нѣтъ положительнаго закона, разрѣшающаго повсемѣстное жительство евреямъ-художникамъ. Но оно даетъ право повсемѣстнаго жительства евреямъ-ремесленникамъ. Выходитъ, что еврей-штукатуръ надѣленъ такими прерогативами, какими не пользуется еврей-скульпторъ! Щетка красильщика и топоръ каменщика болѣе привилегированы въ глазахъ законодателя, чѣмъ рѣзецъ скульптора или кисть художника. Апполонъ Бельведерскій и Сикстинская Мадонна не въ такомъ обрѣтаются авантажѣ, какъ печной горшокъ и вывѣска ренского погребал.. Даже наука, и та должна пассивать предъ шиломъ, молотомъ и топоромъ. Дѣйствительные студенты изъ евреевъ, врачи, неимѣющіе ученой степени доктора, ветеринары, провизора и повивальныя бабки лишены, на основаніи *положительныхъ законовъ*, того права повсемѣстнаго жительства, которымъ законъ надѣлилъ лицъ, владѣющихъ упомянутыми благородными орудіями.

Изъ такого порядка вещей могутъ выходить любопытныя случайности. Представимъ себѣ, что рѣзчикъ на металлѣ или деревѣ, имѣющій, слѣдова-

ремеслѣ, что превратился въ скульптора. Подобныя метаморфозы весьма возможны и даже очень часто бываютъ. Скажемъ больше: приводимый нами примѣръ взятъ прямо изъ жизни; такая метаморфоза произошла съ челоуѣкомъ, слишкомъ извѣстнымъ не въ одномъ мѣрѣ художниковъ, чтобы намъ нужно было назвать его по имени. На основаніи *буквы* положительнаго закона, ремесленникъ, превратившійся въ художника, теряетъ право, которымъ онъ раньше пользовался въ качествѣ ремесленника. Иначе говоря, онъ долженъ скрыть свой талантъ отъ посторонняго глаза, зарыть его въ землю, если желаетъ удержать за собою право повсемѣстнаго жительства. Положимъ, истинный талантъ пробиваетъ себѣ дорогу черезъ всѣ кордоны и заставы, которыя онъ встрѣчаетъ на своемъ пути. Но несообразности остаются тѣмъ не менѣе несообразностями, и пользы особенной отъ нихъ ждать нечего.

Разсмотримъ еще одно ненормальное и виѣстѣ съ тѣмъ прискорбное явленіе, порождаемое «законодательными погрѣшностями». Это разрывъ семьи, вслѣдствіе неодинаковости правъ всѣхъ ея членовъ: отецъ-художникъ или вообще не-ремесленникъ при дѣтяхъ ремесленникахъ или, вообще, имѣющихъ право повсемѣстнаго жительства, мать—повивальная бабка при дочери-швеѣ, престарѣлые родители или родственники при дѣтяхъ или родственникахъ, имѣющихъ право жительства внѣ черты осѣдлости, совершеннолѣтніе братья и сестры лицъ, имѣющихъ право повсемѣстнаго жительства и т. д. Еще чаще такой разрывъ имѣетъ мѣсто, вслѣдствіе неправильнаго толкованія дѣйствующихъ законовъ тѣми или другими административными властями. Извѣстны случаи, когда несовершеннолѣтніе братья и сестры, даже родныя дѣти лицъ, живущихъ на законномъ основаніи во внутреннихъ губерніяхъ, встрѣчали затрудненія въ правѣ жительства въ этихъ губерніяхъ, хотя законъ прямо оговариваетъ это право (ст. 17, прим. 3, ст. 283 прил. 2 т. XIV и вообще всѣ относящіяся сюда статьи XIV т.). О нравственности и экономическомъ значеніи такого насильственнаго разрыва семей—говорить, разумѣется, не приходится.

Мы, разумѣется, не исчерпали здѣсь всѣхъ тѣхъ противорѣчій и несообразностей, которыми изобильно надѣлено законодательство о евреяхъ. Но, кромѣ того, у насъ еще есть особая бѣда. Это обиліе всевозможныхъ гласныхъ и негласныхъ циркуляровъ, имѣющихъ цѣлью будто бы разъясненіе извѣстныхъ законоположеній, но въ сущности, что касается евреевъ, очень часто до того урѣзывающихъ ихъ льготную силу, что ихъ положительно можно считать несуществующими. Последнее обстоятельство особенно

отразилось на законъ 27 ноября 1801 г., которымъ евреймъ съ учеными степенями открытъ доступъ къ государственной службѣ по всеѣмъ вѣдомствамъ.

Казалось-бы, что то вѣдомство, которое держитъ въ своихъ рукахъ ключи отечественнаго просвѣщенія, менѣе всего должно было-бы дѣлать различіе по вѣроисповѣданіямъ, что въ такое святое дѣло, какъ наука, не долженъ былъ бы вноситься духъ нетерпимости съ чуждыми ей тенденціями. На дѣлѣ мы видимъ совсѣмъ не то. Именно министерство народнаго просвѣщенія почти вовсе не допускаетъ евреевъ въ свое вѣдомство. Нельзя однако сказать, чтобы при этомъ у насъ замѣтенъ былъ особенный избытокъ интеллигентныхъ силъ. Мы снабжаемъ, правда, педагогами нашихъ западныхъ сосѣдей, (за границей, какъ извѣстно, подвизаются на педагогическомъ поприщѣ евреи, родившіеся и воспитывавшіеся въ Россіи), но терять мы отъ этого отнюдь не теряемъ: здѣсь происходитъ простой обмѣнъ. Напротивъ, мы получаемъ оттуда педагоговъ въ большемъ количествѣ съ лихвой. Тѣмъ не менѣе зачастую приходится читать въ газетахъ справедливыя сѣтованія на то, что въ такую-то ученую профессію затесался человѣкъ безъ высшаго образованія, что въ семью педагоговъ пробрался акцизный чиновникъ или малообразованный иностранецъ. Разумѣется, это отнюдь не вслѣдствіе обилія интеллигентныхъ силъ. Общество физически страдало отъ отсутствія медицинскихъ силъ, и евреямъ удалось проложить себѣ дорогу въ медицинское вѣдомство. Но и другія вѣдомства не менѣе вѣдь страдаютъ отъ отсутствія силъ — и болѣе всего вѣдомство народнаго просвѣщенія. Каждый университетъ насчитываетъ нѣсколько кафедръ, которыя стоятъ вакантными по нѣсколько лѣтъ сряду. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ на долю одного преподавателя выпадаетъ по нѣсколько предметовъ. Нужно-ли говорить, что такой недостатокъ педагогическихъ силъ дѣлаетъ невозможной надлежащую постановку дѣла преподаванія. Выписываемые изъ за-границы для пополненія ощущаемаго недостатка въ педагогахъ нѣмцы и чехи — плохой суррогатъ. Хорошему педагогу нѣтъ надобности бросать свой родной край въ виду за судимыхъ матеріальныхъ выгодъ. Извѣстно, что изъ среды учительскаго персонала въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ выбираются классные наставники. Назначеніе классныхъ наставниковъ — «наблюдать за развитіемъ въ учащихся любви къ родиנѣ, къ ея учрежденіямъ и законамъ.» Такъ говорится въ одной инструкціи по министерству народнаго просвѣщенія. Какую ужъ тамъ любовь къ родинѣ, ея учрежденіямъ и законамъ можетъ развивать заморскій педагогъ, для котораго

деній знакомо только то вѣдомство, которое даетъ жирный окладъ въ настоящемъ и пенсію въ будущемъ! А вѣдь подъ руками въ изобиліи силы, которыя ужъ во всякомъ случаѣ не менѣе и не хуже заморскихъ педагоговъ удовлетворяли-бы своему назначенію.

Но вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія до сихъ поръ отличалось нетерпимостью не только къ „учащимъ“, но и къ „учащимся“ изъ евреевъ. Въ послѣднее время получили огласку нѣкоторые случаи остракизма евреевъ изъ учебныхъ заведеній и затрудненія имъ доступа въ оныя, (напримѣръ, въ третью кievскую гимназію) со стороны педагоговъ, пришедшихъ, надо полагать, въ священный ужасъ, въ виду той чисто «жидовской жадности» и того «немовѣрнаго нахальства», съ которыми евреи набросились на образованіе. Намъ хотѣлось-бы думать, что это лебединая пѣснь прошлаго, столь долго господствовавшаго въ министерствѣ народнаго просвѣщенія режима, что это еще зловѣщія тѣни этого прошлаго. Если не различіе въ религіи и національности, то что-же другое, спрашивается, могло-бы оправдать нетерпимое отношеніе къ учащимся евреямъ, недопущеніе евреевъ на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія?

Но таково уже свойство человѣческаго ума, что, чиня другимъ несправедливости, мы стараемся подѣскивать оправдательные мотивы въ чемъ-нибудь, вѣвъ насъ лежащемъ и чаще всего въ потерпѣвшей сторонѣ. Давая волю своимъ разрушительнымъ инстинктамъ и срывая свою злобу на себя подобныхъ, средневѣковое варварство всевозможными путями и способами изощряется въ придумываніи поклеповъ на потерпѣвшихъ. Еврейство—этотъ историческій Макарь—сослужило въ этомъ отношеніи вѣрную службу. Культурное варварство, т. е. варварство, принявшее болѣе культурную форму, точно также тѣнится искать себя оправдательныхъ мотивовъ—и ужъ ни въ какомъ случаѣ не въ себя самомъ. Въ доброе, впрочемъ не очень старое и отдаленное отъ насъ время, когда запреты сыпались проливнымъ дождемъ, когда каждый шагъ напоминалъ еврею о «вдали идущемъ законѣ».—старались оправдывать такое устраненіе евреевъ отъ общей государственной жизни неспособностью ихъ къ тѣмъ или другимъ профессіямъ, или ихъ зловредностью. При этомъ, разумеется, не принималось въ расчетъ, кто сдѣлалъ ихъ неспособными, если только этотъ мотивъ не былъ ничемъ, въ дѣйствительности вовсе не существующимъ призракомъ. А чаще всего оно такъ и бываетъ, что ссылка на неспособность оказывается рано или поздно миеомъ. Если-бы тѣ, у которыхъ измѣненіе нынѣшняго право-

творѣнія, устранить оттуда несообразности, подобныя указаннымъ нами, въ особенности, касающіяся права жительства евреевъ,—словомъ, пересмотрѣть русское законодательство о евреяхъ,—значить рѣшить на половину еврейскій вопросъ. Одинъ вопросъ о «чертѣ осѣдлости»,—этой „причины всѣхъ причинъ“ печальной современной еврейской дѣйствительности — стоитъ доброй половины еврейскаго вопроса. Ровно годъ тому назадъ, въ эпоху такъ называемыхъ вѣяній точно также заходила рѣчь о пересмотрѣ русскаго законодательства о евреяхъ. При той всеобщей переборкѣ и ликвидаціи закорузлыхъ и отжившихъ свое время формъ и запретовъ, которая тогда такъ дѣятельно производилась, дѣйствительно, трудно было пройти мимо еврейскаго вопроса. Случилось однако такъ, что вопросъ этотъ до поры до времени нашелъ себѣ мѣсто подъ зеленымъ сукномъ. Роковыя событія опять поставили его теперь на очередь. Въ этомъ нельзя не усмотрѣть нѣкотораго знаменія времени. Уже одно то, что въ разное время, при совершенно различныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, одинаково чувствуется и сознается необходимость приступить къ рѣшенію еврейскаго вопроса,—наглядно доказываетъ, такъ сказать, сугубую ненормальность теперешняго соціальнаго и правоваго положенія евреевъ въ странѣ. Но еврейскій вопросъ долженъ быть рѣшенъ разъ на всегда и самымъ кореннымъ образомъ, а не *на половину*, не по частямъ. Опытъ доказалъ, что при такихъ порядкахъ вопросы съ теченіемъ времени еще больше запутываются, поле законодательства еще пуще зарастаетъ и вмѣсто нехитрыхъ вопросовъ съ готовыми рѣшеніями,—вопросовъ, которые двоякихъ рѣшеній ни въ какомъ случаѣ имѣть не могутъ, мы получаемъ вопросы дѣйствительно весьма „сложные и запутанные“. И неудивительно, послѣ этого, что заводится рѣчь о международныхъ конгрессахъ!..

А. Кауфманъ.

ЛЕТУЧІЯ МЫСЛИ НЕДОУМЪВАЮЩАГО.

До второй половины апрѣля сего года, т. е. до св. Пасхи, я все уповалъ. Конечно, не на крестъ или денежную награду: такому сверхштатному существу, какъ я, красное яичко къ свѣтлому празднику не полагается,—я уповалъ на болѣе скромный подарокъ, а именно на разрѣшеніе еврейскаго вопроса, т. е. разрѣшеніе быть мнѣ на общемъ положеніи человѣка, а не дичи, за которой только лѣнливый не охотится. Этотъ вопросъ уже такъ давно ходитъ въ «интересномъ положеніи», что его «разрѣшенія», кажется, позволительно было ожидать со дня на день. А тутъ еще газетные слухи, что и «акушеры» уже приглашены, и на этотъ разъ уже на самый послѣдній консилиумъ; стало быть, и по гороскопу или, по крайней мѣрѣ, по кофейной гущѣ выходило, что долго ожидаемый «плодъ» не сегодня—завтра всенепремѣнно увидитъ свѣтъ. Увидитъ свѣтъ, разумѣется, въ столичномъ городѣ С.-Петербургѣ, этомъ родовспомогательномъ заведеніи всѣхъ чреватыхъ неизреченными благами вопросовъ; потому что куда сиволапой провинціи справиться съ родильными потугами, требующими и надлежащей подготовки, и осторожной сваровки, и тщательнѣйшаго ухода, безъ чего трудные роды могутъ еще усложниться совершенно неожиданными complicationами?..

Анъ вдругъ слышу, что роды уже состоялись—и гдѣ?—въ Елисаветградѣ, Кіевѣ, какойнибудь паршивой Голтѣ и многихъ другихъ гнилыхъ палестинахъ. Состоялись при знахарской помощи деревенскихъ повитухъ, съ обычными встрясками, колотьемъ въ бокъ, спину и поясницу, дерганіемъ за руки и за ноги, словомъ, по всѣмъ правиламъ деревенскаго повивальнаго искусства, т. е. со всѣми

въ бороду,—вогъ оно что! какъ-же такіе трудные роды перенесли изъ столицы въ деревню? Не изъ гигиеническихъ-ли видовъ, для чистаго воздуха? Но гдѣ отыщешь теперь въ деревнѣ чистый воздухъ, и есть-ли теперь въ оной воздухъ вообще? Не докладываютъ-ли газеты каждый божій день, что пейзаны ходятъ освѣлыми и съ высунутыми языками отъ положительнаго недостатка сего полезнаго «предмета»? Съ одной стороны—выкупные съ десяткомъ другихъ платежей; съ другой—малоземелье; съ третьей—русачекъ Разуваевъ купно съ русачкомъ Губошлеповымъ, вооруженные хорошо уснащенными насосами, съ утра до вечера вымачиваютъ изъ деревни малѣйшее подобіе воздуха; съ четвертой,—урядникъ, крѣпко стоящій на мужицкой спинѣ, какъ на неизбленномъ постаментѣ, и на вытяжку предъ г. Граціановымъ, своимъ непосредственнымъ начальникомъ, держащимъ руки не по швамъ, а по близости бокового кармана; съ пятой стороны, т. е. сверху,—или непрерывный дождь не во время, или нескончаемое ведро не въ пору; а съ шестой, т. е. снизу,—черноземъ... изъ жучка, кузьки, гессенской мухи и другихъ господнихъ тварей. Какому-же тутъ быть воздуху?

И я положилъ себѣ указательный палецъ въ ротъ и сталъ недоумѣвать.

Недоумѣвалъ я, слыша съ одной стороны, глубоко убѣжденное утверждение нашихъ нарочито патриотическихъ газетъ, что тлетворныя „новыя вѣянія“ разсѣялись, яко дымъ, что отнынѣ мы будемъ обвѣваемы старыми, даже совсѣмъ старыми вѣяніями, такъ что русскій человекъ будетъ получать свое посвященіе въ граждане, патриоты своего отечества, даже не отъ приснопамятной дубинки Петра Великаго, а отъ болѣе внушительнаго и неубогабываемого посоха царей и великихъ князей Московскихъ, о которомъ бояре и даже „подлые“ люди могли-бы разсказать, а инне и впрямь разсказали очень много поучительнаго, и что богохранимому народу зѣло приличествуетъ, уставя брады и разверши рты, ждать манны небесной сверху, отъ благодѣющей руки благопопечительнаго начальства, знающаго пути животновъ нашихъ въ доскональномъ совершенствѣ; паче-же всего *народу* слѣ-

валъ я, съ дтороны, вида ликованіе оныхъ-же газетъ по повсду тогс иданнаго и невѣроятнаго обстоятельства, что народъ не безмолвствуетъ, но берется собственными руками и сми разрѣшить то, что, по всѣмъ видимостямъ, долженству идать разрѣшенія свыше. Недоумѣваю-же, т. е. любопытств. всѣхъ сторонъ знать, что скажутъ, что запоютъ си-же гѣи, если, чего добраго, народъ, поймаковавъ сла-дость ско. епосредственной, практической расправы, возьмет-ся за ра. іе и другихъ вопросовъ, стоящихъ на очереди, и, вмѣсто т. тобы ждать цидулокъ, изъ засѣдающихъ въ столи-цѣ комм. станетъ артелями писать дубемъ на право и на лѣво? Д онѣ тогда скажутъ, газеты эти? Ибо, съ одной сто-роны, кажется, за безусловное безмолвіе народа, а съ дру-гой—о акъ будто за полное безначаліе онаго. За что-же онѣ, законъ, въ самомъ дѣлѣ? О, кто разрѣшитъ мнѣ это недоумѣ-ніе, загадку, тому не пожалѣю... двугривеннаго, при всемъ раззо, которымъ поразилъ меня южный погромъ.

громъ, разгромъ или просто *громъ*? И откуда грянулъ этотъ громъ изъ тучи или изъ навозной кучи? Это — второй пунктъ мой недоумѣній. То мнѣ кажется, что изъ навозной кучи, то— нѣ потому куда этой ивертной кучѣ метать громы и молніи!.. Ея ссія — гнить на одномъ мѣстѣ и распространять зловоніе, чтна неукоснительно и дѣлаетъ и въ чемъ многое ей способ-ство. Ясно, что метать громы—не ея ума дѣло. Стало быть... Въ туть-то я и прихожу въ сугубый тупикъ и еще глубже за-сываю палець въ ротъ мой. Впрочемъ, это мое недоумѣніе раз-дляютъ со мною многіе, что однакоже нисколько не разъясняютъ ала. Да оно, это *дѣло*, можетъ быть, никогда и не разъяснится, отому бывають дѣла, концы которыхъ такъ искусно спрятаны въ воду, что ихъ не откроютъ никакіе водолазы... Впрочемъ, да ну его со всѣмъ! Не стоитъ ломать себѣ голову надъ вопросомъ: *откуда*? Это трудъ, во всякомъ случаѣ, неблагоприятный и непро-изводительный. И не все ли равно откуда? По моему мнѣнію, го-раздо важнѣе знать *почему*? То есть, какія условія преимуще-ственно содѣйствовали къ вышшему накопленію электричества, разряженіе котораго потребовало грома?

во всемъ обиліе было,—и духъ легче былъ, и расположенность чувствовалась; а нынче, когда на зубъ-то нечего положить стало,—ну, и смотреть на тебя всякій, словно за горло ухватить хочетъ”.

Не я это говорю, а г. Н. Щедринъ это говоритъ, хотя я самъ безъ особеннаго труда и расходовъ, могъ-бы сказать тоже самое, такъ-какъ я въ самые первые моменты правительскаго разрѣшенія на моей спинѣ еврейскаго вопроса чувствовалъ и ни малѣйше не сомнѣвался, что члены богъ знаютъ къмъ учрежденной *комисіи* долго, такъ таки долго не бѣли, отчего они, должно быть, часто выпивали, чтобы загонять голодь въ самые глухіе уголки утробы. Вѣдь и поэтъ поэтъ:

Ты и убогая, (хлѣбомъ)
Ты и обильная, (поугаромъ)
Ты и могучая, (аппетитомъ)
Ты и безсильная, (волей)
Матушка—Русь!

Комментарій въ скобкахъ принадлежитъ мнѣ, а не Некрасову. Да будетъ вамъ это вѣдомо.

„Ни въ одномъ языкѣ нѣтъ такого слова, которымъ-бы можно было опредѣлить отношенія, выражаемыя нашимъ словомъ «безчеловѣчный»... Что это за отношенія? Отношенія, въ которыхъ «человѣческое» не принято во вниманіе, изгнано изъ обихода жизни, или, по крайней мѣрѣ, сведено на нуль... Всѣ поголовно «ходили» и воспитывались цѣлыми поколѣніями подъ вліяніемъ холоднаго, студенаго вѣянія безчеловѣческихъ идей... Веадѣ и всюду глубочайшая отвычка поступить «по человѣчески», «уважать» челоуѣка... Это многолѣтнее вѣяніе «безчеловѣчныхъ» отношеній проникаетъ всѣ слои общества, безъ исключенія“.

Опять не я это говорю, а г. Глѣбъ Успенскій это говоритъ, и говоритъ, подобно г. Н. Щедрину, совсѣмъ не по поводу еврейскаго погрома, а по поводу... ей-богу, не помню, по какому поводу. Должно быть по поводу очень многоаго, о чемъ свидѣтельствуешь обиліе многоточій въ этихъ немногихъ строкахъ.

Г. Щедринъ и г. Успенскій, сколько мнѣ извѣстно, не поэты и не романисты, т. е. художники, творящіе изъ своей фантазіи и зачастую увлекающіеся ею въ область невозможнаго или не су-

вмѣсто обвинительной рѣчи, разразился въ кievскомъ военно-окружномъ судѣ панегирикомъ «членамъ комисіи». Я того мнѣнія, что онъ въ данномъ случаѣ поступилъ весьма резво и вполне логически, не говоря уже о высокогуманномъ чувствѣ, которымъ, какъ видно, можетъ иногда проникаться даже прокурорское сердце. Ибо что ему оставалось дѣлать? Констатировать фактъ преступления? Но этотъ фактъ былъ въ преизбыткѣ констатированъ и безъ его рѣчи. Помилюйте, всѣ кievляне, какъ управляемые, такъ и управляющіе, лично присутствовали при совершеіи этого факта, какъ при какомъ нибудь торжественномъ богослуженіи. Слѣдовательно, обвинительная рѣчь была-бы только безвкуснымъ плеоназмомъ, въ родѣ «водная вода», «огненный огонь», чего искусному оратору слѣдуетъ всячески избѣгать. Вы скажете, что ему еще оставалось просить судъ о примѣрномъ наказаніи подсудимыхъ, дабы и другимъ не повадно было. Но благоволите сообразить, что коль скоро фактъ преступленія былъ уже вполне констатированъ, судъ уже самъ распорядился бы относительно воздаянія по заслугамъ. все равно, просиль-бы кто его объ этомъ или нѣтъ: судъ свое дѣло знаетъ, учить его не зачѣмъ. Ясно, что г. Стрѣльникову ничего больше не оставалось, какъ просить судъ о снисхожденіи для подсудимыхъ, что онъ по мѣрѣ силъ своихъ и сдѣлалъ. Правда, его обвинительно-защитительная рѣчь сильно напоминаетъ варьяціи на бессмысленную тѣму: «невинны, но... заслуживаютъ снисхожденія», но я даже и этому не удивляюсь: мало-ли какіе мозги у человѣка бывать могутъ!

Я только удивляюсь, что г. Стрѣльниковъ, человѣкъ безъ всякаго сомнѣнія, вполне образованный, такъ слабъ по части естественныхъ наукъ, ибо оказываетъ незнаніе, что палка о двухъ концахъ бываетъ. Говорю это по поводу финала его рѣчи, въ которомъ онъ гонитъ меня на западъ. Неужели онъ не могъ сообразить, что по тому-же праву, по которому онъ гонитъ меня на западъ, я могу гнать его на востокъ, напр., къ хребту Уральскому или къ нашимъ новымъ компатріотамъ текинцамъ? Ему не нравится мой носъ, а мнѣ, можетъ быть, еще больше не нравится его лобъ. Ему кажется, что я опустошаю его поля, отчего онъ вынужденъ класть зубы на полки; а мнѣ кажется, что онъ

стывает моему двору распространять вокруг себя приятное благоуханіе, какъ противовѣсь идущему изъ его двора вредному зловоиію. Стало быть, мы другъ другу вредны въ равной степени, и если онъ считаетъ себя вправѣ гнать меня направо, то я могу подыскать законъ, позволяющій мнѣ гнать его налѣво: мировой, если принесемъ ему наши жалобы, или обоихъ насъ оправдаетъ— за взаимностью обидъ, или обоихъ насъ осудитъ— за самоуправство и нарушеніе общественной тишины.

Говорю это, разумѣтся, примѣрно, ибо какой я гонитель? Говорю о принципѣ, о теоріи. Если установить принципъ, по которому всякій имѣетъ право гнать ко всѣмъ чертямъ своего ближняго, который почему либо ему не нравится, то что-же изъ этого выйдетъ? Русскимъ не нравятся нѣмцы — гнать! Нѣмцамъ не по сердцу русскіе — гнать! Аксакову не по здраву западъ — гнать! Западу не нравится востокъ — гнать! Шопенгауэру не нравится весь родъ людской — гнать! Фонъ-Гартману противна вся міровая система—гнать! Но куда вы прикажете гнать, и гдѣ вы возьмете столько дубья для этой всемірной взаимной потасовки, отъ которой и чертямъ станетъ тошно? И для того-ли Творецъ вселенной создалъ людскую породу, чтобы она самоубиיתהжалась въ братоубійственной войнѣ? И, наконецъ, что на это скажутъ кіевскіе прокуроры съ г-номъ Стрѣльниковымъ включительно? Причемъ въ такой катавасіи будетъ прокурорскій и всякій другой надзоръ? Умѣстны-ли и возможны-ли тогда будутъ оклады, чины, ордена и прочія вещественныя воздаянія за невещественныя заслуги? Подумалъ-ли объ этомъ г. Стрѣльниковъ? Видно, что не подумалъ,— вотъ почему я безконечно удивляюсь этому.

И еще вотъ что. Извѣстно, что нѣтъ худа безъ добра. Это такая-же аксіома, какъ вышеприведенный тезисъ, что палка о двухъ концахъ бываетъ. Такъ спрашиваю себя: гдѣ хорошая сторона въ моемъ разгромѣ? Не вижу этой стороны даже для моего разгромителя. Ибо на долго-ли ему хватитъ «перешедшаго» къ нему моего имущества? Въ одинъ присѣсть онъ просадитъ его въ кабакъ, — и опять голодай или, въ лучшемъ случаѣ, питайся матушкой-лебедой, по примѣру прежнихъ лѣтъ. Что-же онъ вы-

стиль. Стоило-ли изъ-за этого стулья ломать?.. Правда, онъ этимъ себѣ отвелъ душу, накупѣвшую до краевъ богъ знаетъ на кого, а меня проучилъ, т. е. научилъ многому, чего я прежде не зналъ или о чемъ я смутно догадывался. Теперь я, по крайней мѣрѣ, знаю уже доподлинно, гдѣ я, съ кѣмъ я, что я и причемъ я? Думалось мнѣ до сихъ поръ, что только *сѣрый* народъ немножко косо на меня поглядываетъ, потому—*народъ*, мужичье, чернь непросвѣщенная, незнающая, гдѣ у нея правая, а гдѣ лѣвая рука, да и буркалы-то у нея не на надлежащемъ мѣстѣ ввинчены, такъ что она смотреть и вичего невидить. Диво-ли, что ей, крѣпкой только заднимъ умомъ, задними глазами, можетъ казаться что я это ее раззоряю, а не болѣе сильныя силы, небесныя или земныя? Оказывается, что не одинъ сѣрый народъ, но и совсѣмъ *бѣлый* почему-то имѣетъ на меня зубъ, гнилой, испорченный, подточенный, но зубъ, ибо бѣлый народъ не только стоялъ издали, любясь великолѣпной перспективой моего разгромленія, но хлопалъ въ ладоши и кричалъ: любо! любо! любо!—дабы въ сѣромъ, несчастномъ, обезумѣвшемъ отъ нескончаемой страды народѣ не остывалъ пылъ къ «богоугодному» и «патріотическому» дѣлу. Нужды нѣтъ, что тутъ разрушалось, уничтожалось его-же русское, добро, которое прямо или посредственно кормитъ и его! «На мой вѣкъ хватить, — думалось ему при этой катастрофѣ, — а *argès moi — le deluge*». Въ этой-то тупоумной думѣ—и вся суть и вся пагуба его нравственного кодекса, гражданского чувства и много инаго прочаго, за которое онъ чувствительно оплачивается уже въ настоящемъ и еще чувствительнѣе заплатится въ будущемъ... Историческія или политическія ошибки имѣютъ то роковое свойство, что онѣ никогда не остаются безнаказанными, даже при смягчающихъ вину обстоятельствахъ. Подобно тому, какъ природа не знаетъ жалости, зная только законы, за преступленіе которыхъ она казнить послѣдовательно и неукоснительно,—принципы человѣческаго и гражданского общежитія, въ большинствѣ случаевъ столь-же непререкаемые, какъ законы природы, неуломымы къ нарушителямъ этихъ принциповъ, вольнымъ или не вольнымъ. Незнаніемъ этихъ принциповъ никто отговариваться не можетъ, такъ-какъ само незнаніе оныхъ есть уже преступленіе, влекущее за собою кару, болѣе или менѣе чувствительную.

думалось мнѣ дальсе, что для всего благополучія или, по крайней мѣрѣ, сноснаго существованія, мнѣ не достаетъ только правъ. Какъ только они мнѣ будутъ дарованы, я получу возможность сдѣлаться и человѣкомъ, и гражданиномъ. Оказывается, что и права наврядъ ли мнѣ помогутъ, наврядъ ли улучшатъ мое жалкое положеніе. Потому столичные *коммисіи* будутъ мнѣ даровать права, а провинціальныя *артели*—отнимать ихъ. Коммисіи будутъ писать на бумагѣ, а артели—на моей спицѣ. А что конкретныя приемы послѣднихъ дѣйствительнѣе и послѣдовательнѣе абстрактныхъ экспериментовъ первыхъ,—это я испыталъ на своей же шеурѣ и сомнѣваться мнѣ ужъ не приходится. Стало быть, погромъ кое-чему научилъ меня, и даже не кое-чему, а очень полезному, во всякомъ случаѣ вовсе не лишнему въ моемъ домашнемъ обиходѣ. И я, съ одной стороны, былъ бы готовъ смотрѣть на прибрѣтенныя мною новыя познанія, какъ на хорошее,—за неизмѣнимъ лучшаго,—въ обрушившейся на меня катастрофѣ. Но, съ другой стороны... что мнѣ, однакоже, дѣлать съ этими познаніями? Для меня, положимъ, они дороги, и не столько дороги, сколько неизбѣжны, но на рынкѣ они никакой цѣнности не имѣютъ, капитализировать ихъ не могу, хлѣба за нихъ никто мнѣ не дастъ, потому они никому не нужны. Какое же они, послѣ этого, добро? Почему же люди утверждаютъ, что нѣтъ худа безъ добра?

А тутъ еще его величество король Альфонсъ IX! Онъ, видите ли, зоветъ меня къ себѣ, въ Испанію. Кажется, чего лучше? Суворинъ и К^о гонятъ меня отъ себя, какъ заразу, а гранды открываютъ предо мною свои двери, какъ передъ нѣкоей благодатью. Да и перспектива-то какая! Испанія, шутка ли?

Ночной зефиръ;
Струить эфиръ
Шумигъ гудить,
Гвадалquivиръ.

Лимоны вмѣсто картофеля, померанцы вмѣсто рѣпы, мирты вмѣсто березы, малага и мадера вмѣсто кваса и сивухи, качуча съ кастангетами вмѣсто трепака въ подкованныхъ сапогахъ, донъ Алонзо вмѣсто донна Прохора, донна Эльвира вмѣсто донны Мат-

ренъ... Оно-то, положимъ, относительно тѣлесъ послѣднѣе не въ примѣръ авантюризмѣ первой, но... знаете, мнѣ больша по вкусу эфирная subtilность, ручки, а не лапы, потому, что ѿ Божьей милостью, поэтъ. Да, поэтъ. Я хоть и шинкаръ, и ростовщикъ, и факторъ, а поэтическая жилка во мнѣ есть. Никакіе метры не могли выжечь, никакія нагайки не могли вышибить въ меня этой жилки и я по временамъ пою такіа чудесныя пѣсни, что самыя культурныя народы невольно вторять имъ и переищмають ихъ у меня, а потомъ неблагодарно воображаютъ себѣ и даже положительно утверждаютъ, что пѣсни эти—плоды ихъ вдохновенія, а не моего, потому—какое можетъ быть вдохновеніе у шинкара, ростовщика или фактора? А того они не соображаютъ, что меня, можетъ быть, хватило бы на что нибудь лучше; но до чего нибудь лучшаго они меня не допускають, дорогу преграждаютъ, дубьемъ отгоняють... Но это между прочимъ. Я хотѣлъ только сказать, что съ открытіемъ для меня Испаніи, для меня, по видимому, открылась бы великолѣпная перспектива. за которую я, кажется, долженъ былъ бы благословлять свою судьбу.

Но, съ другой стороны, меня беретъ раздумье,—на что я вдругъ понадобился королю Альфонсу? Чего онъ отъ меня хочетъ и ожидаетъ? Что я долженъ для него дѣлать и какая награда ожидаетъ меня за трудъ мой? Вѣдь мы съ нимъ старые знакомыя, и его Испанія для меня—совсѣмъ не terra incognita, а память у меня хороша: я не забылъ, чѣмъ онъ отплатилъ мнѣ *давеча* за мою ему службу вѣрную и полезную. Онъ теперь, можетъ быть, совершенно другихъ мыслей, сознаетъ свою колоссальную ошибку и вопіющую несправедливость, кается за прошлое и хочетъ исправить содѣянное имъ съ дуру, но... вѣдь пуганая ворона и куста боится. А что, если онъ зоветъ меня къ себѣ съ какою нибудь заднею мыслью, съ какимъ нибудь подвохомъ?...

Вотъ, если бы меня звалъ къ себѣ, въ свою Испанію на 14-ой верстѣ, король Фердинандъ VII, alias титулярный совѣтникъ Поприщинъ, то я ни въ чемъ не сомнѣвался бы. Я бы такъ и зналъ, что онъ зоветъ меня для того, чтобы пособить ему продолжать его «Записки», остановившіяся на шинкѣ подъ носомъ у Алжирскаго бей. И, говорю прямо, въ этой работѣ я бы могъ оказать ему не шуточную услугу. А именно: руководя его перомъ и дѣйствуй незамѣтно, но послѣдовательно, на его умъ, мнѣ, можетъ

кого расчета гнаться за фердинандствомъ, такъ какъ для благополучнаго россиянина всего почетнѣе и прибыльнѣе—быть «патріотомъ своего отечества». Да и нѣтъ ничего легче сдѣлаться онымъ. Стоитъ только быть *честнымъ* въ смыслѣ не быть воромъ, *откровеннымъ* до цинизма, *свободнымъ* отъ логики и стыда и *искреннимъ* до младенческой невмѣняемости, все же прочее само собою приложится. Развѣ это трудно? Стоитъ только усвоить себѣ, въ большей или меньшей мѣрѣ, исчисленныя качества,—и патріотъ готовъ со всѣми благополучіями, сему званію въ наше время присвоенными. Въ благодарность же за мой добрый совѣтъ, его испанствующее величество титулярный совѣтникъ Фердинандъ VII, нѣтъ-нѣтъ, а все-таки въ какой нибудь день мартабря, возьметъ да и допустить, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, возможность, безъ опасности для государства, чтобы я торговалъ старымъ платьемъ и виѣ «черты осѣдлости»,—право, сберегаемое для меня до того баснословнаго времени, когда я, не въ примѣръ другимъ смертнымъ, сдѣлаюсь безплотнымъ и безгрѣшнымъ ангеломъ, такъ-таки ангеломъ, ни больше, ни меньше. Словомъ, съ Фердинандомъ VII могу имѣть хоть кой-какіе шансы, а съ Альфонсомъ IX что? Какъ звать, что у него на умѣ, какіе у него на меня виды? Какъ я долженъ понимать его ангажементъ и что сей послѣдній принесетъ мнѣ въ будущемъ? Я, положимъ, исполню, по своему крайнему разумѣнію, все, что отъ меня требуютъ: расшевелю, оживлю, поставлю на ноги его полумертвую и полуживую Испанію, которою теперь интересуются только ученики первыхъ трехъ классовъ, какъ «предметомъ» географіи. Ну, а потомъ что? Опять фюить! по предложенію какого нибудь Ивана Сергѣевича или Алексѣя Сергѣевича Торквемадо? Но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ мнѣ еще плыть въ Испанію. Развѣ Сергѣевичи мнѣ въ диковину, что ли? Вотъ тутъ-то и теряюсь, не зная, что дѣлать, какъ быть? Приобрѣсть ли «Русско-еврейскій словарь» Штейнберга для вящаго усвоенія себѣ языка *отечественнаго*, т. е. языка, на которомъ говорятъ практическіе разрѣшители моего вопроса, или купить «Самоновѣйшій самоучитель испанскаго языка», на которомъ говорятъ члены кортесовъ? Изучать же на всякій случай эти оба языка параллельно—будетъ уже излишнею роскошью. Да и есть ли мнѣ надобность въ изученіи какого бы то ни было языка,

вполнѣ мнѣ понятной мимикей? Вотъ о чемъ я опять недоумѣваю и, вѣроятно, еще долго недоумѣвать буду. Кто разрѣшилъ бы мнѣ мои недоумѣнія, тому я, не шутя, сказалъ бы искреннее спасибо, да онъ, кромѣ того, могъ бы поздравить себя съ высокогуманнымъ поступкомъ.

И.

Содержаніе 5-й книги „Восходъ“.

I. ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО КЪ НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ ПИРОГОВУ. Редакція	1
II. МОШКО ПАРМСКІЙ. Исторія еврейскаго солдата. Разсказъ К. Э. Францоа. Переводъ Петра Вейнберга.	1
III. ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНИИ. Чрезвычайная ревизія колоній и отчетности объ нихъ и ея результаты. II.	37
IV. ШЕЙЛОКЪ ВЪ ЛЕГЕНДѢ, ВЪ ДРАМѢ И ВЪ ИСТОРИИ. Г. Гретца.	71
V. САПОЖНИКЪ. Очеркъ. А. Чудиовскаго	104
VI. СВѢТЛЫЯ ТОЧКИ ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ МРАКѢ. Д-ра М. Кайзерлинга	123
VII. ИСТОРИЧЕСКІЕ ДОКУМЕНТЫ. Проектъ обустройства евреевъ, поданный въ 1856 г. гродненскимъ губернскимъ стряпчимъ І. К. Козаковскимъ. Сообщилъ В. Н.	131
VIII. БАРУХЪ СПИНОЗА. В. Корша	140

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

IX. НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ПИРОГОВЪ И ЕГО ОТНОШЕНІЕ КЪ ЕВРЕЙСКОМУ ВОПРОСУ. (По поводу его пятидесятилѣтняго юбилея). М. Моргулиса.	1
X. ПИСЬМА ИЗЪ ЛОНДОНА. Г.	14
XI. ПИСЬМА ИЗЪ ГЕРМАНИИ. Ад. Цед-ма	33
XII. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ. I. Руководство къ преподаванію исторіи еврейскаго народа отъ самыхъ древнихъ до новѣйшаго времени, съ краткимъ очеркомъ географіи Палестины, сочиненіе М. Элькана, перевелъ съ нѣмецкаго и дополнилъ краткимъ историческимъ очеркомъ о евреяхъ въ Польшѣ, Литвѣ и Россіи—З. Миноръ (Москва. 1881.)— II. Основы Моисеева закона, руководство къ законоученію	

„Лють-сифруть“ Размышление объ еврейской литературѣ, г. Шершевскаго (Вильна, 1881).— „Глуй-эйнаимъ“, Взглядъ на духовное состояніе евреевъ Ш. І. Зильберштейна (Варшава, 1881). Меваккера

XIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Ни о чемъ другомъ, кромѣ пресловутыхъ беспорядковъ.—Что особенно въ нихъ возмущаетъ.—Толпа и интеллегенція, увлеченіе и расчетъ, бушующая ярость и мелкая гадливость.—Подготовители и поощрители.—Что ожидается отъ военнаго суда въ принципѣ и что онъ иногда предоставляетъ на практикѣ.— Не въ шѣру усердствующій прокуроръ, занимающійся перетасовкою ролей, ставящій потерпѣвшихъ на мѣсто подсудимыхъ и сочиняющій для послѣднихъ политико-экономическое alibi.— Г. Стрѣльниковъ, превосходящій всякія фантастическія ожиданія.—Полемиическія красоты противъ потерпѣвшихъ въ обвинительной рѣчи противъ подсудимыхъ и трибуна военнаго суда, какъ мѣсто для политической пропаганды.—Впечатлѣнія, мораль и возможные послѣдствія образа дѣйствій г. военнаго прокурора.—Генералъ Стрѣльниковъ и елисаветградскій приставъ г. Чернявскій.— Въ чемъ особенно обнаружилась энергія кievской администраціи и кievскаго городского представительства.—Ихъ заботливость объ облегченіи участи пострадавшихъ.—Участіе въ этомъ дѣлѣ другихъ русскихъ городовъ и сферъ официальныхъ и общественныхъ.—Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ.—Молитва. А. Я.

XIV. Объявленія.

